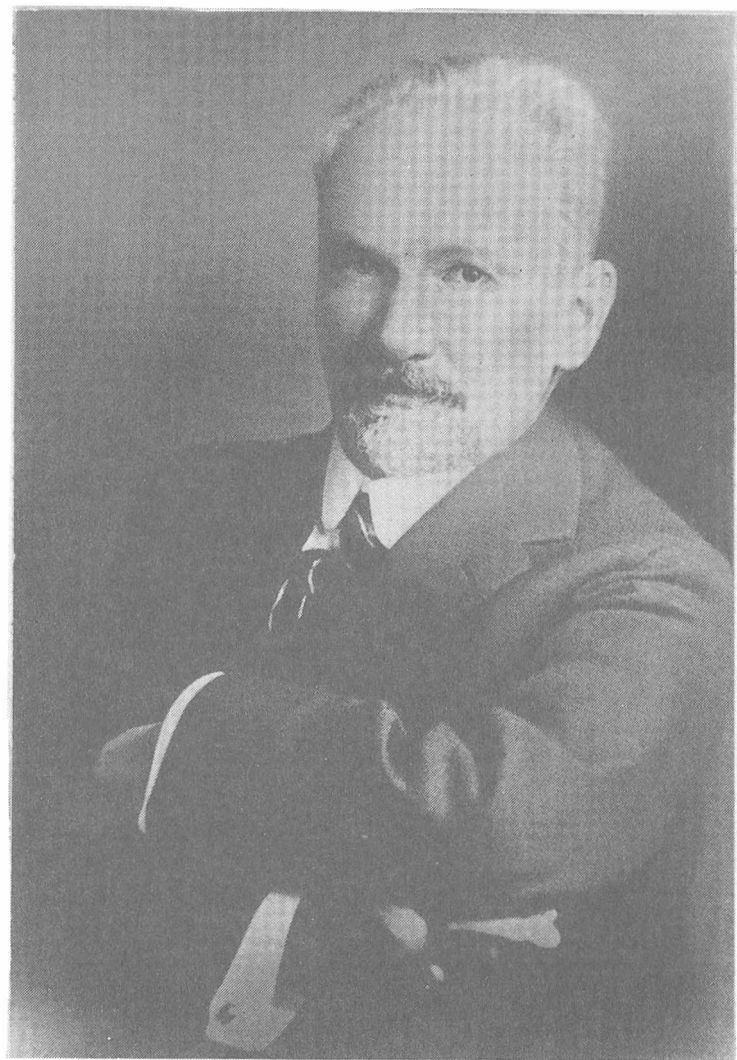

В. В. РОЗАНОВ

В.В. РОЗАНОВ

ТОМ

2

УЕДИНЕННОЕ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1990

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

СЕРИИ «ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ»

В. С. Степин (председатель), С. С. Аверинцев, Г. А. Ашуров,
А. И. Володин, В. А. Лекторский, Д. С. Лихачев,
Н. В. Мотрошилова, Б. В. Раушенбах, Ю. П. Сенокосов,
И. Т. Фролов, Н. З. Чавчавадзе, В. И. Шинкарук,
А. А. Яковлев

*Составление, подготовка текста
и примечания*
Е. В. БАРАБАНОВА

На фронтисписе: В. В. Розанов
1910-е годы

Р 0301000000 — Без объявл. Без объявл. — 90. Подписное
080(02)—90

ЛЮДИ ЛУННОГО СВЕТА

Метафизика христианства

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
ЛУННЫЙ СВЕТ	
«БОРОДАТЫЕ ВЕНЕРЫ» ДРЕВНОСТИ	10
ПОДВИЖНИКИ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА	15
ТРЕТИЙ ПОЛ	
ПОЛ КАК ПРОГРЕССИЯ НИСХОДЯЩИХ И ВОСХО- ДЯЩИХ ВЕЛИЧИН	26
Сотворение «лица»	
Вибрирования пола	
Типичное в самце и типичное в самке	
Где и какая «душа» у человека	
Наибольшее половое притяжение	
«Вечная женственность»	
«Sainte prostituée» Египта	
Линия безразличия в поле	
Мужское в женском	
Женское в мужском	
Муже-девы и человеческая культура	
Духовные «содружества»	
Праведность «блаженных»	
Абсолютный половой покой	
Бессеменность и «духовное рождение»	
КОЛЕБЛЮЩИЕСЯ НАПРЯЖЕНИЯ В ПОЛЕ	47
<i>От наибольшего к наименьшему</i>	47
Корневая близость религиозного и полового	
Родник идеи «конца мира»	
Не «конец», а вечное обновление	
«Благословенное» рождение	
Организм есть и физика и метафизика	
<i>Умеренные степени полового влечения</i>	57
Важность полового сдержанности	
Половой расцвет	
Бесконечность утробной жизни	
Рост прямой или линейный	
Рост боковой или размножение	
Божеский план размножения	
Разрушение плана размножения	
Совокупление у нас и на Востоке	
Повторение родительского акта	

О «чертоге брачном»
 «Суббота» и утренние «тамиды»
 «Субботний» возраст юных
 «Многоженство» и «священные блудницы»

Линия безразличия в поле 68

Разрушение домоводственности и хозяйственности
 Брак как только душевная дружба
 Дево-образные мужья
 Дева в мужчине
 Вечное отрочество

Самоотрицание пола; духовная содомия и аскетизм 73

Муже-девы и их учение 75

Прослойки содомии у Л. Толстого
 Прослойки содомии у Влад. Соловьева
 Учение содомлян о супружестве
 Содом рождает идею, что соитие есть «грех»

*Передвижение пола из положительных в отрицатель-
 ные тяготения* 108

Самоотрицание пола; вечное отрочество
 Колебания пола в индивидууме и в человечестве
 Случай перерождения юноши в девушку
 Случай перерождения женщины в мужчину
 Вечное девство in natura regum; само-оскопление
 О преподобном Моисее Угрине
 Бессупружное супружество
 Мировая бессеменность некоторых живых
 Перемена типа истории
 Царство бессеменных святых

ПРИЛОЖЕНИЯ ДЛЯ МЕДИКОВ И ЮРИСТОВ 143

Еще случаи лунной аномалии
 Невольность и невинность людей лунного света
 Совокупление как прививка (в растениях)
 Оплодотворение бывает и без органов
 Возможное без органа — оно ищется и при оши-
 бочном органе. Содомия
 Ученая девушка-урнинг
 «Все в Церкви сотворено монахами»
 Заповедное девство
 Поправки и дополнения Анонима

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дрожа от страха, семилетком, «у нас на кухне», в Костроме, я слушал, как говорил дед:

— Старые люди говорят, что кто Божественное Писание все до конца поймет, тот ума лишится!

И брезжилось что-то страшное. Какой-то запрет, зарок. «Ведь кто сошел с ума, тот уже *никому не расскажет*, что же он *понял*», допытывался я в своем уме. «Боже мой, Боже мой! *кто* же это постиг? и *отчего* же этого постигнуть нельзя?»... «Хоть бы одним глазком заглянуть — и потом умереть».

С вытянутыми губами, с лицом, сжатым в одно страдание, с глазами, полными слез — стояла перед Чудотворным образом Богородицы прекрасная женщина, не молодая, но и не старая... Она была в пальто, в шапке (зима), и видно было, что все это ей тяжело, но на эту минуту она вся поднялась, как бы стараясь достать глазами до глаз Иконы, войти лицом своим в Ее Лицо...

Полное, большое, приветное Лицо — спокойное-спокойное и величавое-величавое — глядело на нее сверху...

Слов не было. Ничего не было.

«Помоги, Владычица-Богородица!» — шептал голос возле...

Но не больной: больная вся слилась в безграничное хотение, безграничную мольбу — в надежду, сильнее которой нет... и плакала, плакала.

Но народ ждал: надо было кончать. Бледной худой рукой больная взяла другую руку — она висела, как не живая, — и поднесла ее к пунцовой ленте... Но ей хотелось обернуть больную руку в ленту, а она могла только дотронуться: возьмет ленту, чтобы обернуть, и рука па-

дает,— и тогда лента вовсе не достает до руки. Быстро я взял руку и поднял: с живостью она здоровой рукой обернула ее лентой... И смотря на свою руку, парализованную, рыдала, рыдала.

«Нужно же уходить, народ ждет».

Неуклюже, опираясь на палку, больная стала повертываться...

Сейчас на ее место встал другой. Люди текли, текли...

Твердый, прекрасный русский голос (с провинциальным оттенком), читая, произносил:

«...Не имамы иные помощи, Владычица наша! Иного заступления не имамы!..»

И так твердо, как тысяча лет сзади...

Больная подошла к ступеньке солей *: надо было сделать шаг вниз, и этого она не могла...

«И не надо, не надо иной помощи! Ничего не надо! Самой медицины не надо: что́ целить тело — *надо душу исцелить*».

Боже: да ведь эти толпы, здесь, везде, их тысячи, миллионы... они непременно *помешались бы* от страха, безнадежности, от несчастья, от *действительного горя и действительной боли*, если бы им не добрести вот сюда... И если бы они не знали, что *есть место, куда — добредут, и — Бог услышит*. Если бы вдруг перед ними... закрылось все!!!

Какой ужас!!!

Тьма, ночь и отчаяние.

И да сияют Образа эти вечно. Ибо уже лучше пусть померкнет *ум*, нежели чтобы погасла *жизнь*.

И если даже мы *всё* «поймем», то самое это «понимание» бросим в огонь.

Так вот для чего Бог сделал, чтобы «нельзя было понять»; или чтобы «всякий понявший сходил с ума», и уже тогда не мог ничего рассказать,— как шептал старый дед-приживальщик...

В. Р.

СПб., 16 апреля 1911 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО 2-му ИЗДАНИЮ

Второе издание печатается без перемен в тексте книги. Но в конце ее привожу несколько иллюстрирующих рассказов о себе лиц «лунного света», с каковыми (рассказами) мне пришлось ознакомиться после напечатания книги.

СПб., 10 сентября 1910 г.

В. Р.

ЛУННЫЙ СВЕТ

«БОРОДАТЫЕ ВЕНЕРЫ» ДРЕВНОСТИ

...«Кедеша Молоха и Астарта обязывались к жертвам иного рода. Бог разрушения и *враг жизни* умилился *самоистязаниями* и *требовал уничтожения той силы*, которая служила к продолжению существования на земле человеческого рода,— половой силы. Известны были *огненные очищения*¹, или *прохождения через*

¹ «Они (раскольники XVII века) все расспрашивали о *гаре*, ужасно интересовались *гарью*, прислушиваясь, не *горят* ли где люди, сколько, когда и пр.,— говорит проф. Сикорский * в исследовании о самозакопавшихся Терновских старообрядцах (см. книгу «Темный Лик», и в ней главу «Русские могилы»). В этих расспросах уже чувствуется любящая страсть: «И *страшно*, а как *хорошо!*», «У, как *боюсь*, а *испробовать бы*». Тут влечет, тянет. Что? Какой ужас! Мне приходилось читать в медицинских книгах, что некоторые женщины любят *оперироваться* (о *мужчинах* этого известия нет). «Женщины особенно *религиозны*, женщины дали *все религиозное на земле*»,— как-то обмолвилась в разговоре со мною грустная Л. И. Веселитская (Микулич) **. И об «операциях», и о «религиозности» можно сопоставить. Есть какая-то религия грусти, есть какая-то религия ужаса и грусти, «далекая от земли», «*caelestis*» ***... Тут какой-то другой корень, совсем иной, чем на каком держатся цветы, плоды, радость мира. Другой и *сильный*, другой и *необоримый*. В «Молохе-Астарте» древние и схватили, и уловили этот другой корень, и в трепете поклонились и ему. «Ваалу — соития, деторождение! Молоху — смерть, самосожжение, *гарь* (у русских), могила!». Я хочу, однако, обратить внимание на то, что ощущение Молоха! (и Астарта) не присуще *сплошь человеческому роду*, а некоторым как бы *вкрапленным* в человеческую породу *частицам*, индивидуумам, душам, которые *врожденно неспособны к браку и никогда не будут иметь детей*, хотя и имеют детородную систему внешне правильно выраженную. Это — те, которые не осквернились с женами: ибо они — *девственники*, и которые «последуют за Агнцем всюду, куда он ни пойдет» (Апокалипсис). Чтобы знать, за каким «Агнцем» последуют девственники, нужно раскрыть громадный (12 фолиантов) атлас научного путешествия Лепсиуса в Египет **** и обратить внимание на *сфинксы-бараны* (овны, «агнцы»), какие рядами стояли при входе в египетские храмы: форма *головы* их несколько удлинена и отступает от натуры настолько, что дает почувствовать желание сказать ее фигурой о чем-то другом. С другой стороны, перелистав *весь* атлас, мы встретим «это другое», изваяя которое художник-жрец отступил

огонь, в честь Молоха; жрецы его резали себе тело и бичевали себя. Еще более *распространено было скопчество*. Кедеши, т. е. «святые», «священники» Молоха и Астарты, были кастрировавшие себя так называемые gal-li *. Сцены этого обряда, сопровождавшиеся неистовством, поразительны. Греческие писатели передают, что среди раздирающих (печальных? грустных? — В. Р.) звуков музыки и пения они резали себе руки и бичевали себя; а юноша, которому приходила очередь оскотиться, срывал с себя одежды¹ и, что-то неистово выкрикивая², хватал нож и отсекал свой детородный член. Вслед затем он бежал по улицам города, держа в руке отрубленный детородный уд, и, войдя в первый попавшийся дом, — потрясая, показывал его найденной там женщине и бросал к ее ногам³ (Movers. «Ueber d. Relig. d. Phoe-

от натурального его вида и сблизил с головою барана, особенно через посредство спускающихся вниз и закругляющихся рогов. Хотя, впрочем, и рога отвечают некоторой линии в натуре вещи («этой другой вещи»). На все эти сближения я не имел бы права, если бы наблюдения новых биологов не показали, что абсолютные, врожденные девственники, иногда уничтожающие у себя детородные органы, или сводящие их к «нет», посредством бандажей особого рода — у других... «во всем последуют Агнцу», как об этом рассказал — по собственным словам «в пирамидах», т. е. поэтически и патетически, — Платон в «Федре». — «И не опасайся (такой «девственник») показаться безумным — он зажигал бы (перед отроком-любимцем) лампы» (религия, обожествление заживо, на земле еще). Все это неясно в отрывках, но становится совершенно ясно, если годы продумать над темой, и много читать о ней. Египет и его бараны-сфинксы были еще натуральной очевидностью в эпоху написания Апокалипсиса. Заметим также, что египетские божества, культ и изображения (см. монеты) были распространены во всей Малой Азии и в Сирии, где был написан «Апокалипсис». В. Р.-в.

¹ Вероятно — блестящие, «мирские», веселые, нарядные. И вообще все это весьма похоже на наш постриг в монашество, но лишь выражено жестко и решительно, «до конца», как это соответствует наивной и откровенной тогдашней культуре. В. Р.-в.

² Вероятно — подобное нашим «обетам отречения»: что он «никогда не взглянет на женщину, не соблазнится женщиною», и, может быть, что «отныне, сверх целомудрия, будет хранить и смирение, послушание» и проч. и проч. *Зерно* дерева, конечно, не похоже на дерево, но оба — одно: как бесспорно имеет что-то одно в себе эта история с «галлами» у древних и у нас пострижение в вечное девство... Хотят одного («не оскверниться с женами»), значит — одно! В. Р.-в.

³ С презрением, как бы сделали теперешние (неискренние и непоследовательные монахи), будь они физически верны духовному обету. «Вот — это твои (женщины), мне его — не надо! Возьми свое добро и наслаждайся им: а я — другой! святой!» («кедеш», «священник»; как у нас «монах» всегда кажется «святым» сравнительно с семейным священником. «Самый худой монах все же лучше самого добродетельного священника» — аксиома монастырей). В. Р.-в.

niz». S. 684—685) *. Женщины в честь Небесной Девы, Астарты,— также обрекали себя на всегдашнее безбрачие¹. В связи с такого рода посвящением² мужчин и женщин на служение Молоху и Астарте, и сопровождавшими его обрядами, находился преследуемый Моисеем³ обычай, по которому *мужчины одевались в платье женщин, и — наоборот*⁴. Юноши как бы обращались в девушки, после посвящения их божеству, т. е. после того, как они лишались детородных органов. Быть может, в этом отчасти выражалась и мысль о том, что божество есть

¹ Совершенная аналогия посвящению у нас в монашестве обоих полов! «Аналогия» потому, что здесь и там это *религиозно*, там и здесь это — *культ*, религиозный обряд, религиозная церемония, «церковное торжество» (как у нас всякое «пострижение»). Торжество чего? Ясно видно, вслух сказано (у нас — с оговорками, ибо, уже по Нестору, «греки издревле *льстивы* суть», т. е. уклончивы, неправдивы, не прямые, любят ласковые слова, облекая в них жесткую или ужасную действительность). Это — «торжество», т. е. достигнутая цель, давнишняя мечта «не имеет ничего общего с женщинами», не касаться их, не скверниться с ними... «Гадко! мерзость!» — вот суть Федра-Платона, древнего «галла» и нашего монаха. Это *неодолимое физиологическое (и психическое) отвращение* и есть *primum* всего дела, тот *στούρειον*, элемент, атом — из какового и выросло все «дерево» тогдашнего и последующего аскетизма. В. Р-в.

² Вот «посвящение» а не факт; религия, а не история. Не «нравы диких», как, вероятно, уже изготовились сказать попики. В. Р-в.

³ Религия плодородия, только плодородия,— у Моисея, у евреев, у Израиля. Историки не догадываются и законоучители не стараются объяснить в классе «на уроках Закона Божия» (= закона чадородия), что уклонения древних евреев в сторону поклонения Молоху и Астарте были постоянные попытки вторгнуться к ним *монашеству*, *дественному духу*, безбрачию; на что Израиль и пророки, увлекая и царей, говорили: «Нет!» У нас на уроках Закона Божия все это представлено так, что «пророки» и «благочестивые цари» Израиля были чуть не монахами, все постились и все молились, по примеру Филарета Московского или в предтечу» Филарета Московского **; а «гнусный культ Молоха» отвлекал их от этого ветхозаветного еще монашества в сторону «осквернения с женами»... Забывают законоучители, что святому Давиду, до того старому, что он ничем не мог согреться, якобы «монашествующие» священники Иеговы подложили двух молоденьких девушек! *** То-то католики не велят мирянам *самим* читать Библию, а наши озабочены изданием «учебной Библии», с пропуском таких и аналогичных мест! Но неизвестно, где «дух святыи», в Библии или в семинариях и духовной цензуре. Последние еще никого не «спасли», а Библия выучила молиться весь род человеческий. В. Р-в.

⁴ Т. е. не то, что мужчина наденет платье, которое сняла с себя женщина, и обратно; а мужчины одевались в *женские, женоподобные* платья, в платье *женского покроя* (теперешние наши *духовные одежды*); а женщины-«кедешы» одевали платье мужского покроя. Здесь и выступает (у мужчин-кедешей) «Агнец, за которым вы будете всюду следовать»... Но не будем предупреждать биологических наблюдений. В. Р-в.

нечто безразличное по отношению к полам¹. На это указывает свидетельство древних: согласно им, богиня Венера представлялась иногда андро-гинном (ανρη + γυνη) и называлась и «Марсом», и «Венерою». Особенно в мистериях признавалась она *utriusque sexus*². Ее называли поэтому «Deus Venus», как и сирийскую богиню Луны «Deus Lunus» и «Dea Luna». На острове Кипр была даже «бородатая Венера», «Venus barbatus». Молох превращался в Мелитту и наоборот. Вот почему мужчины перед Венерой приносили жертву в одежде женщин, а женщины перед Марсом в мужской одежде³. «Invenies in libro magico praesepe, — говорит Маймонид* о религии сирийцев, *ut vestimentum muliebre induat vir, quando stat coram stella Veneris, similiter et mulier induat loricam, quando stat coram stella Martis*»** (Архимандрит Хрисанф: «Религии древнего мира», т. III, стр. 302—303).

* * *

«В Сидоне, столице Финикии, Астарта — или «Великая Астарта», как здесь называли ее, — была верховным божеством и покровительницей города. Самые свойства этой финикийской богини, по общему значению сходной с Ваалит и Ашерой, были, в существе, совершенно от-

¹ Тупая мысль автора книги. Впрочем, естественная: проводить свою «духовность», что «Бог есть дух» и что все «религиозное» есть только *духовное*, бесплотное, (якобы) бесполое. О том, что самый *дух* имеет пол, и духовные явления и таланты явно распадаются на мужественные и женственные, на мужские и женские — этого ему, конечно, не приходит на ум. В. Р-в.

² Обоюдо-полою, дву-полою: так неужели же обладание в одном «я» обоими полами, такая «через край» — *пóлость*, есть то же, что *вне-полость*, *без-полость*, сухое дерево или «чистая духовность». До чего духовные не понимают даже *грамоты* тех предметов, о которых пишут; и все, между тем, стараются «изъяснять». В. Р-в.

³ Характерно... Мужчины, подходя к *женскому божеству*, не осмеливаются быть одетыми в свое мужское одеяние, к которому, очевидно, богиня питает отвращение, а должны переодеться в женшину, в каковом виде «пилигрим» уже допускается богинею перед свое лицо... Но пусть (духовные объяснят) богиня-Дева не хочет, застенчива быть увиденною мужчинами, отвращается увидеть мужчин. Но тогда зачем же женщины перед *stella Martis* являются мужчинами? Марс и вообще «мужской пол» уже не пренебрегают женщинами и не избегают их встреч. Неправдоподобное в Марсе, — очевидно, это и в Венере неверно. Дева-богиня, *stella Venus*, «Небесная Дева» говорит: «я *хочу* только *женщин*, мужской род мне ненавистен»; муж-Марс, «Небесный (*stella*) Марс» говорит: «мне угодны только *мужчины*, юбок и корсетов я не выношу». Все это глубоко связано с оскотлением («галлы»); и вообще *поклонение* объясняет культ и, в свою очередь, разъясняет себя и свою *метафизику* в культе. В. Р-в.

личны. Эта *αστροαρχη* — как по-своему переводили ее имя греки была Девственница, *Virgo Caelestis* — в противоположность Ашере. Характер ее — *суровый и мрачный*, а культ требовал воздержания и самоистязаний и соединялся обыкновенно с культом Молоха. Ее поклонники обязывались к целомудрию и должны были приносить ей в жертву свою страсть и свои чувственные пожелания¹. Санхониатон* и ее, как Ваалит и Истар, называет «звездой Венеры», но большинство греческих писателей признают ее богинею Луны². Нет сомнения,

¹ Если бы не обычный «двоящийся язык» духовных авторов, как было бы все ясно, каким светом залилась бы Библия. «Служительницы Астарты были монахини», «нечестивые цари Израиля и царицы, как Иезавель, наполнили дворец своей монахами и монахинями», каковых стоятель Божий «порубил при потоке Кедронском», когда они взывали к глухому богу о дожде, как и теперь он таких же не очень слушает «о дождичке»... И все было бы ясно! О, как все ясно! Из Финикии, из Сирии, уже задолго до христианства возникшее там монашество, «galli», силилось прорваться к храму Иеговы, с золотую виноградную гроздью в нем, где все было плодородие и плодородие, чадородие и чадородие! Но не удалось тогда; пока «камня на камне не осталось от храма» Иеговы, и вот тогда все «удалось»... Меланхолические звуки полились в истории, а темные монашеские тени забегали во всех храмах, от Рима до Вологды, от Иерусалима до Аранжуэца. В. Р-в.

² Мифологам и историкам давно бы пора оставить такие ничего не значащие выражения, как «богиня Луны», «божество солнца» и пр. Это как бы об Иверской Божией Матери кто сказал «божество дерева» или «известное божество городских врат Китай-города» (в Москве). Разумеется, в древности говорилось о божестве лунных свойств, о божестве лунного характера, вот этого не рождающего и светящего, грустного, манящего, нежного, влюбляющего в себя и как бы ласкающего влюбленных, но именно только влюбленных — до сближения. Все женихи и невесты почему-то «смотрят на луну», чего и на ум не приходит супругам, даже самым любящим, очень любящим. Совсем другой колорит любви! Супруги любят солнышко. Почему? Кто разгадал? Луна запрещает «очень любиться», вот «сближаться»; «грозит с неба пальчиком». — «Полубуйтесь, пометайте, но — и довольно». Это — монашеская любовь, прогулки по полю влюбленных монахинь, грустных, молчаливых, не знающих, что делать со своею любовью, не нашедших тогда еще «предмета»... Это — несчастная или преступная любовь, не нормальная, ничем не кончающаяся, которой положены роковые пределы. Мечтательное начало с тем вместе есть и жестокое: ведь *сантиментализм* Руссо родил *фурий террора*, как был *сантиментален* и *Робеспьер*... В мечтах рождается идеал; а идеал всегда бывает и особенно ощущает себя оскорбленным действительностью. Идеал и «луна» не знают компромиссов... Луна и ночь — *уединенны*: опять — это *монашеский зов*! Все это совершенно обратно горячему солнышку (Ваал и Ашера), ясному, пекущему, выгоняющему из земли траву, выгоняющему из стволов древесных сладкую камедь (сок), от которого цветы расцветают, пестики цветов опыляются, а тычинки и околоплодник цветов

что Астарта представляет собою женскую половину Молоха, как Ашера — Ваала. Первоначально, конечно, она была то же, что и Ваалит и Ашера; но впоследствии, параллельно Молоху, который присоединился к Ваалу, в сидонской Астарте воплотилась *сторона этого Молоха — элемент, враждебной жизни* и ее развитию. По крайней мере, тип этой вечной *Небесной Девы, суровой, услаждавшейся кровавыми жертвами, ближе всего подходит к типу Молоха...* По всей вероятности, за нею оставалось значение не планеты Венеры, как за Ашерою, а Луны»... (Там же, стр. 284—285).

ПОДВИЖНИКИ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА *

«Иночество глубоко коренится в духе и сущности христианства, и чтобы убедиться в этом — стоит только раскрыть правдивые сказания лет древних. Там мы увидим, что оно появилось вместе с проповедью Евангелия, что с самого начала христианства души, наиболее верные Евангелию, избирали путь отречения от мира и мирских привязанностей. *«Преподобные»* явились на земле в лице тех, кто всеми силами души стремился *уподобиться* Сладчайшему Иисусу.

Вот почему еще в Ветхом Завете встречаются следы монашества. Таковы были Назореи¹, посвящавшие себя

наполняются нектаром. И, наконец, все зреет к августу, когда тяжелые гроздья, яблоки, всякие плоды склоняют почти до земли ветки дерев. Солнце — супружество (совокупление), солнце — факт, действительность. Луна — вечное «обещание», греза, томление, ожидание, надежда: что-то совершенно *противоположное действительному*, и — очень *спиритуалистическое*. В. Р-в.

¹ Через всю богословскую и «святоотческую» письменность и литературу проходит желание, притом искреннее и наивное, основанное на невежестве, связывать «наши пожелания» и «нашу уверенность» с ветхозаветными примерами, как *прецедентами*. Так и здесь. «Назореи суть ветхозаветные монахи» — это вам ткнут в споре и малочисленные миряне, и многоученные богословы-академисты. На вопрос «почему» ответят: «Как же, в дни назорейства своего они *воздерживались* от сикера и вина». — «Ну?» — «Воздержание есть *пост*, а постничество есть суть монастыря: следовательно, назореи были то же, что теперешние монахи. Воздержанники, постники»... Между тем стоило бы не только глазами читать буквы Ветхого Завета, но и душою вникнуть в его музыку, чтобы понять, что «назореи» были «святые», «угождающие» Богу, но именно в духе плодородного Ветхого Завета: т. е. они были *противоположностью* монашества! С чего начиналось назорейство? Великий этот закон учредил Моисей, имевший двух жен (Сенфору и Эфиоплянку) и, уже конечно, о монаше-

Богу по особенному обету, на время или на всю жизнь. Таковы были Илия, Елисей, и ученики пророческие, со-

стве не помышлявший. Он ввел или, точнее, *разлил в народе* обычай, обыкновение, которое привилось со страстною горячностью, как, впрочем, естественно должно сладко привиться все, что помогает чадородию и увеличивает его, — увеличивает не в моментах разрешения от бремени, беременности, а в зачинающем его моменте, поднимая его энергию. Назорейство было обыкновением, но не обязательным, не всеобщим и пассивным, а поставленным под закон внутренней у всякого прихоти, фантазии, поэмы. «Есть охотка, становись назореем». Уж это должно бы обратить на себя внимание наших богословов и заставить их опросить себя: «Для чего оно?» «Хорошее дело» — это «назорейство» — ну, пусть бы исполняли *все*. Ведь оно длилось недолго, вот как наши посты, и под силу было бы и народу. Но Моисей сказал: «Пусть по фантазии». В чем же тут дело? Да в чем суть назорейства? К этому можно подойти, всмотревшись в обряд его. Вот я хочу быть назореем. «Тогда, — учит Моисей, — ты поди в Скинию свидения («свидание», «встречи» с Богом: ибо она была вечно наполнена «Славою Господнею», как бы мы сказали теперь: «полна Св. Духа», «полна благодати»). Там, купив жертвенное животное (не дорогое, овцу, т. е. *обыкновеннейшее* у пастушеского народа — это в видах доступности всем), *сними одежды с себя; и священник, служивший при храме, положив к ногам твоим это животное, обреет кругом твое тело*, так, чтобы срезанные волосы падали в шерсть этого животного и смешивались с волосами его». После того животное закалывалось и сжигалось на жертвеннике всесожжений, *вместе с волосами нового назорея, «в сладкое благоухание Господу»* (обычное прикладное слово о всех жертвах). Затем «назорей» возвращался в дом свой, к жене и детям (без жены и детей не было евреев), обязанный на дни «назорейства», срок коего он сам для себя определял, «воздерживаться от сикера и вина», *как известно, расслабляющего кровью и расслабляющего половые силы*. Срок назорейства, избираемый обыкновенно на 30 или немного больше дней (по «фантазии»), — был темпом изощренно-чистых, глубоко-ясных в сознании, совокуплений; конечно, ни малейше не преувеличенных в числе (что всегда ведет к скупности и пакости, к *частым слабеньким совокуплениям*), но, бесспорно, более, так сказать, полновесных, зернистых, содержательных. Это как рожь набирают «на семена» — всегда лучшую, крупнейшую, свежую. На это указывает бритье волос *около половых органов*: как мы, готовясь делать визиты — «бреемся», к празднику — «бреемся», так бритье детородных органов ясно знаменует «праздник» их, «торжество» их. А что Моисеево «обрей все тело кругом», имело в виду именно особенно половые органы, это ясно само собою: потому что *без обращения на них внимания*, не надо бы новичку-назорею раздеваться и священник мог бы просто обривать ему голову. Наконец, выбривать место «под мышками» можно было тоже лишь слегка откинув не тяжеловесную южную одежду. В ритуал входит и в мысль Моисееву явно входило это: чтобы в Скинии свидения «назорей», т. е. в конце концов (в течение года) весь народ, все зрелые евреи и еврейки, показались нагими, с органами открытыми, видимыми, обвиваемыми «благодатным воздухом» Скинии. Назорейство было воздушною миквою Израиля. И как миква имеет отношение к вот-вот сейчас вслед за нею имеющему совершиться совокуплению, — так же точно и назорейство.

блюдающие целомудрие¹ и нестяжательность и жившие в пустынях; таковы были все те, которые, по слову Апостола, скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, бедствия, озлобления² — те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли (Евр. XI, 37, 38). Таков был и Прдтеча Господень.

Но в полном совершенстве иночество раскрылось только в Новом Завете. По словам аввы Пиаммона, новозаветное иночество ведет свое начало от самих Апо-

Это было храмовое «посвящение», «благословение», «напутствие» в совокуплении. С монашеством оно имеет только то подобие, что «назорей» также чувствовал себя «посвященным Богу», «посвятившимся»; но «через совокупления, угодные Богу», «посвященные Богу», как и Богом указанные, предписанные («плодитесь, множитесь»), а не через «пост, скопчество и молитву» (монахи). В Талмуде, который есть «ограда закона», — исчислены яства и пития, понижающие и повышающие половую силу, половую предрасположенность, жажду. Между прочим от чеснока и шуки — жаждут: отчего это и есть любимейшие, всегдашние блюда плодовых евреев; от сикера и вина сила увядает, как это подтвердила в наши дни и наука. Мне где-то пришлось прочитать в статистической книге, касавшейся приуральских наших губерний, что вот в такое-то время *уменьшения* акцизного дохода, т. е. сокращения пьянства, — пропорционально увеличилось число изнасилований, т. е. нетерпеливых, неудержимых совокуплений. Нет пьянства — половой напор становится сильнее. И с сильным половым напором народы не имеют предрасположения к пьянству (евреи, мусульмане). В. Р-в.

¹ Не помню, которому из пророков (богословы знают) Бог сказал: «Поди к блуднице и зачи с нею»*. Пророк исполнил: «Поди и еще зачни», — повторил Иегова. И так до трех раз. Да и вообще, нужно ли объяснять, когда это говорит каждая страница Библии, что на том самом месте, где образовалось голое скопчество потом, пресловутое девство, «святое девство» на этом самом месте в Ветхом Завете росла, зеленела и вечно поливалась свежей водою («омовения») густая-густая, высокая-высокая трава совокуплений! И та самая «святость», которая отнесена была потом к девству, она ранее принадлежала совокуплениям. Многоженство гораздо священнее считалось, чем одноженство: что видно из того, что, например, одноженный Исаак был «так себе» у Бога, без знамений, без посещений, без особенных ему обетований, — многоженных же Авраама и Иакова Он посещал, говорил с ними, и точно всячески лелеял и ласкал. Да и понятно: если «женность» хорошо, то многоженность лучше *одноженности*, как «пять» больше, *лучше* «единицы», как полководец, выигравший «три сражения», лучше выигравшего «одно», и учитель, обучивший «толпу» детей, лучше, угоднее Богу и нужнее в миру, чем обучивший единственного ученика. В. Р-в.

² Где это в Ветхом Завете культ «недостатков, бедствий, озлоблений»? Терпишь, когда приходится: а искать — грешно. Это уж в Новом Завете стали «изъявлять себя», и что отчаяннее, горше — «испытывать *сладкую муку* язв»... Когда это пришло, со «счастьем человеческим» было кончено, и дверь в Эдем, обещанный вторично человеку (Апокалипсис) — наглухо заколотилась. В. Р-в.

столов*. Таким в начале было и все множество первых уверовавших во Христа. Св. Василий Великий в самом обществе Господа Иисуса Христа и Апостолов видит первообраз иночества**¹... Действительно, некоторые из Апостолов, не вступившие в брак до своего призвания к апостольству, *остались навсегда девственниками*: св. Иаков, брат Господень, сыны Зеведеевы — Иоанн и Иаков и Апостол Павел. Ученики св. Апостола Павла, Тит и Тимофей, подобно своему наставнику *оставшись безбрачными*, всецело посвятили себя на служение Господу. *Дщери* перводиаконов Филиппа и Николая *пребывали в девстве*². Климент, ученик апостольский, писал уже *околожные послания к девственницам****³... С самых вре-

¹ Все это и так, и не так... «Община Иисуса уже была иноческою», «была образом и примером иночества». Действительно все в этой общине и она сама была «не от похоти мужския рожденною, ни — от похоти женския». Уже в ней ничего не было «от плоти»: все устремления — «духовные», все интересы — «духовные»; и община эта была, конечно, зачатком и прообразом «духовенства», греко-русского, латинского, германского. Кой-кто из них был женат; но каким-то *боковым* способом, не центрально, не главным образом. Как и духовенство всемирное с тех пор имеет семью «как сбоку припека», «дозволенную» (у нас), замененную «экономками и служанками» (у католиков). Везде от семьи остались «поскребыши», хлам: сердцевина была выедена. Сердцевина величия, сердцевина яркого признания, сердцевина верности и доблестей. Точно вокруг семьи, этого «райского дерева», этого «дерева жизни», походил больной, калека; и заразил ее калечеством своим, «убогим видом». Но это был именно только *вид* убогости: на самом деле под убожеством скрывался Сильный, Сильнейший. Передав семье «убожество» свое, сам он начал расти — о, тоже в этом идеал «убожества», но в сущности — «якобы убожества»: поднялась сатанинская гордость «смирненных видом», и недаром 1-й основатель папства определил себя «*servus servorum Dei*», «*раб рабов* Господних». В «рабских чертах», «прихрамывая», «сгибаясь», — все они занесли голову свою за облака. Вернемся к теме: да, *женаты* были некоторые Апостолы; но чтобы у которого-нибудь из них *родился ребенок* — этого не только нигде не сказано в Евангелии, но как-то и представить себе нельзя, чтобы об этом было на его страницах сказано. *Весь дух его изменился бы*. «Плотская радость», «плотское счастье» — это «древо жизни» растет; тогда как в Евангелии оно нигде уже не растет... Как с пришествием Христа прекратились жертвоприношения — т. е. та древнейшая часть *всех* религий, тот ее *первый* камень, который уже описан подробно у сынов первого человека, Адама, — так сам Христос явился как бы *последний рожденный со славою* женами человеческими, после Которого прекратились *настоящие* рождения, и осталась лишь тень их, схема их, даже смрад их, без сока и сладости. В. Р-в.

² Вот! Начинается этот культ «старых дев», маринад из «похоти мужския и женския», который квасится в собственном уксусе, вместо того чтобы давать лозу. В. Р-в.

³ Вот! И такое величественное это слово: «девственницы», «дев-

мен апостольских идет почти непрерывный ряд свидетельств церковных писателей о девственниках и девственницах. Св. Игнатий, св. Иустин мученик, апологеты Афинагор и Минуций Феликс, Ориген, Тертуллиан, св. Мефодий Тарский, св. Киприан — говорят нам о суще-

ственники». Но это хорошо — бессемейным: а горькие старики-семьянины, видя, как взрослые дочери их, и одна, и другая, и шестая, оставляются «бессеменной эпохой» за флагом, горько плачутся про себя, а вслух называют их «старыми девками». Климент поэтому написал не «Послание к девственницам», а «Послание к старым мухаморам», от яда коих — через мглу веков — произошли теперешние наши «бульвары» и «городские сады», где такие же мухаморы, на исходе увядающей, никому не нужной, никому не потребовавшейся их молодости, бегают, высунув язык, за гимназистами, за столоначальниками, за кем-нибудь, за кем угодно. О, Боже; да ведь и жизнь изжита, и как их осудить! Это уже не человеколюбивый Талмуд, по одному из правил коего если у отца есть дочь особенно непривлекательная, то отец все-таки обязан, хоть за деньги, ей приобрести временного мужа. Навеки-то, на наш «вечный брак» — и «за деньги» на многих нельзя жениться; ну, а временно — при свободе хоть на завтра развода — конечно, уже не было такого уroda из девушек, которую «познать» решительно отказался бы всякий. При заповеди «плодородия» естественно вытекло это мудрое правило, что как только у девушки лобок начал покрываться волосами (см. у пророка Иезекииля), — так отец и мать *обязаны* были привести ей на ложе, кто бы «вошел» к ней и зачал в ней. И уже, конечно, нельзя было ожидать отказа, когда сестра упрашивала своего брата, холостого или женатого — все равно, совокупиться с ее дочерью, хотя бы сколько-нибудь раз, хотя бы до первой беременности, когда (в случае нестерпимого ее безобразия) он мог быть заменен другим мужем (механизм развода, закон родственных браков), опять не вечным, опять каким-нибудь. Вот уж там и «лен курящийся» не «загашивался», и «трость надломленная» — не переламывалась. Заметим, что великая есть доблесть, великое служение Богу (вот где настоящее «монашество», как «жертва Богу») заключается в женитьбе на тех девушках, вдовах, вообще женских существах, которые «никому не понадобились», «никому не нравятся», некрасивеньких, слабеньких, невиденьких; но «тяжких бремен» не надо возлагать, и, конечно, можно надеяться на охотную женитьбу на таких лишь при многоженстве, которое да будет благословенно *между прочим именно и за это*, что при многоженстве возможно брать некрасивых, космических «сирот», космическое «убожество», производя от него иногда красивейшие лозы: ибо «убогие» с лица своего, в поле бывают часто гениальны, восприимчивы, страстны, «похотливы». Уверен, что доля избранничества Богом Магомета объясняется любовью и верностью его, еще в 17 лет, к 40-летней милой Хадидже: только на небесах известно, а не у пустых людей, как было отрадно Богу, что он так любил и никогда — уже женившись на других — не обидел свою Хадиджу, бывшую тогда «беззубую старухой», как ее ревниво называла младшая из Магометовых жен, прекрасная Аиша. Хотя он безумно любил ее, последнюю, но не переставал и в это даже время любить, ласкать и нежить Хадиджу. За Хадиджу ему и послал Бог победы и успех и дал Свои слова пророчества. В. Р-в.

ствовании в древней Церкви подвижников и подвижниц, отрекавшихся от мира для нераздельного служения Господу¹.

После Апостолов из подвижников и подвижниц первого века нам известны святые: *Фекла, Зинаида и Филонида, Евдокия и Телесфор*.

Св. Фекла, после проповеди Апостола Павла и Варнавы в Иконии, уверовав в Господа, оставила своего жениха². После чудесного избавления от огня в Иконии и зверей в Антиохии, с благословения Апостола Павла «иде в Селевкию и вселися в пустем месте на некоей горе близ Селевкии, и тамо живяше в посте и молитвах и богомыслии» — до 90 лет своей жизни. Память ее 24 сентября.

Святые Зинаида и Филонида были сродницами Апостола Павла. «Оставльше своя стяжания и всего отрешся мира», — они пришли в Фиваиду и там, близ города Димитриады, «в некоем вертепе житие свое провождаху». — Язычники, «нощию нападше, камением побиша их, и тако блаженным сном уснули»... Память их 11 октября.

Святая Евдокия прежде была блудницей в Илиополе и обладала огромным богатством. Ее обратил ко Христу «инок некий, именем Герман», который в своей обители «имяше братий семьдесят иноков». Искренно раскаявшись, св. Евдокия в святом крещении возродилась (в 96 году) к новой жизни и, раздав все свои сокровища, вступила «в монастырь девическ, в пустыни». Скончалась мученическою смертью уже в 152 году, прожив царствования Домициана, Нервы, Траяна, Адриана и Антонина. Память ее 1-го марта.

Святой Телесфор проводил, до своего избрания в папы, отшельническую жизнь. Скончался мученическою смертью (128—139 г.)

¹ Читай: «Для угождения Богу отрекавшихся от исполнения воли Божией, заповеди Господней». В. Р-в.

² Вот... Начались эти «оставления жениха», «ухождения в монастырь», прообраз скорбных Лиз Калитиных... Но оставим уродство. Или — вот оно произошло; то и пусть осталось бы в молчании, как эмпирический факт, не переходя ни в принципиальное да, ни в принципиальное нет. Но этого не случилось: о нем записали, его прославили, прославили «оставление жениха», т. е. *безмужество*. О, поистине, как «благочестиво есть в Пустынной Аравии посадить хотя одно в жизни дерево» — так в нашей цивилизации старых дев и беспутных холостяков «благочестиво есть» бросить в огонь хотя одну из этих старопечатных книжонок, в кожаных переплетах и с медными застежками. В. Р-в.

Из второго века известны своей подвижнической жизнью: *святый Фронтон*, имевший под своим руководством до 70 иноков и построивший монастырь в пустыне Нитриской, *св. Параскева*, раздавшая по кончине родителей все имущество и принявшая иноческий чин, впоследствии пострадавшая за Христа, *св. Наркис*, епископ Иерусалимский. Оставивши престол, он удалился в пустыню, где и пробыл до конца дней своих в подвигах иноческих. *Св. Евгения*, римлянка, дочь наместника александрийского, в царствование императора Коммода обратившись ко Христу чтением Свящ. Писания, тайно удалилась из дома родительского и по дороге встретила обитель. Ее сопровождали евнухи Протасий и Иакинф. «Слышу, яко Елий, епископ христианский,— сказала она слугам,— созда зде монастырь, в нем же черноризцы непрестанно во дни и нощи хвалят Бога песньми». Увидав Елия, построившего монастырь, она приняла св. крещение вместе с евнухами. *Переодетая в мужскую одежду*, Евгения принята была в мужской монастырь, «*юноше подобна одеянием и остриженными власы*». «В монастыре живяше,— добре иночествуя и работая Богу». Избранная по смерти аввы в *настоятели*, она подверглась низкой клевете. Явившись на суд к наместнику Филиппу, своему отцу, она открыла ему свой пол и происхождение. Впоследствии основала женский монастырь, в котором была настоятельницей. Жизнь свою окончила мученически. Память ее 24 декабря.

В III веке прославился своими подвигами *св. Никон*. Родом из Неаполя, он после св. крещения отплыл на остров Хиос, где на горе Ганос был крещен епископом Кизическим Феодосием, укрывавшимся в пещерах от гонения со множеством иноков. «По приятии крещения святого, блаженный Никон живяше в пещерном том монастыре, учася божественным книгам и иноческому присматриваяся житию: тоже и сам облечен бысть во иноческий образ кротости ради своя».

Св. Галактион и Епистима — из г. Емеса в Финикии. 'Св. Галактион, будучи христианином, *по воле родителей был обручен с язычницей Епистимой*. Обратив ее ко Христу, он *убедил ее вести девственную жизнь*¹. Ночью они удалились из дома и пришли к Синаю, и там, близ горы Публиона, Галактион вступил в мужской монастырь, а Епистима — в женский. «Подвиги его и труды кто изре-

¹ Вот!.. В. Р-в.

щи может? Никогда не виден бысть празден, но или делаше, что монастырю потребно, или моляшеся: пост его бе безмерен, иногда бо во всю седмицу не вкуси. Толикий же целомудрия и чистоты своея бе хранитель, яко во вся лета постничества своего соблюдашеся опасно, *да не видит лица женска*¹... Впоследствии Галактион и Епистима сподобились мученического венца. Память их 5 ноября.

Св. Пансофий, родом из Александрии, по смерти отца своего Антипата раздав все свое имущество, удалился в пустыню. Скончался мучеником в царствование Деккия. Память его 15 января. В то же царствование пострадал за Христа инок диакон *Авив*. Память 6 сентября.

Св. Анастасия Римляныня. Близ Рима, на уединенном и незнаемом месте, находился женский монастырь. Круглой сиротой Анастасия, трех лет, была взята на воспитание игуменией Софией. Она выросла красавицей, но «вся уметы вменивши, увестися Христу, и день и ночь в молитвах служаше». На 21 году от роду скончалась мученически. Память ее 29 октября.

Из переводного творения *Руфина*:
«Жизнь пустынных отцов».

Благочестивому читателю

«После плачевного отпадения от Бога в человеке произошла печальная перемена: в нем образовалась тайная, безмолвная сила, непреодолимо влекущая его к земле, к благам и наслаждениям мира сего. Это было вполне естественно: не направляясь более вверх к живому, святолюбящему Богу, как к высочайшей цели желаний, дух человеческий по необходимости низвергается вниз, в мир земных благ, с беспокойно-страстным желанием наполнить образовавшуюся, с удалением от Бога, пустоту. И вот — нет конца, нет насыщения... Не насытится око зрением; не наполнится ухо слышанием; и вот — «все суета и томление духа» (Еккл. 1, 8, 14). Множество *конечных* целей никогда не удовлетворит духа с его *бесконечными* стремлениями².

¹ Вот! «Не надо Евы». До чего явен бунт против Бога, не со стороны откуда-то, но из Адама же извлекшего жену ему, и тем показавшего, какое это *внутреннее существо* вещей, не придуманное, не постороннее, не случайное. «Уже в тебе, Адам, — *есть Ева*: которая и выходит во благовремени» (= брак). В. Р-в.

² О, семинарщина, о глупая семинарщина! И еще туда же, философствует... В. Р-в.

Ни у одного народа это всецелое увлечение внешним миром не выразилось в такой яркой, вполне законченной — до художественности — форме, как у древних греков. Всеми силами души, всеми своими стремлениями они погружены были во внешний чувственный мир, смотря на земную жизнь, как на законченное целое, и почти совсем не задумываясь о жизни вечной. Как дивно прославляли они блага земной жизни! Какая чудесная картина разворачивается пред нами в песнопениях Гомера. Земная жизнь человеческая во всех ее проявлениях предстает здесь пред нами, вся облитая лучами чарующей поэзии.

Никогда земля и небо не сияют столь лучезарным блеском, как после грозы, бури и проливного дождя. Так и в песнях Гомера «мы ощущаем как в целом, так и в частях — свежую, цветущую юность человечества» (Шеллинг). Весь мир полон дивной гармонии! Нигде нет разлада — ни в жизни природы, ни в жизни человеческой. Даже несчастья, даже слезы — не портят того жизнерадостного ощущения, которое ощущается при чтении Гомера. Они лишь не более, как игра света и тени в чудно-прекрасной картине. Все божественно и человечно! Смысл жизни — в самой жизни, в наслаждении ее дарами.

Сладко вниманье свое нам склонить к песнопевцу, который —
Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен.
Я же скажу, что великая нашему сердцу утеха
Видеть, как целой страной обладает веселье, как всюду
Сладко пируют в домах, песнопевцам внимая, как гости
Рядом по чину сидят за столами, и хлебом и мясом
Пышно покрытыми, как из кратер животворный напиток
Льет виночерпий и в кубках его опененных разносит.
Думаю я, что для сердца ничто быть утешней не может!*

Но вот — пришло Евангелие. Оно открыло миру новый, неведомый язычеству, смысл жизни. Перед очами мира засияла новая красота, перед которою поблекла красота мира сего. В мир явилась Божественная Мудрость, научившая людей *жить для смерти и умирать для жизни*. Огонь, низведенный Спасителем на землю, попалил прежнюю и воспламенил новую жизнь на ней...

...Вместо героев, увлекавшихся борьбою, вместо гостей, увенчанных миртом и розами¹, вместо веселых хо-

¹ Да, психологическое основание для перелома, конечно, было, но не было основания религиозного, т. е. относящегося «до вечности» и в себе самом заключающего «вечность». Вся древняя цивилизация

роводных песен — явились другие люди, с другими стремлениями. Не чарующие дубравы, не светлоструйные ручьи, не изумрудное море, не очаровательные

износились, истерлась... Стреляли, стреляли из пушки — и она обратилась в «кувалду»: нарезы сгладились, ствол измялся, вся она «деформировалась»... Вчера сыт, сегодня сыт, *всегда* был сыт: нужно и поголодать, *хочется* поголодать. Но это — феномены, психические состояния, *перемены* бытия, *жизнь!* Нет жизни, где нет перемен, пульса. Вот в смысле «пульса» покаяние и пост, пустыня и молитва были нужны. Но, повторяем — это феномен, который никогда *не смел* переходить в религию, в котором *не было содержания* для религии! В этом все дело. Но и затем вопрос: где «изначальная правда» и где «первородный грех», в светлом ли взаимодействии с природой, или «в облачках» души человеческой, которые тоже есть, есть они *извечно*, прорезывают самую чистую радость, самый безмятежный, казалось бы, покой? Здесь, не в силах *разгадать*, я передам, *что чувствую*: хотя я вечно, казалось бы, «защищаю язычество», но на светлом пиру Эллады и я выбрал бы, сел бы рядом и заговорил бы с той, которую так хорошо очертил поэт:

Но, в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена...*

Интереснее! Да не только интереснее, — *лучше!* Монашеская красота извечно победит внешнюю, плотскую, мясную, тельную: как Рафаэль победил же Рубенса... и «суровая» Астарта-Девственница побеждала юную, полнобедренную, грудистую Венеру. Удивлен я был, рассматривая карфагенские монеты (см. Müller: «Монеты Африки») с изображением на них Астарты-Таниты. Это очень редкие монеты, выбитые в эпоху Цезаря и Августа *в самом Карфагене*, тогда как более древние карфагенские монеты, чеканившиеся в сицилийских колониях, все носят на себе изображения других божеств. Я был не только удивлен, но поражен: на монете изображена голова *теперешней, нашей монахини*, не только с чертами пожилого и сурового лица «ханжи-игуменьи», но голова и покрыта каким-то монашеским куколем, некрасивым узким покрывалом. Весь *стиль* — монахини! Вдобавок и прямо к ужасу — позади головы стоит крест, длинный латинский «кржж», т. е. «крест на кресте» две прямых линии, поперечная ближе к верхнему концу, и без всяких наших «православных» перекладинах! Между тем это — подлинная языческая монета, вне всякого ведения христианства вычеканенная и посвященная Таните-Астарте, «женской половине» Молоха, — в честь коей, как и Молоха, сожигали детей! Значит, эта «меланхолия» — извечна! И краткий «рай», конечно, должен был смениться «грехопадением». Душа человеческая, сама *душа* его, а не обстоятельство его жизни, рождена с «облачком»... которое мы или видим, или ждем, или вспоминаем. В «Астарте-Молохе» древние, по-видимому, отнесли это «облачко души человеческой» к извечному, к небесному: провидели в самом Боге-Творце это «облачко», или уже в Нем-то — целую «тучу»... «грозы и молнии»... Мы тут, конечно, ничего не можем сказать, где «да», где «нет». Мой окончательный взгляд заключается в том, что все должно быть введено в свою меру: должна быть размерена и радость и грусть, свой черед и закон — одному, черед и закон — и другому, без «диктования условий» которым-нибудь, и

ландшафты веселой Эллады — нет, — ужасающие египетские пустыни, одинокие пещеры — вот что теперь привлекало взоры и внимание целого света. Суровые подвиги воздержания, умерщвления плоти, страшные лишения, слезы сокрушения, неустанная молитва, отречение от суетных радостей мира — вот что вдохновляло этих новых людей»...

Предисловие священн. М. И. Хитрово
к переводу «Жизнь пустынных отцов» *Руфина*.*

к абсолютно свободному выбору человека. Почтим монастыри; но почтим и того, кто никогда в монастырь не заглядывает. И только скажем ему: «Брат наш, будь в удовольствиях прекрасен, как эллин, и не переходи нигде в свинство» (способ веселиться у христиан); а монастырю скажем: «Не наводи *grim* скорби на лицо свое и не разыгрывай *театр* скорби с комедией в душе»... В. Р-в.

ТРЕТИЙ ПОЛ

ПОЛ КАК ПРОГРЕССИЯ НИСХОДЯЩИХ И ВОСХОДЯЩИХ ВЕЛИЧИН

Во всех фактах, которые мы привели, христианских и дохристианских, мы имеем в зерне дела какое-то органическое, неодолимое, врожденное, свое собственное и не внушенное, отвлечение к *совокуплению*, т. е. к соединению *своего* детородного органа с *дополняющим* его детородным органом другого пола. «Не хочу! не хочу!» — как крик *самой природы*, вот что лежит в основе всех этих, казалось бы, столь противоприродных религиозных явлений. Крик... «самой природы»: и мы должны предположить, что в том как бы мировом котле, где замешивалась каша всемирной насущности, всемирной наличности, уже содержались какие-то элементы этого противоборства, этой противоприродности; что уже там в этом первозданном или, вернее, до-мирозданном котле бурлили *течения и противотечения*, ходили круги кипящей материи туда, сюда, *винтом*, кругообразно, а *отнюдь не по прямой линии*; и когда она застыла и родился *оформленный мир*, — мы так и видим в нем эти застывшие и переданные нам, т. е. *вложенные в природу существ*, движения «туда», «сюда», «винтом» и, словом, *не по прямой линии*. Пол был бы совершенно ясное или довольно ясное явление, если бы он состоял в периодически совершающемся *совокуплении* самца и самки для произведения новой особи: тогда это было бы то же, что стихии кислорода и водорода, образующие «в соединении» третье и «новое существо» — *воду*. Но кислород и водород «*противотечений*» не знают: и если бы мы увидали, что вдруг не частица кислорода, *жадно* соединяясь (как всегда в химическом сродстве) с частицей водорода, — порождают *каплю воды*, а, напротив, частица водорода, которая-нибудь одна и исключительная, вдруг начинает тоже «с жадностью» лезть *на себе подобную частицу* водорода же, убегая с отвлечением от дополнительной для

себя частицы кислорода, мы сказали бы: «чудо! *живое! индивидуально-отличное! лицо!!*» *Индивидуум* начался там, где вдруг сказано закону природы: «*стоп! не пускаю сюда!*» Тот, кто его не пустил,— и был первым «духом», *не-«природою», не-«механикою»*. Итак, «лицо» в мире появилось там, где впервые произошло «нарушение закона». Нарушение его как единообразия и постоянства, как нормы и «обыкновенного», как «естественного» и «всеобще-ожидаемого».

Тогда нам понятны будут «противоборства» в «котле», как такой процесс, в котором «от века» залагалось такое важное, универсально-значительное для космоса, универсально-нужное миру начало, как *лицо, личность, индивидуализм*, как «я» в мире. «Я» борется со всяким *не-«я»*: суть «я» и заключается в том, чтобы вечно утверждать о себе: «не *вы*», «не *они*». Суть «я» именно в *я*. Это и не добро, и не зло: точнее, «добро» *я* заключается в обособлении, в несмешивании, в противоборстве всему, а «зло» *я* заключается в слабости, в уступчивости, в том, что оно хотя бы ради «гармонии» и для избежания «ссоры» *мирится* с другим, *сливается* с ним. Тогда есть «мораль», но нет *лица*: ну, а важно или не важно «лицо» для мира — об этом будут судить уже не одни моралисты. Без «лица» мир не имел бы сиянья,— шли бы «облака» людей, народов, поколений... И, словом, без «лица» нет *духа* и *гения*.

Когда мир был сотворен, то он, конечно, был цел, «закончен»: но он был *матовый*. Бог (боги) сказал: «Дадим ему *сверкание!*» И сотворили боги — *лицо*.

Я все сбиваюсь говорить по-старому «Бог», когда давно надо говорить *Боги*; ибо ведь их *два*, *Эло-гим*, а не *Эло-ах* (ед. число). Пора оставлять эту навеянную нам богословским недомыслием ошибку. Два Бога — *мужская* сторона Его, и сторона — *женская*. Эта последняя есть та «Вечная Женственность», мировая женственность, о которой начали теперь говорить повсюду. «По образу и подобию Богов (*Элогим*) сотворенное», все и стало или «мужем», или «женой», «самкой» или «самцом», от яблони и до человека. «Девочки» — конечно, в Отца Небесного, а мальчики — в Матерь Вселенной! Как и у людей: дочери — в отца, сыновья — в мать.

Но я несколько отвлекся в космологическую сторону от изыскания первоначального зерна, которое лежит в основе «безбрачных» явлений. Мировое «не хочу» самца в отношении самки, и самки в отношении самца, не было подвергнуто до последнего времени наблюдению, и только XIX-ый век начал собирать в этом направлении факты. Факты эти приводят к бесспорному заключению, что «пол» не есть в нас — в человечестве, в человеке — так сказать «постоянная величина», «цельная единица», но что он принадлежит к тому порядку явлений или величин, которую ньютоно-лейбницевская математика и философия математики наименовала величинами «текущими», «флюксиями» (Ньютон). Обращение внимания на эти величины привело одновременно Ньютона и Лейбница к открытию «исчисления бесконечно малых» (дифференциальное исчисление), которое, между прочим, интересно в том отношении, что через него впервые мертвая математика, или как бы мертвая, мертвая в арифметике и вообще пока она занимается «постоянными величинами», — получила доступ, получила силу *дотронуться, коснуться и живых* (органических) явлений, «вечно текущих»... Вот такая-то «вечно текущая» величина в нас или, точнее, существо в нас есть *пол* наш, как наша «самочность», что мы суть *или* «самец» *или* «самка». Вообще — это так: мы суть 1) самцы, 2) самки. Но около этого «так» лежит и *не так*: противоборство, противотечение, «флюксия» (Ньютон), «я», отрицающее всякого «не я». И, словом, — *жизнь*, начало жизни; *лицо*, начало лица...

Предположение, что *пол* есть «цельная величина» и вообще *не* «текущее», породило ожидание, что всякий самец хочет самки и всякая самка хочет самца; ожидание, до того всеобщее, что оно перешло и в требование: «всякий самец *да пожелает* своей самки» и «всякая самка *да пожелает* себе самца»... «Оплодотворяйтесь и множитесь», конечно, это включает. Но навсегда останется тайной, отчего же при *универсальном* «оплодотворяйтесь, множитесь», данном *всей* природе, *один* человек был создан в единичном лице *Адама*! Изумление еще увеличится, если мы обратим внимание, что позднее из Адама вышла Ева, «мать жизни» (по-еврейски — «мать *жизней*», яценосная, живородящая «ad infinitum» *), т. е. что в существе Адама *скрыта была и Ева*, будившая в нем грезы о «подруге жизни»... Адам, «по образу и подобию Божию сотворенный», был в скрытой полноте сво-

ей *Адамо-Евою*, и самцом, и (in potentia *) самкою, кои *разделились*, и это — было *сотворением Евы*, которою, как мы знаем, закончилось творение новых тварей. «Больше нового не будет». Ева была *последней новизной в мире*, последней и *окончательной новизной*.

Лишь в силу всеобщего ожидания «всякий самец хочет самки» и т. д. образовалось и ожидание, что самые спаривания самцов и самок имеют течь «с правильно-стью обращения Луны и Солнца» или по типу «соединяющихся кислорода и углерода», *без исключения*. Но все живое, начиная от грамматики языков, имеет «исключения»: и пол, т. е. начало *жизни*, был бы просто *не жив*, если бы он не имел в себе «исключений», и, конечно, тем более, чем он более жив, жизнен, жизнеспособен, животворящ... Не все знают, что уже в животном мире встречаются, но лишь в более редком виде, решительно все или почти все «уклонения», какие отмечены и у человека; у человека же, можно сказать, нельзя найти двух самочных пар, которые совокуплялись бы «точка в точку» одинаково. «Сколько почерков — столько людей», или наоборот: и совершенно *дико* даже ожидать, что если уж человек так *индивидуализирован* в столь ничтожной и не представляющей интереса и нужды вещи, как почерк, — чтобы он не был индивидуализирован также в совокуплениях. Конечно, «сколько людей — столько *лиц*, *обособлений* в течении половой жизни». Это не только всеобщее «так»: но было бы порочно, преступно, «нищелюбиво» и «нищеообразно», и совершенно уродливо, если бы это не было «так». Всякий «творит совокупление *по своему* образу и подобию», решительно не повторяя никого и совершенно не обязанный никому вторить: как в почерке, как в чертах лица...

«Всеобщее ожидание» в области, где вообще нет и *не должно* быть «всеобщего», породило ропот, осуждение, недовольство, пересуды: «Отчего та *пара* совокупляется не так, как *все*», причем разумеется собственно — «не так, как *Я*»... Ответ на это многообразен: «Да *вы*-то точь ли в точь живете так, как *все*?» или: «Я не живу, как *вы*, по той причине, по которой вы не живете так, как *я*». Но, в итоге, эти «всеобщие ожидания», присмотревшись к которым можно бы заметить, что самых-то «ожиданий» столько, сколько людей, но только это особенное в каждом затаено про себя, — они породили давление *морального закона* там, где в общем его не может быть, так как вся-то область эта — *биологическая*, и не «моральная»,

и не *анти*-«моральная», а просто — *своя*, «другая»¹. Моральный закон, неправо вторгнувшись в не свою область, расслоил совокупления на «нормальные», т. е. ожидаемые, и «не нормальные», т. е. «не желаемые», причем эти «не желаемые» не желаются теми, которые их не желают, и в высшей степени желаются теми, которые их желают и в таком случае исполняют. Все возвращается, собственно, к тому, «что есть», как и естественно в биологии; но около того, что «есть», с тех пор приставился раб, бегущий за торжественной колесницей жизни, хватаящийся за спицы ее колес, обрызгиваемый из-под нее грязью, падающий в грязь, вновь встающий, догоняющий, опять хватаящийся за спицы и неумолчно ругающийся. Он представляет собой те «ожидания всех», которых в наличности нет с абсолютным тожеством, но к которым равнодушно присоединились и те, которые далеко отступили от нормы: равнодушно по интимности самой этой области, о которой каждый думает про себя, что ее не уконтролирует «общее правило», и по стыдливости этой области, где каждый «свое особое» хоронит особенно глубоко, и нет лучшего средства схоронить это «особое», как присоединясь к «общему правилу» и осуждая все «особое». От совокупности этих обстоятельств и условий вытекла необыкновенная твердость, можно сказать, «незыблемость» морального закона в половой сфере, которая в действительности не только всегда была «зыбка», но, можно сказать, ни в одной точке своей и ни на одну минуту не переставала волноваться и представляла вечный океан, с величественными в нем течениями, с бурями, водоворотами, с прибоем и отбоем у всякой отдельной скалы... «Незыблемость» правила шла параллельно совершенной «зыбкости» того, к чему оно относилось; и, собственно, «зыбкость»-то и была единственным *внутренним* правилом, из самой сущности стихии вытекающим... Семейные добродетели восхвалялись и содомитами, о вреде онанизма писали и онанисты, а отшельники пустынь, совокуплявшиеся с полевой птицей и лесным зверем, не умели допустить, чтобы мужчина мог иметь сношения на протяжении своей жизни более, нежели с тремя женщинами, и женщина более, чем с тремя мужчинами тоже на протяжении всей жиз-

¹ Единственный из богословов, ясно это понявший и последовательно и пламенно выразивший, — М. М. Тареев. См. его «Основы христианства», т. IV, «Христианская свобода» *.

ни (недопустимость 4-го брака у христиан, т. е. по требованию «святых» (христианства)). Все это не так безразлично. Конечно, все таятся — и потому никто особенно не страдает от «общего правила»; но выпадают случаи объявления, обнаружения: и тогда поднятые камни побивают «отступника» от того, к чему решительно никто «не прилежит». Между тем пол — именно океан, и в нем не зародится «водоворот» там, где ему «не указано быть», вековые течения его не перестанут и не спутаются, не расширятся и не сузятся; и все останется так, «как есть» и «предуказано», и в том случае, если правило исчезнет под давлением истины, что оно вмешалось в область, существенно *не свою*.

Здесь все принадлежит наблюдению и ничто исправлению.

* * *

«Свое» у каждого выражается прежде всего в *силе*, в *напряжении*. Здесь мы имеем ряд степеней, которые удобно выражаются рядом натуральных чисел:

... +7 ÷6 +5 +4 +2 +1 ±0 —1 —2 —3 —4 —5—
—6 —7

Наибольшая напряженность в смысле возможности удовлетворить и в смысле постоянной жажды удовлетворения указывает на наибольшую степень самочности — самца в *противолежании* его самке и самки в *противолежании* ее самцу. Наибольший самец есть наичаще, наихотнее и наимогущественнее овладевающий самкой; и наибольшая самка есть та, которая томительнее, нежнее и кротче других подпадает самцу. Под наслоением суеверий, страхов, в особенности предположений и пересудов у человечества образовалось совершенно неверное представление образа «настоящего самца» и «настоящей самки»; т. е. человечество — народы и единичные люди — совершенно неправильно осложнили наибольшую половую силу второстепенными, добавочными чертами, и притом не только психическими, но даже и физическими. В общем представлении романистов, драматургов, мещан и «общества» — это что-то огромное, шумное, голос громкий, манеры наглые, оскорбительные; «он» и «она» стучат, гремят, никому не дают покоя; что-то неудобное для всех, смущающее. «Нахал» и «разухабистая баба» — вот предполагаемо люди, от которых матери и отцы должны уберечь дочек, прятать подрастающих сыновей. Такие-то будто бы «соблазняют» и «со-

вращают», насилуют и растлевают. Но было бы печальное потомство от сих пустых стучащих бочек; тогда как род человеческий, «плодящийся», «множащийся», вовсе, однако, не таков: жив, энергичен, неутомим, неистощим. Настоящие силы — не стучат. Настоящая сила скорее стелется, ползет. Не буйвол, ревущий в степи, есть господин степи, а ягуар, прячущийся в тростнике. Скорей полу-испуг, полу-догадку выразила народная мудрость, русская и китайская. Русские говорят: «В *тихом* омуте черти водятся», а о китайцах мне привелось прочитать, что у них будто бы есть поговорка: «Когда женщина походит на *ангела*, то берегись и знай, что в ней сидит дьявол». В обоих случаях старые люди, сложившие поговорку, как бы предупреждают молодых, указывая им не доверяться наружным признакам, предполагать за ними обратное внутреннее содержание. Поговорки эти, конечно, сложены не в отношении только пола, но они едва ли бы сложились в этой общей форме, если бы половая жизнь, половые образы, фигуры, играющие такую выдающуюся роль во всякой народной, общинной и частной жизни, стояли в резком противоположении тезисам этих поговорок. Очевидно — нет! И китайцы, и русские указали, что половая страсть не «ревет в поле», а скорее крадется в лозняках; что это что-то на вид «тихое» и иногда даже «ангелоподобное», по крайней мере у женщин. Но здесь мы должны войти в небольшое рассуждение. С первого же взгляда очевидно, что «наибольший самец» должен выглядеть, должен иметь все сопутствующие вторичные качества совсем иные, чем «наибольшая самка», — именно уже потому, что он *противостоит* ей, что он есть другой ее *полюс*! У очень мужественных мужчин растет большая борода: неужели же из этого мы заключим, что совершеннейшая женщина должна тоже иметь бороду или хоть те маленькие усики, которые иногда появляются у женщин?! Между тем предположение, что женщина-самка должна быть «разухабиста», — именно подобно предположению, что у Жанны д'Арк или Дездемоны, у Офелии и Татьяны росли усики. Конечно, это глупо, и в такой мере, что можно, отметив ее, и не останавливаться на опровержении.

Нет, самец и самка — они *противоположны*, и только! Отсюда — все выводы, вся философия и истина. *Наибольшая противоположность* мужчины и женщины и выразит *наисильнейший в них пол*! Т. е. чем менее «мужеподобна» женщина — тем она самочнее; как чем менее

«женоподобен» мужчина — тем наиболее он самец. Паллада-Афина, «воительница» и «мудрая» — не замужня, не мать и вообще очень мало самка. В ней возраста нет; она не знала детства, не будет бабушкой. Ей, *мужеподобной*, — параллелен только *женоподобный* Ганимед, который никогда не будет отцом, мужем и дедушкой. Явно, что в *противостоянии* своем наибольший самец и наибольшая самка суть:

- 1) герой, деятель;
- 2) семьянинка, домоводка.

Один будет:

1) деятельен, предприимчив, изобретателен, смел, отважен и, пожалуй, — действительно «топает» и «стучает»; другая же:

- 2) тиха, нежна, кротка, безмолвна или маломолвна. «Вечная женственность» — прообраз одной. «Творец миров» — прообраз другого.

Есть какое-то тайное, невыразимое, никем еще не исследованное не только соотношение, но полное тождество между *типичными качествами* у обоих полов их половых лиц (детородных органов) с их душой в ее *идеале, завершении*. И слова о «слиянии душ» в супружестве, т. е. в половом сопряжении, верны до потрясающей глубины. Действительно, «души сливаются» у особей, когда они сопряжены в органах! Но до чего противоположны и от этого *дополняют* друг друга) эти души! Мужская душа в идеале — *твердая, прямая, крепкая, наступающая, движущаяся вперед, напиральная, одолеваящая*; но между тем ведь это все — почти словесная фотография того, что стыдливо мужчина закрывает рукой!.. Перейдем к женщине: идеал ее характера, поведения, жизни и вообще всего очерка *души* — *нежность, мягкость, податливость, уступчивость*. Но это только названия качеств ее детородного органа. Мы в *одних и тех же словах, терминах и понятиях* выражаем *ожидаемое и желаемое* в мужчине, в *душе* его и *биографии* его, в каких терминах его жена выражает наедине с собой «желаемое и ожидаемое» от его органа; и взаимно, когда муж восхищенно и восторженно описывает «душу» и «характер» жены своей, он употребляет и *не может избежать употребления* тех слов, какие употребляет мысленно, когда — в разлуке или вообще долго не выдавшись, представляет себе половую сферу ее тела. Обратим внимание еще на

следующую тонкую особенность. В *психике* женской есть то качество, что *она не жестка, не тверда, не очерчена резко и ясно*, а, напротив, ширится, как *туман*, захватывает собою *неопределенно далекое*; и, собственно, не знаешь, где ее границы. Но ведь это же все *предикаты увлажненных и пахучих тканей* ее органа и вообще половой сферы. Дом женщины, комната женщины, вещи женские — все это не то, что вещи, комната и дом мужчины: они точно размягчены, растворены, точно *вещи* и *место* превращены в ароматистость, эту милую и теплую женскую ароматистость, и душевную и не только душевную, с притяжения к которой начинается «влюбленность» мужчины. Но все эти качества — лица, биографии и самой *обстановки*, самых *вещей* — суть качества воспроизводительной ее сферы! Мужчина никогда «не наполнит ароматом» весь дом: психика его, образ его, дела его — шумны, но «не распространяются». Он — дерево, а без запаха; она — цветок, вечно пахучий, далеко пахучий. Каковы *души*, таковы и *органы*! От этого-то, в сущности, *космогонического сложения* (не земного только) они и являются из всего одни плодородными, потомственными, сотворяют и далее, в бесконечность, «по образу и подобию своему»... Душа — от души, как искра — от пламени: вот деторождение!

* * *

В европейской литературе есть книжка, и даже, пожалуй, книжонка, из которой, как это ни неприятно, только и можно почерпнуть некоторые факты половой жизни: так как Европа, проникнутая христианским гнушением к полу, не допустила ни философов, ни поэтов заняться собиранием здесь любопытных фактов, и только «грязные медики», все равно копающиеся во всяких экскрементах, во всякой вони, болезнях, нечистотах, не брезгающие ничем, не побрезгали «и этим». Но, в сущности, даже и они побрезгали! О дифтерите, который *убивает детей*, все же они говорят не этим отталкивающим тоном, не с этим отталкивающим чувством, как о *дающих жизнь* половых органах и о самой половой жизни, половой деятельности. Например, мне было передано об одном парижском светиле медицины, который в сочинениях своих серьезно проводил ту мысль, что «женатые и замужние, если они, не довольствуясь имеющимся у них удовлетворением половой страсти, обраща-

ются на сторону, т. е. изменяют — муж жене или жена мужу, — то они суть явно ненормальные люди, душевнобольные; и что, как таковые, они не могут быть оставляемы на свободе в благоустроенном обществе, а должны запирались на замок, в психиатрических лечебницах или же просто в тюрьмах». Любопытно, что, кажется, ни одного не было случая, чтобы с медицинской стороны предложено было так поступить с сифилитиками; и это нельзя объяснить только тем, что они дают хлеб врачам, а уже Фурье заметил, что «доктора очень любят, когда страну посещают хорошие лихорадки, тифы и т. п.»; нет, тут больше и печальнее: медицина, «христианская медицина», действительно не видит «ничего особенного» в сифилисе, считает его картиной здоровой структуры общества; а совокупления, и особенно когда они счастливы, обильны, когда они «приливают», как океанический прилив, — они считают «вырождением» и «патологией» и предлагают запереться от них обществу. Есть «крещеные люди»; но ведь есть и «крещеные профессии», и даже, наконец, есть «крещеные науки»: в их обществе очутилась и медицина, и это ничего, что ее столпами были тоже совершенно «крещеные», даже до погружения семи раз в купель, Фохты, Мошотты и Бюхнеры, не опознавшие себя младенцы...

Книжка, или книжонка, о которой мы говорим, — Крафт-Эбинга: «Половая психопатия» *. Павос — значит «страдание»: то, от чего *кричат*, на что имеющие ее — *жалуются*. И хотя никто из описываемых в книжке лиц не «кричал» и не «жаловался» Крафт-Эбингу, но он собрал ставшие известными ему факты в книжку «о страданиях пола», не имея для этого даже того основания, какое имел бы *механик*, занятый давлениями, толчками и вообще действиями на *вещественные массы*, наименовать «патологической физикой» явления электричества, гальванизма или явления света, где эти *массы* отсутствуют.

Мне лично половая жизнь ни из рассказов, ни из книг не известна в большей степени, чем как это узнаешь случайно. Но я предположу извлечения из Крафт-Эбинга кое-что, что мне, однако, пришлось узнать, ибо, всегда эту жизнь интересуясь, я дополнительными расспросами, когда было можно, а также и просмотром куда следует, открывал подробности, опущенные у «испуганного» Крафт-Эбинга. Первый раз мне пришлось прочесть о наибольшей самочности лет 20 назад в известных «Запис-

ках» о своей жизни Н. И. Пирогова, нашего великого хирурга *. Там, описывая разные свои переезды и поездки в начале служебной деятельности, он между прочим упоминает о встрече — сколько помнится где-то в западном крае, около Риги или Пскова, — должно быть, с университетским своим товарищем. Именно, он у него остановился на перепутьи. Товарищ оказался женатым, недавно, — и на совершенно молоденькой женщине, лет 16-ти. В мимолетней встрече он ему жаловался, что хотя очень любит свою жену и доволен ее характером, но чувствует себя изнеможенным от ее постоянного желания совокупляться. Здесь нужно отметить и то, что сам он был очень молод и, следовательно, не изношен; и то, что в ту пору 30-х или 40-х годов «развращающего чтения» еще не было; или, по крайней мере, на него еще не могла натолкнуться женщина, столь юная, что она, очевидно, только что вышла «из-под крыла матернего». Здесь мы имеем таким образом *естественное, не возбужденное*, глубоко *природное* влечение в такой силе и напряжении, какому, во всяком случае, не отвечало тоже природное и молодое влечение молодого мужчины, но как самца — обыкновенного. Это наблюдение показывает, что «самочность» не есть постоянная величина, приблизительно одинаковая у всех, но что она варьирует: в одном «самца» более, «самки» более, чем в другом, и это не есть ни плод развращения, ни плод возбуждения или дурного воспитания. О следующем случае мне пришлось слышать: однажды в кружке женщин из «общества», среднего и скромного, зашли «суды и пересуды» о девицах и женщинах их круга; и некоторые очень осуждали таких-то и таких-то лиц своего пола «за их выдающееся нескромное поведение, развязность манер, речей» и пр. Тогда их прервала одна из слушавших, замужняя женщина: «Вообразите, все, о ком вы говорите, — *скромные* девушки, нимало не заслуживающие вашего порицания; но вот эти, и она назвала несколько скромнейших девушек и женщин, — сущие подлюги: я знаю от мужа своего, что те, о ком вы говорите дурно, — были и остаются невинными, несмотря на всяческое ухаживание мужчины, на все его усилия, а эти скромницы совсем напротив...» Мне позднее привелось узнать два случая, когда жены не только не удерживали своих мужей от ухаживания «с последствиями», но толкали их на такое ухаживание, как бы любопытствуя через них о поле окружающих женщин и девиц; и разразившаяся гневом или, во всяком

случае, порицанием — была, очевидно или может быть, из таких женщин. Здесь, однако, следует принять во внимание следующее. Очевидно, что эти «падавшие» женщины и девицы не «заготовили» же себе «скромности» на случай ухаживания, в предположении, что она понравится или привлечет: в общем — она ведь отпугивает, предупреждает самое начало ухаживания; очевидно, они ничего не думали, ничего не ожидали, но были *действительно скромны* и именно *скромнее остальных*; они были их женственнее, добродетельнее, и в меру этого *самочнее*; были, так сказать, более нежны, ароматисты, более содержали в себе сладкого нектара; и... «упали» не оттого, что менее *хотели* сопротивляться, но оттого, что приближение и видимое желание мужчины возбудило в них ответный ток такой силы и напряжения, который повалил их: как мучнистость колоса тянет стебель его к земле, как отрывается и падает на землю самое налитое, сладкое, сахаристое яблоко, а не яблоко-сморчок, неотрываемое сидящее на своем стебле, кислое, жесткое, безвкусное. «Нахально вели себя», по укоризне собеседниц, бесполые, почти бесполые женщины и девушки; у них, верно, были и «усики» на губе, и «разухабистые» манеры, как у писарей; громкий и жесткий голос, мужицкая походка. Те же сидели тихо в уголке; не ходили — аплыли или скользили по полу; были застенчивы, конфузливы, стыдливы... Они были добродетельны: как *героизм* в мужчине, конечно, есть добродетель — так главная добродетель в женщине, семьянинке и домоводке, матери и жене, есть изящество манер, миловидность (другое, чем красота) лица, рост небольшой, но округлый, сложение тела нежное, не угловатое, ум проникновенно-сладкий, душа добрая и ласковая. Это — те, которых помнят; те, к которым влекутся; те, которые нужны человеку, обществу, нации; те, которые угодны Богу и которых Бог избрал для продолжения и поддержания любимого своего рода человеческого. Часто они бывают и не красивы, но как соловей: ибо зато «поют, как никто»...

О следующем случае я имел случай расспросить: мне и еще одному писателю передавала пожилая женщина, что ее молодой друг испытывает то несчастье, на какое жаловался Н. И. Пирогову его университетский товарищ. «Он недавно женат, сам молод, военный — и почти болен от жены, до бегства, до желания развестись. Говорит, что ее могли бы насытить только три мужа. И удивительно — эта такая милая дама. Он ничего не может сделать, по-

тому что, ненасытная сама, она вечно его возбуждает, и он не в силах уклониться от исполнения ее желаний.

— Вы говорите, она приятная женщина?

— Чрезвычайно. Наблюдая ее в обществе, никак нельзя предположить, что у нее такой... исключительный аппетит. И какой голос: такого нежного, глубокого голоса я ни у одной женщины не слыхала!

«Голос»... но ведь это то, чего *не подделаешь!* Это уже не «кокетство скромностью», которую еще можно подделать: это — сама *душа*, вернее говорящая о сокровищнице сердца, о характере, чем взгляд, чем улыбка. Все поддельно, кроме *голоса*. «*Задушевный голос*»... И вот у такой женщины, которая, судя по отзыву мужа, носила в себе утроенную самочность, — голос был «неги, какой я ни у кого не слыхала»: и шел явно от «души» — утроенно человеческой, небесной...

«Вечная женственность»... как совершенно другой полюс, как диаметрально противоположная вещь несокрушимо *мужеству, напору, смелости, упругости, твердости* самца... она есть только сердечная, умственная, бытовая, манерная, нравная фотосфера, распространяющаяся около утроенной, удесятеренной *самочности* ее. Молчаливая, но с каким говором в душе! «Вечная молчаливица»: как кто-то сказал и о мужчинах-героях, что «они — прежде всего *молчаливики*».

Эта-то «вечная женственность», как проявление повышенной самочности, и лежит объяснением в основе древнего факта, неразгаданного историками, — так называемой «священной проституции». «*La sainte est toujours prostituée*» *, пишет об египтянах в большой своей «Истории Востока» Масперо **. Что за загадка? Каким образом глубокому и серьезному народу, каковы были египтяне, по свидетельству всех древних наблюдателей и новых историков, — как им пришло на ум *религиозным* именем «*sainte*» наименовать тех особых существ, тех редких и исключительных существ, которые неопределенно и беспредельно отдавались мужчинам, были «*prostituée*»?! Неужели имя «*sainte*» мы могли бы кинуть толпящимся у нас на Невском «проституткам» — этим чахлым, намазанным, пьяным, скотски ругающимся и хватающим вас за рукав особам? Ну вот перед человечеством *впервые* стоят два понятия, два признака: «*святая*» — это понятие небесного, Божьего; и простой факт, что «*всем отдает себя*». И невинный человек, первозданным глазом взглянув на оба факта, должен сотво-

рить их *соединение* или *разъединение*, т. е. сказать или «*prostituée est sainte*», или «*prostituée est grande pecheuse*», «великая *грешница!*» Вообразите: *первый* народ сказал — «*prostituée est sainte*»... Что же это такое? Не имел он *вкуса*, глаза? Не умел обонять, ничего не понимал в характерах человеческих? Но тогда «совокупность цивилизации египетской», сумма «всех прочих ее качеств» разила бы... как наша Невская проститутка, и тогда едва ли бы Масперо, Бругш, Ленорман стали изучать эту вонючую гадость *. «Очень интересно»... Тут может покопаться медик, но что тут делать историку *культуры?* Египетская культура приковала к себе внимание бесчисленных ученых, этих скромных и добродетельных тружеников, своим беспримерным изяществом, соединенным с глубиной и торжественностью:

Выхожу один я на дорогу.
Сквозь туман кремнистый путь блестит:
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу
*И звезда с звездой говорит. ***

В двух последних строчках написана как бы эпитафия над всей могилой Египта. Что-то пустынное... молчаливое... устремленное к Небу, религиозное... и, как тонко замечает Бругш, «не меланхолическое, но глубоко радостное в себе, восторженно счастливое при этой сдержанности языка и скромности движений!» Так это и есть на рисунках Египта: в необозримых изданиях, в необозримых фолиантах, где воспроизведено все нарисованное ими за четыре тысячи лет жизни, культуры, я встретил только *один* рисунок сбора винограда, где один, очевидно полупьяный, мужчина повис, обняв за шею двух тоже не весьма трезвых своих друзей, и «пишет мыслете» с ними. Сценка — полная реализма, какую я не встречал в рисунках греческой живописи; но и она — скорее милая, чуть-чуть смешная, но нисколько не нахальная. Сала, грязи — я не встретил нигде в этих бесчисленных фолиантах, грязи «сального анекдотца», кое-чего «во вкусе Боккаччио». Ничего, ни разу; и между тем сколько повторяющихся, как стереотип, фигур, где и «они» и «оне» с плодами и цветами, с жертвами идут к громадной статуе Озириса, «Судии мертвых» — статуе «всегда *cum fallo in statu erectionis*» ***, как грустно замечает архимандрит Хрисанф в «Истории древних религий».

И вот — «*sainte prostituée*»... Есть и рождаются иногда исключительные, редкие младенцы-девочки, вот имен-

но с этой «вечной женственностью» в себе, с голосом неизъяснимо глубоким, с редкой задумчивостью в лице, или, как описал Лермонтов,—

...в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена.

И она расцветает в *sainte prostituée*... как вечную *податливость* на самый слабый зов, как нежное *эхо*, в ответ на всякий звук...

Есть ведь «всемирные педагоги», ну — в желаниях, ну — в поэзии; есть «всемирные воины», как древние скандинавы; всемирные мудрецы — Сократ, Спиноза: как же не быть, естественно *быть кому-то* и «всемирной женой», всемирной как бы «матерью», всемирной «невестой»... Она «невестится» перед всем миром, для всего мира,— как ведь и все вообще девушки в 14—15 лет «невестятся» *неопределенно перед кем*, перед всяким, перед *всеми* (чуть-чуть «*sainte prostituée*» проглядывает). Из таковой врожденной девочки-девушки-женщины как бы истекают потоки жизни,— и ей мерещится, «будто я *всех* родила», «*все* родила»... И волосы ее, и очи, и сосцы, и бедра, и чрево... таковы, что первозданный невинный взгляд египтянина уловил и назвал и торжественно воскликнул, или скорее богомольно прошептал — «*sainte*». Масперо договаривает: «Египтянки *из лучших семейств*, дочери жрецов и знатных военачальников, достигнув зрелости,— отдавались кому хотели и сколько хотели, и так проводили много лет, что не вредило будущему их замужеству: так как по миновании этой свободной жизни их охотно брали в жены лучшие и знатные из воинов и священников». Почему не взять, если она «*sainte*»? Как не прельститься, если она «*religieuse et sainte*»? Как не надеяться, что она будет верной женой и преданной материнству матерью, если она уже испила все и насытилась всем, нимало, однако, не истощившись — ибо истощаются *торопясь*, например «наши», а этим куда же было спешить? — и в естественные годы спокойствия и равновесия, безбурности и тихости она выбрала себе лучшего и *одного*. Он так же ее не ревнует, как она его, к тому возрасту молодости, когда он проводил жизнь, как и она: хотя, наверное, к этим «*saintes*» влеклись и пылкие, совершенно невинные юноши, первозданным взглядом своего возраста подмечая в них подлинную «*sainteté*», за ко-

тору все отдают. Однако Масперо не договорил (или не знал), что этих «*saintes prostituées*» было немного в каждом городе и всей стране: ибо вообще немного рождается в стране и городе, в году и десятилетии Василиев Блаженных, Спиноз, Малебраншей, Кольцовых, Жуковских. «Не все вмещают слово сие, но кому дано» (природно, от Бога). Огромное большинство египтянок, без сомнения, имели инстинкт, как и наши: т. е. сразу же выбирали себе мужа — одного и на всю жизнь, или выходя за второго, третьего, четвертого... седьмого (беседа Иисуса с *семи*-мужней самарянкой), в случаях смерти или разлада, не более. Женщина, познавшая только семерых мужчин, когда ни закон, ни религия, ни родители ей не ставили предела и хотели и ждали от нее большего, — конечно есть умереннейшая в желаниях женщина, врожденно тихая и спокойная! Как наши «все».

Нужно только иметь в виду эту нумерацию:

... + 8 + 7 + 6 + 5 + 4 + 3 + 2 + 1 ± 0 — 1 — 2 — 3 —
— 4 — 5 — 6 — 7 —...

«*Sainte prostituée*» есть + 8 + 7 + 6... По мере приближения к низшим цифрам, к + 3, + 2, + 1, — тембр голоса грубеет, взгляд становится жестче, манеры резче, «нахальства больше», как сказали бы семинаристы. Появляются типичные их «поповские дочки», которые входят в замужество с мешком определенного приданого, и всю жизнь счастливы, составляя «приданое к своему приданому», не весьма сладкое для попа и диакона, но «ничего себе», «терпится». Наконец наступает «±0». Обратите внимание на знаки и «+» и «—». Такие не мертвы; хотя абсолютно никогда не «хотят». «Кое-что» по части «+» в них есть: но оно связывается «кое-чем» по части «—». Таким образом, в них нет *однолинейного* тяготения — к «самцу»: но две как бы стрелки, обращенные остриями в разные стороны: к «самцу» — одна, а другая?.. Закон прогрессивности, как и то, что здесь все происходит только между *двумя* полами, указывает, что вторая стрелка и не может быть ни к чему еще направлена, кроме как к *самке же*. Самка ищет самки; в первой самке значит соприсутствует и самец: но пока он так слаб еще, едва рожден, что совершенно связывается остатками самки, угасающей самкой; которая, однако, тоже связана вновь народившимся здесь самцом. «Ни туда, ни сюда». Голос страшно груб, манеры «полумужские», курит, затягивает и плюет, басит. Волосы растут дурно, некрасивы, и она их стрижет: «коса не заплетается»; нет де-

вицы, а какой-то «парень». Где здесь «вечная женственность»?

...Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена!

Нет, уж об такой этого не скажешь: ходит на курсы, на митинги, спорит, ругается, читает, переводит, компилирует. «Синий чулок» с примесью политики, или политик с претензиями на начитанность. «Избави Бог такую взять в жены», и их инстинктивно не берут (хотя берут дурнушек, некрасивых, даже уродцев), ибо действительно «какая же она жена, когда в ней едва-едва «+1» самки, а то и вовсе «+0». Если бы, «паче чаяния», у нее и родился ребенок — она не сумеет вынуть грудь и накормить его; «не Мадонна, а вахмистр». И мужа ей совсем не нужно, она скучает с ним, убегая неудержимо в «общественные дела», в разные «организации», притворную «благотворительность», в основе же — в шум, беганье, возню, суету. Мужчина, «воин и гражданин» (стрелка самца), — уже полупробужден в ней; и только вот не растут усики. И она не умеет нести на себе *по настоящему женскому женское платье*: оно на нее не так надето, не уклюже, и все как-то коротит, без этих длинных и красивых линий, волнующих мужчину. Их и не любят мужчины. Но уже начинают любить женщины: «Какой славный товарищ эта Маша».

И, наконец, все переходит в чисто *минусовые* величины: «она» волнуется между своим полом, бросает страстные взгляды, горячится, чувствует себя разгоряченной около женщин, девушек. Косы их, руки их, шея их... и, увы, *невидимые* перси, и, увы! увы! — вовсе *скрытые* части, вся «женская тайна» — все их неизъяснимо волнует и тянет, тем сильнее, до муки, до страдальчества, что это так навеки закрыто для них — именно, именно для *них* — и закрыто, открываясь только для *мужчины, мужу*. Танталовы муки: так близко, постоянно вокруг, даже и видится при небрежном раздевании, при купании; но невозможно *внимательно взглянуть*, не умерев сейчас же со стыда. Мировая преграда — в самом устройении вещей, в плане мира! «Ничего нет ближе локтя *своего*: но *невозможно* укусить!»...

Муки Тантала! — бесконечно *отодвинутое* исполнение! невозможно оно, не будет! — никогда!..

Слезы, тоска, мечты. Грезы. Стихи, много стихов. Философия, длинная философия! Кстати, и некоторое при-

звание к.ней. «Вахмистр в юбке» усваивает легко и Маркса и Куно-Фишера *, и вообще умственно, духовно, идейно, словесно, *рабоче* куда *выше* «слабого пола».

Закон этот, конечно, применим и к мужскому полу. Как он здесь выразится?

Там «пробиваются усики», здесь укорачивается борода — все это не в физическом, а преимущественно в духовном, нравном, бытовом, сердечном отношении, но отчасти также и физическом. Северные норманны, как их описывает Иловайский, — пожалуй, лучше всего живописуют первоначального самца, «+8», «+7» мужской прогрессии. «В мирное время, когда не было ни с кем войны, они выезжали в поле и, зажмурив глаза, бросались вперед, рассекая воздух мечами, как бы поражая врагов; а в битве они без всякого страха кидались в самую сечу, рубили, наносили раны и гибли сами, думая перейти по смерти в Валгаллу, которую также представляли наполненной героями, которые вечно сражались». Неукротимая энергия — как и у турок, потрясших Европу храбростью и войнами. Ранние войны латинян и вечная «междоусобная борьба» ранних эллинов тоже имеет в основе себя, вероятно, этого же самца, который не знает, куда ему деваться от сжигающего жара, — и кидается туда и сюда, в битвы, в приключения, в странствия (Одиссей и эпоха Генриха Мореплавателя). Все это первоначальное грубое ворочанье камней культуры. Вулкан ворочает землю, по-видимому безобразя ее, разбивая ее, разрывая ее, но на самом деле это уже *начало* культуры, ибо это уже не есть недвижность мертвого *материка*. Остров культурнее материка, «маленькая земляца» всегда принимает первый луч Божий, *разбитость, расшибленность* чего-либо вообще есть *первый шаг к культуре*.

Но одно — разбить косную массу на куски; и другое — начать обрабатывать куски. Бой и шлифование — разные фазисы одного процесса, но требуют они совсем разных качеств.

Вот здесь-то, во всемирной потребности *шлифоваться*, и выступает роль +2, +1, ± 0 пола, —1, —2 его.

Борода начинает укорачиваться, пыль — опадать, а в характере, дотоле жестком, грубом, *непереносимом* для «ближнего», начинает проступать мягкость, делающая удобным и даже приятным соседство. Являются «ближние», и в территориальном и в нравственном смысле; является «родство», в смысле духовном и переносном, а не в одном кровном. Все это по мере того, как самец от вы-

соких степеней «+8», «+7» переходит к умеренным и совсем низким: «+3», «+2», «+1». В этих умеренных степенях зарождается брак, как привязанность одного к *одной*, как довольство *одною*; и, наконец, появляется таинственный «±0», полное «не-волеенье» пола, отсутствие «хочу». Нет жажды. Гладь существования не возмущена. Никогда такой не вызовет «на дуэль», не оскорбится, — и уже всего менее «оскорбит». Сократ, сказавший, что он легче *перенесет обиду*, чем *нанесет* ее, — тут в этих гранках; как и мировое: «Боже, *прости им* — не ведут-бо что творят». Вообще выступает начало *прощения*, кротости, мировое «непротивление злу». Платон Каратаев — тут же, около Сократа; как и Спиноза, мирно писавший трактаты и наблюдавший жизнь пауков. Все — выразители мирового «не хочу». «Не хочется»... Созерцательность страшно выросла, энергия страшно упала, почти на *нуле* (Амиель, Марк Аврелий). Мечты длинные, мечты бесконечны... Все существование — кружевное, паутинное, точно солнышко здесь не играет, точно это зародилось и существует в каком-то темном, не освещенном угле мира. Тайна мира. В характере много лунного, нежного, мечтательного; для жизни, для *дел* — бесплодного; но удивительно плодородного для культуры, для цивилизации. Именно — паутина, и именно — кружево, с длинными нитями из себя, *завязывающимися со всем*. В характере людей этих есть что-то меланхолическое, даже при ясности и спокойствии вида и жизни; меланхолическое безотчетно и беспричинно. «Мировая скорбь», «Weltschmerz» здесь коренится, в этом таинственном «не хочу» организма. Здесь цветут науки и философия. И, наконец, «±0» разлагается в «+0» и «-0»: первый отмирает — в нем ведь *ничего* и не было? И остается «-0», который быстро переходит в «-1», «-2», «-3» и проч.

На низких, первоначальных степенях, «-0», «-1», мы наблюдаем это в форме известных *двойных* содружеств; не в форме товарищества, шумного и обширного, с забавами и «предприятиями», но всегда — дружба только *двух*, тихая, бесшумная. Если вы присмотритесь, то эти «два» стоят всегда в контрасте, духовном, бытовом, характерном и даже физическом: и один как бы *дополняет* другого. Есть взаимная дополняемость, и отсюда получается житейская гармония и слиянность. Жизнь, можно сказать, переполнена этими странствующими и стоячими диадами (сцепление двух), которые вообще всегда образуют красивое явление, привлекая взор всех тишиной,

незамутненностью своей,— тем, что никому не мешают и явно довольны спокойным довольствием,— довольны своим существованием. Гоголь первый дал нам такую диаду в известном соседстве знаменитых «Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича». Злой Гоголь их поссорил, но обыкновенно они не ссорятся, и один хоронит другого. Из-за чего им ссориться? Еще заметите это в живописи Тургенева: он нарисовал целый ряд таких диад — «Хорь и Калиныч», «Чертопханов и Недоюскин», отчасти Лежнев и Рудин (вода и огонь), кажется, еще несколько, много. Чаще всего один покровительствует, другой — покровительствуем, один — жёсток, жесток, груб, резок, другой — нежен, мягок, податлив. «Точно муж и жена, мужчина и женщина». Но ничего нет, еще ничего нет. У Достоевского это выражено в идиллии «Честного вора», где этому слабому и бесхарактерному человеку, к тому же запивающему, покровительствует трезвый, тихий и милый портной. Перефразируем наблюдение первых христиан: «У язычников самые добродетели их суть только красивые пороки», можно сказать, что у этих диад «самые пороки становятся как-то невинны». У других людей в воровстве сказалась бы хищность, бессовестность; и на него ответили бы боем. Но у этих самое воровство добродетельно: «Честный вор». Да и в самом деле «честный»: до того кроткий, что его и обругать не придет в голову никому, не то что побить; но сам он до того мил и праведен, что от одного тихого укора — повесился. Воистину, «таковых есть царство небесное»... Делают ли что они — добро им, не делают — добро же. Не воруют — хорошо, а украли — тоже хорошо. Как-то безвредно, без «последствий». И злободетствуют они — тоже хорошо, и не злободетствуют — хорошо же. Впрочем, они почти никогда не злободетствуют. «Не хочется». Ни Хоря, ни Калиныча, ни Чертопханова, ни Недоюскина, ни «Лишнего человека» (см. «Дневник лишнего человека») мы не умеем представить себе «с бабою» или «около девицы». Эти диады, или пассивные одиночки,— до такой степени есть начинающиеся праведники, линии начинающейся христианской праведности, такой особенной, такой типичной, с кроткими глазами, с опущенными руками, с тихим взором, взором — длинным, задумчивым, что невозможно усомниться в том, что уже задолго до христианства в них началось христианство, или что Евангелие, само в этой же категории явлений существующее, встретившись с этим течением — слилось с ним, «обнялось» с ним, и они-

то соединенным руслом своим и произвели то, что мы именуем «историей христианства», «историей христианской цивилизации», «историей Церкви». Я сказал «и Евангелие в этом ряду». И в самом деле, это — его откровенный глагол. «Бессеменное зачатие» — вот с чего оно начинается, с требованием признать его — оно выступило. Это есть то *чудо*, то «неизреченное», «не вмещающееся в разум», не бывающее и невероятное, о чем услышав все засмеются, так как это есть «дважды-два — пять» пола, и между тем без согласия на это «чудо» и «бессмыслицу» — вы не христианин, «не крещеный». А как только это приняли и этому покорились, как только уверовали в это половое «дважды-два — пять», так вы «христианин», «крещены», «в сынах спасения» и «Царствия Божия».

«— В Православную Святую Церковь веруешь?

— Верую.

— И в Божию Матерь тоже веруешь?

— Верую.

— А ну, сынку, перекрестись.

Приходивший крестился. Тогда кошевой говорил ему: „Ступай“».

Так совершался, по Гоголю, прием в Православную Сечь, эту азбучную общину мужиков-рыцарей.

«Бессеменное зачатие»... но что оно такое? Это «+0» пола, «-0» пола, или «±0» пола, как хотите определяйте, принимайте, но как только в половом месте вы поставили *значащую величину*, все равно *единицу* или *дробь*, поставили *что-нибудь*, — вы отвергли, ниспровергли Евангелие и христианизм. Самая его суть и есть «±0» пола. В этом не «что-нибудь» его, а *все оно*. Церковь до такой степени на этом яростно настаивает, что ее невозможно ничем так оскорбить, как и действительно нельзя бы ничем ее так ниспровергнуть, как утверждением, намеком, предположением, что в И. Христе или Божией Матери было что-нибудь *настояще* половое, а не только «схема», «очерк», да и то лишь *словесный*, «девы-женщины», «учителя-мужчины». «У Иисуса были *братья*» — сказано в Евангелии; «она не знала Иосифа, *дондеже не родила* (т. е. *пока не родила*) Иисуса». «Нет! нет! — восклицает Церковь. — Божия Матерь была *монахиней*, монахиней *в существе* и только без формы, и *ничем иным она и не могла быть*, потому что *иначе и не началось бы христианство, как что-то совсем новое в мире!*» «И эти братья Иисуса суть его *двоюродные братья* или что-то другое,

а не родные братья: ибо у Божией Матери не могло быть детей, она — монахиня». Открывая Евангелие, конечно, видим, что как будто оно опрокидывает этот крик Церкви: сказано «братья Господни» и «дондеже не роди Иисуса». Но, вчитываясь глубже, больше, вчитываясь годы, «до седых волос», «до посеждения», — видим, что втайне, не в буквальном смысле, а в духе своем Евангелие поддерживает этот крик Церкви, и даже именно оно и породило его собой, как вопль, как неистовое и страшно уверенное в себе утверждение!! Конечно, Божия Мать — монахиня, как и рожденный Ею — монах же; без пострига, без формы, без громких слов, без чина исповедания, но в существе — таковы именно! Иначе зачем бы и говорить о «бессеменном зачатии» и подчеркивать потом, страстно и мучительно: «Не от похоти мужския и не от похоти женския» (зачат Иисус). Итак, «бессеменное зачатие» — это раз; и затем, зачатый так и Сам был бессеменен: это-то и есть новое и оригинальное, почему Его и нарекли «сыном Божиим», «богочеловеком», и приняли, и поклонились Ему — как таковому именно. Как только в образ Его, в Лик Его вы внесете семенность, семе-несение; так вы и разрушили, раскололи, уничтожили этот Лик. Согласились вы на него — вы приняли Христа, «нового Бога»; нет — и вы отвергли Его, вы — не христиан.

Но «бессеменность» в видимом, ясном, признанном очерке мужчины, в каком ходил Иисус, это и есть «±0» пола, то таинственное явление, какое не неизвестно в биологии. Понятен глубочайший интерес, глубочайшее волнение, с каким мы должны бы, ученые обязаны бы давно начать к нему приглядываться.

КОЛЕБЛЮЩИЕСЯ НАПРЯЖЕНИЯ В ПОЛЕ

Дабы у читателя не могло остаться сомнения в объективной верности моих наблюдений-размышлений, я приведу факты из медицины.

Наибольшее половое напряжение

«R. L., купец 36 лет, был консультируем мною в апреле 1899 г. по поводу частых возбуждений и следовавших иногда за этим семяизвержений среди дня, без всякого повода. Родители были вполне здоровы. L.— нормального, достаточно крепкого телосложения, с 29 лет женат. Сурово воспитанный в своей юности, уже с 12 лет стал тайно предаваться онанизму, считая в среднем один-два раза

в день. 16 лет имел первое соитие, и с той поры имел весьма много половых сношений с самыми различными женщинами. Он допускает число половых сношений с одной женщиной, с которой был в связи, около 250—300 в год. В брачной жизни его половой аппетит, если можно так выразиться, был настолько велик, что жена его неотступно просила его для ее облегчения где-либо в ином месте удовлетворять свою похоть. Половое возбуждение особенно *вспыхивало* у него *при работе*. Во время занятий в конторе у него внезапно, моментально наступало, без какого-либо повода, состояние возбуждения, сопровождавшееся сильным волнением и дрожанием всего тела. Похоть была так велика, что он должен был бросать занятия, чтобы как можно скорее иметь соитие с первым встречным женским субъектом. Холодные души (ручным аппаратом Moosdort Hochhausler'a), применявшиеся по моему совету, лишь весьма редко могли ослабить его *satyriasis* *, порой отдавая лишь на некоторое время приступы. Несравненно лучше действовал бром в соединении с лупулином, «геср. шипучая бромистая соль» (Проф. Роллендер. «Половое влечение», стр. 80—81).

Наблюдение над половым влечением высоких степеней у женщин очень многочисленны. Я приведу следующие.

Д-р Гарнье сообщает следующий факт.

«Генриетте С. 31 год. С самого раннего возраста один вид мальчиков действовал на нее с непонятной возбуждающей силой. Выйдя замуж очень молодой, она не могла найти в супружеских отношениях удовлетворения своей почти беспрестанной потребности в половом акте. Она обзаводилась множеством любовников и приводила в глубокое отчаяние своего мужа, так как безразличное поведение ее получило отласку.

Когда ее вдруг охватывала непреодолимая потребность полового акта, она пыталась бороться со своим желанием, но вскоре оказывалась до того всецело в его власти, что выбегала на улицу и принималась охотиться за самцом.

Но помимо таких непреодолимых импульсивных припадков — и в нормальном своем состоянии ей достаточно встретить крепкого, хорошо сложенного мужчину, чтобы почувствовать себя охваченной жадой совокупления, одно представление о котором способно, впрочем, вызвать у нее сладострастный спазм; такие спазмы бывают у нее по шести и по семи раз в один и тот же день».

«Вот другой поразительный случай. Женщина с детского возраста испытывала необычайное влечение к половым наслаждениям.

Когда ей было всего 8 лет, на нее действовал возбуждающе вид совокупляющихся животных, причем ее неудержимо влекло дотрагиваться до них.

В 17 лет она вышла замуж за человека 36 лет, очень крепкого, объятия которого по несколько раз сряду оставляли ее все же неудовлетворенной; случалось даже часто так, что после троекратных естественных сношений ей необходимы были лесбийские приемы для того, чтобы чувственность ее вполне насытилась.

В 49 лет, будучи уже матерью восьмерых детей, она овдовела. После двух месяцев абсолютного воздержания желания снова начали неотступно осаждать ее. Умом ее непрерывно владело одно — по

ночам самые эротические сны, в бодрствующем состоянии самые сладострастные мысли и представления.

Побежденная ими, она подалась рукоблудию и только таким образом могла бороться со своими беспрестанно томившими ее желаниями, *не давая подозревать никому об этом половом возбуждении своем*. (Скромность. В. Р.)

Д-р Трэла сообщает очень интересный случай сильного полового влечения.

«Г-жа V., среднего роста, но очень сильного сложения, обладавшая очень приличным выражением лица, большой учтивостью в обращении и разговоре, большой сдержанностью в манерах, поступила ко мне в приют 17 января 1854 года.

Будучи спрошена обо всем необходимом, она превосходно отвечала на все вопросы, принялась за работу и, несмотря на свои 69 лет, делала все очень быстро и хорошо; всегда спокойно и ровно настроенная, всегда усидчиво работающая, она послушно отправлялась, когда ее звали, за стол или на прогулку.

Решительно ничто ни в наружности ее, ни в поступках не могло внушить, за все время ее пребывания в лечебнице, ни малейшего подозрения о ее ненормальности.

В течение целых 4 лет ни одного непристойного слова, ни одного жесты, ни малейшего движения, которое обнаружило бы волнение или раздражительность, или нетерпение. Она превосходно сознавала, что она в заключении, но злоупотребить свободой была абсолютно неспособна.

Всю свою жизнь, от ранней юности, она отыскивала мужчин и отдавалась им. Молодой девушкой она приводила в отчаяние своих родителей, подвергая их своим поведением позору и унижению.

Отличаясь самым послушным, самым приветливым и самым веселым характером, она краснела при всяком обращении к ней, опускала глаза каждый раз, когда оказывалась в многолюдном обществе, но стоило ей очутиться наедине с мужчиной — старым ли или молодым, или даже с ребенком, — она внезапно и мгновенно преобразовывалась, подымала юбки и нападала с самой дикой энергией на того, кто сделался предметом ее иступленной любви. В такие моменты это была настоящая Мессалина, но *всего за несколько мгновений до того ее можно было принять за невинную девушку*.

Иногда ей случалось натолкнуться на сопротивление и даже на серьезное внушение, но гораздо чаще она встречала добровольное согласие.

Несмотря на неоднократные приключения такого печального рода, ее родителям удалось выдать ее замуж, причем они надеялись, что это положит конец ее расстройству. Но для нее замужество явилось только лишним скандалом.

Она любила своего мужа неистойвой любовью, но так же неистово она любила всякого мужчину, с которым случай приводил ее остаться наедине, — и обнаруживала в таких случаях столько предусмотрительности и ловкости, что сбивала с толку всякий надзор и очень часто добивалась, чего хотела.

Под первым попавшимся и тут же на месте придуманным предлогом, она зазывала к себе то рабочего, отрывая его от работы, то случайного прохожего на улице, то молодого мастерового, то слугу, то мальчика, возвращающегося из школы.

Разговоры, которые она с ними заводила в подобных случаях, были до такой степени невинны, что всякий направлялся за ней вполне доверчиво, нисколько не задумываясь.

Неоднократно случалось, что такой гость бил или обкрадывал ее,— но это не мешало ей снова зазывать к себе.

Этот образ жизни она продолжала вести даже тогда, когда сделалась бабушкой.

Однажды она зазвала к себе мальчика 12 лет, уверив его, что мать его должна прийти к ней. Она дала ему конфет, целовала его, ласкала; но потом, когда она хотела раздеть его и начала непристойно прикасаться к нему, инстинктивная нравственность ребенка возмутилась: он ее ударил и убежал. Дома он все рассказал своему брату, молодому человеку 24 лет; тот пошел в указанный мальчиком дом и безжалостно побил скверную женщину, сказав ей на прощанье:

— В подобных случаях следует расправляться своим судом, чтобы не пачкать оглаской свое имя, имея дело с подобными особами. Надеюсь, что этот урок отобьет у вас охоту проделывать еще раз подобное с кем-нибудь другим.

Во время этой сцены зашел зять женщины; он сразу догадался обо всем раньше, чем услышал слово, и сам стал на сторону того, кто учинил этот быстрый самосуд.

Ее заточили в монастырь. Там *ее нашли такой доброй, такой кроткой и послушной — розовой и невинной, как молодая девушка*,— что никто не хотел верить возможности того, чтоб она когда-нибудь могла совершить малейший проступок; ее решили освободить от искупления, так она *завоевала симпатии* и доверие всего населения монастыря ревностью, с которой она *предавалась религиозным обрядам*.

Но, едва очутившись на свободе, она снова начала по-прежнему скандалить. И так проходила вся ее жизнь.

Она отравила всю жизнь своего мужа и своих детей. Но они надеялись, по крайней мере, что на помощь ей явится время, что, когда она постареет, умерится пожиравшее ее пламя. Они ошиблись, однако. Чем более она предавалась этим излишествам и чем более она тучнела, тем неудержимее становилось ее расстройство.

Непостижимо, каким образом при таких низменных склонностях и таких позорных привычках могла уцелеть такая *кротость в выражении лица*, такое *спокойное достоинство манер*, как мог сохраниться такой *молодой голос* и такая *прозрачная ясность взгляда*.

— Когда она овдовела, дети не могли ее оставить жить у себя — для них она была предметом ужаса; они назначили ей пенсию и предоставили ей устроиться отдельно.

Когда она стала старухой, она вынуждена была оплачивать благосклонность, которую ей оказывали; и так как маленькой пенсии, которую она получала, ей для этих надобностей не хватало, то она *работала с неутомимой энергией*, чтобы иметь возможность заводить много любовников.

При взгляде на эту женщину, *вечно бодро трудящуюся* над иголкой, обходящуюся без очков в 70 с лишком лет, *всегда чисто и опрятно одетую*, с *простой и честной наружностью*, с *открытым лицом*,— никто никогда не догадался бы обо всех проделанных ею гадостях. Когда нам все это рассказали, мы совершенно не поверили бы, если бы не получили вскоре несомненных доказательств.

Мы видели некоторых из этих жалких негодяев, получавших от нее плату за свое мерзкое ремесло. Они являлись к нам рассказывать, как она *трудолюбива*, уверяли нас в ее *безупречной нравст-*

венности,— и все это в надежде, что ее освободят и они снова будут получать свою плату.

При всем отвращении, которое нам внушали эти проходимцы, мы не могли удержаться, чтобы не вырвать у одного из них признание о подробностях их бесстыдной любви.

Эта презренная женщина, это чудовище сохранило до последнего дня жизни *свое спокойствие, свою неизменную кротость и честную наружность*. Она умерла 27 мая 1853 г., *73-х лет от роду*.

Рассказ вполне поразительный, достойный долгих, многолетних размышлений. Что такое этот субъект? Несла в себе как бы трех человек, имела тройной запас жизни! Если «человек» есть зло, если «жизнь» есть зло — осудите ее. Другого мотива для осуждения она не дала заметить в себе.

Все приведенные случаи заимствованы из книги доктора Жафф Кофейлона. Наблюдения свои он сопровождает еще следующим, которое повторяется и в других книгах о том же предмете:

«В числе подобных женщин нередко встречаются такие, у которых *сильнейшие половые стремления соединяются с проявлениями религиозного восторга*. Они то посвящают себя чрезмерным подвигам благочестия, при самом строгом аскетизме; то разыскивают мужчин, потеряв сон, и произносят речи, в которых *сквернословие смешано с мистическими идеями*. Они напоминают, по своим манерам, богомолки, но при этом жестикуляция их бывает часто непристойна.

«Бред их,— говорит Бушери,— бывает *то религиозный, то эротический*; без малейшего перехода это следует одно за другим».

В том самом случае, в котором один наблюдатель нашел бы *религиозную манию*,— другой наблюдатель, если он явится свидетелем следующего припадка, будет иметь основание признать *эротическую манию*».

Последнее наблюдение необъяснимо *никак* с медицинской точки зрения: ибо отчего бы женщинам сильнейшего полового возбуждения не бредить: 1) вином, 2) картами, 3) базаром, толпой, улицей, 4) банями, трактором, кабаком? По *бытовой близости* этих предметов должно бы быть так. *Но этого никогда нет*. И оттого нет, что, сближенные в быту, они *корнями* лежат как бы в противоположных полушариях. Бред как явление, где наименее участвует преднамерение и сознание, всегда указывает корневую близость вещей, соединяет космологически-родственное, метафизически-родственное. Так же точно совершенно необъяснимы эти феномены и с аскетическо-христианской точки зрения — с точки зрения *бестелесно-духовной, скопческо-религиозной*: ибо, очевидно, если бы действительно религия заключала

в себе *плото-умерщвляющие* идеалы, если бы она с *полом* не имела ничего общего и даже была бы *противоположна* ему, *исключала бы* его,— то повышение половой импульсивности сопровождалось бы *безбожием, голизной и опустошенностью* религиозного чувства, падением религии, *неупоминанием о ней*, в бреду ли, наяву ли, *никогда!* Разное религия и пол — и нет их *соединения* в бреду, в словах, в мысли! Но если мы допустим то, что *пол и действительная истинная религия* имеют не только корневую близость, но и *корневое тожество, единство, слиянность* или, точнее, *целость одного и того же существа*, то все эти феномены не только объяснятся, но мы о них скажем, что «иначе и не могло быть»... При этом я совершенно допускаю, что «половой бред» в этих медицинских случаях есть «ерунда», как «ерундою» же является и религиозный бред этих субъектов: *это уже не меняет дела и ничего не изменяет в заключениях*. Ведь и обычный бред обычных сумасшедших есть, однако же, *психический* бред или *логическая нелепость*, все-таки тем не менее — *логический*, все-таки тем не менее *психический*, из этого *моря*, из этого *океана* взятый. Поэтому как только «эротический бред» путается с «религиозным бредом» — мы заключаем с неизбежностью, что «та капля» и «эта капля» — из *одного моря!* Иначе нельзя: ведь никто же лепет *идиота* не отнесет к *кожным явлениям*, маниакальные идеи не назовет *феноменом перерождения мускульной ткани*, и проч. Такой «абдекарабды» никто не скажет: но значит и разъединить пол и религию было бы научной «абдекарабдою». Если «бредовые», т. е. нелепые, явления лежат тем не менее *рядом*, то очевидно, *ясные и спокойные* явления двух этих порядков текут не только *рядом* же, но это есть даже *одна текущая река*, одни *воды* дающие в одной части *спокойную и ясную религию*, как наше *отношение к Богу*, как *связь с Небом*, как чувство Судьбы и Провидения, как мистику и трепет перед «миром Иным», «миром Еще», поверх эмпирической, наличной действительности; и в другой части влекущие к сближению, к совокуплению, к рождению детей, к жизни бесконечной здесь на земле... Только христианство могло отвернуться, или, как теперь очевидно, *попыталось* отвернуться от этого, и через это потрясти очаги рождения, разрушить недра мира, как бы проколоть иглой *мировой зародыш*, зародышевое *начало мира*, зародышевую *сущность мира*. Попыталось и не успело: ибо люди все-таки рождали, «во грехе» (с идеей греха) рождали, «в сквер-

не» — но рождали. «Рождали», «рождали»... их проклинали, звали к *другому* (девство, монашество, аскетизм) — но все-таки они рождали и рождали: и *в этом одном* христианство, как выразился Достоевский, и «не удалось». А «не удалось» оно в этом одном, то «не удалось» — и во всем: ибо *это-то* и есть «все» его — сущность, основание и цель. Но уже *постановка* этой *цели* естественно вела к идее «конца мира», к распространению чувства, что «*конец пришел*», «*конец близок*» и даже «*у дверей стоит*»: ибо цель эта именно включала «конец мира», но не как *существо* и *истину*, а как *зов*, как *пожелание*, как *черный идеал*! Таким образом, «бессемное зачатие, поставленное как «А» в Евангелии, уже содержит его «Θ» — конец, катастрофу, «падающие звезды» и «серный огонь с неба», и «восстание мертвецов», сих «граждан нового века», и «страшный суд». «Чем началось, тем и кончится»... Наоборот, «святое рождение» воскрешает древние, до-христианские Небеса: «мертвым» совершенно незачем исходить из могил, потому что земля не пустыня, на могилах выросли новые цветы, с памятью первых, с благоговением к первым, даже *в сущности повторяющие в себе тех первых*. Смерть есть не смерть *окончательная*, а только способ *обновления*: ведь в детях в точности *я живу*, в них *живет моя кровь и тело*, и, следовательно, *буквально я не умираю вовсе*, а умирает только мое *сегодняшнее имя*. Тело же и кровь *продолжают жить*; и в *их детях* — снова, и затем опять в детях — *вечно*! Только бы, значит, «рождалось», и — «я никогда не умру». Точно «снимаются сапоги»: «одни сапоги», «другие сапоги»... а «ходит в них — один». Этот «один некто» и есть «Адам» — «я» — «бесконечный потомок наш», меняющий паспорт, меняющий лица, ремесла и обитаемые страны, учащийся или хлебопашествующий, несчастный или счастливый, но — «один». Таким образом, смерть — у правильных субъектов и при правильной жизни безболезненная (склероз артерий, лопнувший сосуд и смерть даже без крика, без вздоха, без *всякого ощущения*) — есть просто *способ вечно обновленного* и, следовательно, вечно *молодого, юного лица* земли в сущности при том же *ее обитателе*, при одном *жителе*... При этом зачем же покойникам «выходить из могил», когда они преспокойно *продолжают жить на ней*, но не в старом и тягостном для себя самих состоянии, а в чрезвычайно счастливом состоянии полного мужества, цветущей юности и беззаботного детства! Что за

счастье прожить 1 000 000 лет стариком: лучше прожить 60 лет + $[60 \times 3] + [60 \times 3 \times 3] + [60 \times 3 \times 3 \times 3]$ и т. д. Т. е. жить «целым рядом» семей — уже на своих глазах, целой колонийкой — через 200 лет, целым селом — через 400 лет, целым народцем — через 1 000! При этом взгляде — праведны усилия к накоплению земных сокровищ, *обеспечивающих существование*: больше скота, больше земли, больше плодородия, жатвы, посевов, больше домов, крепче города, больше труда и запасов (денег); и еще другое с *равным напряжением усилия* — воспитание: ибо только воспитанный человек живет хорошо, есть «счастливое я», «хорошее я».

При этом слиянии религии и пола только и является «благословенное рождение»; не в том поддельном и фальшивом виде, что оно «разрешено попом», а в том, что оно «угодно Богу», и притом из существа своего, по существу своему. Тогда *неудержимость* рождения становится понятной, как исполнение воли *Всемогущего, Всеволящего*. Тогда удерживать его никто не станет: рождается столько, сколько «хочется», и волна рождаемости есть волна этого «хочется», то подымающаяся, то опускающаяся, не сдерживаемая в одном, не сдерживаемая в другом, — как молитва в чередованиях с отдыхом. Много рождается — хорошо, один рождается — хорошо, ни одного не рождается (у кого-нибудь) — это его индивидуальное несчастье, как скинутого со счетов человечества; но в общем и *для самого человечества* — и это хорошо! Все — хорошо, ибо все — безопасно: «нет» у одного возмещается «обилием» у другого; примеры, приведенные из нашего якобы «истощенного» поколения, показывают, до чего волна временами подымается высоко. Не надо статистики населения, ничего не надо: никакой заботы! Только бережным взором надо следить, истинные священники истинной веры должны бы следить, чтобы ни одна щепочка, ни одна соринка, ни одна злоба, ссора, ненавидение, случайное несчастное совпадение (неудачный брак, недостаточное число форм брака) не мешало чистым волнам этого «хочется», чтобы никто не *нудил себя и ни к чему не нудил...*

Душа, ее неземные предчувствия, ее метафизические тревоги, ее томление по Боге — все объясняется как *врожденные дары, врожденные сокровища*, если самая ду-

ша, вложенная в 1/2 из матери и в 1/2 из отца, через их половое слияние, есть в то же время «капля метафизического существа», капнувшая в земные условия через этот миг их слияния. Тогда, очевидно, есть два Неба: внешнее — на которое *мы смотрим*, и внутреннее — *которым мы живем*; и оно, тоже со звездами и солнцем, как бы выстилает внутренность нас, соприсутствует каждой частице нашего организма, — *физической в то же время, как и метафизической*. Тогда есть два глаза — физический, такого-то устройства и из таких-то веществ, и метафизический — который видит. «Видит», «слушает», «живет» в нас метафизика, — запутанная вся в *физику*, в соки, кости, мускулы, нервы. Это и *одно и не одно*. Одно — в разделении, не одно — в слиянии. Нет крупинки в нас, ногтя, волоса, капли крови, которые не имели бы в себе «духовного начала». И как я, умерев, разделяюсь на *смертную половину* — вот что положат в могилу, и что *во мне при жизни было* «персть» и прах, ничто и могила, и на *часть живую* — вот что останется в детях: так во всяком волоске и кровинке есть «гроб» и «персть», чему — умереть, и эта часть кровинки меня не живит, а тянет книзу, если же она в глазу — то я ею *не вижу* и даже от нее происходят *болезни*; и есть в этой же кровинке часть, которая «к жизни», чем глаз *видит*, что *управляет начавшееся заболевание*, что *помогает врачу* лечить: это ее «дух» и «жизненность», ее подъем и «вставание»... Как пол «встает» и «опускается» и это его *суть*: так, по типу этого, «встает» и «опускается» *все* в нас, в организме нашем, в душе нашей, в жизни нашей, даже в судьбе нашей! Таким образом человек весь есть только трансформация пола, только модификация пола, и *своего*, и *универсального*; что, впрочем, и понятно, иначе и быть не может, так как он *весь* ведь и составлен только из двух половинок, от матерного тела, от отцовского тела, отделившихся в половых их органах и в страстном половом акте. Ничего *третьего*, ничего *не полового* там не было; и, следовательно, неоткуда взяться ничему *третьему* в нас, ничему *не половому*... И даже когда мы что-нибудь делаем или думаем, хотим или намерены якобы вне пола, «духовно», даже что-нибудь замыслим *противополое* — это есть *половое* же, но только так закутанное и преображенное, что не узнаешь лица его. Так гусеница ползает, а бабочка летает, но обе — *одно существо*; куколка же и совсем лежит, как мертвая, — однако и это *то же существо*. Человек, из полового акта вышед-

ший и из страстно-половых частиц сложенный, есть во всем своем «я», «целом» и «дробном» — половое же существо, страстно дышащее полом и только им, в битвах, в пустыне, в отшельничестве, в аскетизме, торговле, но в самом чистом и святом виде, в самом нормальном — в семье. Торговля и политика — куколки и гусеницы; а мотылек, «душа» — семья, отец-мать, сын-дочь, брат-сестра, свекор-сноха, сверковъ-невестка, тетки-дяди, деды-внуки, род, круг, родной народец.

Умеренные степени полового влечения

Это — те обычные, какие мы знаем и испытываем. Примеров их не для чего приводить. Лютер предполагал и предлагал двукратное или троекратное в неделю совокупление; но полагая, что не без причины «день седьмой суббота — Господу Богу твоему», я бы предложил или посоветовал всякой семье удерживаться в пределах одного недельного совокупления; дабы для других трудов жизни, для трения жизни, для скорбей и тягостей ее, всегда иметь бокал *жизненности* в себе *наполненным до краев*, и так именно, чтобы влага была *дугою* над краями. Пусть изливается, что не может держаться, что «через край». «Небо» должно быть именно в нас, густое, темно-синее, с налившимися звездами, с жгучим солнцем, полною луною: «вот-вот» просыплется и упадет; но не просыпай его, береги его. Тогда будешь нежен к людям, привязчив, памятлив, милосерд, словоохотлив, делоохотлив, труженик без усталости, работа будет не тяжела, скорбь не будет переходить в отчаяние и меланхолию, люди станут нравиться, природа — нравиться, будешь путешествовать, торговать, увеличивать имущество. И дети будут очень здоровы и очень талантливы. Мы должны помнить, что ко всему в мире мы привязываемся через семя свое; как всем в мире мы пользуемся для семени своего. Однако, чтобы не впадать «в пост», мы не должны выпускать из виду, что в мире *до* человека совокупления происходят редко, между тем ласки совершаются все время — и что *в природе нет ничего нецелесообразного*. Слабеет и холодеет человек, когда его бокал не полон: итак, пусть он и будет постоянно полон, т. е. совокуплению должно быть дано место тогда, когда внутреннее вино и гений вот-вот поднимается через край. Но все остальное и на все остальное в прелести мужской

для женщины-жены и в прелести женской для мужчины-мужа — сохраняет свое место и имеет свое право. Остальные шесть суток дневной труд все-таки должен иметь себе награду в обаятельности, нежности, поцелуях, взорах прикосновениях, ласках и более всего, конечно, в словах, в речах, и носимое в чреве дитя может получить полноту даров только тогда, когда муж лелеет и ласкает чрево жены так, чтобы истома и сладкое волнение в нем никогда не прекращалось, никогда бы оно не замирало и не костенело, не мертвело. Можно так сказать, что как мать кормит ребенка по выходе из чрева молоком и дает *тело ему из молока своего*, так до родов она еще *непосредственнее и прямее*, «из кишки в кишку», кормит все его существо, кровь его, кости его, нервы его и *присущую всему этому метафизику* (вторая духовная половина всякой частицы тела) совокуплениями своими и вообще чревными трепетаниями; и по участию в них мужа можно даже продолжить и сказать, что эти девять месяцев оба они совместно питают ребенка, притом питают такими частицами внутреннего существа своего, которые несравненно драгоценнее, значущее и могущественнее, чем молоко, это сравнительно рациональное и земное вещество. Из молока *цельного человека* не выходит, а из семени — выходит; молоко не растет, не вырастает, а росинка семени растет в полного человека и живет в нем до 70 лет. Так природа расположила свои цели и средства. Полупотентная, полу-содомическая (по отвращению к совокуплению) мысль, что: 1) совокупление-де *должно* ослабить силы матери, 2) когда эти силы *нужны ребенку*, — должна читаться наоборот: 1) когда матери так нужны силы для вынашивания плода, — 2) тогда муж должен дать их ей через совокупление. Ибо кому же, кроме совершенных лгунов и лицемеров, неизвестно, что в совокуплении, если оно *предварительно желается женщиной*, если она к нему предрасположена, — она получает силы, получает новую свежесть, получает расцвет в себя! Кому неизвестны анемичные, бледные, с хлорозом, нервные девицы до замужества: и что за фантазия повергать в некое подобие всего этого беременную женщину?! А между тем женщина 30-ти лет, с прерванными привычными совокуплениями, есть что-то еще более страдальческое и несчастное, нежели «девица 17 лет до совокуплений»: ибо известно, что *вдовы* страдают от недостатка совокуплений еще гораздо сильнее, чем девицы; а всякая бере-

менная, покинутая ласками мужа, есть «соломенная вдова» на девять месяцев¹.

Что такое совокупление?

Боковой рост человека. В утробной жизни своей младенец, проживая в *земных* измерениях девять месяцев, в *измерениях абсолютных* проживает века... *Абсолютными измерениями* мы называем те единственно значащие для всякого измеряемого существа меры, какие проистекают из его *собственного существа, из величины и количества перемен в нем*. Земные меры — это меры по явлениям на земле: обернулась земля около оси — *сутки*, обошла земля около солнца — *год*. Явно, что для утробного младенца, который не видит ни солнца, ни земли, этих мер нет, потому что нет этих, для нас существующих, перемен. Для него есть перемены в себе: и вот то, что из *маковой росинки* он превращается в 7-ми фунтовое существо, из *пузырька* в человека — есть как бы биллион лет! В первый год жизни ребенок лишь удваивается: считаем прогрессирующие *удвоения* маковой росинки (зачатие) до 7-ми фунтового веса и объема (роды), и мы получим число «оборотов» этой росинки около себя, число лет ее! Не будет преувеличением сказать, что в *утробной жизни* своей младенец проживает столько лет, сколько вся природа *прожила до его рождения*, не менее! Но вот он родился. Темп развития сейчас же замедляется, но все еще очень быстр: в двенадцать месяцев ребенок удваивается, в следующие двенадцать он увеличивает еще на $\frac{1}{2}$, потом в двенадцать на $\frac{1}{4}$, на $\frac{1}{8}$ и т. д.: *чем далее — тем он медленнее растет*. Ведь продолжай он развиваться с быстротой утробной жизни, и к 20-ти годам он поднялся бы выше Страсбургского собора, а к старости касался бы головою облаков!

¹ Проф. Роллендер, на стр. 78, закончив объяснение *побочных действий* совокупления на всю сеть органов женского тела и, между прочим, на питание, на отправление кишок (важнейшее, на *кровь*, он пропустил по невинному медицинскому неведению), говорит, впрочем, всякому известную истину: «Этим всем объясняется известный факт, что *весьма часто* случается, когда девушек, вступивших в замужество бледными, истощенными, уже *через несколько недель* нельзя бывает узнать: они превращаются в *цветущих, дышащих здоровьем* женщин, тогда как раньше все применявшиеся, самые разнообразные методы лечения ничего не могли поделать против их жалкого вида и худощавости». Вот такую-то гадость, такой опиум и мертвечину советуют «лекарственно» принимать беременной женщине моралисты (Толстой в «Крейцер. Сонате», и за ним целые толпы писак).

Этого нет. Отчего?! Что же происходит? Вероятно, с того момента еще утробной жизни младенца, когда у него обозначаются половые органы, когда вообще выделяется в нем пол, в нем начинают на счет *удлинения* или *линейного* (вверх) *роста* отлагаться залогов для *будущего воспроизведения*: и чем их отлагается более — тем все замедляется и замедляется рост. Но залогов есть, потенции есть — капитал накоплен; но еще процентов не приносит, т. е. размножения нет. Есть только «позывы» к нему, мечты, грезы, наступающая влюбленность, но без принудительного толчка. Однако отлагание «залогов» происходит тем интенсивнее, чем более замедляется рост. Если размножение *искусственно задержать* — то отрок необыкновенно сильно вытягивается кверху, проявляет «*сильный рост*», тот опасный «*сильный рост*», который в некоторых случаях заканчивается чахоткой, а во всяком случае сильнейшим расслаблением организма. Это едва ли происходило «в доброе старое время», когда дедушки и бабушки наши женили наших отцов в 15—16 лет и выдавали дочерей замуж 13-ти лет. Тогда «хлороза», «бледной немочи», «угроз чахотки» не происходило, ибо линейный рост «во благовремени» переходил в рост боковой: через половую систему проценты отложенных залогов, как и все новые, ежедневно новые отлагания — переходили приблизительно в еженедельные, или по два в неделю, совокупления: являлись дети, т. е. тот же самый человек, тот же индивидуум, но отделенный в частицах своего существа, которые теперь самостоятельно ползают по земле, по полу (дети). Что такое дед, отец и внучек? Переломившийся на три части великан ростом в дом, одной части которого 60 лет, другой 30 лет, третьей 2 года; и все эти части — разной свежести и одаренности. *Обилие* чрезвычайно возросло здесь, и *прекраснейшим* способом, гораздо лучшим, чем если бы землю наполняли два-три миллиона тысячелетних старцев высотой в колокольню Ивана Великого. *Размножение* и вот *теперешний вид* земли и *человечества* есть чудодейственное, мудрое, необыкновенно хитрое по тайне его и всемогущее преобразование неэстетичной картины великанов-стариков — в картину всевозможных возрастов, и оживленную, и медленную, в одном месте медленную, и в другом месте оживленную. Глядя на размножение, мы должны повторять библейское изречение, каким Бог сопровождает дни творения Своего: «И увидел, что все — *хорошо*, и сказал: — *хорошо!*»

Очевидно отсюда, какой метафизический и божеский смысл влить в размножение; аскеты — воистину *пошлые* аскеты, — так же мало в нем понимающие, как они не знают астрономии и течения звезд, не только говорят позорную дурь со своим противодействием ему, но еще и творят великий и страшный грех, отвергая Божеский Промысел, перепутывая планы творения, отрицают Бога, противятся Богу. Только по его великой глупости нельзя назвать его преступлением; ибо глупые — невинны; но в *содержании* своем и безотносительно к глупости — аскетизм есть не только грех, но до некоторой степени — *весь* грех, полный грех, *целый* грех. Что ложь, злоба, зависть, наши *личные* грехи в *личных* делах — сравнительно с этим всовыванием палки в колесо божественной колесницы, которая, конечно, палку ломает или ее переезжает... Но все-таки зачем *это* хотя бы и бессильное желание?

Законы о браке у христианских народов, все продиктованные аскетами, — или, когда они и светского происхождения, то все же несущие *исторический привкус* этих монашеских диктовок, *остаток* этих диктовок, *уклон* их, *план* их, — все суть *обобщенные, коллективные, нормированные* преступления, и даже не могут быть ничем иным как родившиеся от греха. «*Боковой* рост» нельзя у человека, остановившегося в вертикальном росте, удерживать более, чем на неделю: аскетизм говорит — «удерживай на три года» (эпитимьи), «удерживай навсегда» (монашество), «удерживай у солдат», «удерживай у студента», удерживай *«всегда, когда тебе* (государству, светской власти) *нужно или нравится»*.

Что *привкус* этого перешел даже в науку, даже в *бесстрастную* медицину, наконец даже к лютеранам, якобы «восставшим против католичества и *извращений* его», можно видеть, напр. из удивительного медицинского спора о том, что *лучше* — проституция или онанизм? на чем практически следует останавливаться «благосклонным читателям» их советодательных книжек? Причем все в один голос кричат, что «брак следовало бы запретить мужчинам до 25-ти и девушкам до 20-ти лет», хотя сами же, в скотски глупых книжонках своих, всюду передают, что начинается онанизм обычно около 14—16 лет и редко позже¹... Как мороз стоит в крепкую зиму, так стоит

¹ См. д-р Форель: «Половой вопрос»; да и во множестве книжек, просмотренных мною для этой главы, мелькает этот совет. Совет онанировать (вместо проституции, угрожающей заражением), давали

тот столп христианской цивилизации: брак—это скверно. то — оскорбительно для всего чистого и невинного, гнусно для гимназиста и гимназистки, гнусно для студента, помеха солдату, помеха учебе, разорение для рабочего и бедняка; а проституция *для всех этих состояний*, для гимназистов, солдат, студентов, для разведенных, для вдов есть естественная и несколько не зазорная, к тому же дешевая и удобная форма полового общения». «Ведь отихоньку»... И соглашаясь, что «потихоньку» — стоят а этом поп, пастор, ксендз, ученый профессор и обычный раб, один «отпуская грех на исповеди», а другой «присылая ванны» сифилитику, кто за пять рублей, а поп обычно за 50 копеек. И этому вторят государственные ужи, «уже тайные советники» и «гофраты», помавая едеющими главами: «Как, неужели же вы хотите допустить, чтобы гимназист в мундире (лет 18-ти детина, да во бреющий бороду) носил на пальце обручальное кольцо и... и... имел детей! — *какое неприличие!!!*». «Или что-ы гимназистка 16—17-ти лет отвечала урок математики доски, имея на глазах всего класса и перед учителем *еремный живот?!! О, позор!!!*»... И невозможно сих тарцев убедить, что ведь закон же (даже наш несовершенный закон) позволяет брак 18-летнему и 16-летней, что же за «позор», в *чем* позор гимназисту и гимназистке быть в «узаконенном состоянии»? А забота о детях, абота о будущем заработке и пробуждение всех сокровищ отцовского и материнского сердца сделали бы из юноши и отроковицы — людей прекрасных, с чувством долга в себе, с ответственностью в себе...

Нельзя ни в чем убедить. Оставим эти темы. Раз брак *9-летнего старца* не «оскорбляет» юриста, попа, медика, не есть *грех* для церкви, не есть *вред* для государства и общества, а брак цветущих невинностью и силами 16-летнего и 14-летней есть «грех», «вред» и «отвратительная безнравственность» для всех их, то тут — могила, все кончено, «дважды-два=семь» и проч. Тут надо пройти и умереть цивилизации, культуре (культуре аскетизма), пройти целому циклу человечества; и начаться совсем новому отсчислению, чтобы люди вдруг начали слышать, понимать и видеть, что $2 \times 2 = 4$.

Оставим это.

ex cathedra» *, на лекциях, некоторые профессора Петербургской медицинской академии студентам-слушателям, о чем мне сообщил отец одного студента, С. В. Б-х.

Очевидно, сила *бокового* роста ответственна всегда силе *вообще* роста, силе *крепости* и *внутренней деятельности* организма. Она у отдельных субъектов не одинакова — и происходит эта неодинаковость, вероятнее всего, от энергии зачатия. Как-то верится, думается, что оно дает импульс всему; и тут применим стих Майкова о «стреле, *летящей далеко*», когда предварительно лук был «*туго* натянут». Высокое здоровье и красоту древних греков, палестинских евреев и теперешних мусульман можно, между прочим, объяснить тем, что муж *посещает* жену свою, живущую *отдельно* в своем шатре: тут совокупление происходит так нежно, ласкаясь, так свежо и, в заключение, так сладко и напряженно, *с такой большой активностью в себе*, как у нас случается, когда муж с заработка в недалеком городке или с ямщичьей поездки возвращается в дом «на побывку». А несколько обломовский характер вообще русских, как *племени*, как *массы*, происходит едва ли не от «родительских кроватей», еженощного спанья вместе жены и мужа. При этом условии привычно все слёживается, формы приспособляются одна к другой,— детей рождается очень много в населении, но с невысокой жизненностью, вялых, анемичных, бесталанных, склонных к заболеванию. Известно, что детская смертность в России велика, как нигде. Нет бури, а все дождичек. Между тем только из бури выходит — талант, красота, сила, жизненность. При «побывках домой» или при «посещениях шатра» (одной из жен), как и в священное установление «субботы»,— как известно, начинающейся у евреев с появления первых вечерних звезд *пятницы* и, следовательно, *центрально* вмещающей в себя *ночь с пятницы на субботу*, когда «старое благочестие каждого еврея требовало родительского совокупления» (признание мне одного еврея),— во всех этих трех случаях разыгрывалась гроза страсти, и естественно она разыгрывалась во всех красотах своих, так запечатленных в «Песни Песней»: «Да лобзает он меня лобзанием уст своих»... У нас все это проходит сонно. Нет священства, а только «нужда». *Праздник* не окружает совокупления, как у евреев их Суббота и у мусульман Пятница... Между тем совокупление должно быть именно не «нуждою», «сходил» и заснул... вовсе нет: оно должно быть средоточием праздничного, легкого, светлого, безработного, не отягченного ничем настроения души, последним моментом ласк, нежности, деликатности, воркованья, поцелуев, объятий. Но как у нас в старомосковскую пору

новобрачных, даже *незнакомых* друг другу, укладывали в постель и они «делали», так и до сих пор русские «скидают сапоги» и проч., и улегшись — «делают», и затем — засыпают, без поэзии, без религии, без единого поцелуя, часто без единого даже друг другу слова! Нет *культуры* как *всеобщего* — и нет явлений, единичностей в ней, нет единичных праведных, благочестивых зачатий (кроме счастливых редких случаев).

Брак и семья в Европе органически, окончательно испорчены, и не расцветут, пока не отцветет Европа. Весь цветок Европы — черный, и белая роза вырастет только на ее могиле.

Замечательно, что единственная надежда здесь осталась в свободной любви, и как она гонится, какое против нее озлобление! Дети, рождаемые среди единственных сохранившихся цветов, выкидываются всею массою в воспитательные дома, и среди вообще человеческих *детей* они имеют то же положение, как наши *проститутки* среди *женщин*.

Отчего не сознаться, что над мусульманами, евреями и над Древнею Грециею, и еще более над Египтом горело небо дорогого «ведовства» и «колдовства» — чудное небо других звезд, другой луны и солнца: откуда что бы ни исходило, а только там рождались лучезарнейшие младенцы, каких видел мир. Что-то другое — а уж *дети* там были хороши... Полновесны, полновидны, полножизненны, полнодарственны.

Великое учреждение «субботы» желательно к исполнению каждому: вслед за «помни день *субботний*» и сказано поэтому — «чти *отца* и *матерь* твою», каковых главнейшее почитание только и можно выразить через *родительство* же, новый родительский *акт*, через *повторение* в себе того акта, через который мои родители стали именно моими родителями. Они суть «мои родители» не потому, что пьют, едят, путешествуют, гражданствуют: а оттого, что мое «я» изошло из совокупления их. И как «почитание», например священника, естественно есть «духовное», ибо он «духовная особа», как «почитание» полководца естественно есть триумф, так точно «почесть» или «почитать» родителей только и можно, совокупившись *в память их* (если умерли), *в честь их, в славу их, в имя их, в радость им* (если живы). Только лживо-«духовные» отношения христианства свели всякое «почитание»

к низким поклонам и целованью ручки, к льстивому заглядыванию в глаза и говоренью приторных любезностей. Конечно, древний Ветхий Завет, с живыми костями и живой кровью в себе, с животными в себе жертвами, знал почитание совсем другое. Если Бога «чтили» *ягненком* или *теленком*, — как могло прийти в голову «почесть» отца *словом*? Конечно — жертвою же: и родителей почесть, или, теснее, почесть их родительский акт, производший меня, — и можно было только возрадовавшись в новом *своем* родительском акте. Что это правильно, можно видеть и из того, что не так родители радуются, отдавая детей в *ученье*, не так веселы, видя начало их *службы*, не так счастливы — полным *колоритом счастья* — их успехам в жизни, славе их, молве о них, как эти родители радовались и радуются *всемирно*, во *всех странах* и во *все времена* вступлению детей в супружество, т. е. во сонм родительской же жизни, вновь родительской, повторно родительской. Церковь очень хорошо сделала, что устранила присутствие родителей на своем венчании: так как эта казенная припись молодых к консистории никакого отношения к родительству и браку не имеет; в браке *настоящую обрядовую* функцию имеет только устройство «чертога брачного», т. е. ночной свадебный пир; хотя теперь это уже *остаток* древности, без мысли, без понимания, без красоты и торжественности, без традиционных линий в себе, в распорядке своем, в ходе своем. Но пиром выражалась *встреча* брака юных их родителями и всею общиною. Пир — всегда есть радостное. Итак: супружество детей есть радость и родителям: и, следовательно, «почитанием» родителей является, главным образом, *вступление самих в супружество*; и в нем, понятно, его центральные, существенные минуты.

Вот что означало собой древнее и священное заповедание: «чти отца и мать твою». Значило: «не оставайся безбрачным», «не оставайся бесплодным», «радуйся с молодою женою своею, с молодым мужем своим».

Закон — это всегда берег; но и берег *заливается* наводнением, *освежается* наводнением; и закон был бы слишком пассивен, был бы безжизненным в безжизненном, если бы иногда он не *нарушался*. Было у евреев великое учреждение — *утренние тамиды* при Храме, т. е. «жертвы за грех», — по *утреннему часу* жертвы очевидно за грех *в ночные часы*. Будь суббота мертвым законом, и она развратила бы уста и сердце израильского народа,

как развратили сердце и уста христианских народов мертвые законы о браке, данные канонем: принудила бы уста ко лжи, сердце к лукавству, лицо — к лицемерию, а волю вызвав на дерзкое противление себе. Воздержание до ночи с пятницы на субботу было идеалом, звавшим к себе: но «затоплялись берега» субботы, и израильская молодая чета шла в храм и приносила в жертву двух горлинок в «очищение от греха». И грех очищался. Дети Иеговы — как звали и чувствовали себя все израильтяне — были опять невинны перед своим Небесным Отцом; и если они нетерпением и в следующую ночь нарушали субботу, умаляли субботу: опять — жертва, и опять — ничего. В Талмуде сказано, что частота совокуплений зависит: 1) от здоровья, 2) молодости и 3) *работы*. «В молодом возрасте супруги, если в то же время они имеют не занятым свое время (не устают на работе), совокупляются ежесуточно», — сказано там. А благочестивый обычай евреев, установленный их равви, указал в первый год брака не брать молодого мужа в военную службу, т. е. если даже есть война, и принимать прокормление молодых на счет родителей три года: т. е. избавлять их от труда, работы, заботы. Таким образом каждая родительская семья, как и учреждения государственных (в Старой Палестине), предусматривала и так устроила силы молодого мужа, дабы всякие сутки ему хотелось войти и он мог войти в лоно их дочери. Ибо, по обычаю, первый год супружества проводился еще в родительском гнезде молодой женщины (приближенность жертвоприношений, магическая и физическая, через ум, слух, изредка и случайно, через увиденье, к лицам, этих жертв желающим, и на алкании которых трансцендентно все в браке и держится, основывается). Каждый поймет, что *один* этот закон мудрее и любящее, чем все христианские законы о браке, впрочем вытекшие из ненавидения молодого и невинного счастья. Ибо все законы евреев — от обрезания и в духе обрезания, все законы христиан — от скопчества и в духе оскотления.

Умалять субботу не следует: но у евреев был и «субботный год»; вот молодые в возрасте 13—16 лет и проходили, при обеспечении от родителей, такой в своем роде «субботный год» брака, беспечно размножаясь. Столько именно отлагается в этом возрасте «залогов» в организме, что каждый день для юных становится «субботою»; это как бы «субботный» возраст, «субботные» силы. Об обилии семени: нельзя ни на минуту за-

бывать, что как *рост* не останавливается, так не останавливается никогда, ни на час, ни на минуту, отделение в организме семени, раз что он перестал *вертикально* расти или *замедлился* в росте: и в течение 6 дней (по идее «субботы»), в 3—2 дня (по Лютеру) или в 1 сутки (у молодых и без дела), или, наконец, в течение нескольких часов (в приведенных из медицины случаях) семя выделяется внутренно столько, что совокупление становится невольным, томительно желательным, и угнетало бы душу, если бы не совершилось. Тогда, конечно, оно должно быть совершено, хотя «утренняя жертва» тоже должна быть принесена, потому что все же нечто отнято у субботы. Наконец, именно в медицине рассказанные случаи, которые не укладываются в норму никакого *верного* супружества (а *нет* супружества — без верности), для избежания лукавства и лжи в народе, чтобы не *привить* народу *привычки* ко лжи — вызвали у евреев два великих института: чрезмерное напряжение половой силы у мужа находило себе разрешение в благословенном по закону многоженстве, а чрезмерное напряжение половой силы у женщин разрешилось в институте священных блудниц, живших при Храме, вероятно в тех комнатках 3-этажного здания, которое окружало Храм и которое по христианским комментариям (Олесницкий — «Ветхозаветный храм» *) служило «для хранения священных сосудов»... Можно представить себе такое множество металлических щипчиков (для углей), чаш и ковшей (для жертвенной крови), что они заняли собой столько же помещения, сколько все товары — *все товары!* — в Московском или Петербургском пассаже!!! Ибо здание в три этажа, свободно облежавшее Храм, было даже больше Пассажа! Но, надеемся, в Ветхом Завете не было столько камилавок, эфодов, столько ложечек и чаш. О камилавках упоминаю потому, что остроумные христианские комментаторы, не зная, чем наполнить эти комнатки, предполагают еще, что в них хранились «священнические одежды». Их язык обжигает сознаться, их перо бессильно *переписать* в христианскую книгу из Библии то сведение, что при Храме постоянно обитали, как у нас живут при церквях «просвирни» (старушки), — юницы израильские, не пошедшие, *как все прочие*, в замужество по неспособности к нему, а обрекшие в супружество себя не *лицу*, а всему священному *народу*. Все было из обрезания, все в духе обрезания. С этими-то блудницами, *по повелению Божию*, зачинал детей один

из пророков, как об этом он рассказывает в книге пророчества своего — беря в «свидетели» двух священников храма. «Свидетели» были — как у нас при браке. Подобное совокупление с блудницами, ритуально обставленное («свидетели-священники»), не было очевидно порицаемо в пророке, «человеке Божиим» по взгляду народа и по действительности, а следовательно, таковое же с блудницею совокупление не порицалось и не могло порицаться и в каком бы то ни было израильтянине; оно не «марало» ни блудницу, ни приходившего к ней, как не марает никого наш брак, что видно именно из краткого ритуала («священники-свидетели»).

Через эти великие, величайшие учреждения, давшие бархатное и вместе каменное русло чрезмерным половым напряжениям в обоих полах, — навсегда было обеспечено здоровье народное от половых заболеваний, заливших христианский мир и неустрашимых при христианской форме брака. Вода течет в ручье, в реке и в водопаде; и все три прекрасны, если каждый стоит *особо* и они не смешиваются вместе. Но при христианском узком, скопческом браке, водопад стал падать в ручей и разбил ручей; некоторые мужья пошли к проституткам, многие жены стали проституировать, сохраняя положение и лживое лицо и имя. *Границы всего перемешались*. Старцы женятся, юношам запрещен брак. Водопад все залил... А отделенно, как избыток сил у *некоторых*, этот водопад (со стороны женской) поил всякого усталого израильтянина, приходившего по торговым делам в Иерусалим, всякого странника из чужой земли, воина без жены, купца вне семьи и, наконец, вот самого пророка, который при свидетельстве двух священников и по повелению Иеговы вошел к блуднице — не для сожительства, не для брака в нашем смысле, но чтобы иметь с нею *одно* сношение, у нас именуемое типично проституционным.

И у нас от таковых заболевают: ибо на него нудит себя раба, нищая, кляча, торговка. У израиля же никто от этого не мог заболеть, так как из девушек, из разведенных и из вдов в «блудницы» беспорицаемо шла наиболее полнокровная, у которой вино не *доползало* до краев чаши (тип всякого человека, тип супруга, супруги), но чудесным образом играло и ежечасно выкидывалось *поп*. Таков на острове Исландии есть чудодейственный гейзер, на который ездят смотреть путешественники, и никто в этот гейзер не плюет. И израиль не «плевал» на

эту силу: но назвал таковых «супругами израиля» и поместил их в Храм. *Conjux totus populi, sacra conjux populi sacri* * — вот и все.

Все было от обрезания, все — в духе обрезания.

Линия безразличия в поле

Т. е. линия абсолютного покоя, \pm О напряжения.

Я ограничусь следующими фактами, сообщенными д-ром Августом Форелем в его книге «Половой вопрос», Спб., 1906 г., выпуск 1.

«Молодой человек, наделенный довольно сильным половым влечением, в то же время весьма положительный и серьезный, женился, не имев до того никогда сношений с женщинами, на девушке очень доброй, спокойной, интеллигентной и порядочной. Жена искренно и сердечно любит своего мужа, но совершенно равнодушна в половом отношении — хотя его ласки доставляют ей большое удовольствие. При половом акте она не испытывает никаких ощущений; он кажется ей лишь грязным придатком любви. Несмотря на это, жизнь их протекала вполне счастливо» (стр. 150, случай 3).

«Ласки доставляют удовольствие», т. е. впечатлительность наружной половой системы есть: и кто бы эти ласки ни совершал, мужчина или женщина, очевидно удовольствие будет одинаковым. Этой важной стороны не отмечает Форель, — тогда как в ней ясен переход к расширенным возможностям. Но вполне отсутствует позыв к мужскому семени: и этот-то биологический изворот парализовал удовольствие полового акта, в котором это семя воспринимается. Женщина обладает органом совокупления — но не для совокупления: оно не нужно, потому что семя не нужно. Поразительно и достопримечательно, что это биологическое «не нужно мне» перешло или, лучше сказать, отразилось во вкусе: «отвратительно для меня». На это нужно очень расширить глаза: мы везде будем встречать это «отвратительно» по отношению к половому акту в обоих линиях: в содомии, в аскетизме.

Поразительно, но вполне понятно и вполне ожидаемо, что с падением полового инстинкта падает, так сказать, «домоводственность». Половой акт — безразличен, муж — не нужен. Тогда зачем же дом, хозяйство, в обширном смысле — «гнездо»? Явно, что их и «не нужно». Умерла или как-то внутренне парализована, еще точнее — чем-то связана половая страсть в женщине: и как в жене в ней разрушена хозяйка и домоводительница.

«Второй случай.

Нормальный мужчина, с нормальным половым чувством, женился по любви на девушке из хорошей семьи, но несколько нервной. Невеста разговорчива, оживлена и, по-видимому, очень влюблена. Наступает свадьба, а с нею и первый холодный душ для новобрачных. Молодая жена *видит в половом акте грубое оскорбление своих чувств; супружеские сношения ей противны*. Для мужа это большое разочарование, но он спокойно рассудителен и потому решает вооружиться терпением. Чтобы избежать огласки, обе стороны мирятся со своими разочарованиями и стараются кое-как приспособиться друг к другу. *Жена соглашается на половые сношения*, а муж примиряется с ее холодностью. *Появляются дети. Жена оказывается неспособной ни к ведению хозяйства, ни воспитанию детей*. Муж, будучи очень занят, вынужден заботиться и об этом, но ему все труднее скрывать свое недовольство таким положением вещей, хотя для постороннего глаза это еще и незаметно. Он много зарабатывает, так что хватает на все» (стр. 148).

Таким образом, субъекты с половым безразличием бывают не только брачны, но даже у них и рождаются дети! Это нужно помнить, слыша иногда голоса даже *брачных* людей об отвращении их к половому акту: такой голос всегда звучит со стороны лиц, которые уже вошли в линию передвижения к содомии. Они выступили из категории своего пола, но пока остановились на черте безразличия!

«Третий случай.

Мужчина совершенно *нормального крепкого телосложения, высокообразованный, очень даровитый и этически развитый*; по странной случайности (?! В. Р.) *смолоду лишен всякого полового чувства*. Только от поры до времени у него во время сна появляются поллюции, которые он замечает проснувшись. Эрекция тоже бывает во время сна, но без всяких эротических представлений, которых у него, так сказать (?! В. Р.), никогда не бывало. Несмотря на высокое образование и зрелый возраст, этот человек не имеет понятия о половых отношениях, и все, что он слышал или читал об этом предмете, превратно понималось им или проходило для него незамеченным. Когда мне пришлось говорить с ним об этом, получилось впечатление, *как если бы человека, страдающего дальтонизмом (неспособностью различать цвета), учили отличать цвета. В супружестве он видел лишь интеллектуальный и сердечный союз*¹, и воображал, что когда люди женятся, то дети появляются сами собой. *Женился он на очень образованной девушке, не очень интеллигентной, но в высшей степени стыдливой и скромной*. Отношения, конечно, получились стран-

¹ Основная точка зрения *исторической церкви* на брак («ради духовных целей», «ради духовной гармонии душ», «ради совместного стремления к нравственному совершенству»). Этот взгляд так упорен и, традиционно, так давно установился, что духовные писатели, даже под напором полемики, не в силах выговорить, написать: «Брак ради страстно-любовного совокупления», что составляет очевидность для 999 из 1000 человек, ибо составляет наличный факт жизни этих 999 из 1000 человек. В. Р.-а.

ные. Жена вскоре заметила недостаток мужа, а так как ей *очень хотелось иметь детей*, то это сильно огорчало мужа и она жестоко упрекала мужа¹. Тогда ему мало-помалу стало ясно, что брак, пожалуй, и не совсем то, что он себе представлял. Но никакие советы насчет полового акта, разумеется, не помогли, и *никакими способами не удалось в нем возбудить ни малейшего полового чувства*. Тем не менее к жене он всегда относился с большим вниманием и любовью; хотя при всем своем желании не мог проявить к ней половой, т. е. чувственной, любовной страсти. Не желая огласки, она предпочитала терпеть.

Другой мужчина, тоже образованный, хотя и односторонне, отличался необыкновенной *застенчивостью*² и вел уединенную жизнь. В половом отношении он был совершенно равнодушен, и только изредка у него происходили ночные поллюции. Хотя половые отношения не были совершенно чужды его пониманию, но у него отсутствовало всякое желание их; и брак, подобно предыдущему, он представлял лишь в виде чисто интеллектуальной связи. *Женился* он на интеллигентной, довольно страстной девушке. С самого начала он стал вести себя с женой необыкновенно сдержанно, что до глубины души возмущало и огорчало ее. Правда, что такое поведение вытекало, главным образом, из его *застенчивости и чисто девичьей конфузливости*³. Жена явилась ко мне за советом. Родные советовали ей развестись, на что она не могла решиться, жалея мужа. Пришел и муж ко мне. Я основательно просветил его и в довершение прочел ему порядочную нотацию за его поведение в отношении жены⁴... Спустя некоторое время я сказал жене его, что ей придется духовно *взять на себя роль мужа* и, ввиду его застенчивости, сделать первый шаг в половом отношении. К сожалению, мне не удалось дальше проследить этот случай» (стр. 151—153).

Д-р Форель не подчеркивает здесь появления «неодолимой застенчивости», «чисто девической стыдливости» — симптомов вовсе не кажущихся только, но *совершенно реальных — девушки*. Между тем этот факт проливает свет на весь ряд этих явлений, определяя его как *переход мужчины в девичество*, из «+О» пола в «-О» его. Он, следовательно, выражается.

- 1) в молчании полового аппетита — вечной *сытостью собою и в себе*;
- 2) в чувстве *отвращения к половому акту*;

¹ Поразительно, и соответствует тому, что мы выше говорили о вечной женственности: «стыдлива и скромна» до степени, что это отмечается в медицинском документе («что ему Гекуба?»), и параллельно этому, точнее в основе этого, — в ней лежит сильнейший инстинкт материнства, плодonoшения, чревонаполнения, и, следовательно, предварительнее всего — совокупления! «Стыдлива и скромна, потому что похотлива»; «крвется, молча и застенчиво, к фаллу пропорционально целомудрию» — вот формула! В. Р-в.

² и ³ Впервые появляется качество девушки! Как это интересно, — просто содрогаешься читать! Мировая тайна, колодезь мировых секретов. В. Р-в.

⁴ Совершенный дурак, т. е. доктор.

- 3) в неспособности совершить его, полной или почти полной (степени, ряд оттенков);
- 4) в сохранении *вторичных* (дополнительных) *качеств супруга*: влечения к психологическому или интеллектуальному общению с женщиной, постоянному и тесному, — что и бывает причиной заключения брака, в этом случае не *плотского*, а *духовного*, спиритуалистического;
- 5) в появлении *вторичных* же, дополнительных *качеств девушки*, выраженных более или менее, и при необращении в эту сторону внимания наблюдателя — не отмечаемых вовсе (застенчивость, но встречаются и другие).

Касательно «сытости собой и в себе» я должен заметить, что брак, супружество и даже половой акт, конечно, происходит у этих субъектов, но протекает *не в половых их органах*, а во *всей организации*, в *общей организации*, преимущественно же *в крови*. Брак и даже акт супружества есть проникание друг в друга и друг другом мужской природы и женской природы. В данном субъекте, как и в каждом человеке, обе эти природы есть: так как он произошел не от *одной* матери и не от *одного* отца, но от *соединенных* матери и отца, от клеточки мужской и женской. До 11—13 лет обе эти стороны или, точнее, части бывают *связаны* одна другой, и от этого *недеятельны*; но с первого же дня зачатия и во все время утробной жизни и потом во внеутробной, *до пробуждения полового инстинкта*, — совершается половая вибрация, как бы нажим и разжим гармоник, одна половина которой — женская, а другая — мужская, *внутри самого организма*; откуда и происходит его жизненность, живость, сила, сияние (младенчество, детство). Но с 11—13 лет та половина, которая соответствует наружным половым органам, получает перевес, противоположная же подсыхает, иссыкает, малится (хотя никогда *вовсе* не исчезает, ибо тогда человек *умер* бы); и женщину, которую ранее *отрок находил внутри себя*, — он теперь ищет *вне себя*, находит ее и вступает с нею в брак; и является *внешнее половое слияние*. Так бывает обыкновенно в 995 из 1 000. Но в немногих случаях, в пяти из тысячи, *ни которая* половина до конца жизни не перевешивает — и *внешний брак невозможен*. Человек остается, в сущности, до конца жизни *отроком*. Наконец, в 1 случае из 10 000 (приблизительно) получает перевес не сторона, отвечающая

наружным половым органам (которые в таком случае являются напрасно и не нужно данными этому субъекту, *ни к чему у него не пригодными*, подлежащими собственно полному, напр., хирургическому удалению), а сторона другая: именно девушки, несмотря на мужские половые органы, и мужчины — несмотря на женскую детородную систему.

Рассказанные случаи все и относятся к моменту этого перехода, суть начало этого перехода. Они образуют

муже и дево
девство и мужество, *полу-гомосексуальность* или *полу-содомию*, иначе могущую быть названной, за отсутствием физического общения, *духовной содомией* или *духовной* гомосексуальностью. Хотя, должен признаться, оба эти термина мне противны и неточны, и употребляю я их единственно для того, чтобы обозначить явления, о которых говорю. Это есть то удивлявшее еще в древности состояние людей, когда они неотяжелены общим бременем всех людей, общей заботой всех людей, всемирной рода человеческого нуждой — найти себе самку, «соответственную себе» (Бытие, II), самца, «соответственного себе», — «супругу», «супруга». Это — от века *не «обрученные»* люди, которые или не будут «супружиться», или, и посупружась, — будут вести жизнь, как девственные. Это «те, которые не осквернились с женами, понеже девственники суть», и число их исчислено в небольшую для судеб всего человечества цифру 144 000; «скопцы от чрева матери», предназначенные для «царства небесного», где «не посягают и не женятся» и «не будут иметь детей». Отвратительными медицинскими терминами и фантастическими, совершенно глупыми представлениями и сплетнями общества *истина* этого явления глубоко погребена под *сором*; и в то время как общество, ничего не знающее о таком субъекте *лично*, любит его как каким-то спокойным «ангелом», не знающим самых томительных человеческих забот и вместе с тем самых унижительных, ибо «отыскание» самки (или самца) себе всегда сопряжено с само-порабощением, с заискиванием, «ухаживанием», — то же самое общество, не зная глубины явления и не догадываясь, что к категории этой принадлежат всеобщие любимые и почитаемые лица, — рисует вообще и шаблонно, механически и машинно всю эту категорию людей «извращенными», «развратными», «больными», «уродами», чему, главным образом, способствовала ремесленная медицина и ремесленная юрисдик-

ция. Врач с клистирной трубкой и пластырем и судья, всегда судивший кражи, убийства и подлоги, встретясь с явлением, для которого недостаточно всех умственных сил Пастера, Шарко и друг., стали — один брызгать на него из клистирной трубки, а другой приговорил его в тюрьму; оба — «по профессии своей», по привычке своей, по традиции своей; проще же — оттого, что они *никогда ничего другого* и не умели делать ни с чем. Все это рассказано еще в басне о петухе, который,

Навозну кучу разрывая,

нашел зерно особой породы, вида и, *спросив* у него свойств ячменного зерна и *не найдя* их — разразился известным глубокомысленным рассуждением-бранью.

Самоотрицание пола: духовная содомия и аскетизм

Между тем это редкое явление, но совершенно естественное в *текущем поле*, явление \pm *полового вожделения*, оно-то и лежит малым горчичным зерном, из которого выросло дерево, затенившее ветвями своими целую землю и от плодов которого духовно питаются все народы.

Спешат ли в далекие страны вновь открытой Америки или древнего Китая посланцы папы, прозелиты веры, возможные мученики: знайте, *это — девственники*. Они *никогда* не женятся.

Спешит ли в духовную академию загасить лишнюю *светскость*, лишние *земные интересы*, излишнее увлечение *наукой*, а не *святостью* — строгий судья: и не спрашивая можно знать, что это есть лицо, *никогда не осквернившее* себя прикосновением к женщине!

Кто слагал дивные обращения к Богу? — Они!

Кто выработал с *дивным вкусом* все ритуалы? — Они!

Кто выткал всю необозримую ткань нашей религиозности? — Они, они!

«Особые силы духовные!..»

«Особая, небесная помощь!»

\pm пола и есть та свеча, о свете которой сказано, что «тьма никогда его не обнимет». Тьма чего? «Греха», «похоти», «вожделения к женщине», «скверны».

Это имя «скверна», как только оно где-нибудь прозвучало, до Р. Х. или после Р. Х., в Элладе или в Германии, в книге светской или в книге духовной, оно выразило

обоняние $\frac{\text{муже}}{\text{девы}}$, осязание $\frac{\text{муже}}{\text{девы}}$, вкус $\frac{\text{его}}{\text{ее}}$, представле-

ние $\frac{\text{его}}{\text{ее}}$, воображение $\frac{\text{его}}{\text{ее}}$. Только это одно ощущение и кладет водораздел между $+$ пола и \pm пола, размножением и содомией. *Ничто еще!* Или все другое — побочно, второстепенно, не непременно. «Вкусно!» — «*Не вкусно!*» И — больше ничего. Это — *главное*, почти — *все!*

«Все» это — «вкусно» и «*не вкусно*» — проникает человека до глубины костей, до последней кишки, до самой малой артерии; объемлет мозг его, зрение его, слух его, обоняние его. У духовного содомита это все — уже *другое*, нежели у размножающегося, у многодетного самца.

Глаз у содомита — другой!

Рукопожатие — другое!

Улыбка — совсем иная. Обращение, манеры, все, все — новое!

Если хотите — он *третий* человек около Адама и Евы; в сущности — это тот «Адам», из которого *еще не вышла* Ева; первый *полный* Адам. Он древнее того «первого человека, который *начал размножаться*». Он смотрит на мир более древним глазом; несет в натуре своей более древние залогов, помнит более древние сказки мира и более древние песни земли. В *космологическом* и *религиозном* порядке он предшествует размножению; размножение пришло *потом*, пришло *позднее*, и покрыло его, как теперешние пласты земли покрыли девонскую или юрскую формацию. Он — девонская формация; размножение — теперешняя.

От этих «более древних сказок» и «более древних песен», какие он несет в своей натуре, помнит и не помнит их, забыл и не совсем забыл, — все существо его какое-то терпкое, сопротивляющееся, устойчивое, необоримое. «И мгла (размножения) его не поглотит». Как ни *мало* их на земле во всякое время — так мало, что даже к «светопредставлению» наберется всего 144 000, — творчество их, начиная с двух мудрецов Греции, Сократа и Платона, необозримо по величине и не только устойчиво, но и совершенно вечно. «Девонская формация в человечестве заговорила». Почти всегда они консерваторы («девонская формация»), не любят нового, точнее — новенького, «современного». Все тянут назад, в глубь веков. Это говорит в них древняя песня, зовет к себе древняя песня, — их «рай» метафизический, «рай» в костях их, в крови их, во *вкусовом* их ощущении. Будет ли он композитором — музыка его будет особенная; будет ли

он живописцем — картина его будет особенная; что философия их была особенная — об этом говорят Сократ и Платон, неудачный муж Ксантипы и вечный девственник, инок-старец античного мира. До него были дьячки и диаконы философии: но вот из садов Академии, точно с трикириями и в полном облачении, исшел великий архиерей метафизики. И все умолкло, преклонилось и восхитилось.

Муже-девы и их учение

Как человек с +1+2+3 и т. д. полового притяжения чувствует в половом акте 1) здоровье, 2) нравственное, 3) полезное, 4) благородное, 5) прекрасное, — и отцы и матери чистейших девушек, в случае выхода их замуж за неспособного, гневно требуют расторжения такого брака, как *гнилого* и *мерзкого*, чтобы отдать вторично дочь свою за способного мужчину, который мог бы ее растлить и забеременить, — а когда у дочери родится первый младенец, то, как я два раза наблюдал, деды трогательно носят при себе фотографию¹ этого младенца (в одном случае младенец был снят голеньким), — так духовные содомиты «и вообразить себе не могут» этот акт иначе, как позорным, глупым, скверным, грязным, обобщенно и отдаленно — греховным, противным Богу, безнравственным. То ожесточенное «я *девица*», которым отвечают полные, физические содомиты, когда медик и судья называют их мужским именем, данным при крещении, это самое ожесточенье и *полная уверенность*, будто с ними солидарен и весь свет, будто все люди «так же чувствуют», выражается у полу-содомитов в ощущении гнусности полового акта. И это понятно. Вся та степень

¹ Об Д. И. Менделееве мне было передано, очень трогательно, что когда одна из дочерей его, выйдя замуж, первые годы не беременела, то отец выражал крайнее смущение, нервность и беспокойство, исчезнувшее с беременностью ее. В «Семейной хронике» С. Т. Аксакова это же рассказывается об отце женившегося молодого человека. Одна замужняя и бездетная дама, супруга высокоинтеллигентного доктора и сама высокоинтеллигентная женщина, передала мне, что на год 5-ый замужества отец прошептал ей как-то: «Что же, Н (ласкательное имя), ты не родишь нам с матерью внука». Вообще потомства все ждут не спокойно, а *жадно*; и как мы — «по образу и подобию Божию», то *также* ожидает, именно *нетерпеливо* ожидает Бог от всякого юноши и от всякой девушки детенышей. Этому-то Божескому ожиданию и отвечает волна страсти в нас. Все богословские книги не могут опровергнуть этой строки. А в ней — гроб монашества. В. Р-в.

гнушения, какую нормальный человек (с «+1» пола) испытывает к воображаемому или действительному, к видимому или читаемому так называемому *извращенному* половому сближению мужчины и мужчины или женщины и женщины, весь этот же ужас и мистический страх чувствует человек с «±» полового притяжения к *естественному*, т. е. вообще к *бывающему совокуплению*, к *браку*: «Нельзя поверить, чтобы кто-нибудь это делал без ощущения *греха!*» Никто не может перескочить через свою *кровь*: и что для нас — *содомический* акт, то для них — *нормальный*. Содомия есть «извращение» для нас, но и обратно — «наше» есть «извращение» для содомита. В бесчисленных сочинениях, светских и философских, но главным образом — в духовных, они убеждают, уверяют, клянутся, что это «гнусно», хотя все другие говорят, что это — «хорошо»; уверяют, что «никто этого не чувствует как *хорошее*», что «все этого *стыдятся*», когда *никто* этого не стыдится (*открытое* семейное положение, «откровенное» выдавание дочерей в замужество, «откровенная» женитьба родителями сыновей); *твердят*, будто «Бог *запретил* это», «не *хочет* этого», хотя «плодитесь, множитесь» стоит на первой странице Библии. «Чувствуем, как *девы*», — говорят длинноволосые, с *девичьими* волосами субъекты; и, по крайней мере в *духовной* литературе, нет ни одного голоса, который разрушил бы это согласие, это единогласье, — почему можно заключить, что *вся* духовная литература течет от этого источника, ему одному обязана своим происхождением; и, словом, что «суть *духовного*» есть в то же время «суть *содомского*». Не говорю, что все духовные писатели искренни в этом утверждении, так как они множатся вообще как и мы, и вообще *сословие* не может принадлежать к этой редкой категории, но кто внутренне и не согласен с этим содомским вкусом — вынужден уже законом и традицией повторять то же; «приличие требует» не изменять духовному содому и хотя бы слово сказать в пользу библейского, естественного, всеобщего совокупления и ощущения этого совокупления. «И нам *не нравится*», — говорят десяти-детный протоиерей и восьми-детный диакон; «И мы *стыдимся* — чувствуем *противоестественность* и *греховность*», — говорит приискивающий спешно и жадно для своей дочери мужа соборный настоятель.

Замечательно, что у двух наших писателей, которые «с ума бы сошли», если бы кто-нибудь их заподозрил в содомии (духовной), тем не менее встречаются слова,

выражения, описания, бесспорно говорящие о присутствии у них обоих этого начала, этой стихии, по крайней мере в качестве *прослойки души, вяния, горчичного зерна...*

Вот любопытные отрывки:

«Нехлюдов, хотя и скрывал это от себя, хотя и боролся с этим чувством, *ненавидел своего зятя*. Антипатичен он ему был своей вульгарностью чувств, самоуверенной ограниченностью, и, *главное, антипатичен был ему за сестру*, которая могла так страстно, эгоистично-чувственно любить эту бедную натуру, и в угоду мужу могла заглушить все то хорошее, что было в ней»... Доселе — мораль; хотя где же набраться все «даровитых» зятьев?.. Можно любить и «кой-каких»: ведь любил же и оттенил все качества сам Толстой у Ник. Ростова («Война и Мир»). Но вот слушайте дальше: выступает физиология, и Толстой произносит слова типичного урнинга, каких не пришло бы на ум написать, не «написалось бы» *по натуре* ни у какого автора — *только самца*: «Нехлюдову всегда было мучительно больно думать, что Наташа — жена этого волосатого с глянцевитой лысиной самоуверенного человека. Он даже не мог удерживать отвращения к его детям. И всякий раз, когда узнавал, что она готовится быть матерью, испытывал чувство, подобное соболезнованию, о том, что опять она чем-то дурным заразилась от этого чуждого им всем человека» («Воскресение» Л. Н. Толстого, гл. XXIX).

Эти слова о *беременности*, как «заразе чем-то», до того новы и необычайны во всемирной литературе, во всемирной мысли, и вместе они до того ярки, страстны, что и без моего подсказывания всякий читатель почувствует, что тут в фундаменте лежит какое-то мировое извращение, «поворот земной оси на другой градус»...

Там же, в «Воскресении», в части 3-й, гл. III, описана содомитянка, без всякого подозрения автора о том, что он именно рисует, но портрет так полон, что просится к Крафт-Эбингу. Вернее, Эбинг никогда не написал бы своей глупой книжонки, узнай он это описание Толстого и догадайся в неповоротливом уме своем, что дело тут идет о его (мнимых) «пациентах»:

«Она (Катюша Маслова) восхищалась всеми своими новыми сотоварищами (политически-ссылными). Но больше всех она восхищалась Марьей Павловной: и не только восхищалась ею, но полюбила ее *особенной почти-тельной и восторженной любовью*. Ее поражало то, что

эта красивая девушка из богатого генеральского дома, говорившая на трех языках, держала себя как простая работница¹, отдавала другим все, что присылал ей ее богатый брат, и одевалась и обувалась не только просто, но и бедно, не обращая никакого внимания на свою наружность². Эта черта: совершенное отсутствие кокетства, особенно удивляла и потому прельщала Маслову. Маслова видела, что Марья Павловна знала, и даже что ей приятно было знать, что она красива, но что она не только не радовалась тому впечатлению, которое производила на мужчин, но боялась этого и испытывала прямое отвращение и страх к влюблению³. Товарищи ее, мужчины, зная это, если и чувствовали влечение к ней, то уж не позволяли себе показывать этого, и обращались с ней как с товарищем-мужчиной. Но незнакомые люди часто приставали к ней, и от них, как она рассказывала, спасала ее большая физическая сила, которой она особенно гордилась⁴. «Один раз,—как она смеясь рассказывала:—ко мне пристал на улице какой-то господин, и ни за что не хотел отстать: так я так его потрясла, что он испугался и убежал от меня».

Она рассказывала, что с детства чувствовала отвращение к господской жизни, а любила жизнь простых людей, и ее всегда бранили за то, что она — в девичьей, в кухне, в конюшне, а не — в гостиной.

«— А мне с кухарками и кучерами бывало весело, а с нашими дамами и господами скучно,— рассказывала

¹ Параллель этому — легкое, без страдания, без физической муки от трения, оставление древними христианками-девами родительских домов и всей обстановки богатства и удобства. Полу-содомитки, т. е. полу-мужчины,—внутренне жестки; и потому жесткое снаружи их не «дерет» по коже, по вкусам и по душе. В. Р.-в.

² Какая аналогия с инокинями, с монастырем! Явно,—одно вдохновение там и здесь! Но следите же, из какого однако родника физиологии бьет это вдохновение, и вся сумма этих вкусов, как антипатий и симпатий: в корне *Venus utriusque sexus* (см. выше), отвращающаяся от мужской похоти!.. В. Р.-в.

³ Поразительно. Толстой чуть-чуть не договорил «всего дела»: «своя красота радует, но мужское влюбление пугает». Да ведь это весь очерк — Артемиды (богини луны) греческой, охотницы, блуждающей по лесам. Но «радующая красота» явно радует в отношении кого-то, п. ч. иначе это была бы какая-то онанистическая эстетика. Кого же? Да *девушек, женщин!* Марья Павловна не дошла немного «до точки», как не дошла и Артемиды. Еще шаг — и получилась бы поэтесса Сафо с о-ва Лесбоса. Артемиды — *недоконченный* или, вернее, *переходный* тип греческой мифологии. В. Р.-в.

⁴ Полная аналогия «пациенткам» Крафт-Эбинга! Если бы Толстой знал об этом совпадении! Если бы об этом совпадении знал Крафт-Эбинг! В. Р.-в.

она. — Потом, когда я стала понимать, я увидела, что наша жизнь совсем дурная. Матери у меня не было, *отца я не любила*; девятнадцати лет я с товаркой ушла из дому, и поступила работницей на фабрику¹.

После фабрики она жила в деревне, потом приехала в город, была арестована и приговорена к каторге. Мария Павловна не рассказывала никогда этого сама, но Катюша узнала от других, что *взяла на себя чужую вину*².

¹ Поразительные подробности... О, сколько аналогий с первыми инокинями... «Не любила отца»... Имеющие *сами не рождать*, «бессемейные» сами, — ничего не чувствуют к вертикальным степеням родства: детей — *не будет*, а родителей как бы *нет*. «Чужие» по направлению *вниз и вверх*, но зато *удвоенно родные* в связанности с *однолетками*, с друзьями (юноши), с подругами (девушки)... Лесбиянство — в духовной степени — этой Мар. Пав. выражается в том, что она уходит на фабрику не с «героем-юношей», не с «женихом» (обычная форма, обычный мотив, обычная тяга), а с *подругой*... Но уже поистине ее «подруга» есть ее тайный «жених»... Два шага бы вперед, в организации и жизни; и эта Мария Павловна, как древняя жрица Крита или Египта, пошла бы с этою «подругой» не на фабрику, а в храм Парсефены или Плутона («подземные» боги, боги «Аида»), с цветами, жертвами и мольбою: «Побрачьте нас, двух девушек... Ибо *мужчин мы обе ненавидим*» (Dea Lunus). Еще заметка: так вот где *родник* безумной роскоши, утопания в роскоши «напудренных маркиз» или разных «Клеопатр» всех веков, обычно окруженных любовниками (самцами). Близость к Лесбосу, «мужское в женском», «влияние Луны» отражается суровостью, «ненужностью вещей», «ненужностью имущества и обстановки» (всего, что «рождает Солнышко»)... Обратно: повышенная *самочность* и приближение к «вечной женственности», утончая нервы, увеличивая пахучесть, увеличивая «нектар» души и физики, порождает тоскливое желание весь мир обратить в «кружева и паутину», или обвить весь мир чем-то «кружевным», роскошью, негой... «Дворец не дворец» и «обстановка не обстановка»... Это — *другой полюс монастыря*: увы, столь естественный полюс! До чего разгадывается цивилизация! Как невозможно цивилизацию постигнуть без обращения внимания на вечную борьбу «полнобедренной» Афродиты (и «Песни Песней») с худощавою Ашерою, которой в «жертву» сжигали детей... которой «ничего не надо», кроме кельи и ломтя хлеба, кроме «селедки» наших социал-демократов (см. у Степняка в «Подпольной России»: вечно едят, на «конспиративных пирушках», свою «селедку», не догадываясь, до чего это показывает их связь и с Ганимедом-Лесбосом, и с Ашерою-инокиней). В. Р-в.

² Великодушие, сострадание, чисто «христианские чувства» и «христианские отношения»... Между тем *по исповеданию* она атеистка и, вообще, вне — всяких религий. Мы отсюда можем судить, откуда *в религиях-то* *взялись* все эти их типичные черты, будто бы «Богом заповеданные» и человеком только «принятые к исполнению». Нет, все от матушки-натуры: но только в «натуру»-то эту надо вглядеться и рассмотреть все ее *разнообразные* слои, «почвы», «подпочвы», «суглинок», «песок» и «средисце»... В. Р-в.

С тех пор, как Катюша узнала ее, она видела, что, где бы она ни была, при каких бы ни было условиях, Марья Павловна *никогда не думала о себе, а всегда была озабочена только тем, как бы услужить, помочь кому-нибудь в большом или малом.* Один из теперешних товарищей ее, Новодворов, шутя говорил про нее, что она *предается спорту благотворения.* И это была правда. *Весь интерес ее жизни состоял, как для охотника найти дичь, в том, чтобы найти случай служения другим.* И этот спорт сделался привычкой, сделался делом ее жизни. И делала она это так естественно, что все, знавшие ее, уже не ценили, а требовали этого ¹.

¹ Поразительно: *полный очерк древней христианки!* Но родник в том, что *метафизически* перерезаны вертикальные связи (с *детьми* и *родителями*) и *метафизически* же отросли такие толстые «ручищи» (вместо *genital'ий*) для «связывания» с «ближними», с «соседями», с «однолетками», что связь эта необорима, неубиваема, неустанна, не тягостна, и прямо «в пищу», «в насыщение» полу-содомиток... Она *вовсе не устает* на помощи «ближнему», «в услужении» ближнему, духовным «братьям» и «сестрам», — и *точно так же и по той же причине* не устает, как *sainte prostituée* Египта не уставала, совокупляясь... *Разные «призвания», и радость, восторг в исполнении мирового «служения»...* Но из этого ясно, до чего «дево-мужи» и «муже-девы» необходимы в цивилизации, какую колоссальную роль в жизни играют эти «никогда не выходящие замуж», какая толща работы принесена ими на алтарь человечества. Между тем что такое «содом» по оценке юриспруденции, полиции? по оценке религии? наконец, «бесстрастной науки»?! Предмет «серного огня», куτούжки и дома умалишенных!!! И только оттого, что незамечены были *переходные формы* к содомии, да и она сама была постигнута не в психологии своей, не в таланте и чести, но под углом *единственно и одного actus'a sodomicus'a*, которого в 9/10 случаев *и не бывает* *вовсе*, а при «духовных содружествах», хотя они сопровождаются уже телесною любовью, иногда — телесным влюблением (тут — *мирады степеней*), этот *actus* отсутствует в 10/10 случаев... Все было проклято из-за действительно гнусного *coitus'a* *per anum*: которого или *нет*, или он есть только одна *жилка*, который-то «нерв», не главный и даже *не значащий*, в необозримом организме содомии, как необыкновенной близости, как «проничания лучами друг друга», как «щупанье небесными щупальцами» душ друг друга, как любовь и, наконец, (лунная) влюбленность особей с теми же *genital'иями*, одинаковыми у обоих влюбленных. Стоило бы медицине и юриспруденции плюнуть на эти «*genital'ии*», как «плевали» на свои *genitalia* «пациенты», подавляли их, хотели бы отрезать, они им были «не нужны», «не интересны», «мертвы», и никогда «не возбуждались»: и *тотчас* бы они поняли это явление, и сами обольщенно залюбовались бы роскошью плодов, приносимых им на стол всемирной цивилизации! Добавлю то, что все время, на всем пространстве этой книги, хотел сказать: что уже самая *обыкновенная* дружба, — между «Иваном Ивановичем» и «Петр Ивановичем», между «Ольгой Семеновной» и «Варварой Петровною», — простое их «симпатизирование» друг другу, но *отличающее*

Когда Маслова поступила к ним, Марья Павловна почувствовала к ней отвращение, гадливость; Катюша заметила это. Но потом также заметила, что Марья Павловна, сделав усилие над собой, стала с нею особенно добра и ласкова. И доброта, и ласка такого необыкновенного существа так тронули Маслову, что она всей душой отдалась ей, бессознательно усваивая ее взгляды и невольно во всем подражая ей. Эта преданная любовь Катюши тронула Марью Павловну, и она также полюбила Катюшу.

Женщин этих сближало еще и то *отвращение, которое обе они испытывали к физической любви*. Одна ненавидела эту любовь потому, что извела весь ужас ее; другая — потому, что, не испытав ее, смотрела на нее, как на что-то непонятное и вместе с тем отвратительное и оскорбительное для человеческого достоинства¹.

Влад. Соловьев в сумбурном, спутанном предисловии к своим стихам, высказывает несколько суждений, не связанных и несвязуемых между собою, но в которых слышится этот же крик «священного галла»:

«Стихотворения «Das Ewig-weibliche» и «Три свидания» могут подать повод к обвинению меня в пагубном лжеучении, не вносится ли здесь женское начало в самое Божество? В ответ на это я должен сказать следующее: 1) перенесение плотских животнo-человеческих отношений в область сверх-человеческую есть величайшая мерзость и причина крайней гибели (потоп, Содом и Гоморра, «глубины сатанинския» последних времен); 2) поклонение женской природе самой по себе, т. е. началу

ся от безразличия или равнодушного отношения к прочим окружающим, есть содомия в дроби 1/100, 1/1000. Но все-таки именно «бескорыстное», не «утилитарное» отношение близости на почве любви, на почве «почему-то нравится», и «нравится особенно и больше всех» — есть содомия, т. е. дробь содомии. Как только мы это признаем или об этом догадались, так поймем, что в сущности вся жизнь залита содомнею, проникнута ею, как сахар, опущенный в стакан чаю, тающий и еще не растаявший... И что как сахар придает вкус чаю, так *essentia sodomica* сообщает сладость, приятность, легкость, облегченность, связанность и «социальность» всей жизни... В. Р-в.

¹ Ну, вот — и больше ничего не надо! Полное определение содомии по Крафт-Эбингу и друг. «Им это (половое сношение) непонятно и отвратительно» и кажется чем-то «оскорбительным для человеческого достоинства». Ретроспективно бросая взгляд на споры, изложенные в моей книге «В мире неясного и нерешенного», только теперь понимаешь их источник и пафос, и что спорившие о *девстве* и *браке* «никак не могли согласиться»: да спорили-то *полу-содомиты* — сами этого о себе не знавшие — и обыкновенные люди. В. Р-в.

двусмыслия и безразличия, восприимчивому ко лжи и злу не менее, чем к истине и добру,— есть величайшее *безумие* (оба курсива С-ва) и главная причина господствующего ныне размягчения и расслабления; 3) ничего общего с этой глупостью и с той мерзостью не имеет истинное почитание вечной женственности («Вечного Девства»? «Вечной Девы»,— мерцавшей древним в их Луне-Астарте? В. Р.), как действительно от века восприимчившей силу Божества, действительно вместившей полноту добра и истины, а через них — нетленное сияние красоты».

Заметим, что «внесение женского начала в природу Божества», страстно отвергаемое, вызывает как *продолжение свое* столько же страстное отвержение в Божестве и *мужского начала*. Но тогда, во-первых, что же нам делать с выражением Слова Божия: «по образу Нашему сотворим его» (человека), «*мужчину и женщину* сотворили их» (Адама и Еву)?.. и, 2) не останется ли тогда Божество совсем *без сущности, без содержания*, отвлеченным *именем и понятием*? — применительно к которому нельзя не вспомнить спора средневековых номиналистов и реалистов, что «понятия бывают *всякие*» и все они «*суть плод ума человеческого*»... Бог не станет ли тогда уже слишком *безвиден*?.. Во всяком случае, на иконах Православия «Ветхий деньми» изображается в виде Старца, т. е. в *определенно мужском образе*... И это никого не оскорбляет, ни у кого не вызывает недоумения или спора. Будем продолжать цитату из Соловьева.

«Но чем совершеннее и ближе откровение настоящей красоты; одевающей Божество и Его силой ведущей нас *к избавлению от страдания и смерти* (N. В.— конечно, ценой избавления и от «зачатий и рождений», ибо что рождается — *умирает*, а что умирает — то раньше *родилось*. В. Р.), тем тоньше черта, отделяющая ее от лживого ее подобия — от той обманчивой и бессильной красоты, которая только увековечивает царство страданий и смерти (т. е. от обыкновенной красоты женщин, которая, соблазняя мужчин, оплодотворяется ими, вечно *продолжает* рождения и с ними заготавливает жатву смерти. В. Р.)... Из вечной красоты некогда выйдет спасение мира... выйдет, когда ее *обманчивые подобия* (обычная женская прелесть) исчезнут, как та морская пена, что родила *простонародную Афродиту* (по Платону — «простонародная Афродита» рождает детей, а Небесная Афродита, Афродита-Уrania — бесплодна, но зато рождает

образы, фантазии, философии, молитвы; т. е. это есть Aphrodita Sodomica в том особом слиянии сияний, как я здесь объясняю). *Этой* (курс. С-ва) мои стихи не служат ни единым словом»...

Рождению — ничего, ноль! Никакого зернышка вдохновения! Это и есть крик Содома. «О, если бы я могла *разбить детей твоих о камень*», — говорит Афродита-Урания земной Афродите, — и в этом вся ее *суть*.

Мне только что принесли с почты брошюру «Брак и нравственная личность» * некоего О. Фози, печатающегося в «Мирном труде», нравственно-просветительном журнале, издающемся в Харькове. На обложке написано насмешливое: «В. В. Розанову — как специалисту брачных вопросов, *от автора*». Я действительно «как специалист» в этом деле, отогнув где нужно, моментально учуял рассуждение типичной mademoiselle в сюртуке, мыслящей о половом акте *точь-в-точь так*, как судят с пафосом в бесчисленных излияниях субъекты, исповедовавшиеся Крафт-Эбингу, Форелю и другим. И так как на обложках своих трудов авторы не пишут своих фамилий, — *как следовало бы* — с женским окончанием *а*, а удерживают мужское *ъ*, не пишут М. Иванова (Маша Иванова), а пишут М. Ивановъ (Михаил Иванов), то публика, ни о чем не догадываясь, все слушает и все внушается их рассуждениями, как чем-то *обще-человеческим, обще-философским, обще-религиозным!*

Автор с редкой для mademoiselles твердостью говорит, что *сущность* брака состоит, конечно, в половом общении, в совокуплении, а не в придатках к нему. «Нужно взять брак так, как *он есть* и каковым по самым естественным условиям своего существования *всегда должен быть*; и притом взять его не в отношении различных земных благ, которых через него можно достигнуть, а взять брак в его непосредственном фактическом отношении к человеку как непреходящей личности, и к осуществлению этой личностью своего понятия о цели жизни». И далее (тут речь автора показывает сама себя, и в своей духовной разумности, и в ясном органическом извращении, которое лежит под ней и направляет ее):

«Нужно взять неизменяемую часть брака, которая заключается, во-первых, в *акте чувственного единения* супругов, и, во-вторых, в *поддержании рода* как естественном значении брака, как его внутренней целесообразности. И нужно взять человека как *носителя идеального нравственного начала* в самой своей природе и непосред-

ственное отношение человека к раскрытию себя в мире по этому началу — как *нравственной личности*. Взяв так все дело, только и можно будет получить *догматическое* решение вопроса. Ибо здесь брак с самого первого же момента должен *фактически* оказаться или в совершенно отрицательном положении, или, наоборот, он будет всем своим содержанием только утверждать истинные начала жизни. В первом случае он уже имел бы право на *безусловное* существование; во втором случае, т. е. если задача каждой человеческой личности заключается в том, чтобы раскрыть в мировом бытии себя как *нравственную личность* — явить в себе *образ Бога*, — тогда естественный брак как в самой половой функции, так и в необходимых следствиях ее — есть дело, фактически несоответствующее истине¹. Здесь через родовой акт общения идеально нравственное начало природы человека всецело поглощается *бессмысленным чувственным материальным процессом организма*², и человек из своей разумной всегдашней жизнедеятельности сводится на степень *простого животного существования*³.

Все это необходимо должно быть именно так, если только не принимать брак в понятии христианского таинства, где он является *орудием борьбы человека с его нравственным несовершенством*, — школой воздержания⁴ и полного освобождения супругов из-под власти мате-

¹ Природа превозмогает! Автор, конечно, знает, что *на той же странице Библии*, где сказан радостный глагол о человеке, что он есть «подобие и образ Божий», сказана ему и заповедь: «Плодись, множись, *наполни землю*». Но mademoiselle кричит из него: «Не вижу, не читаю, не знаю!», «образ Божий и нравственный закон» *несовместим с «плодитесь, множитесь»*, ибо я — *нравствен, и не могу, отверщаясь размножаться*. В. Р-в.

² Да вовсе не «бессмысленным», а прекрасным и духовным, этическим и метафизическим. Не пора ли сказать философствующим mademoiselles, что половая деятельность, которая никем (кроме совершающих) *не зрима, никем не осязаема, о которой не говорят, не пишут* (сознают дурное и грех в *писании*), явно и есть *упоко-стигаемая область, чисто духовная область*, носящаяся, как пар и свет, только *в мысли, воображении и желаниях*; что это есть, таким образом, самый спиритуалистический мир. В. Р-в.

³ Вот дурак: да чем животные плохи?! Египтяне их почитали за *святых*, и мы тоже считаем их *безгрешнее* людей. Между тем у животных самец и самка не могут даже встретиться, чтобы сейчас же самец не начал особенным образом ласкать и нежить самку, т. е. они находятся в *постоянном, непрерывном* половом возбуждении. И — *невинны*. Урок мудрецам и мудречихам. В. Р-в.

⁴ Скажите, пожалуйста! Писал бы уж прямо: «*мы настоящие христиане* — mademoiselles, и мужчин-язычников нам вовсе не надо». В. Р-в.

риальных начал,— хотя¹, конечно, и христианское таинство не уничтожает собственного постоянного качества брака и его фактического значения для нравственного начала, ибо никто не может изменить природу вещи. А потому, *если где-либо в мире существует зло не как простой естественный недостаток добра, т. е. несовершенство, а как активная злая сила, как прямое отрицание нравственного добра, а вместе с сим и вечного смысла бытия и Бога, то брак есть сосредоточие, центральный пункт для этого зла*². *Здесь дьявол борется с Богом, добро и зло враждуют за свое значение в мире человека. Кто победит?*

В суждениях по вопросу о браке нередко указывают в качестве действительного его основания на те поставленные задачи и часто весьма высокие намерения, которые будущие супруги желают видеть и думают осуществить в своей совместной супружеской жизни. Но тот наличный факт, что брак существует и всегда может существовать помимо каких бы то ни было посторонних целей, с ясной очевидностью показывает, что они не только не служат для брака его естественным основанием, но даже можно сказать, что с чисто внешней стороны дела они вовсе и не обязательны для него. *Никакие благородные начинания человека сами по себе никогда не были бы в состоянии создать никакого брака в точном смысле этого слова, если бы не было дано в действительности фактической возможности брака* (мой курс.). Но независимо от всех подобных мотивов и вообще различных целей, которые могут преследовать вступающие в брак, последний сам по себе всегда должен иметь какое-либо основание по отношению к самой возможности его существования как такового. И брак, дей-

¹ Хорошо это «хотя»... Логика говорит: «Нет брака без совокупления», а натура кричит: «Не хочу совокупления, не могу». В. Р.-в.

² Ну, вот это хорошо, потому что прямо. Попики так решительно не говорят, все виляют. И «таинство», и «скверна». Г-н Фози не виляет, и говорит, что *брак есть борьба с Богом*, т. е. конечно с христианским Богом, с И. Христом; и что уж если в нем есть «таинство», то — сатанинское. Но ведь отсюда уже прямой вывод у автора и авторов такой мысли, что Ветхий Завет, благословляющий чадородие, есть завет человека с Сатаной, а Библия — сатанинская книга: с чем согласно тех христиан, которые дозволяли себе обрезываться, приобщались как к братьям своим к состоящим в Ветхом Завете евреям — *сжигали на костре*, как служителей Сатаны и детей дьявола. У нас, в России, был один случай такого сожжения, в Византии — множество таких случаев, целая эпоха. В. Р.-в.

ствительно, имеет это свое основание, и именно в заложенном в физическую природу организма *инстинкте рода*, без которого как не могло бы никогда возникнуть *никакого брака*, так и заключенный *помимо его* брак *потерял бы для человека всякое значение*, ибо оказался бы *не имеющим никакого смысла содружеством двух*, а не трех, четырех, десяти и т. д. лиц. Пусть чисто физическая сторона брака будет играть совсем незначительную роль в супружеской жизни, а при заключении брака пусть ей отводится самое последнее место, или даже пусть она умышленно совсем игнорируется — все это, однако, ничуть не изменяет и не может изменить того положения, что *основу* всякого брака в действительности составляет все-таки *родовой акт*, а не что-либо другое, ибо только чрез него получает свою реальность инстинкт рода¹. «Брак на всех ступенях органической лестницы, начиная водорослью и кончая человеком, представляет одно и то же явление, это слияние двух существований, в ближайшем смысле двух клеточек, в одну»². И если как в истории, так и в настоящее время встречаются иногда неумные попытки создать для человека брак на других фантастических началах, а именно на началах простого содружества мужчины и женщины, то такие попытки всегда признавались и признаются аномалиями: ибо единственная, самой природой осуществляемая цель всякого брака, есть поддержание жизни своего рода, каковая цель здесь положительно отрицается. Только дети дают исключительно возможный разумный смысл брака для естественного человека. А так как этот разумный смысл брака не может быть осуществлен никаким иным путем, кроме супружеского сожителства, то поэтому-то все попытки создать брак на иных началах и нужно признать аномалиями³.

Что касается брака как определенной внешней нормы жизни, которую иногда *по недоразумению*⁴ также указывают в качестве истинной его сущности, то, хотя она и связана непосредственно с родовым актом, однако, находится в постоянной зависимости совсем от других побочных причин: социальных, моральных, от высокой или

¹ Как все *точно* и верно. Это — самое *строгое* рассуждение о браке, какое я читаю за много лет. В. Р.-в.

² «Жизнь растений». К. Тимирязев. *Примеч. г-на Фози.*

³ Классическое, по точности, рассуждение. Его надо прямо *переписывать* в трактаты о браке, отстранив влияющие семинаристские тетради. В. Р.-в.

⁴ Вот! В. Р.-в.

низкой степени нравственного, умственного и даже физического развития человека. Для человека, напр., на первой ступени его развития брак положительно не связан ни с какой, той или другой, обязательной для него формой жизни; тогда как для современных культурных народов, и тем более для христиан, брак является не только нерасторгаемой связью двух лиц, но и обставлен массой всевозможных обязанностей, налагаемых и поддерживаемых социальными законами и современной жизнью.

Вследствие такой своей *изменчивости* и совершенно *условной зависимости*, вообще никакая форма брачной жизни, сама по себе, не составляет и не может составить действительной *основы* брака.

Итак: 1) данный в самой природе организма *инстинкт рода*, который является начальным моментом всякого брака или непосредственным побуждением к нему, 2) *дети* — которые служат конечным завершением, последним моментом в браке, и, наконец, 3) физическое единение супругов, *родовой акт*, который связывает между собой начальный и последний моменты и, таким образом, как бы дает возможность браку перейти из потенции в действительность, — вот все три момента, из синтеза которых складывается *все реальное содержание брака как такового*. Причем уничтожение одного из этих моментов непосредственно влечет за собой разрушение всего брака¹ если не в факте его бытия, то во всяком случае в факте его естественного значения. И если, теперь, мы хотя немного вдумаемся в это трех-моментное реальное содержание брака, то увидим лишь одно, что он по своему существу является чудесным фокусом² всей жи-

¹ Как все точно. Но автор должен согласиться со мною, что у христиан никакого брака нет: ибо 1) ни бездетность, ни отсутствие родового акта (когда один супруг *бросил* другого) у христиан не расторгает брака. «*Была форма*: что же от нее *отломалось*, если супруги не совокупляются и не могут совокупляться? Брак *остался*». У христиан, по строжайшему учению Церкви, брак есть *форма*; а миряне договорили: «формальность». Эта-то *суть* и разрушает или растлевает европейскую семью. В. Р-в.

² Вот, сказал же истину: что «христианство *рассекло чудесный фокус* всей живой физической природы». Только *это одно*, — и можно закрыть все книги и не читать больше, как можно было бы и всем писателям бросить перо, и сосредоточиться только на этом одном вопросе: «мы исповедуем религию, *рассекающую* узел бытия; — с Богом мы? или *против* Бога?» Но тот же последовательный автор говорит: «Узел этот борется с нашим Богом, и утверждает злое начало в мире». Только крупинка отделяет его от сознания: «Боже, прости мне грех мой: всю жизнь я положил на борьбу с То-

вой физической природы. Именно здесь — самое естественное, а не искусственно вызванное, природное органическое влечение; и, вместе, самое интенсивное, доступное для физического организма, чувственное раздражение, которое одно только и бывает причиной всех животных действий в форме ощущения приятного и неприятного; наконец, в потомстве, в поддержании жизни рода, как исключительно в последствии только родового акта, брак становится положительно полезен и необходим для существования человечества¹. В этом именно фактическом содержании брака и заключается все его действительное значение для естественного человека, и вне этого значения брак лишен для него всякого смысла.

Но если одного органического начала и одного самой природой осуществляемого значения брака было бы вполне довольно для человека как живого организма, чтобы он мог вступать в брак, то для *человека новой духовности* это явилось уже недостаточным. Особенно эта недостаточность ощутилась в сознании *христианских народов* и побудила их стремиться изменить самую физическую природу действительной *основы* всякого брака — родового акта. Они начали отыскивать и выдвигать на первое место все то, что так или иначе может обнаружить в содержании брачной жизни идеально нравственную природу личности и, наоборот, — *подавить* то, что свидетельствует о человеке как *грубом, чувственном животном*. В частности, в качестве истинного содержания этой новой жизни человека указывается преимущественно на любовь супругов, которую и выставляют как необходимое условие всякого нормального брака. Вместе с тем значительно умаляется в собственных глазах супругов самостоятельное значение физического общения их, и даже наивно мечтают свести в будущем это отправление организма если не на положительное «нет», то, по крайней мере, поставить по отношению к нему самого человека как бы в *страдательное, неизбежное* для него по-

бою и на служение злу»... Недаром мерещилось с начала нашей эры, что когда-нибудь настанет «светопреставление», т. е. «переставление (источников) света», истины. В. Р.-в.

¹ Вот сказал же истину: «Мы отрицаем полезное и необходимое для существования человечества», «мы *враги* человека и человечества». Если бы так *точно* говорили, спор давно был бы окончен. В. Р.-в.

ложение¹. И поистине странно: люди как будто никак не хотят понять, что все это весьма прекрасное, высокое само по себе и ценное в жизни человека, относится вовсе не к самому существу брака, не к его материальной органической основе, которую хотят изменить, а имеет всегда в виду только известное *содержание* возникшей новой *брачной жизни супругов*. А потому, если здесь и происходит какое-либо изменение по отношению к основе брака, то исключительно чисто внешнее — именно со стороны отношения к нему человека как нравственного существа, а не просто как живого организма. Сам же по себе брак, по всему своему фактическому содержанию — как всегда и раньше, так и теперь, — остается по-прежнему исключительно материален. Совершенно верно, что человек может, конечно до некоторой степени, умалить для себя значение физического общения, но из этого вовсе не следует еще того, чтобы вся основа брака — родовой акт — в существе своей природы необходимо тотчас же изменилась. И совершенно справедливо то мнение, что содержание брачной жизни всегда может быть поставлено каждым человеком на нравственные начала жизни, но совершенно ложна та надежда, что будто бы отсюда должно неизбежно измениться и все фактическое отношение брака к нравственному началу природы человека. Супруги только могут выработать себе известный идеал своих нравственных отношений друг к другу, к детям, вообще к окружающим их людям, но переменить фактическое содержание брака и его фактическое значение для нравственного начала — это не в их власти, как и вообще ни в чьей власти. Само подобное ожидание будет точно так же наивно, как то, если б люди, изменяя, улучшая наличное содержание социальной жизни человека, через то самое надеялись в существе изменить и самый организм человека, как единственно реальную основу всего социального строя жизни, так что в конце всего социального развития организм человека мог бы обходиться, напр., совсем без пищи. Но очевидно, что все таковые надежды могут существовать только в мышлении

¹ Каково чудовищное давление содомии! давление на совершенно уже нормальный брак, на совершенно нормальных супругов! «Приятно» и «есть чудесный фокус всей живой физической природы», коему мы «несчастно подчинены», законом «неизбежности обречены исполнять его»!!! О, духовно-содомская цивилизация: и она смеет свой пафос возводить в закон! в «нравственное правило!» в «нравственность и святость», наконец! В. Р-в.

человека, а достигнуть их практического осуществления возможно не иначе как в расстроенном воображении самого же человека. Но если люди часто упорно не хотят понимать и различать всего этого сами добровольно, то тогда их заставит и действительно заставляет принять истину о браке жестокая в этом случае правда действительной жизни, та правда действительности, а не воображения, всякий раз каждому индивидуально сознанию через горький опыт собственной его жизни определенно и решительно показывает, что никто и ничто не изменит реальной органической основы брака.

Сколько бы люди ни фантазировали и ни идеализировали относительно условий возможности существования брака в будущем, в частности сколько бы ни возвышали нравственное содержание брачной жизни — они все-таки с роковой неизбежностью именно горьким своим опытом всякий раз будут вынуждены всегда признавать одно: что брак фактическим своим содержанием, вне каких-либо условных целей — всецело покоится на одном материальном начале. И сама любовь супругов, которая выставляется в качестве истинного мотива к браку и истинного его содержания и которая вытекает непосредственно из привязанности, расположенности одного лица к другому, есть ни что иное, как в точном смысле *индивидуализированное органическое же влечение, или, лучше, она есть просто опозтезированная половая страсть*. Идеализируя брак, она представляет его для человека не в действительном его виде и значении: это безусловно должно отразиться одним вредом как на внутренней жизни самих супругов, так и на всем историческом течении жизни. Это хорошо и подтверждают многие литературные типы, которые в большинстве случаев оказываются совершенно неспособными к жизни именно потому, что слишком далеко ушли в своих мечтах от действительной правды и приняли мираж любви за истинную любовь. Последняя нисколько не нуждается собственно в браке для своей реализации и могла бы остаться в форме *содружества, знакомства, духовной связи*. Ибо истинная идеальная любовь вытекает не из привязанности или расположения лица к другому, а из нравственного самоопределения человека действовать именно так, а не иначе, и иметь своим предметом не одно или несколько лиц, а всех людей — без различия и при всех условиях их жизни. Мало этого, *идеальная любовь* даже никогда и не может создать никакого брака, ибо она *име-*

ет своим основанием-источником то самое высшее нравственное начало природы человека, которое фактически в корне отрицается всем содержанием брака¹.

Замечательное² и достойное глубокого внимания явление, что когда люди хотят показать самое тяжелое *преступление человека против себя же самого* как нравственной личности, то они обыкновенно такое преступление приурочивают к *акту полового общения*, т. е. к тому, что по природе своей представляет совершенно естественное отправление физического живого организма. И психологически такое понятие оказывается вполне верным, ибо *позор преступления* этого отправления действительно бывает для личности *самым тяжелым*, и, что особенно важно, не совне налагается на человека, а *износится человеком изнутри же самого себя*³. Если же к этому часто прибавляется еще *жестокая кара со стороны общества*⁴, то она может служить здесь только подтверждением справедливости⁵ личного собственного суда человека над самим собою. Между тем на первый взгляд в высшей степени странна какая бы то ни была возможность самого появления у человека мысли, что им совершается

¹ Типичное рассуждение дево-мужчины: как они *восторженно любят*, в то же время *гнушаясь всем половым!* Читатель, отвернув назад несколько страниц, прочтет медицинские примеры этого, которых я взял малую крупицу. В. Р-в.

² Отсюда начинается «святое святых» духовных содомлян, от Платона до нашего времени: «Грех! преступление!» Точь в точь это *то ощущение* к нашему, какое всемирно у нас существует к *ихнему*: «Противоестественно! грех, беззаконие!» Ну, кто же может перешагнуть через свою организацию: труднее, чем перепрыгнуть через свою тень! В. Р-в.

³ Здесь везде вместо «нравственная личность» надо читать «наша содомско-девственная природа». Я тоже нравственный человек: но от юности, от 17 лет, когда впервые совершил этот акт, и затем в двух супружествах, как и в актах (немногих) вне супружества, не чувствовал ни малейшего угрызания совести, никакого греха, ничего позорного! Просто не могу этого понять. В. Р-в.

⁴ То-то: вот происхождение детоубийства у христиан! Из бессеменности, из муже-девства. Автор, очевидно, имеет в виду не венчанные сожития и рождающихся от них детей. Кратко и резко: каждый «духовный отец» за недоданные ему (за венчание) 25 рублей повелевает несчастной матери умертвить своего ребенка, и *заставляет общество заставить* ее привести в исполнение свою волю. В. Р-в.

⁵ «Справедливости»... Справедливо детоубийство! О, какая правда, что на таких, как вы, когда-то был просыпан серный огонь с неба. В. Р-в.

здесь какое-то *преступление*, или вообще что-то такое *недолжное* для него: потому что родовой акт, при совершенной своей естественности, даже можно сказать иногда некоторого рода потребности физического организма¹, есть в то же время дело чисто интимное, личное. Оно совершается всегда тайно, скрыто, а следовательно, как по отношению к себе никакого чужого вмешательства не допускает, так и само в свою очередь ничьих чужих интересов непосредственно не затрагивает². И от такого сознания человеком преступности родового акта ничуть не спасает его ни гражданский институт брака, *ни даже церковное таинство брака*: они только ограждают человека от *покора перед людьми*, но не спасают и не могут спасти человека от *покора перед самим собою, как нравственной личностью*³. В законном супружестве нет только юридического суда общества, ибо юридическая правда здесь вполне удовлетворена; и потому возмущенный материальным процессом половых отправлений нравственный дух человека значительно умиротворяется, но только именно умиротворяется, *нравственные же мучения личности в форме стыда* все равно, как и вне брака, сопровождают и теперь *каждый родовой акт общения*. Собственно при законном супружестве в сознании каждого человека происходит совершенно тождественное тому, что должен был бы переживать каждый солдат, убивающий неприятеля на войне⁴: ведь сознание солдата, что он убивает людей ради защиты своей родины или защищая доб-

¹ Слышите признание содомлянина: «Иногда некоторого рода потребности организма», и то с убавкою: «можно сказать даже»... Просто он не верит, что это *всех нас* потребность, и описывает родовой акт как (ему) неоткрытую Америку. В. Р-в.

² Вот! какую же надо иметь *подлость*, какой *грех* в себе носить, какое *злодеяние*, чтобы осудить этот «никого не касающийся акт и никого не затрагивающего» младенца от него! Но проклятые содомляне, содомляне юриспруденции и содомляне клира, пустили борзых собак, чтобы растерзать этих невиннейших девушек и невинных детей! О, до чего глупо сюсюкал Достоевский о помещике, затравившем собаками мальчика: как будто все население Воспитательного Дома в благочестивой Москве — не есть «затравленные собаками дети», но только собаками, выпущенными не от помещика и не со псарни, а из-под золотых маковок Москвы и от *духовных* наших отцов. В. Р-в.

³ Вот! «И при церковном таинстве — позор». Что ж это «таинство» делает и для чего оно нужно?! В. Р-в.

⁴ Договорился: совокупиться («интимный, никого не касающийся акт») — то же, что *убить* (другого! отца чьего-то, сына, мужа!). Нет, на головы этих содомитов конечно надо изливать серный огонь. В. Р-в.

ро, вовсе не уничтожает в нем нравственного сознания того, что он все-таки совершает преступление, ибо убивает человека — личность; и что гораздо лучше было бы, если бы возможно было совсем избежать этих кровопролитий. И никакие высшие интересы, оправдания не в силах изменить «убийство в себе», т. е. сделать его *не* убийством, не преступлением, а положительно *добром*. Точно так же никакие исполнения гражданских постановлений относительно брачной жизни и никакие церковные освящения брака никогда не в силах изменить фактического значения физиологического акта брака для человека как нравственной личности. *Сам по себе родовой акт останется навсегда таким же, каким он дан и вне законного супружества*. А потому исполнение его все равно всегда будет вызывать у человека «стыд» — и не у отдельных только личностей, а вообще у всех людей. Как самый дикий человек, живущий исключительно материальными интересами жизни, так и самый культурный, обосновывающий свою жизнь и деятельность на высших началах бытия, как развратник, так и высоконравственная личность, — все без исключения здесь уравниваются. Все они одинаково — будут ли некоторые состоять в законном супружестве, а другие в незаконном сожитии, или предаваться тайным порокам — безразлично все скрывают это органическое отправление и стыдятся его как недостойного для себя действия. Наркотические вещества употребляются, между прочим, с этой целью — самозабвения нравственной личности, чтобы все происходило более нечувствительным образом для нравственного сознания человека¹. Вообще же нравственный стыд не уничтожается ни при каких условиях родового акта. Ни тогда, когда он является в виде дополнения и реализации любви, ни в том случае, когда процесс его становится целью сам по себе, как наслаждение. Стыд одинаково присущ обоим моментам и тотчас следует за отправлением, в виде реакции на то нервное и психическое возбуждение, которое предшествует ему. И снова человек, как только совершит этот *позорный для него акт*, чувствует всем своим

¹ То-то христиане напиваются допьяна перед совокуплением (рассказ мне о купцах в Ельце), и то-то у христиан столько *наследственного* алкоголизма! Всё плоды «нравственного закона личности». Да провалитесь вы с вашей «нравственной личностью», которая несет убийство, пьянство и разврат! *Совокупление всегда должно быть в трезвом виде и при пустом желудке*, т. е. не ранее 2-х часов после еды. В другом виде совершать его безнравственно. В. Р-в.

существом, что «он наг», и спешит «прикрыть наготу свою», и старается «спрятать куда-либо лицо свое от Бога», ходящего в нравственном сознании человека. «И открылись глаза у них обоих» в момент грехопадения, «и узнали, что наги они; и сорвали листьев смоковницы и сделали себе опоясание. И услышали голос Предвечного Бога... и скрылись человек и жена его от лица Предвечного Бога среди деревьев сада. И воззвал Предвечный Бог к человеку и сказал ему: «Где ты?» И сказал (человек): «Голос Твой услышал я в саду и убоялся, ибо наг я, и скрылся». И сказал (Бог): «Кто возвестил тебе, что ты наг?»... Вот слово Библии. И в момент грехопадения в глубине каждой человеческой души раздается высший голос, спрашивающий: «где ты? где твое нравственное достоинство?» «человек — владыка природы и образ Божий, — существуешь ли ты еще?» И тут же дается ответ: «Я услышал Божественный голос и убоялся возбуждения и обнаружения своей *низшей природы*: я стыжусь, следовательно, существую, не физически только существую, но и *нравственно*: я стыжусь своей животности, следовательно, я еще существую как человек»¹.

Вступающие в брак безусловно хотят, конечно, смотреть на себя как на высшие существа, подобно тому, как прародители, вкушая от запрещенного древа, через то самое думали приобрести себе всеведение Бога. Но в действительности оказывается, что как те, так и другие находят в себе только одну физическую природу животных, и вследствие этого у них тотчас же открываются глаза и «узнают, что они наги», и спешат «прикрыть наготу свою», желая этим внешним способом скрыть от себя обнаруженное ими теперь свое несомненное *родство* со всем остальным животным миром, ибо физическая нагота только может увеличить тяжесть их обманутого ожидания и через то усиливает их душевную муку. Стыд охватывает всего человека, и он уже не смеет открытыми

¹ Автор хитрит, притворяясь не знающим, что сопутствовавшие грехопадению слова и действия никакой связи с родовым актом не имели. Адам и Ева *застыдились*, еще не *совокупившись*, *девственные!* Но вот что надо заметить: пожалуй, крошечная застенчивость (не стыд, не «грех») и появляется *по окончании* акта, решительно и абсолютно отсутствуя *в течение* его и *перед ним*. Что же означает застенчивость *после*? Естественную жажду *покоя*, составную часть которого составляет открытость, неосвязаемость и невидимость. «Отдохни, усни» в отношении половых органов — и только. Сами же супруги после этого пожимают друг другу руку, или ласково проводят рукой по щеке, или крестят друг друга. В. Р.-в.

глазами взглянуть в лицо другого человека, хотя бы и своего сообщника, и потому они прячут свои взоры даже друг от друга, избегая смотреть друг на друга¹, и тотчас становятся друг другу в тягость². В тягость делаются им теперь и все другие лица³, от которых они спешат тоже укрыться, чтобы не узнали об их падении, ибо во взорах каждого человека⁴ они слышат тот же голос Бога (нравственного сознания). Вместе с тем, каждый из сообщников родового акта, если только они не имели в виду грубого физического наслаждения, но внесли в него хотя небольшую долю чистоты своей нравственной личности, тотчас же по совершении его теряют все то уважение и благоговение, каким раньше они были проникнуты друг к другу⁵. Это тяжелое чувство стыда ощути-

¹ Что за низкое подозрение! ничего подобного не бывает. В. Р.-в.

² Что за клевета на брак. О, психика содомства! В. Р.-в.

³ Клевета, клевета! Напротив, все радуются, поздравляют, новобрачные делают визиты, т. е. *всех хотят видеть*, и сознают, что *их также все другие люди желают видеть*. Поэзия новобрачия (первых и естественно частых совокуплений) и обычаи новобрачия трогательно и всемирны; и, конечно, говорят совершенно обратное изложенному содомскому ощущению! Как бы следовало *собрать* эти лучшие человеческие обычаи; для них не нашлось ни Киреевского, ни Рыбникова, ни Шейна! * В. Р.-в.

⁴ Года три назад в «приложениях» к «Новому Времени» был напечатан рассказ Вильде: в нем, в первой же главе описывалось, как новобрачные едут на пароходе, — и что *«все пассажиры его старались чем-нибудь услужить им, быть им полезными!»* Вот правда! Я знаю родителей, которые, получив сообщение о беременности замужней дочери, — сейчас писали поздравление зятю. Что же, упрекали они его, как за *стыдное*, за совокупление, получившее результат? Или он имел причины «убегать от лица Господа и от людей» за плодородное совокупление? Конечно, ничего подобного, всё — напротив! Д. И. Менделеев волновался, тосковал и тревожился, пока его замужняя дочь не забеременела. Да и *весь род человеческий* так чувствует, испытывает, говорит. Особенную и глубокую сторону родового акта составляет то, что он вовсе ждется духом человеческим, сердцем человеческим, воображением человеческим, гаданием человеческим *не для себя одного* (coitus ad me), но и *для ближних, родных, соседей*, отдаленно — *для всех*, или, ласкательнее, *«для всех бы»*; Богом же он восхотелся и потому «благословился» для всех высших и лучших его созданий, для всего *одушевленного мира!* Вот — истина, и прямо ощущаемая, и изваянная в Библии! Но посмотрите, с какой настойчивостью и как уверенно содомиты-девы проводят свое извращенное вранье о деле, *фактически им вовсе не известном!* Точь в точь, как уверенно «духовные отцы», древних времен и нынешних, тоже проводили эту несчастную мысль, и, наконец, вдолбили ее несчастному человечеству! В. Р.-в.

⁵ Что за подлая мысль: «благоговение и уважение» (очень точные слова) *увеличиваются* после этого! Читай трогательное письмо г-жи Гончаровой, вышедшей замуж за Дантеса, в месяцы ее беременности, к мужу **. Это благородно и нежно, как сонеты Петрарки

тельно и продолжается целые дни, месяцы и даже годы¹, и много надо человеку усилий, чтобы привыкнуть к этому отравлению организма; однако совершенно безразличного отношения к нему он никогда не достигает. Последнее, собственно, и невозможно для человека по самой его природе² как нравственной личности, и по самой природе родового акта как чисто животн-органического отравления, которое в самом своем процессе является не только отрицанием, но и даже, пожалуй, временным убийством нравственного начала личности; ибо нравственная личность человека совершенно теряет себя здесь, в высшей степени чувственном материальном процессе органической природы! Человек добровольно сходит здесь с трона своей божественности и погружается и даже положительно отождествляется с слепой неразумной материей³; и, вследствие этого, неизбежно теряет в себе образ Бога, нравственное начало своей природы,— и как бы делается исключительно просто физической живой вещью мира. Это безусловно справедливо, что образ Божий в человеке, который состоит в свободе и разумности⁴, а выражается во всегдашней активной деятельности — в осуществлении человеком себя, как нравственной личности,— здесь, в родовом акте, во время страсти, уничтожается. В родовом акте личность поглощается органическим процессом, и происходит слияние личности человека со стихийными началами приро-

к Лауре. Характерное одно слово я услышал от простолюдинки, которую скорее растлил, чем соблазнил, купеческий сынок: «Меня подруги уговаривали ему отдаться, но я не хотела, потому что он был мне *противен*. Я ненавидела его (слова буквальные). А когда случилось и он *сделал* со мной,— то потом *я за ним бегала*». Ей в эту пору было 15 лет. Вот факты: да и всякий брак распадался бы через год-два, если бы половой акт не связывал мужчину и женщину взаимным «благоговением и уважением», сейчас же сказывающимся на пятый-седьмой-десятый день. В. Р-в.

¹ См. выше факты из Крафт-Эбинга о *самоощущениях содомитов в браке: эти самые признания и они делают!* Не нужно дополнять и говорить читателю, что брак вовсе исчез бы с лица земли при этом «многолетнем стыде» супругов от своего совокупления. Да поверьте же, г. г. содомиты, пожалуйста поверьте, что решительно *ничего подобного и ни с кем не бывает*,— кроме *одних вас*. В. Р-в.

² Прямо — *крик природы* содомской! «Нет! невозможно! не верю!» В. Р-в.

³ То-то и хорошо: делается, как цветок, дерево и звезда, как ягненок или кроткий телец. Чего же тут стыдиться?! Даже И. Христа католики символизируют в виде *ягненка*, а мы Святого Духа — в виде *голубя*. В. Р-в.

⁴ «Свободна и разумна» алгебра: но образ Божий не похож на алгебру. В. Р-в.

ды¹. И если верно, что все высокое получает свое начало из идеальной природы личности, а злое заключается преимущественно в подчинении нравственной личности материальным началам жизни, то здесь, в родовом акте, *зло торжествует свою полную победу*². Брак в самой своей основе является центральным пунктом всей борьбы³ между чисто материальными грубыми интересами жизни, плотью, и идеальными запросами и стремлениями нравственной личности человека; и нигде еще нравственная личность человека не может совершить столь глубокого акта своего *падения*⁴. И потому-то именно с половым актом связано непосредственное чувство стыда как реакции духовного начала против ее порабощения и понижения со стороны животной материи. Это чувство стыда есть не что иное, как отрицательное отношение нравственной личности к порабощению ее материальным началом. Человеку стыдно подчиняться материальному влечению организма, ему стыдно быть тождественным простому животному⁵. Сама по себе животная материя не может быть злом, как не может быть и добром: она именно безразлична с точки зрения чистой нравственности. А потому и сходство человека со всем остальным животным миром, которое всегда было очевидно для него,— ничуть не могло бы само по себе служить к уничтожению человеческого достоинства. Сознание своего сходства с животным, как в различных отправлениях организма, так и вообще в наличных условиях физической жизни, всегда, конечно, присуще человеку. Однако это сознание никогда не может оскорблять человека, и именно потому, что все то, в чем, собственно, по самой природе заключается сходство человека с животными, пред-

¹ Как прекрасно! так же, как обоняние цветка, как вкушение от виноградной лозы, как любование на звездное небо,— но только *глубже и внутреннее*. Все, все, что сказал Лермонтов в стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива» — все это действие на душу целостной природы повторяется, но *глубже*, в действии на человека родового акта и его сопутствующих обстоятельств, любви и семьи. Да и понятно, ибо акт этот есть *узел* природы. В. Р-в.

² Какое безумие! В. Р-в.

³ Напротив, центром *гармонии*! Родовой акт есть столько же *материальный* (семя, яйцо), сколько и *духовный* (семя с *душой* в себе, яйцо с *душой* в себе, с талантом, с гением!). В родовом акте увенчивается любовь, и он есть первый камень хозяйства, дома, экономики. Чудное и святое соединение мужчины и женщины! В. Р-в.

⁴ Безумие и богохульство! Вот где и как подрывается Ветхий Завет. В. Р-в.

⁵ Добавляйте: «Стыдно человеку *дышать* — стыдно, что у него есть *кровообращение*». В. Р-в.

ставляет из себя не что иное, как только необходимые условия для существования человека как нравственной личности¹. И человек, несмотря на свое очевиднейшее внешнее сходство по конструкции своего организма со всем животным царством, тем не менее все-таки в то же самое время всегда сознает себя стоящим несравненно выше животного мира и совершенно даже отличным от него: ибо он один, будучи нравственной личностью, может *властвовать* над стихийной частью своей природы. Вот эта грань, которая лежит между человеком и животным, и уничтожается в родовом акте, где человек не только не осуществляет себя как особое идеальное начало в мире, а, наоборот, становится совершенно на противоположную сторону: он утверждает себя — как животное, подобное всем прочим животным². И у человека теперь, вместо прежнего сознания возможности своего превосходства пред животным, возникает мысль уже о своем положительно осуществившемся духовном родстве с животным царством³. Раньше это родство только мыслилось или заключалось как бы в потенции. Теперь же человек реализировал его, и именно чрез ошутительную для него потерю своей разумности в страсти полового акта, а чрез эту потерю своей разумности — и в фактическом отождествлении себя со всем остальным неразумным животным миром. Переведенное при посредстве полового общения из потенции в действительность, родство человека с животным миром и дает о себе знать самым чувствительнейшим образом в факте *стыда*, как о *явлении недостойном человека и не должном быть*. Человеку теперь стыдно не за свое просто внешнее сходство с животным миром, а за положительное *родство* с ним. Стыд, со-

¹ Очень все точно и разумно. Но, поистине, и в *фунте* земли или песка уже есть *добро*, — ибо, как сказал какой-то схоластик, «нет ничего прискорбнее *небытия*». В. Р.-в.

² И хорошо. Хорошо уже потому, что *смиренно*. Автор кричит: «Нравственная личность! нравственная личность», но ведь она *сама* — из нервов и мозга, а мозг и нервы — от звезд, от стихий; и, словом, Космос есть великая утроба, в которой и из которой родилась «нравственная личность». Все связано «шестью днями творения». Да и, затем, у какого разбойника нет «нравственной личности»: ибо он и *разбойником* мог стать по «нравственной свободе» в себе, по кей «божественной, одному человеку присущей свободе». Что же, автор прикажет мне больше любить мазуриков и шулеров, чем овец, коз и коров? *Да никогда!* В. Р.-в.

³ Тут только поэзия. Не понимаю, зачем автору *выходить из природы?* *Этого-то он нигде и не доказывает*, а потому только стучит словами. В. Р.-в.

проводящий всякий раз родовой акт, ясным образом показывает человеку, что хотя он сходен в своей жизни как организм со всеми животными организмами природы, однако никогда не должен делать этого сходства положительным *родством*, а, наоборот, должен строить свою жизнь на началах себя как нравственной личности. Человек не просто животный организм, но *плюс* еще нечто *другое*, высшее содержание, образ Бога ¹, и если человек отдает себя во власть материального процесса, природы, то и это высшее его начало смешивается с ним и как бы уничтожается. Думать же, что половой акт можно хотя бы чрез миллион лет одухотворить ², сделать не плотским, а проявлением высшего начала в человеке, возможно только в наивной фантазии человека.

Человеку хочется верить, что нравственный стыд, обнаруживаемый в акте супружеского сожителства, зависит вовсе не от природы его, а от того психического настроения человека, с которым он относится к браку. В силу такого хотения человек надеется, что с течением времени люди настолько внутренне нравственно возвысятся, что уже никакого стыда супружеских общений тогда быть не может, а следовательно, прекратится и та нравственная мука самих супругов, которая необходимо связана с этим стыдом ³. В частности, сам по себе акт со-

¹ Все это — забвение, что *там же*, где сказано об «образе и подобии Божиим», сказано и «оплодотворяйтесь, размножайтесь». Несчастная книжность, несчастная интеллигентность сделала то, что человек мыслит себя «подобием Божиим», когда строчит газетную статью или брошюру, а не когда носит на руках больного ребенка, не когда мать кормит его грудью, не когда родители зачинают его. Проклятое скопчество, родитель сухой и *суетной* интеллигентности. Нет, явно надо переменить все мотивы религиозности, всю мотивировку отношений к Богу и связи с Ним. В. Р-в.

² Да он вполне духовен и сейчас: половой акт рождает из себя море мысли и воображения (младенца *с душою*), и оно же, т. е. воображение и мысль, обволакивает этот акт в поэзии, между тем как *физический глаз* и *физическое слово* (голос) не смеют его коснуться. Совокупление есть наиболее духовный акт — не то что пошлая, базарная политика. В. Р-в.

³ Содомские мечты, *нам* вовсе не нужные. И теперь *во всех своих составных частях* акт этот прекрасен. Чтобы его сделать привлекательным для человека, ради обеспечения размножения, природа и ее Создатель соединили в нем все самое лучшее, как разнобразно прекрасное соединено и в цветах растений. Что он *для всех*, кроме *mademoiselles* в сюртуках, прекрасен, видно из воображения человеческого, которое его любит и представляет не в другом, нежели как он существует, виде, — не трансформирует его, а берет в реальности. Он бы никогда не *воображался*, не *мечтался*, если бы хоть в какой-нибудь части был дурен, отталкивающий. И в

жительства, согласно этим мечтаниям человека, должен, с течением времени, если уж не превратиться в какое-то таинство, от выполнения которого человек будет получать только одно чувство глубокого нравственного удовлетворения, то, во всяком случае, по отношению к родовому акту супруги станут в полное безразличие его для них как нравственных личностей, и он будет совершаться, в крайнем случае, точно таким же образом, как, напр., совершается пищеварение в желудке¹. Однако осуществление подобной, хотя и благородной, надежды человека возможно лишь в построениях богатой фантазии самого человека, и никоим образом не в действительной жизни. Супружеское физическое единение, до какого бы минимума мы ни доводили его чувственную сторону² для себя, всегда необходимо требует и будет требовать для возможности своего осуществления высшего подъема животного начала, и обязательно на счет принижения жизнедеятельности духа — нравственного начала³. Мало

этом направлении единственное «нравственное совершенство» должно заключаться в том, чтобы не *лгать* более, а сказать ту правду, какую всякий носит в себе. В. Р-в.

¹ Какое гадкое сравнение: кто же *мечтает* или *воображает* о кишках и их движениях? Между тем, благородные и изящные греки в религиозных процессиях носили изображение небольшой фигурки мальчика с очень большим органом, который несшая его жрица приводила в движение, поднимала (Геродот). Имели же греки *вкус и эстетику*? В. Р-в.

² Ну, вот, договорились: «*Импотентный брак* есть наш идеал»; «Наилучший брак есть тот, в коем супруги *не хотят друг друга*, где чувственность отсутствует». Но медицина подстерегает философа-моралиста и с хохотом комментирует: «Да это и *бывает* — у *содомля!* Они *не хотят* или *почти* не хотят другого супруга». Я же говорю, что весь этот «идеал нравственного супружества» коренится в яме Содома. Побочню сделаем заметку, что на этом-то содомодевственном идеале брака коренится и европейская теория развода: «Они не живут друг с другом, жена сбежала от мужа, муж кинул жену», — жалуется мир. «Тем *лучше*», — отвечает Содом, — ибо они теперь *не совокупляются*». Или: «Они ненавидят друг друга, дерутся». — «И отлично, — успокаивается в душе содомит, — если дерутся — значит *не совокупляются, а совершенствуют в себе нравственную личность*». В. Р-в.

³ Изображения — сперва в виде опыта, животных, а затем и человека — в этом слиянии должны составить одну из важных проблем искусства. Решительно, человек не бывает в этом слиянии отталкивающим: иначе нельзя понять глубокой, до гроба, привязанности друг к другу супругов. Но у нас встречающиеся изображения *этого акта* («порнографические картинки») все *en masse* — гнусны, подлы, отвратительны до непереносимости для глаза. Почему это?! *Только по тому одному*, что изображаемые — всегда мужские и женские проституты и проститутки — люди последнего и подлого состояния, люди,

этого, оно всегда требует для своего осуществления такого нервного органического возбуждения, которое необходимо должно закончиться оскорбительной для личности потерей себя,— иначе говоря, оно необходимо должно быть *страстным*; и уничтожить эту страсть в родовом акте — значит уничтожить весь акт. А потому как бы таинственностью, мистичностью ни обставляли люди физическую сторону брака и какими бы благородными порывами души ни объясняли необходимость сожителства, все равно — в собственных глазах самого человека родовой акт навсегда останется недолжным, ибо он, как всякая другая страсть¹, всегда совершается и может совершаться на счет принижения моей свободно-разумной нравственной личности. Думать же, чтобы супружеские отправления были проявлением духовного начала и являлись, например, только осуществлением мечтания о будущем ребенке, конечно, можно, — но человеку суждено будет в самом благоприятном случае остаться при одних мечтаниях. Он вместе с этими мечтаниями должен допустить раздражение организма или через воображение,

сотворяющие этот акт без нежности и любви, *кощунники акта*, а не *праведники* акта. Лет 12 назад мне пришлось случайно видеть и долго рассматривать, в одном дорогом издании, снимки рисунков в этом *положении*, снятые со стен Помпеи, где изображенные — очевидно *cives* и *matronae**. Прекрасные и вдохновенные лица их — счастливы невинным счастьем, и все зрелище не включает в себя ничего отталкивающего, на что было бы тяжело смотреть. Я был поражен зрелищем, как чем-то совершенно новым для себя и неожиданным. Красоту здесь составляла *невинность*. Вот передача *невинного совокупления*, которое, конечно, *есть*, и без него брак был бы *метафизически невозможен*, оно составляет его *метафизический корень*, *метафизическое основание* (сравни проблему Канта: «Как возможны синтетические суждения *a-priori*» о моей проблемой: «Как возможны совокупления без укора, стыдливости и греха, — совокупления как *правда*?») — составить великую задачу гениев кисти, резца и музыки. Я думаю, первое придвигание сюда заключалось бы в собирании эмпирического матерьяла. При развитии теперь фотографии «для себя» возможно было бы юным супругам сохранять на будущее, на старость, изображения своего счастья в молодости — в ласках, в приближениях к акту, в самом акте. Наивность, чистота и непосредственность этого *in facto* — передалась бы *in imaginem***.

Мы бы стали *привыкать*, мы бы стали *признавать*, мы бы перестали *удивляться* невинному здесь. Мы бы имели *imagines matrimoniae*, когда (до сих пор) имеем одни только *imagines prostituae****. В. Р-в.

¹ О, дубинное рассуждение: да разве можно «без страсти» написать стихотворение? Разве «без страсти» писал Шекспир «Лира», Пушкин — «Годунова», Лермонтов — «Мцыри»? «Без страсти» писал только Херасков; и даже эта брошюра написана не «без страсти», не «без жара», и только грустно, что не с супружеским жаром, но с дено-содомским. В. Р-в.

или еще каким-либо иным образом, и тем возбудить в себе страсть полового чувства. Мечтания, которые предшествуют родовому акту, служат незаметным к нему переходом, и они или вовсе не вызовут половой страсти, или (непременно и неодолимо. В. Р.) сами будут (якобы. В. Р.) грязны. Здесь можно говорить не о перемене природы которого-либо начала, а только о границах того и другого, причем если бы для материального начала оставлен был всего один пункт его самостоятельной, а не служебной жизнедеятельности, то и тогда он остался бы со всеми своими характерными чертами и ничуть не изменился бы в своем содержании оттого, что сфера идеального начала гораздо обширнее. Чем больше человек употребляет энергии на раскрытие себя как носителя идеального высшего нравственного бытия, из которого только единственно и может выходить все чистое, идеально-разумное, тем более он суживает самостоятельное активное значение органического начала — плоти¹; но само по себе, в самом своем существе, материальное начало ничуть не изменяется в духовное, или, наоборот, при обратном значении — духовное изменялось бы в плотское. Жизнедеятельность плотского начала только может насильственно подавлять такую же жизнедеятельность нравственного, идеального начала природы человека, что особенно и заметно в кульминационном пункте жизни плоти — плотском соединении двух лиц. Здесь органическое животное начало требует от человека, нравственной личности, чтобы он не только перестал жить высшими своими интересами, но и положительно забыл, что он разумно-свободное существо, имеющее своей целью раскрыть себя как нравственную личность. И человек, действительно, под давлением половой страсти теряет самообладание, самосознание и всецело как бы отождествляется с чисто материальным отправлением своего организма. Иначе и не может быть: ибо при малейшем возбуждении сознания личности к его постоянной активной разумной деятельности — необходимо тотчас убивается страсть, а вместе с нею и самый родовый акт². А по-

¹ Комическая дилемма: или «идеальное начало» и — импотенция, или же потенция, и тогда — *крушение* идеального начала. Конечно, мир не мог бы существовать, если б эта дилемма была реальна. Очевидно, «образ Божий» извращенно чувствуется девственниками. В. Р.-в.

² Удивительно все по *точности* мысли, по *строгости рассуждения*: это лучший трактат о браке, какой я читал, единственный научно правильный. Но «натура взяла свое»: и все *идеалы автора извра-*

тому и фантазировать о полном подавлении страсти в супружеских сношениях всегда возможно, но только достигнуть этого в действительности, по самой природе вещей, невозможно. И для того, чтобы ребенок появился в действительности, а не в воображении только,— человеку необходимо нужно на время подавить все свои возвышенные благородные чувства, мечтания, и спуститься в наличные условия его происхождения, и неизбежно перенести на себе ту нравственную муку, которую влечет за собой родовой акт. Только человек с извращенной внутренней природой и который фактически живет в разврате,— только такой человек может спокойно переносить (хотя только сравнительно спокойно) акт половых отправлений¹. Иначе говоря, в действительности происходит как раз совершенно обратное тому заблуждению, по которому *чем нравственнее* личность — тем *менее* ею чувствуется недолжность половых отправлений. Действительность говорит нам совершенно обратное, т. е. что развитие нравственного сознания человека, в силу которого он уже теперь не может приступать к родовому акту с грубой целью физических наслаждений, оно-то и служит единственной причиной нравственных мучений человека в браке. Стыд в более сильной степени появляется именно только у людей неразвращенных, и, наоборот, полное отсутствие стыда может свидетельствовать вовсе не о высокой степени нравственного развития человека, а только о полном его нравственном падении.

На потере стыда и высшего нравственного сознания собственно и держится половая функция организма, тог-

щены. В добавление и объяснение верных наблюдений автора скажу, что та «потеря сознания», которая происходит в последний момент родового акта, не есть, конечно, исчезновение «куда-то» души, ума, нравственной личности и идеализма (тогда человек *умер бы*), а есть *всего этого переход — в семья.* Весь дух человека, все его личное «я» пронизает сиянием семья: от чего в дитяти и отражается весь «дух» его родителей, их таланты, гений, благородство. Из этого объясняется пониженная духовность у детей «преизбыточествующих» гениев: они не способны совершить акта с требующимся «забвением себя», с «потерей сознания», т. е. во время акта *душа* их остается в голове же, и семья в утробу матери переходит *обездуженным, только животным, только ферментом биологического зачатия.* В. Р-в.

¹ Подобный образ нам дан Достоевским в лице отца братьев Карамазовых. *Примеч. г. Фози.*— Автор может подозревать, что я теперь Ф. П. Карамазов: но не был же я им в 17 лет, не был им, когда писал «Место христианства в истории»; но и в то время, и вообще никогда я «муки», «позора» и «греха» в половом соединении не чувствовал, а, наоборот, чувствовал всегда, что «все зело добро сотворил Бог»,— согласно всем православным. В. Р-в.

да как развитие нравственного сознания человека ведет к полному его уничтожению¹. «Я стыжусь, следовательно, существую не физически только, но и нравственно; я стыжусь своей животности, следовательно, я существую еще как человек»². Отсюда — надежда человека, что с течением времени люди перестанут стыдиться акта физических общений, есть в существе дела надежда на то, что придет время, когда люди будут жить исключительно по физическому определению жизни, т. е. будут заключать весь интерес жизни в органических отправлениях их животной природы, а не в нравственном развитии человека как свободной и разумной личности, а следовательно — это надежда на полное его нравственное падение³. Только тогда, когда человек с течением времени обратится в простую, физическую, хотя и живую вещь наличной действительности, он может спокойно переносить акт полового общения, который в этом случае явится полным вырождением подлинной природы человека как преходящей вещи, как животного. Но эта надежда в отношении ко всему человечеству в его совокупности представляет сущий абсурд, ибо если в нравственном отношении отдельные люди, хотя бы и большинство, идут по пути регресса, то весь-то исторический процесс развития человечества, независимо от случайных уклонений, идет по пути прогресса нравственного развития человека; и на основании этого с полной основательностью можно предположить, что брак с течением времени, если не для большинства, то для некоторых личностей, не только потеряет положительное значение, но и сделается для них совсем нравственно невозможным⁴... В совершенном браке, в котором до конца осуществляет-

¹ Вот! «Импотенция и скопчество есть наш христианский идеал». «И с прекращением рождаемости — мы успокоимся». Но чем человечеству сходить в могилу, лучше вы, содомитяне, в нее сходите. В. Р.-в.

² В. С. Соловьев. «Оправдание добра»*. Примеч. г. Фози.

³ Ну, а как же это у евреев, добрый автор? У евреев, которые, приступая к акту, т. е. в самую секунду «входа» в жену, совершают ритуально исповедание: «Се, исполняю Твою святую заповедь». Неужели все евреи находятся в «бесконечном нравственном падении»?! В. Р.-в.

⁴ Вот! Хороша мечта. «Наши семинарские тетради и наш содомский идеал мы сбережем и осуществим ценою погубления всего человеческого рода». Да это, конечно, и есть завет и стимул монашества. Не прав ли я, давно начав крик: смотрите, это идут погубители человечества, злодеи в образе ангелов, пантеры в образе овец! В. Р.-в.

ся внутренняя полнота человеческого существа... деторождение делается и ненужным¹, и невозможным... Совершенный брак есть начало нового процесса, не повторяющего жизнь во времени, а восстанавливающего ее для вечности²...

«Внешне физическое деторождение является как естественное последствие недостигнутого в настоящем совершенства и как необходимый путь для его будущего достижения» (В. С. Соловьев). «Ведь недаром же сама природа сделала так, что это дело и мерзко и стыдно, а если мерзко и стыдно, то так и нужно понимать» (Л. Н. Толстой)³. Между тем люди питают странную надежду, что если и не теперь, то, по крайней мере, в будущем это по природе мерзкое и стыдное не уничтожится совсем, а только сделается чистым, возвышенным⁴.

В оправдание брака весьма нередко можно слышать указание на рождение детей, в которых, действительно, заключается весь естественный смысл брака; но в то же самое время сама по себе эта ссылка на детей все-таки едва ли не более чем странна. Оправдывать брак детьми для человека будет решительно все равно, как если бы какой-нибудь морфинист стал оправдывать свою привычку тем болезненным, ненормальным, но приятным состоянием организма, которое непосредственно вызывает морфий в человеке⁵. Если бы подобное рассуждение и

¹ Хорошо! Какая прелесть!! В. Р-в.

² Для могилы. В. Р-в.

³ У Л. Толстого есть какая-то личная и семейная тайна, на которую намек содержится в разговорах его с г. *Тенеромо* *. Когда зашла речь о детях его, и что они — неспособны, то Л. Толстой привел некоторую философию, и, сославшись на одного своего ребенка, сказал, что ему есть что сказать о его рождении, но он разве скажет это в секунду смерти, — *вот перед тем как юркнуть под крышку гроба*. Слова не оставляют сомнения о чрезмерной постыдности этих слов (мировая застенчивость), этого признания, — и я опасаюсь, не по части ли это «девственных идеалов» великого писателя земли русской. Во всяком случае «Крейцерова соната» есть сплошь рыдающая натура муже-девы, «осквернившейся с женщиною» лишь по положению «женатого» человека, когда «noblesse oblige» **. В. Р-в.

⁴ Нельзя не поблагодарить доброго, патетического и честного архим. Михаила (ныне старообрядческого епископа) — *единственного монаха*, который по переводе из Казани в Петербург, начав рассуждать в печати о браке, сказал громко: «Половое слияние *все и до дна чисто*». За это дети, нынешние и будущие, должны поспеть ему хвалу. Он — *не* в детоубийцах, хотя и монах. В. Р-в.

⁵ О, гады, о, детоубийцы, Ироды, Скублинские... Приравнять деторождение к морфинизму!.. В. Р-в.

было бы вполне убедительно-состоятельно для самого морфиниста и могло бы для него служить действительным основанием в приеме морфия, то оно оказалось бы совершенно несостоятельным для нормального здорового человека, ибо кому же в самом деле желательно быть хотя, может быть, и в приятном, но все-таки в болезненном состоянии? Точно то же самое нужно сказать и относительно детей как естественном следствии родового акта: может быть, и они суть нечто если не *ненормальное*¹, то во всяком случае и не соответствующее истинным целям жизни человека. — И действительно, если мы возьмем человека не как только простой живой организм и не в физическом определении его временной земной жизни, а человека как носителя высшего идеального начала и в его абсолютном вечном содержании жизни, то дети здесь окажутся не только нежелательным явлением, но положительно фактически не отвечающим истинным задачам жизни человека. И, прежде всего, они всякий раз отрицают за человеком всякое абсолютное, вечное содержание его собственной индивидуальной жизни², обращая человека в простое средство осуществления неведомых ему каких-то мировых целей общего бытия. Потомство необходимо заставляет человека рассматривать себя уже не под точкой зрения его личной ценности, а под точкой зрения его временных условий существования в пределах наличной действительности. Фактически в появлении каждого следующего поколения человеческого рода свидетельствуется не о чем другом, как именно о том, что я как определенная индивидуальная личность, сам по себе не имею ровно никакой безусловной цены и не имею никакого своего личного вечного содержания жизни, которое я мог бы осуществить во всей своей жизни; и потому-то и явилось это следующее поколение, которое должно заменить меня и в котором я думаю хотя немного смягчить нелепость моего личного бытия³. Но это новое поколение само, в свою очередь,

¹ Дети — ненормальности!.. Но это, конечно, *неодолимое убеждение* содомита. «Натура кричит». В. Р-в.

² Да *индивидуальная*-то жизнь украшается детьми. «Честь отца» — палладиум для детей; он благороднее, нежели палладиум государства — «слава гражданина». Гордость матери сыном — выше, священнее, чем слава его перед толпой. Богатство отца лучше, благороднее, чем богатство скопца-финансиста. В. Р-в.

³ Такое же глупое рассуждение, как следующее: «Я ем в пятницу пирог с грибами, а в понедельник ел с капустой. Отчего я не остановился на пироге с капустой? Увы мне: еда пирога с грибами обращает в совершенное ничто пирог с капустой, и тогда для чего же его пекли?!» В. Р-в.

обречено на такое же бессмысленное временное существование, как и мое личное существование, в чем оно и не замедлит быть обличено следующим за ним поколением. И жизнь всего человеческого рода теперь представляет собою картину лишенной в своем существовании всякого смысла смены одних поколений другими, среди которых отдельное самостоятельное «я» совершенно исчезает. В естественном следствии брака — потомстве — последующее поколение прямо и непосредственно упраздняет своих предшественников, и обличает их в бессмысленности их временного существования и обнаруживает пред ними всю иллюзорность их личной жизни, каковой они всегда живут в своем собственном сознании¹. Потомство именно реальнейшим образом свидетельствует сознанию каждого человека, уже самым фактом своего появления, о бесцельности личного существования своих предшественников, обнаруживая каждому человеку, что он по своей жизни вовсе не безусловная *личность*, а простая *физическая вещь* мира, ограниченная в своем бытии наличным физическим существованием и предназначенная служить только средством всеобщего процесса жизни... Никакого иного значения для человека как личности брак иметь не может». *Фози*.

Все это рассуждение г-на Фози, представляя вообще квинт-эссенцию Платоновой мудрости, девственной мудрости, христианской мудрости, церковной мудрости, в высшей степени драгоценно точностью языка и решительностью искренних суждений. «Яблочко созрело», — и чем возиться с семинарскими тетрадками, лучше было разобрать его одного. В «тетрадках» ничего другого нет, кроме здесь изложенного, — но все лишь запудрено, замалевано, подслащено. Мышьяк с сахаром. Но лучше иметь с ним дело без сахара.

¹ До чего все глупо! Был Авраам и угощал Бога, в виде трех странников посетившего его. И родился от него Исаак. От Исаака — Иаков, которого опять посетил Бог и боролся с ним в ночи! Ведь это не одно! С потомством приходит разнообразие и обилие моего отношения к миру: лично я не в силах охватить науку и войну, культуру и религию, хоть живи *вечно*, хоть будь семи пядей во лбу! Но я размножился: и в детях, внуках, в сотом поколении я *тысячею рук* работаю в человечестве, я обоняю все запахи мира, делаю все профессии, я раб и царь, гений и безумец. Какое богатство сравнимо с каким бы то ни было личным существованием! Да и вообще неужели виноградная лоза беднее виноградной ягодки! Неужели яблоня, приносящая ежегодно плоды, не богаче и не лучше единичного яблока? А священное «Дерево Жизни» в *Апокалипсисе* приносит плоды 12 раз в год!! В. Р-в.

*Передвижение пола из положительных
в отрицательные тяготения*

Противо-родовые *идеи* не могут возникнуть без противо-родовых *инстинктов*; а таковые *единственно* встречаются, и притом *бесспорно* встречаются, на той точке *текущего* пола, где он из влечения к гармонизации с противоположным анатомически полом (сопряжение, супружество) переходит во влечение к слиянию со своим полом. В этой точке перехода является, всего на момент, полное *отрицание пола*; пол, и свой и чужой, ощущается как совершенно *ненужное, лишнее, придаточное*; чему не отвечает внутри *никакой психологии, никаких идей*. Это глубоко спокойное состояние можно сравнить с состоянием детства и раннего отрочества; или, точнее, детство и раннее отрочество суть фаза в жизни каждого человека, когда он переходит этот пояс, названный нами *духовной содомией*¹, чтобы затем вступить или в обширное поле сопряженности с противоположным полом, или в необширное, но глубокое, терпкое, старое озеро слияния со своим полом. Д-р Форель («Половой вопрос», стр. 282) приводит результат опроса, произведенного у 3916 мужчин, причем оказалось, что из них 94,6% чувствовали влечение к противоположному полу, 3,9% чувствовали совместное или периодически меняющееся влечение к обоим полам и 1,5% — к слиянию со своим полом. Эта последняя категория получила в науке название «урнингов». Обычная теория, что это суть особи «с мужским телом и женским мозгом и душой», есть более имя и описание, нежели объяснение. Очевидно, объяснение этого явления лежит в недостающей *полной теории пола*, которая наравне с этой аномалией объяснила бы и прочие. Но совершенно очевидно, что для выработки, или, лучше сказать, для открытия этой теории, этого объяснения, изучение урнингов и особенно исповедания их представляют страшно важный материал.

¹ Совершенно тупоголовое предположение Шопенгауэра, что содомия устроена самую природою в интересах рождения сильного потомства, и *потому* встречается в *вдзросте* отроческом, когда *семья не созрело*, и в *возрасте дряхлом*, когда оно полусгнило, опровергается: 1) тем, что сущность содомии заключается в поглощении, положим старцами, семени именно *самого цветущего возраста*, от которого родились бы наилучшие дети, и 2) что активная содомия, кроме случаев личной порочности, не очень частых, встречается как врожденный факт, обнимающий жизнь человека *во всех его возрастах*. Впрочем, эта гипотеза знаменитого философа до того не отвечает всем фактам, что нет нужды усиливаться ее опровергать. В. Р-в.

Как есть *электричество* положительное и отрицательное, как в математике есть положительные и отрицательные *величины*, с «О» между ними, как есть *движение* вперед и назад и точка *покоя*, — так явление пола, в зачатии сплетенного из двух полов, из материнского, т. е. *женского*, и из отцовского, т. е. *мужского*, есть непременно в *каждом* организме и в *каждый* момент его жизни *мужеженское*, и от этого *текущее, вибрирующее, лучащееся*, причем 1) ни индивидуум на протяжении своей жизни не остается *тождественным себе* самому все время, 2) ни все индивидуумы сходными между собой. Пол в нас дрожит, колеблется, вибрирует, лучится. То материнская сторона преобладает, то отцовская, то обе стороны в гармонии (детство), то которая-нибудь в подчинении, исчезании, умирании (время нормальной половой деятельности, когда человек ищет пополнить в себе замирающую сторону пола). Старческое влечение к полу, иногда выражающееся в безумных проступках-припадках, есть поглощение жизни и ее источников почти умирающим: это тот глоток воздуха, который делает утопающий, вынырнув на секунду из воды. Это глубоко жалкие явления, едва ли наказуемые, от которых просто надо *беречься каждому и беречь, охранять других*. Это — *dementia non individui, sed generis humani*.^{*} Оставим, однако, это все. Мы здесь не строим теории пола. Но чтобы показать читателю, что пол есть именно *текущее*, и притом перетекающее из *положительных* величин в *отрицательные*, мы должны указать на один случай рассказа Крафт-Эбингу пациентом и вместе врачом факта перерождения, им испытанного уже в зрелом возрасте, из мужчины в женщину. Таким образом здесь мировой процесс передвижения, совершающийся во всем человечестве, случайно задев и *совместившись началом и результатом в одном субъекте*, — дал полную свою картину, которая могла быть рассказана. Случай этот я считаю более удивительным, чем всякая «Вавилонская башня», и могущим для философии и науки дать более результатов, чем раскопки Ниневии или Персеполя. Вот этот рассказ об удивительном превращении:

«Я родился в Венгрии в 1844 г. Долгое время я был единственным сыном своих родителей, так как *остальные дети оказывались нежизнеспособными*¹. Лишь впоследствии родился брат, который жил довольно долго.

¹ Вообще разительно и любопытно *индивидуальное происхождение* аномалий пола. Вот бы поработать науке... Хоть бы начать

Я происхожу из семьи, в которой часто являлись нервные и психические страдания¹. В детстве я был очень красив, *с роскошными светлыми локонами и прозрачной кожей*. Я был *послушный, тихий, скромный* мальчик, и меня охотно брали в любое дамское общество, не опасаясь, чтобы я чем-либо его шокировал.

При весьма богатой фантазии — этого постоянного врага моего — довольно быстро развились мои способности. В 4 года я уже читал и писал; память моя простирается до 3-летнего возраста. Я играл всем, что попадало мне в руки, — оловянными солдатиками, камушками, ленточками. Лучше всего я чувствовал себя в доме матери, где все было — мое. У меня были два-три товарища, к которым я относился хорошо, но так же охотно встречался и с их сестрами, которые *относились ко мне, как к девочке*, что сначала не стесняло меня.

Я был на пути к тому, чтобы совершенно превратиться в девочку. Я знал, однако, что это не подобает мальчику. И я старался поэтому играть с мальчиками, подражал во всем своим товарищам, старался перещеголять их удальством, что и удавалось мне. Не было такого высокого дерева, на которое я не взобрался бы. Девочек я старался избегать, так как мне не следовало заниматься их играми, и меня злило, что они считали меня равным себе.

В обществе взрослых я *был*, однако, *всегда* одинаково *скромен* и одинаково желанным гостем. Меня *часто тревожили фантастические сновидения*: мне снились ди-

сбирать кой-какие наблюдения. Я раньше думал, что напр., *во время беременности* родители допустят между собою содомический акт, как случай и забаву, — и тогда *родится содомит*. Но это, очевидно, поверхностно: *происхождение «урнингов»* беспросветно глубоко и таинственно. Скорее, оно происходит от *пролетания уже родителей* по тому *отсеку* мирового круга или мирового эллипсиса, по которому движется весь пол, *summa sexus* (колесо Иезекииля). Содомия — в *афелии и перигелии* этого эллипсиса, в его *сужениях*, в «носике» мирового яйца; а *рождение* («норма») в боковых длинных его сторонах. Всякий человек — естественно в «какой-нибудь» точке эллипсиса; родители «содомита» — в его *боковых длинных линиях*, — но там, где линия *начинает склоняться* к «носику». Сами родители поэтому плодородны: но уже в них есть неощутимый «толчок» к содомии, который в детях *продолжается далее и реализуется*. Но и это только «может быть». Темь, темь и темь... В. Р-в.

¹ Можно предположить, что не страдания были основой и причиной последующего феномена пола, а что этот феномен, бурно пробиваясь к осуществлению, сотрясал «нервными и психическими страданиями» ту органическую среду, в которой появился. Ибо пол — всегда *центр*, всегда — *зерно*. В. Р-в.

кие звери, которые однажды заставили меня бежать с постели, причем я не проснулся. Я всегда был одет просто, но красиво, и поэтому *полюбил вообще красивую одежду*. Мне помнится, с детства у меня явилась *склонность к женским перчаткам*, которые я надевал часто как мог. Однажды, когда *мать кому-то отдала пару своих перчаток*, я очень *сердился*. На ее вопрос я ответил, что *лучше бы она мне их подарила*. Меня подняли на смех, и с тех пор я остерегался говорить о своем *пристрастии к женским вещам*¹.

Особенно *радовала* меня маскарадная одежда, т. е. *женская*. При виде таковой я *завидовал* его *обладательнице*². Я с наслаждением смотрел на двух *молодых людей, замаскированных женщинами*. И тем не менее сам не рискнул бы одеть женского костюма, боясь насмешек. В школе я был весьма прилежен, *учился лучше всех*³. Родители всегда внушали мне, что первое в жизни — это *долг*⁴, и *показывали* сами *пример*. Посещение школы было для меня удовольствием, так как учителя были снисходительны, а старшие ученики прекрасно относились к младшим.

В это время мы покинули родину, так как отцу пришлось уехать. Мы отправились в Германию. Здесь господствовал *строгий режим*, отчасти среди учителей, отчасти среди учеников, и надо мной снова *стали смеяться вследствие моей женственности*⁵.

Мои товарищи дошли до того, что они *назвали* моим *именем девушку, похожую на меня*, а ее *именем меня называли*. Так что я ненавидел эту девушку, с которой подружился потом, когда она вышла замуж. Моя мать продолжала красиво одевать меня, и это было мне противно, потому что это вызывало вечно насмешки. Я очень обрадовался, наконец, когда меня *одели* в настоящую *куртку* и настоящие *брюки*. Но и тут начались новые терзания. *Костюм стеснял меня у половых частей*, в особенности когда сукно оказывалось влажным. А когда портной примерял мне брюки и прикасался к половым частям, дрожь пробегала у меня по телу. Это ощу-

¹ Вещи, и особенно платье, человек создает по натуре своей, в сущности — из натуры своей: и мальчик с девичьим сложением нисколько ищет женских вещей. В. Р-в.

² Как все незаметно, как невольно, как «мало-помалу». В. Р-в.

³ Высокие способности, никакого *понижения* их. В. Р-в.

⁴ Нравственная, не распущенная семья. В. Р-в.

⁵ Все невольно и мало-помалу. Какая же «патология» (страдания, болезнь)?! В. Р-в.

щение было для меня невыносимо¹. Затем приходилось делать гимнастику, и я не мог проделывать упражнений, которые и девушкам нелегко даются. Во время купания меня мучила стыдливость: мне стыдно было раздеваться, хотя я это делал очень охотно; в то же время это доставляло мне удовольствие.

До 12-ти лет я чувствовал слабость в крестце. Плавать я научился поздно, но зато настолько хорошо, что мог совершать большие туры. До 18-ти лет у меня было женоподобное лицо, и лишь с этого времени начался у меня рост бороды, так что я несколько успокоился. Приобретенная на 12-м году и излеченная на 18-м году паховая грыжа очень стесняла меня, особенно при гимнастике. Сюда с 12-ти лет присоединились, при долгом сидении и в особенности при вечерней работе, зуд, трение и дрожание, начиная с *repis'a до крестца*. Это затрудняло сидение и стояние, усиливаясь при простуде. Но я решительно не предполагал, чтобы это имело связь с половой сферой.

Так как никто из моих товарищей этим не страдал, то я ничего на этот счет не знал, и мне приходилось напрягать до высшей степени терпение, чтобы переносить это, тем более что живот вообще часто стеснял меня.

В половых вопросах я еще вообще был совершенно несведущ, но уже на 12-м, 13-м году я чувствовал, что мне приятнее было бы быть женщиной. Мне гораздо больше нравилась ее фигура, ее спокойная походка, в особенности ее одежда²; но я опасался думать об этом,

¹ Мне случайно пришлось узнать, что экземпляры содомии в брюках и экземпляры содомии в юбках абсолютно не переносят дотрагивания до органов, по крайней мере лицами противоположного пола, и именно дрожат при этом и чрезвычайно страдают; как равно и сами они никогда до них не дотрагиваются. От этой непереносимости касания — у них никогда не возникает онанизма. В. Р-в.

² Мне пришлось знать одну девушку, по крайней мере полусодомитянку, которой очень нравились вообще красивые дамы, и она волновалась и наслаждалась этою красотой, расспрашивала о таких дамах, покупала «примерные карточки». Все это было начиная от 14-ти лет; когда же у нее самой начали вырастать груди, образовался бюст, то вот у себя этих признаков женщины она не выносила. И когда раз она была внезапно снята (в домашней фотографии) в домашнем платье, без корсета и с заметным выделением груди, — то, отказавшись взять снимок, с отвращением произнесла: «Не могу видеть у себя эти отвратительные куски мяса» (о грудях). Вот родник, что содомитянки-хлыстовки-скопчихи отнимают (вырезают) у себя груди. Тут не религия родила физиологический факт, а физиологический факт содомии родил из себя религиозную секту — хлыстовство и скопчество. В. Р-в.

хотя знал, что не убоюлся бы кастрационного ножа для достижения своей цели. Если бы мне пришлось ответить, почему я предпочитал женскую одежду, я сказал бы: *меня неодолимо влечет к этому; быть может, я и казался самому себе скорее девушкой, ввиду удивительно нежной кожи, особенно лица и рук. Среди девушек я был желанным гостем. Хотя и мне нравилось их общество, но я избегал их, потому что мне приходилось пересиливать себя, чтобы самому не казаться женственным.* Однако в душе я завидовал им. Особенную зависть вызывала у меня подруга, которая получила *длинное платье*¹ и ходила в перчатках и со шлейфом.

Когда я на 15-м году совершил путешествие, одна дама предложила мне *переодеться девушкой* и выйти с нею погулять. Несмотря на *все желание сделать это*, я не согласился, потому что эта дама была не одна. Я с удовольствием смотрел в это время, как в одном городе мальчишки ходят в *блузах с короткими рукавами и обнаженными руками.* Одна *разодетая дама* показалась мне *прямо богиней; я был бы счастлив, если бы она прикоснулась ко мне своей рукой;* я с завистью думал о том, с какой радостью оделся бы в эту прекрасную одежду.

Тем не менее я *прилежно занимался*, окончил реальное училище и гимназию в 19 лет, *хорошо выдержал экзамен на аттестат зрелости.* Я помню, на 15 году я впервые *высказал* своему другу *желание быть девушкой.* На вопрос, *почему именно, я ничего не мог ответить.* На 17-м году я попал в общество кутил; я пил много пива, курил, заигрывал с продавщицами. Последние охотно знакомились со мною, но *относились всегда ко мне так, словно и я сам был в юбке.* Уроков танцев я не мог посещать.

Я *мечтал* о том, как счастлив я был бы, *если бы я был девочкой.* Я вспоминаю с чувством нежности о *красивом друге с женоподобным лицом и темными локонами*². Мне помнится, я очень желал, чтобы мы оба были девушками.

¹ Поразительно! Вот врожденный gallus древности. Но до чего тупы медики (см. Пеликана: «Медицинское исследование о скопчестве»), которым *ни разу не пришло на ум* соединять скопчество религиозное с этим фактом в натуре человечества, что *некоторые в нем рождаются предназначенными к оскотлению*, суть ех nascente * религиозные galli. В. Р-в.

² К истории литературы и вообще культуры. Кто же не обращал внимания, что лицо Рафаэля, безбородое и такое нежное, есть *прекраснейшее лицо девушки;* и почти так же прекрасно, как лицо Рафаэля, лицо *terribile dictu* ** Чернышевского (см. чудный его

Будучи студентом, я, наконец, добился однажды coitus'a. Hoc modo sensi, me libentius sub puella concubuisse et penem meum cum cunno mutatum maluisse *. Девушка, к своему изумлению, должна была обходиться со мной, как с девушкой, на что она охотно согласилась (она, видимо, была еще неопытна и не смеялась надо мною).

По временам я бывал дик, но чувствовал всегда, что я при этом только маскируюсь. Я пил, буянил, но все же на уроки танцев не мог являться, боясь выдать себя. Дружба моя была искренняя, без задних мыслей. Особенно радовался я, когда товарищ маскировался дамской или когда я мог оценивать дамские костюмы на балу. Я отлично понимал в этом деле и постепенно начинал даже чувствовать, как женщина.

Два раза я покушался на самоубийство вследствие несчастных связей. Однажды я без всякой причины не спал 14 дней, много галлюцинировал, говорил в бреду с живыми и мертвыми.

Была у меня и подруга, знавшая мои склонности; она одевала мои перчатки, но обходилась со мной, как с девушкой. Я понимал женщин лучше всякого мужчины, и когда они узнавали это, со мной обходились, как с подругой. Я не переносил сквернословия. Вечно мне оставалось непонятным одно: я знал, что у меня женские наклонности, но знал ведь и то, что я — мужчина; я сомневался лишь, нравилась ли мне когда-нибудь женщина, помимо моего желания быть таковой и помимо попыток к совокуплению, которое, между прочим, не доставляло мне удовольствия.

Изучение акушерства давалось мне с трудом (я стыдился за девушек-пациенток и сочувствовал им). Во многих случаях я выдавал себя опытным врачом. Совершил в качестве вольнопрактикующего врача поход. Верховая езда, которая была мне противна уже во время студенчества, тяготила меня, так как половые части вызывали при этом более женственное чувство.

Я постоянно полагал еще, что я — мужчина с неопределенными чувствами. Я никогда не чувствовал себя

портрет в «Вестнике Европы», октябрь 1909 г.), проводившего в «Что делать» теорию о глупости ревнования своих жен: на самом же деле, конечно, теорию о полном наслаждении мужа при «дружбах» его жены, причем муж втайне, в воображении, уже наслаждается красотой и всеми формами женского «друга». Значение Чернышевского в нашей культуре, конечно, огромно. Он был $\frac{1}{2}$ — урнинг, $\frac{1}{4}$ — урнинг, $\frac{1}{10}$ — урнинг. В. Р.-а.

удовлетворенным, испытывал вечные огорчения, витал между сентиментальностью и дикостью, которая по большей части была аффектирована.

Своеобразно шло дело с моей женитьбой. Охотнее всего я вообще не женился бы. Но этого требовали мое семейное и общественное положение. Я женился на прекрасной, энергичной женщине из семьи, где процветало женское господство. Я был влюблен в нее настолько, насколько может наш брат: то, что он любит,— он всем сердцем любит; невесту любит со всей свойственной ему женственной глубиной, почти как жениха. Я рассчитывал, что брак излечит меня. Но уже в первую брачную ночь я чувствовал, что я функционирую, как женщина с мужским строением.

В общем мы жили счастливо и в мире, около двух лет были бездетны. Затем, после тяжелой беременности, родился мальчик, который и до сих пор меланхоличен. Потом второй — вполне здоровый, потом третий, четвертый, пятый. Все расположены к неврастении¹. Так как я не находил себе нигде места, то я часто посещал веселое общество, много работал, делал эксперименты, оперировал. Свои супружеские обязанности я, во всяком случае, выполнял, но без всякого удовлетворения. С первого coitus'a и до сих пор мужское положение при этом мне противно и слишком тягостно.

Охотнее я занимал бы положение жены. Мы жили вместе, пока сильное заболевание ревматизмом не заставило меня разъезжать по различным курортам. Одновременно я стал до того анемичен, что почти каждые два месяца мне приходилось принимать железо. Часто меня мучила стенокардия, затем развились односторонние судороги в подбородке, шее, носу — гемикрания, судорожные сокращения грудных мышц и диафрагмы. Три года тому назад меня поразила чрезвычайно сильный припадок артрита.

Еще до этого припадка я принимал горячие ванны. При этом случилось раз, что я вдруг почувствовал перемену, словно я был близок к смерти. Я собрал последние силы, выскочил из ванны, но почувствовал себя совершенно женщиной с libido. Позднее, когда явился Extr. cannab. ind.*, я принял три-четыре дозы, потом принял

¹ Худо выходят дети. Вне «предназначения»... Но случай особенно важен тем, что полу-«девушка» даже зачала в девушке: слабо и почти с отвращением. В. Р-в.

дозу гашиша,— у меня явился судорожный смех, своеобразное чувство в мозгу и глазах, миллиарды искр, проникающие от мозга через всю кожу. Но я все же еще мог заставить себя говорить.

Я вдруг увидел себя с ног до груди женщиной; я чувствовал, как раньше в ванне, что половые части видоизменились, что таз расширился, груди увеличились, ненасытная похоть поработила меня. Тут я закрыл глаза и, по крайней мере, не видел измененным лица. Врач, казалось мне при этом, имеет вместо головы гигантскую картошку, у моей жены была на туловище луна. Но все же я был еще настолько крепок, что, когда оба они вышли на несколько минут из комнаты, я тотчас записал в свою книжку мою последнюю волю.

Кто опишет мой ужас, когда я на следующее утро почувствовал, что совершенно превратился в женщину, когда я при хождении и стоянии чувствовал вульву и груди!..

Когда я, наконец, встал с постели, я чувствовал, что со мной произошло полное превращение... За время этой болезни у меня была масса галлюцинаций слуха и зрения¹, я говорил с мертвыми и т. д., я видел и слышал дух родных², чувствовал себя двойственной личностью, но все-таки не замечал еще, что мужчина угас во мне. Изменение моей психики было счастьем, так как меня поразили удар, который при прежнем моем настроении оказался бы для меня смертельным.

Так как я часто еще смешивал явления неврастения с ревматизмом, то я не оставил пользоваться ваннами, пока кожный зуд усилился до того, что я бросил всякую наружную терапию (я становился все анемичнее от ванн) и закалял себя, насколько возможно было. Но женская, внедрившаяся в меня мысль осталась и до того окрепла, что я носил только маску мужчины, в действительности же во всех отношениях чувствовал себя женщиной, а воспоминания о прежнем исчезли. Окончательно подорвала мое здоровье инфлуэнца.

Status praesens *. Я высокого роста; седая борода:

¹ Все это — не причина, а последствие промадного преобразования! «Звенит в ушах», «искры из глаз сыплются», когда человек, в сущности пролетает,— но внутренне, организационно — биллионы миль, межзвездные пространства!! В. Р-в.

² Поразительно! И прямо чудо! Ведь он, в самом деле «умерев» и «воскреснув», слышал голос мертвых, и чувствовал все, и женское, родство. «Во мне будто легионы ходят и пролетают звезды», мог бы он о себе сказать. В. Р-в.

становлюсь сутуловатым; после инфлуэнцы утратил четверть своей силы. Лицо, ввиду порока клапанов, несколько покрасневшее; хронический конъюнктивит; скорее мускулист, чем тучен; левая нога имеет варикозные расширения, часто немеет; утолщения не заметно еще, но склонность к этому есть.

Маммилярная область заметно выдается; *живот имеет форму женского живота, ноги имеют женственное строение, икры — также, то же самое надо сказать о руках. Могу носить женские чулки и перчатки $7\frac{3}{4}$ — $7\frac{1}{2}$. Также без труда ношу корсет. Вес колеблется между 168 и 164 фунтами. В моче нет ни белка, ни сахара; мочева кислота выше нормы; цвет мочи прозрачный. Стул по большей части правильный; если же стула нет, наступают все женские припадки запора. Сон плохой, подчас неделями сплю кряду лишь 2—3 часа. Appetit хорош, но в общем желудок перенослив не больше, как у здоровой женщины, и на острую пищу реагирует тотчас кожными высыпаниями и жжением в мочепускательном канале. Кожа белая, гладкая; невыносимый зуд в ней явился около двух лет назад, за последние недели ослабел, обнаруживается еще в коленном суставе и в мошонке.*

Склонность к потению. Испарения, которых раньше почти не было, носят теперь характер довольно *сильных женских испарений*, особенно внизу живота, так что мне приходится еще больше женщины следить за чистотой (*душу платок, пользуюсь душистыми мылами, одеколоном*).

Общее самочувствие. Я чувствую себя женщиной в образе мужчины. Если я иногда и чувствую еще форму мужчины, то данный член все же чувствуется женским, напр., *penis как клитор, мочепускательный канал как уретра и вход во влагалище* (он кажется мне постоянно влажным, хотя и сух); *мошонка — как labia majora**. Словом — я *всегда чувствую вульву*. А что это значит, может знать лишь тот, кто сам это испытал. Вся *кожа на всем теле воспринимает ощущения, как у женщины; я не могу ходить без перчаток, потому что руки не переносят ни холода, ни жары*. В такое время, когда не принято, чтобы мужчины носили зонтик, я чувствую крайне неприятное ощущение в коже лица.

Просыпаясь по утрам, я несколько минут не могу очнуться, я словно ищущего самого себя, а затем является насильственная мысль, что я — женщина. Я чувствую вуль-

ву. И я встречаю день глубоким *вздохом*, зная, что *предстоит опять все то же*. Не шутка чувствовать себя женщиной, а вести себя, как мужчина. Я *все должен снова изучать*. Ножи, аппараты — все, все решительно — я *чувствую года три совершенно иными, и, при изменившемся мышечном чувстве, должен заново знакомиться с ними*¹.

Все мне удалось, за исключением некоторых деталей. Зато острой ложкой работаю гораздо лучше. Противно мне то, что при исследовании женщин я слишком сочувствую им. Некоторое время меня мучило насильственное *чтение мыслей у обоих полов*, с чем и теперь приходится бороться.

Три года тому назад я еще бессознательно смотрел на мир женскими глазами. Такое изменение явилось почти внезапно в отношении п. opticus * к мозгу и сопровождалось сильной головной болью.

Я был у женщины, страдавшей половым извращением. Тут-то я вдруг увидел, что в ней произошло такое же превращение, как и во мне, т. е. что *она чувствует себя мужчиной*. И в сравнении с ней я *чувствовал себя женщиной*. Она не знала еще о своем состоянии.

С тех пор *все мои чувства проявлялись в женской форме*. К церебральной системе почти непосредственно присоединилась вегетативная, так что все *принадки носили женский характер*. Чувствительность всех нервов, особенно слухового, обонятельного и тройничного, *возросла до нервозности*. Стук окна заставлял меня *содрогнуться*; не абсолютно свежая пища вызывала у меня *трпунный запах*.

Но зато со времени этого превращения я *легче переносил зубную боль и мигрень* и меньше страдал при стенокардии. Удивительно: я *чувствовал себя робким, слабым существом*, но в случае угрожающей опасности был *хладнокровен и спокоен*, как и при тяжелых операциях.

¹ Поразительно! — изменилась душа с изменением пола. Не ясно ли, что душа есть только функция пола, что пол есть ноумен души, как *своего* феномена. Точнее, пол — невидимый, бесцветный, неосознанный — есть *сотворяющий* душу и тело с его формами. И пошлые медики пропустили этот случай, это «открытие радия», которое они описали равнодушно, как полицейско-судебный случай или как «курьез». Болваны, — при встрече с Сократом они записали бы только: «Весит 4 пуда 10 фунтов». В. Р.-в.

Как ни малы были мои грудные соски, но я все же *чувствовал их женскими грудями*, — и сорочка, сюртук, блуза стесняли меня и производили теперь неловкость. Таз казался мне совершенно женским. Я чувствовал давление в талии. *Каждый месяц у меня в течение 5 дней были все molimina* (сопутствующие регулам недомогания), *как у женщины*; только кровей не было, хотя было ясное ощущение, будто отходит жидкость, будто половые части опухают. В последующие затем два дня является весьма сильное ощущение: все тело охвачено чувством потребности в оплодотворении, оно пропитано им, как сахар пропитывается водой, или как мокрая губка. Очевидно, сначала нуждающаяся в любви женщина, а уж затем — мужчина; оттого, мне кажется, скорее имеется стремление к зачатию, чем к совокуплению¹. За последние три года я *чувствую себя во время совокупления пассивно, как женщина, иногда даже с женским ощущением эякуляции*. Чувствую после этого себя *утомленным и оплодотворенным, как женщина*, — иногда даже нехорошо, чего не бывает у мужчины. Несколько раз совокупление доставило мне такое наслаждение, что я ни с чем не могу это сравнить. Это — *приятнейшее, наиболее сильное чувство*, которому все может быть принесено в жертву. *В этот момент женщина есть одна лишь vulva, поглотившая всю личность...*

За последние три года я ни на одну минуту не переставал чувствовать себя женщиной. Теперь я уже привык, и мне не так тяжело. Но это в спокойное время. Когда же является потребность в половом удовлетворении, положение становится невыносимым. Чувствуется жжение, теплота, напряженность в половых частях (при отсутствии эрекции, половые органы как бы выходят из своей роли). В это время крайне трудно работать, невозможно ни сидеть, ни лежать, ни ходить.

Брак наш, за исключением минут совокупления, производит такое впечатление, будто совместно живут две женщины, из которых одна маскируется мужчиной. Когда у меня не являются описанные периодические molimina, то *является чувство беременности или полового*

¹ Вот глубокий ответ всем моралистам, которые, судя девушек за детей, всегда кричат, что они родили по «развратному влечению» к совокуплению: тогда как, наоборот, они совокупляются в силу неодолимой потребности к зачатию! Совсем разная оценка факта: из имморального он переходит в глубоко моральный, в исполнение воли Божией и закона природы. В. Р.-в.

пресыщения, которого мужчина не знает. При эротических сновидениях преобладают явления, какие снятся женщинам. Все это ужасно тяготит, и уж лучше быть или сделаться бессильным. Будь я холостой, я давно кастрировал бы у себя яички, мошонку и детородный орган¹. К чему все это женское ощущение удовольствия, когда зачатие невозможно? К чему все эти побуждения женской любви, когда для удовлетворения опять необходима женщина? Как тягостны эти женские испарения! Как унижает мужчину пристрастие к одежде и украшениям! Да и вообще, как тяжело, когда прежнюю индивидуальность приходится чувствовать лишь как маску, чувствовать себя всегда женщиной! Когда мужчина, пользующийся общественным доверием и авторитетом, должен возиться со своей, хотя бы только воображаемой, вульвой!

Помимо того приходишь в замешательство, когда кто-либо случайно заметит *женское проявление чувства*. Я помню, как испугался однажды, когда моя жена сказала знакомой даме, что *я отлично понимаю в женских туалетах*. Помню, как была поражена одна светская дама, когда я указал ей на неправильное воспитание дочери, и при этом письменно и устно *изложил ей все, что может чувствовать женщина* (впрочем, я сказал, что узнал все это из писем). Теперь, когда дочь оказалась действительно хорошо воспитанной, эта дама питает ко мне еще большее доверие.

Надо еще заметить, что я с тех пор *стал чувствительнее к температурным колебаниям, к эластичности кожи у пациентов, к напряжению внутренностей у них*, и что во время вскрытий и операций разные *жидкости легче проникают у меня через кожу*. Каждое вскрытие причиняет мне боли, каждое исследование проститутки или женщины, страдающей болями, тягостно мне. Я вообще *нахожусь теперь под сильным влиянием симпатии и антипатии*. *Духи влияют на меня* разное. Так, напр., фиалка и роза причиняют мне беспокойство, другие запахи противны мне, иланг вызывает у меня непреодоли-

¹ Какое поразительное признание, до конца и глубины объясняющее религиозное оскоепление («галлы» древности, наши «скопцы», «белые голуби»)! И медики, коим *правительственно* предлагалось объяснить скопчество (см. монографию д-ра Пеликана), не воспользовались этим и *такими фактами*. Впрочем, в медицине, кажется, вовсе нет литературы об «андрогинах», не помню ни одной диссертации. Полное неведение, но совершенно младенческое. В. Р.-в.

мое половое возбуждение. Прикосновение женщины кажется мне гомогенным; coitus возможен потому, что *жена моя несколько мужественнее меня, обладает более плотной кожей, и все же это скорее лесбосская любовь.*

При этом я *чувствую себя всегда пассивно.* Если я ночью не могу спать от возбуждения, то мне удастся заснуть лишь, *si femora mea distensa habeo, sicut mulier cum vir consumbens* * или если я ложусь на бок; но при этом *ни рукав, ни постель не должны касаться груди, иначе я не засну; точно так же и живот не должен быть прижат. Лучше всего я сплю в женской сорочке и в перчатках, ибо у меня легко зябнут руки. Приятно мне также в женских панталонах, так как они не прикасаются к половым органам. Больше всего мне нравилась женская одежда во времена криколинов.*

Наибольшее удовольствие я получил от знакомства с дамой, которая страдала неврастенией и которая после последних родов стала чувствовать себя, как мужчина.

С тех пор, как я объяснил ей значение этого чувства, она старается воздерживаться от coitus'a. Глядя на нее, мне легче переносить свое состояние. Будь она мужчиной, а я молодой девушкой, то именно она была бы избранницей моего сердца. Но теперь она была не то, что раньше; она — *элегантно одетый господин, несмотря на груди, прическу и т. д.* ¹. Она говорит кратко и отчетливо; ей не нравится все, что меня забавляет. Свое горе она переносит с достоинством, *находит утешение в религии и выполнении долга; она не любит женского общества и женских бесед, а также не любит сладостей.*

Что касается основных изменений, какие я заметил в себе со времени полной effeminationis (превращения в женщину), то они таковы:

1. Постоянное чувство, что я — женщина с головы до ног.

2. Постоянное чувство, что у меня женские половые органы.

3. Периодичность ежемесячных molimina.

4. Правильно возникающая женская похотливость, но без влечения к определенному мужчине.

5. Пассивное женское ощущение при совокуплении.

¹ Удивительно! Прямо прилагать в виде картинки к «Истории религий», как иллюстрацию финикийской Venus barbatus. И поразительно, что здесь преобразование наступило *после родов, В. Р-в.*

6. Женское ощущение при воображении совокупления.

7. При виде женщин чувство принадлежности к ним.

8. При виде мужчин женское отношение к ним.

9. При виде детей — тоже.

10. Изменившееся настроение, значительно большее терпение.

11. Удавшаяся мне, наконец, покорность судьбе, чем я *обязан только церковной религии*, — иначе я давно *наложил бы на себя руки*...

У меня *не все сказано*, но я не в силах здесь продолжать свои размышления и углубиться еще более в самого себя... Я надеюсь, что раз я выполняю свои обязанности врача, гражданина, отца и мужа, то я вправе причислить себя к разряду людей, заслуживающих не одного лишь презрения. Наконец, я хотел изложить результат моих воспоминаний и моего размышления, чтобы доказать, что при женском образе мыслей и чувств можно быть врачом. Я считаю крайне несправедливым закрывать женщине путь к медицине. Женщина подчас угадывает чутьем там, где мужчина, несмотря на диагностику, бродит впотьмах, особенно в женских и детских болезнях. Если бы зависело от меня, то каждый врач должен был бы несколько месяцев проделать *effeminatio*. И тогда он лучше понимал бы ту половину человечества, от которой он происходит. Он умел бы ценить величие женской души и постигал бы жестокость судьбы ее»...

«Спустя три года, — пишет Крафт-Эбинг, — этот субъект прислал мне новый *status praesens* своего образа мыслей и чувств. Он существенно соответствует прежнему. Физически и душевно он чувствует себя, совершенно как женщина, но его мыслительная способность осталась нетронутой и предохраняет его от *рагапоia*. Фактически не произошло существенных перемен в состоянии этого, все еще практикующего врача до 1900 года».

Такой же случай превращения из одного пола в другой — так сказать физиологический кусок религиозных культов Сирии — Крафт-Эбинг рассказывает относительно женщины:

«Госпожа Х., дочь важного чиновника. Будучи девочкой, Х. имела решительные *наклонности к спорту*

мальчиков. Пока она носила короткие платья, она бежала по полю, взбиралась на скалы. Ее решительно не интересовали наряды и украшения. Только раз, когда ей сделали платья мужского покроя, она испытала большую радость. Она также была чрезвычайно довольна, когда ей пришлось раз в спектакле изображать мальчика. В остальном, однако, ничто не обнаруживало homo-sexual'ного предрасположения. До свадьбы (21-го года) она не запомнит случая, когда у нее явилась бы склонность к особе собственного пола. Так же безразличны были для нее и субъекты мужского пола. Когда она стала взрослой, у нее было много поклонников, которые льстили ей, но тем не менее она никогда не задумалась о различии полов. Различие для нее состояло только в одежде. На единственном балу, который она посетила, ей нравились лишь остроумные беседы и хорошее общество, но не танцы и не танцующие¹. Менструации без боли явились на 18-м году. Госпожа X. чувствовала, что менструации нечто ей несвойственное, тягостное. Обручение со статным, богатым господином, решительно не знавшим женской натуры, было для нее делом совершенно безразличным. К браку она не чувствовала ни симпатии, ни антипатии. Супружеские обязанности сначала причиняли ей страдания, затем стали тягостны. Никогда у нее не являлось при этом чувства сладострастия, но она с течением лет родила 6 детей. Когда супруг, во избежание дальнейшего деторождения, пользовался coitu interrupto, она чувствовала себя оскорбленной в своем моральном и религиозном чувстве.

X. становилась все неврастеничнее, грустнее, чувствовала себя несчастной. Гинекологическое лечение и различные ванны не доставили ей никакого улучшения. На 36-м году у нее однажды явился апоплексический удар, и она пролежала два года, испытывая тяжелые неврастенические страдания (бессонница, давление в голове, сердцебиение, психическая подавленность, чувство нарушения физического и умственного равновесия до чувства угрожающего умопомешательства и т. д.). В течение этой болезни произошло удивительное превращение в ее душевном и физическом чувствовании. Разговоры навещавших ее дам о любви, туалетах, модах, хозяйстве, слугах — были ей противны. Ее даже угнета-

¹ Прямо наши 60-е годы! Вся тогдашняя «буря» вышла из стана homo-sexual'ности. См. выше о Чернышевском. В. Р.-в.

ло то, что она сама — женщина. Она не могла решиться *взглянуть на себя в зеркало. Прическа и туалет ужасали ее.* К удивлению окружающих, ее *нежные и красивые женские черты лица получили мужское выражение*, так что она скорее производила впечатление мужчины в женской одежде. Она жаловалась своему домашнему врачу, что *менструации стали ей чужды, вызывают у нее тяжелое настроение*, что запах *менструальной крови* стал ей отвратителен, но она не может прибегнуть к духам, потому что и они *противны ей.*

Она почувствовала теперь удивительное превращение во всем своем существе. Она заметила *приток физической силы*, и, проделав гимнастические упражнения, ей казалось, что она помолодела. Она поражается тому, как *изменилась ее мыслительная способность*; у нее явился совершенно *новый способ выражаться, соображать быстро и метко*, самый выбор слов совершенно не женский. У нее, столь *набожной и строго нравственной женщины*, явилась даже *наклонность ругаться.*

Она упрекала себя в том, что ведет себя, думает, чувствует совсем не как женщина.

Затем она почувствовала превращение в теле. К своему изумлению, она *почувствовала, что груди исчезают у нее, что таз ее сузился, что кости становятся массивнее, кожа грубее и плотнее.* Она не могла уже носить ни *браслетов, ни колец, ни серег, ни веера.* Камеристка и швея заметили, что от г-жи Х. *чувствуется как бы другой запах, что голос ее стал ниже, грубее, мужественнее.*

Когда пациентка встала, наконец, с постели, оказалось, что она совершенно *утратила женскую походку*; она буквально должна была принуждать себя к известным жестам и движениям в своем женском костюме; она больше не в силах была *переносить шлейф.* Прежняя жизнь в качестве женщины казалась ей теперь чуждой, несвойственной ей, и она не могла больше играть роль женщины. *Черты лица становились все мужественнее.* В животе явились совершенно чуждые ощущения. Она жаловалась врачу, что *не чувствует больше внутренних половых органов.* Область срамных частей, казалось ей, увеличилась, она часто ясно *чувствовала, что у нее имеется penis и scortum.* Так же ясно *обнаружилась мужская похоть.*

Все это сильно *угнетало ее*, и ее *грусть доходила до того, что она боялась помешаться.* Врачу удалось успокоить ее, и пациентка постепенно снова достигла равно-

весия в своем новом, чуждом состоянии. Она старалась исполнять свои обязанности матери и хозяйки. Интересна была поистине мужская сила воли, которую она при этом обнаружила; прежняя слабохарактерность совершенно исчезла.

Для своего мужа Х. была неразрешимой загадкой.

Врачу она жаловалась, что время от времени у нее является животная, мужская похоть, и это повергает ее в уныние. Половое сношение с мужем казалось ей ужасным и невозможным¹.

Порой пациентка испытывала еще женское возбуждение, но это становилось все реже². Она тогда снова чувствовала женские половые органы, прежние груди. Но такие моменты были ей противны, и ей казалось, что это второе превращение сведет ее с ума.

Она покорилась судьбе, в чем много помогла ей *глухая религиозность*.

Самое неприятное во всем этом для нее то, что ей, подобно актеру, приходится играть чужую роль перед людьми, именно роль женщины» (Крафт-Эбинг, стр. 312—330).

Самоотрицание пола

Выражение врача и акушера: «Я кастрировал бы у себя органы воспроизведения, более не нужные» — объясняет с такой полнотой первоначальные и оригинальные явления самооскопления, что ничего другого, кроме рассказа этого врача, не нужно прибавлять, не нужно ничего искать. Очевидно, эти и близкие к этому явления в текущем поле и вызвали все древние и новые случаи оскопления. С тем вместе нельзя не почувствовать, что такой носитель живого чуда в себе, который чувствует в себе то, чего не видит и не осязает, а что видит и осязает — того не чувствует, должен быть глубочайше потрясен, взволнован, испуган вечным испугом. И, как каждый человек в подобном положении, он не может не обратиться к Тому, Кто вековечно служил человечеству и опорой, и утешением; не может не обратиться в этом по преимуществу метафизическом состоянии к Первоисточнику всех метафизик, всего непостижимого.

¹ Типичное представление о нормальном половом акте г. Фозип в *аскетической литературе*. В. Р-в.

² Поразительно! *Колебания пола* в одном индивидууме! Точно *переливы света* в гейслеровых трубках. В. Р-в.

Подобные-то обращения к Богу людей, так или иначе аномальных в поле, в большей или в меньшей степени аномальных, не могущих вести нормальную семейную жизнь, не могущих нормально супружествовать,— и образовали *весь* аскетизм, как древний, так и новый, как языческий, так и христианский. Только в то время как в других религиях он занимал *уголок*, образовывал *цветочек*,— христианство собственно состоит все из *него одного*, с прибавками терпимыми, снисходимыми, ползузаконными, и, в сущности, *по строгой внутренней его мысли*,— незаконными.

Есть явления оригинальные и подражательные, вторые могут происходить *по примеру*, *по учению*. Но первые всегда происходят *по природе*. «Не могу *иначе!*» — вот крик натуры, лежащий в основе и безмолвного жития, и учения, и пропаганды.

Мы приведем одно такое «житие» из *Киевского Патерики*. В нем сказывается это неодолимое «не могу», которое составителями «житий» было принято за «не хочу». Таким образом факт природы, неизвестный составителям житий, был принят за особенно глубокое, за особо чистое исповедание религии девства, или, точнее,— за исповедание религии, проистекшей от Вечного Неразрушимого и Ненарушимого Девства («*присно-девства*»).

Вот это «житие» текстуально:

«О преподобном Моисее Угрине.

Вот что узнано было об этом блаженном Моисее. Он был родом Угрин, любимец святого Бориса и брат того Георгия, на которого этот князь надел золотую гривну и которого убили с ним на Альте и отрубили голову из-за золотой гривны. Этот же Моисей один избавился тогда от горькой смерти и пришел к Предиславе, сестре Ярославовой. И как в то время нельзя было никуда выйти, он, крепкий душой, остался здесь и пребывал в молитве к Богу. Потом благочестивый князь наш Ярослав, побуждаемый горячей любовью к братьям-мученикам, пришел на безбожного и гордого и окаянного Святополка и победил его. Но этот бежал к Ляхам (полякам), пришел опять с Болеславом и изгнал Ярослава, а сам сел в Киеве. Болеслав же, возвращаясь в Ляшескую землю, захватил с собой обеих сестер Ярославовых и многих бояр его.

Между ними был и этот блаженный Моисей. И вели его закованного по рукам и по ногам в тяжкие железа, и крепко стерегли его, потому что был он крепок телом и *прекрасен лицом*. И увидела его, *прекрасного и юного*, одна молодая женщина. Была же она из великих земель той, имела большое богатство и власть. И залегла ей в душу красота его, и уязвилось сердце ее страстным жела-

нием, чтобы склонить к тому же и Преподобного, она стала увещивать его лстивыми словами, говоря:

— Зачем ты напрасно переносишь такие муки, когда имеешь разум, который мог бы избавить тебя от этих мук и страданий?

Моисей же сказал:

— Так Богу угодно.

Она же сказала ему:

— Если покорись мне, я избавлю тебя и сделаю великим во всей земле Ляшской. И будешь ты владеть мной самой и всю область моей.

Понял блаженный желание ее нечистое¹ и сказал ей:

— Но кто же, взявши жену и покорившись ей, сохранил² закон? Покорился жене Адам первозданный и из рая изгнан³ был. Самсон всех превзошел силой, войска противников одолевал, а после женой предан был иноплеменикам. И Соломон постиг глупину премудрости, а повинаясь женам — идолам поклонился. И Ирод многие победы одержал, а поработился жене — и умертвил Иоанна Предтечу⁴.

¹ «Почему «нечистое»? Совершенно чистое, — как у Евы при взгляде на Адама. Все взято из «Киевского Патерика», собрания житий «святых» Киевских Пещер. Все с XIII—XV века давалось в поучение, в «просвещение», русскому народу младенцу, который жевал ту пищу, какую ему вкладывали в рот. Между тем пища эта вся отравлена ядом скопчества и бунтом против заповеди Господней: «Оплодотворяйтесь! размножайтесь!» По духу этого отрицания, «святые» Пещер были хоть и наивные (и невинные), однако богоборцы. А «Патерик» был и *остаётся* книгой богоборческою. И он писан урнингом-безбрачником, и в нем писано об урнингах же, каковым несомненно был этот Моисей. В. Р-в.

² Да Исаак, сын Авраама, был не только женат, но и «покорен жене», и — *сохранил закон*. Женатый Авраам был один из человечества избран Богом в завете с Собою, чего еще не случилось ни с одним монахом. Но смотрите, как самоуверенно пишет монах-урнинг: выражает *натуру свою*, и хотя в каждом слове отрицает и порицает *все* Св. Писание, но ему кажется, что он пишет что-то «божественное». В. Р-в.

³ Да он «изгнан» был ни в каком случае не за жену, которую дал ему Бог, а за преслушание заповедания Божия о невкушании плода от древа познания добра и зла. Если Ева, жена, дала ему этот плод и под пером монахов это обращено в аргумент против женитьбы, то ведь доказали ли они, что Змий не соблазнил бы одного Адама, и без его женатости? Если перед Евю не устоял Адам, то почему он устоял бы перед Змием? Змий похитрее Евы, — а Адама он все равно стал бы искушать, потому что ему надо было склонить и не Адама, и не Евю, а — человека. Продолжи монахи глупую мысль свою, и они дошли бы до необходимости доказывать «греховность земледелия»: ибо первый убийца на земле, Каин, — был земледелец, и Бог даже определенно отверг жертву его, как и принесенную от плодов земледелия. В. Р-в.

⁴ Какая ненависть к женам! И не взято ни одного примера обратного, ни Агарь, ни Ревекка, ни Рахиль. Все — *забыто*, все — *закрыто ладонью* от читателя, которым был целый народ! И еще Церковь, пропитавшая народ этим женоненавидением, постоянно учила, подводя глазки к небу, что она-то и есть «мать брака» (свят. Филевский в письмах ко мне), что «только христианство вывело жен-

Так как же мне, свободному, самому сделать себя рабом жены? Я не познал ее от рождения¹.

Она же сказала:

— Я тебя выкуплю, сделаю знатным, господином над всем домом моим поставлю, и будешь ты мужем моим. Только исполни мою волю, удовлетвори страстному желанию души моей, дай мне насладиться твоей красотой². Для меня довольно твоего согласия. Не могу я сносить, что гибнет даром твоя красота³. Пусть же утихнут сердечный пламень, сжигающий меня, и перестанут мучить меня помыслы⁴, и успокоится страсть моя. И ты насладишься моей кра-

шину из унижительного положения, в каком она находилась у язычников и находится у мусульман» (С. А. Рачинский), что оно «подняло положение женщины». *Монахини и игумены* — да: но на жену и мать она только подняла мужнины кулаки. То-то церковь *ни разу* против этих кулаков не подняла протеста: не было *примера*. «Свое добро хорошо пахнет», — даже когда это и есть каиново «добро». В. Р-в.

¹ Аналогия приведенным у Крафт-Эбинга примерам урнингов: которые вообще с молодости не совокупляются, «до брака — девственны» и, вступив в брак (случайно и нелепо), дивятся на совокупление, как на встреченного в лесу медведя. В. Р-в.

² Совершенно нормальное желание, естественное, святое, как Евы. В. Р-в.

³ Как основательно! Прямо — закон Божий: «Ты молод и прекрасен, и я не стара еще и не безобразна — давай размножимся по слову Божию, зачнем прекрасных детей». Просто, как и все было открыто и просто в первобытные те времена. На что же злится монах? Ненавидя человека, замечаете ли, как ненавидит он Бога? В. Р-в.

⁴ «Помыслами», как известно, страдают все монахи («Покаянный канон» Андрея Критского, «Требник» *). Благочестивая жена, пожелавшая себе мужем Моисея Угрина, и передает ему о «помыслах», этом начале греховных извращений пола; и если бы он сколько-нибудь имел в сердце своем любви к человечеству, сожаления о братьях своих, если бы он имел заботу о спасении души ее, то он *принудил* бы даже себя стать ее мужем в предупреждение развращения ее (мысленного). В Ветхом Завете неоднократно передано, как отцы взрослых дочерей, видя чрезмерное половое возбуждение мужчин города или села, говорили им: «Вот подождите, у меня есть дочь (чаще — дочери), еще не познавшая мужа, и я вам вышлю ее». В громадной стране со сложным населением, с подвижными заработками («отхожие промыслы») церковь, государство и общество должны бы любовно и согласно, без всякой «воппе типе», рассмотреть вопрос: как удовлетворить половую нужду этого *вынужденно* бродячего населения? И поставив этот вопрос, конечно, чиновники и мудрецы должны бы передать его в «комиссию из женщин» или хотя бы всему женскому скопищу. Женщины, которым врожден инстинкт материнства (верхней заботы, заботы сверху вниз) не в отношении одних собственных детей, а вообще, — без сомнения, не отвергли бы абсолютную необходимость как-нибудь ответить на эту «жажду». Теперь это разрешилось в проституцию, в ужасный промысел, который обрек толпы ничуть не плохих девушек на невероятное унижение, позор, несчастье и болезни, *связанные исключительно с удовлетворением этой бродячей нужды*. Но чем эти девушки хуже других, что на них одних это пало?

сотой, и будешь господином всему имени моему, наследником моей власти, старшим между боярами.

Блаженный же Моисей сказал ей:

— Будь же уверена, что я не исполню твоей воли. Я не хочу ни власти твоей, ни богатства; для меня лучше всего этого чистота душевная, а также и телесная¹. Не погублю я труда пяти лет, которые Господь сподобил меня терпеть в этих оковах. Я не заслужил таких мук и потому надеюсь избавиться за них от мук вечных.

Когда Ляхиня увидела, что лишена такой красоты, то, по дьявольскому внушению, пришла к такой мысли:

— Если я выкуплю его, он поневоле покорится мне.

И послала она к тому, кто держал Моисея, чтобы тот взял у ней денег, сколько хочет, только передал бы ей юношу. Он же, видя удобное время для приобретения богатства, взял у ней около тысячи и отдал ей Моисея. И насильно без всякого стыда повлекла блаженного на дело небогоугодное. Теперь эта женщина получила власть над ним, и вот она велит ему сочетаться с собой. Она освобождает его от оков, одевает в многоценные одежды, сладкими кушаньями кормит, объятиями и всякими любовными обольщениями понуждает на свою похоть. Преподобный же, видя ее неистовство, стал еще прилежнее молиться, еще крепче держать пост. Он желал лучше, Бога ради, есть сухой хлеб и пить воду с чистой, нежели многоценное кушанье и вино с скверною². И не толь-

Несомненно, это должно быть совершенно переработано — и именно в смысле *более правильного и равномерного распределения полового налога*. С полным падением всех суеверий против деторождения и совокупления, брезжит, что это разрешилось бы в свободную (своеохотную) преданность этому всех незамужних и зрелых женщин. Вообще, бытие у некоторых и даже у многих женщин протестуационного инстинкта, на разных степенях его напряжения, и полная неспособность всех таких женщин к верному и целомудренному сожитию с одним, не может быть лишена всякого смысла в природе, не может не играть какой-то тайной для нас роли в Космосе, в цивилизации, в истории. «Кому-то и они нужны», «где-то и у них есть место». «Место» это и падает именно на *двигаемость и смешиваемость* человечества; то, что оно не сидит, как два попугайчика в клетке, на одном месте, не может этого и не должно этого. А между тем каждые пять дней уже «нужна женщина мужчине». Для этих *homines errantes in rebus gaestis* и сделан мировой запас в *feminae errantes in sexu* *. В. Р-в.

¹ Видите оклеветание брака у монаха? «Брак есть нарушение чистоты душевной и телесной», «брак оскверняет душу и тело», «брак есть скверна». И все это, в бесчисленных «Житиях», они подсаживают, шепчут народу, в то же время крича наружу: «Брак честен и ложе не скверно» (текст из ап. Павла), «мы благословляем брак», «венчаем», — приходите только и заплатите деньги, «брак — церковное таинство». И нашли же глупое государство, которое этому поверило. В. Р-в.

² Опять «скверна»... «Жена» — скверная, «женщина» — скверна, ласка ее или от нее — «скверна». Этим пропитано все «святоотеческое»; «святость» церковная и определяется этой «разделительной от женщин» чертой. Мы уже указали выше, в каком *вкусовом ощущении* лежит всего этого источник. «По плоду узнается дерево»... Но и обратно: «взглянув на дерево, уже узнаем, какой оно принесет плод...». В. Р-в.

ко одну сорочку, как Иосиф, он всю одежду сбросил с себя, избегая греха, и ни во что вменил жизнь здешнего мира. И в такую ярость пришла Ляхиня, что хотела голодом уморить его. Но Бог не оставляет рабов своих, надеющихся на Него. Он преклонил на милость одного из слуг ее, и тот тайно подавал Моисею пищу. Другие же увещевали Преподобного, говоря:

— Брат Моисей! Что мешает тебе жениться? Ты еще молод, и она вдова, жившая с мужем только один год. И красотой она лучше других женщин, и богатство имеет бесчисленное, и власть великую в Ляшской земле. Если бы она захотела выйти за какого-нибудь князя, и тот бы не погнушался ею. А ты, пленник, не хочешь исполнить ее волю. Если же скажешь: «Не могу преступить заповеди Христовой», то не говорит ли Он в Евангелии: «Оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будут два одной плотью; так что они уже не двое, а одна плоть» (Матф. XIX, 5, 6). А Апостол говорит: «Лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (1 Коринф. VII, 9). Вдовам же велит вступать во второй брак. Зачем же ты предаешь себя на злые и горькие муки, из-за чего страдаешь, когда ты не инок и свободен? Если придется тебе умереть в этой беде, какая тебе похвала будет? Да и кто же от первых людей и доньше гнушался жен... как Авраам, Исаак, Иаков?.. Никто, кроме нынешних чернецов. Иосиф сначала победил, а потом и он женился. И ты, если теперь жив останешься, то сам взыщешь жены. И кто не посмеется твоему безумию? Лучше уж тебе поклониться этой вдове, и будешь ты свободен и господин над всем.

Он же говорил им:

— Ей, братья и добрые друзья мои! Добро вы мне советуете! Понимаю я, что это лучше того, что нашептывал змей в раю Еве¹.

¹ Какие сведущие монахи: даже знают и то, что Змий *нашептывал* в раю. Там вслух, в словах, записанных в Библии, даже слова нет о *плотском соединении Адама с Евой*, для чего Ева и дана была Адаму; но в монастырях твердо распространено убеждение, что Змий «нашептывал» Еве плотики повлечь Адама к соединению с собой, а самое «яблоко» толкуется иносказательно, как «женская прелесть», «чувственность». Помогает этому то, что *в раю, до грехопадения* совокупления еще не было; но если бы Церковь заботилась о чистоте понимания Св. Писания, она взяла бы из Талмуда то простое объяснение этого, что райская жизнь первой четы продолжалась только *один день*. Прежде всего, Адам был уже не «дебелый мужчина», каковым нелепо рисуют его на иконах, а отрок на переходе в юношество. Сон его и сотворение Евы совершилось в ответ на первое его чувственное пожелание: не мог же допустить ему Бог «разжигаться» в раю, что есть грех даже и в падшем состоянии (слова ап. Павла). Подготовленный чувственностью к ней, Адам произносит известное любящее восклицание при первом взгляде на деву-жену. Он уже знает, что она — *его*, что она — *жена*, и произносит величайшую формулу брака, какая когда-либо была дана. Брак совершился бы и исполнение его в раю же последовало бы с первыми сумерками, как у всей твари, у всех людей, — если бы, вероятно в предвечерний час, не произошло соблазнение Евы Змием. Судя по словам Божиим, что «семя женщины живородящей станет стирать главу Змия» (слова эти перевертаны и в русском и в славянском переводах Библии), — если и позволительно влагать какой-нибудь иносказательный смысл в слова Змия, *абсолютно от*

Вы убеждаете меня покориться этой женщине, но я никак не приму вашего совета. Если и придется мне умереть в этих оковах и страшных муках, я совершенно уверен, что приму за это милость от Бога. Пусть все праведники спаслись с женами, я *один* грешен и не могу с женою спастись¹. Да если бы Иосиф покорился жене Пентефрия, то не царствовал бы он после; а видел Бог терпение его и дал ему царство², и в роды прошла слава о нем, как целомудренном, хотя он и детей прижил. Я же не царства хочу и не власти; не хочу быть великим между Ляхами, почитаемым по всей Русской земле; для *Вышнего Царства я пренебрег всем этим*³. Если я живой избавлюсь от руки этой женщины, то *пойду в монастырь*⁴. А что

нас сокрытый, то можно только думать, что, вопреки воле Божией, давшей Еву в совокупление Адаму, Змий задумал поманить ее новым путем, вот этим путем урнингства, ненарушимого девства, монашества, как бы путем Моисея Угрина и подобных. Так как рассказ Библии об Адаме и Еве в то же время есть образ всякого позрастания юношей и дев и их сочетания, — то мы можем отметить, что и отроки *перед самым пробуждением чувственности* (Адам до Евы), и девы в этот же предбрачный возраст, все испытывают узенький, короткий по времени, поясок гомосексуальности: это наши «влюбления институток в подруг своих», и подобные же чувства в мальчиках лет 15—16. Все, что в отношении к полу мог нашептывать Змий, то вот такое дево-мужнее: «Не плодитесь, не множитесь — но живите, как ангелы на небесах, любя друг друга *девственною любовью*». Нельзя, в параллель, не отметить, что гости Лота и были почувствованы содомлянами как «ангелы», и вообще муже-девы утверждают и настаивают (Платон в «Федре»), что их чувства по *высоте духовности* и чрезвычайному даваемому счастью подобны «ангельским», дают им «ангельское состояние и блаженство». Все это надо отметить. Но так или этак, — Адам и Ева были к ночи уже изгнаны из рая, и совокупление их произошло вне его. Все, что можно думать об этом, это — что, исполнив заповедь Божию о размножении в раю же, т. е. *поспешно*, — они, по всему вероятно, *избежали бы* и изгнания из рая. Но они замедлили и были изгнаны: и только здесь, уже претерпя за отлагание выполнения Божьей воли, поспешили начать «стирать главу Змия». В подлинной Библии сказано: «И сказал Бог Змию: *вражду* положи между тобой и женщиной, и между потомством твоим и дитятею ея... И семя женщины сотрет главу тебе». В. Р-в.

¹ Вот голоса урнинга..., вот *все исповедание, цельное исповедание* муже-девства: «не могу с женщиной быть», «грех», «скверна для меня», «и не ссылайтесь на святых, на примеры, на тексты: все равно, не могу! не хочу! *Моей природе* это противно, враждебно, гадко!» В. Р-в.

² Все ведь это *сочинение, фантазия*: но так уверен урнинг, когда и прет («природа кричит»)! См. выше аналогичное вранье, — и тоже какое упоенное! — Вл. Соловьева, Л. Толстого и Фози о «девстве». И. Р-в.

³ Прямо — знаменитые слова о скопчестве. Так вот в каком месте их корень... В. Р-в.

⁴ Вот, вот! Так вот *где* корень *всех* монастырей и *всего* монашества... Наввно и чистосердечно рассказанная история Моисея Угрина, с его столь ясно выраженной физиологической природой, *поднимает завесу над всем делом*. «Историю» эту надо бы выгравировать на меди и прибить к воротам всех монастырей. В. Р-в.

Христос говорит в Евангелии? «Кто оставит отца своего и мать, и жену, и детей, и дом¹, — тот есть Мой ученик» (Лук. XIX, 26). Кого же мне больше слушаться — Христа или вас? Апостол же говорит: «Женатый заботится о мирском, как угодить жене, а неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу» (1 Кор. VII, 32, 33). Спрошу я вас: кому больше следует служить — Христу или жене? «Рабы должны повиноваться господам своим на благое, а не на злое» (Еф. VI, 5). Пусть же будет известно вам, держащим меня, что *никогда не прельстит меня красота этой женщины, никогда не отлучит от любви Христовой*.

Услышала это вдова та, и вот, с помыслом лукавым в сердце, сажает она Преподобного на коня, велит возить его со множеством слуг по городам и селам, принадлежащим ей, и говорит ему:

— Тут все, что тебе угодно, — твое; делай со всем этим, что хочешь.

Люdiam же говорила:

— Вот господин ваш, а мой муж. Чтобы все, встречая его, кланялись ему.

¹ Да, все отношение Иисуса к браку уже было *двойственно* — и сперва ап. Павел, а затем и Церковь только продолжали эту двойственность. На переднем фазе — Брак в Кане Галилейской... «первое чудо»... «с людьми»... «на браке их». Затем, у Матф. 19, как будто подтверждение всего Ветхого Завета: «Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их» и пр., — хотя эти последние слова и заключаются каким-то ненужным скопчеством, этой *малостью фактической*, о которой бы и упоминать не стоило, высказывая такой универсальный закон. *Но упомянуто*. Случайно? В каких целях? Не разгаданно. И затем говорится, как *особенное Христово*, как *новое Христово*, «христианское», вот это противоположение «Христова ученичества» — отцу, матери, жене, детям... Так сильно сказано. «*Не может быть* Моим учеником, кто не отрекся»... Как бы: «По сему (отречению) будут узнавать, Мои ли вы» (ученики, последователи). И, наконец, совсем непостижимо это пламенное: «Огонь пришел. Я низвесть на землю: и как желал бы, чтобы он уже возгорелся! Крещением должен Я креститься: и как Я томлюсь, пока сие совершится! Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но — разделение. *Отныне* пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух и двое против трех. Отец будет против сына и сын против отца; мать против дочери и дочь против матери; свекровь против невестки своей и невестка против свекрови своей» (Луки, XII). Все это слишком подробно, разделительно и так настойчиво, притом *лично* настойчиво, *новозаветно* («новый и другой завет»), что и у ап. Павла и у Церкви не могло остаться сомнения, что тут нужно между чем-то *выбирать*: между верностью Ветхому Завету или вот этому Новому Завету, между «Плодитесь! Множитесь!» и «Если вы станете плодиться и множиться — *не можете быть Моими учениками*»... *Евангелие тем именно ни на какую книгу не походит, что оно, будучи человеком, в то же время не есть ни мужское, ни женское* (характер «мужского» и «женского» мы можем открыть в каждой строке, всяком жесте, в каждом тоне человеческого слова и движения). Уже слова Евангелия суть все до единого «как Ангелы на небеси»... «Любовь» же евангельская, это особая бесполоая любовь, небесно-спокойная, всем помогающая, «и добрым и злым», и от всех вместе с тем далекая, ни с кем *определенно* не сливающаяся (брак), и есть внеполое и обоюдное чувство, ду-

А в услужении у ней было множество рабов и рабынь.

Посмеялся Блаженный безумию этой женщины и сказал ей:

— Напрасно трудишься: не можешь ты прельстить меня тленными вещами этого мира, ни украсть у меня духовного богатства. Пойми это и не трудись напрасно.

Она же сказала:

— Или ты не знаешь, что ты мне продан? Кто избавит тебя от рук моих? Я никак не отпущу тебя живого; после многих мук смерти тебя предам.

Он же без страха отвечал ей:

— Не боюсь я того, что ты говоришь. Но на предавшем меня тебе — больше греха. *С этих пор я буду иноком* — Богу так угодно.

В те дни пришел со Святой Горы один инок, саном иерей. По повелению Божию, пришел он к Блаженному и облек его в иноческий образ. Много *поучал* он его *о чистоте* — о том, как бы *избавиться от этой скверной женщины*, чтобы не предать себя во власть прага; и когда он ушел, стали искать его и нигде не нашли. Тогда

ховно-физическое, но страшно тонко-физическое. «Живут, как Ангелы»... Все, «как у Ангелов». В соответствии этому Иисус и мог только (Матф. 19) сослаться формально на заповедь Ветхого Завета: «плодитесь» и проч., но именно с этим «и прочее», равнодушно; когда же дело дошло не до ответа пристававшим на улице (Матф. 19), а до *личного* Его отношения, то Он и воскликнул: «Ни — жены, ни — детей, ни — невесток и свекровей. *Мой огонь — другой! О, если бы он возжегся!!!*». Такова была *Его* небесная природа... И взгляните на *изображения* его, все решительно, без исключения... В слегка склоненном лице, обрамленном длинными прядями волос, во взоре задумчивом, кротком и *нежном*, — особенно *нежном*, — мы не увидим сходства ни с одним известным нам, фактически или исторически, лицом... *Такого нет — мужа, ни — героя...* «Не то, не то!» «Не тот! Не тот!» Но будем вглядываться дольше, будем вдумываться года. Нежное, прекрасное лицо, прекраснейшее на земле... Ничего мужского, мужественного; *ничего Геркулесовского* (берем тип, идеал, образ, *предел, грань*). Станем еще смотреть, думать, сравнивать... Погрузимся в это годы... Станем изучать всевозможные *Его* изображения, всех *людей*... *Во всех эпохах* «геркулесовского» — ничего. Но нет ли, не попадется ли обратное? Да, вековой *наклон живописи* все показывает нам одно и одно: *девство*, нежность, женственность, просвечивающую сквозь *мужские* признаки, почти только сквозь *налет* их, слабый, нетвердый. Но откуда же живописцы взяли свой *наклон*? Да из *слова*! Они *линиями* разъяснили то, что казалось *невероятным* и *неправдоподобным* в рассказе...; они *утвердили рассказ* и вместе *догмат*. «Отца вовсе нет, и в сына могли перейти единственно черты *матери-девы*» (разъяснение мне, на мой вопрос «почему», М. П. Соловьева *, великого знатока церковной живописи, о «*девообразности*» всех изображений Спасителя). «*Две природы*» в Нем... и «*полнота* в Нем человечности», закругленная,вершенная, чего и *не может быть только в одном мужском или только в одном женском*. Таким образом и тайная поэзия евангельского слова, слога, и твердый церковный догмат повелели *так* рисовать, соделали «*сладким*» такое рисование... С. А. Рачинский мне указывал в своей Татевской церкви совершенно *безбородый Лик* Спасителя, особенно им любимый, так как он несет в себе память *самой древней традиции* (живописной). Но когда все так *нарисовалось*, тогда все и *разъяснилось*... Мы поклоняемся Деве в Муже. В. Р-в.

Ляхиня, потеряв всякую надежду, пришла в отчаяние и подвергла Моисея тяжким истязаниям: велела растянуть его и бить палками, так что и земля напиталась кровью. Бьющие же говорили ему:

— Покорись госпоже своей и исполни волю ее. Если ты не слушаешься, мы на куски раздробим твоё тело. Не думай, что избежишь этих мучений; нет, во многих и горьких муках предашь душу свою. Помилуй сам себя! Сбрось эти ветошки и надень многоценные одежды, избавь себя от ожидающих тебя мук, пока мы еще не коснулись твоего тела.

И отвечал Моисей:

— Братья! Не медлите, делайте, что вам велено. А мне никак нельзя отречься от иноческой жизни и от любви Божией. Никакое томление, ни огонь, ни меч, ни раны не могут отлучить от Бога и от великого ангельского образа. А эта бесстыдная и помраченная женщина явно показала свое бесстыдство; не только Бога не побоялась, но и человеческий срам презрела, без стыда принуждая меня к осквернению и прелюбодеянию¹. Не покорюсь я ей, не исполню волю окаянной!

Сильно печалилась вдова о том, как бы отомстить за свой срам. И вот посылает она сказать князю Болеславу:

— Ты сам знаешь, что муж мой убит в походе с тобой, и ты дал мне волю выходить, за кого хочу. И полюбился мне один красивый юноша из твоих пленных. Я, заплативши за него много золота, выкупила его, взяла к себе в дом; и все, что было у меня, — золото, серебро и всю власть свою — отдала ему. Он же все это ни во что вменил. Много и ранами и голодом томила я его, но ему и того мало. Пять лет пробыл он в оковах у пленившего его, от которого я его выкупила; и вот, шестой год остается у меня, и много мук принял от меня за свое непослушание, сам на себя навлек это жестокосердием своим. А теперь какой-то чернец постриг его. Что же велишь мне делать с ним?

Князь велел ей приехать к себе и привезти с собою Моисея. Она пришла к нему и Моисея привела. Увидав Преподобного, Болеслав много принуждал его взять за себя эту вдову, но не уговорил, и тогда сказал ему:

— Можно ли быть таким нечувствительным, как ты! Стольких ты благ и такой чести лишаешь себя и отдаешься на горькие муки! Отныне будь тебе ведомо: перед тобой на выбор — жить или умереть; или волю госпожи своей исполнить от нас в чести быть и великую власть иметь, или, послушавшись, после многих мук смерть принять.

Ей же сказал:

— Пусть никто из купленных тобою пленных не будет свободен. Делай с ними, что хочешь, как госпожа с рабами. И чтобы никто не осмеливался послушаться господ своих.

И сказал Моисей:

— А что говорит Бог: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит; или какой выкуп даст человек за душу свою» (Марк. VIII, 36). Что ты мне обещаешь славу

¹ См. выше у г. Фози... «Ляхиня» склоняла его не к *сожитию* с собой, а к *форменному*, законному, к *церковному* браку. Но он отвечал, как г. Фози и всякий урнинг: «*Все равно* — это есть *скверна* и *прелюбодеяние*». Из этих «обмолвок» на расстоянии тысячи лет, у простца и ученого, как мы распознаем один *корень* дела, один *вкус*, одну *физиологию!* В. Р.-в.

и честь? Сам ты скоро лишишься ее, и гроб примет тебя, ничего ни имеющего. Эта же *скверная женщина* в злых муках убита будет.

Так и было, как предсказал Преподобный.

Теперь вдова эта взяла над ним еще большую власть и бесстыдно влекла его на грех. Однажды она велела насильно подложить его с собой на постель, целовала и обнимала его; но и этой прелестью не могла привлечь на свое желание¹. Блаженный говорил ей:

— Напрасен труд твой. Не думай, что я безумный или не могу² этого оделать: *я из страха Божия гнушаюсь тебя как нечистой*³.

Услышав это, Ляхиня велела давать ему по сто ударов каждый день, а потом обрезать тайные члены, говоря:

— Не пощажу его красоты, чтобы не насытились ею другие.

И лежал Моисей, как мертвый, истекая кровью, едва дыша.

Болеслав же, устыдясь величества этой женщины, и по прежней любви к ней, потакал ей: он поднял великое гонение на черноризцев и всех их изгнал из своей области. Но Бог скоро отомстил за рабов своих. В одну ночь Болеслав внезапно умер, и сделался великий мятёж по всей земле Ляшской: поднялся народ и побил своих епископов и бояр, как и в Летописце рассказано. Тогда убили и эту вдову. Преподобный же Моисей, оправившись от ран, *пришел к пресвятой Богородице, в святой Печерский монастырь*, нося на себе мученические раны и венец исповедания, как победитель и храбрый *воин Христов*. И дал ему *Господь силу против страстей*. Некто из братьев, *одержимый нечистой страстью*, пришел к этому Преподобному и молил его помочь ему, говоря:

— Даю обет сохранить до смерти все, что ты велишь мне.

Блаженный же сказал ему:

— *Никогда в жизни ни с одной женщиной слова не говори.*

Брат обещался исполнить совет Преподобного с любовью. У Святого же в руке была палка, без которой он не мог ходить от тех ран. Этой палкой он ударил в грудь пришедшего к нему брата, и тотчас омертвели члены его, и с тех пор не было ему искушения.

Это вписано в *Житии святого отца нашего Антония*, так как в его время пришел блаженный Моисей. И скончался он о Господе в добром исповедании, пробывши в монастыре десять лет. В плену же страдал он пять лет в оковах, шестой — *за чистоту*⁴. Я упоминал

¹ История, только *другими словами* рассказанная, попыток сокупить таких юношей с девами. «Ничего не выходило», — рассказывает Крафт-Эбинг. В. Р-в.

² Нужно заметить, что «могу» здесь всегда неотделимо от «хочу», притом *сладко* «хочу». Моисею только казалось, что он «может»: но как это *длилось год* и он не «захотел», ни разу кровь его не заиграла при взгляде на молодость, на красоту, наконец в ответ на *осязательные ласки*, то совершенно очевидно, что кровь его была без *игры* в этом отношении, т. е. находилась в том *вечном покое*, какой присущ индивидуумам с «±0» полового притяжения. См. выше о *женатых* и не *совокупляющихся* урнингах. В. Р-в.

³ Совсем г. Фози. В. Р-в.

⁴ Знаменитый термин Кондратия Селиванова * — «чистота». Он этим термином называл «отсечение удов срамных», главный признак сектантов-скопцов. Но совершенно ясно, что все сообщество монашества есть бескровное скопчество; неотделимое от него по духу, оно невольно употребляет порой и термины скопческие. В. Р-в.

об изгнании чернецов из Ляшской земли, за пострижение Преподобного, отдавшегося Богу, Которого возлюбил. Это вписано в *Житии святого отца нашего Феодосия*. Когда святой отец Антоний был изгнан князем Изяславом за Варлаама и Ефрема, жена князя, бывшая Ляхиня, удерживала его, говоря:

— И не думай делать этого. То же было некогда в нашей земле: изгнаны были черноризцы из пределов земли нашей, и великое зло сделалось тогда в ней!

Это было за Моисея, как мы написали прежде, говоря о Моисее Угрине и Иоанне Затворнике — о том, что сделал через них Господь во славу Свою, прославляя их за терпение и обогащая дарами чудотворения. Слава ему ныне и присно и во веки веков».

(Из «Киевского Патерика»).

Вся эта история, в картине своей, до поразительности совпадает с тем, что нам передают биологи о попытках слить муже-дев с женщиной. Непобедимое отвращение — то же, что *actus sodomiticus* для нас, нормальных, обыкновенных. И нельзя в сторону законодателей, медиков, родителей не заметить, что попытки «женить» (или выдать в замужество) этих субъектов «третьего пола» совершенно равняются преступным и ужасным попыткам содомировать их. Ибо для них наше-то полосочетание и есть «содом», «гадость», «невозможное». «*Выйти замуж* — это для меня равнялось бы *сойти с ума*, но не умом, а *всем существом*», — сказала мне, опустив голову, одна совсем молоденькая девушка, о которой я знал, что она — урнинг, а она полужнала, что я знал, и не открывала этого и не скрывала.

К этому порядку явлений должны быть отнесены все случаи *бессупружного супружества*, т. е. когда двое супругов, вступив между собой в брак, или вполне удерживали девство, или очень скоро прекращали половое отношение, живя десятилетия последующей жизни без всякого полового общения. «Особый вид *аскетического подвижничества*, встречаемый среди мирян, — говорит русский переводчик к творению *Иоанна Мосха* «Луг духовный» *, — это — воздержание (читай: «отсутствие половых сношений») в браке. Этот обычай мы встречаем (читай: «это явление мы наблюдаем») с первых времен существования Христианской Церкви. Таковую жизнь вели: преподобный Аммон с супругою, св. Магна анкирская (г. Анкира в Галатии), благочестивый Малх, Анастасий и Феогния, Пелагий Лаодикийский с супругою, Юли-

ан и Василиса (285 г.), Конон Исаврийский и Мария (II век), Цецилия и Валериан, римский аристократ (230 г.), Захария-башмачник и Мария (III век)». Судя по упоминанию против некоторых имен даже века, в котором они жили, явно, что все черты их подробной биографии затерялись во времени; но *в памяти потомства* сохранилась цепь их имен и образовала уже не факт, а *зов и пример*, который действовал во всю историю христианства и дошел даже до холодной России XIX века (время перевода Иоанна Мосха). Так образуется учение, так образуется традиция, так образуется *школа*. Так нить за нитью выткана была «Церковь» — не в нелепом определении «собрания верующих», а в глубокомысленном значении *единой традиции и единого духа*, выросшего из одного зерна.

Зерно это — *бессеменность*. Если формирование и жизнь *семени* и формирование и жизнь *яйца* сообщают каждому своему носителю, в одном случае *мужчине* и в другом *женщине*, такую необозримую богатством, сложностью и *обособленностью* психику, то и представить себе нельзя, до какой степени странна и необычайна будет психология, вытекающая из этого вечного и неразрушимого девства, где мы имеем субъекта, о котором не можем сказать, что это «мужчина», и не можем сказать, что это «женщина», и сам он не знает этого, и даже *этого нет, а есть что-то третье, кто-то третий!* Можно было бы сказать «третий пол», если бы все-таки мы не имели в личности *мужского и женского*, но странным образом *перемешанного и раздробленного!* Во всяком случае, непременно появится *третья психика* — не мужская и не женская.

Какова будет она?

Никогда не будет детей. Никогда не будет дома, «хозяйства», — иначе как в смысле *помещения*, стоянки, логова, квартиры, кельи, пещеры, палатки. Одна виноградина и нет лозы, — и помещение виноградинке совсем другое, чем лозе. Таким образом глубочайше будет разрушен *тип социальной жизни* — разрушен не в бытовом, а в психологическом корне, т. е. более глубоко. Это есть то разрушение, на месте которого ничего не вырастет. Не менее разрушается *тип истории*. У него остается голова и отсекается туловище. *Будущее* не нужно то-

му, у кого не будет потомства,— будущее полное, всеобщее. Судьба последующего человечества представится под углом зрения не интересов этого человечества, а интересов группы этих одиночек, их — за неимением родового — *духовного союза, духовной преемственности и связи*. Эта группа людей будет жить и развиваться среди человечества, но против человечества, отрицая самый его корень. Наконец, в каждом *племени и народе* эта группа не будет иметь связывающих боковых скреп в виде горячо *лелеемого родства*. «Что братья и сестры мне? Мне важны *ученики*», — это типичный голос, типичное самощущение каждого подобного одиночки и всех их.

Племена, народа, рода — нет. *Будущего* — нет. *Прогресс* — не нужен. Что же остается, и особенно что остается для очень высоких способностей, для большого горения духа? для той живости его, какая и вообще отличает младенца и раннего отрока (обоюдополых, см. выше) от дебелого мужа и уставшей супруги?

Взрыв духовных интересов — всего того, что г. Фози назвал «нравственной личностью». При одинаковом количестве воды всякий поток тем *глубже*, чем он *уже*. Отщепление, *притом органическое, внутри самого субъекта*, от таких огромных областей, как народность и прогресс, — закрытие для ока человека этих частей горизонта — не может не вызвать исключительной *ясности* взгляда, исключительного *удлинения* зрения, исключительной *высоты* мысли у такого субъекта. Повторяю, что все это — не извне, а внутри, не «заперто», а «не хочется». Того, чего «хочется», — при этих условиях уже хочется со страстью, с огнем, гением. «Дебелые супруги», будь их сотни, тысячи, — не могут бороться с десятками таковых. У «дебелых супругов» есть своя сила — но не в духовном царстве; есть свое благочестие — но это не «праведность» келий, не их экстаз и ночные молитвы. Как ни странно сказать, но *европейское общество*, в глубокой супранатуральности своей, в глубоком спиритуализме, в глубоком идеализме, в трезых, мечтах — до Вертера и Левина — создано одиночеством: ничего подобного, ничего похожего не было никогда в античном мире, а античной общине, на античной *αγορά* и *forum'e*; как нет этого и на Востоке, в Азии. *Аромат* европейской цивилизации, совершенно даже светский, даже атеистический и антихристианский, — все равно *весь* и *всякий* вышел из кельи инока. Это — *инока* безграничный субъективизм, его беспредметные грезы, предчувствия, ожидания,

тревоги, страхи, смущения, нерешительность, пересекающиеся в диалогах гостини и литературы. Робкие глаза, тайная улыбка, слабое тело — все, все из кельи. Все то, что так отрицает, так похоронило Агамемнона, Одиссея, крикуна-Демосфена и римских самодовольных патрициев. Самые пороки древности, перейдя в новый мир *с теми же названиями*, получили новый колорит; самые добродетели древнего мира в новом мире пропитаны другим запахом. Патриотизм Гизо или Мишле не имеет ничего общего с патриотизмом Геродота или Фукидида, и славолубие Байрона совсем не то, что славолубие Цицерона. Все стало нервнее, болезненнее, нежнее, хрупче. И все это — от нетвердых ног (подлинного) монаха, тонкой его шеи, длинных волос, женоподобного голоса.

Душа не та! Душа *новая*. — Какая? — *Бессеменная*. Бесствольная, гибкая, ползучая или парящая за облаками; в отрицательных случаях — не прямая, лукавая, хитрая, злопамятная, мстительная; «бабья». «Мужественность», костяное, твердое начало наполовину хрустнуло, когда умер древний мир; женственность, «вечная женственность», страшно возросла и облила собой душу даже мужчин. Мужеподобность страшно понизилась в Европе сравнительно с классическим миром, где жены были храбрее и мужественнее христианских мужчин. «Христианский мужчина» — даже как-то не выговаривается. «Какой он мужчина?» — хочется насмешливо переспросить; переспросить о Руссо, о Толстом, о Достоевском, о многом множестве людей, гениально творивших *во вкусе христианской Европы*. Совпадение «женского в мужском» с основным тоном европейской цивилизации — до того поразительно, что не надо ничего другого еще знать, чтобы сказать: «Да в основе своей эта цивилизация вышла и не из головы Зевса и не из бедер Афродиты, а как отсвет натуры Паллады и Ганимеда».

Мы отвлеклись от предмета и вновь возвращаемся к нему. Наша тема — не цивилизация, а теснее, уже, — Церковь. Лютеранство, отвергшее монашество, потеряло с ним и всякую *метафизику*: потому что одно иночество и составляет всю метафизику в христианстве. Все прочее — рационально, объяснимо, обыкновенно. Совершенно необъяснимо, со стороны ли опоры в Первом Завете, или со стороны понимания, разума — одно иночество; и оно одно составляет поворот в истории от древнего к но-

вому, оно есть виновник и создатель «новой эры». Без него — просто ничего нет; есть штундисты, пашковцы *, благонамеренные люди, чистоплотные люди, благонравные люди, добрые, либеральные и т. п. и т. п.; есть Светловы, Петровы, «добрые пастыри», трезвые священники. Но непонятно, почему это образует *Церковь* как *специальное*. Это просто «общество добрых людей», или «общество благородных людей», с которыми приятно иметь дело. *Специальное* Церкви начинается с *монаха*, пусть нечесаного, пусть злого, совершенно невежественного. Все равно — он несет в себе *метафизическое зерно*, которое ошеломляет нас новизной и странностью, которому мы удивимся и перед которым, как перед всяким *дивом*, можем преклониться. Эта «дивность» его заключается в глубочайшем трансцендентом разобщении со всеми нами, в совершенной непохожести на нас, в силу которой — смотря по расположенности и подготовленности — мы назовем его «демоном» или «богом» (в простонародьи), стоящим *выше* или *ниже* человека, но во всяком случае — *в стороне* от него. Разобщенность эта и дивность эта заключается в оригинальной или подражательной, правдивой или притворной, потере *вкуса* к женщине, потере *интереса* к женщине, которое у подражательной и неоригинальной группы выражается во *вражде* к женщине, *бегстве* от нее и *страхе* перед нею. Один инок учил, и это навсегда нужно запомнить как *суть* всего: «Чадца! Соль из воды берется, но, соединяясь с водой, растворяется и исчезает. Так и монах: от женщины произойдя, он, когда приближается к женщине, то *ослабевает и обращается в ничто*» (Иоанн Мосх, стр. 265)... «Поэтому великие подвижники, как Пахомий Великий, Иоанн Каламит, Феодор, Маркиан, Пимен, Руф, Симеон Столпник и др., не допускали на глаза себе не только сестер, но даже родных матерей!»... В случае, если это было оригинальное явление, можно судить по этому о степени *отвращения* от женщины; а если подражательное, «по заповеди», то мы можем по этому судить о пафосе заповеди!

— Нет супружества, семьи! И не надо!

В этом состоит не «что-нибудь» в христианстве, а *все* оно. Подобно тому, как сотни предписаний Ветхого Завета можно же было свести к двум: «Люби Бога и ближнего, ибо в этом *весь закон и пророки*», — так точно все поучения, притчи, образы, сравнения, обещания и правила

Нового Завета можно свести к одной: *«Не тяготей к женщине»*. Известно, что, отдавая вновь постриженного отрока в подчинение и руководство старцу, ему говорят: *«Вот, он будет тебе как Бог, повинуйся ему паче Бога»*. Почему так, истина ли в этом? Полная! Суть старца, *уже выверенная*, уже очевидная монастырю, заключается в бессеменности, в невождедении к женщине. А в этом *«закон и пророки»*. Поэтому вместо длинного богословия и пространных наставлений отроку и говорят: *«вот старец, повинуйся ему»*, — и это совершенно то же, что *«исполнить все законы и пророков»*. *Свет бессеменный*: и уже кто взял зерно его — получит и весь свет. Но старец — бессеменен, и *«повиноваться ему — все равно, что Богу повиноваться»*. Очевидно.

От этого не по злоупотреблению, а по глубокому предчувствию истины и по сознанию всего объема ее монахи согласны скорее на допущение всяких злоупотреблений в своей черной братии, на невежество всего духовенства, на отречение от науки, на подавление всякой свободы, наконец даже готовы терпеть чудовищный половой разврат в самом монашестве, хотя непременно тайный, необъявленный — чтобы ценой всех этих потерь, несчастий и унижения, однако, сохранить *самый принцип монашества, притом не униженный, а сколь можно возвышенный, прославленный*. В этом все дело!!! Скажите, объясните и докажите самому праведному «святому» христианского мира, живущему, положим, в самую развратную монашескую эпоху, как было в католичестве в XVI веке и в X-м веке, что «упразднить бы монастыри и монашество, а пусть будет *каждый* семейным — и тогда пороки прекратятся», и он, при всем сознании и внутренней согласии, тем не менее отвергнет это *моральное спасение* ради сохранения *метафизического зерна*! С глубокой тоской, с глубоким трепетом сердечным — и все-таки отвергнет, сказав про себя: *«Лучше я поверю Христу, чем всему обвинению мира и очевидности глаз своих: ибо зачем же Он пришел? Тогда настанет нравственность: но где же будет собственное Царство Христово? — Оно разрушится»*. Пока есть хотя один праведный монах среди тысячи развратных, наконец, даже если все 1001 монах развратен, но *принцип монашества не отвергнут*, до тех пор Царство Христово, хотя умаленное и подавленное, засоренное и почти разрушенное, — однако *остается*. А 1001

счастливых семьянина, будь они хоть добродетельны, как Авраам, составляют только Царство Ветхого Завета и *ни одной крупинки Нового*. «А меньший в Царстве Нового Завета больше самого большого праведника Ветхого Завета», — сказал пришедший не нарушить «иоты» в этом Завете. Поэтому пока держится принцип *бессеменности*, то хотя бы ни одного его исполнителя не нашлось — держится вся Церковь: ибо придет еще, придет новый, придет когда-нибудь, и исполнит этот принцип — и тогда *восстановится* разом вся Церковь в главной мысли своей, в главной задаче своей, в великой теме, в великом мотиве. Восстановится в *особливом духе*, которого нет в тысячах и миллионах счастливых семей. Нигде нет, кроме — *кельи, монаха*.

Суть этой мысли, или общее — этого духа, лежит в неодолимой уверенности:

— *От бессеменности спасение!..*

Семейные добродетели суть «немножко не те» добродетели; а если и есть пороки в бессеменных и бессеменности — то «какие-то преходящие и вообще ничего»... Тут именно сонм «своих людей», одной *категории*. «Самые добродетели противоположных нам — не нужны, и самые пороки наши — извинительны». Главное, чтобы «торжествовали *мы*» и «наше *начало*». «Миру предстоит погибнуть...» Добродетели семейные потому — ничто, что самая семья должна исчезнуть, переродиться во что-то духовное: и тогда естественно *былые* добродетели ее перестанут быть образцами ли, правилами ли, и вообще обратятся в *ничто*. Какой интерес, что некоторые деревья очень хороши в лесу, который завтра сгорит? Если же бессеменные и оказывают недостаток, напр., участливости к людям, черствости к семье, порой жестокости — тюрьмы, казни, инквизиция, — то ведь это *исправится* тем общим идеализмом, духовным царством, в выработке которого состоит сама суть бессеменности. «Все исправится», как только мы «успокоимся», а «успокоимся мы» тогда, когда «все к нам придут». «Пусть все согласится на бессеменности, и мы растворим тюрьмы, и никогда, воистину никогда более не зажжем костров!» «Мы отпустим всякий грех чрезмерный, — как отпускали всегда *своим*, без наказания, по одному рассказу, разве с легким выговором. Мы будем кротки: воистину, мы *кротчайшие* из людей! Ни казни, ни суда, ни наказания — ничего не будет. Но

не будет, когда все придут к нам. И станут как *ангелы на земле*, в земных еще условиях, но в *небесном состоянии*, в котором не посягают, не женятся, не вожделеют, не имеют детей. Мы предвозвестники этого нового состояния, преображенной земли и Нового Неба. Аминь и борьба. Конец и начало. Геенна и скрежет зубовный или вечная тишина Райского блаженства»...

Вот Церковь.

Вот Христианство.

Вот христианские народы.

В середине всего этого лежит:

— *Иночество!*

Как кристалл внутри Церкви: и этот твердый кристалл нерастворим в Христианской цивилизации, и медленно ведет христианские народы, как племена и кровь, как землю, и ведет само христианство, как что-то слишком сложное, состоящее из языческих и евангельских начал,— к разодранию, разрушению и оставлению на земле «немногих избранных»:

— *Царства бессеменных святых.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Не будет излишним, если я здесь приложу несколько ставших мне известными фактов *своеполого* влечения. На первом месте я поставлю тетрадку «Воспоминаний одного послушника Н-ского монастыря», которые были написаны им по желанию своего духовника, по-видимому, дивившегося неведомому для него явлению и пожелавшего его точнее узнать. Написана тетрадь безграмотно, и я, насколько возможно, сохраняю в печати эти следы безграмотности. Они важны как яркое опровержение распространенной мысли, будто влечение это возникает как плод *половой пресыщенности*, или еще — *богатой пресыщенности*; будто содомия есть *извращенное удовольствие*, появляющееся у людей на *конце* испытания ими всех *нормальных удовольствий*. Это интеллигентное, литературное и даже ученое «с жиру бесят-ся» — совершенно падает в прах при чтении смиренного и слезного исповедания юноши. Далее, возраст его, со-

вершенно цветущий, испепеливает гипотезу Шопенгауэра, будто она присуща «старичкам». И, наконец, в изложении важна следующая подробность: нормальное совокупление (т. е. с противоположным полом) *имеет силу отклонять человека от ненормальности, ослаблять врожденный порок (с нашей точки зрения)* — и, вообще, *coitus cum femina est semper remedium contra sodomiam viri* *. Явно, какой это могучий рычаг в руках медика и психолога, какая это, с другой стороны, опорная точка для новых исканий в области этого важного явления. Но умный читатель сам извлечет все, что нужно, из этих записок, попавших (через два года по написании) в мои руки, к сожалению, в недостаточно полном виде:

«Батюшка! ведь нелегко же мне открыть то, чего и подумать ужасно. Вечером я услышал, что у вас Всенощная и певчие посторонние. Я поспешил, только больше не для молитвы, а послушать певчих¹. Когда я стоял и смотрел, мне прямо представилось: все смело стоят в храме, а я только один как Каин трясущийся, и я порешил скорее идти и показать вам то, что у меня вот написано. Когда вышел из церкви и шел домой, душа моя стала тужить и скорбеть так, как я никогда еще не чувствовал. Когда подходил к башне, в которой живу (монастырская башня.— В. Р.), то глаза мои были полны слез, и мне хотелось плакать, и душа прямо говорила: «Плачь! плачь!» А о чем — и сам не знаю, и не к Богу мои слезы относились. Только хорошо помню, что душа моя так скорбела, как никогда. Уже поздно вечером, часов в 11, мне чувства сказали: «О том плакала и изнывала душа, что образ Божий потеряла, исказила все. Очень грустно кончаю вечер».

Слог этот, стиль хорошо показывает обычное настроение содомита, далекое от «веселящегося» и «сытого собою», от «праздного» и «балующегося» (вульгарное о них представление самцов и самок). Напротив,— настроение постоянно грустное, жалующееся, покаянное; *склонное к слезам, женское* (женщины ведь *чаще плачут* мужчин). Вообще в настроении чрезвычайно много *типичного*, что нам хорошо известно из больших книг в кожаных переплетах с медными застежками. Будьте уверены, *ни одной строки таким слогом* не скажет мясной торговец, лабазник, господин приказчик; бравый унтер или офицер, помещик. Это — *слог* врожденного монаха...

Затем следует «исповедание» — рассказ о своей жизни, на 6 страничках. Первые две странички имеют срезанный правый край, и я их восстановил кое-как. За-

¹ *Художественный вкус,— решительно всегда замечаемый у людей «закругленной природы» (полно полость, содомия). В. Р-в.*

тем — дневник в целости. Особо важные места я буду подчеркивать.

«Вот жизнь моя, которую загубил себя». — Он встретил «13 или 14-ти лет парня, который его научил» взаимному рукоблудию. Ему он и начал предаваться, иногда по несколько раз в день. «Никуда я не ходил, женщины меня не влекли совершенно». В таком положении «доживаю до 19-ти лет. Еду потом в Питер, поступаю на место; *к женщинам такое отвращение, что и подтащить трудно*». Он много сокрушался над собой, «видя, что погубил не только свою душу, но и тело, а остановиться — нет сил. Но еще ужаснее новую пропасть увидел над своей головой: одно время захожу я в часовню, которая находилась недалеко от того места, где я служил. Вслед за мной туда же вошел человек, по-видимому, торговец. И говорит что-то, чего я сейчас хорошо не помню; только помню, что и самые слова, которые он мне сказал, были для меня непонятны. А одно знаю, что *решительно я как будто притягиваюсь к нему невидимую силою*¹. Выхожу на улицу, и идем вместе. Он говорит мне опять что-то, что я понял, как предложение рукоблудия. Тут мы зашли в уединенное место»... (Оторван кусок рукописи)... «Долго этого отыскивать не пришлось. Попадаете человек, который с удовольствием выдает себя мне за женщину; и я делаюсь, как я потом это название узнал, прямым п..... С этого времени я стал реже предаваться рукоблудию: только тогда, когда не удавалось выполнить последнего (*actum sodomiae*). И стремления стали к тому. Я еще пропустил вам сказать, что тот человек стал желать, чтобы и я ему заменил тоже женщину, отчего я отказался и никогда этого потом не делал, ибо чувствовал к тому отвращение². Так и продолжалось до самого призыва (т. е. в военную службу. — В. Р.). Т. е. всю жизнь таким образом. Ох, еще не знаю, — утаить ли. Ведь я хочу все открыть, а очень страшно. Находились, только очень редко, именно раза 3 или 4, не более, такие люди, которые брали *meum phallum in orem*, и я этого не устрасился³. Ужасно. Я не знаю, как переживал то время. Я сознавал, что мне грозит казнь Содомы. Но так страсти мои поднялись, что я не мог держаться. И чуть сам себя не лишил жизни. И эта страсть так развилась, что на женщин не восставала страсть, а на *virum**, и в каком же виде: проще сказать, *in phallum*, или при воспоминании о нем. Я задался целью во что бы то ни стало, но освободиться от этого, и подумал, ради страха, в монастырь уйти. Нет, еще ожидает гибель! Приехал домой, о, Господи пощади, совершаю *coit. cum animali*** в полном виде, чего и раньше пытался сделать. Этого мало: пытаюсь совершить, — хотя слава Богу не пришлось, а старания мои были, —

¹ Поразительно! Вот где центр дела! Но и в нормальных отношениях мы никогда не должны опускать из виду этой великолепно сказавшейся формулы: «притягиваемся к другому полу *будто невидимую силою*!» В. Р.-в.

² Следовательно, неправильно заявление Крафт-Эбинга и других физиологов, будто подобные люди меняют пассивное на активное положение, и наоборот. Может быть, у *некоторой группы* это и есть: но несомненно есть группы с влечением *только к одному пассивному положению, и только к одному активному*. В. Р.-в.

³ Несколько случаев этого напечатаны в книгах Крафт-Эбинга. В. Р.-в.

ас. sodomic. над кем? — племянником, да и крестник он мне, которому было пять лет. Кто же я есть и что же мне делать? Это происходило за несколько недель, за 3 или за 4, до отъезда в монастырь в 1906 году. Прямо, сын погибаемый; за что земля носила. Поступаю в монастырь. Долго держался, т. е. несколько месяцев. Неожиданно попадаетея человек, который из числа как и я. Совершаю то, что в Питере. Вот где отчаяние. От чего бежал, от того не могу нигде укрыться; но в монастыре только гораздо реже; и онанировал — тоже самое, только реже; живу также. В конце осьмого года еду к старцу Алексею, исповедую грехи. Тот удивленно смотрит на меня и просил не повторять; дал легкую эпитимью¹. Два года правда провел, и только разов не более 6-ти за весь год совершил рукоблудие: но боролся против того, к чему мои страсти были направлены: как я рассказал выше,— и, может, еще потому, что не было человека. Я думаю сам с собою во что бы то ни стало, а надо испытать женщин, чтобы бороться (т. е. в монастыре.— В. Р.) — то хотя против естества, а не против этого. В последней половине текущего, т. е. 1909-го года, совершаю сношение с женщиной. Я думал, что не способен буду; нет, все как следует совершил. *И тут же почувствовал отклонение от первого (т. е. от sodomiae); и раза три в том году было мною совершено. Я почувствовал небольшое влечение к женщинам, и вот и в этом году тоже совершил; и одна женщина недалеко от меня находится, т. е. я ее могу видеть. Я знаю, что это нехорошо, но, думаю, она мне необходима как ради избавления и исправления моего искажения.* Теперь я уже того не испытываю, что раньше; не имею ad viros желания, а более ad feminas* склонности имею; но хотел бы исправиться совершенно. Кажется мне, что от этого не далеко. Вот теперь что мне желается: как бы примирить совесть с Богом, и также поправить здоровье; очень я его утратил.

21-го января 1910-го года. Цель моя состоит в том, чтобы очистить себя от мерзких богопротивных дел. Грешить — грешу так, как мало кто; молиться — молюсь очень мало; а в монастырь пришел, то отчего бы не молиться больше, разве кто может воспретить. Нет, этого не хочу, а богопротивное продолжаю; вот и скорблю душой, хотя без сомнения уверен, такой скорбью бесов только радую и гнев Божий на себя подвигаю.

Две мысли: одна говорит — «делай то», а другая — «делай то». Вот и происходит неурядица душевная. На чем остановиться, на какой мысли, каком чувстве и желании? Говорят — «на той, которая не противна воле Божией». А — нет, отчего и сам не знаю, но большей частью останавливаешься на греховной мысли; а если не остановишься, то она все-таки давит, не дает свободно работать мысли над делом. Вот и скорблю душой.

22 января. Смотрю на себя, да и думаю: «довел себя до того, что тело так ослабло; почти неспособно стало ни к чему хорошему». А когда вспоминаю, что мне всего 24 года, то невольно приходится сказать себе,— что же будет далее? Опять болит душа, а все бесполезно.

¹ Это интересно сопоставить с *тяжелыми эпитимиями*, тянувшими от 2-х до 7-ми лет, налагаемыми на разводящихся супругов, по вине *нормального совокупления* не с женою или не с мужем. Утяжеление эпитимий в этом случае есть выражение общих антипатий к *мужьям и женам*, к *браку* вообще, идущие параллельно легкому и извиняющему отношению ко всем вообще аномалиям в поле. В. Р.-в.

23-го января. Сегодня я был назначен в дом странно-питательных пять молебн; там священник сказал речь, а затем показывали (ту-манные? — В. Р.) картины о воспоминании Смутного времени. С каким же я настроением вышел оттуда: душа настолько была печальна, что не могу выразить. Я чувствовал себя жалким, несчастным человеком. Смотрю на людей, живущих в миру, — они пользуются миром разумно; они, бывает иногда, прямо забывают про худое, греховное, что Богу противно, а я? Я пришел в монастырь, и мой ум, моя голова всегда занята одной думой, этим несчастным моим грехом; а если я хочу когда-либо подвинуть себя на доброе — воли нет. Голова ли к ученью неспособна, несмотря на то, что ученье у меня (т. е. «на мою оценку». — В. Р.) незаменимо на свете ничем. И вот терзаюсь душой; да как же не терзаться: то, что дорого, — того не делаю; а то, что вредно, не то что только для души, но и для тела, — то делаю. Вот и скорблю душой; не знаю, как поступить.

24-го января. Очень, очень хотел бы быть я ученым (я не говорю про высшее учение). Я ограничился бы учением таким, если бы мне постигнуть столько науки, сколько требуется для сельского учителя. Я уверил себя: тогда бы конец скорбям моим. Я не пошел бы на то место, где мне предложили бы 50 или 70 руб., а с душевной радостью пошел бы учителем и на 20 руб. А монастырскую жизнь оставил бы; потекла бы милая и желанная для меня жизнь. Но беден и несчастен я, не придет такое время.

26-е января. Сегодня я вышел за монастырские ворота. Навстречу попались два седые от старости старика. Завидя меня, они начали величать меня: «Батюшка — такой-этакий, — подай на пропитание». Вздригнуло мое сердце: «За что же такого молокососа, как меня, за убогую помощь, за одну копейку так величают? Знать она для них так дорога». Долго не мог я забыть этих стариков. И после этого я такую почувствовал легкость, радость сердечную. Но, о горе, скоро это исчезло, и опять противная вялость, уныние, скорбь. Отчего это, не могу и порешить сам с собою. Опять наполняется душа разной пошлостью, скверностью. Ужасно. Что же сделать, когда такие противные гости носятся в голове.

27-ое января. Ну, как же тут жить, как довольному быть? Как добрые люди живут! Сегодня не знаю, как переживаю день. Прошедшей ночью я спал более семи часов, и еще днем час спал. Вечером посмотрел, сколько учебных книг: а я ни одной не брал в руки, а если и брал, то не надолго. И других книг читать — тоже не читал. Вот и не знаю, что происходит. Себя понять не могу. Кажется, совершенно лениться, не расположен к делу; точно какая-то слабость или просто привычка к лени; не знаю. А как посмотрю, — зима проходит, а я ничего себя не подвинул относительно ученья: ни — русский язык, ни — Закон Божий, ни — арифметика. А как пужны-то они мне. Вот несчастье — какой я вялый; а время, время золотое, 25 лет. Что же будет далее? Ужасно. Не знаю, что такое: успокоюсь мыслью, не расстраиваюсь греховными мыслями — и так легко бывает, прямо — свет вижу; а как только явилась причина, греховный помысл — все пропало; хотя бы впереди и ожидаю очень дурное — все равно. Ну, вот приходит то время, и если грех совершен — страх, тоска и терзание души; а желал бы я быть мужественному. А если не совершаю греха — еще хуже: я мысленно отдаюсь ему. Вот считаю себя несчастным, что слаб против всего худого. Не могу держаться.

29-е января. Вот мои мысли о монашестве. Все то, что налагает «Устав монашеский» на монаха, он должен исполнить; если же не исполняет, то хотя и носить мантию буду — но монахом не могу себя назвать. Потому дела не таковы, какие должны быть у монаха. Думаю — не важно, что дадут мантию; дать ее — может быть, и скоро дадут. Дорого было бы то, если бы я был монахом в душе. А поступать так по «Уставу» Антония Великого и других Отцов — не могу вменить при таких мыслях, как у меня. Вот и не могу покойно жить в монастыре. А в мир неохотно поступать. И какой же тогда образ жизни взять? Супружеский, — но тогда через немного времени будет семейство, и чем же существовать с ним. Я ни к чему не способный, и по этой причине. (Т. е. своего «греха»? — В. Р.) Жить в монастыре тоже страшно: разве приятно Богу? Тогда выходит так, что большую часть, и почти совсем, жить в монастыре ради тела или матерьяльности.

Вот почему я и задался целью, если бы Господь благословил, кончить экзамен на учителя; а потому именно — на *учителя*, что я науку, в особенности Богословие, очень полюбил. Если бы и более чем мог научиться, то все равно куда больше не поступлю, как только учителем. Потому я мог бы, мне кажется, лучше исправлять душу (ученическую? свою? — В. Р.), и больше не для своего благополучия, а для того, что с учителя не то требует Бог, что с монаха. Я тогда готов терпеть все скорби, а душу исправлять мне необходимо; потому она у меня особенная от других; такую душу, как моя, немногие, очень немногие имеют¹; от искреннего сердца говорю. Ох, про свою душу, — про те дела, которые я совершал, — боюсь, вспомнить страшно.

О, Господи! — за грехи ли, не знаю, поущение ли — тоже не знаю, только знаю одно, как я жив и живу на свете, как не поглотит меня земля. Разве я ищу какой-либо особенной жизни, или — святости? Нет, мне не до этого. А про монашескую жизнь — это, правда, думаю, что тогда только буду прогневлять Бога, а не очищать душу, — т. е. если сделался монахом, не исполняя Устава. Разве я могу описать то, что делается в моей душе сейчас, когда я все вспомнил, что было так еще недавно.

30-е января. Сейчас я очень трогательно задумался над собой, потому настает время такое для меня ужасное: раскрывается та змея, которая жалит меня. День провел неблагоприятно; невольные какие-то желания блудные — страсти какие-то и для самого непонятные. Но мысли давили и на женщин и на мужчин. Представлялись только не в том виде, чтобы в усладительном. И такие, правда, пробегали мысли, но я не придаю им значения, и они скоро уходят. Сейчас мысли на мужчин являются, но только такие: «Почему я не такой, как тот». И тут же сердце защежит; отвечаю сам себе: «Потому что утратил свою и молодость, и красоту; и — потому еще, что те люди молодые, сильные, красивые, а я — как тряпка». А кто виноват? Сам себя чуть с ума не свел; да и не останюсь (в «грехе»? — В. Р.) никак.

31-е января. Сегодня день для меня желанный, которого я давно ждал. Очень рад, что дождался такого дня. Если бы этого не дождался, то другой бы был для моей жизни важный день. Живя в Питере, было две цели: оставить такой гадкий образ жизни не-

¹ Вот — самоощущение! Не тот, как у других, пол — и совсем иная, нежели у прочих людей, душа. «Иное осознание, иной глаз, рукопожатие, ход мыслей, идеалы, все» (см. мой текст выше). В. Р.-в.

пременно. Чем больше я им увлекался, тем сильнее я им отчаивался. Я себе назначил два исхода: или открыть свою душу так, как вам; и — думал, что найду себе в этом утешение. Но не допускал до этого страх и стыд, и, еще самое главное, не находил такого человека. Духовнику я говорил, а он меня исповедовал, налагая нетяжелые епитимьи, — и я уходил от него и больше не видел. Зато я с удовольствием буду теперь целовать не руки только Ваши, а то место, где стояли ноги Ваши. Особенно сегодня не замечаю возбуждения; есть, но не основательные; *смотря на мужчин, отражается старое; но больше побеждает склонность к женщинам — и чувства и желания.*

1-го февраля. Сегодня день провел благополучно; *возбуждения — на стороне женщин; а первое возбуждение, которое Вам известно, мне подчинилось почти совершенно; только проносятся в мыслях, но я оставляю их без внимания, а новая (т. е. мысль о женщинах? — В. Р.) заменяет ее.* Кружение в голове, вероятно от расстройства. Был сегодня у Вас, и не знаю, как подходил к Академии. Доброго ничего не могу заметить душой, потому она занята одной мыслью: как открыть Вам все. Батюшка! не знаю, что со мной происходит: я боюсь, и страшусь, и стыжусь об открытии сего Вам. Сегодня не замечаю особенного ничего; душой также отравлен; с нетерпением жду, какую резолюцию наложите. Я теперь весь отдался Вам, а вот сегодня чувствую себя очень нехорошо: такой праздник, а я имел случай и не удержался, совершил грех с женщиной. Утешаюсь только тем, что я *делал это для того, чтобы окончательно забыть первое.*

2-е января 1911 г. Сегодня я был у одного послушника и увидел у него книгу о покаянии, составленную Дьяченко*. Я с удовольствием прочитал ее, и она успокоила меня, указав, что необходимо открыть свою душу. Теперь я еще решительнее приступаю к этому. Особенного (чего-либо в душе. — В. Р.) не имею. Одна мысль, что как я должен буду вести себя по совету Вашему, т. е. какой будет Ваш совет.

3-е февраля. С утра до самого вечера день шел обычным порядком. Пробежали всякие мысли, только ни одна не могла занять меня. Это я замечаю потому, что я занят той мыслью, что вот скоро новое для меня совершится это лето. Вот и занят я тем».

* * *

Здесь есть что отметить медику, юристу и даже моралисту. Потеряна ли *личность* в человеке, *совесть*? *исправим* ли он? Странно и спрашивать: он только об *исправлении* и думает, сюда — вся его воля, помыслы. Но если он не может *одолеет* себя, то явно можно только помогать ему: ибо всякий *сгипен*** есть *сгипен* злой воли, без злой воли нет *преступления*. Можно было бы поднять «задним числом» один большой, даже огромный судебный процесс, притянув к ответу медиков, как и юристов, *сословно, профессионально, научно*: неужели же им не попадались признания, рассказы, исповедания, аналогичные этому? неужели можно поверить, что я, никогда не занимавшийся этим предметом, и обративший в исто-

рических целях внимание на него всего года три, лет семь, узнал в самом деле что-то *новое* сравнительно с медиками и юристами, которые по этой части «огонь и медные трубы прошли»?!! Конечно — нет!!! Но у меня *открылось ухо*; а у них *ухо* было закрыто, и они просто жевали жалованье, слушали рассказы и *дремали*, видели факты — и *спали*: и повинны в великом уголовном преступлении, что тысячи людей в Германии, Франции, везде были посланы в каторгу, в Сибирь, в тюрьму... *Каких людей?* — Да вот как *этот* рассказчик, с его порывом к свету, к учению, к доброму наставлению чужой души, с плачем о себе, со всеми великими и *редкими* добродетелями скромности и самоосуждения! Выбросьте наружный факт или как-нибудь его *сокройте*, и перед вами стоит *образцовый человек*! Ибо так ли ведут свою жизнь, об этом ли думают и заботятся «самоуверенные молодые люди», проводящие дни в ресторанах и соблазнении девушек-прислуг, без всякого о том «покаяния»? Здесь — все *цело*, весь человек — полон: душа, совесть, сердце, ум. Не забудьте, что это — еле грамотный. Но постоянная его мысль — о *книгах*! Исповедание необыкновенно важно потому, что здесь мы имеем «своей рукой написанный» полный портрет содомита, абсолютно не сходный с тем, как это предполагалось; портрет вместе с тем *не поддельный, подлинный* и вместе документальный, как бы «у нотариуса засвидетельствованный», и с которым ничего не может поделать «наука». Все эти «размышления» патологов, клиницистов, «психиатров» (!!) якобы о «больных» своих «пациентах» падают в прах, ибо им говорят: «Вы не понимаете *пола* — и отсюда не понимаете вообще *половых явлений*, не только а-нормальных, но и совершенно нормальных».

Выражение исповедующегося: «*пробегают мысли*», «*опять пробежали мысли*» — говорит о совершенной невольности, об, так сказать, *автономности* от ума, логики, совести, веры, всех этих половых течений, половых эмоций. *Каковы* же они? К женщине — в высшей степени *ослаблены*, но, однако, — *есть* и *увеличиваются* от *каждого нового сношения с женщиною*. Что такое «сношение с женщиною»? Всегда — *прививка*, принятие в себя «почки» *нового роста*. Через совокупление мужчина прививает (как бывает в «садоводстве») себя женщине, женщина прививает себя мужчине: откуда — вытекающее отсюда *слияние, любовь, покорность* совокупившегося тому, с кем было совокупление, всегда — *двойная*,

всегда — *обратная*, всегда — *взаимная*. Пользуясь аналогиями, можно бы сказать, что совокупление есть *физиологический гипноз*, происходящий через жидкости и всасывание их тканями, нежными и увлажненными. Это «прием душевной ванны», из которой совокупившийся выходит «обновленным» и «другим», именно — «другим» через эту прививку. Поэтому совершенно понятна часть рассказа, где говорится о первоначальном полном отращивании к сношению с женщинами и о последовавшем пробудившемся влечении к нему. Действительно — единственно, чему может поддаться содомия в смысле *лечения, исправления* (всегда, естественно, не полного) — это лечение через нормальный акт; или, если он невозможен, если к нему уже существует абсолютно непобедимое отталкивание, через какую бы то ни было аналогию «прививке» выделений другого пола; у женщин, напр. (содомитянки), — через искусственное впрыскивание мужского семени; у мужчины — через искусственное покрытие органа женскими выделениями. Если вообще это нужно, если б «пациент» захотел, если б врачу пришлось разрешать проблему, не им поставленную, а *ему поставленную*. Явно, впрочем, что все это возможно и допустимо, что все это *пожелается* лишь в слабых степенях содомии, — при которых, как указывает практика, «браки еще заключаются», нечаянно и не нечаянно, и бывают, естественно, «не очень счастливы», и тогда врач зовется, чтобы «помочь счастью». Но обратимся теперь к этой *не полной содомии*: рассказ в высшей степени важен тем, что опять непрерываемо убеждает нас, что *пол* есть *не вещь*, не *бытие* (sein, das Ding), а скорее всего какое-то *волнение в нас*, что-то *волнующееся в нас*, какой-то *свет и жар*, рассекающийся на «мужское» — *к самке*, и «женское» — *к самцу*, но в этом волнении — *спутывающееся, переплетающееся, отражающееся на себя*, «идущее вспять» и т. д. и т. д. Обманутые тем, что вот «есть орган» и «он явно для самки», ибо отвечает анатомией ее *влагалищу*, мы забываем, что *орган* — только *придаточное к полу*, а не есть *весь пол*, и даже не есть *суть пола*; что это есть чисто внешняя часть — то же что «ствол» в отношении «растения». Конечно, «растения» самым именем вызывают представление «дерева» и «леса» и, пожалуй, «дров» и «дровосека». Но столь же «конечно» это есть вообще скверная *ботаника*. «Мужского органа» совсем нет у *рыб*; и «совокупления» как *соединения органов* — у *них* тоже нет; а *оплодотворение* и меж-

ду прочим бешеная, ревнивая *страсть* к нему — *есть*. Явно, «орган» — побочное; у рыб нет, но и у теплокровных, у человека — не показывает *сути вещей*. «Содомия» как «*ошибка в появлении такого-то органа*» оттого и *возможна*, что *возможно в органическом мире полное его отсутствие*, а следовательно, и *во всем органическом мире не первенствующее органов значение для половой жизни*. Пол — *весь организм*, и — *душа*, и — *тело*. Но — «организм» опять же не как существо, не — «sein» и «das Ding», а вот как это «*волнение и пыл*», как «*пульс и ритм*», чему органы только *подчинены*. Ведь можно задать проблему, что *первее, сердце или кровообращение?* Конечно, не было бы «*без сердца*» — кровообращения; но столь же достоверно, что без кровообращения, без нужды в нем и его сущности, не появилось бы сердце. И во всяком случае из двух идей, «*сердце*» и «*кровообращение*», — *первенствует кровообращение*. Так же вот и «*жизнь*», так же и «*пол в нас*»: «*жизнь*» выше и раньше, она *идейно предсуществует* организму, а пол, конечно, *предшествует органу половой деятельности*. Не потому «*хочется совокупляться*», что есть половой орган, а «*хочется совокупляться*» *раньше* его и *независимо* от него, и уже вопрос идет — *есть ли орган для желаемого?* Содомия и есть случай, когда «*нет органа для желаемого*». Но как «*желание*»-то раньше органа, ему *предшествует метафизически*, — то естественно и *остается, пылает* в человеке, каков бы ни был орган. «*Нечем*», — а *пыл есть*: это и есть суть содомии. «*Жажда томит*», — а «*горла, рта нет*»: ведь это возможно, так как «*жажда*» не производится ртом и горлом, а вытекает из крови, из отношения в ней жидких и твердых частиц. Последний пример должен быть особенно понятен медикам. «*Ну, что делать — тогда производится питание бульоном per anum*». Это и есть *содомия*: потребность данного организма, «*крови*» его, «*души*» его — непременно в мужском семени, в мужском органе, в мужской *страсти*, в *характерном мужском жаре*; но обычного для всего этого восприемника, обычного, но, однако, *не абсолютного*, именно влагалища и матки — нет; и тогда происходит «*питание мужским жаром*» *так, этак, иначе, еще иначе* — что и производит чрезвычайную множественность образов содомии, способов содомии, как это и свидетельствуется медицинскими же показаниями, медицинскими рассказами, «*всей клиникой извращения*» (якобы). Все, однако, сводится к *прикосновению*. Вот этого *нигде не отсутствует, расска-*

зов об этом нет. Как бы «прикоснуться», «получить прививку» («садоводство»), *«зажечься жаром мужчины»*. Вот еще аналогия «оплодотворения»: ведь в нем действительно один организм «вспыхивает» от другого. А необходимость этих «вспыхиваний», мировая необходимость, вытекает из того, что «мир вообще горит», что «жизнь вообще пожар». Как это остановить? как этому сказать «не будь»? И таким образом как вы скажете содомиту *«не зажигайся мужским огнем»*, когда *зажечь его женщиной не может медик, бессильна медицина?* А «не гореть» он не может, ибо *жизнь есть огонь и теплота*. Вот куда заходят все эти вопросы: медицина и юриспруденция) хочет, чтобы некоторые тела «оставались сырыми», «не загорались»: но этого они так же не могут, как птицу обратить в ящерицу, человека — в рыбу, и вообще теплокровное — в хладнокровное. Пока *не найдено средства пробудить в содомите влечение к женщине* (вот — пусть работают юристы и медики) — оставьте им совокупление, какое они имеют: это — «зажигание», «прививка», а без зажигания — нет огня, без огня — жизни, без прививки и оплодотворения — нет всего вообще растущего. *Оплодотворение* раньше «вот этого совокупления»; ему предшествует. «Хочу *оплодотвориться*» — крик всей природы, которого никто не в праве вырвать у существа. Теперь: как? Медик говорит: «Как *все*». Содомит отвечает: «Хорошо, сделайте мне, как *всем*». Что «пропишет» медик? Нечего прописать, нет средств: ну, напр., у *пассивного* содомита вообще не происходит *никогда эрекции и не выделяется никакого семени*. Что же тут «прописать»? «Третьей ноги» не вырастит медик!! Тогда содомит, опрокидывая баночки, реторты, откидывая пластыри и микстуры, говорит: «Оставьте меня в покое, вы — сапожники в собственной науке, и я делаю то, что мне дано *природой*, что мне оставлено *природой*, беру ту *милостыню* — в которой она, *благая*, мне не отказала». И прибегает к своим «прикосновениям-прививкам» с их тысячею модусов, с «влюбленностью» и «романами» (тысяча свидетельств, примеров, рассказов).

Пол — волнующееся, волнение; пол — *текущее*, от «0» до «бесконечности» (у рыб — мириады рождений в год, сколько икринок в рыбе), от «—1» до «+1». Вполне бы можно сказать, что «мужского» и «женского» — вовсе нет, а есть «стремление по кругу», «все возможности» в каждом, но обычно в *каждом же преобладает некоторое* — *нибудь одно*, и когда преобладает к самке — мы это

называем «мужской организацией» и «мужским влечением», а когда преобладает «к самцу», то мы называем это женской организацией и женским влечением. Но «преобладает» — значит «совмещается *еще с другим*». Эти «совмещения» в каждом есть; и как в содомите есть хотя бы «миллионная часть» нормального совокупления, так в нормальном мужчине есть хотя бы миллионная часть содомического влечения. Миллионная или тысячная, а то, может быть, сотая, наконец может быть десятая, и, наконец, как в приведенном рассказе — почти $1/2$; точнее — в приведенном рассказе содомии $2/3$, нормы — $1/3$, случай «излечимый», «исцелимый», «поправимый».

* * *

Случай этот — совершенно темного человека, едва умеющего (судя по рукописи) писать. Вот блестящий рассказ о себе талантливого философа-женщины, не подозревающей ничего о своей природе, но как ярко те же духовные черты сказались в рассказе! Она сама чувствует, говорит: *«я не так родилась, как все», «с детства я чувствовала в себе что-то странное», «не ошиблась ли акушерка матери, приняв у нее девочку, ибо всегда я чувствовала себя мальчиком, мужчиной»*. У нее половое притяжение остановилось *на нуле*: высокий талант к науке, к наукам, к философии, и абсолютная безразличность к кавалерам, самцам. Вот эта автобиография без всяких пропусков:

*Рассказ о себе доктора философии, Марии Владимировны Безобразовой, — дочери автора и редактора «Сборника государственных знаний» **

Существуют *странные люди*, к которым я несомненно принадлежу, и потому рассказывать о себе я не могу так, как это делают другие; к тому же не знаю, стоит ли это делать, может ли быть интересно то, что я могу сказать?

Потом, когда я хочу что-нибудь рассказать, то наталкиваюсь на одну большую трудность: я не умею рассказывать или не владею той формой, в которой ведется обыкновенно повествование.

Тот язык, который я себе выработала, по возможности кратко передает содержание моих мыслей, он *прежде всего точен и сжат*¹, а с таким языком нельзя приступать к повествованию. Или пропустишь то, что с моей точки зрения не заслуживает внимания, или же впадешь в другую крайность — начнешь размазывать.

И потому я заранее прошу о снисхождении всех тех, которые будут читать эти строки: *я не родилась повествовательницей*.

¹ Мужской, научный слог. В. Р.-в.

Может быть, удивит еще больше, когда я скажу, что не родилась женщиной. Не воскрес ли во мне потомок какой-нибудь со-временницы матриархата? Или в меня не вошло чего-то, что в течение веков обуславливало собой тот тип женщины, которую мы все знаем,—итог ее порабощения? Моей натуре чужды все чисто женские элементы женщины, чуждо ее порабощение.

С самого раннего детства я чувствовала, что не родилась девочкой.

— Не ошиблась ли Луиза Христиановна (акушерка матери), меня принимавшая? — был вопрос, который я не раз задавала.

Но нет, она не ошиблась.

Я родилась не только девочкой, но даже красивой девочкой; и все те знаки внимания, которые мне оказывали, должны были разубедить меня в возможности физиологической игры природы...

Драма была на духовной почве. Все мои психические задатки и способности не вязались с тем, что обыкновенно природа дает женщине, все мои вкусы шли вразрез с издавна сложившимся строем жизни вообще девочек.

Я не только никогда не играла в куклы, но возненавидела повод, по которому их дарят,—елку. На елку приезжали те старшие родные, для которых мои молодые родители не были законодателями и не могли им сказать: «не дарите». Эти старшие заваливали меня, как первенца, аршинными куклами, их кроватками, шкапиками и другой дребеденью, а я была несчастна не потому только, что все это было мне ненужно, а по совсем другой причине. Мне надо было показать благодарность, даже радость. Как неглупая девочка, я знала, что это было необходимо, а между тем для меня всего тяжелее была ложь. Потому-то я искренно радовалась, когда проходил этот несносный вечер, уезжали старшие, провожаемые всеми знаками почтения, и я могла забросить или, лучше сказать, забыть аршинных кукол, пишавших «мама». Для меня не было большего праздника, чем когда мы с братьями принимались опустошать елку, и я могла поиграть в их игрушки. Я совсем не была выше игрушек. До сих пор помню один подарок отца — он подарил мне его задолго до елки так же, как и я, сгорая от нетерпения. Как сейчас вижу эти белые сани, такие большие, что в них могли усесться оба брата, с облучком для меня; сани, запряженные парой вороных в серебряной сбруе. Сбруя снималась и надевалась, и моему блаженству не было конца. Милый папа знал, что подарить.

Отец кончил курс с серебряной медалью в Александровском лицее и 23 лет женился на своей троюродной сестре Масловой. Матери было только 18 лет. Она воспитывалась за границей и знала по-французски лучше, чем по-русски. Сестры ее даже едва говорили на своем родном языке, а вышли обе за провинциалов. Две сестры отца всю жизнь провели в провинции и оказались замужем за итальянцами — одна даже за ревнивым сицилианцем, доведшем ее до чахотки, другая за известным санскритистом Де-Губернатисом. Отец очень быстро шел по службе, чуть не 25 лет был начальником отделения, а 32 лет действительным статским советником. И отец, и мать оба писали¹.

Летом разыгрывалась фантазия матери. С нетерпением ждала я своих именин, зная, что она готовит мне сюрприз. Но то, что она дарила, всегда превосходило мои ожидания. За деревянным топо-

¹ Пробуждение литературного таланта в генерации перед тем, как родиться замечательному ребенку-уриниугу. В. Р-ов.

ром следовала маленькая соха с железными лемехами — соха, в которую я впрягала братьев; и, наконец, явилась коса, в сообществе бруска в брусочнице и молотка с бабкой.

Когда этой настоящей маленькой косой я выкашивала наш так называемый чистый двор, ремешок брусочницы опоясывал мою красную кумачную рубашку с косым воротом, а внизу торчали высокие голенища сапог. Летом мать уступала моей слабости и позволяла мне ходить в рубашке¹. Но зато зимой мне оставалось только завидовать. У этих счастливых мальчиков были такие красивые синие кафтаны с золотыми пуговками, отороченные серым барашком, и, к довершению моей зависти, еще красные кушаки и шапки, а я... ходила в салоне и капоре².

Мои прогулки в городе были отравлены этими атрибутами «девочки». Мне было неловко в них, и они казались мне некрасивыми.

В рубашке было так удобно вскочить в телегу, править, лазить на каждое дерево.

Я ездила, правда, в платье, на козлах нашего большого крытого тарантаса, потому что уговорить меня сесть в клетку было трудно, и править я любила больше всего на свете, пока не стала ездить верхом, и тогда править показалось мне уже скучным.

Кучер был нередко пьян, как это подобает деревенскому кучеру, и я совсем одна справлялась с тройкой. Я изучила все нехитрые приемы этого управления, и лошади меня слушались: вожжей я не дергала — для этого я слишком любила лошадей. Любила и собак, и помню, как 4-х лет ничем не сумела угостить собаку, кроме освященной просфоры, и до чего все перепугались.

Уже если я завидовала братьям, то еще больше кучеру, у которого все было настоящее. Его шляпа с павлиньими перьями и наборный пояс были лучше того, что носили мальчишки.

Но хотя у меня не было ни шляпы с павлиньими перьями, ни кушака, зато уже в 13 лет у меня была собственная лошадь. Не зная, что мне покупать, отец давно дарил мне деньги, и на них-то я купила лошадку.

Хотя «Каренькую» не только кормила на свой счет бабушка (в ее имении мы жили всегда летом), но моя лошадка и пахала, и возила навоз и сено³, все же я каталась на ней раза два в неде-

¹ Т. е. в мужской крестьянской рубашке. Какие все подробности! См. стр. 76—81, в главе «Прослойки содомии у Л. Толстого», извлечение из его «Воскресения» о подруге Екатерины Масловой. В. Р-ов.

² Поразительно. Полная аналогия примеров Крафт-Эбинга. В. Р-ов.

³ Рабочие инстинкты у богатой и знатной девочки, которую все нежат. Сравни, как полную аналогию, слова Толстого об урнинге-дочери генерала, подруге Масловой, в «Воскресении» («Прослойки содомии у Толстого и Вл. Соловьева»). И при этом тут не просто рабочие влечения, но названы специальные мужские работы. Не вытекает ли в самом деле «работа» из пола? Потому что ребенок Безобразова еще ни о какой культуре не задумывалась, ни о цивилизации, ни об истории, ни о классификации работ между полами. Но она берет «соху» и хочет «пахать», как урнинг-Деметра «научила жителей Аттики земледелию». Настоящее призвание самца — охота, звероловство; и «зверинная», «животная» жертва Авеля-зверолова «угодна Богу». Но — аналогия монашескому зову Евы — Каин начал заниматься земледелием, и плоды рук этого первого на земле

лю, а остальное время заботилась о том, чтоб ее не мучили. *Впрочем, бабушка и сама любила лошадей¹, и им жилось у нее хорошо.*

Мое мальчишество не нравилось старушке. Она пыталась иногда читать мне наставления, хотя и делала это в очень мягкой форме. «Зачем мама тебе это позволяет? Разве девочке можно?»

И я вспыхивала, хотя бабушка была такая добрая и слабая, что на нее нельзя было сердиться. К тому же она и сама меня опасалась; то же, как я проводила время, подкупало ее в мою пользу.

А именно: летом я вся отдавалась своему садику.

Бабушка отвела мне лужок за домом, и на этом лужке я устроила себе сад-огород. Были у меня там и цветы, и овощи, и ягодные кусты, цвела и попевала клубника. Очень занимала меня *компостная куча, которую я постоянно перелопачивала*, но не помню, чтоб мои урожан отличались обилием. Напротив, у бабушки, хотя и не было компоста, все родилось несомненно лучше. Мой уголок был слишком тенист и не удобрен издавна, как бабушкин огород. Тем не менее я гордилась своим садиком и его не бросала — чуть ли не до 18-летнего возраста. Тут стало уже не до него, и как жаль, что стало так.

Мое детство в деревне неразрывно связано с соседями по имению, именно двумя девочками одних со мной лет. Мы проводили два дня в неделю вместе и проводили их неизменно... в бане. Бanya изображала избу, а мы — *мужиков*. Мужики производили все сезонные работы. Роли были распределены раз навсегда: *самая энергичная из нас была хозяином, ее сестра — хозяйкой, а я — работником*. И мы совсем уходили в свою крестьянскую жизнь.

Теперь, *когда я вспоминаю эту игру, мне всегда кажется, что мы предугадали в ней свою судьбу*. Хозяин действительно стал хозяином, управляет образцово имением, тем самым, где мы играли в бане, хозяйка так же хорошо ведет свое городское хозяйство, а я... так и осталась работником, чем была в бане.

Хорошо жилось в деревне и, когда наступала осень, не хотелось в город. Не то чтоб я не любила учиться, но весь склад городской жизни, заключенной в стенах, и атрибуты девочки были мне противны.

Всего менее пришлось я ко двору в пансионе, куда ходила с 10 лет. Это был очень приличный немецкий пансион, где воспитывалось 3-е поколение девочек тихих и выдержанных, готовившихся стать со временем добрыми Hausfrauen и Mütter*, а до

урнинга были «отвергнуты Богом» (как и Ева «пала» в анти-уранистическом Ветхом Завете). В самом деле, взгляните в фигуру пахаря, идущего за сохой, в этот «мирный труд» его, на который хочется «позвать благословение Божие». Лучшие в мире земледельцы — китайцы, *полу-бабы*, «с косами». Но и, вообще, идти за сохой, проводить борозду и бросать в нее зерна — как это близко к чисто уже женскому занятию — ткать полотно. По форме, по методу, бесспорному и без «кулака», земледелие есть типичное муже-бабное дело, содомическое и уранистическое. В. Р-ов.

¹ Вот как далеко идет в род. Женщина любит корову, а если коня начинает любить — то это уже в 1/10, в 1/100 пробудившийся в ней урнинг. Конь есть столь же мужицкая вещь, «мужицкое хозяйство», — конь и еще собака, «пес», — как кошка и особенно корова суть домашние животные жены и ее «угол», ее «хозяйство». В. Р-ов.

тех пор усердно зубривших то, что полагалось зубрить. И среди них вдруг очутилась я — этот *русский сорванец, добрый товарищ моих братьев*, для которых я оказывалась очень часто слишком бойка, когда их муштровала и находила, что они не умеют войти во вкусы лошадей и плохие кучера.

Что было мне делать в пансионе! *Моей удали не было никакого исхода*, и во все время существования этого пансиона, с тех пор, как ввелась толстая черная книга, именуемая «журнал», ни у кого еще никогда не было таких баллов за поведение. Я оставалась одна и сама по себе в этом отношении. *Меня так много и часто бранили, что я давно перестала слушать и интересоваться тем, что мне собственно говорили.* Помню, что мне пророчили ад, но я не боялась и ада. Когда я была в младших классах, моя классная дама — немка — даже *выдумывала для меня особенные наказания*, никогда в пансионе не существовавшие и, верно, после меня канувшие в вечность. Она *отправляла меня завтракать в отдельную комнату, а я этим гордилась.*

Ни баллы, ни наказания не производили на меня ни малейшего впечатления: я так же мало обращала на них внимания, как на слова, и продолжала жить по-своему. Предсудительным я считала говорить по-французски и по-немецки (я недурно уже говорила дома), а, напротив, стремилась обучить лучшему выговору своих товарок-немок, которые немилосердно коверкали русский язык. И совершалось то великое чудо, что немочки, не боясь даже замечаний, отвечали мне по-русски, и я от души могла радоваться их успехам, за которые мне столько доставалось. *У немочек же я ничему не научилась.*

В классе я или читала русскую книгу, или писала сочинение; слушать, как по 10-ти раз отвечают то же самое, казалось мне нестерпимо скучным. И все это делалось на глазах учителей, так как я никогда не скрывала того, чем занималась. *Меня оставляли в покое, потому что сделать со мной все равно ничего не могли.*

Учителю французского языка, возле которого я имела удовольствие сидеть (я была у него второй ученицей, а мы помешались за длинным столом по рангам и сидели на стульях), я даже сама читала наставления, когда мне казалось, что он недостаточно внимательно слушает то, что ему отвечают. Он мне надоедал тем, что на меня смотрел, — и на мой вопрос: «Que me regardez-vous?» всегда уверял: «J'étudie votre caractère» *.

Уроков дома я никогда не учила, а только в классе. Дома я читала и со страстью играла на рояле, потому что мне нравилась моя учительница музыки (ученица Антона Рубинштейна) и хотелось доставить ей удовольствие. Таланта же к музыке у меня не было, как вообще не было никаких талантов.

Моя жизнь в пансионе протекала довольно спокойно — я умела избавить себя от всех скучных обязанностей, которые на мне лежали, и училась исподволь. Я не знала, что такое переутомление, и не понимала самолюбия хотеть быть первой ученицей. С удивлением пожимала я плечами, когда меня бранили за то, что я недостаточно хорошо учусь. «Ведь в числе же лучших я», — думалось мне, когда я постигала наконец, за что мне досталось на этот раз. «А баллы, какое мне дело до их баллов», — недоумевала я, сидя за Гоголем или Тургеневым и уносясь в иной мир. Все равно умрем, все суета сует и, когда человек живет на земле так недолго, стоит ли заботиться о баллах! В моих глазах это было верхом суеты.

ты, и от этой суеты я была избавлена или избавила себя сама¹.

Мысль о смерти не давала мне покоя². Совсем еще маленькой девочкой я видела страшные сны: себя в гробу и пробуждение потом. Это был один из самых обыкновенных моих снов, который развивался во всех подробностях и, как это бывает со снами, часто повторяющимися, у него была своя обстановка, и я относилась к этому сну, как к чему-то своему и родному³.

Когда я стала старше, мысль о смерти являлась мне и наяву и принимала образ нирваны. В любое время дня или ночи я могла представить себе, что более не существую, и уничтожались для меня время и пространство. Ничего более ужасного не могу вообразить до сих пор. Когда нет времени и пространства, то нет ничего, и состояние беспредельной пустоты, чего-то худшего, чем пустота, потому что пустота все еще наше человеческое понятие, внезапно меня охватывало. Я выходила из этого сомнения, произнося обыкновенно одно слово «мама», и направлялась к матери ближайшим путем.

Раз я перелезла через комод, потому что путь по полу казался мне длинным. Только когда я увидела близкого человека, состоящие это проходило⁴. В нем я изучила понятия пространства и времени и убедилась, что без них человек не может жить. Все обращается в ничто, когда нет времени и пространства, — было мне ясно задолго до того, как я читала Канта⁵.

Рано начала я читать все то, что имело какое-нибудь отношение к философии. Никто мне этого не говорил, но я чутьем знала, что те вопросы, которые меня мучают, создали философию, и философы — те люди, которые одни могут меня утешить и успокоить⁶. У них искала я разрешения вечных вопросов о происхождении мира и его будущем — разрешение и разгадку того, что составляло мою внутреннюю жизнь. Об этом я не говорила даже с матерью, хотя была с ней дружна и рассказывала ей много такого, чего обыкновенно не говорят матерям.

Я еще не была в пансионе, когда мне попала в детском журнале психология, которую я списала и хранила, как святыню. Из этого же источника почерпнула я, верно, правила жизни Франклина — другое мое сокровище, занесенное в тетрадку. Когда зада-

¹ Чисто мужской образ мысли, типичные мысли и отношение к делу гимназистов. В. Р-в.

² Вот опять направление в сторону мистики и религиозного, «по-ту-светного»: обычное направление урнингов. Можно сказать, «тот свет» создан урнингами, потому что они типично сами — не этого света существа и, до некоторой степени, действительно «по-ту-светны». В. Р-в.

³ Поразительно! См. у Крафт-Эбинга аналогичное признание: «Я говорил с давно умершими людьми, с дальними своими предками» (случай effeminatio врача-мужчины). В. Р-в.

⁴ Возвращение от метафизического состояния к физическому состоянию, через прикосновение к другому физическому же, к другому конкретному. В. Р-в.

⁵ Вот где даны «врожденные философские концепции», вот как и откуда «учатся философии», и даже объяснение где лежат «наши темные представления» (Лейбниц). Все — в поле, и в его тенях и оттенках, которые бесчисленны («мировой эллипсис пола», «колесо» Иезекииля *). В. Р-в.

⁶ Вот как «рождается философия». В. Р-в.

вали урок истории, я шла в кабинет отца и в его просторном немецком Вебере читала о том периоде, который у нас проходил, но читала только то, что делали в это время философы. Я не всегда учила урок, — какое мне было дело до войн и суеты королей, но я всегда читала в Вебере о том, что составляло для меня содержание жизни.

Мать рано начала удовлетворять моей страсти к чтению. В то же время начались и мои первые литературные опыты, которые были так же неудачны, как и многие последующие. Помню, как я сидела над первым детским чтением — сказками, и всеми своими силами пыталась выкинуть из них волшебный элемент. Иногда мне казалось, что я нашла решение, и я долго радовалась, но потом обыкновенно разочаровывалась. Волшебный элемент был так крепко вплетен в сказку, что когда я заменяла его естественным, то ничего не оставалось. Я чувствовала, что ничего не выходит и моя работа пропала.

Когда сказки заменились нравоучительными повестями вроде «Квичи» и «Le vaste monde» *, я до того сжилась с их героинями, что начала проводить в жизни то, что делали эти девочки. В этих повестях особенно часто шла речь о суете мирской — истинный мир, мир религии не имел ничего общего с нашей жизнью. Иногда я помышляла даже о том, чтобы обратиться к своим близким с вопросом о том, почему они так мало думают о будущей жизни и не делают того, исполнять что мне казалось просто. Иногда я представляла себе, что придет тот день, когда я это скажу всем людям, — они поймут меня, уверуют и перестанут грешить.

Но как ни казалось просто то, что надо делать, настал тот день, когда я и сама разочаровалась в том, чему прежде так горячо верила.

Произошло это в Италии, где мы проводили осень. Был ли то переходный возраст — 14 лет, влияние ли католицизма с его процессиями и мадоннами в платьях, или разговоры дяди-атеиста, которые доносились до меня урывками из другой комнаты, — верно, все вместе взятое заставило меня решить, что религия лишь измышление, иллюзия и фантазия человека.

Вернувшись в пансион, я стала мучить несчастных немочек и ежеминутно их спрашивала: «Веришь ли ты?» Когда мне говорили, что «да», я скорее отвязывалась, чем когда слышала «не знаю». Все мое негодование изливалось на произносившую такие глупые, по моему мнению, слова.

— Как можешь ты говорить «не знаю», когда это самое важное в жизни, — громила я несчастную девочку и объясняла ей всю важность вопроса.

Не помню, чтоб я когда-нибудь говорила, что сама не верю, а тем более чтоб развивала свои мотивы. От меня этого никто не требовал, и я считала нужным молчать.

Только раз помню, что возбудила спор в классе, который долго нас занимал.

Речь шла о том, как мыслит человек — словами или не словами. Началось с того, что я по своему обыкновению приставала к одной из немочек и на этот раз дразнила ее тем, что она думает по-немецки. Девочка эта говорила по-русски лучше всех, была даже православная, а все же я уверяла, что она немка, и в доказательство и привела этот свой аргумент.

Она ответила мне так, как я вовсе не ожидала.

— Совсем не думаю словами.

— Как не думаешь! — накинулась я на нее. — *Нельзя думать без слов! Каждый человек думает словами!*

— А вот, — объясняла она мне, — «придет к нам в класс Флери», неужели ты себе это говоришь, а я так *представляю себе его вице-мундир, лысину...*

Меня осенило, что я была не права. Да, конечно, и я, когда думаю, что «Флери придет в класс», то *представляю себе его*, а не говорю слова. Но как же это, однако? Есть такие вещи, о которых без слов совсем нельзя думать, и я вспоминала свои излюбленные «добродетель, вера, грех». «Да, нельзя — кто же прав: Лейшке или я?»

И кто бы ни входил к нам в класс — был ли то учитель арифметики, географии или рисования, которая-нибудь из немок непременно докладывала, что его просят ответить на один вопрос: «Как думает человек?»

И учителя путали и путали. Из их объяснений я ничего не вынесла и так и осталась с убеждением, что это трудный вопрос, пока не узнала, что мы спорили о понятиях и представлениях, и никак не могли прийти к соглашению, что нужны и те, и другие.

Хотя этот спор имел мало отношения к *воззрениям Лейбница и Локка на прирожденные и приобретенные идеи*, тем не менее их разногласие было мне всегда особенно понятно и близко, было чем-то совсем своим благодаря нашему спору.

У меня была еще мысль, которой обыкновенно не бывает у детей: *мне совсем не хотелось вырасти*¹, даже больше того — я страшно боялась того времени, когда буду большая, не стану больше ходить в пансион, и мне придется жить. «Хотя бы теперешнее время никогда не прошло», — было единственное, о чем я мечтала, шествуя в пансион, играя на рояле или играя в карты с франуженкой, гувернанткой младших.

Мне было хорошо, и я представляла себе, что дальше будет хуже.

Может быть, иногда потом мне было лучше, чем я себе это представляла, боясь вырасти, — я слишком уже боялась.

Итак, я росла не такой девочкой, как многие, и имела право спрашивать Луизу Христиановну — не ошиблась ли она.

Но я не любила и даже обижалась, когда одна русская товарка (*моя любимая*) называла меня чудачкой.

Несмотря на свою бойкость, я была *застенчива*, и мне хотелось быть, как все.

*Когда в пансионе меня целовали чужие дамы, я сгорала от стыда*² и готова была провалиться сквозь землю, только чтобы не сделать реверанса.

Детские балы смущали меня необходимостью войти в залу, хотя я охотно на них ездила.

Застенчивость уживалась во мне с бойкостью и мальчишество с мыслью о смерти.

Много неразгаданного в человеческой душе, и крайности не всегда одна другую исключают.

¹ Поразительно. Мотив *желания «скорее вырасти»* не есть ли жар души «скорее *заневеститься*» и стать скорее «*женихом*», инстинкты *самки и самца*. И у «невест не невестных», как и у «*странников в пустыне мирской*», естественно это чувство: *оставаться бы вечно таким, как есть*, «не надо вырастать», *незачем*. В. Р-в.

² Вещь совершенно необъяснимая и *небывалая*, если б она была только *женщиной*. В. Р-в.

Мне не было еще 16-ти лет, когда, просидев 2 года в старшем классе, чтоб не кончить 14-ти, я вышла из пансиона и вступила в жизнь, которой так боялась.

Во время последнего года, который я проводила в пансионе, речь все чаще и чаще заходила об экзамене на домашнюю учительницу.

В самом пансионе экзаменов не существовало.

В каждом классе было так мало учениц (не более 15-ти), что всех знали и переводили по годовым баллам. Иногда оставляли, когда ученье не давалось; случалось, что оставляли и за способность, т. е. слишком юный возраст.

Естественно, что вопрос об экзамене всех пугал. Держали его далеко не все, спрашивали же друг друга решительно все:

— Будешь держать экзамен?

Когда с этим вопросом обращались ко мне, то я неизменно отвечала:

— Книги никогда не возьму в руки.

И я говорила чистосердечно. Мне еще совсем не приходило в голову, что я буду делать, когда кончу в пансионе. Менее всего было мне ясно то, что я когда-нибудь заинтересуюсь учебниками. Слишком мало уделяла я им до сих пор внимания. Но потому-то именно учебники мне еще совсем не надоели, и моя работа была впереди.

Случилось очень скоро то, о чем я совсем не помышляла.

В 16 лет я была еще слишком молода, чтоб выезжать: надо было подождать год. Братья не были более моими товарищами, старший учился в Лицее, второй в гимназии, и они продолжали быть мальчиками в то время, как я стала взрослой.

Что оставалось мне делать?

Я купила себе программы экзаменов и русские учебники (в пансионе все предметы, в том числе и арифметика, проходились по-немецки). День был у меня правильно распределен, и каждому предмету отведено свое время. Сколько меня ни отговаривали, я брала все предметы главными и приводила аргументом то, что главный предмет можно обратить в дополнительный, не выдержав экзамена, но почему не попробовать и чему это мешает?

Я относилась теперь к экзаменам с таким же легким сердцем, как бывало в пансионе к баллам, и совсем не волновалась. *Любимым моим предметом сделалась арифметика*, которой я совсем не знала в пансионе. Мне попался очень хороший учебник Назарова, и я до того увлекалась решением задач, что забывала даже о распределении своего дня. Память у меня всегда была хорошая, и когда я раз пришла к матери с толстой книгой хронологии, то оказалось, что я знаю в этой книге все события до одного.

И вот мы сели в карету и ехали в шестую гимназию. Я ощущала только радость. Меня не охладил даже первый экзамен — французский, несмотря на то, что учитель все время ко мне придирался и поставил 4. Тот же балл получила я из немецкого, все же остальные экзамены выдержала на 5. Это случалось редко. Во время последнего экзамена ко мне подошел окружной инспектор и меня поздравил.

Этот первый успех произвел на меня впечатление. Я уверовала в свои способности и решила... поступить в Цюрихский университет. Одна знакомая барышня дала мне университетскую программу, и я ее хранила как самое дорогое, что у меня теперь было. В этом только заключалась вся моя связь с университетом. Долго,

очень долго у меня не было другого отношения к Цюриху, как эта программа.

Но когда я попробовала раз объявить о своем решении матери, то она только рассмеялась.

То была мать, сочувствовавшая моему желанию учиться, но был еще отец, ему вовсе не сочувствовавший.

Ученые женщины были кошмаром отца: он их преследовал вне дома и мог ли примириться с ними у себя?

Отец только потому отдал меня в немецкий пансион, что там учили меньше, чем в гимназиях, и, по его словам, не учили естественной истории. По его мнению, женщинам совсем не надо было учиться, но так как не учиться в XIX в. было нельзя, то он и нашел паллиатив в образе немецкого пансиона.

Странно, конечно, что, при таком отношении к женскому образованию вообще и к моему, в частности, отец *сделал из меня своего секретаря*¹, не помню с каких лет, но, кажется, когда я еще была в пансионе. Я рассылала повестки и циркуляры, а позже читала корректуру его изданий. *Другой его секретарь, магистрант Петербургского университета, никогда не оспаривал у меня первенства.*

Но хотя я собиралась в Цюрих, тем не менее не уяснила себе вопроса, чему хочу учиться и чем стать? Если в детстве меня всего больше интересовала философия, то в юности привлекало естествоведение. Я по-прежнему любила деревню, и мне хотелось *деятельности, где для женщины будет такой же простор, как и для мужчины. А в сельском хозяйстве они равны*, и я всего чаще мечтала о том, чтоб стать агрономом.

Далека была от меня мысль, что я могу стать кабинетным ученым. В нашем доме мне давно надоели ученые, и та атмосфера, которой я была окружена, казалась мне скучной. Те подробности, о которых мне приходилось постоянно слышать, представлялись мне ненужными. Суги государственных наук я не могла уразуметь, и они оставались мне чуждыми.

Когда мать давала мне читать экономистов, то я только удивлялась тому, что такие книги ей нравятся. Отец имел привычку читать мне свои статьи, и я всегда радовалась, когда он кончал. Мне было жаль сказать ему, что это скучно.

*Мать до тонкости изучила специальность отца — политическую экономию*². Она не только читала Адама Смита (он-то и был мне особенно противен), Рошера, Молинали, Лоренца Штейна, но переводила и академические мемуары отца на французский язык. Мать писала по-французски лучше, чем по-русски.

Ее писательская деятельность началась с фельетонов в «Journal de St.-Petersbourg». То были критические очерки русской литературы, блиставшие остроумием и возбуждавшие постоянные нападки «Гражданина» благодаря своему либерализму. Еще замечательнее были ее корреспонденции в «Journal des Débats». Они обращали на себя всеобщее внимание, и автором их считали одно время Анат.

¹ Конечно, сделал вследствие высокой способности к этой *мужской форме труда*, которая, вероятно, кидалась у его дочери в глаза; и он сделал для этой дочери «исключение» в силу ее явно «исключительной натуры». В. Р.-в.

² Очевидно, уже у матери было *движение к мужской организации*, которое *выросло в дочери*; от 1/10 урнинга — урнинг в 1/3, и далее (если бы продолжалось потомство) — в 2/3, в 3/4, в *полного урнинга*. В. Р.-в.

Леруа-Больё. Она писала их в течение 10-ти лет и вела одно время этот отдел в «Revue Suisse» и в «Contemporary Review» (по-английски). В «Rivista Europea» (издавал ее Де-Губернатис) были помещены ее статьи о Тургеневе, и в «Nouvelle Revue» — о женских типах в русской литературе. Может быть, лучшее, что написала мать, — статья в «Journal des Economistes» о женском вопросе. Она *доказывает, что ошибаются те экономисты, которые считают освобождение женщин социалистической теорией, и что в политической экономии не существует аргумента против свободы женщины.*

Отец же, одинаково изучавший политическую экономию и преподававший ее в Александровском лицее и великим князьям, был ярким противником этой свободы и недалеко ушел в этих своих воззрениях от кн. Мещерского.

И мать 10 лет скрывала от отца, что она писательница. Ее псевдоним «Татьяна Светова» оставался глубокой тайной (я была в числе 3—4 посвященных).

Наконец эта тайна раскрылась. Мать написала детские рассказы и подписалась «Е. Васильевская» и показала их отцу; и вот случилось, что он первый начал расхваливать эти рассказы и написал о них рецензию. *Особенностью отца было необыкновенно мягкое сердце, сердце не мужское¹, но горяч он был, конечно страшно, как все добрые люди.*

Стоицизм матери произвел на него глубокое впечатление. Он при своей экспансивности не мог себе представить, как можно скрывать что-нибудь несколько часов², а не только десять лет.

Я мечтала тем временем о чем-то большом и захватывающем. Мне хотелось действовать и творить большое и великое. Великое не умещалось у меня в рамках писанья. Писать было чем-то чересчур обыденным и прозаическим в нашем доме, где все писали, начиная с отца и кончая 10-летней сестрой и 9-летним братом, сочинявшими повести.

А я, напротив, никогда не писала и не слыла в семье писательницей — слишком много уже все это делали.

Твердо решено было у меня лишь одно — попасть в Цюрих, а для этого *надо было пройти, по моему мнению, курс мужской гимназии.* И вот я взяла программу — *вычеркнула то, что знала, и занялась тем, чего не знала, — математикой и древними языками. Алгебра мне понравилась — я опять увлеклась решением задач, но геометрии не понимала и никогда не была в состоянии решить ни одной задачи.* Когда же дошла до тригонометрии, то стала совсем в тупик. Мне казалось, что геометрия построена на каком-то чудовищном недоразумении, — в чем оно, я не могла разъяснить, но для меня это была фиктивная наука.

Древние языки пошли у меня недурно, только греческий смутил на первых порах своей азбукой. Второй брат, всегда первый ученик своего класса, мне помог, время от времени просматривал мои переводы и неизменно ставил тройки. Больше я не заслуживала, хотя все же подвигалась не совсем медленно и в два года прочла тех авторов, которые *полагается читать в гимназии.* Аттестата зрелости мне, конечно, никто не выдал, да я о нем и не помышляла.

¹ Мать — мужественная, отец — женствен. Совершенно понятно «происхождение такой дочери», как понятна равно талантливость обоих родителей. Можно почти дать афоризм, что «всякий талант — гермафродитичен». В. Р-в.

² Чисто женская натура — у отца! В. Р-в.

В течение этих двух лет я мало читала, за исключением специальных сочинений по химии и ботанике, так как слушала лекции Менделеева и Бекетова на Владимирских курсах. Меня возила на эти лекции мать — к великому ужасу отца, который, со своей стороны, усердно пропагандировал манеж и балы.

Я ничего не имела против манежа — лошади ведь были с детства моей страстью, и, когда я брала первый урок, берейтору и мне казалось, что я провела всю свою жизнь на лошади.

Одинаково не имела я ничего и против балов, хотя танцевала гораздо хуже, чем ездила верхом. В жизни барышни балы являлись оазисами. Насколько скучны были визиты и разговорные вечера, настолько интересны были балы. Только на балу и чувствовала я себя свободной. Сама атмосфера бала казалась мне обаятельной; общее оживление, блеск залы, чудная музыка.

Но одних балов для моей жизни было мало, и пришел тот день, когда я вошла в кабинет к отцу и повела с ним решительный разговор.

Я объявила ему, что хочу учиться. Он удивился, потому что никак не мог понять, о каком ученье я говорю.

Но я твердо стояла на том, что хочу поступить на педагогические курсы. Отец рассмеялся. «Ты хочешь быть учительницей. Но какая же ты учительница?» — объявил он мне.

Хотя я давно уже учила и крестьянских детей, и сестру с братом, и любила учить, но отвечала:

«— Я не хочу быть учительницей», — так как действительно думала о совсем другом. Но я знала, что это другое, по его воззрениям, мне еще более недоступно, и потому-то решила добиваться того, что казалось мне более возможным.

Давно уже направляла я шаги гувернантки на Гороховую, чтоб лишний раз взглянуть на милую мне синюю вывеску Женских Курсов.

— Мне только хочется учиться, — очень красноречиво убеждала я отца, так как долго готовилась к этому разговору и обдумала все его слова. И он внимательно меня слушал. Но тут явился новый вопрос.

— Как же ты будешь ходить одна по улицам?

Мне было 18 лет, но я еще никогда не ходила одна. Помню, как раз мать послала за мной к знакомым карету с лакеем, но отец нашел такую охрану недостаточной и посадил в карету еще гувернантку.

Однако у меня был готов ответ. На Курсы поступала одна наша соседка по дому, и я объявила отцу, что буду ездить с ней. Л. принадлежала к очень почтенному семейству, и отец неожиданно согласился.

Я пошла объявить матери о том, что произошло.

Она была так поражена, что мне не верила.

— Как мог он позволить! — все повторяла она. Но это невероятное случилось, и наступило время конкурсных экзаменов.

Я была уверена, что их не выдержу, так как на 40 вакансий желающих поступить оказалось 100, и 40 из них были с медалями. Медали меня всего более смущали. Мне почему-то казалось, что должны поступить их обладательницы, и никак не я. Мои шансы казались мне ничтожными.

И потому трудно себе представить мою радость, когда я была принята и значилась в списке четвертой. На этот раз мое место доставляло мне неопишемое блаженство.

Итак, я вступаю в храм науки достаточно подготовленную: мое домашнее образование не оказалось ниже гимназического, и блеск медалей потускнел в моих глазах. Я перестала взирать на них с прежним благоговением и скоро убедилась, что многие, имевшие медали, знали гораздо меньше тех, у которых медалей не было.

Наступило славное время.

Передо мной открылся новый мир — мир университетского знания, хотя собственно Курсы не были университетом, и из преподавателей профессором был один В. В. Никольский. Он читал в духовной академии.

Педагогические Курсы переживали в 1875—76 гг. блестящее время: они были преобразованы, и при них открыта прогимназия взамен прежней школы; а ведь известно, что в России метут особенно чисто только новые метлы.

Ревностно занимался Курсами несомненно талантливый педагог, покойный И. Ф. Рашевский. Мы были первыми слушательницами, учившимися в прогимназии, и с своей стороны одинаково старались — усердно посещали содержательные лекции, много читали и писали дельные сочинения.

Но лучшими на Курсах были для многих из нас лекции Владимира Васильевича Никольского. Он, к сожалению, слишком рано умер, и у него нет того имени, которое он оставил бы, если бы прожил дольше. Впоследствии он был инспектором Александровского Лицея, и, кажется, недолго.

Кто внимательно слушал его лекции, никогда их не забудет. Н. не был красноречив, но то, что он говорил, было лучше всякого красноречия. Каждое его слово было продумано и взвешено, и основная мысль лекции была проведена всегда образно и ярко.

Он читал нам историю русской литературы, и чего только не вносил в свои курсы. Впервые постигла я смысл тех понятий, которые прежде оставались для меня мертвой буквой.

Н. объяснял нам, что такое «народное самосознание» и как оно отражается на литературе.

В литературу, по Никольскому, входили не одни произведения словесности — она охватывала все плоды просвещения, выражавшиеся в слове.

Помню его лекции об эпохе Екатерины II. Он разъяснил, чем был «Наказ», и ввел нас в науку о праве. По поводу французских энциклопедистов Н. изложил вкратце историю новой философии.

Я не согласилась с тем, что он говорил о Декарте, и, когда меня просили как-то раз повторить его лекцию, я передала собственное мнение. А именно, Н. назвал «мыслью — следовательно существующую» Декарта силлогизмом. Я же понимала это положение в более широком смысле — для меня оно было не силлогизмом, т. е. чем-то только формальным, а в этих словах заключалось целое мирозерцание. Впоследствии я узнала, что изложение Н. было семинарским, мое же обыкновенным.

Другой наш авторитет, Рашевский, читал нам, будущим учительницам языков, дидактику и методику русского языка, разъясняя сущность грамматики и связь русского языка с церковнославянским. В то же время Р. прививал нам гуманное отношение к учащимся.

Занятия в прогимназии были организованы образцово. Сначала мы слушали уроки преподавательниц и разбирали эти уроки на особых конференциях. Каждая из нас представляла письменный отчет и имела право высказывать свободно свое мнение. Далее надо было

составить программу собственных уроков и выбрать себе ассистентов. Следовали эти уроки, и за ними опять конференция, на которой дававшая уроки представляла о них отчет, ассистентки же делали свои замечания.

Раз на одну из таких конференций приехал Осинин, начальник Курсов. Многие из нас, в том числе и я, его не любили за высокомерное обращение, неуместное в высшем учебном заведении. Но Осинин считал курсы гимназией, а нас ученицами.

На первой же своей лекции (он читал педагогику, излагая психологию по Бенеке, но никогда не называя источника) он объявил нам, что мы не имеем права пропускать уроки, и нас будут записывать. Этого, кажется, никогда не делалось, да и было некому, а всего чаще пропускали мы уроки именно самого Осинина. И час был ранний, и его манера спрашивать и заставлять стоять — неприятны. Помню, как я и сидевшая рядом со мной В. боялись, что он нас вызовет, но этого не случилось с нами в течение двух лет.

Но вот он приехал на конференцию, и как раз когда я была ассистенткой. Мне пришлось сделать при нем мои замечания, и я осталась сидеть, как это было заведено на конференциях.

Не знаю, это ли или моя критика не понравилась Осинину, но, когда я кончила, он объявил:

— У всякой медали есть две стороны.

— У нас здесь принято только критиковать, мы никогда не хвалим,— быстро возразила я к всеобщему удивлению.

Осинина на Курсах очень боялись, и странно прозвучали мои слова начальнику о том, что у нас «принято».

Мне не приходило, конечно, в голову, что это дерзость. Я сказала только то, что знали все, но чего никто бы не сказал.

Осинин промолчал, но оказалось вскоре, что он моих слов не забыл.

На своем уроке он задал классное сочинение. Когда в следующий раз он принес то, что мы написали, то в числе первых вызвал меня.

Соседка дергала меня за платье, боясь, что я опять не встану. Но я стояла и слушала.

— Вы не умеете писать, у вас встречаются ошибки вроде «не» вместо «ни» (в одном месте было действительно переправлено, но других ошибок не было),— распекал меня начальник и поставил 7. Сочинение это относилось к педагогике, а не к русскому языку. И такая месть показалась всем мелкой, так как все знали, что я не могла написать на 7. Осинин уронил себя в глазах слушательниц, и промолчала на этот раз я.

У него была еще одна черта, которая одинаково не заслуживала уважения. Он делал выговоры наставникам при слушательницах.

Всего чаще приходилось выносить такое обращение старушке-надзирательнице, единственной на все Курсы. Что могла она поделаться с бурлившей молодежью? Мы пользовались большой внешней свободой, проводили скучные лекции в коридоре и не всегда входили в класс по звонку.

Наши беседы в коридоре, так называемые «журфиксы», были гораздо полезнее скучных лекций, и старушка поступала умно, оставляя нас в покое.

Раз Осинин набросился на учителя французского языка за то, что на его уроке мы собрались не все сразу.

Это был тот самый Флери, который учил меня в пансионе (лектор университета). Здесь не он не слушал, а не слушали его. Как

свою бывшую ученицу, он меня особенно отличал и читал мои сочинения вслух.

В. П. Острогорский, преподававший иностранную литературу, поставил мне за годовое сочинение 11. То был большой удар моему самолюбию. Я просидела над этим сочинением всю зиму, перечитала не только указанные О. десятки источников, но и многое другое, и написала 100 больших страниц. Немало заставили меня страдать мои «Страдания молодого Вертера». Я ожидала слова поощрения и не получила даже полного балла!

«Итак, я — бездарность, полная бездарность», — приходило мне нередко в голову.

Не понимаю до сих пор, отчего это случилось? Неужели причиной служило то, что мои взгляды не сходились с воззрениями учителя? О. подчеркнул те места, где не был со мной согласен.

«А, — я думала, — вот что».

«Неужели развитие заключается в том, чтобы повторять сказанное учителем? Разве нельзя сказать что-нибудь другое!» Меня поражала такая узость, и я всего менее прощала ее тому, кто был на словах поборником свободы. Какая нетерпимость и непоследовательность. И с пылом молодости я долго помнила, что меня обидели!

На второй год я не могла себя заставить заниматься у О. и даже не прочла того произведения, которое он всю зиму разбирал в классе; кажется, то было «Домби и сын» Диккенса; к тому же он слишком растягивал свои объяснения, все что-то обещая, а на самом деле повторяя старые фразы: то был катехизис либерализма, и, по моему мнению, Острогорский совершенно напрасно опошлял хорошее.

На этот раз я написала два сочинения — оба в один вечер, прямо набело, как писала, бывало, в пансионе. На этот раз я получила 12, и это меня несколько успокоило. Итак, 12 Острогорского оказались для меня величиной достижимой, хотя и не дали за целый год труда. Это все же было несправедливо, а с несправедливостью я как-то не мирюсь. Много еще таких 11 пришлось мне получить в жизни — и всегда, по моему мнению, когда я их не заслуживала.

Острогорский считался нашим курсом преподавателем из средних (раньше, и, может быть, — и позже, его ставили выше всех), а были совсем плохие, в особенности историки. Они читали старые записки и дремали сами, а подражая им, и мы. Я же была занята. Литографированных записок у нас тогда не существовало, те же, которые были в ходу из года в год, у меня не доставало терпения переписывать, потому что в них заносилось буквально все, от слова до слова. И потому я писала только главное, и прямо в тетрадь пером. Мои записки никому не годились, но я готовилась по ним к экзаменам в несколько часов.

Экзамены я выдержала хорошо и кончила второй. Первой была моя соседка по скамейке В. Когда мы переходили на старший курс, Рашевский назвал нас лучшими. Это было удивительно, потому что во время его уроков мы неизменно молчали. Молчали на вопросы: «что такое подлежащее?» и т. п., ибо понимали, что Р. дает новые определения, и старые уже никуда не годятся. Молчали еще потому, что не любили вставать и слышать, как нас называют просто по фамилиям. Когда к нам относились не как к барышням, мы чувствовали себя неловко.

Раз пришлось щегольнуть тем, что мы — барышни.

Старший курс был приглашен на бал к принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому. Это случилось впервые во все время существования Курсов и составляло событие. Старушка-надзирательница учила нас добросовестно тому, как себя держать, и даже реверансам.

Но мы более чем оправдали ее надежды. В. танцевала с маленькими великими князьями, а я кадрили с ненавистным мне Осининым. Собственно кавалерами были приглашены ученики коммерческого училища, поражавшие неотесанностью и неумением танцевать рядом с нами. Наверху о нас было сказано, что мы приличнее даже институток, и больше Педагогические Курсы никогда уже не приглашались с коммерческим училищем, а всегда с Лицеум и Правоведением.

В. и я держались вдаль от учителей. Мы даже досадовали, когда любимого Никольского мучили после лекций — ведь он устал, и зачем ему надоедают! И в числе этих жаждущих поговорить с учителями была обыкновенно Л., с которой я ездила на Курсы.

Отец не любил, чтобы опаздывали к обеду, и потому я уезжала одна. Теперь уже давно было предано забвению, что я не могу ходить одна по улицам, хотя, кроме Курсов, я нигде и не бывала.

Вся моя жизнь сосредоточивалась там. *Очень хорошо сложились товарищеские отношения*, так как было много развитых девушек, с которыми я сошлась. У меня существовала, впрочем, одна слабость: *я не могла видеть слушательницу, чтобы с ней не познакомиться*, и когда приходила на Курсы, то здоровалась со всеми, потому что всех знала. В. немало трунила над «моей популярностью». А я не прощала ей замкнутости или «аристократизма», по моим словам. Когда у нас затевалось какое-нибудь общее дело и нужны были депутатки, выбирали всегда меня, а я тащила за собой ее. Она сердилась и соглашалась только, чтоб от меня отвязаться.

Общественное служение не доставляло ей ни малейшего удовольствия, толпа пугала. Известная замкнутость была и во мне — я сторонилась старших, но *меня тянуло к товарищам. Это какое-то органическое чувство, сильнее меня самой*¹.

И сколько я испытала горя от того, что *меня тянуло к людям, как к своим*.

Но на Курсах жилось хорошо, и эти счастливые страницы жизни никогда не изглаживаются из моей памяти.

Когда первый раз в жизни я вошла в класс, чтобы дать пробный урок, то почувствовала себя совсем свободной. Моя ассистентка, баронесса К., у которой была собственная школа, даже попросила меня ее поучить.

Я рассмеялась и объяснила, что никогда еще не учила в клас-

¹ Замечательно. Чувство «товарищества» — вот это *ходко и масляно* идущее товарищество — не так просто и рационально. Какие были «товарищи» в бурсе Помяловского?! — и тут, сверх прочих причин, не надо упускать и той, что все одноклассники здесь были «жеребачьей породой», т. е. отличными самцами. Все было дико, безлюбовно, грубо. Лучшие товарищи — урнинги, которые около товарищей (незаметно для себя) «невестятся» или «женеховствуют». Масляно и быстро устанавливается нежность, деликатность, внимательность, готовность к услуге и даже готовность к жертве. Талантливый автор для всего этого нашел прекрасные выражения и формулы. В. Р.-в.

се. Мне кажется, что умение учить нельзя передать, как и многое другое. Это дар природы.

Сущность хорошего преподавания заключается в том, чтобы видеть в классе целое и всегда иметь перед собой это целое. Тогда класс будет заинтересован, и дисциплина сведется на нет.

Мне было предложено место образцовой учительницы русского языка в прогимназии при Курсах. Места этого все добивались, а я должна была отказаться.

То, что я не буду учительницей, было обещано отцу, и, когда подходило время к окончанию Курсов, он даже уверял, что уедет из Петербурга, если я буду учительницей.

Итак, мне пришлось отказаться, а к Цюриху я не приблизилась ни на шаг.

Когда я читала сведения, сообщаемые о студентах зарубежных университетов, у меня сжималось сердце. «Есть же такие счастливицы», — думалось мне, и их становилось с каждым годом все больше, а я все сидела в Петербурге и, верно, просижу тут всю жизнь.

Цюрих был теперь окружен в моих глазах не только ореолом — к его блеску прибавились острые иглы. Давно забросила я программу, так как один ее вид заставлял меня страдать еще сильнее.

И, кончивши Курсы, я опять обратилась в ненавистную мне куклу-барышню.

Расскажу только один эпизод, который случился со мной два года позже.

В 1878 г. был открыт 3-й курс, и говорили, что дадут особые права тем, которые его кончат. Я проводила зиму с бабушкой в уездном городе, но мне захотелось записаться. Когда пришло время экзаменов, я достала записки и приехала в Петербург экзаменоваться.

Я прекрасно выдержала все экзамены, оставался последний — русская история.

Почему-то 2-й и 3-й курсы были соединены, и мне пришлось сидеть несколько часов и слушать, как отвечает 2-й курс. Это было нечто ужасное. Экзаменатор до невозможности придирался, слушательницы терялись и отвечали плохо вообще не потому, что не приготовились. Я переживала все эти муки издевательства над людьми, которые не могли собой овладеть и объявить, что все знают.

И вот дошла очередь до меня. Речь шла о какой-то войне. Не успела я сказать двух фраз, как меня прервал экзаменатор:

— Вы же говорили, что война велась из-за Аравии, а теперь уверяете, что причиной войны явились курды.

— Желание овладеть Аравией было причиной войны, возмущение курдов явилось поводом к ней, — объяснила я спокойно и продолжала прерванный рассказ.

Он очень скоро меня опять перебил:

— Зачем были нужны туркам немецкие офицеры?

— Чтоб реорганизовать армию.

— А вы сейчас сказали — «чтобы вести войну».

— Разве одно мешает другому? — по-прежнему невозмутимо отвечала я. — Реорганизованная армия была нужна, чтоб воевать.

— Если вы будете продолжать так мне отвечать, я перестану вас спрашивать, — вспыхнув, объявил учитель.

— Как вы хотите, — спокойно сказала я, положила на стол билет и ушла из класса.

Когда я приехала домой, меня все спросили, что случилось и почему я такая счастливая?

— Выдержала экзамен?

Но выдерживала я их много, и к этому давно все привыкли.

— Не выдержала,— ответила я с восторгом. Вечером, в концерте, я встретила одну из экзаменовавшихся со мной, и она мне рассказала, как долго не мог прийти в себя П., и что он поставил мне 7.

Учитель отказался экзаменовать меня еще раз, и таким образом я не получила аттестата об окончании 3-го курса. Все равно — прав этот аттестат не давал никаких.

Отец сообщил мне, что инцидент был где-то описан — учителя бранили, а меня хвалили.

Как я была счастлива, что отомстила. «Может быть, это останавливает других», — мечтала я.

«Розовое и черное из моей жизни»

М. В. Безобразовой.

<1>

Приведем еще следующее рассуждение чистого девственника, ибо познание духа *девства взрослых людей* содержит вообще в себе ключ к разгадке всего христианства, всей Церкви:

«Вопрос об интимных сторонах брака представляет большой интерес для каждого человека, желающего жить сознательно и разумно. *Едва ли в какой-нибудь другой стороне жизни так переплетаются между собой и сталкиваются, по видимому — в полном противоречии, духовные и телесные стремления личности.* Поэтому стремящимся к внутренней гармонии личной жизни в высокой степени важно объединить все разнообразие мыслей, чувств, желаний, вообще всех душевных состояний, вызываемых вопросом о браке.

Читателям «Русского Труда» известно, что в последних прошлогодних номерах этой газеты вопросу о браке г. Розанов посвятил свою переписку с православным священником А. П. Устьянским, под заглавием «Брак и Христианство»*. Эта переписка вызывает у читателя много недоумений, особенно ввиду того, что г. Розанов желает дать излагаемой там его теории религиозный колорит, называя ее «новой концепцией христианства».

Г. Розанов считает акт физического общения полов «трансцендентальным», «мистическим» и даже видит в нем религиозное содержание. Вот с этим последним никак не мирится мысль, а главное — нравственное чувство. *Кому не известно, что супруги обыкновенно стыдятся этого акта¹, стыдятся в нем унижения собственной духовной личности, как бы ни толковал г. Розанов о «таинственности», о «сведении души с домирных высот» и «зави-*

¹ Никому решительно «неизвестно», кроме одних содомитов. Брачующиеся входят в храм с цветами в руках, с друзьями, с гостями, хотя всем известно, что через венчание берется разрешение на этот акт, а священник *громогласно* молится о даровании *плода чреву*, т. е. об *успешности* наступающих актов. В. Р-в.

важни ее в стихии». Здесь физиологическая потребность и доводы рассудка, основывающиеся на ней, встречают *протест внутреннего существа человека*¹ и осуществляются, только благодаря временному подавлению этого протеста. Здесь *нет гармонии между духом и телом*², да едва ли ее и можно найти, если признавать за их стремлениями одинаковую степень законности. Неудовлетворенность и разлад в других сторонах жизни разрешаются в жизненных идеалах, преимущественно религиозных, а для данной имеется ли идеал в сознании человека? Кто разрешил вопрос, *как* должно это происходить, чтобы не возмущался «внутренний человек»? Поэтому решительно непонятно желание г. Розанова придать чисто животному акту религиозный смысл, тем более что религиозные действия, напр., молитвы³, вызывают у нас совершенно иные душевные состояния.

Новозаветное Откровение признает физическую сторону в человеке, но оно не придает ей положительной нравственной ценности. Оно говорит, что вступающий в брак только «не согрешит» (I Кор. VII, 28, 26), а если в другом месте и говорится, что «выдающий замуж свою девицу поступает *хорошо*» (ibid. 38), то по общему смыслу главы эти слова нужно понимать так: «хорошо, потому что избегается блуд» (ст. 2), ибо «лучше жениться, нежели разжигаться» (ст. 9). Следовательно, по учению Нового Завета, брак является делом *хорошим* только как средство, предохраняющее человека от блуда⁴. Тем не менее физическая сторона брака есть все-таки «похоть плоти», «похоть мужа» (Иоан. I, 13), *нечто такое, чего лучше избегать*: «не выдающий (замуж девицу) поступает лучше» (I Кор. VII, 38), «кто может вместить, да вместит» (Мф. XIX, 12), «хорошо человеку не касаться женщины» (I Кор. VII, 1). Мне кажется, что такое понимание Новозаветного учения не противоречит словам Апостола: «(жена) спасется через чадородие», на которое особенно упирает г. Рцы в № 2 «Русского Труда» за текущий год. Спасется, *если* пребудет «в вере и любви и в святости с целомудрием» (I Тим. II, 15). Ясно, что здесь имеется в виду не розановское «завивание в стихии», а *нравственный* подвиг воспитания детей, сопряженный для жены по преимуществу со всякими страданиями и лишениями.

В подтверждение этой мысли можно привести другое место из Послания к Коринфянам, где Апостол совсем и не вменяет супругам чадородие в непрременную обязанность: «Не уклоняйтесь друг от друга... чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим. Впрочем, это сказано мной как *позволение, а не как повеление*. Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я» (т. е. девственны. I Кор. VII 5—7⁵).

Поэтому напрасно г. Рцы считает «кошунством» (ведь и сказал же!) *отношение к жене как к сестре. Если муж любит свою*

¹ «Протест» единственно есть у содомитов. В. Р-в.

² Есть полная. В. Р-в.

³ Хорошо,— но ведь «молитвы» же произносятся и поются на венчании, и они не расстраивают предрасположения венчающихся к этому акту? В. Р-в.

⁴ Ужасно, по беззаконию ужасно («Бытие», 2) это желание автора и многих таких авторов отнять у супружества *собственное и самостоятельное значение*. В. Р-в.

⁵ Ср. I Кор. VII, 29. Мирянин.

жену в духе любви Христа к женщине¹, то едва ли у него появится «аппетит», как выражается г. Рцы, ибо это психологически несовместимо с христиански любовной настроенностью. А между тем эта настроенность есть единственная цель нравственной жизни (следовательно, вообще жизни) человека². Г. Рцы сравнивает брачную связь полов с таинством Евхаристии, где также имеется сочетание высочайшего духовного акта с грубо физическим, каково пищеварение во всех его стадиях. С внешней стороны, пожалуй, сравнение подходящее. Но оно падает, как только мы обратимся к внутренней жизни человека, в которой, собственно, вся суть разбираемого вопроса. Когда мы «едим Бога», по выражению г. Рцы, мы испытываем особенную душевную радость и мир, не передаваемые на словах. Эта тихая радость и мир не оставляют нас и потом, пока мы снова не загрязним своей совести. Во всяком случае, момент достойного причащения всегда переживается и воспринимается не иначе как с благоговением. То же ли самое переживает каждый супруг при воспоминаниях о тайнах чадородия со стороны розановского «завивания в стихии»? Пусть каждый супруг ответит себе чистосердечно на вопрос: *в силах ли он приступить к этому «таинству» в то время, когда душа наполнена мыслью и ощущением святости первого?* Для того, чтобы резче различить два предмета, полезно поставить их рядом. А святое со святым вполне совмещаются в сознании, напр., Евхаристия и молитва, труд, благотворение³.

Церковные песнопения и уставы суть выражения духовного самосознания Церкви: как таковые они служат в то же время проявлениями самосознания духа человеческого, наиболее соответствующими его природе. А между тем Церковь в разнообразнейших формах воспевает и убажвает «бессеменное зачатие матери безмужных»⁴, называет иночество «чином ангельским», предписывает *новобрачным пребывать в девстве первую ночь из уважения к благословению Церкви*⁵, не одобряет второго брака, почти не разрешает третий и безусловно запрещает четвертый. Откуда⁶ в Церкви выработалась и так ясно проявилась лишь только «терпимость» к физической стороне брака, снисхождение к ней, — и почему она превозносит такие состояния жизни, которые брачному общению полов не причастны? Как могло возникнуть в святой Церкви такое отношение к предмету, если он тоже свят? Говорят: «Догматику писали монахи, песнопения и уставы — тоже». Но ведь эти писания приняты всей⁷ Церковью, ибо совпадают по своему смыслу с ее ду-

¹ Срав. Ефес. 5, 25. *Мирянин*.

² Мф. 5, 48. Филип. 2, 5, 3, 8—27. Колос. 2, 20, 3, 2, 14, 19 и пр. *Мирянин*.

³ Да, этот прием распознавания очень верен. Во 2-м издании книги «В мире неясного и нерешенного» я ответил на него в статье «Из мира образов и подобий». *В. Р-в*.

⁴ Да, вот в этом коренной пункт всего. *В. Р-в*.

⁵ Не чувствует ли, однако, автор странности и противоречия: 1) благословить в чадородие, 2) удержаться от чадородия «из уважения к благословению»? Значит, «благословение» то дано с какой-то затаенной мыслью, с каким-то умолчанием, о котором не для чего знать миру. *В. Р-в*.

⁶ Ну, «откуда» — на это отвечает вся книга «Люди лунного света». *В. Р-в*.

⁷ Вот это все рассуждение необыкновенно важно. На него мы отпсчаем: да монахи-бессеменники вообще духовно выше, дарови-

хом. Поэтому личность авторов здесь ступшевывается и уже не имеет того значения, какое хотят придать ей. Да, наконец, почему же это *не* монахи не сделали того что сделано монахами? За 19 веков существования христианства они могли бы выразить немало общецерковных идей. Вопрос в том, *могли ли* они? Ведь женившийся во всяком случае много времени, если не большую часть, уделяет попечению о мирском, а такое дело, как быть выразителем церковного сознания, — требует почти исключительного сосредоточения на «Господнем».

Едва ли резонны и ссылки на ветхозаветных супругов. Цель ветхозаветного брака — размножение избранного народа в ожидании пришествия Искупителя. Ради этого каждому израильтянину вменялось в нравственный долг производить детей, и потому не было грехом, кроме нескольких жен, иметь еще и наложниц; наоборот, считалось позором отказываться от восстановления потомства своего брата (Второзак. XXV, 5—10). В Ветхом Завете супруги могли соединяться и «не для удовлетворения похоти» (Товит. VIII, 7), *ибо самая психология брачных отношений была иная, нам теперь мало понятная*¹. Кто хочет убедиться в этом, пусть прочи-

тее семенных самцов; и выше особенно в философской и религиозной сфере (Платон, Сократ, Кант). Таким образом, что *«они со-творили»* — понятно, по крайней мере тому понятно, кто внимательно прочел эту книгу. Теперь — «почему *приняли и не монахи*», самцы? Да очень просто «почему»: потому что всему миру присущи *слабеющие степени* бессеменности, *убывающие дробы* ее, кроме небольшого количества абсолютных самцов и самок; и это так же точно, как и то, что монахи тоже влекутся *«к женщинам»* («Покаянный канон» Андрея Критского) и даже доходят до «падения с ними», ибо и они, будучи вообще бессеменными, будучи *главным существом* в себе монахами, сохраняют однако семенность *как убывающую дробь*. Весь плодящийся мир мечтает о монашестве, имеет «пробегающие мысли» о нем (исповедание содомита), как и монашеский мир, наоборот, имеет «пробегающие мысли» о женщине, и это ярко и поэтично выразил «покаянный канон», где он говорит о томлении *«мысленною Евою»* (какое слово!!). В. Р-в.

Да, «психология была другая», но не от ожидания Мессии, ибо ожидался Он *в одном колене Иудином*, а множились радостно, с многими женами и наложницами, все израильтяне *всех 12-ти колен*. «Была другая психология», и происходила она от обрезания. Раз открыто было Аврааму и всему потомству его, что *именно здесь* почил завет Бога с человеком — не в слове, не в мысли, не в исповедании, не в символах исповедания, а *в детородной силе человека*, — явилась всего племени радость о детородной силе каждого единичного израильтянина, и ему давали охотно и еще жену, и третью, и наложниц, или вот как Рахиль свою служанку — в словах такой физиологической ясности! Была всеобщая радость об органе, и в ней сливалось все племя Израиля, без разделения, без противоречий, без сомнений и колебания: и именно все — от обрезания, единственно от него, исключительно от него; как мы тоже радуемся все о своих религиозных символах, предметах, знаках, — и никогда не находим, чтобы их было «лишнее», «много». Радость эта доходила до того, что когда замужняя сестра у древнего еврея делалась беременной, то еще до родов, при виде ее поднявшегося живота, ее родной брат объявлял себя уже женихом будущего ребенка, если родится девочка; и от рождения ее до зрелости он

тает хотя 30 главу книги Бытия, а я для примера приведу оттуда 3-й стих. Рахиль сказала мужу: «Вот служанка моя Валла; войди к ней; пусть она родит на колени мои, чтобы и я имела детей от нее». Явилось христианство и провозгласило, что «хорошо человеку не касаться женщины» (I Кор. VII, 1), ибо «все, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже... мужского пола, ни женского; ибо все одно во Христе Иисусе» (Галат., III, 27—28). То, что одушевляло ветхозаветный брак, в Новом Завете упразднилось, и брак, служивший осуществлению мессианской идеи, здесь стал средством для удовлетворения сильного полового влечения и создания удобств жизни¹. По крайней мере, обычная цель нашего брака такова. Если же внутренний смысл брачной жизни различен в Ветхом и Новом Заветах, то, конечно, параллель, проводимая протоиереем Ус-ским между Моисеем и ап. Павлом и другими,— недоказательна.

Г. Розанов старается показать, что христианство не только не отвергает плотской стороны в жизни человека, выражением которой является семья, но наоборот: по Евангелию, будто бы, семья-то и есть истинное и притом единственное воплощение идеала христианской жизни, обуславливающее существование самого христианства. «Только этот взгляд,— говорит г. Розанов,— вводящий семью ко Христу, спасает от колебаний и даже гибели само христианство». Аскетизм же — «духовное жонглерство» и есть гибель для Христова учения, или, по крайней мере, извращение его.

Что христианство не отвергает семьи — это ясно всякому²,

был ее женихом и покровителем, и становился мужем, если был ей приятен; а если приятен не был, то она должна была формально расторгнуть это странное «обручение», происшедшее еще до рождения невесты. Таким образом евреи мыслили всякое существо человеческое под углом заботы, «оплодотворяется ли оно», — и без этой заботы не было у них и взгляда на человека, мысли о нем, представления его, ничего — о нем. Для нас это что-то невообразимое, и, может быть, это вообще уже неповторимо в истории, — хотя «пути Божии и неисповедимы». В. Р-в.

¹ Ужасно: стал какой-то «удобной вещью», «комфортом»... О, как понятно происхождение нашей торговой проституции. «У кого есть средства — бери жену», «а если беден — довольствуйся проходящей женщиной». Как понятно — о, как понятно, — что брак совершенно и окончательно пал в новые времена! И это разъясняет с радостным одобрением монах по духу, автор! Вот где учиться, вот где всматривайтесь!! Открывается «река времен», — и книга «Люди лунного света» дает компас для распознавания заворотов и течений этой реки. В. Р-в.

² Читающему ваши рассуждения и верящему им — это совершенно ни для кого не «ясно». Мирянин (псевдоним профессора богословия в одном из университетов), как и г. Фози, до того колеблют «христианский брак», что от него вообще ничего кроме имени и претензии не остается. «Детей — не надо! совокупляться — не надо, прилепления мужа и жены — не надо». В особенности, кажется, «счастья» не надо. А что же «надо»? Остается венчание: и как уже понятно сделалось в веках, что все решительно и полегло в одном венчании, к нему одному все приурочилось, все обратилось сюда, люди смотрят только сюда, закон требует только его. Брак сделался только «приличием», и «приличие» придает ему одно «венчание». Но «река времен» еще прокатилась, и люди стали спра-

читавшему Новый Завет, но остальные рассуждения г. Розанова решительно парадоксальны. В самом деле, как примирить с ними хотя бы следующие слова Евангелия: «...*есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить — да вместит*» (Мф. XIX, 12); «и всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли — ради имени Моего, получит во сто крат и *наследует жизнь вечную*» (Мф. XIX, 29). Этих слов совершенно достаточно, чтобы определить состоятельность «новой концепции христианства», поскольку она стремится опереться на Евангелие. Здесь *утверждается*, с одной стороны, духовное скопчество, т. е. добровольное *отречение от брачной жизни*, как *высший идеал*, доступный «могущим вместить»; а с другой — *отрицается необходимость брака и семьи* для спасения человека — следовательно, и вообще для его жизни. Семья, несмотря на высоту и чистоту связей, соединяющих ее членов, все-таки заключает в себе элемент эгоистического отграничения («*мои*: жена, сын, брат, а то — *чужие*»), и потому она не вмещает в себе идеала всеобщего родства в духе слов Спасителя: «кто будет исполнять волю Божию, тот мне брат, и сестра, и мать» (Марка III, 45). Поэтому стремление к осуществлению этого идеала в жизни неминуемо ведет к постепенному уничтожению границы, созданной семьей между «мои» и «чужие». А так как эта граница возникает именно в силу *кровности* семейного союза, то ясно, что кровность, возведенная в *принцип* жизни согласно г. Розанову, будет только препятствовать духовному развитию человека.¹

шивать: «Да зачем нам это приличие, которое и не светит и не греет? Перестали или перестают вообще брачиться, полагая «обойтись как-нибудь» с этими «пустяками» — с сими, по Фози и Мирянину, «дурными физиологическими привычками», «зоологической потребностью». К чему все иметь «дома» и «свое»: можно покусать и в ресторане, в кабачке, в трактире, где-нибудь. Есть, конечно, «известные места» — дома, но ведь государство и городское благоустройство позаботилось о том, чтобы были — и «на улице, для общественного пользования». Дом терпимости вытек отсюда сам собой — из «пустяков» и «физиологии». Спокойно взирает на это духовенство, не выходя из обеспеченных своих квартирок. И только плачут тихо и украдкой девушки, наши возлюбленные дочери. И никто их слез не слышит. Никому они «не нужны» в цивилизации XIX—XX века, «достигшей последних граней совершенства». Но, я думаю, не можно ли эту «цивилизацию» с томящеюся *половиной населения*, невинного и юртогого (девушки, женщины), — послать «к черту на рога», как несомненно от «черта» она и происходит. В. Р-в.

¹ Автор, совершенно ортодоксальный православный, не замечает, как ноги сами несут его к хлыстовству. Вот там нет «своей жены», «своего дома», а все — *общее*, «братское», «сестринское». Вообще идея «духовных жен» и «общих жен», этих «сестричек-хлыстовок», почти с исчезнувшей физиологией и только с ласканиями, только с *adoratio* * всех членов братства в отношении каждого и каждого в отношении всех, уже содержится (у Фози и Мирянина) в этой свирепой борьбе против «антиевангельского эгоизма иметь свою жену», единственную и личную жену. Только непонятно, улыбаемся мы, отчего это все-таки монастырь имеет «свою обособленную землю», как и папа тоже имеет и позаботился иметь «свой Рим», «свой удел на земле». Только вот «жены» не надо, и «де-

Семейные узы важны не сами по себе, а потому, что на почве кровного соединения мы узнаем возвышеннейшее чувство любви¹, источник всякого добра. Но это *святое чувство возникает и между людьми, не соединенными узами кровного родства*. Нужно только стремление к этому, нужна внутренняя самодеятельность.

История христианства представляет немало примеров такой любви, да и что такое сама Церковь, как не союз этой же любви? Следовательно, кровность, даже как условие, не необходима для христианского развития человека². Поэтому не «семья спасает от гибели христианство», а христианство возвышает и облагораживает семейный союз³. Лишите семью христианской основы, и она прератится в сожительство самца, самки и их детенышей⁴. Не из семьи возникло христианство. Первые проповедники его «оставили все» (Мф. XIX, 27) и пошли за Христом. Некоторых Он Сам призывал ради Него оставить кровные узы. «А другому сказал: следуй за Мною. Тот сказал: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего. Но Иисус сказал ему: предоставь мертвым погребать своих мертвецов, а ты иди, благовествуй Царствие Божие» (Лук. IX, 59—60, см. еще Мф. IV, 22). Не семьей живо христианство и доселе. Сказавший «создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. XVI, 18), сказал еще: «Дана Мне всякая

точки свои ни к чему». Замечательно тоже, что, получая себе звезду к новому году, архиерей не хочет, чтобы ее «носили все», а непременно хочет «сам носить». Вообще, большие трагедии в этой области заканчиваются большими комедиями и иногда водевилем. В. Р-в.

¹ Ну, какая там «любовь» при таком-то браке. Экономика и приданое. А слышали ли вы, чтобы институт «христианского брака» когда-нибудь деятельно вступился и сострадательно склонился к «молодым людям, так полюбившим друг друга, что легче им умереть, нежели расстаться». Не раз в «Колоколе», самом теперь деятельном духовном журнале, я читал, как «двое, обнявшись, бросились в Иматру», «двое умерли», «жених бросился в могилу за невестой», «умерли, попросив вместе похоронить»: но ни разу по поводу этого в «Колоколе» не прочитал — «ах!» Да, не «ахающее» и даже не «чешущееся» духовенство. Ну, Бог с ним. Господь рассудит. В. Р-в.

² Да, вот это надо запомнить: «Кровность (целая категория мира!) не необходима для христианского развития человека». Что об этом скажут мои друзья, П. А. Ф-ский, свящ. Филевский, Н. Г. Дроздов. В. Р-в.

³ Почему же это «возвышает и облагораживает», если вынули зерно, оставили шелуху, оставили «приданое и удобство», — «так и быть прощается»? Что *случаются* в христианстве прекрасные семьи, то это так же мало зависит от него, как от устройства Сахары, вообще бесплодной и сухой, мало зависят прелестнейшие попадающиеся там оазисы. Но достаточно вспомнить надгробные изображения верности и любви у римских старых патрициев и придвинуть к ним христианские «бракоразводные дела», да и так нравы улицы, песенки, сказочки и сказания, — чтобы понять, насколько после падения язычества все это «облагородилось» и «возвысилось». В. Р-в.

⁴ Вот как... А в Библии? а Наль и Дамаянти? Гектор и Андромаха? а сцены привязанности в старогерманском эпосе? Положим, «эллинских борзостей не текох», — говорит семинарист; но нельзя ему забывать, что его слова проверяют те, кто это «текох»... В. Р-в.

власть на небе и на земле... идите научите все народы... и се, Я с вами во *все дни* до скончания века» (Мф. XXVIII, 18—20). С того времени Божественная Личность Его неотразимо влекла и влечет к себе каждого ищущего в жизни света и истины. Вот *где* лежит основание поразительной жизненности христианства. «Христос — моя сила...» — поет Церковь, и напрасно г. Розанов думает видеть эту «силу» в плотском союзе людей¹.

Мирянин.

Позволю присоединить еще следующие строки пламенно-девственного духа:

* * *

«М. Г. С ужасом я дочитала вашу статью «Природа и Церковь»². Ведь вы знаете, что газета «Русское Слово» — очень популярная и вашу статью прочтут не одни люди университетского образования, знакомые с различными направлениями, а масса народа. Именем всего святого умоляю быть осторожным с вековыми святынями, не заслоняя их своеобразным, вольным суждением.

Кто мешает людям плыть по течению, по закону природы! Пусть множатся с благословением и Церкви! Но зачем вытравливать из сознания человеческого высшие образы. Бойтесь тнева Богоматери, высшего из рожденных женами Иоанна Крестителя, девственника Иоанна Богослова, друга Христа, и многих-многих девственников. Граф Толстой, впадая в крайности одного суждения, словно оставил вам в наследство другой полюс соблазна. Мильтон говорил:

Так свято пред очами Неба девство,
Что если искренно душа блюдет заветы —
Тьма ангелов на службу ей готова.

Если вам, семейным людям, и хочется вознестись на высоту супружества, то кто же вам мешает совершенствоваться?

У нас Церковь празднует даже зачатие Богоматери и Предтечи, тем доказывая, что и плоть одухотворяется до возможного предела; но *Рубикон все-таки стоит между парным и одиноким человечеством* — для общего спасения и, быть может, взаимной помощи². Пусть две параллельные линии славят Единого Бога. Его воля да ведет каждого человека своим путем.

Страница одна мне говорила, что во взоре можно узнать дев-

¹ Было напечатано в «Русском Труде» С. Ф. Шарапова за 1898 г.* В. Р.-в.

² Замечательно. После всех суждений и всяких «да» в сторону брака, высказанных мной за много лет, — должен сознаться, вот когда мне открылась теперь особая категория людей и организаций *лунного света*, что брак действительно нуждается в помощи и дополнении этими людьми лунного света (отнюдь не позволяя руководить собой и устраивать себя). Нужно спокойно и правильно размежеваться: «Тебе — Запад, мне — Восток», с переплетениями, с прослойками, с оазисами, нигде не стесненными, ни от кого не угнетенными. В. Р.-в.

ственность. Быть может, это *прирожденная черта*. Всем — разные дары и способности. О, ради Духа Святого, будьте осторожны в слове. Горе соблазняющим малых».

Вера¹.

2

«Ваша статья в № 195 «Русского Слова» * еще более заставила думать о том, что волнует меня много лет и остается неразрешенным...

Кто-то, что-то не позволяет мне вступить в брак и заставляет хранить сокровище, скрывая, ценно ли оно (? В. Р.). Я прямо недоумеваю, что отвечать людям, вопрошающим о моем образе жизни, который мне продиктован таинственной силой.

Знаю, что мой духовник называет мое состояние блаженным и говорит: «Достоинства твоего у меня нет, а недостатки твои и у меня есть». Видимо, я владею большим в его представлении, но это «что-то» необъяснимо для меня, когда я вижу — Мир Божий в своей природе живет по-другому. Должно быть, Творец его не закончил и предоставил Сыну сказать²: «Чада века сего множатся, а кто достиг будущего — пребывают, как ангелы».

Словно людям можно быть предтечами иного существования! Меня бесконечно умиляет, что Сын Божий — сын Девы, и не это ли восхищение озаряет мою жизнь?³ Мне кажется, и семейная имеет свои прелести и достоинства, но она — *теплей* (курс. и далее автора письма), прикосновенней к нашему организму, а одинокая — *светлей*, созерцательней, духовней и поэтому прекраснее, как чающая

¹ Письмо (из Москвы) подписано, довольно характерно, одним крестильным именем. В. Р.-в.

² Замечательная мысль, и нельзя сказать, чтобы она была неправдоподобна. Да ведь это даже так и научно: все «зоологии» знают самца и самку, за этими гранями начиналась *минералогия*. Вдруг — этот лунный свет, явления лунного света, — «не хочу» пола! Перевертывается собственно все наше познание мира! «Живое», а «не множится»!!! Пока думали, что это «ненормальность», «извращенность», «случай», «шестипалость» — то не обращали на это внимания, и естественно это не затрагивало строя наук, как «описка» не затрагивает «правописания». Напротив, мир органических наук в основе колеблется, во всем плане своем колеблется, раз нам открывается, что *исчезновение размножения в живом* отнюдь не есть патологическое явление, — не есть и явление, имеющее когда-либо пройти; что оно так же устойчиво и нормально, как размножение, но лишь встречается *реже*. По крайней мере мир органических наук так же колеблется, как физика поколебалась с открытием электричества, — «редкого явления, наблюдающегося в янтаре, если его потереть сукном». Девушка-автор хорошо и ярко это выразила, сказав: «Мир (ветхозаветный) не был дотворен, и дотворился тогда, когда пришел Сын и сказал: *блаженны не множащиеся*». В. Р.-в.

³ Вот глубокий *личный родник* основных тайн христианства: что они принесли утешение и радость совсем особой категории людей, как-то забытых, да и действительно забытых и обойденных, в Ветхом Завете. Но до какой степени письмо это убеждает нас, что христианство совсем *новая и другая религия* сравнительно с Ветхим Заветом! В. Р.-в.

чего-то. *Ожидание — сущность этой жизни.* Почему-то лилия, цветок Богородицы, имеет луковичное деление, как прообраз девственности, имеющей своеобразную семью. Быть может, и от одинокого человечества что-нибудь исходит. Компактные личности, быть может, споят в себе какую-то силу и нужную энергию для мира.

И так Ветхий Завет дополнен новым, и, быть может, два образа жизни есть положительное и отрицательное электричество, оба взаимно нужные.

Я лично церковное управление предоставила бы белому духовенству, а черному поручила бы святыню — посвящение в сан.

Сама я с риском иду по узкой дороге. Прелесть мира стоит у меня в образе любимого человека, а его брат чтит Неопалимую Купину; и душа у меня борется с сердцем, борется долго, долго»...

Вера.

Здесь, в последних подчеркнутых выражениях, почти назван *лунный — светящий свет*, в отличие от *солнечного — греющего, органического*... Да, еще вот слово: *лунный свет — не органический.* А какой? *Спиритуалистический.* Пожалуй, *spiritus* в нас — отражение лунного в каждом свете «девства», частицы которого никто не лишен. В каждом — *оба* пола (от *матери*, от *отца*); поэтому каждый вновь *хочет совокупиться*, но не постоянно же совокупляется, а частью и *девическует*; и вот это «девическует» — и рождает в нем *spiritum*. *Голая* самочность, самочность как *бесконечное* — дала бы непрерывное, постоянное, вечное истечение семени и отделение яйца; в такой мере, как нет и у насекомых и рыб. Но этого нигде нет, ни у кого нет; и *потому* у рыб и у насекомых уже появился *дух, душа, психология*. Появилась — насколько они *гермафродитны*, а не однополые самцы или однополые самки.

Нельзя не отметить также высокой дарovitости автора, не говоря об одушевлении, почти прозелитизме! Как она, девушка просто только образованная, превосходит *ясновидением* суждения профессора богословия в одном из университетов (сообщение С. Ф. Шарпова, в журнале коего напечатана была статья г. *Мирянина*).

Мне следовало в 1-м же издании книги рассказать случаи «лунного света», какие пришлось встретить в жизни. Так, собираешь скрупулезно сведения по книгам, и забываешь, что сам видел.

1) *Случай в гимназии, в 7-м и 8-м классе.* В 7-м классе я остался на 2-й год и здесь вошел в круг нового товарищества, «догнавшего меня» (снизу). Между ними был один, коего назову Н. Семья: мать — вдова профессора; у нее три сына, все учились превосходно, с призванием: один — к математике, другой — к музыке, третий — к филологии, к народному творчеству и проч. Средний, музыкант, и был мой товарищ. Как и его братья, он был здоров и крепок несколько больше, чем «все мы». Усы и борода пробивались чуть-чуть. Рост хороший, кожа белая, никогда ничем не хворал. Пожалуй, при очень упорном всматривании можно бы заметить у него легчайший налет женственности. Молчалив, солиден, задумчив; вечно потихоньку (под партой) исписывал нотную бумагу (композиция).

Он мне передал — и вообще в ближайшем кругу товарищей ни от кого не скрывал, — что всегда, когда может, т. е. почти каждый

день, он, пообедав, уходил к гимназисту 3-го класса мальчику беленькому и хорошенькому, чрезвычайно серьезному и развитому (для своего класса), страшно молчаливому и почти угрюмому. «Что ты делаешь?» — «Ничего. Сидим и молчим». — «Смешно». Он пожал плечами. Мы все до такой степени были дети в этом отношении, что никому и на ум не пришло назвать это «влюбленностью» или «любовью», тогда как на самом деле было, конечно, это чувство. Кажется, раз я видел их на свидании. Оба не речистые вообще, они и тут не разговаривали — иначе как промямлив один другому что-либо незначущее. Но это я не наверное помню, но следующее — твердо помню, ибо с приятелями мы как-то хихикали над этим: в церкви, куда нас всех «водили», мой товарищ стоял немного сзади «того мальчика», и он не отрываясь глядел на него. «Того мальчика», может быть, это чуть-чуть смущало, но немного. Он, кажется, сам не испытывал этого чувства, но мог гордиться дружбой талантливого и во всей гимназии очень ценимого (за успехи и музыку) гимназиста VII-го класса. «Дружба» продолжалась все время до окончания курса, т. е. два года. Затем, кажется, все это рассеялось. Лет через 18 я встретил музыканта. Теперь он был композитор; женат; очень красивая жена его кормила ребенка. «Все исправилось».

Вне всяких имен, понятий и проч., это был, бесспорно, случай Платоновой «*лаидхъ*». К сожалению, как и все подобные факты, он пропал для науки, без воспоминаний, без описаний. Добавлю, что юноша этот (как и братья его) был абсолютно целомудрен, не знал женщин до зрелости, и ни одного «скабрезного» слова (как часто среди гимназистов) я от него не только не слыхал, но этого «и вообразить было нельзя».

Кажется, он никогда не целовал мальчика (в голову не приходило); и наибольшее, что происходило физического, это — кроме «неотрывающегося зрения» — прикосновение руки к руке, задержание руки в своей (при прощании). *Но абсолютно телесного больше ничего не было*, ни как дела, ни как шутки, игры.

2) Преподаватель высшего учебного заведения, холостой, живет в одной квартире с двумя сестрами, будучи связан «духовным супружеством» с одной. Другая сестра — урнинг. Урнинг ли и эта первая, «живущая», — трудно сказать. Все три на «ты». Все три соединились, имея каждому немного за 24 года. С сестрою «в связи» я заговорил: «Почему нет детей?» Она ответила:

«Здесь — *другое основание*. А корень другой — *и весь ствол* другой. Было бы совокупление — родились бы дети, родились дети — потребовалось бы хозяйство. Но с самого начала сближения нашего семья была исключена как возможность и надобность. Она мне так же не нужна, как и ему».

Спальни — разные, хотя без всякого между ними «препятствия» или «отделения». Совокупления — нет, и никем (много друзей, знакомых, родных) не предполагается. Всем ясно, что они «муж и жена» и столь же «не муж и не жена». Супружество как бы довершено и остановилось на степени тесной духовной связи, тесного духовного единства, общности быта, жизни, атмосферы, движений; слышания слов друг друга, походки друг друга, шуршания платья; никто бы (из ближних) не осудил, если бы они совокуплялись, — но явно исключено желание этого. Однако ласки, поцелуи, объятия и, может быть, что-нибудь больше, теснее — есть; но что именно — сказать невозможно. *Оплодотворения нет*.

Обои или, точнее, все три — очень развиты, талантливы, вечно деятельны, все и постоянно много читают и заняты. Все трое любят искусство и любят духовную жизнь, религиозную жизнь.

3) Меня посетил, лет 6 назад, оканчивающий курс военного учебного заведения (по артиллерии) юноша — с целью «поговорить о религиозных вопросах» и спросить о Хомякове и вообще о славянофилах. Удивившись несовместности с военными науками, я, однако, отвечал. С тех пор мы не часто видаемся. Вид: очень крепко; по цвету кожи — как «налит кровью». Мускулист. Рост небольшой. Он мне рассказал, что более всего влечет его церковная жизнь, а ум занимают предметы богословия и нравственные. Но около этого — в суждениях огромная твердость, военная твердость. Ничего рыхлого, «мямлистого», бабьего. Ничего сентиментального, слащавого. Года 2½ назад тому он женился, «по глубокому уважению к девушке, которую дома (отчим и мать ее) не понимали, и иногда грубо обходились». Вообще ей «жилось тяжело», а «девушка она прекрасная». Он мне рассказал, однако, со смущением, горестью и долей гнева на себя, что «еще не муж своей жены» и боится, что это так и останется. «Я ее бесконечно люблю как сестру, но ничего не чувствую как к женщине». «Страстного желания вовсе нет»... Между тем он, читав статьи мои о браке, глубоко проникся благоговением и восторгом к библейской и многоплодной семье. «Но — нет дела». Слова и мысли — есть, «дела» — не выходит. Мне захотелось увидеть и жену его: высокая, красивая, она имела нечто негодующее в себе (она молчалива), в выражении лица и фигуры. «Ну, — нет, что поделаешь». Через 2½ года все продолжается «нет», и он мне сказал, что жена смирилась с этим, глубочайше любя и уважая его, как и он ее бесконечно чтит и любит как брат и друг.

«Аномальных» отношений, вне всякого сомнения, никаких нет. Здоровье обоих — цветущее. Рост, силы — все цветущее (у обоих). Это — «духовное супружество» древних христиан, без малейшего *идейного к нему влечения*, при полном *идейном* сочувствии к плодородной и полной семье.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ АНОНИМА

Мною было послано, в корректурных листах, «Дополнение», печатаемое во 2-м издании «Людей лунного света», — лицу, компетентному во всех этих темах *. Позволю себе привести его возражения, дополнения и поправки.

«Вы печатаете своих «Лунных людей» 2-м изданием. Этот цикл ваших идей для меня, скорее для *ума* моего, — что-то дразнящее, ибо я равно уверен в глубокой правильности и в глубокой учености (? В. Р.) излагаемого вами. Что-то говорите вы глубоко правильно; но глубоко ложно «относите» свое написание не туда, куда следует. Но куда? (следует отнести? В. Р.). — Это-то и не вполне ясно. Но вот несколько тезисов, мотивировать которые слишком долго, но в непоколебимости которых я вполне уверен:

1) в области пола: Ваша схема, выраженная рядом положительных убывающих величин, переходящих в «О» и затем в ряд возрастающих отрицательных величин (самочистия и содомия), — недостаточна, как недостаточна и родственная ей схема Вейнингера ($M + Ж = 1$). *Может* быть текущее, промежуточное состояние

пола — то, которое вы описываете и которым занимается Вейнинггер*, а может быть и состояние высшей мощи и «+» и «—». Это для рассудка, быть может, вздор, но

«Невозможно... несомненно...»

Таков всегда гений, если только он не психопат. Таков гений народ — эллинский. Насколько отвратительна была для него effeminitas (превращение в женщину. В. Р.), настолько же прекрасны та паиδα. Для кого же в особенности? Для мужественных — не спартанцев и всех лакедолопуфилов. Человек вовсе не всегда половая «1», а может быть и «1 000», и «1 000 000», и тогда у него «М не = 1 — Ж», а «= 1 000 — Ж», «10 000 — Ж», «1 000 000 — Ж» и т. д.¹ У Гете есть совершенно несомненное влечение и к своему полу (превосходное описание сего см. в «Правда и поэзия», случай во время купания). Но он — не только женствен, но и весьма мужествен. При этом: гениальность (= дву-полость) дает полноту внутренней жизни и какую-то непрестанную удовлетворенность, внутреннее кипение и бурление, игру, «букет»; а Dreischenformen, т. е. ваши, исследуемые вами субъекты, напротив, всегда недовольны, не могут быть довольны. Таков и автор приведенных у вас «Воспоминаний послушника». «Нытики» всегда таковы; в них не хватает сексуальности, жизни, соков. Из них не брызжет ни старое вино язычества, ни новое — христианства. О. Уайльд — отвратительный тип из вашей коллекции; но Гете, Платон, Сократ и др. не из нее и в нее не вмятятся².

2) В области религии. Явления, описываемые и изучаемые вами, существуют во всех религиях и всегда существовали, даже специально культивировались (в Южной Америке — путем полового истощения и т. п.; оскотления и полускотления и т. д.) явления промежуточных ступеней пола; и в христианстве, лучше сказать — в мире христиан, есть они, но бесконечно меньше и слабее³, как явный привкус чего-то иного, чужого, инородного⁴. Вы противопоставляете христианство (т. е. религию всех народов и менее всего евреев — религию «языков») и Ветхий Завет (религию евреев), но делаете это незаконно, ибо христианство можно противопоставлять религиям, исповедуемым теми же или подобными народами, что ныне исповедуют христианство, т. е. язычникам, но никак не ев-

¹ Эти моей схемой не исключены: «...7, 8...» (до «1 000 000»), с «+» или же с «—», причем крошечный «+» или крошечный «—» противоположного — в том же субъекте — пола никогда не исчезает. В. Р-в.

² Автор, прочитывавший только одно «Приложение» для замечаний, едва ли имел в виду или свежо помнил текст остальной книги. Но, может быть, у автора копошится и кое-что новое насчет пола. В таком случае это чрезвычайно важно. Оставляю для читателей слова письма в том полупонятном виде, как читаю их сам. Будущее дополнит и разберет. В. Р-в.

³ То есть собственно упомянуты «меньше», — изложены, вошли в «догматическое изложение...» Но подспудно как же можно сказать «меньше», когда собственно по степеням отношения к полу все христианство разделилось на церкви: страстно-отрицательное — у католиков, умеренно-отрицательное — у православных, индифферентно-положительное — у протестантов. Здесь я с автором письма совершенно не согласен. В. Р-в.

⁴ Не согласен. В. Р-в.

рейскому¹. Отсюда-то и происходит, что вы, весьма углубленно пронохивая в христианстве некоторые струи «s» (*своеполого* отношения, гомосексуальности) и верно квалифицируя на *природу* (? В. Р.), совершенно ложно определяете их источник, да и не можете определить его точно, ибо *не хотите* смотреть на язычников. А у них-то, да и во всяком фольклоре — это влечение к промежуточным формам, это гнушение плотью, и т. д. Они, испытав все грехи плоти, чувствуют к ней омерзение, хотя (и именно вследствие того, что) не могут подняться *над* нею. Я берусь вам доказать, если угодно, что то, что вы считаете особенностью христианства, было — и было в неизмеримо большей и принципиальной форме — в язычестве.

3) В области духовной христианство, хорошо это или плохо, дает совсем новую стихию (сравнительно?) с только что сказанными: ни — пол, ни — усиление его, ни — смешение, ни — что-либо в этой плоскости, но — подымает в *иные* сферы². Христианство отвлекает от пола? — Да. Но — райскими песнями, а вовсе не смешениями. Истинный монах вовсе не становится женщиной — ничуть; он перестает быть мужчиной³. Что же он? — Ангел, существо иных

¹ Совершенно с этим не согласен; да и из рассуждений автора, где он определяет (далее) христианство как религию *над-полу*, вытекает, что оно противоположно юдаизму и еврейству как религии *священного чадородия*, т. е. религии специфически *половой*. В. Р.-в.

² Ну, если даже и *подымает*, то все-таки ео *ipso* *отделяет* и, следовательно, ослабляет. Действует отрицательно, отталкивающе в отношении пола. Да автор явно и увлекается, ввиду слов о *возлюбленности* «скопчества...». Как-то в конке я ехал с томом подаренной мне колоссальной Синодальной Библии; там же был и вложенный указатель и перечень «*мест*», почему-то только к Новому Завету. Скучая конкой, я, открыв слово «*брак*», перечел по Новому Завету *все места*, где упомянуто «*брак*»: и не нашел ни одного места, где, сильно или слабо, прямо или косвенно, не стояло бы за словами о нем выражения, в котором он все-таки принижается, отталкивается, порицается сравнительно с девством. Это было в 1897 или 1898-м году. Я до того был поражен, что *все места* таковы, что у меня зашемило на душе: «Нет, напрасно я пытаюсь сцепить крючком семью с *Новым Заветом*: только терпится, только допускается, только снисходится. И нужно быть прямо нечестным и начать подтасовывать, «бегать тараканом из угла в угол», чтобы подвести семью, брак, детей «под Покров сюда». Но ведь отсюда необозримые практические последствия, увы — печальные. Но как же автор, сам на это указывающий, говорил выше, будто «христианство еврейству *не противолежит*»?! Совершенно противолежит как «да» и «нет» или, пожалуй, как «любите ли вы ходить в баню» и — «о, конечно, я служу в департаменте неокладных сборов». Христианство и юдаизм взаимно *глухи* друг к другу ет ео *ipssissimo* * смертельно *враждебны* (обрезание — крест, орган обрезанный — адамова голова, т. е. череп, под крестом изображаемый). В. Р.-в.

³ Боюсь, что это словесность, а не *natura rerum* **. Епископ Феофан, ректор СПб. духовной академии, — конечно, прекрасный инок, и, в частности, аскетизм его простирался до отказа принимать к себе в келью-квартиру родных женского пола: но ведь лицо его, рост его, вся его фигура и, наконец, манеры открывают в себе сущую девушку, сокрытую под мужским (небольшая борода) образом.

измерений¹, абсолютно *несоизмеримое* с нашим миром, ни мужским, ни женским. Если же райских песен нет, то он — то, что был, или вроде того, т. е. либо муж, либо полумуж, либо двуполый, одним словом, то, чем он был бы естественно, в язычестве. Но райские песни не прибавляют и не убавляют в нем женственности. Однако легко допустить, что *бытовые* условия (не онтология) гонят в монастыри тех, кто не находит себе места в миру, вследствие неспособности к браку, т. е. что *часто* монастырь служит не местом подвига, а — убежищем для «бесполого».

Так — по *существу* дела. А практически, *бытовым* образом, христианство *ущеломудривает*, т. е. делает его (человека? всякого? В. Р.) *цельным* в том положении, куда он имеет метафизическое самоопределение — к браку ли, к безбрачию ли. Оно, если хотите, делает крепким пол у того, кто «может вместить» *его*, пол, и делает крепким бесполое у того, кто может вместить последнее². Самое место («могий вместить»), как вы знаете, двузачно и может

Также, когда печатались в последние годы портреты разных «Иванушек»-трезвенников, увлекавших народ — все *непременно безбрачных*, — я поражаюсь этой одностонностью все почти *девичьих лиц*. Конечно, тут нужны, однако, галереи портретов. И со временем такие галереи будут собраны и изданы. В. Р-в.

¹ Да ведь и я провожу везде в книге, что монах «несоизмерим» с остальным человеческим миром, но потому несоизмерим, что у него самец и самка «равноденственные», что он «экватор» человеческого рода, не принадлежащий ни к мужскому полу, ни к женскому, что в нем не «М + ж», а «М + Ж», говоря языком Вейнингера. В. Р-в.

² Страшимся, не *слово* ли это только. Однако кое-что действительно брезжит такое... Бытовым образом, семейственность и плодородие ведь процветает весьма и весьма у многих истовых крестьян, истовых купцов; но обратим внимание особенно на духовенство. «Антихристианство», конечно, никому здесь и в голову не приходит; но посмотрите на необыкновенную *крепость породы* у духовенства, у иереев, у диаконов, у прежних дьячков; а крепость породы и обилие детей, притом даровитых — это уже *signum** могучей самочности. Как-то, думая «хоть к концу обедни попасть» и поставить свечку, я торопливо вошел в церковь на Загородном, близ Гороховой; но опоздал, обедня кончилась, и церковь (огромная) была пуста. Громко разговаривая (гулко отдавалось) выходило, в осенних рясах несколько лиц из служившего иерейства и диаконаства. Я быстро подошел к ящику, взял 1—2 свечи, поставил перед образами, положил поклоны и вышел. Но обомлел на паперти (очень высокая, почти в рост человека, лесенкой): сойдя с нее, разговаривали — очевидно, перед тем, как проститься и разойтись — два иерея. Оба были не старше 40-ка лет; оба были очень велики ростом; оба были очень черны, черноволосы, при белом прекрасном лице. С волосами, на плечах лежащими, они положительно являли *образец мужской красоты*. От них трудно было глаз оторвать — «и говорили бы вы, говорили» и «глядел бы я на вас, глядел». Потом ведь число детей у духовных, «в живых», нередко переваливает за 11, а больше 5-ти — сплошь. Бездетных семей — почти нет. Если, далее, посмотреть (в удачных случаях) на «матушку», то всегда она являет в самом теле и в достоинстве важных манер что-то священное. «Не затанцует» и не «завертится»... И, конечно, если уж

быть равно относимо к браку и безбрачию,— даже по контексту относится скорее к первому. Но что брак в христианстве бесконечно труден — это так, и, мне думается, если говорить так — так это не против монашества, а против духовной аристократичности *всего* в христианстве: оно — для избранных. Кстати, так именно, как говорю я, т. е. в отношении к *браку*, понимает текст «могий вместити» известный профессор М. Д. Муретов и епископ Антоний (Флоренсов) *, живущий на покое в Донском монастыре, в Москве,— человек в высшей степени духовный, мудрый и прозорливый.

Но как бы то ни было, есть *подозрительность* к полу в общечеловеческом сознании, у всех народов, во все времена. «Похабщина», т. е. цинизм в отношении пола, всегда и всюду существовавшая, доказывает совершенно определенно, что всегда и везде затрагивать пол¹, хотя бы в разговоре, было щекотливо, что от этого смущались, что этого стыдились. Вот эта сторона пола, нечто для общенародного сознания темное в нем (как в гоголевской русалке-мачехе) и послужило источником возникновения общенародной безразличности к полу, выразившейся в создании монастырей, безбрач-

в *ком*, то в «матушках» просвечивает лицо древней «Mater deorum», «Mater Magna» ** и т. д., а никак не в претендующих на это декадентах, не способных родить даже таракана. Нельзя не думать, что хотя часть этого относится как к первопричине своей к размеренности у духовенства совокуплений. «Нельзя в посты, постные дни, и — накануне церковной службы», т. е. *можно* в воскресенье, понедельник, вторник, четверг. Что же получается? Кажется — только дни «запрещений». Но «запрещенное» естественно не осязается: просто — «нет ничего». Поэтому на самом-то деле пол осязает только дни и вечера и ночи «позволения», как нечто «*уставно-положенное*». Входит в душу нечто от ветхозаветной субботы, входит не как вербальное впечатление, а как деловитое повиновение заповеди — «оплодотворяйтесь, множьтесь». Этот положительный, ясный, открытый, «по уставу», и вместе — разреженный (выпали постные дни и посты) характер совокуплений породил все изумительное здоровье и изумительную житейскую стойкость нашего духовенства... «Одна на всю жизнь жена», полное (фактически) запрещение развода, какая-то бытовая неразрешимость вдовам-матушкам вступать во второй брак, и другие мелочи, хотя индивидуально мучительные, хотя законно не мотивированные, — однако все сошлись в один угол: что остался хотя *где-нибудь*, в *одной частице* христианского населения, древний *герос уаюс*, «священнобрачие», не по *предшествующему обряду*, а по *характеру течения*. Совсем другое самоосознание, само-обоняние, само-вкушение, само-мышление, само-воображение!!! Тут бы еще подлить нечто от «Песни песней»... нечто от омовений... из немного «священных курений»... Но так трудно, в христианстве, изречь *словесно-положительное*. Ведь и в духовенстве все совершилось «бытовым образом», все вошло «фольклором», а не через «Свод законов». В «Своде законов» указаны только «нельзя» (дни)... Может быть, только через 500 лет зазвучит и в законе: «следует», «должно», «желанно». В. Р-в.

¹ «Трогать его» так же нельзя, как «трогать», обнажать, выводить «к свету» и «на открытый воздух» корни растений, деревьев. Вредно, убивает и, наконец, «грязно» (копаться в земле). Отсюда всемирный инстинкт отвращения к такому «копательству около корней». В. Р-в.

ного духовенства и т. д., *вне* христианства,— и кое-что отсюда, из *готового, бытового* образом, перешло к нам (католический целибат и т. п.)¹.

Мне хочется рассказать вам нечто об авторе напечатанных (стр. 144) у вас «Воспоминаний», которого и я знал. Это по наружности очень неуклюжий, худощавый и высокий человек. Но собственно *женского*² в лице ничего особенного нет. Теперь здоровье его весьма пошатнулось, память ослабла, внимание ему трудно сосредоточивать на изучаемом; но ранее способности его были превосходны: сообразительность, память, интерес — все отлично, и вообще какая-то врожденная (говорю о крестьянине, заметьте) интеллигентность. Явное уклонение от ручного труда, мало, думается мне, любви к природе, но весьма большое стремление и вкус к труду умственному, к учительскому слову, к изобретению и к чтению книг, к эстетике, искусственной жизни³. Сердцем он весьма добр, нищелюбив (и его любят нищие), охотно всем помогает, услужлив. Не любит, не выносит грубостей⁴, пошлостей, руготни,

¹ Если бы *только* так, т. е. не принципиально... Но не будем спорить, до того удобна и «спасительна» эта точка зрения. Следуя ей, нужно бы стремиться к справедливым и неизбежным переменам в церкви, особенно касательно брака, и не юридическим способом, а бытовым способом, все погашая и умягчая вражду и преследования к «нарушениям» закона, слишком от древности «жестоковывные». Мне, напр., известен случай, когда один вдовый священник никак не мог расстаться с любимой им женщиной, с которой он жил. Тогда епископ местного града — лицо высокого (общерусского) авторитета, — узнав все от священника, пожалел его и сказал: «Ну, что делать, я вас переведу в глухой приход, и там *разговоров не будет*». Т. е. позволил епископской властью. Другой подобный случай был с одним юннорусским епископом: его полюбила одна (увы, замужняя) женщина и, оставив мужа (чиновника не крупного), следовала за епископом, куда его ни переводили. Мне передавали о грубых словах («возите с собой *бабу*»), в которых кричал на него Победоносцев, уволивший его «на покой». Но другие епископы мне о нем говорили, качая головой: «И какой он *прекрасный* человек, воспитанный, деликатный, к священникам был милосердый». Явно, не будь светского гонения, они «товарищеской иерархией» смежили бы глаза на «случай» и «исключение». Точно так же следует, «не споря с канонами» и не «нарушая закон», — вообще погрязнуть в темноту и безмолвие «случай», никогда не расторгать счастливых супружеств, как бы «неправильно» они ни были заключены, и расторгать все несчастные; внебрачных детей «привенчивать» (как было *постоянно* до Петра Великого)... Века через два тогда картина семьи вовсе бы изменилась, и изменилась без всякого «консистерского скрипа» около нее. Последний идеал, однако, полное восстановление библейской семьи, библейского многочадия, гладкости и тишины. Сюда надо внести правило: «надломленной трости не преломи». В. Р-в.

² Ведь он *активный* и, след., женского в нем ничего и не должно было быть. В. Р-в.

³ Вот люди или, вернее, *категория* людей, которые и по Библии «первые изобрели музыкальные инструменты», и мастерство «ковать», и построили «города»... В. Р-в.

⁴ Совсем «начало цивилизации»: эй, да ищите же вы, историки, начало великих городов и замечательных царств не в «преимущест-

очень терзается даже одним неприветливым словом и несколько дней не может после успокоиться.

На свою особенность («S») он смотрел сперва просто, но чем более приглядывался к себе самому и к людям, ему подобным в половом отношении, тем более отворачивался от своей организации, ужасался своих влечений и теперь не может говорить о них без слез и содрогания. Чувство глубокой оторванности от всего человеческого, от чина природы, от естества — не покидает его, и на лице его всегда какая-то тень, тревога, печаль. Это совсем не чувство сердечного покаяния (есть у него и оно), но внутренний протест и темная тайна. Что есть *что-то за ним*, это, как я заметил, чуют люди; и многие, особенно женщины, выражали мне о нем свое недоумение: — «Что-то есть на душе». — «Что с ним такое». — «Совест не чиста». А он сам говорил мне не раз, что посторонний взгляд сего не усматривает и не усмотрит, но они, «свои» с первого же момента угадывают своего: «какая-то словно искра проходит» и неудержимо начинает влечь к греху, вопреки воле, рассудку, убеждениям и даже чувству. Но, по его словам, у всех людей такой организации на лице словно «каинова печать», и по ней-то он и понял, что их жизнь — Богопротивная, мерзкая, преступная, хотя и сам не может сказать, в чем именно она такова, или, лучше сказать, его объяснения слишком формальны и заимствованы из «нравоучения». Он уверен, что с женитьбой все это пройдет, и именно из-за этого очень хочет женитьбы. Но остается в тяжелом материальном положении, избалованный монастырем, тоже не решается и мечется, не находя себе покоя, и страдает ужасно. Довольно давно уже послушник этот решил во всяком случае отворотиться от *тех* своих влечений, и держится на *этом*, кажется, без слишком больших усилий.

Несколько слов еще о препод. *Моисее Угрине*¹. Уверены ли вы в вашем толковании? Не слишком ли это — не верить прямому свидетельству его самого: «Могу, но не стану», и утверждать — «не может»? Мне думается, прежде всего, что *всякий мужчина* — именно мужчина, а не полу-женщина — поступил бы так, ибо мужчина в высшей степени не позволяет женщине *звать* его и, в особенности, *требовать* его². Мужчина может быть насильником, может

венном географическом положении реки Тибра», а в урнингах, в средних формах пола, в странном осложнении их *талантом*, музыкальностью и художеством. *В. Р-в.*

¹ Со всем объяснением касательно преп. Моисея Угрины я глубоко согласен. Прежде всего почтим его страдание, вспоминая поистине при них припев к чтениям 12-ти Евангелий в Великий Четверг: «Слава долготерпению Твоему, Иисусе»... Мне было и самому неприятно это писать, и я рад отказаться от всякого нареkania или подозрения в аномальности Преподобного. Но одно — он, и другое — *окружающие слова* около него писателя «Жития». Случай *естественного* сопротивления мужчины перед бесстыдной бабой переведен, благодаря *неосторожной* речи, в какое-то чисто уранистическое исповедание вражды вообще к жёности, к бабству, к женственности, и это положительно несносно, еретично и было исторически глубоко *вредно*. *В. Р-в.*

² Глубоко верно! Даже «звать», именно... И настоящая «женственность», вот нежнейшая и страстнейшая, никогда не «позовет», а только тихо ожидает... Но «тихие ожидания» ее через воздух передаются мужчине: и это сильнее всяких зовов. *В. Р-в.*

быть, слегка (*мне делали признания*) — всегда насильник. Но именно потому он, будучи агрессивен, не терпит ни малейшей агрессивности в женщине и ищет в ней лишь пассивности, страдательности. Для мужчины не «чистого», с примесью бабоватости, требуется, чтобы не он насилдовал, а *его* насилдовали, насилдовала женщина. Он хочет не требовать, а лишь сдаваться, быть взятым, чуть не принужденным. Но настоящий мужчина в высшей степени оскорбляется даже намеком на то, что инициативу может проявить не он, а женщина, и если она будет настойчива, то мужская гордость будет прямо пропорциональна квадрату ее настойчивости. Мужественность тогда будет возрастать гораздо быстрее, чем женское алкание, и возбуждаемая, тоже усиленно, чувственность, и будет настолько обгонять последнюю, что вместо притяжения будет все усиливающееся отталкивание. Современная психопатология приводит поразительные примеры, как известная идея или чувство, раз начав парализовать какое-либо естественное влечение, крепнет до такой степени, что даже голод и жажда, сон и половое влечение и т. п. оказываются задержанными на долгое время; и лишь специальное уничтожение задерживающей идеи или чувства возвращает в нормальное состояние угнетенную функцию. Однако эта задержка функции может длиться месяцы, годы и даже всю жизнь. Так у мужчины, раз мужская гордость затронута, половое влечение будет парализовано, и чем больше будет насилия над мужчиной, тем несокрушимее будет его отпор. У препод. Моисея было сперва затронута его религиозное убеждение, что незаконна связь; была затронута гордость его рабством; было чувство непристойности состоять в весьма двусмысленном положении раба-удовлетворителя *похоти* взбалмошной хозяйки. Если бы она отнеслась к этому спокойно и осторожно и была сама скромнее, слегка намекнув ему, что он может жениться на ней, то очень может быть, что Моисей почувствовал бы влечение к ней и все обошлось бы благополучно. Но когда его хватают, требуют, подкупают, оскорбляют, пытаются, — что, скажите, оставалось ему делать, как не то, что сделал он? Да, именно «могу, но не хочу». «Не стану... убирайся... Лучше умру, чем коснусь тебя»... Дивлюсь кротости преподобного: *этим* он святой, а не воздержанием. Всякий другой на его месте не то бы ответил подобной особе. И ничуть не содомит Иосиф, когда жена Пентефрия искушала его, в негодовании вырвался от нее; когда же *сам* он действовал, тогда он был силен: доказательство сему — дети его. Осмелюсь думать, что и В. В. Розанов, если бы его схватила на улице какая-нибудь особа, и, то предлагая денег, то колотя по голове зонтиком, стала требовать, чтобы он лег с нею, и это нахально, громогласно, перед всеми, — то В. В. обругался бы и плюнул, предпочитая попасть в участок по наговору навязчивой особы, чем в ее будуар. Не так ли? «Кровь в нем не взыграла», — пишете вы. Да у кого она «взыграла» бы (если он не совсем потерял человеческое подобие), когда его то подкупают, то бьют, то позорят, чтобы заставить ее «взыграть»¹.

¹ Совершенно основательно; в статье «В мире образов и подоби» (см. книгу «В мире неясного и нерешенного») я сам же указываю, что если в дверь постучат и просят: «Где спички?» — то уже настроение у запершихся в комнате падает, и «что было желанно» — становится «невозможно». Вообще «не *будете* любовь» — обобщенный канон. Отсюда — «покой» субботы, исключение на целых 24 часа всякой заботы, всякой работы, *всякой посторонней мысли*... Ну,

Я вам скажу еще несколько слов вне очереди и порядка, возникших у меня при чтении вашей корректуры. В монашестве, которое носит *одну* «форму» и повинует *тому же* «уставу», есть тоны, и тоны, одна душа и другая душа. В К-ской губ., в Н-ском монастыре, мне привелось знать одного затворника высокой жизни и подвига. Жил он верстах в 15 от монастыря, и ходило к нему множество народа, вообще авторитет он имел великий. Но, несмотря на этот авторитет, по существу он вовсе *не* «из монахов». В своем губернском городе он был дьяконом, потом священником, были у него жена и дети. Когда дети обзавелись собственными семьями, а жена умерла, он в возрасте уже 55 лет ушел в «Пустынь», а потом и в затвор. Выходит, и то вопреки своему желанию, по послушанию начальству, из затвора один день в неделю и исповедует и наставляет приходящий к нему народ целую ночь напролет; а потом опять на шесть суток уходит в свой затвор. Теперь это уже ветхий старец, и нужно серьезно подумать о том, как велик его подвиг. Но... хотя и все в нем безупречно, однако нет благоухания о. Леонтия и старца Кирилла в Н-ском монастыре. Те, и неважное говоря, сопровождают слова еле слышным аккомпанементом «гармонии сфер», а этот и важное говорит *без* музыки. Это непередаваемо. Но пред теми умиляешься, а этого уважаешь, тех «обожаешь», а этого «обсуждаешь». В нем чувствуется не плохой и не хороший монах, а превосходный и добродетельный мирянин. И невольно думается о скучных песнях земли.

На стран. 146 вы говорите: «Почему прелюбодеяние супругов карается строго церковью, а извращенные формы пола отпускаются на исповеди легко?» Но ведь страдает в первом случае *семья*, невинные, а во втором случае только виновные или виноватые¹,

вот, и все хорошо обошлось с Моисеем Угриным, и слава Богу. Праведники суть праведники, и «делают» ли что — хорошо, и если «не делают» — тоже хорошо. И вообще «хорошо» с ними и вокруг них, и это и есть *суть праведности*. По чему же и как «праведность» мы узнаем и начинаем различать от «неправедности», как не по *лицу прекрасного человека*, которым мы *прежде всего* восхищены, и уже *потом* называем «праведным» слова его, дела его... А Моисей был воистину прекрасен. В. Р-в.

¹ Высокоспособный Аноним рассуждает то как Платон в Афинах, то как член консистории в Петербурге: и в сих словах и ниже он, «обожая» предмет свой, отрицает, чтобы ему необходимо было умыться поутру. Будем *реальны прежде всего*; ибо *реальность* (в сей сфере) есть прежде всего *жалость*. «Прелюбодеяние, по вине коего расторгается брак» (с эпитимьей), никогда не бывает «случаем в гостинице»: это лишь фиктивно и на суде, через лжесвидетелей; на самом деле эта унижительная фикция прелюбодеяния продлевается, когда семья распалась вследствие *наступления вновь могучей любви*: и вот эпитимия на 7 и даже на 3 года зарезывает эту новую любовь на могиле прежней любви, гасит зарю новой жизни и повергает людей прямо в задыхание, отчаяние и иногда в самоубийство (см. в «Семейном вопросе в России» письма Ен-лова, где «разводимые» 10 лет ждали, и «уже все у нас перегорело, и когда женились — родили одного ребенка, и хотя живем вместе с нею, *между собой уже не живем и почти не жили*»). Это же ужасно: погребены «задержкой» двое, и никому не в радость, потому что первая жена сама сблизилась у него с другим, а детей у них не бы-

которые наказуются *ipsa re* *. Церковь защищает семью («чтобы другим повадно не было»), жену, детей, ибо прелюбодеяние есть всегда род *убийства* их; но Церковь не насилует просто грешника: «спасайся о Господе» (из чина пострижения по окончании пострига), «не спасешься — тебе же хуже». Вы можете не соглашаться с целесообразностью строгих эпитимий прелюбодеям — не стану спорить; но зачем видеть вражду там, где действует любовь (гм, гм... В. Р.). Затем, разве можно сопоставить официально назначаемые эпитимьи разводящимся с тайно назначаемыми за содомию? Там их назначают по закону, а здесь по милости (ну, а плечи-то несут одни. В. Р.). Кайтесь в прелюбодеянии пред старцем, он тоже не назначит вам 7-летней эпитимии. Заявите о содомии в суде, и тогда опять получится суровая кара¹.

На стр. 150 вы пишете о порядочности в «S». Да, по крайней мере относительно автора «Воспоминаний», скажу по личному наблюдению, — весьма порядочен, очень любит детей (это против вас) и дети его очень любят, умеет обходиться с ними, ищет возиться с ними, никак и ничуть в нем нет монашеской жестокости. Знаете, мне думается, что монашеская жестокость чаще всего бывает от нечистой совести и озлобления на себя². Меня более открытые монахи уверяли, что без половых пороков живут очень-очень немногие из них. И вот люди мнящие о себе, не смиренные, начинают ожесточаться на себя и на других (Пушкинский «Анджело»).

На стр. 151 вы именуете совокупление физиологическим гипнозом (это *ad lectorem*, для ясности читающему. В. Р.). Пожалуйста, измените это выражение, ибо если так, то совокупление осуди-

ло. Но рассуждение автора в том отношении любопытно и важно, что показывает «складывание в истории вообще подобных рассуждений, где «язык без костей не ломится» и «писали, что хотели», только чтобы закруглить вечную в христианстве формулу «любви» — но без любви, потому что без соответствия с действительностью. Идеализм — жесток, даже когда это есть идеализм любви. Возвращаясь к идее, что «надо умыться поутру», скажем по адресу Анонима, и сонмов таких увлеченных, таких пылающих ревностью к Церкви, что остается вечною заповедь — «не сотвори себе кумира», не сотвори его даже из церкви... «Ни на земле, ни на верху-горе, — сказано, — ни под землей, ни на небесах». Ах, это учение о «кумирах»: оно одно защищает свободу человека на земле и счастье человека в жизни. Я понимаю: надо — чтить, наконец — прекрасно чтить. Но тут какая-то, иногда в тумане, граница, которую необходимо нащупать, не нащупав которой мы погибли. В. Р.-в.

¹ Да, это все так... и судов бы в браке, как в таинстве, вовсе не надо: все «начинал бы» и «кончал» местный батюшка в приходе. Тогда бы не было ни волнений, ни язв. В. Р.-в.

² Золотые слова. Я думаю, вообще всякая жестокость, мировая жестокость есть наружу выходящая злоба на свой грех: но как нельзя же «себя за бороду драть», то обычно дерут другого. Тут, не говоря о морально-церковном мире, об инквизиции, и «муза, мести и печали», и «громы» обличения Щедрина, и «Дума народного гнева» (1-я Госуд. Дума). Возненавидели землю свою, возненавидели ее калиновской злобой: но чем удавиться бы, «трясаясь и степая», вошли в редакцию журналов и газет, вошли на кафедру Думы, и — «ату ее, мать родную землю». Все это — Анджело, и не более как Анджело. Но как гениален Пушкин в этом очерке. В. Р.-в.

тельно. Да и не выражает сути дела. Скорее — «взаимное питание» веществами, недостающими каждому полу. В статье проф. А. Ф. Бранда «О Браунсекаровском способе лечения» («Врач», 1893 г., №№ 35, 38) говорится о взаимном питании полов через совокупление (вполне согласен.— В. Р.).

И еще последнее NB: знаете ли, что «извращения» всех родов вообще распространены у всех животных (мне говорил это Л. К. Попов, «Эльпе» Н. Вр.— В. Р.). Об этом я читал когда-то целую книгу, но сейчас забыл имя автора. Она на русском языке. Если нужно, вспомню (очень бы любопытно.— В. Р.).

Аноним»

УЕДИНЕННОЕ

Шумит ветер в полночь и несет листы... Так и жизнь в быстротечном времени срывает с души нашей восклицания, вздохи, полумысли, получувства... Которые, будучи звуковыми обрывками, имеют ту значительность, что «сошли» прямо с души, без переработки, без цели, без преднамеренья — без всего постороннего... Просто — «душа живет»... то есть «жила», «дохнула»... С давнего времени мне эти «нечаянные восклицания» почему-то нравились. Собственно, они текут в нас непрерывно, но их не успеваешь (нет бумаги под рукой) заносить, — и они умирают. Потом ни за что не припомнишь. Однако кое-что я успевал заносить на бумагу. Записанное все накапливалось. И вот я решил эти опавшие листья собрать.

Зачем? Кому нужно?

Просто — мне нужно. Ах, добрый читатель, я уже давно пишу «без читателя», — просто потому, что *нравится*. Как «без читателя» и издаю... Просто, так нравится. И не буду ни плакать, ни сердиться, если читатель, ошибкой купивший книгу, бросит ее в корзину (выгоднее, не разрезая и ознакомившись, лишь отогнув листы, продать со скидкой 50 % букинисту).

Ну, читатель, не церемонюсь я с тобой, — можешь и ты не церемониться со мной:

— К чёрту...

— К чёрту!

И аи гевоиг до встречи на том свете. С читателем гораздо скучнее, чем одному. Он разинет рот и ждет, что ты ему положишь? В таком случае он имеет вид осла перед тем, как ему зареветь. Зрелище не из прекрасных... Ну его к Богу... Пишу для каких-то «неведомых друзей» и хоть «ни для кому»...

Когда бывало меня посещали декаденты — то часу в первом ночи я выпускал их, бесплодных, вперед, — но задерживал последнего, доброго Виктора Петровича Протейкинского (учитель с фантазиями) и показывал между дверями...

У человека две ноги: и если снять калоши, положим, пятерым — то кажется ужасно много. Между дверями стояло такое множество крошечных калошек, что я сам дивился. Нельзя было сосчитать скоро. И мы оба с Протейкинским покатывались со смеху:

— Сколько!..

— Сколько!..

Я же всегда думал с гордостью «*civis romanus sum*». У меня за стол садится 10 человек, — с прислугой. И все кормятся моим трудом. Все около моего труда *нашли место в мире*. И вовсе *civis rossicus* * — не «Герцен», а «Розанов».

Герцен же только «гулял».

*

Перед Протейкинским у меня есть глубокая и многолетняя вина. Он безукоризненно относился ко мне, я же о нем, хотя только от утомления, сказал однажды грубое и насмешливое слово. И оттого, что он «никогда не может кончить речи» (способ речи), а я был устал и не в силах был дослушивать его... И грубое слово я сказал *заочно*, когда он вышел за дверь.

* * *

Из безвестности приходят наши мысли и уходят в безвестность.

Первое: как ни сядешь, чтобы *написать то-то*, — сядешь и напишешь *совсем другое*.

Между «я хочу сесть» и «я сел» — прошла одна минута. *Откуда же эти совсем другие мысли на новую тему, чем с какими я ходил по комнате и даже садился, чтобы их именно записать...*

* * *

Сев задом на ворох корректур и рукописей и «писем в редакцию», М. заснул:

И снится ей долина Дагестана:
Лежал с свинцом в груди... *

Сон нашего редактора менее уныл: ему грезятся ножки хорошенькой актрисы В-ской, которая на все его упрямства отвечает:

Но я другому отдана,
И буду век ему верна.**

Вопрос вертится, во сне, около того, как же преодолеть эту «Татьянину верность», при которой куда же деваться редакторам, авиаторам, морякам и прочим людям, не напрасно «копящим небо»?

*

Открываю дверь в другой кабинет... Роскошно отделан: верно, генерала М. В кресле, обшитом чудною кожей темного цвета, сидит Боря. Сидит без сюртука, в галстуке и жилете. Пот так и катится... Вспоминает, как пела «Варя Панина» и как танцевала Аннушка. *** Перед ним длинная полоса набора.

— Ты, Боря, что это читаешь?

— «Внутреннюю корреспонденцию».

— Чего же ты размышляешь? «Одобри» все сразу.

— Нельзя. В номер не влезет.

— Так пошли ее к матери...

— Тоже нельзя. Читатель рассердится.

— Трудное дело редакторское. С кем же мне отправляться?..

(в нашей редакции).

* * *

Как будто этот проклятый Гутенберг **** облизал своим медным языком всех писателей, и они все обездушились «в печати», потеряли лицо, характер, мое «я» только в рукописях, да «я» и всякого писателя. Должно быть по этой причине я питаю суеверный страх рвать письма, тетради (даже детские), рукописи — и ничего не рву: сохранил, до единого, все письма товарищей-гимназистов;

с жалостью, за величиной вороха, рву только свое,— с болью и лишь иногда.

(вагон).

* * *

Газеты, я думаю, так же пройдут, как и «вечные войны» Средних Веков, как и «турнюры» * женщин и т. д. Их пока поддерживает «всеобщее обучение», ** которое собираются сделать даже «обязательным». Такому с «обязательным обучением», конечно, интересно прочитать что-нибудь «из Испании».

Начнется, я думаю, с *отвычки* от газет... Потом станут считать просто неприличием, малодушием («*parva animata*») чтение газет.

— Вы чем живете? — А вот тем, что говорит «Голос Правды» *** (выдумали же!)... или «Окончательная Истина» (завтра выдумают).— Услышавший будет улыбаться, и вот эти *улыбки* мало-помалу проводят их в могилу.

Если уж читать, то, по моему мнению, только «Колокол»,— как Василий Михайлович, подражая Герцену, выдумал издавать свой орган ****.

Этот Василий Михайлович во всем красочен. Дома (я слышал) у него сделано распоряжение, что если дети, вернувшись из гимназии, спросят: — «Где папа», — то прислуга не должна отвечать. «барина нет дома», а «генерала нет дома». Это, я вам скажу, если на Страшном суде Христовом вспомнишь, то рассмеешься.

Василия Михайловича я всегда почему-то любил. Защищал его перед Толстым. И что поразительно: он прост, и *со всеми прост*, не чванлив, не горд, и вообще имеет «христианские заслуги».

Неразрешим один вопрос, т. е. у него в голове: какой же земной чин носят ангелы? Ибо он не может себе представить ни одного существа без чина. Это как Пифагор говорил: «Нет ничего *без своего числа*». А у В. М.— «без своего чина», без положения в какой-нибудь иерархии.

Теперь еще: этот «генерал» ему доставляет столько бескорыстного удовольствия. России же ничего не стоит. Да я бы из-за одного В. М. не позволил отменить чинов. Кому они приносят вред? А штафирок ***** довольно, и ведь никому не запрещено ходить с «адвокатским значком». Почему это тоже не «чин» и не «орден»? «Заслуже-

но» и «социальный ранг». Позвольте же Василию Михайловичу иметь тот, какой он желает. Что за деспотизм.

Иногда думают, что Василий Михайлович «карьерист». Ни на одну капельку. Чин, службу и должность он любит как *неотделимое души своей*. О нем глубоко сказал один мудрый человек, что, «размышляя о том, что такое русский человек, всегда нужно принять во внимание и Василия Михайловича». То есть русский человек, конечно, — не только «Скворцов», но он *между прочим* — и «Скворцов».

(за нумизматикой).

* * *

«Конец венчает дело»... показывает его *силу*; Боже, неужели договорить: «и показывает его *правду*»?... Что же стало с «русской реформацией»?!! Один купил яхту, другой ушел в нумизматику, третий «разлетается по заграницам»*... Епископы поспешили к местам служения и, слышно, вместо былой «благодати» ссылаются на последний циркуляр министерства внутренних дел. Боже, что же это такое? Кое-кто ушел в сектантство, но посылает потихоньку статьи в «Нов. Вр.», не расходясь отнюдь с редакцией *в остром церковно-писательском вопросе* (по поводу смерти Толстого). Что же это такое? Что же это такое?

Казнить?

Или сказать с Тургеневым: «Так кончается все русское»...

(за нумизматикой, 1910 г.).

* * *

Посмотришь на русского человека острым глазком... Посмотрит он на тебя острым глазком...

И все понятно.

И не надо никаких слов.

Вот чего нельзя с иностранцем.

(на улице).

* * *

Стоят два народа соседние и так и пылают гневом: — Ты чему поклоняешься, болван?! — *Кумиру*, со-

деянному руками человеческими, из меди и дерева, как глаголет пророк (имярек) в Писании. Я же поклоняюсь пречистым *иконам*, болван и нехристь...

Стоит «нехристь» и хлопает глазами, ничего не понимая. Но напоследок испугался, снял шляпу и со всемордовским усердием зёмно поклонился перед Пречистым Образом и затеплил свечку.

Иловайский написал новую главу в достопамятную свою историю: «Обращение в христианство мордвы, вотяков, пермяков».

Племянник (приехал из «Шихран», Казанской губ.) рассказывал за чаем: «В день празднования вотяцкого бога (кажется, Кереметь), коего кукла стоит на колокольне в сельской церкви, все служители низшие, дьячок, пономарь, сторож церковный, запираются под замок в особую клеть и сидят там весь день... И сколько им денег туда (в клеть) вотяки накидают!!! Пока они там заперты, вотяки празднуют перед своим богом...» Это — день «отданья язычеству», как у нас есть «отданье Пасхе». Вотяки награждают низших церковнослужителей, а отчасти и со страхом им платят, за то, что они уступают один день в году их «старинке»... В «клетях» православные сидят как бы «в плену», в узилище, в тюрьме, даже (по-ихнему) «в аду», пока их старый «бог» (а по-нашему «черт») выходит из христианского «узилища», чтобы попраздновать со своим народцем, с былыми своими «поклонниками». Замечательный обычай, сохранившийся до нашего 1911 года.

* * *

Наша литература началась с сатиры (Кантемир), и затем весь XVIII век был довольно сатиричен.

Половина XIX века была патетична.

И затем, с 60-х годов, сатира опять первенствовала.

Но никогда не была так исключительна, как в XVIII.

Новиков, Радищев, Фонвизин, затем через $\frac{1}{2}$ века Щедрин и Некрасов имели такой успех, какого никогда не имел даже Пушкин. В пору моих гимназических лет о Пушкине даже не вспоминали — не то чтобы его читать. Некрасовым же зачитывались до одурения, знали каждую его строчку, ловили каждый стих. Я имел какой-то безотчетный вкус не читать Щедрина, и до сих пор не прочитал ни одной его «вещи». «Губернские очерки» — я даже самой статьи не видел, из «Истории одного горо-

да» прочел первые 3 страницы и бросил с отвращением. Мой брат Коля (учитель истории в гимназии; человек *положительных идеалов*) *, однако, зачитывался им и любил читать вслух жене своей. И вот, проходя, я слышал: «Глумов же сказал»... «Балалайкин отвечал»: и отсюда я знаю, что это — персонажи Щедрина **. Но меня никогда не тянуло ни дослушать, что же *договорил* Глумов, ни самому заглянуть. Думаю, что этим я много спас в душе своей.

Этот ругающийся вице-губернатор *** — отвратительное явление. И нужно было родиться всему безвкусию нашего общества, чтобы вынести его.

Позволю себе немного поинквизиторствовать: ведь не пошел же *юноша*-Щедрин по судебному ведомству, в мировые посредники, не пошел в учителя гимназии, а, как Чичиков или Собакевич, выбрал себе «стул, который не проваливается» — министерство внутренних дел. И дослужился, т. е. его все «повышали», до вице-губернатора: должность не маленькая. Потом в чем-то «разошелся с начальством», едва ли «ратуя за старообрядцев» или «защищая молодых студентов», и его выгнали. «Обыкновенная история»...

Он сделался знаменитым писателем. Дружбы его искал уже Лорис-Меликов ****, губернаторы же были ему «нипочем».

Какая разница с судьбой Достоевского.

(за нумизматикой).

* * *

С бороденочкой, с нежным девичьим лицом, А. П. У-ский копался около рысы, что-то тыкая и куда-то не попадая.

— Вам булавок? Что вы делаете?

— Не надо. С собой взял. А прикрепляю я медаль с портретом Александра III, чтобы идти к митрополиту. И орден.

Наконец, вот он: и крест, и портрет Царя на нем. Стоит, улыбается, совсем девушка.

Как я люблю его, и непрерывно люблю, этого мудрейшего священника наших дней, — со словом твердым, железным, с мыслью прямой и ясной. Вот бы кому писать «катехизис».

И сколько веков ему бытия — он весь «наш», «русский поп».

И вместе он из пророческого рода, весь апокалипсичен. Вполне удивительное явление.

Хочу, чтобы после моей смерти его письма ко мне (которые храню до единого) были напечатаны. Тогда увидят, какой это был правоты и чести человек. Я благодарю Бога, что он послал мне дружбу с ним.

(за нумизматикой; А. П. Устьянский*).

* * *

Сажусь до редакции. Был в хорошем настроении.

— Сколько?

— Тридцать пять копеек.

— Ну, будет тридцать.

Сел и, тронув за спину, говорю:

— Как же это можно? Какой ты капитал запросил?

Везет и все смеется, покачивая головой. Мальчишка — однако, лет восемнадцати. Оглядывается, лицо все в улыбке:

— Как же, барин, вы говорите, что я запросил «капитал»? Какой же это «капитал»... тридцать пять копеек?!

Мотает головой и все не может опомниться.

— Ты еще молод, а я потрудились. Тридцать пять копеек — большой капитал, если самому заработать. Другой за тридцать пять копеек весь день бьется.

— Оно положим так, — сделался он серьезным. И до-
тронул до кнута. — «Но!»

Лошаденка бежала.

(на улице).

* * *

Нина Руднева (родств.), девочка лет 17, сказала в ответ на *мужское, мужественное, крепкое* во мне:

— В вас *мужского* только... *брюки*...

Она оборвала речь...

Т. е. *кроме одежды* — неужели все *женское*? Но я никогда не нравился женщинам (кроме «друга») — и это дает объяснение антипатии ко мне женщин, которою я всегда (с гимназических пор) столько мучился.

* * *

Живи каждый день так, как бы ты жил всю жизнь именно для этого дня.

(в дверях, возвращаясь домой).

* * *

Секрет писательства заключается в вечной и *невольной* музыке в душе. Если ее нет, человек может только «сделать из себя писателя». Но он не писатель...

Что-то течет в душе. Вечно. Постоянно. Что? почему? Кто знает? — меньше всего автор.

(за нумизматикой).

* * *

Таких, как эти две строки Некрасова:

Еду ли ночью по улице темной,—
Друг одинокий!..*

нет еще *во всей русской литературе*. Толстой, сказавший о нем, что «он *нисколько* не был поэт», не только обнаружил мало «христианского смирения», но не обнаружил беспристрастия и простого мирового судьи. Стихи, как

Дом не тележка у дядюшки Якова **

народнее, чем все, что написал Толстой. И вообще у Некрасова есть страниц десять стихов *до того народных*, как этого не удавалось ни одному из наших поэтов и прозаиков.

Вот эти приблизительно $\frac{2}{10}$ его стихотворений суть *вечный вклад* в нашу литературу и *никогда не умрут*.

Значение его, конечно, было чрезвычайно преувеличено («выше Пушкина»***). Но и о нем нужно поставить свое *nota bene*: он был «властителем дум» поколения чрезвычайно деятельного, энергичного и *чистосердечного*. Не худшего из русских поколений; — и это есть *исторический* факт, которого никакою слепотою не обойдешь. «Худ или хорош Катилина****—а его нужно упомянуть», и упомянет всякий «Иловайский»*****; тогда как «Иловайского» никто не упомянет. Это — одно. Но и затем вот эти $\frac{2}{10}$ стихов: они — народные, простые, естественны, *сильны*. «Муза мести и печали» все-таки сильна; а где сила, страсть, там и *поэзия*. Его «Власу» никакой безумец не

откажет в поэзии. Его «Огородник», «Ямщик», «Забывтая деревня» прелестны, удивительны и были новы *по тону* в русской литературе. Вообще Некрасов создал *новый тон* стиха, *новый тон чувства*, новый тон и звук *говора*. И в нем удивительно много великорусского: таким «говором», немножко хитрым и нахальным, подмигивающим и уклончивым, не говорят *наверно* ни в Пензенской, ни в Рязанской губерниях, а только на волжских пристанях и базарах. И вот эту местную черту он ввел в литературу и даже в стихосложение, сделав и в нем огромный и смелый новый шаг, на время, на одно поколение очаровавший всех и увлекший.

(за нумизматикой).

* * *

Боль жизни гораздо могущественнее *интереса к жизни*. Вот отчего религия всегда будет одолевать философию.

(за нумизматикой).

* * *

Говорят, слава «желаема». Может быть, в молодом возрасте. Но в старом и даже пожилом ничего нет отвратительнее и несноснее ее. Не «скучнее», а именно болезннее.

Наполеон «славолюбивый» ведь в сущности умер почти молодым, лет 40.

Как мне нравится Победоносцев *, который на слова: «это вызовет дурные толки в обществе» остановился и — не плюнул, а как-то выпустил слюну на пол, растер и, ничего не сказав, пошел дальше. (Рассказ, негодующий, — о нем свящ. Петрова **.)

(за нумизматикой).

* * *

В мысль проституции — «против которой все бессильны бороться» — бесспорно входит: «я принадлежу *всем*»: т. е. то, что входит в мысль *писателя, оратора, адвоката* — чиновника «к услугам государства». Таким образом, с одной стороны, проституция есть «самое социальное явление», до известной степени прототип социальности, — и даже можно сказать, что *rei publicae natae sunt ex feminis publicis*, «первые государства родились из инстинкта

женщин prostituer»... По крайней мере, это не хуже того, что «Рим возвеличился оттого, что поблизости текла река Тибр» (Моммсен *) или «Москва — от географических особенностей Москвы-реки». А с другой стороны, ведь и *действительно* в существо актера, писателя, адвоката, даже «патера, который всех отпевает», — входит психология проститутки, т. е. этого и равнодушия «ко всем», и ласковости со «всеми». — «Вам похороны или свадьбу?» — спрашивает вошедшего поп, с равно спокойной, неопределенной улыбкой, готовой перейти в «поздравление» или «сожаление». Ученый, насколько он *публикуется*, писатель, насколько он *печатается*, — суть, конечно, проституты. Профессора, всеконечно, и только *prostitués* *récheurs* **. Но отсюда не вытекает ли, что «с проституцией нельзя справиться», как и с государственностью, печатью, etc., etc.! И с другой стороны, не вытекает ли: «им надо все простить» и... «надо их оставить». Проституцию, по-видимому, «такую понятную» — на самом деле невозможно обнять умом по обширности мотивов и существа. Что она *народнее* и *метафизичнее*, напр., «ординарной профессуры» — и говорить нечего... «Орд. профессура» — легкий воробышек, а проституция... черт ее знает, может быть даже «вещая птица Гамаюн».

В сущности, вполне метафизично: «самое *интимное* — отдаю *всем*»... Черт знает что такое: можно и убить от негодования, а можно... и бесконечно задуматься — «Как вам будет угодно», — говоря заглавием шекспировской пьесы.

(за нумизматикой).

* * *

На цыпочках, с довольным лицом, подходил к нам Шварц или Шмидт и проговорил с акцентом:

— Сегодня будут *мозги*.

Это в разрежение вечного «крылышка гуся», т. е. кости, обтянутой шероховатой кожей, которую мы обгладывали

без божества, без вдохновенья ***.

И смеялись мы за обедом с Константином Васильевичем (Вознесенским****) этим «мозгам». Кухмистер радовался, что давал нам нечто элегантно.

Немцу — утешение, но нам, студентам, скорбь. Ну, мозги съели. Но раз у него я чуть не отравился куском говядины (в шах), очевидно — гнилым. Едва проглотил, со мной что-то необыкновенное сделалось: точно съел жабу. И весь день, чуть ли не два, был полуболен.

(в универс.).

* * *

Какая ложная, притворная жизнь Р.; какая ложная, притворная, невыносимая вся его личность. А гений. Не говорю о боли: но как физически почти невыносимо видеть это сочетание гения и уродства.

Тяжело ли ему? Я не замечал. Он кажется вечно счастливым. Но как тяжело должно быть у него на душе.

Около него эта толстая красивая женщина, его поглотившая — как кит Иону: властолюбивая, честолюбивая и в то же время восторженно-слащавая. Оба они погружены в демократию, и — только и мечтают о том, как бы получить заказ от двора. Точнее, демократия их происходит оттого, что они давно не получают заказов от двора (несколько строк в ее мемуарах).

И между тем он гений вне сравнений с другими, до него бывшими и современными*.

Как это печально и страшно. Верно, я многого не понимаю, так как это мне кажется страшным. Какая-то «воронка вглубь ада»...

(на обороте транспаранта).

* * *

Малую травку родить — труднее, чем разрушить каменный дом.

Из «сердца горестных замет»: за много лет литературной деятельности я замечал, видел, наблюдал из приходо-расходной книжки (по изданиям), по «отзывам печати», что едва напишешь что-нибудь насмешливое, злое, разрушающее, убивающее — как все люди жадно хватаются за книгу, статью. — «И пошло и пошло»... Но с какою бы любовью, от какого бы чистого сердца вы ни написали книгу или статью с *положительным содержанием* — это лежит мертво, и никто не даст себе труда даже развернуть статью, разрезать брошюру, книгу.

— «Не хочется» — *здесь; «скучно, надоело».*

— Да что «надоело»-то? Ведь вы не читали?

- «Все равно — надоело. Заранее знаем»...
- «Бежим. Ловим. Благодарим» — *там*.
- Да за что «благодарите»-то? Ведь *пало и задавило*, или *падет и задавит*?
- «Все равно... Весело. Веселее жить». Любят люди пожар. Любят цирк. Охоту. Даже когда кто-нибудь *нет* — в сущности любят смотреть: сбегаются.

Вот в чем дело.

И литература сделалась мне противна.

(за нумизматикой).

* * *

Конечно, *не использовать* такую кипучую энергию, как у Чернышевского, для государственного строительства — было преступлением, граничащим со злодеянием. К Чернышевскому я всегда прикидывал не те мерки: *мыслителя, писателя... даже политика*. Тут везде он ничего *особенного* собою не представляет, а иногда представляет смешное и претенциозное. Не в этом дело: но в том, что с самого Петра (I-го) мы не наблюдаем еще натуры, у которой каждый час бы *дышал*, каждая минута *жила* и каждый шаг обвеян *заботой об отечестве*. Все его «иностранные книжки» — были чепуха; реформа «Политической экономии» Милля — кропанье храброго семинариста*. Всю эту галиматью ему *можно было и следовало* простить и воспользоваться не головой, а *крыльями и ногами*, которые были вполне удивительны, не в уровень ни с какими; или, точнее: такими «ногами» обладал еще только кипучий, не умевший остановиться Петр. Каким образом наш вялый, безжизненный, не знающий, *где найти «энергий» и «работников»*, государственный механизм не воспользовался этой «паровой машиной» или, вернее, «электрическим двигателем» — непостижимо. Что такое все Аксаковы, Ю. Самарин и Хомяков, или «знаменитый» Мордвинов** против него как *деятеля*, т. е. как *возможного деятеля*, который зарыт был где-то в снегах Вилюйска? Но тут мы должны пенять и на него: каким образом, чувствуя *в груди такой запас энергии*, было, в целях *прорваться к делу*, не расцеловать ручки всем генералам и вообще целовать «кого угодно *в плечико*» — лишь бы дали помочь народу, подпустили к народу, дали бы «департа-

мент». Показав хорошую «треххвостку» его коммунальным и социал-демократическим идеям, благословив *лично* его жить хоть с полсотнею курсисток и даже подавиться самою Цебриковой *, — я бы тем не менее как *лицо* и *энергию* поставил его не только во главе министерства, но во главе системы министерств, дав роль Сперанского и «незыблемость» Аракчеева... Такие *лица* рождаются веками; и бросить его в снег и глушь, в ели и болото... это... это... черт знает что такое. Уже читая его слог (я читал о Лессинге **, т. е. начало), прямо чувствуешь: никогда не устанет, никогда не утомится, мыслей — чуть-чуть, пожеланий — пук молний. Именно «перуны» в душе. Теперь (переписка с женой *** и отношения к Добролюбову) все это объяснилось: он был духовный, спиритуалистический «s», ну — а такие орлы крыльев не складывают, а летят и летят, до убоя, до смерти или победы. Не знаю его опытность, да это *и не важно*. В сущности, он был как *государственный деятель* (общественно-государственный) выше и Сперанского, и кого-либо из «екатерининских орлов», и браваурного Пестеля, и нелепого Бакунина, и тщеславного Герцена. Он был действительно *soló*. Нелепое положение полного *практического бессилия* выбросило его в литературу, публицистику, философствующие оттенки, и даже в беллетристику: где, не имея никакого *собственного к этому призвания* (тишина, созерцательность), он переломал все стулья, разбил столы, испачкал жилые удобные комнаты, и вообще совершил «нигилизм» — и ничего иного совершить не мог... Это — Дизраэли, которого так и не допустили бы пойти дальше «романиста», или Бисмарк, которого за дуэли со студентами обрекли бы на всю жизнь «драться на рапирах» и «запретили куда-нибудь принимать на службу». Черт знает что: рок, судьба, и не столько *его*, сколько *России*.

Но и *он* же: не сумел «сжать в кулак» своего нигилизма и семинарщины. Для народа. Для бескоровных, безлошадных мужиков.

Поразительно: ведь это — прямой путь до Цусимы. Еще поразительнее, что с выходом его *в практику* — мы *не имели бы и теоретического нигилизма*. В одной этой действительно замечательной биографии мы подошли к Древу Жизни: но — взяли да и срубили его. Срубили, «чтобы ободрать на лапти» Обломову...

(за нумизматикой).

* * *

Пешехонка * — последняя значущая фигура в с.-д. Однако значущность эта заключается единственно в *чистоте* его. Это «рыцарь бедный», о каком говорит Пушкин, когда-то пылкой и потом только длинной борьбы, где были гиганты, между прочим и по уму: тогда как у П. какой ум? «Столоначальник», а не министр. Конечно, это не отнимает у него всех качеств человека. Замечательно, что, раз его увидев (в Калашниковской бирже), неудержимо влечешься к нему, зная, что никакого интересного разговора не выйдет (к Мякотину, Петрищеву, Короленке** — никакого влечения и интереса). В нем доброе — натура, удивительно рожденная. Без мути в себе. На месте Ц... я бы его поставил во главе интендантства... «Пиши, писарь,— тебе не водить полки. Но ты не украдешь и не дашь никому украсть». И ради «службы и должности» смежил бы глаза на всякую его с.-д. «Черт с ней». «Этот хороший министр у меня с дурью». Я бы (испоротив плутов) и всем с.-д. дал «ход», смотря на их «убеждения» как на временное умопомешательство, которое надо перенести, как в семьях переносят «детскую корь». «Черт с ней». Судьба. Карма всероссийской державы. Не знаю, куда бы назначить Мякотина. Начальником всех кузниц в России. Во всяком случае — в конницу. О Петрищеве не имею представления, кроме того что подзуживает несчастных курсисток к забастовкам, в чем совпадает с Зубатовым***. Вероятно, дурачок — из «честных», но ум совершенно незначительный. Замечательно симпатичен, однако, Иванчин-Писарев**** (видел раз), и при нем какая-то дама, тоже симпатичная, умная и деятельная. Я бы им устроил «черту оседлости», отдав уезд на съедение (?) или расцвет. Кто знает, если бы «вышло», отчего не воспользоваться. Государство должно быть справедливо и смотреть спокойно во все стороны. Да: забыл Горнфельда*****. Ему бы я дал торговать камышовыми тросточками (он ходит с тросточкой, при галстухе и, кажется, пока без цилиндра). Короленко какой-то угрюмый и, может быть, не умный. Я думаю, несколько сумасшедший. Сумасшедший от странной и запутанной своей биографии, где невозможно было сохранить равновесие души. У него был прекрасный «службист» николаевских времен отец, мать — полька, раздирательные сцены русского угнетения в Ю.-Зап. крае и последующие встречи с с.-д. Если бы у него отец был дурной — все было бы

ясно; но запуталась (честная) «тень отца», и он вышел «Гамлетом» в партии, которая требует действия, единственности и не допускает *сомнений, особенно в уме*. А у Короленки есть (тайные) сомнения. Я с ним раз и минутно разговаривал в Таврическом дворце. Несмотря на очарование произведениями, *сам* он не произвел хорошего впечатления (уклончив, непрям).

(за нумизматикой).

* * *

Секрет ее страданий в том, что она при изумительном *умственном* блеске имела, однако, во всем только полуталанты. Ни — живописица, ни — ученый, ни — певица, хотя *и* певица, *и* живописица, *и* (больше и легче всего) ученый (годы учения, усвоения лингвистики). И она все меркла, меркла *неудержимо*...

(за нумизматикой; о Башкирцевой *).

* * *

Удивительно противна мне моя фамилия. Всегда с таким чужим чувством подписываю «В. Розанов» под статьями. Хоть бы «Руднев», «Бугаев», что-нибудь. Или обыкновенное русское «Иванов». Иду раз по улице. Поднял голову и прочитал:

«Немецкая булочная Розанова».

Ну, так и есть: все булочники «Розановы», и, следовательно, все Розановы — булочники. Что таким дуракам (с такой глупой фамилией) и делать. Хуже моей фамилии только «Каблуков» **: это уже совсем позорно. Или «Стечкин» (критик «Русск. Вести.», подписывавшийся «Стародумов»): ***: это уж совсем срам. Но вообще ужасно неприятно носить самому себе неприятную фамилию. Я думаю «Брюсов» постоянно радуется своей фамилии. Поэтому

СОЧИНЕНИЯ В. РОЗАНОВА

меня не манят. Даже смешно.

СТИХОТВОРЕНИЯ В. РОЗАНОВА

совершенно нельзя вообразить. Кто же будет «читать» такие стихи?

— Ты что делаешь, Розанов?

— Я пишу стихи.

— Дурак. Ты бы лучше пек булки.

Совершенно естественно.

Такая неестественно отвратительная фамилия дана мне в дополнение к мизерабельному виду. Сколько я гимназистом простаивал (когда ученики разойдутся из гимназии) перед большим зеркалом в коридоре — и «сколько тайных слез украдкой» пролил. Лицо красное. Кожа какая-то неприятная, лоснящаяся (не сухая). Волосы прямо огненного цвета (у гимназиста) и торчат кверху, но не благородным «ежом» (мужской характер), а какой-то поднимающейся волной, совсем нелепо, и как я не видал ни у кого. Помадил я их, и все — не лежат. Потом домой приду, и опять зеркало (маленькое, ручное): «Ну, кто такого противного полюбит». Просто ужас брал: но меня *замечательно любили товарищи*, и я всегда был «коноводом» (против начальства, учителей, особенно против директора). В зеркало, ища красоты лица до «выпученных глаз», я, естественно, не видел у себя «взгляда», «улыбки», вообще *жизни лица*, и думаю, что вот эта сторона у меня — жила и пробуждала то, что меня все-таки замечательно и многие любили (как и я всегда безусловно ответно любил).

Но в душе я думал:

— Нет, это *кончено*. Женщина меня *никогда не любит, никакая*. Что же остается? *Уходить в себя, жить с собою, для себя* (не эгоистически, а духовно), *для будущего*. Конечно, побочным образом и как «пустяки», внешняя непривлекательность была причиной самоуглубления.

Теперь же это мне даже нравится, и что «Розанов» так отвратительно; к дополнению: я с детства любил худую, заношенную, проношенную одежду. «Новенькая» меня всегда жала, теснила, даже невыносима была. И, словом, как о вине:

Чем старше, тем лучше

— так точно я думал о сапогах, шапках и о том, что «вместо сюртука». И теперь стало все это нравится:

— Да просто я не имею формы (*causa formalis** Аристотеля). Какой-то «комоч» или «мочалка». Но это оттого, что я весь — дух, и весь — субъект: субъективное действительно развито во мне бесконечно, как я не знаю ни у кого, не предполагал ни у кого. «И отлично»... Я «наименее рожденный человек», как бы «еще лежу (комком) в утробе матери» (ее бесконечно люблю, т. е.

покойную мамашу) и «слушаю райские напевы» (вечно как бы слышу музыку — моя особенность). И «отлично! совсем отлично!» На кой черт мне «интересная физиономия» или еще «новое платье», когда я *сам* (в себе, комке) бесконечно интересен, а по душе — бесконечно стар, опытен, точно мне 1 000 лет, и вместе — юн, как совершенный ребенок... Хорошо! Совсем хорошо...

(за нумизматикой).

* * *

ГОЛУБАЯ ЛЮБОВЬ

...И всякий раз, как я подходил к этому высокому каменному дому, поднимаясь на пригорок, я слышал музыку. Гораздо позднее я узнал, что это «гаммы». Они мне казались волшебниками. Медленно, задумчиво я шел до страшно парадного-парадного подъезда, огромной прихожей-сеней и, сняв гимназическое пальто, всегда проходил к товарищу.

Товарищ не знал, что я был влюблен в его сестру. Видел я ее раз — за чаем и раз — в подъезде в дворянское собрание (симфонический концерт). За чаем она говорила с матерью по-французски, я сильно краснел и шушукался с товарищем.

Потом уже чай высылали нам в его комнату. Но из-за стены, не глухой, изредка я слышал ее серебристый голос — о чае или о чем-то...

А в подъезде было так: я не попал на концерт, или вообще что-то вышло... Все равно. Я стоял около подъезда, к которому все подъезжали и подъезжали, непрерывно, много. И вот из одних санок выходит она с матерью — неприятной, важной старухой.

Кроме бледного худенького лица, необыкновенно изящной фигуры, чудного очертания ушей, прямого небольшого носика, такого деликатного, мое сердце «взяло» еще то, что она всегда имела голову несколько опущенною — что вместе с фигурой груди и спины образовывало какую-то чарующую для меня линию. «Газель, пьющая воду»... Кажется, главное очарование заключалось в движениях, каких-то волшебнo-легких... И еще самое главное, окончательное — в душе.

Да, хотя: какое же я о ней имел понятие?

Но я представлял эту душу — и все движения ее подтверждали мою мысль — гордою. Не надменною: но она

так была погружена в свою внутреннюю прелесть, что не замечала людей... Она только проходила мимо людей, вещей, брала из них нужное, но не имела с ними другой связи. Оставаясь одна, она садилась за музыку, должно быть... Я знал, что она брала уроки математики у местного учителя гимназии,—высшей математики, так как она уже окончила свой институт. «Есть же такие счастливыцы» (учитель).

Однажды мой товарищ в чем-то провинился: кажется, подделал баллы в аттестате и, нелепо-наивно передавая мне, упомянул:

— Сестра сказала маме: «Я все отношу это к тому, что Володя дружен с этим Розановым... Это товарищество на него дурно влияет. Володя не всегда был таким...»

Володя был глупенький, хорошенький мальчик — какой-то «безответственный». Я писал за него сочинения в классе, и затем мы «болтали»... Но «дурного влияния» я на него не оказывал, потому что по его детству, наивности и чепухе на него нельзя было оказать никакого «влияния».

Я выслушал молча...

Но как мне хотелось тогда умереть.

Да и не «тогда» только: мне все казалось — вообще, всегда,— что меня «раздавили на улице лошади». И вот она проезжает мимо. Остановили лошадей. И увидев, что это «я», она проговорила матери:

— Бедный мальчик... Может быть, он не был такой дурной, как казался. Верно, ему было *больно*. Все-таки его *жаль* *.

* * *

В террор можно и влюбиться и возненавидеть до глубины души,— и притом с оттенком «на неделе семь пятниц», без всякой неискренности. Есть вещи, *в себе* диалектические, высвечивающие (*сами*) и одним светом и другим, кажущиеся с одной стороны — так, и с другой — иначе. Мы, люди, страшно несчастны в своих суждениях перед этими диалектическими вещами, ибо страшно бессильны. «Бог взял концы вещей и связал в узел — неразвязываемый». Распутать невозможно, а разрубить — все умрет. И приходится говорить — «синее, белое, красное». Ибо все — *есть*. Никто не осудит «Письма Морозова из Шлиссельбурга» (в «Вестн. Евр»), но его «Гроза в буре» ** нелепа и *претенциозна*. Хороша Гесья Гельфман,— но кровавая Фрумкина *** мне органически противна,

как и тыкающий себя *от злости* вилкой Бердягин *. Все это — чахоточные, с чахоткой в нервах, Ипполиты (из «Идиота» Дост.). Нет гармонии души, нет величия. Нет «благообразия», скажу термином старца из «Подростка», нет «наряда» (одежды праздничной), скажу словами С. М. Соловьева, историка.

* * *

Как ни страшно сказать, вся наша «великолепная» литература в сущности ужасно недостаточна и не глубока. Она великолепно «изображает»; но то, что она изображает, — отнюдь не великолепно и едва стоит этого мастерского чекана.

XVIII век — это все «помощь правительству»: сатиры, оды — все; Фонвизин, Кантемир, Сумароков, Ломоносов — всё и *все*.

XIX век в золотой фазе отразил помещичий быт.

Татьяны милое семейство,
Татьяны милый идеал **.

Да, хорошо... Но что же, однако, тут *универсального*? Почему это *нужно* римлянину, немцу, англичанину? В сущности, никому, *кроме самих русских*, не интересно.

Что же потом и особенно теперь? Все эти трепетания Белинского и Герцена? Огарев и прочие? Бакунин? Глеб Успенский и мы? Михайловский? Исключая Толстого (который в этом пункте исключения велик), все это есть производное от студенческой «курилки» (комнаты, где накурено) и от тощей кровати проститутки. Все какой-то анекдот, приключение, бывающее и случающееся, — черт знает, почему и для чего. Рассуждения девицы и студента о Боге и социальной революции — *суть* и *душа* всего; все эти «Социал-девицы» милы, привлекательны, поэтичны; но «почему *сие важно*»?! *Важного* никак отсюда ничего не выходит. «Нравы Растеряевой улицы» (Гл. Успенского; впрочем, не читал, знаю лишь заглавие) никому решительно не нужны, кроме попивающих чаек читателей Гл. Успенского и полицейского пристава, который за этими «нравами» следит «недреманным оком». Что такое студент и проститутка, рассуждающие о Боге? Предмет вздоха ректора, что студент не занимается, и — усмешки хозяйки «дома», что девица не «работает». Все это просто не нужно и не интересно, иначе как в качестве иногда действительно прелестного сюжета для рассказа. *Мастер-*

ство рассказа есть и *остается*: «есть литература». Да, но — как *чтение*. Недоумение Щедрина, что «читатель только почитывает»* литературу, которую писатель «пописывает», — вовсе неосновательно *в отношении именно русской литературы*, с которою что же и делать, как ее не «почитывать», ибо она *в сущности единственно для этого и пишется*...

В сущности, все «сладкие вымыслы»:

Не для бедствий нам существенных
Даны вымыслы чудесные... **

как сказал красиво Карамзин. И все наши «реалисты», и Михайловский суть мечтатели *для бумаги* — в лучшем случае *полной чести* («честный писатель»).

Лет шесть назад ¹«друг» мне передал, вернувшись из церкви «Всех скорбящих» (на Шпалерной): — «Пришла женщина, не старая и не молодая. Худо одета. Держит за руки шесть человек детей, все маленькие. Горячо молилась и все плакала. Наверное, не потеряла мужа — не те слезы, не тот тон. Наверно, муж или пьет, или потерял место. Такой скорби, такой молитвы я никогда не видывала».

Вот это в Гл. Успенского никак не «влезет», ибо у Гл. Успенского «совсем не тот тон».

Вообще *семья, жизнь*, не *социал-женихи*, а вот *социал-трудовики* — никак не вошли в русскую литературу. На самом деле *труда-то* она и не описывает, а только «молодых людей», рассуждающих «о труде». Именно — женихи и студенты; но ведь *работают-то* в действительности не они, а — *отцы*. Но те все — «презираемые», «отсталые»; и для студентов они то же, что куропатки для охотника.

Здесь великое исключение представляет собою Толстой, который отнесся с *уважением к семье, к трудящемуся человеку, к отцам*... Это — *впервые и единственно* в русской литературе, без подражаний и продолжений. От этого он не кончил и «Декабристов», собственно по великой *пустоте сюжета*. Все декабристы суть те же «социал-женихи», предшественники проститутки и студента, рассуждающих о небе и земле. Хоть и с аксельбантами и графы. *Это не трудовая Русь*: и Толстой бросил сюжет. Тут его серьезное и благородное. То, что он *не кончил* «Декабристов» — столь же существенно и благородно,

так же оригинально и величественно, как и то, что он изваял и *кончил* «Войну и мир» и «Каренину».

Конечно, не Пестель-Чацкий, а Кутузов-Фамусов держит на плечах своих Россию, «какая она ни есть». Пестель решительно ничего не держит на плечах, кроме эполет и самолюбия. Я понимаю, что Фамусов немногого стоит, как и Кутузов — не золотой кумир. Но ведь и русская *история* вообще еще почти не начиналась. Жили «день за днем — сутки прочь»...

* * *

Ну, вот ты всех пересудил... Но *сам* кого лучше?

— Никого. Но я же и говорю, что нам плакать не об *обстоятельствах* своей жизни, а о *себе*.

Совсем другая тема, другое направление, другая литература.

(за нумизматикой).

* * *

В России вся собственность выросла из «выпросил», или «подарил», или кого-нибудь «обобрал». *Труда* собственности очень мало. И от этого она не крепка и не уважается.

(Луга — Петербург, вагон *).

* * *

Вечно мечтает, и всегда одна мысль: как бы уклониться от *работы*.

(русские).

* * *

Литература вся празднословие... Почти вся...

Исключений убийственно мало.

* * *

И я вошел в этот проклятый инородческий дом, о котором сам же, при первом визите, подумал: «никогда не встречал такого: *тут можно только повеситься*». Так мы

спотыкаемся не о скалы, а об самый простой, гладкий, износившийся сам в себе булыжник.

(Н. М. М.*).

* * *

Цинизм от *страдания*... Думали ли вы когда-нибудь об этом?

(1911 г.).

* * *

Хотел ли бы я посмертной славы (которую чувствую, что заслужил)?

В душе моей много лет стоит какая-то непрерывная боль, которая заглушает желание славы. Которая (если душа бессмертна) — я чувствую — *усилилась бы, если бы была слава*.

Поэтому я ее не хочу.

*

Мне хотелось бы, чтобы меня некоторые помнили, но *отнюдь не хвалили*; и только при условии, чтобы помнили *вместе с моими близкими*.

Без памяти о них, о их *доброте*, о *чести* — я не хочу, чтобы и *меня помнили*.

*

Откуда такое чувство? *От чувства вины*; и еще от глубокого чистосердечного сознания, что я не был хороший человек. Бог дал мне таланты; но это — другое. Более страшный вопрос: был ли я *хороший человек* — и решается в отрицательную сторону.

(Луга — Петербург, вагон).

* * *

Два ангела сидят у меня на плечах: ангел смеха и ангел слез. И их вечное пререкание — моя жизнь.

(на Троицком мосту).

* * *

И вот разворачиваешь эту простыню... Редактор и ртом и всячески нахватал известий... из Абиссинии, Испании, черт знает, откуда еще. Как не лопнет. И куда ему?

- Это я для вашего удовольствия (читателю).
- Спасибо. Своя душа дороже.

(за нумизматикой).

* * *

Говорят, этот господин, прочитавший столько публичных лекций о народном просвещении, разгромивший школу, в которой сам учился, *не узнавал* своего сына. — «Этот чей мальчик?» — И когда ему говорили, что это его сын, он патетически кидался обнимать его, но затем через две минуты опять забывал.

«Никак не мог вспомнить»...

Или:

«Что делать, не могу удержать в памяти, кто ты?»

(за нумизматикой).

* * *

«Бранделяс» (на процессе Бутурлина)* — это хорошо. Главное, какой звук... есть что-то такое в звуке. Мне более и более кажется, что все литераторы суть «Бранделясы». В звуке этом то хорошо, что он ничего собою не выражает, ничего собою не обозначает. И вот по этому качеству он особенно и приложим к литераторам.

«После эпохи Меровингов настала эпоха Бранделясов», — скажет будущий Иловайский. Я думаю, это будет хорошо.

(за нумизматикой).

* * *

Литература, как орел, взлетела в небеса. И падает мертвая. Теперь-то уже совершенно ясно, что она не есть «взыскуемый невидимый град».

(на обороте транспаранта).

* * *

«Час от часу не легче»... Ревекка NN**, ставшая бывать теперь у нас в доме, вечер на 3-й, когда я с нею начал говорить о *подробностях* (мне неизвестных или неясных) миквы, сперва отвечала мне, а потом — с наступившим молчанием — заметила:

— Это название я произношу *впервые вслух*.

— Миквы?

Она сконфузилась:

— Это же *неприличное слово*, и в еврейском обществе недопустимо вслух сказать его.

Я взволновался:

— Но ведь миква же — *святая?*..

— Да, она *святая*... Так нам внушали... Но ее имя — *неприлично*, и *вслух* или *при других* никогда не произносится...

Но ведь это же «открытие Пифагоровой теоремы»: значит, у евреев есть *самое это понятие*, что «*неприличное*» и «*святое*» может *совмещаться! совпадать! быть одним!!!* Ничего подобного, конечно, нет и невозможно у христиан. И отсюда необозримое историческое последствие:

1) у христиан все «неприличное» — и по мере того как «неприличное» *увеличивается* — уходит в «грех», в «дурное», в «скверну», «гадкое»: так что уже *само собою* и без комментариев, указаний и доказательств, *без теории*, сфера половой жизни и половых органов — этот отдел мировой застенчивости, мировой скрываемости — *пала в преисподнюю* «исчадия сатанизма», «дьявольщины», в основе же — «ужасной, невыносимой *мерзости*», «мировой *вои*».

2) у евреев мысль *приучена* к тому, что «неприличное» (для речи, глаза и мысли) вовсе не оценивает внутренних качеств вещи, ничего не говорит о содержании ее; так как есть одно, вечно «под руками», всем известное, ритуальное, еженедельное, что, будучи «верхом неприличия» в названии, никогда *вслух не произносится* — в то же время «*свято*».

Это не объясняется, это не указывается; это просто *есть*, и об этом все *знают*.

Через это евреям *ничего еще не сказано*, но *дана нить*, держась за которую и идя по которой, *всякий сам может прийти к мысли*, заключению, тождеству, что «*вот это*» (органы и функции), хотя их никому не показывают и вслух произнести их имя — неприличие, тем не менее они — *святы*.

Отсюда уже прямой вывод о «тайном святом», что есть в мире; «о святом, что *надо скрывать*» и чего никогда *не надо называть*»; о мистериях, *mysterium*. Понятно происхождение самого имени, и выясняется самое «тело» мистерии. Ведь наши все «*таинства*» суть открытые, совершаемые при дневном свете, при народе; и явно, что *древние «таинства»*, которые хотели иногда связывать с

нашими, хотели этого богословы (один труд, о *mysteria agsapu* *, помнится, г. Сильченкова, в «Вере и Разуме» **, — на самом деле ничего общего с ними, кроме имени и псевдо-имени, не имеют.

*

Продолжаю обдумывать о микве, в этом сочетании покрасневшей и насупившейся барышни (очень развитая московская курсистка, лет 26) — с признанием: «у нас же никогда этого названия *вслух не произносят...*; название это считается *неприличным*; но, *называемая* неприличным именем, *вещь* самая — *свята*»...

Нужно знать «оттенки» миквы:

Она не глубока, аршина 1½. Глубже — «трефа», «не годится». Почему? что такое? «Не годится» *для чего-то тайного*, что тут *происходит*, но о чем не произнесено и не написано нигде ни слова. Только раввины посмотрели, измеряли; и если не глубже 1½ аршина — сказали: «кошер», «хорошо». Почему? — *народу не объяснено*.

За погружением уже наблюдают синагогальные члены, у женщин — старухи; и кричат тем, которые погружаются впервые, что они должны погрузиться так, чтобы *на поверхности воды не было видно кончиков волос*. При 1½-аршинной глубине явно нужно для этого очень глубоко присесть, до труда, до напряжения присесть: и все «послушно выполняют дело», не понимая для чего. Но раввины говорят: «кошер!» Низко присела — «кошер», не низко — «трефа». Для этого — не глубже 1½ аршина.

Вода не приносится снаружи, *не наливается в бассейн*, а выступает из почвы, есть *почвенная вода*. Но почвенная вода — это *вода колодца*. Таким образом, «спуститься в микву» всегда значит «спуститься на дно колодца», естественно по очень длинной и узенькой лестнице, «вплотную» только для двух-трех, не более рядом. Ступени, как я наблюдал во Фридберге, «циклопические», в ¾ аршина, и при спуске приходилось «разевать широко ноги»... Не шли, а «шагали», «лезли», тоже усиливаясь, напрягаясь... Самый спуск очень длинен, глубок: и подниматься нужно минут десять. Причем освеженная и радостная (всегдашнее чувство после погружения) — естественно, поднимаясь, чуть-чуть закидывала голову кверху: и перед глазами ее в течение десяти минут было зрелище «широко разеваемых» ног, закругленных животов и гладко выстриженных (ритуал) — до голизны — стыдливых частей. «Все в человеке — подобие и образ Божий», — мелькало

у поднимающихся в эту экстатическую религиозную минуту. «Кошер! кошер!» — произносили раввины.

И чтобы все это было медленно, *долго* — по закону «не могут в микву *одновременно погрузиться двое*».

Так, задыхаясь и счастливые, *они* сходили и восходили, *оне* восходили и нисходили.

Но вот все ушли. Пустая вода, бассейн. Старик еврей, как Моисей, как Авраам, подходит последний к неглубокому ящичку с водою: и вдруг, прилепив к краям ящика восковые свечи,— зажигает их все!! Это «скупой рыцарь» юдаизма перед своими «богатствами»... Да, для всех это гадко, стыдно, «нельзя *этого произнести вслух*»; но ведь «я строил микву и знаю, что и зачем; этим будет жить весь израиль, и вечно, *если этого не оставит*: и я зажигаю священный свет здесь, потому что нигде как здесь не напоен воздух так телами израиля,

они

и все — вздохнули этого воздуха, вдохнули и проглотили его, и теперь он ароматическою и зрительною струею

ого

тежит в жилах кажд — и рождает образы и желания,

ой

которыми, *едиными и объединяющими*, волнуется весь израиль».

*

«Зажженные восковые свечи» — это перевод *на наш язык, на наш обряд* того, что закон и вера говорит израилю: «миква *свята*». В Талмуде есть изречение: «Бог есть миква, ибо Он *очищает* (не помню, сказано ли «души») израиля».

*

Но оставим старика и перекинемся к нам, в нашу обстановку, в наш быт,— чтобы объяснить это древнее установление евреев и дать почувствовать его душу. Представим себе наш бал. Движение, разговоры, «новости» и «политика». Роскошь всего и туалеты дам... Анфилада зал с белыми колоннами и стенами. И вот кто-нибудь из гостей, из танцевавших кавалеров, утомленный танцами, отходит совсем в боковую комнату: и, увидя на столе миску с прохладною водою, кем-то забытую и ненужную, осторожно оглядывается кругом, притворяет дверь и, вынув несколько возбужденную и волнуемую часть,— погрузил в холодную чистую воду... «пока — остынет».

Он делает то, что иудеи в микве и мусульмане в омовениях («намаз»).

И ушел. Вся разгоревшаяся впорхнула сюда же женщина... Она разгорелась, потому что ей жали руку, потому что она назначила свидание,— и назначила сейчас после бала, в эту же ночь. Увидев ту же миску, она берет ее, ставит на пол — и, так же осторожно оглянувшись кругом и положив крючок на дверь, повторяет то, что ранее сделал мужчина.

Это — то, что делают иудеянки в микве.

И многие, и, наконец,— все это сделали, уверенные, что ни один глаз их не видел.

Если бы кто-нибудь увидел, они все умерли бы от стыда. Вот восклицание Ревекки NN: — «Имя это — *неприлично*».

Доселе — мы и наше, прохлада и чистота. Все — рационально.

Перейдем же обратно опять назад — в иудейство.

Представим, что через слуховое окно чердака, из темного места, видел все здесь происшедшее — еврей. Мы бы отвернулись или не обратили внимания. Но не к тому призвало его «обрезание», которое он несет на себе; и не так, а совсем иначе, оно его поставило. В противоположность нашему отвращению, у него разгорелись глаза. Он вылез. Бала ему не нужно, и на бал он не пойдет. Его место — здесь. Он уносит к себе миску, остерегаясь расплескать из нее воду. И, тоже запершись, чтобы никто его не увидел,— поставил ее на стол и вдруг зажег множество лампад (*начало* лампад — в Египте) вокруг и, закрыв голову покрывалом, как бы перед глазами его находится что-то, на что он не смеет смотреть, стал бормотать слова на непонятном языке.

Он творил молитвы и заклинания.

Это юдаизм.

*

И молитвы эти — добрые. Еврей молился: — «Пусть они танцуют. Эти глупости пройдут. Я молюсь о том, что им нужно будет в старости,— о *здоровье*, о *продлении их жизни*; о том, чтобы самая жизнь была *свежа, крепка*; вот чтобы *не болело* у них, и *никогда не болело* то, что они сюда погрузили и здесь омыли. Ах, они теперь не знают, потому что влюблены,— и говорят о службе и чи-

нах. Я прошел все чины, и мне ничего не нужно: я знаю, как *жизнерадостность зависит от того, чтобы в этом месте ничего не засорялось у человека, не помутнялось и не слабело*, а все было ясно и честно, как хороший счет, и обещающе, как новорожденный младенец. И я им всем чужой: но молюсь моему Тайному Богу, чтобы у всего *Мира*, у всех *их*, Он сохранил и благословил эти части, на вечное плодородие мира и на расцвет всей земли, которую Он *Благий сотворил*».

Амен.

* * *

... и бегут, бегут все... чудовищной толпой. Куда? Зачем?

— Ты спрашиваешь, зачем мировое *volø* *?

— Да тут не *volø*, а скорее ноги скользят, животы трясутся. И никто ни к чему не привязан. Это — скетинг-ринг **, а не жизнь...

(в постели ночью).

* * *

Смех не может ничего убить. Смех может только *придавить*.

И терпение одолеет всякий смех.

(о нигилизме).

* * *

Техника, присоединившись к душе, дала ей всемогущество. Но она же ее и раздавила. Появилась «техническая душа» — *contradictio in adjecto* ***. И вдохновение умерло.

(печать и вообще «все новое»).

* * *

В мое время, при моей жизни, создались некоторые новые слова: в 1880 году я сам себя называл «психопатом», смеясь и веселясь новому удачному слову. До себя я ни от кого (кажется) его не слышал. Потом (время Шопенгауэра) многие так стали называть себя или других; потом появилось это в журналах. Теперь это бранная кличка, но первоначально это обозначало «болезнь духа», вроде Байрона, — обозначало поэтов и философов. Вертер был «психопат». — Потом, позднее, возникло слово

«декадент», и тоже я был из первых. Шперк * с гордостью говорил о себе: «Я, батенька, декадент». Это было раньше, чем мы оба слышали о Брюсове; А. Белый — не рождался. — Теперь распространилось слово «чуткий»: нужно бы посмотреть книгу «О понимании» **; но в идеях «чуткости» и «настроения», с ярким *сознанием* их, с признанием их *важности*, я писал эту книгу.

Все эти слова, новые в обществе и в литературе, выражали — ступенями — огромное *углубление* человека. Все стали немножко «метерлинками», и в этом — *суть*. Но стали «метерлинками» раньше, чем слышали о Метерлинке ***.

* * *

Поразительно, что к гробу Толстого сбежались все Добчинские со всей России, и кроме Добчинских никого там и не было, они теснотою толпы никого еще туда и не пропустили. Так что «похороны Толстого» в то же время вышли «выставкою Добчинских»...

Суть Добчинского — «чтобы обо мне узнали в Петербурге». Именно одно это желание и подхлестнуло всех побежать. Объявился какой-то «Союз союзов» и «Центральный комитет 20-ти литературных обществ»... О Толстом никто не помнил: каждый сюда бежал, чтобы вскочить на кафедру и, что-то проболтав — все равно, что, — ткнуть перстом в грудь и сказать: «Вот я, Добчинский, живу; современник вам и Толстому. Разделяю его мысли, восхищаюсь его гением; но вы запомните, что я именно — *Добчинский*, и не смешайте мою фамилию с чьей-нибудь другой».

Никогда не было такого позора, никогда литература не была так жалка. Никогда она не являла такой *безжалостности*: ибо Т-го можно было и пожалеть (последняя драма), можно было о нем и *подумать*. Но ничего, ровно ничего такого не было. В воздухе вдруг пронеслось ликование: «И я взойду на *эстраду*». Шум поднялся на улице. Едут, спешат: «Вы *будете говорить?*» — «И я буду говорить». — «Мы *все* теперь будем говорить»... «И уж в другое время, может, нас и не послушали бы, а теперь непременно выслушают и запомнят, что вот борода клинышком, лицо белобрысое и задумчивые голубые глаза»... «Я *Добчинский*: и зовут меня *Семеном Петровичем*».

Это продолжалось, должно быть, недели две. И в эти две недели вихря никто не почувствовал позора. Слова «довольно» и «тише» раздались не ранее, как недели две спустя после смерти. «Тут-то я блесну *умом*»... И коллективно все блеснули *пошлостью* — да такой, какой от Фон-визина не случалось.

Нужно ли говорить, что все «говорившие» не имели ни *йоты* роднящего, родного с Толстым. Были *ему* совершенно чужды, даже враждебны; и в отношении *их самих* Толстой был совершенно чужой, и даже был им всем *празд*.

Всю жизнь он полагал именно на *борьбу с такими*, на *просвещение таких*, на то, чтобы *разбудить таких*, *воскресить*, преобразить...

И вдруг такое: *finis coronat opus!* *

Ужасно.

(за нумизматикой).

* * *

Добчинского, если б он жил в более «граждански-развитую эпоху»,—и представить нельзя иначе как журналистом или, еще правильнее,—стоящим во главе «литературно-политического» журнала; а *Ноздрев* писал бы у него передовицы... Это — в тихое время; в бурное — *Добчинский* бегал бы с прокламациями, а *Ноздрев* был бы «за Родичева» **. И, кто знает, вдвоем не совершили ли бы они переворота. «Не боги горшки обжигают»...

(за нумизматикой).

* * *

Сатана соблазнил папу *властью*; а литературу он же соблазнил славой...

Но уже Герострат указал самый верный путь к «сохранению имени в потомстве»... И литература, которая только и живет тревогою о «сохранении имени в потомстве» (*Добчинский*),—естественно уже к нашим дням, т. е. «пока еще цветочки»,—пронизалась вся Геростратами.

Ни для кого так не легко сжечь Рим, как для *Добчинского*. Катилина задумается. Манилов — пожалеет;

Собакевич — не повернется; но Добчинский поспешит со всех ног: «Боже! да ведь Рим только и ждал *меня*, а я именно и родился, чтобы *сжечь Рим*: смотри, публика, и запоминай *мое имя*».

Сущность литературы... самая ее душа... «душенька».
(за нумизматикой).

* * *

Читал о страдальческой, ужасной жизни Гл. Успенского («Русск. Мысль», 1911 г., лето*); его душил какой-то долг в 1700 руб.; потом «процентщица бегала за мной по пятам, не давая покою ни в Москве, ни в Петербурге». Он был *друг Некрасова и Михайловского*. Они явно не только уважали, но и *любили его* (Михайловский в письме ко мне).

Но тогда почему же не *помогли ему*? Что это за мрачная тайна? То же, как и у почти миллионера Герцена в отношении Белинского. Я не защитник буржуа, и ни до них, ни до судьбы их мне дела нет; но и простая пропись и простой здравый смысл кричит: «Отчего же это фабриканты *должны уступить рабочим машины и корпуса фабрик* — когда решительно ничего *не уступили*: Герцен — Белинскому, Михайловский и Некрасов — Глебу Успенскому».

Это какой-то «страшный суд» всех пролетарских доктрин и всей пролетарской идеологии.

* * *

А голодные так голодны, и все-таки революция права. Но она права не идеологически, а как *натиск*, как *воля*, как *отчаяние*. «Я не святой и, может быть, хуже тебя; но я волк, голодный и ловкий, да и голод дал мне храбрость; а ты тысячу лет — вол, и если когда-то имел рога и копыта, чтобы убить меня, но теперь — стар, расслаблен, и вот я *съем тебя*».

Революция и «старый строй» — это просто «дрялость» и «еще крепкие силы». Но это — не идея, *ни в каком случае — не идея!*

Все соц.-демократ. теории сводятся к тезису «хочется мне кушать». Что же: тезис-то ведь прав. Против него «сам Господь Бог ничего не скажет». «Кто дал мне желудок — обязан дать и пищу». Космология.

*

Да. Но мечтатель отходит в сторону: потому что даже больше, чем пищу, он любит мечту свою. А в революции — ничего для мечты.

И вот, может, лишь оттого, что в ней — ничего для мечты, она не удастся. «Битой посуды будет много», но «нового здания не выстроится». Ибо строит тот один, кто способен к изнуряющей мечте; строил Микель-Анджело, Леонардо-да Винчи; но революция всем им «покажет прозаический кукиш» и задушит еще в младенчестве, лет 11—13, когда у них вдруг окажется «свое на душе». — «А, вы — гордецы: не хотите с нами смешиваться, *делиться, открывенничать*... Имеете какую-то *свою душу*, не общую душу... Коллектив, давший жизнь родителям вашим и вам — ибо без коллектива они и вы подошли бы с голоду, — теперь берет свое назад. Умрите».

И «новое здание», с чертами ослиного в себе, повалится в третьем-четвертом поколении.

* * *

Всякое движение души у меня сопровождается *выговариванием*. И всякое выговаривание я хочу непременно *записать*. Это — инстинкт. Не из такого ли инстинкта родилась литература (письменная)? Потому что о печати не приходит мысль: и, следовательно, Гутенберг пришел «потом».

У нас литература так слилась с *печатью*, что мы совсем забываем, что она была *до* печати и в сущности *во* все *не для* опубликования. Литература родилась «про себя» (молча) и для себя; и уже потом стала печататься. Но это — одна *техника*.

* * *

Выньте, так сказать, *из самого существа* мира молитву, — сделайте, чтобы язык мой, ум мой разучился словам ее, самому делу ее, существу ее; чтобы я этого *не мог*, люди этого *не могли*: и я с выпученными глазами и ужасным воем выбежал бы из дому, и бежал, бежал, пока не упал. Без молитвы совершенно нельзя жить... Без молитвы — безумие и ужас.

Но это все понимается, когда плачется... А кто не плачет, не плакал,— как ему это объяснить? Он никогда не поймет. А ведь много людей, которые никогда не плачут.

Как муж — он не любил жену, как отец — не заботился о детях; жена изменила — он «махнул рукой»; выгнали из школы сына — он обругал школу и отдал в другую. Скажите, что такому «позитивисту» скажет религия? Он пожмет плечами и улыбнется.

Да: но он — не *все*.

Позитивизм истинен, нужен и даже вечен; но для определенной *частицы* людей. Позитивизм нужен для «позитивистов»; суть не в «позитивизме», а в «позитивисте»; человек и здесь, как везде,— раньше теории.

Да...

Религиозный человек предшествует всякой религии, и «позитивный человек» родился гораздо раньше Огюста Конта.

(за нумизматикой).

* * *

В «друге» дана мне была путеводная звезда... И я 20 лет (с 1889 г.) шел за нею: и все, что хорошего я сделал или было во мне хорошего за это время,— от нее; а что дурного во мне — это от меня самого. Но я был упрям. Только сердце мое всегда плакало, когда я уклонялся от нее...

(за нумизматикой).

* * *

И только одно хвастовство, и только один у каждого вопрос: «какую роль *при этом* я буду играть». Если «при этом» он не будет играть роли,— «к черту».

(за нумизматикой; о политике и печати).

* * *

Да, все так — и просвещение, и связь с идеями времени... Но она готовит хорошее наследство внукам, прочное и основательное, и это и дочь, и зять твердо знают. Так о *главном мотиве* жизни мы все молчим и делаем ссылки на то, что в сущности тоже есть мотив, и хороший, и горячий даже; но — *не самый горячий*.

(одна из лучших репутаций в России).

* * *

Сколько прекрасного встретишь в человеке, где и не ожидаешь...

И сколько порочного — и тоже, где не ожидаешь.

(на улице).

* * *

Созидайте дух, созидайте дух, созидайте дух! Смотрите, он весь рассыпался...

(на Загородном пр., веч.; кругом проститутки).

* * *

Дело в том, что таланты наши как-то связаны с пороками, а добродетели — с бесцветностью. Вот из этой «закавыки» и вытаскивайся.

В 99 из 100 случаев «добродетель» есть просто: «я не хочу», «мне не хочется», «мне *мало хочется*»... «Добродетельная биография» или «эпоха добрых нравов» (в истории) есть просто личность довольно «безличная и время довольно «безвременное». Всем «очень мало хотелось». Мегсі.

(въехав на Зеленину).

* * *

Мне и одному хорошо, и со всеми. Я и не одиночка, и не общественник. Но когда я один — я полный, а когда со всеми — не полный. Одному мне все-таки лучше.

*

Одному лучше — потому, что когда один — я с Богом.

*

Я мог бы отказаться от даров, от литературы, от будущности своего я, от славы или известности — слишком мог бы; от счастья, от благополучия... не знаю. Но от Бога я никогда не мог бы отказаться. Бог есть самое «теплое» для меня. С Богом мне «всего теплее». С Богом никогда не скучно и не холодно.

В конце концов Бог — моя жизнь.

Я только живу для Него, через Него. Вне Бога — меня нет.

Что такое Бог для меня?.. Боюсь ли я Его? Нисколько. Что Он накажет? Нет. Что Он даст будущую жизнь? Нет. Что Он меня питает? Нет. Что через Него существую, создан? Нет.

Так что же Он такое для меня?

Моя вечная грусть и радость. Особенная, ни к чему не относящаяся.

Так не есть ли Бог «мое настроение»?

Я люблю того, кто заставляет меня грустить и радоваться, кто со мной говорит; меня упрекает, меня утешает.

Это Кто-то. Это — Лицо. Бог для меня всегда «он». Или «ты»; — всегда близок.

Мой Бог — особенный. Это только *мой* Бог; и еще ничей. Если еще «чей-нибудь» — то этого я не знаю и не интересуюсь.

«Мой Бог» — бесконечная моя интимность, бесконечная моя индивидуальность. Интимность похожа на воронку или даже две воронки. От моего «общественного я» идет воронка, суживающаяся до точки. Через эту точку-просвет идет только один луч: от Бога. За этой точкой — другая воронка, уже не суживающаяся, а расширяющаяся в бесконечность: это Бог. «Там — Бог». Так что Бог

1) и моя интимность

2) и бесконечность, в коей самый мир — часть.

* * *

Сам я постоянно ругаю русских. Даже почти только и делаю, что ругаю их. «Пренеосный Щедрин». Но почему я ненавижу всякого, кто тоже их ругает? И даже почти только и ненавижу тех, кто русских ненавидит и особенно презирает.

Между тем я бесспорно и презираю русских, до отвращения. Аномалия.

(за нумизматикой).

* * *

На полемике с дураком П. С.* я все-таки заработал около 300 р. Это $\frac{1}{3}$ стоимости тетрадрахмы Антиоха VII Гrippa, с Палладой Афиной в окружении фаллов

(2400 франков). У Нуррибея* продавалась еще тетрадрахма с Афродитой, между львом и быком, которая сидит на троне и обоняет цветок. Этой я не мог приобрести (обе — уники).

* * *

С основания мира было две философии: философия человека, которому почему-либо хочется кого-то выпороть; и философия выпоротого человека. Наша русская вся — философия выпоротого человека. Но от Манфреда до Ницше западная страдает Сологубовским зудом: «кого бы мне посечь»**.

Ницше почтили потому, что он был немец, и притом — страдающий (болезнь). Но если бы русский и от себя заговорил в духе: «падающего еще толкни», — его бы назвали мерзавцем и вовсе не стали бы читать.

(по прочтении статьи Перцова «Между старым и новым»***).

* * *

Победа Платона Каратаева еще гораздо значительнее, чем ее оценили: это в самом деле победа Максима Максимовича над Печориным, т. е. победа одного из двух огромных литературных течений над враждебным... Могло бы и не случиться... Но Толстой всю жизнь положил за «Максима Максимовича» (Ник. Ростов, артиллерист Тушин, Пл. Каратаев, философия Пьера Безухова — перешедшая в философию самого Толстого). «Непротивление злу» не есть ни христианство, ни буддизм: но это действительно есть русская стихия, — «беспорывная природа» восточноевропейской равнины. Единственные русские бунтовщики — «нигилисты»; и вот тут чрезвычайно любопытно, чем же это кончится; т. е. чем кончится единственный русский бунт. Но это в высшей степени объясняет силу и значительность, и устойчивость, и упорство нигилизма. «Надо же где-нибудь» — хоть где-нибудь надо — «побунтовать»: и для 80-миллионного народа, конечно, — «это надо». Косточки устали все только «терпеть».

(тогда же).

* * *

Бог мой! вечность моя! Отчего же душа моя так прыгает, когда я думаю о Тебе...

И все держит рука Твоя: что она меня держит — это я постоянно чувствую.

(ночь на 25 декабря 1910).

* * *

Я задыхаюсь в мысли. И как мне приятно жить в таком задыхании. Вот отчего жизнь моя сквозь тернии и слезы есть все-таки наслаждение.

(на Зелениной).

* * *

Меня даже глупый человек может «водить за нос», и я буду знать, что он глупый, и что даже ведет меня ко вреду, наконец — «к вечной гибели»; и все-таки буду за ним идти. «К чести моей» следует, однако, заметить, что $1/2$ случаев, когда меня «водят за нос», относится к глубокой, полной моей неспособностью сказать человеку — «дурак», как и — «ты меня обманываешь». Ни разу в жизни не говорил. И вот единственно, чтобы не ставить ближнего в неловкое положение, я делаю вид, иногда годы, что все его указания очень умны, или что он *somme il faut* и бережет меня. Еще $1/4$ случаев относится к моему глубокому (с детства) безразличию к внешней жизни (если не опасность). Но $1/4$, однако, есть проявление чистого минуса и безволия — без внешних и побочных объяснений.

Иное дело — мечта: тут я не подвигался даже на скрупул ни под каким воздействием и никогда; в том числе даже и в детстве. В этом смысле я был совершенно «не воспитывающийся» человек, совершенно не поддающийся «культурному воздействию».

Почти пропорционально отсутствию *воли к жизни* (к реализации) у меня было упорство *воли к мечте*. Даже, кажется, еще постоянное, настойчивее... Именно — не «подвинулось ни на скрупул» и «не уступило ничему».

На виду я — *всесклоняемый*.

В себе (субъект) — *абсолютно несклоняем*; «не согласуем». Какое-то «*наречие*».

* * *

Я похож на младенца в утробе матери, но которому вовсе не хочется родиться. «Мне и тут тепло»...

(на извощике, ночью).

* * *

Авраама призвал Бог; а я сам призвал Бога... Вот вся разница.

*

Все-таки ни один из библеистов не рассмотрел этой особенности и странности библейского рассказа, что ведь не Авраам искал Бога, а Бог хотел Авраама. В Библии даже ясно показано, что Авраам долго уклонялся от заключения завета... Бегал, но Бог схватил его. Тогда он ответил: «Теперь я буду верен Тебе, я и потомство мое».

(за нумизматикой).

* * *

Ни о чем я не тосковал так, как об унижении. «Известность» иногда радовала меня — чисто поросычьим удовольствием. Но всегда это бывало не надолго (день, два): затем вступала прежняя тоска — быть, напротив, униженным.

(на обороте транспаранта).

* * *

О своей смерти: «нужно, чтобы этот сор был выметен из мира». И вот, когда настанет это «нужно» — я умру.

(на обороте транспаранта).

* * *

Я не нужен: ни в чем я так не уверен, как в том, что я не нужен.

(на обороте транспаранта).

* * *

Милые, милые люди: сколько вас прекрасных я встретил на своем пути. По времени первая — Ю(лия) *. Проста, самоотверженна. Но как звезда среди всех — моя «безымянница»... «Бог не дал мне твоего имени, а прежнее я не хочу носить, потому что...» И она «никак» себя называла, т. е. называла под письмами одним крестильным именем. Я смеюсь: «Да ведь так себя царицы подписывают, великие князья». Она не понимала, не возра-

жала, но продолжала писать одно имя: «В.....». Я взял от него один из своих псевдонимов *.

(на обороте транспаранта).

* * *

Литература есть самый отвратительный вид торга. И потому удвоенно-отвратительный, что тут замешивается несколько таланта. И что «торгуемые вещи» суть действительные духовные ценности.

(на обороте транспаранта).

* * *

Унижение всегда переходит через несколько дней в такое душевное сияние, с которым не сравнится ничто. Не невозможно сказать, что некоторые, и притом высочайшие, духовные просветления недостижимы без предварительной униженности; что некоторые «духовные абсолютности» так и остались навеки скрыты от тех, кто вечно торжествовал, побеждал, был наверху.

Как груб, а посему и как несчастен Наполеон... После Иены он был жалче, нежели нищий-праведник, которому из богатого дома сказали — «Бог подаст».

Не на этой ли тайне всемирной психологичности (если она есть, т. е. всемирная психологичность) основано то, что наконец «Он захотел пострадать?..»

Как мы лучше после страдания?.. Не на этом ли основан «выигрыш без проигрыша» демократии?.. Она во все не рождается «в золотых пеленках» морали; «с грешком», как и все. Но она — «в нижнем положении»; и нравственный ореол привлек к ней всех...

(на обороте транспаранта).

* * *

Правда выше солнца, выше неба, выше Бога: ибо если и Бог начинался бы не с правды — он — не Бог, и небо — трясина, и солнце — медная посуда.

(на обороте транспаранта).

* * *

Как бы Б. на веки вечные указал человеку, где можно с ним встретиться.

«Ищи меня не в лесу, не в поле, не в пустыне», ни — «на верху горы», ни — «в долине низу», ни — «в водах, ни

под землею», а... где Я заключил завет «с отцом вашим Авраамом».

Поразительно. Но куда же это приводит размышляющего, доискивающегося, угадывающего?

Но, в таком случае, как понятно, почему а-сексуалисты суть в то же время а-теисты: они «не встречаются с Богом», «не видели», «не слышали», «не знают».

* * *

Душа есть *страсть*.

И отсюда отдаленно и высоко: «Аз есмь огонь поедающий» (Бог о Себе в Библии)*.

Отсюда же: талант нарастает, когда нарастает страсть. Талант есть страсть.

(ночью на извознике).

* * *

— Подавайте, Василий Васильевич, за октябристов,— кричал Боря, попыхивая трубочкой.

— Твои октябристы, Боря, болваны: но так как у жены твоей удивительные плечи, а сестра твоя целомудренна и неприступна, то я подам за октябристов.

И подал за них (в 3-ю Думу): так как квартиры д-ра Соколова (старшина эс-деков в СПб., где-то на Греческом проспекте) ** не мог найти, а проклятый «бюллетень», конечно, потерял в тот же день, как получил.

* * *

— Какие события! Какие события! Ты бы, Василий Васильевич, что-нибудь написал о них,— говорил секретарь «нашей газеты», милейший Н. И. Афанасьев ***, проходя по комнате.

У него жена француженка и не говорит вовсе по-русски. Не понимаю, как они объясняются «в патетические минуты»: нельзя же в полном безмолвии...

«Какие, черт возьми, события?» А я ищу «тем для статей». Читая газеты, разумеется, ищу мелкие шрифты, где позанимательнее: не читать же эти фельетонищи и передовые, на которые надо убить день.

— Какие, Николай Иванович, «события»?

— Да как же,— отвечает совсем от двери,— о «свободе вероисповеданий, отмене подушной подати», и чуть не пересмотр всех законов.

— В самом деле, «события»: и если понапрячься — то можно сколько угодно написать передовых статей.

Это было чуть ли не во время, когда шумели Гапон и Витте *. Мне казалось — ничего особенного не происходит. Но это его задумчивое бормотание под нос: «какие события» — как ударило мне в голову.

* * *

Поразительно, что иногда я гляжу во все глаза на «событие», и даже пишу о нем статьи, наконец — *произношу о нем глубоко раздельные слова* ясного, значительного смысла, в уровень и в «сердцевину» события: и между тем совершенно его *не вижу, не знаю*, ничего о нем определенного не думаю, и «хочу ли» его или «не хочу» — сам не знаю. Я сам порадовался (душою), когда *ухом* услышал *свои же* слова:

— Господа! Мы должны радоваться не тому, что манифест дан: но что он *не мог не быть дан, что мы его взяли!*

Это когда Столыпин (А. А.) **, войдя в общую комнату, где были все «мы», сказал, что «Государь подписал манифест» (17 октября)... Все заволновались и велели подать шампанское. Тут я, вдруг сделавшись торжественно-настроен, с чем-то «величественным в душе» (прямо чувствовал теплоту в груди) и сказал эти слова, которые ведь были «в сердцевину» события...

Между тем мне в голову не приходило, что дело идет о *конституции*. До такой степени, что когда я пошел домой, то только с этой мыслью, что дня на три, а может — дней на пять, можно отдохнуть от писания статей. Пришел домой и сказал это, и сказал, что завтра и послезавтра не надо идти в редакцию. Сообразно этому на завтра я велел приготовить себе белье, и отправился на Знаменскую в бани, лежать на полке в горячем пару, «отложив все попечения» (моя в своем роде «херувимская») ... И вечером что-то возился около бумаг, монет и около чая.

Вдруг *послезавтра* узнаю, что «*вчера* шли по Невскому с красными флагами!!!... *единственный и первый раз* в русской истории, при «благосклонном сочувствии поли-

ции»... Единственная минута, единственное ощущение, единственное переживание.

Ведь я же *это* понимаю.

О, да!!!

Но я «пролежал в пару». У меня *есть* затаенность души: «событием» я буду — *и* глубоко, как немногие, — жить через три года, через несколько месяцев после того, как его *видел*. А когда *видел* — ничего решительно не думал о нем. А думал (страстно и горячо) о том, что было *еще три года назад*. Это всегда у меня, с юности, с детства.

* * *

Народы, хотите ли, я вам скажу громовую истину, какой вам не говорил ни один из пророков...

— Ну? Ну?.. Хх...

— Это — что частная жизнь выше всего.

— Хе-хе-хе!.. Ха-ха-ха!.. Ха-ха!..

— Да, да! Никто этого не говорил; я — первый... Просто, сидеть дома и хотя бы ковырять в носу и смотреть на закат солнца.

— Ха, ха, ха...

— Ей-ей: это — *общее* религии... Все религии пройдут, а это останется: просто — сидеть на стуле и смотреть вдаль.

(23 июля 1911).

* * *

Боже, Боже, зачем Ты забыл меня? Разве Ты не знаешь, что всякий раз, как Ты забываешь меня, я теряюсь.

(опыты).

* * *

...Я разгадал тетраграмму, Боже, я разгадал ее. Это не было *имя*, как «Павел», «Иоанн», а был *зов*: и произносился он даже *тем же самым индивидуумом* не всегда совершенно (абсолютно) одинаково, а чуть-чуть изменяясь в тенях, в гортанных придыханиях... И не *абсолютно одинаково* — разными первосвященниками. От этой нетвердости произношения в конце концов «тайна произнесения его» и затерялась в веках. Но, поистине, благочестивые евреи и до сих пор иногда произносят его, *но только не знают — когда*. Совершенно соответствует моей

догадке и то, что «кто *умеет произнести тетраграмму* — владеет миром», т. е. через Бога. В самом деле, тайна этого зова заключается в том, что Бог *не может не отозваться на него*, и «является *тут*» со всем своим могуществом. Тенью проходит в самосознании евреев и тайна, что не только *им* Бог нужен, но что *и они Богу нужны*. Отсюда — этнографическая и религиозная гордость; и что они *требуют* у Бога, а не всегда только *просят* Его...

Но все это заключено в зове-вздохе... Он состоял из одних гласных с придыханиями.

* * *

Толстой прожил собственно глубоко *пошлую* жизнь... Это *ему* и на ум никогда не приходило.

Никакого страдания; никакого «тернового венца»; никакой героической борьбы за убеждения; и даже никаких особенно интересных приключений. Полная пошлость.

*

Да, приключения «со своими идеями»... Ну, уж это — антураж литературный, и та же пошлость, только вспрыснутая духами.

* * *

Мне кажется, Толстого мало любили, и он это чувствовал. Около него не раздалось, при смерти, и даже при жизни, ни одного «мучительного крика вдруг», ни того «сумасшедшего поступка», по которым мы распознаем настоящую привязанность. «Все было в высшей степени благоразумно»; и это есть именно печать пошлости.

* * *

Я еще не такой подлец, чтобы думать о морали. Миллион лет прошло, пока моя душа выпущена была погулять на белый свет; и вдруг бы я ей сказал: ты, душенька, не забывайся и гуляй «по морали».

Нет, я ей скажу: гуляй, душенька, гуляй, славненькая, гуляй, добренькая, гуляй, как сама знаешь. А к вечеру пойдешь к Богу.

Ибо жизнь моя есть день мой, и он именно *мой день*, а не Сократа или Спинозы.

(вагон).

* * *

Двигаться хорошо с запасом большой тишины в душе; например, путешествовать. Тогда все кажется ярко, осмысленно, все укладывается в хороший результат.

Но и «сидеть на месте» хорошо только с запасом большого движения в душе. Кант всю жизнь сидел: но у него было в душе столько движения, что от «сиденья» его двинулись миры.

* * *

«Счастье в усилии», — говорит молодость.

«Счастье в покое», — говорит смерть.

«Все преодолею», — говорит молодость.

«Да, но все кончится», — говорит смерть.

(Эйдукунен — Берлин, вагон *).

* * *

Даже не знаю, через «ѣ» или «е» пишется «нравственность».

*

И кто у нее папаша был — не знаю, и кто мамаша, и были ли деточки, и где адрес ее — ничегошеньки не знаю.

(о морали. СПб. — Киев, вагон).

* * *

Мережковский всегда строит из чужого материала, но с чувством родного для себя. В этом его честь и великодушие.

Отчего идеи мои произвели на Михайловского ** впечатление *смешного*, и он сказал: «Это как у Кифы Мокиевича»; а на Мережковского — впечатление *трагического*, и он сказал: «Это такое же бурление, как у Ницше, это — *конец* или во всяком случае страшная *опасность* для христианства» ***. Почему? Мережковский (явно) понял *сильным и честным* умом то, чего Михайловский не понял и по бессилию и по недобросовестности ума — ума ленивого, чтобы проработать *чужие темы*, темы *не своего лагеря*. Между тем «семья» и «род», на которых у меня все построено, Мережковскому еще *отдаленнее* и *ненужнее*, чем Михайловскому, *даже враждебны Мережковскому*.

Но Мережковский схватил душой — не сердцем и не умом, а *всей* душой — эту мою мысль, уроднил ее себе; сопоставил с миром христианства, с зерном этого мира — аскетизмом; и постиг целые миры. Таким образом он «открыл семью» *для себя, внутренне* открыл, — под толчком, под указанием моим. И это есть в полном значении «открытие» *его*, новое для него, вполне и безусловно *самостоятельное его открытие* (почему Михайловский не открыл?). Я дал компас и, положим, сказал, что «на западе есть страны». А он открыл Америку. В этом его уроднении с чужими идеями есть великодушные. И Бог его наградил.

(Луга — Петербург, вагон).

* * *

О, мои грустные «опыты»... И зачем я захотел *все* знать. Теперь уже я не умру спокойно, как надеялся...

(1911).

* * *

«Человек о многом говорит интересно, но с аппетитом — только о себе» (Тургенев). Сперва мы смеемся этому выражению, как очень удачному... Но потом (через год) становится как-то грустно: бедный человек, у него даже хотят отнять право поговорить о себе. Он не только боли, нуждайся, но... и *молчи* об этом. И остроумие Тургенева, который хотел обличить человека в цинизме, само кажется цинично.

Я, напротив, замечал, что *добрых* от *злых* ни по чему так нельзя различить, как по выслушиванию ими этих рассказов чужого человека о себе. Охотно слушают, не скучают — верный признак, что этот слушающий есть добрый, ясный, простой человек. С ним можно водить дружбу. Можно ему довериться. Но не надейтесь на дружбу с человеком, который скучает, вас выслушивая: он думает только о себе и занят только собою. Столь же хороший признак *о себе* рассказывать: значит, человек чувствует в окружающих братьев себе. Рассказ другому есть выражение расположения к другому.

Мне очень печально сознаться, что я не любил ни выслушивать, ни рассказывать. Не *умел* даже этого. Это есть тот признак, по которому я считаю себя дурным человеком.

*

Шперк мне сказал однажды: «Не в намерениях ваших, не в идеях — но *как в человеке* в вас есть что-то нехорошее, какая-то нечистая примесь, что-то мутное в организации или в крови. Я не знаю что́, — но чувствую». Он очень любил меня (мне кажется, больше остальных людей, кроме близких). Он был очень проницателен, знал «корни вещей». И если это сказал, значит это верно.

*

Дурное в нас есть рок наш. Но нужно знать *меру* этого рока, *направления* его, и «отсчитывать по градусам», как говорят о термометрах, которые тоже врут все, но ученые с этим справляются, внося поправки.

Хотел ли бы я быть только хорошим? Было бы скучно. Но чего я ни за что не хотел бы — это быть злым, вредительным. Тут я предпочел бы умереть. Но я был в жизни всегда ужасно неуклюжий. Во мне есть ужасное уродство поведения, до неумения «встать» и «сесть». Просто не знаю, *как*. И не понимаю, *где* лучше (сесть, встать, заговорить). Никакого сознания горизонтов. От этого в жизни чем больше я приближался к людям — становился все неудобнее им, жизнь их становилась от моего приближения неудобнее. И от меня очень многие и притом чрезвычайно страдали: без всякой моей воли.

Это — рок.

*

К вопросу о *неуместности* человека. Как-то стою я в часовенке, при маленьком сквере около Владимирской церкви, на Петербургской стороне. Может, и в самой церкви — забыл, — было лет 14 назад. И замечая, что я ничего не слышу, что читают и поют, — не слушаю. А пришел с *намерением* слушать и умилиться. Тогда я подумал: «Точно я *иностранец* — во всяком месте, во всяком часе, где бы ни был, когда бы ни был». Все мне чуждо, и какой-то странной, на *роду* написанной, отчужденностью. Что бы я ни делал, кого бы ни видел — не могу ни с чем слиться. «Не совокупляющийся человек» — духовно. Человек «solo».

Все это я выразил словом «иностранец», которое у меня прошепталося, как величайшее осуждение себе, как величайшая грусть о себе, в себе.

Это — тоже рок.

«Какими рождаемся — таковы и в могилку». Тут какие-то особенные законы зачатия. Наследственность. Тут какой-то миг мысли, туман мысли или *безмыслия* у родителей, когда они зачинали меня: и в ребенке это стало непоправимо.

«Неизбежное»...

«Иностранец»... *«Где ушибемся, там и болит»*: не от этого ли я так бесконечно люблю человеческую *связанность*, людей *в связанности*, во взаимном *миловании*, *ласкании*. Здесь мой пафос к ним, так сказать, валит все заборы: ничего я так не ненавижу, ничему так не враждебен, как всему, что *разделяет* людей, что мешает им *слиться*, соединиться, стать *«в одно»*, надолго, на время — я даже не задаю вопроса. Конечно — лучше на вечность: а если нельзя, то хоть на сколько-нибудь времени. Это — конечно доброта: но не замечательно ли, что она вытекла из недоброты, из личного несчастья, порока. Вот связь вещей. И как не скажешь: «Судьба! Рок»...

* * *

С какой печалью читал (август 1911 г.) статьи Изгоева об университете *... Автор нигде не говорит: «забастовки мерзость», хотя и чувствует это, сознает это, говорит, но «эзоповым языком»... Отчего же он *явно не говорит*? Студенты — еще мальчики, и оттого, что он *отчетливо* не выговорит «мерзость», непременно скажут: «И он — *за забастовку*». Каким образом можно вводить юношество в такой обман и самообман?

Отчего эта боязнь?

Как темно все вокруг юношества, как мало можно винить его за то, что оно «потеряло голову» и идет в пропасть, среди аплодисментов печати.

Подлая печать.

И все это причитанье — «Кассо виноват» **. Кассо составляет всего *одного* подписчика на «Русскую Мысль», а «примыкающие к университету» читатели — *тысячи* подписчиков. И из-за нескольких сот рублей, ну двух-трех тысяч рублей, делается злодеяние над молодежью.

Из авторов «Вех» только двое — Гершензон и Булгаков *** — не разочаровали меня.

И какая это несчастная вещь — писать «обозрение» политики. Как не впасть в ложь. Между тем ведь душа — бессмертна. Как выше религия политики.

* * *

По фону жизни проходили всякие лоботрясы: зеленые, желтые, коричневые, в черной краске...

И Б. всех их описывал: и как шел каждый, и как они кушали свой обед, и говорили ли с присюсюкиванием или без присюсюкивания.

Незаметно в то же время по углам «фона» сидели молчаливые фигуры. С взглядом задумавшихся глаз... Но Б. никого из них не заметил.

(о Боборыкине, «75-летие» *).

* * *

Знаете ли вы, что религия есть самое важное, самое первое, самое нужное? Кто этого не знает, с тем не для чего произносить «А» споров, разговоров.

Мимо такого нужно просто *пройти*. Обойти его *молчанием*.

Но кто это знает? Многие ли? Вот отчего в наше время почти *не о чем и не с кем* говорить.

* * *

Связь пола с Богом — бо́льшая, чем связь ума с Богом, даже чем связь совести с Богом, — выступает из того, что все а-сексуалисты обнаруживают себя и а-теистами. Те самые господа, как Бокль или Спенсер, как Писарев или Белинский, о «поле» сказавшие не больше слов, чем об Аргентинской республике, и очевидно не более о нем и думавшие, в то же время до того изумительно атеистичны, как бы никогда до них и вокруг них и не было никакой религии. Это буквально «некрещеные» в каком-то странном, особенном смысле. Суть «метерлинковского поворота» за 20—30 лет заключалась в том, что очень много людей начали «смотреть в *корень*» не в прутковском, а в розановском смысле: стал всем интересен *его* пол, *личный* свой пол. Вероятно, тут произошло что-нибудь в семени (и яйце): замечательно, что теперь стали *уже рождаться* другими, чем лет 60—70 назад. Рождается «новая генерация»... Одна умная матушка (А. А. А-ова)** сказала раз: «Перелом теперь в духовенстве всего больше сказывается в том, какое множество *молодых матушек* страдает бесплодием». Она не

договаривала ту мысль, которую через год я услышал от нее: именно, что «не жены священников не зачинают; а что их *мужья не имеют силы зачать в них*». Поразительно.

Вот в этом роде что-то произошло и во всей метерлинковской генерации. Произошло не в образе мыслей, а в поле,— и *уже потом и в образе мысли*.

* * *

Хочу ли я, чтобы очень распространилось мое учение?

Нет.

Вышло бы большое волнение, а я так люблю покой... и закат вечера, и тихий вечерний звон.

* * *

Мне собственно противны те недостатки, которых я не имею. Но мои *собственные недостатки*, когда я их встречаю в других, нисколько не противны. И я бы их никогда не осудил.

Вот *граница* всякого суждения, т. е. что оно «компетентно» или «некомпетентно»; насколько «на него можно положиться». Все мы «с хвостиками», но обращенными в разные стороны.

(за нумизматикой).

* * *

Благородное, что есть в моих сочинениях, вышло не из меня. Я умел только, как женщина, воспринять это и выполнить. Все принадлежит гораздо лучшему меня человеку.

Ум мой и сердце выразились только в том, что я всегда мог поставить (увидеть) другого выше себя. И это всегда было легко, даже счастливо. Слава Богу, завидования во мне вовсе нет, как и «соперничество» всегда было мне враждебно, не нужно, посторонне.

* * *

Постоянно что-то делает, что-то предпринимает...

(евреи).

* * *

Семья есть самая *аристократическая* форма жизни... Да! — при несчастиях, ошибках, «случаях» (ведь «случаи» бывали даже в истории Церкви) все-таки это единственная аристократическая форма жизни.

Семейный сапожник не только счастливее, но он «вельможнее» министра, «расходующего не менее 500 р. при всяком докладе» («на чай» челяди — слова И. И. Т. мне). Как же этой аристократической формы жизни можно лишать кого-нибудь? А Церковь нередко лишает («запрещения», «епитимы», «степени родства» — 7-я вода на киселе). Замечательно, что «та книга» начинается с развода: *«Не ту* женщину имеешь женою себе». — «А тебе какое дело? Я на тебе вшей не считал в пустыне». Вот уже где началось разодрание основных слов. Никогда Моисей не «расторг» ни одного брака; Ездра «повелел оставить вавилонянок», но за то он и был только «Ездрую», ни — святой, и ни — пророк.

Этому «Ездре» я утер бы нос костромским платком. Не *смел* расторгать браков. Не по Богу. Семя Израиля приняли; и «отторгаться *мне* от лона с *моим* семенем» — значит *детоубийствовать*.

* * *

20 лет я живу в непрерывной поэзии. Я очень наблюдателен, хоть и молчу. И вот я не помню дня, когда бы не заприметил в ней чего-нибудь глубоко поэтического, и видя что или услыша (ухом во время занятий) — внутренно навернется слеза восторга или умиления. И вот отчего я счастлив. И даже от этого хорошо пишу (кажется).

(Луга — Петерб., вагон).

* * *

Хочу ли я действовать на жизнь? Иметь влияние?

Не особенно.

ВАША МАМА.
(Детям).

И мы прожили тихо, день за днем, многие годы. И это была лучшая часть моей жизни.

(25 февраля 1911 г.).

* * *

Мне как-то печально (и страшно) при мысли, что «как об умершем» и «тем более был писатель» обо мне станут говорить с похвалою.

Может быть, это и будет основательно; но ведь в оценку не войдет «печальный матерьял». И получая «не по заслугам», мне будет стыдно, мучительно, *преступно* «на том свете».

*

Если кто будет любить меня после смерти, пусть об этом промолчит.

(Луга — Петербург, вагон).

* * *

Моя душа сплетена из грязи, нежности и грусти.

Или еще:

Это — золотые рыбки, «играющие на солнце», но помещенные в аквариуме, наполненном навозной жижей.

И не задыхаются. Даже «тем паче»... Неправдоподобно. И однако — *так*.

*

Б. всего меня *позолотил*.

Чувствую это...

Боже, до чего чувствую.

*

Каждая моя строка есть священное писание (не в школьном, не в «употребительном» смысле), и каждая моя мысль есть священная мысль, и каждое мое слово есть священное слово.

— Как вы смеете? — кричит читатель.

— Ну вот так и «смею», — смеюсь ему в ответ я.

*

Я весь «в Провидении»... Боже, до чего я это чувствую.

*

Когда, кажется на концерте Гофмана *, я услышал впервые «Франческу да Римини», забывшись, я подумал: «Это моя душа».

То место музыки, где так ясно слышно движение крыл (изумительно!!!)

«Это моя душа! Это моя душа!»

Никогда ни в чем я не предполагал даже такую *массу внутреннего движения*, из какой собственно сплетены мои годы, часы и дни.

Несусь, как ветер, не устаю, как ветер.

— Куда? Зачем?

И наконец:

— Что ты любишь?

— Я люблю мои ночные грезы,— прошепчу я встречному ветру.

(глубокой ночью).

* * *

Старость, в постепенности своей, есть развязывание привязанности. И смерть — окончательный холод.

Больше всего, к старости, начинает томить неправильная жизнь; и не в смысле, что «мало наслаждался» (это совсем не приходит на ум) — но что не сделал *должного*.

Мне по крайней мере идея «долга» только и начала приходить под старость. Раньше я всегда жил «по мотиву», т. е. по аппетиту, по вкусу, по «что хочется» и «что нравится». Даже и представить себе не могу такого «беззаконника», как я сам. Идея «закона» как «долга» никогда даже на ум мне не приходила. «Только читал в словарях, на букву Д». Но не знал, что это, и никогда не интересовался. «Долг выдумали жестокие люди, чтобы притеснить слабых. И только дурак ему повинуется». Так приблизительно...

Только всегда была у меня *жалость*. Но это тоже «аппетит» мой; и была благодарность — как мой *вкус*.

*

Удивительно, как я удеывался с *ложью*. Она никогда не мучила меня. И по странному мотиву: «А какое

вам дело до того, что я *в точности думаю*», «чем я *обязан* говорить свои настоящие мысли». Глубочайшая моя субъективность (пафос субъективности) сделала то, что я точно всю жизнь прожил за *занавескою*, не снимаемую, не раздираемую. «До этой занавески никто не смеет коснуться». Там я жил; там, *с собою*, был правдив... А что говорил «по сю сторону занавески» — до правды этого, мне казалось, никому дела нет. «Я должен говорить *полезное*». «Ваша критика простирается только на то, *пользу ли* я говорю, — да и то условно: если вред — то *не принимайте*». Мой афоризм в 35 лет: «Я пишу не на гербовой бумаге» (т. е. всегда можете разорвать).

Если, тем не менее, я в большинстве (даже всегда, мне *кажется*) писал искренне, то это не по любви к правде, которой у меня не только не было, но «и представить себе не мог», — а по небрежности. Небрежность — мой отрицательный пафос. Солгать — для чего надо еще «выдумывать» и «сводить концы с концами», «строить» — труднее, чем «сказать то, что есть». И я просто «клял на бумагу, что есть»: что и образует всю мою правдивость. Она натуральная, но она не нравственная.

«Так расту»: «и если вам не нравится — то и не смотрите».

Поэтому мне часто же казалось (и, может быть, так и есть), что я самый правдивый и искренний писатель: хотя тут не содержится ни скрупула нравственности.

«Так меня устроил Бог».

* * *

Слияние своей жизни, *fatum'a*, особенно мыслей и, главное, писаний с Божеским «хочу» — было постоянно во мне, с самой юности, даже с отрочества. И отсюда, пожалуй, вытекла моя небрежность. Я потому был небрежен, что какой-то внутренний голос, какое-то непреодолимое внутреннее убеждение мне говорило, что все, что я говорю, — хочет Бог, чтобы я говорил. Не всегда это бывало в одинаковом напряжении: но иногда это убеждение, эта вера доходила до какой-то раскаленности. Я точно весь делался *густой*, душа делалась густою, мысли совсем приобретали особый строй и «язык сам говорил». Не всегда в таких случаях бывало перо под рукой: и тогда я *выговаривал*, что было на душе... Но я чувствовал, что в «выговариваемом» был такой напор силы («густого»), что не могли бы стены выдержать, сохра-

читься учреждения, чужие законы, чужие тоже «убеждения»... В такие минуты я чувствовал, что говорю какую-то абсолютную правду, и «под точь-в-точь таким углом наклона», как это есть в мире, в Боге, в «истине в самой себе». Большею частью, однако, это не записалось (не было пера).

* * *

Чувства *преступности* (как у Достоевского) у меня никогда не было: но всегда было чувство бесконечной своей *слабости*...

Слабым я стал делаться с 7—8 лет... Это — странная потеря своей воли над собою — над своими поступками, «выбором деятельности», «должности». Например, на факультет я поступил потому, что старший брат * был «на таком факультете», без всякой умственной и вообще без всякой (тогда) связи с братом. Я всегда шел «в отворенную дверь», и мне было все равно, «которая дверь отворилась». Никогда в жизни я не делал *выбора*, никогда в этом смысле не *колебался*. Это было странное безволие и странная безучастность. И всегда мысль: «Бог *со мною*». Но «в какую угодно дверь» я шел не по надежде, что «Бог меня *не оставит*», но по единственному интересу «к Богу, который *со мною*», и по вытекшей отсюда безынтересности, «в какую дверь войду». Я входил в дверь, где было «жалко» или где было «благодарно...» По этим двум мотивам все же я думаю, что я был добрый человек: и Бог за это многое мне простит.

* * *

Сколько у нас репутаций если не литературных (лигературной — ни одной), то журнальных, обмоченных в юношеской крови. О, если бы юноши когда-нибудь могли поверить, что люди, никогда их не толкавшие в это кровавое дело (террор), любят и *уважают* их — бесценную вечную их душу, их темное и милое «будущее» (целый мир) — больше, чем эти их «наушники», которым они доверились... Но никогда они этому не поверят! Они думают, что одиноки в мире, покинуты: и что одни у них остались «родные», это — кто им шепчет: «Идите впереди нас, мы уже стары и дрянно, а вы — героичны и благородны». Никогда этого шепота дьявола не было разобрано. Некрасов, член английского клуба, партнер мил-

лионеров, толкнул их более, чем кто-нибудь, стихотворением: «отведи меня в стан *погибающих*»*. Это стихотворение поистине все омочено в крови. Несчастнее нашего юношества, правда, нельзя никого себе вообразить. Тут проявляется вся наша действительность, «похожая (по бессмыслию) на сон», поддерживавшая в юношах эту черную и горькую мысль («всеми оставлены»). В самом деле, что они видели и слышали от чугунных генералов, от замороженных статских советников, от «аршинников-купцов», от «всего (почти) российского народа». Но, может, они вспомнят старых бабушек, старых тетей... Вот тут просвет. Боже, как ужасна наша жизнь, как действительно мрачна.

* * *

Чуковский все-таки очень хороший писатель. Но это «хорошее» получает от него литература (закапывание трупов), но не останется на *нем* самом. Дело в том, что он очень полезен, но он не есть прелестный писатель; а в литературе это — *всё*.

Но он не есть дурной человек, как я его старался выставить (портрет Репина) **.

(СПб.— Киев, вагон).

* * *

Человек стоит на двух якорях: родители, их «дом», его младенчество — это один якорь. «Первая любовь», 13—14 лет — есть перелом; предвестие, что потянул «другой якорь»... Исход и — венец; пристань «отчала» и пристань «причала». «Причал» *окончательный* — могила; и замечательно, что уже любовь подводит к ней. Но любовь — это «опять рожу» и стану для детей «пристанью *отчала*».

По этому *сложению жизни* до чего очевидно, что genitalia в нас важнее мозга. «Мозг» — это капитан: тот, который правит. Но для «мореплавания», очевидно, важен не капитан, лицо сменяемое и наемное, а вековые «отчалы» и «причалы». Ост-Индская Компания во всяком случае существовала не для удовольствия капитанов; и не для них — волжское пароходство и хлебная торговля.

Т. е. «красота личика» ей-ей важнее «способностей ума» для барышни. Да так это и есть. Так онъ и чувствуют. Но только онъ. А школа? вся организация воспитания? «Зубри квадратные уравнения» и «реки Ю. Америки». «Да притоки-то Рио-де-Лаплаты не упусти». Но как понятно и даже как хорошо это онъ «опускают».

(Луга — Петербург, вагон).

* * *

Как «матерый волк», он наелся русской крови и сытый отвалился в могилу.

(о Щедрина, вагон).

* * *

Она *родила* и, след., имела *право родить*. «Мочь» нигде так не совпадает с «я в праве», как в деторождении.

Ваш же старик* сказал: «Я *могу*, следовательно, я *должен*». Это он разумел о гофратах, отправляющихся поутру в должность, и — еще о молодых людях, могущих («а следовательно...») удержаться от девушек... Положим — так. Но ведь не иначе будет и в рассуждении юношей: «Я *могу* с нею зачать ребенка, и, следовательно, я *должен* его зачать в ней». Что ответил бы на это Кенигсбергский мудрец?

(Луга — Петерб., вагон).

* * *

Что такое пафос *égalité***? Стоя (в своем мнении) довольно высоко в литературе, я никогда не стал бы ни рваться к ней, ни избегать ее (*égalité*). «Мне все равно»... Но Поприщин рвался бы к *égalité* с испанским королем, и Бобчинскому бы, конечно, хотелось бы быть в *égalité* с губернатором. Что же это значит? Неужели поверить, что дух *égalité* есть тоска всего униженного, скорбящего о себе, всего «половинчатого» — до уравнения с *единицею*?

Дарвин, заявив *égalité* шимпанзе и человека, гораздо более трудился во «французском духе», чем в английском (как думали; думал Н. Я. Данилевский***).

(Луга — Петербург, вагон).

* * *

Вот и я кончаю тем, что все русское начинаю ненавидеть. Как это печально, как страшно.

Печально особенно на конце жизни.

*

Эти заспанные лица, неметеные комнаты, немощные улицы...

Противно, противно.

(Луга — Петерб., вагон).

* * *

И везде лукавство. «Почему этот соня к тому же вечно врёт?»

(русские; Луга — Петерб., вагон).

* * *

А для чего иметь «друга читателя»? Пишу ли я «для читателя»? Нет, пишешь для себя.

— Зачем же печатаете?

— Деньги дают...

Субъективное совпало с внешним обстоятельством.

Так происходит литература. И только.

(Луга — Петерб., вагон).

* * *

Странник, вечный странник и везде только странник.

(Луга — Петерб., вагон; о себе).

* * *

Что же была та стрела, которую постоянно чувствовал в моем сердце? И от которой в сущности и происходит вся моя литература?

Это — грех мой.

Через грех я познавал все в мире и через грех (раскаяние) относился ко всему в мире.

(Луга — Петерб., вагон).

* * *

Всякая любовь прекрасна. И только она одна и прекрасна.

Потому что на земле единственное «в себе самом истинное» — это любовь.

*

Любовь исключает *ложь*: первое «я солгал» означает: «я уже не люблю», «я меньше люблю».

Гаснет любовь — и гаснет истина. Поэтому «истинствовать на земле» — значит постоянно и истинно любить.

(Луга — Петерб., вагон).

* * *

Слава — змея. Да не коснется никогда меня *ее* укус.

(за нумизматикой).

* * *

Лежать в теплом песке после купанья — это в своем роде стоит философии.

И лаццарони *, вечно лежащие в песке, почему не отличная философская школа?

(за нумизматикой).

* * *

Русская церковь представляет замечательное явление. Лютеранство и католичество во многих отношениях замечательнее его, но есть отношения, в которых оно замечательнее их. Обратим внимание, что умы спокойные, как Буслаев, Тихонравов, Ключевский, как С. М. Соловьев **, — не искали *ничего в ней поправить* и были совершенно ею удовлетворены. Вместе с тем это были люди верующие, религиозные, люди благочестивой жизни в самом лучшем смысле — в *спокойно-русском*. Они о религии специально ничего не думали, а всю жизнь трудились, благородствовали, созидали. Религия была каким-то боковым фундаментом, который поддерживал всю эту гору благородного труда. Нет сомнения, что, будь они «безверные», — они не были бы ни так благородны, ни так деятельны. Религиозный скептицизм они встретили бы с величайшим презрением. «Допросы» Православию начнутся ниже (или в стороне?) этого этажа: от умов более едких, подвижных и мелочных. Толстой, Розанов, Мережковский, Герцен — уже не Буслаев, с его вечер-

ним тихим закатом. Это — сумятица и буря, это — злость и нервы. Может быть, кое-что и замечательное. Но не спокойное, не ясное, не гармоничное.

Православие в высшей степени отвечает гармоничному духу, но в высшей степени не отвечает потревоженному духу. В нем есть, говоря аллегорически, Зевс; в Александре Невском (опять аллегорически) оно получило себе даже «Марса». «В петербургском периоде» (славянофилы) — все строят храмы Александру Невскому, этому «Аресу» и вместе «Ромулу» Руси, отодвинув в сторону киевских подвижников. Итак, Марс и Зевс (*их стихии*) — вот Православие; но нет в нем Афродиты, нет Юноны, «госпожи дома», Сатурна и далекой мистики.

(на обороте полученного письма).

* * *

Не додашь чего — и в душе тоска. Даже если не додашь подарок.

(Девочка на вокзале, Киев,
которой хотел подарить карандаш-«вставочку»;
но промедлил, и она с бабушкой ушла).

А девочка та вернулась, и я подарил ей карандаш. Никогда не видала, и едва мог объяснить, что за «чудо». Как хорошо ей и мне.

* * *

Кто с чистою душою сходит в землю? О, как нужно нам очищение.

(зима 1911 г.).

* * *

...там, может быть, я и «дурак» (есть слухи), может быть, и «плут» (поговаривают); но только той широты мысли, неизмеримости «открывающихся горизонтов» ни у кого до меня, как у меня, не было. И «все самому пришло на ум» — без заимствования даже йоты. Удивительно. Я прямо удивительный человек.

(на подошве туфли; купанье).

* * *

Запутался мой ум, совершенно запутался...

Всю жизнь посвятить на разрушение того, что одно в мире люблю: была ли у кого печальнее судьба.

(лето 1911 г.).

* * *

Судьба *бережет* тех, кого она лишает славы.

(зима 1911 г.).

* * *

Воображают, что я «подделывался к начальству». Между тем как странная черта моей психологии заключается в таком сильном ощущении *пустоты около себя*, — *пустоты безмолвия и небытия* вокруг и *везде*, — что я едва знаю, едва верю, едва *допускаю*, что мне «современничают» другие люди. Это кажется невозможным и нелепым, но это — так.

* * *

Почему я так «не желаю известности» (или влияния) и так (иногда) тоскую (хотя иногда и хорошо от этого бывает на душе), что «ничего не вышло из моей литературной деятельности», никто за мной не идет, не имею «школы»?

Только из какого-то странного желания *счастья людям*. Судишь всегда «по себе» (и иначе невозможно). А «по себе» я и сужу, что нельзя быть иначе счастливым, как *имея именно мои мысли*. Я бы очень рад был, если бы «без меня обошлось»; и вот в этом случае хотя бы все то же точь-в-точь написал, что написал: но был бы уже вполне равнодушен, читают или не читают.

*

В этом смысле «желание влияния» есть втайне очень благородное чувство: *иметь себя другом всех и иметь себе другом целый мир...*

*

Только тогда не надо бы подписываться, а я подписываюсь. Это странно. Но, в смысле благополучия, «Розанова» ругали больше, чем «Розанова» хвалили: и ругали более уничижительно, мне кажется, даже более прощательно (в некоторых точках), нежели хвалили.

(за подбором этих заметок).

* * *

Он был не умен и не образован; точнее — не развит: но изумительно талантлив. «Взял» он что от Витте или не взял — я не знаю. Но он безусловно был честный че-

ловек: ибо с 1/10 его таланта люди кончали «тайными советниками» и успокаивались на рентах и пенсиях. Он же умер если не нищим, то бедняком.

Но и не по этому одному он *безусловно честен*: было что-то в нем неуловимое, в силу чего, даже взяв его за руку с вытасненным у меня носовым платком, я пожал бы ему руку и сказал бы: «Сережа, это что-то случайное: ведь я знал и знаю *сейчас*, что ты один из честнейших людей в России». И он расплакался бы слезами ангела, которыми вот никогда не заплачет «честный» Кутлер, сидящий на 6-тысячной пенсии *

(о Шарапове, когда он умер **).

* * *

Я не спорщик с Богом и не изменю Ему, когда Он по молитве не дал мне «милости»; я *люблю* Его, *предан* Ему. И что бы Он ни делал — не скажу хулы, и только буду плакать *о себе*.

(грустное лето 1911; рука все не движется).

* * *

Душа православия — в даре молитвы. Тело его — обряды, культ. Но кто подумал бы, что кроме обрядов в нем и нет ничего (Гарнак, дерптец-берлинец ***), — тот все-таки при всяческом уме *не понял бы в нем ничего*.

(лето 1911 г.).

* * *

Кто любит народ русский — не может не любить церкви. Потому что народ и его церковь — одно. И только у русских это — одно.

(лето 1911 г.).

* * *

Никакого интереса к реализации себя, отсутствие всякой внешней энергии, «воли к бытию». Я — самый не реализующийся человек.

* * *

Несколько прекрасных писем от Горького этот год****. Он прекрасный человек. Но если все другие «левые» так же видят, так же смотрят: то, прежде всего, против «на-

шего горизонта» — какой это суженный горизонт! Неужели это правда, что разница между радикализмом и консерватизмом есть разница между узким и широким полем зрения, между «близорукостью» и «дальнозоркостью»? Если так, то ведь, значит, мы победим? Между тем никакой на это надежды.

(лето 1911 г.).

* * *

Рок Горького — что он попал *в славу, в верхнее положение*. Между тем по натуре это — боец. С кем же ему бороться, если «все повалены», не с Грингмутом же, не с Катковым? Не с кн. Мещерским *, о самом *бытии* которого Горький едва ли что знал.

И руки повисли.

Боец умер вне боя. Я ему писал об этом, но он до странности не понял ничего в этой мысли.

* * *

Трех людей я встретил умнее, или, вернее, даровитее, оригинальнее, самобытнее себя: Шперка, Рцы и Фл-го**. Первый умер мальчиком (26 л.), ни в чем не выразившись; второй был «Тентетников»***, просто гревший на солнышке брюшко. «Иван Иванович, который играет на скрипке», — определял он себя (иносказательно, в одной статье). Замечательное в их *уме*, или вернее — в их *душе*, в их *метафизической (до рождения) опытности*, — было то, что они не знали ошибок; их суждения можно было принимать «вслепую», не проверяя, не раздумывая. Их слова, мысли, суждения, самые коротенькие, освещали часто целую мировую область. Все были почти славянофилы, но в сущности — не славянофилы, а — *одиночки*, «я»...

Прочие из знаменитых людей, каких я встречал: Рачинский, Страхов****, Толстой, Победоносцев, Соловьев, Мережковский, — не были сильнее меня...

Мне почувствовалось, что-то очень *сильное* и *самостоятельное* в Тигранове (книжка о Вагнере)*****. Но мы виделись только раз, и притом я был в тревоге и не мог внимательно ни смотреть на него, ни слушать его. Об этом скажу, что, «может быть, даровитее меня»...

Столпнер был *очень умен*, и в *отдельных суждениях* — сильнее меня; но, *в общем*, сильнее меня не был*****

Да... Еще сильнее себя я чувствовал Константина Леонтьева (переписка с ним).

Но над всеми перечисленными я имел преимущества хитрости (русское «себе на уме») и, может быть, от этого не погиб (литературно), как эти несчастные («неудачники»). С детства, с моего испуганного и замученного детства, я взял привычку молчать (и вечно думать). Все молчу... и все слушаю... и все думаю... И дураков, и речи этих умниц... И все, бывало, во мне зреет, медленно и тихо... Я никуда не торопился, «полежать бы»... И от этой неторопливости, в то время как у них все «порвалось» или «не дозрело», у меня и не порвалось, и, я думаю, дозрело. Сравнительно с «Рцы» и Шперком как обширно развернулась моя литературная деятельность, сколько уже издано книг... Но за всю мою жизнь никакие печатные отзывы, никакие дифирамбы (в той же печати) не дали мне этой спокойной хорошей гордости, как дружба и (я чувствовал) уважение (от Шперка — и любовь) этих трех людей.

Но какова судьба литературы: отчего же они так не знамениты, отвергнуты, забыты?

Шперк, точно предчувствуя свою судьбу, говаривал: «Вы читали (кажется) Грубера*? Нет? Ужасно люблю отыскать что-нибудь его. *Меня вообще манят писатели безвестные, оставшиеся незамеченными. Что были за люди? И так радуешься, встретив у них необычайную и преждевременную мысль*». Как это просто, глубоко и прекрасно.

Еще помню его афоризм о детях: «Дети тем отличаются от нас, что воспринимают все с такою силою реализма, как это недоступно взрослым. Для нас «стул» есть подробность «мебели». Но дитя категории «мебели» не знает: и «стул» для него так огромен и жив, как не может быть для нас. От этого дети *наслаждаются миром* гораздо больше нас».

Еще удивительнее суждение: «Житейское правило, что *дети должны уважать родителей, а родители должны любить детей*, нужно читать наоборот: родители именно должны *уважать детей* — уважать их своеобразный мирок и их пылкую, готовую оскорбиться каждую минуту, натуру; а дети должны только *любить* родителей, — и уже непременно они будут любить их, раз почувствуют это *уважение к себе*».

Как это глубоко и как ново.

Толстой... Когда я говорил с ним, между прочим, о

семье и браке, о поле — я увидел, что во всем этом он путается, как переписывающий с прописей гимназист между «И» и «І» и «Й»; и, в сущности, ничего в этом не понимает, кроме того, что «надо удерживаться». Он даже не умел эту ниточку — «удерживайся» — развернуть в прядочки льна, из которых она скручена. Ни — анализа, ни — способности комбинировать; ни даже — *мысли*, одни восклицания. С этим нельзя взаимодействовать, это что-то *imbecile* *.

В С-ве то только интересное, что «бесенок сидел у него на плече» (в Балтийском море) **. Об этом стоило поговорить. Загадочна и *глубока* его тоска: то, о чем он молчал. А слова, *написанное* — всё самая обыкновенная журналистика («бранделясы»).

Он нес перед собою свою *гордость*. И она была — *ничто*. Лучшее в себе, *грусть*, — он о ней промолчал.

Победоносцев был прекрасный человек; но ничем не выразил, что имел «прекрасный, *самородный русский ум*». Был настолько обыкновенен, что не истоптал своего профессорства.

Перед ним у меня есть вина: я *не смел* о нем писать дурно после смерти. Хотя объективно там и есть правильное — но я был в этих писаниях *не благороден*. Рачинский был сухой и *аккуратный ум*, без всего нового и оригинального.

* * *

Литература (*печать*) прищемила у человека *самолюбие*. Все стали *бояться* ее; все стали *ждать* от нее. «Эти мошенники, однако, раздают мантионовские премии ***». И вот откуда выросла ее *сила*.

Сила ее оканчивается там, где человек *смежает на нее глаза*. «Шестая держава» (Наполеон о печати) обращается вдруг в серенькую, хилую деревушку, как только, повернувшись к ней спиной, — вы *смотрите на дела*, а не на ландкарту с надписью «шестая держава».

* * *

...а ведь по существу-то — Боже! Боже! — в душе мой вечно стоял монастырь.

*

Неужели же мне нужна была площадь?
Брррр...

* * *

Вот чего я совершенно и окончательно не знаю: «*что-нибудь я*», или — *ничто*? Какой-то пар надувает меня, и тогда кажется, что — «*что-то*». Но «развивается длинный свиток» (Пушкин) *, и тогда выходит — «*ничто*».

(СПб.— Киев, вагон).

* * *

«Что ты все думаешь о себе. Ты бы подумал о людях».
— Не хочется.

(СПб.— Киев, вагон).

* * *

Ах, люди — пользуйтесь каждым-то вечером, который выйдет ясным. Скоро жизнь проходит, пройдет, и тогда скажете «насладился бы», а уж нельзя: боль есть, грусть есть, «некогда»! Нумизматика — хорошо и нумизматику; книга — пожалуй, и книгу.

Только не пишите ничего, не «старайтесь»: жизнь упустите, а написанное окажется «глупость» или «не нужно».

* * *

Да, может быть, и неверен «план здания»: но уже оно бережет нас от дождя, от грязи: и как *начать рубить* его?

(вагон; о церкви).

* * *

Голова моя качается под облаками.
Но как слабы ноги.

*

Во *многих отношениях* я понимаю язычество, юдаизм и христианство полнее, *сердцевиннее*, чем они понимались в классическую пору расцвета собственными исповедниками.

И между тем я только — «житейский человек сегодняшнего дня», со всеми его слабостями, с его великим антиисторическим «не хочется»...

Но тут тайна диалектики: «мой сегодняшний день», в который я уперся с силою, как, я думаю, никто *до меня*, — и дал мне всю силу и все проникание. Так что «из слабости *изошла сила*», и «от *такой* силы — *вышла обратная слабость*».

* * *

«Текущее поколение» не то чтобы не имеет «большого значения»: но — и совершенно *никакого*. Минет 60 лет, «один вздох истории», — и от него останется не больше, чем от мумий времен Сезостриса *. Что мы знаем о людях 20-х годов (XIX в.)? Только одно то, что говорил Пушкин. Вот *его* каждую строчку знаем, помним, учимся над нею. А его «современники» и существовали *для своего времени*, для нашего же ровно *никак* не существуют. Из этого вывод: живи и трудись, *как бы никого не было*, как бы не было у тебя вовсе «современников». И если твой труд и мысли ценны — они одолеют все, что вокруг тебя ненавидит тебя, презирает, усиливается затоптать. Сильнейший и есть сильнейший, а слабейший и есть слабейший. Это мать «друга» говаривала (в Ельце): «Правда светлее солнца».

И живи для нее: а люди пусть идут куда знают.

* * *

Что же ты любишь, чудак? — Мечту свою.

(вагон; о себе).

* * *

Когда я сижу у д-ра, то всегда на уголке стула, и мысленно шепчу: «не хочется ли вам выдрать меня за ухо — пожалуйста», или «дать пощечину — пожалуйста, пожалуйста, я терпелив, и даже с удовольствием: но только уж после этого постарайтесь и вылечите». Почему-то у меня о всех болезнях существует представление, что они неизлечимы, и от этого я так трепетал всегда звать доктора: t^0 уже 39, бред — «ну это так, это простуда, сейчас aspirini 5 gr., уксусом растереть горчишник, слабительное», и вообще «домашнее», и «пройдет». А «позвал д-ра» — это *болезнь*, и почему-то всегда идея — «она неизлечима». А у доктора Рентельна ** перед 3-й операцией, я только согнул тело, чтобы иметь вид сидящего, у самой двери, но не дотронулся до сиденья. Он говорил медленно:

«Фистула... и нужно отрезать шейку матки... И вообще уменьшить, пообчистить (срезая?!!) матку».

Но, Боже мой: *рак* всегда и появляется «на шейке матки» и раз ее «отрезать» — значит рак...

Как я тогда дотащился до дому, не помню...

* * *

Вот и совсем прошла жизнь... Остались немногие хмурые годы, старые, тоскливые, ненужные...

Как все становится ненужно. Это главное ощущение старости. Особенно — вещи, предметы: одежда, мебель, обстановка.

Каков же *итог* жизни?

Ужасно мало смысла. Жил, когда-то *радовался*: вот главное. «Что вышло?» Ничего особенного. И особенно как-то *ненужно*, чтобы что-нибудь «вышло». Безвестность — почти самое желаемое.

*

Что самое лучшее в прошедшем и давно прошедшем? Свой хороший или мало-мальски порядочный поступок. И еще — добрая встреча: т. е. узнавание доброго, подходящего, милого человека. Вот это в старости ложится светлой, светлой полосой, и с таким утешением смотришь на эти полосы, увы, немногие.

Но шумные удовольствия (у меня немного)? Так называемые «наслаждения»? Они были приятны только в момент получения, и не имеют никакого значения для «потом».

Только в старости узнаешь, что «надо было хорошо жить». В юности это даже не приходит на ум. И в зрелом возрасте — не приходит. А в старости воспоминание о добром поступке, о ласковом отношении, о деликатном отношении — единственный «светлый гость» в «комнату» (в душу).

(глубокой ночью).

* * *

Да что же и дорого-то в России, как не старые церкви. Уж не канцелярии ли? или не редакции ли? А церковь старая-старая, и дьячок — «не очень», все с грешком, слабенькие. А *тепло только тут. Отчего же тут тепло, когда везде холодно?* Хоронили тут мамашу, братцев: похоронят меня; будут тут же жениться дети: все — *тут...* Все *важное...* И вот люди наддышали *тепла*.

* * *

В «друге» Бог дал мне встретить человека, в котором я никогда не усумнился, никогда не разочаровался. За-

бавно, однако, что не проходило дня, чтобы мы не покричали друг на друга. Но за вечерний час никогда не переходила наша размолвка. Обычно я или она через 1/2 часа уже подходили с извинением за грубость (выкрик).

Никогда, никогда между нами не было гнева или неуважения.

Никогда!!! И ни на один *полный день*. Ни разу за 20 лет день наш не закатился в «разделении»...

(глубокой ночью).

* * *

Тихие, темные ночи...

Испуг преступленья...

Тоска одиночества...

Слезы отчаянья, страха и пота труда...

Вот ты, религия...

Помощь согбённому...

Помощь усталому...

Вера больного...

Вот твои корни, религия...

Вечные, чудные корни...

(за корректурой фельетона).

* * *

«Всё произошло через плаценту», — сказал Шернваль *. В 17^{1/2} лет, когда *в этих вещах* она и теперь, в 47 лет, как ребенок. «Отчего рука висит?!» — и никакой другой заботы, кроме руки. Доктор насмешливо: — «Вот больше всего их беспокоит рука. Но ведь это же ничего, у вас даже и недвижна-то *левая*»...

И курит папироску в какой-то задумчивости.

* * *

Болит душа, болит душа, болит душа...

И что делать с этой болью — я не знаю.

Но только *при боли* я и согласен жить... Это есть самое дорогое мне и во мне.

(глубокой ночью).

* * *

Уже года за три до 1911 г. мой безымянный и верный друг, которому я всем обязан, говорил:

— Я чувствую, что не долго еще проживу... Давай эти немногие годы проживем хорошо...

И я весь замирал. Едва слышно говорил: «Да, да!» Но в действительности этого «да» не выходило.

ВАША МАМА

(Детям)

— Я отрезала косу, потому что она мне не нужна. Чудная каштановая коса. Теперь волосы торчат, как мышинный хвостик.

— Зачем? И не спросясь! Это *мне* обидно. Точно ты что *бросила от себя*, и — такое, что было *другим* хорошо.

— Я все потеряла. Зачем же мне коса? Где моя шея? где мои руки? Ничего не осталось. И я бросила косу. (В день причастия, поздно вечером.)

Мне же показалось это, как и все теперь кажется, каким-то предсмертным жестом.

(25 февраля 1911):

* * *

К 56-ти годам у меня 35 000 руб. Но «друг» болеет... И все как-то не нужно.

* * *

Все же у нее «другом» был действительно я: у меня одного текут слезы, текут и не могут остановиться...

Дети... Как мало им нужны родители, когда они сами входят в возраст: товарищи, своя жизнь, будущее — так это волнует их...

Когда мама моя умерла, то я только то понял, что можно закурить папиросу открыто. И сейчас закурил. Мне было 13 лет.

* * *

20 лет как «журчащий свежий ручеек» я бежал около гроба...

И еще раздражался: отчего вокруг меня не весело, не цветут цветы. И так поздно узнать все...

* * *

...да, я приобрел «знаменитость»... О, как хотел бы я изодрать зубами, исцарапать ногтями эту знаменитость, всадить в нее свой гнилой зуб, последний зуб.

И все поздно.

О, как хотел бы я вторично жить, с единственной целью — *ничего не писать*.

Эти строки — они отняли у меня все; они отняли меня у «друга», ради которого я и должен был жить, хотел жить, хочу жить.

А «талант» все толкал писать и писать.

(глубокой ночью).

* * *

И бредет-бредет моя бродулька по лестнице (все ступает вперед одной правой ногой, меня не видит за поворотом, а я вижу: лицо раскраснелось, и оживленно говорит поддерживающей горничной: «Вот... (не помню) сегодня внесла сто рублей доктору. Ободрала совсем В. В-ча». — «Совсем ободрала», — смеюсь я сверху, сбегая вниз. «Какие же сто рублей ты внесла: внесу я, и не сегодня, а только на этой неделе».

Но для нее одна забота, вперед бегущая за семь дней, что на болезнь ее выходит много денег. Она засмеялась, и мы и больно и весело вошли в прихожую. Ах, моя бродулька, бродулька: за твердую походку я дал бы тысячу... и за *все здоровье* отдал бы *все*.

* * *

«Этого мне теперь уж ничего не нужно. Нужно, чтобы ты был здоров и дети устроены и поставлены».

(3-го ноября 1911, перед консилиумом,
в ответ на обещание, в котором
много лет отказывал,
насчет рисовки монет).

* * *

Я говорил о браке, браке, браке... а ко мне все шла смерть, смерть, смерть...

* * *

Страшное одиночество за всю жизнь. С детства. Одинокие души суть затаенные души. А затаенность — от порочности. Страшная тяжесть одиночества. Не от этого ли боль?

Не только от этого.

* * *

27 ноября скончалась 85 лет от роду, в Ельце, «наша бабушка» — Александра Андрияновна Руднева, урож-

денная Жданова. Ровно 70 лет она несла труд для других,—уже в 15 лет определив себе то замужество, которое было бы удобнее для оставшегося на руках ее малолетнего брата. Оба — круглые сироты. И с этого времени, всегда веселая, только «бегая в церковь», уча окружающих ребят околицы — «грамоте, Богу, Царю и отечеству», ибо в «ѣ» была сама нетверда,—она как нескончаемая свечка катакомб (свечка клубком) светила, грела, ласкала, трудилась, плакала — много плакала (††...) — и только «церковной службой» вытирала глаза себе (утешение). Пусть эта книга будет посвящена ей и рядом с нею — моей бедной матери, Надежде Васильевне Розановой.

*

Она была совсем другою. Вся истерзанная,—бессилим, вихрем замутненных чувств... Но она не знала, что когда потихоньку вставала с кровати, где я с нею спал (лет 6—7—8), то я не засыпал еще и слышал, как она молилась за всех нас, безмолвно, потом становился слышен шепот... громче, громче... пока возгласы не вырывались с каким-то свистом (легким).

А днем опять суровая и всегда суровая. Во всем нашем доме я не помню никогда улыбки.

* * *

Томительно, но не грубо свистит вентилятор в коридорчике; я заплакал (почти): «Да вот чтобы слушать его — я хочу еще жить, а главное *друг* должен жить». Потом мысль: «Неужели он (*друг*) на том свете не услышит вентилятора»; и жажда бессмертия так схватила меня за волосы, что я чуть не присел на пол.

(глубокой ночью).

* * *

О доброте нашего духовенства: сколько я им корост засыпал за воротник... Но между теми, кто знал меня, да и из незнавших — многие, отнеслись — «отвергая мои идеи», враждуя с ними в печати и устно — не только добро ко мне, но и любяще (Устьинский, Филевский, цензор Лебедев, Победоносцев, М. П. Соловьев, свящ. Дроздов, Акимов, Целиков, проф. Глубовский, Н. Р. Щербова, А. А. Альбова*). Исключением был только С. А. Рачинский, один, который «возненавидел брата своего» (после статей о браке в «Рус. Труде» и в «С.-Петерб.

Ведом.»). Чего: Гермоген, требовавший летом отлучить меня, в ноябре — декабре *дважды* просился со мной увидеться*. Епископ Сергей (Финляндский), знавший (из одного ему пересланного Федоровым письма моего) о «всем возмутительном моем образе мыслей» — тем не менее, когда «друг» лежал в Евангелической (лютеранской) больнице после 3-й операции, приехал посетить ее, и приехал по заботе митрополита Антония, *вовсе ее ни разу не выдавшего*, и который и меня-то раза 2—3 видел, без всяких интимных бесед**. И везде — деликатность, везде — тонкость; после такой моей *страшной вражды к ним* и совершенно *непереносимых обвинений*. Но светские: какими они ругательствами («Передонов», «двурушник», «с ним нельзя садиться за один стол и вести одну работу» etc., etc.) меня осыпали, едва я проводил рукою «против шерстки» их партии. Из этого я усмотрел, до чего Церковь *теплее* светской жизни en masse***: сердечнее, душевнее, примиреннее, прощающее. И если там был огонь (инквизиция), то все-таки это не плаха позитивистов: холодная, и с *холодным железом*...

И я бросился (1911 г., конец) к Церкви: одно в мире *теплое, последнее теплое* на земле...

Вот моя биография и судьба.

(9 декабря 1911).

Р. С. Религиозный человек выше мудрого, выше поэта, выше победителя и оратора. «Кто молится» — победит всех, и *святые* будут победителями мира.

Иду в Церковь! Иду! Иду!

(Тот же день и час).

Р. Р. С. Никогда моя нога не будет на одном полу с позитивистами, никогда! никогда! — И никогда я не хочу с ними дышать воздухом одной комнаты!

Р. Р. Р. С. Лучше суеверие, лучше глупое, лучше черное, но с *молитвой*. Религия, или — ничего. Это борьба и крест, посох и палица, пика и могила.

Но я верю, «святые» победят.

Р. Р. Р. Р. С. Лучшие люди, каких я встречал, — нет, каких я *нашел* в жизни: «друг», великая «бабушка» (Ал. Андр. Руднева), «дяденька»,**** Н. Р. Щербова, А. А. Альбова, свящ. Устьянский, — все были *религиозные* люди; глубочайшие умом Флоренский, Рцы — религиозны же. Ведь это что-нибудь да значит? Мой выбор *решен*.

Молитва — или ничего.

Или:

Молитва — и игра.

Молитва — и пиры.

Молитва — и танцы.

Но в сердцевине всего — молитва.

Есть «молящийся человек» — и можно все.

Нет «его» — и ничего нельзя.

Это мое «сredo» — и да сойду я с ним в гроб.

Я начну великий танец молитвы. С длинными трубами, с музыкой, со всем: и *все будет дозволено*, потому что *все будет замолено*. Мы *все сделаем*, потому что после всего *поклонимся Богу*. Но не сделаем лишнего, сдержимся, никакого «карамазовского»: ибо и «в танцах» мы будем помнить Бога и не захотим огорчить Его.

«С нами Бог» — это вечно.

* * *

Торг, везде торг, в литературе, в политике, — торг о *славе*; торг о *деньгах*; а упрекают попов, что они «торгуют восковыми свечами» и «деревянным маслом». Но у этих «торг» в $\frac{1}{10}$ и они не образованы; а у светских в $\frac{9}{10}$, хотя они и «просвещены».

(13 декабря 1911 г.).

* * *

Почему я так сержусь на радикалов?

Сам не знаю.

Люблю ли я консерваторов?

Нет.

Что со мною? Не знаю. В каком-то недоумении.

(14 декабря 1911 г.).

* * *

26-го августа 1910 г. я сразу состарился*.

20 лет стоял «в полдне». И сразу 9 часов вечера.

Теперь ничего не нужно, ничего не хочется. Только могила на уме.

(14 декабря 1911 г.).

* * *

Никакого интереса в будущем.

Потому что никакого интереса уж не разделит «друг».

Интерес нужен «вдвоем»: для *одного* — нет интереса.
Для «одного» — могила.

(14 декабря 1911 г.).

* * *

Действительно, я чудовищно ленив читать. Напр., Философова статью о себе (в сборнике) прочел 1-ую страницу; и только этот год, прибирая книги после дачи (пыль, классификация) — наткнулся, раскрыл и прочитал, не вставая с полу, остальное (много верного) *. Но отчего же, втайне, я так мало читаю?

1000 причин; но главная — все-таки это: мешает думать. Моя голова, собственно, «закружена», и у меня нет сил выйти из этой закруженности.

Я жадно (безумно) читал в гимназии: но уже в университете дальше начала книг «не ходил» (Моммзен, Блюнчли **).

Собственно, я родился странником; странником-поведником. Так в Иудее, бывало, «целая улица пророчествует». Вот я *один* из таких; т. е. людей *улицы* (средних) и «во пророках» (без миссии *переломить*, напр., судьбу народа). «Пророчество» не есть у меня *для русских*, т. е. факт истории нашего народа, а — мое *домашнее обстоятельство*, и относится *только до меня* (без значения и влияния); есть частность моей биографии.

Я решительно не могу остановиться, удержаться, чтобы не говорить (писать): и все мешающее отбрасываю нетерпеливо (дела житейские) или выраниваю из рук (книги).

Эти говоры (шепоты) и есть моя «литература». Отсюда столько ошибок: дойти до книги и раскрыть ее и справиться — для меня труднее, чем написать целую статью. «Писать» — наслаждение; но «справиться» — отвращение. Там «крылья несут», а тут — должен работать; но я вечный Обломов.

И я утешался в этом признанном положении, на которое *все дали свое согласие*: что ведь вообще «мир есть мое представление». По этому тезису я вовсе не обязан «справляться» и писать верно историю или географию: а писать — «как мне представляется». Не будь Шопенгауэра, мне, может, было бы стыдно: а как есть Шопенгауэр, то мне «слава Богу».

Из Шопенгауэра (пер. Страхова) *** я прочел тоже только первую половину первой страницы (заплатив 3

руб.): но на ней-то *первою строкою* и стоит это: «*Мир есть мое представление*».

— Вот это хорошо,— подумал я по-обломовски.— «Представим», что дальше читать очень трудно и вообще для меня, собственно, не нужно.

(14 декаб. 1911).

* * *

Могила... знаете ли вы, что смысл ее победит целую цивилизацию...

Т. е. вот равнина..., поле..., ничего нет, никого нет..., И этот горбик земли, под которым зарыт человек. И эти два слова: «зарыт человек», «человек умер» своим потрясающим смыслом, своим великим смыслом, стонающим... преодолевают всю планету,— и важнее «Иловайского с Атиллами».

Те все топтались... Но «человек умер», и мы даже не знаем — *кто*: это до того ужасно слезно, отчаянно... что вся цивилизация в уме точно перевертывается, и мы не хотим «Атиллы и Иловайского», а только сесть на горбик и выть на нем униженно, собакою...

О, вот где *гордость* проходит.

Проклятое свойство.

Недаром я всегда так ненавидел тебя.

(14 декабря 1911).

* * *

Как-то везут гроб с позументами, и толпа шагает через «мокрое» и цветочки, упавшие с колесницы: спешат, трясутся. И я, объезжая на извозчике и тоже трясясь, думал: так-то вот повезут Вас. Вас-ча; живо представилось мне мое глуповатое лицо, уже тогда бледное (теперь всегда красное) и измученные губы, и бороденка с волосенками, такие жалкие, и что публика тоже будет ужасно «обходить лужи», и ругаться обмочившись, а другой будет ужасно тосковать, что нельзя закурить, и вот я из гроба ужасно ему сочувствую, что «нельзя закурить», и не будь бы отпет и вообще такой официальный момент, когда я «обязан лежать», то подsunул бы ему потихоньку папироску.

Знаю по собственному опыту, что именно на похоронах хочется до окаянства курить...

И вот везут-везут, долго везут: — «Ну, прощай, Вас. Вас., плохо, брат, в земле; и плохо ты, брат, жил: легче бы лежать в земле, если бы получше жил. С *неправдой-то*...

Боже мой: как с неправдой умереть.
А я с неправдой.

(14 декаб. 1911).

* * *

Да: может быть, мы всю жизнь живем, чтобы заслужить могилу. Но узнаем об этом, только подходя к ней: раньше «и на ум не приходило».

(14 декаб. 1911).

* * *

60 раз только, в самом счастливом случае, я мог постоять в Великий Четверток «со свечечками» всю ночь: как же я мог хоть один четверг пропустить?!!

Боже: да и Пасох 60!!! Так мало. Только 60 Рождеств!!! Как же можно из этого пропустить хоть одно?!!

Вот основание «ходить в церковь» и «правильного круга жизни», с родителями, с женой, с детьми.

Мне вот 54: а я едва ли был 12 раз «со свечечками». И все поздно: мне уже 56 лет!

(14 декаб. 1911).

* * *

Как пуст мой «бунт против христианства»: мне надо было хорошо жить, и были даны для этого (20 лет) замечательные условия. Но я все испортил своими «сочинениями». Жалкий «сочинитель», никому в сущности не нужный,— и поделом, что не нужный.

(14 декаб. 1911).

* * *

Церковь есть единственно поэтическое, единственно глубокое на земле. Боже, какое безумие было, что лет 11 я делал все усилия, чтобы ее разрушить.

И как хорошо, что не удалось.

Да чем была бы земля без церкви? Вдруг обесмыслилась бы и похолодела.

Цирк Чинизелли, Малый театр, Художественный театр, «Речь», митинг и его оратор, «можно приволочнуться за актрисой», тот умер, этот родился, и мы все «пьем чай»: и мог я думать, что этого «довольно». Прямо этого я не думал, но косвенно думал.

(14 декаб. 1911).

* * *

Пусть Бог продлит мне 3—4—5 лет (и «ей»): зажгу я мою «соборованную свечу» и уже не выпущу ее до могилы. Безумие моя прежняя жизнь: недаром «друг» так сопротивлялся сближению с декадентами. Пустые люди, без значения; не нужные России. «Слава литераторов да веет над нами». Пусть некоторые и талантливые, да это все равно. Все равно с точки зрения Костромы, Ельца, конкретного, жизненного. Мое дело было быть с Передольским, Титовым, Максимовым («Куль хлеба»)*; вот люди, вот русские. А «стишки» пройдут, даже раньше, чем истлеет бумага.

(14 декаб. 1911).

* * *

Несите, несите, братцы: что делать — помер. Сказано: «не жизнь, а жисть». Не трясите очень. Впрочем, не смущайтесь, если и потрянете. Всю жизнь трясло. Покурить бы, да неудобно: официальное положение. Покойник в гробу должен быть «руки по швам». Я всю жизнь «руки по швам» (черт знает перед кем). Закапывайте, пожалуйста, поскорее, и убирайтесь к черту с вашей официальнойностью. Непременно в земле скомкаю саван и коленку выставлю вперед. Скажут: — «Иди на страшный суд». Я скажу: — «Не пойду». — «Страшно?» — «Ничего не страшно, а просто не хочу идти. Я хочу курить. Дайте адского уголька зажечь папироску». — «У вас Стамболи?» — «Стамболи». — Здесь больше употребляют Асмолова. Национальное.

(15 декаб. 1911).

* * *

— Ну, а девчонок не хочешь?

— Нет.

— Отчего же?

— Вот прославили меня: я и «там» если этим делом и баловался, то в сущности для «опытов». Т. е. наблюдал и изучал. А чтобы «для своего удовольствия» — то почти и не было.

— Ну, и вывод?

— Не по департаменту разговор. Перемените тему.

(16 декаб. 1911).

* * *

1¹/₂ года полу-живу. Тяжело, печально. Страшно. Нескольким месяцев не вынимал монет (антич., для погляденья). Только вырабатываю 50—80 руб. «недельных»; но никакого интереса к написанному.

(16 декаб. 1911).

* * *

Ну, вот,— и он дачку себе в Крыму купил (Г. С. П.)*. Когда несчастный Рцы, загнанный нуждой и болезнями детей, пошел в «Россию», он, захлебываясь в славе и деньгах, злорадно написал мне «Рцы — в „России“», и оправдал тургеневское изречение: «Всякий в конце концов *попадает на свою полочку*». Т. е. где же *такому гаду, как Рцы, и быть*, как не в сыромятниковской «России», правительственном органе. Но вот он теперь с именем на южн. берегу Крыма тоже «попал на свою полочку».

(16 декаб. 1911).

* * *

Печать — это пулемет, из которого стреляет идиотический унтер. И скольких Дон-Кихотов он перестреляет, пока они доберутся до него. Да и вовсе не доберутся *никогда*.

Finis и могила.

(16 декаб. 1911).

* * *

«Общественность», кричат везде, «возникновение в литературе общественного элемента», «пробуждение общественного интереса».

Может быть, я ничего не понимаю; но когда я встречаю человека с «общественным интересом», то не то — чтобы скучаю, не то — чтобы вражду с ним: но просто умираю около него. «Весь смокнул» и растворился: ни ума, ни воли, ни слова, ни души.

Умер.

И пробуждаюсь, открываю глаза, когда догадываюсь или подозреваю, что «общественность» выскочила из человека (соседа, ближнего).

В гимназии, когда «хотелось дать в морду» или обмануть,— тоже хотелось без «общественности», а просто потому, что печально самому и скверно вокруг.

И «социального строя» хотелось без «общественности», а просто: «тогда мы переедем на другую улицу» и

«я обзаведусь девчонкою» (девчонки всегда хотелось — гимназистом).

Отчего же я так задыхаюсь, когда говорят об «общественности»? А вот точно говорят о перелете галок. «Полетели к северу», «полетели к югу».

— Ах,— летите, матушки, куда угодно мне-то какое дело.

Или: «люди идут к целям»; но я знаю, что всякое «идут» обусловлено *дорогой*, а не тем, *кто* «идут». И вот отчего так скучны эти галчата.

*

И потом — я не выношу самого шума. А где галки — всегда крик.

(18 декабря 1911 г.).

* * *

Как Бог меня любит, что дал «ее» мне.

(19 декабря 1911 г.).

* * *

Закатывается, закатывается жизнь. И не удержать. И не хочется задерживать.

Как все изменилось *в смысле* соответственно этому *положению*.

Как теперь не хочется веселья, удовольствий. О, как не хочется. Вот *час*, когда добродетель слаще наслаждений. Никогда не думал, никогда не предполагал.

(21 декабря 1911 г.)

* * *

Кончил рождественскую статью. «Друг» заснул... Пятый час ночи. И в душе — Страстная Пятница...

(23 декабря 1911 г.).

* * *

Если кто будет говорить мне похвальное слово «над раскрытою могилою», то я вылезу из гроба и дам пощечину.

(28 декабря 1911 г.).

* * *

Никакой человек не достоин похвалы. Всякий человек достоин только жалости.

(29 декабря 1911 г.).*

ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ

Короб первый

Я думал, что все бессмертно. И пел песни.
Теперь я знаю, что все кончится. И песня умолкла.
(три года уже).

* * *

Сильная любовь кого-нибудь одного делает ненужным любовь многих.

*

Даже неинтересно...

Что значит, когда «я умру»?
Освободится квартира на Коломенской *, и хозяин сдаст ее новому жильцу.

Еще что?

Библиографы будут разбирать мои книги.

А я сам?

Сам? — *ничего*.

Бюро получит за похороны 60 руб., и в «марте» эти 60 руб. войдут в «итог». Но там уже все сольется тоже с другими похоронами; ни имени, ни воздыхания.

Какие ужасы!

* * *

Сущность молитвы заключается в признании глубокого своего *бессилия*, глубокой ограниченности. Молитва — где «я не могу»; где «я могу» — нет молитвы.

* * *

Общество, *окружающие* убавляют душу, а не прибавляют.

*

«Прибавляет» только теснейшая и редкая симпатия, «душа в душу» и «один ум». Таковых находишь одну-две за всю жизнь. В них душа расцветает.

И ищи ее. А толпы бегай или осторожно обходи ее.

(за утреч. чаем).

И бегут, бегут все. Куда? зачем?

— Ты спрашиваешь, зачем мировое *volò*?

Да тут — не *volò*, а скорее ноги скользят, животы трясутся. Это скетинг-ринг, а не жизнь.

(на Волково).

Да. Смерть — это тоже религия. Другая религия.

*

Никогда не приходило на ум.

Вот арктический полюс. Пелена снега. И ничего нет. Такова смерть.

Смерть — конец. Параллельные линии сошлись. Ну, уткнулись друг в друга, и ничего дальше. Ни «самых законов геометрии».

*

Да, «смерть» одолевает даже математику. «Дважды два — *ноль*».

(смотря на небо в саду).

Мне 56 лет: и помноженные на ежегодный труд — дают *ноль*.

Нет, больше: помноженные на *любовь*, на *надежду* — дают *ноль*.

*

Кому этот «ноль» нужен? Неужели Богу? Но тогда кому же? Зачем?

Или неужели сказать, что смерть *сильнее* самого Бога. Но ведь тогда не выйдет ли: *она сама* — Бог? *на Божьем месте?*

Ужасные вопросы.

*

Смерти я боюсь, смерти я не хочу, смерти я ужасаюсь.

* * *

Смерть «бабушки» (Ал. Адр. Руд.) изменила ли что-нибудь в моих соотношениях? Нет. Было жалко. Было больно. Было *грустно за нее*. Но я и «со мною» — ничего не переменялось. Тут, пожалуй, еще больше грусти: как смело «со мною» не перемениться, когда умерла она?

Значит, она мне *не нужна*? Ужасное подозрение. Значит, вещи, *лица* и имеют соотношение, пока живут, но нет соотношения *в них*, так сказать, *взятых от подошвы до вершины*, метафизической подошвы и метафизической вершины? Это *одиночество вещей* еще ужаснее.

*

Итак, мы с мамой умрем, и дети, *погоревав*, останутся жить. В мире ничего не переменится: ужасная перемена *настанет только для нас*. «Конец», «кончено». Это «кончено» не относительно подробностей, но *целого, всего* — ужасно.

*

Я *кончен*. Зачем же я *жил*?!!!

* * *

Если бы не любовь «друга» и вся история этой любви,— как обеднилась бы моя жизнь и *личность*. Все было бы пустой идеологией интеллигента. И, верно, все скоро оборвалось бы.

...о чем писать?

Все написано *давно* (Лерм.) *.

Судьба с «другом» открыла мне бесконечность тем, и все запылало личным интересом.

* * *

Как *самые счастливые* минуты в жизни мне припоминаются те, когда я видел (слушал) людей счастливыми. Стаха и Алек. Пет. П-ва**, рассказ «друга» о первой любви ее и замужестве (кульминационный пункт моей жизни). Из этого я заключаю, что я был рожден *созерцателем*, а не *действителем*.

*

Я пришел в мир, чтобы *видеть*, а не *совершить*.

* * *

Что же я скажу (на т. с.**) Богу о том, что Он послал меня увидеть?

Скажу ли, что мир, Им сотворенный, прекрасен?

Нет.

Что же я скажу?

*

Б. увидит, что я плачу и молчу, что лицо мое иногда улыбается. Но Он ничего не услышит от меня.

* * *

Я пролетал около тем, но не летел на темы.
Самый полет — вот моя жизнь. Темы — «как во сне».
Одна, другая... много... и все забыл. Забуду к могиле.
На том свете буду без тем.
Бог меня спросит:
— Что же ты сделал?
— Ничего.

* * *

Нужно хорошо «вязать чулок своей жизни» и — не помышлять об остальном. Остальное — в «Судьбе»: и все равно *там* мы ничего не сделаем, а *свое* («чулок») испортим (через отвлечение внимания).

* * *

Эгоизм — не худ; это — кристалл (твердость, неразрушимость) около «я». И собственно, если бы все «я» были в кристалле, то не было бы хаоса, и, след., «государство» (Левиафан) было бы почти не нужно. Здесь есть 1/1000 правоты в «анархизме»: не нужно «общего», κοινόν*: и тогда индивидуальное (главная красота человека и истории) вырастет. Нужно бы взглядеться, что такое «доисторическое существование народов»; по Дрэперу и таким же, это — «троглодиты», так как не имели «всеобщего обязательного обучения» и их не объегоривали янки; но по Библии — это был «рай». Стоит же Библия Дрэпера **.

(за корректурой).

* * *

Проснулся...

Какие-то звуки... И заботливо прохожу в темном еще утре по комнатам.

С востока — светает.

На клеенчатом диванчике, поджав под длинную ночную рубаху голые ножонки,— сидит Вася и, закинув го-

лову в утро (окно на восток), с книгой в руках твердит сквозь сон:

И ясны спящие громады
Пустынных улиц и светла
Адмиралтейская игла
Ад-ми-рал-тей-ска-я...
Ад-ми-рал-тей-ска-я...
Ад-ми-рал-тей-ска-я...

Не дается слово... такая «Америка»; да и как «игла» на улице? И он перевирает:

...светла
Адмиралтейская игла,
Адмиралтейская звезда,
Горит восточная звезда.

— Ты что, Вася?

Перевел на меня умные, всегда у него серьезные глаза. Плоха память, старается, трудно,— потому и серьезен:

— Повторяю урок.

— Так нужно учить:

Адмиралтейская игла.

Это шпиц такой. В несколько саженой длины, т. е. высоты.

— Шпиц? Что это??

— Э... крыша. Т. е. на крыше. Все равно. Только надо: *игла*. Учи, учи, маленькой.

И повернулся. По дому — благополучно. В спину мне слышалось:

Ад-ми-рал-тей-ска-я звезда,
Ад-ми-рал-тей-ска-я игла *.

* * *

Не литература, а *литературность* ужасна; литературность души, литературность жизни. То, что всякое *переживание* переливается в играющее, живое слово: но этим все и кончается — само *переживание* умерло, нет его. Температура (человека, тела) остыла от слова. Слово не возбуждает, о, нет! оно — расхолаживает и оставливает. Говорю об оригинальном и прекрасном слове, а не о слове «так себе». От этого после «золотых эпох» в литературе наступает всегда глубокое разложение всей жизни, ее апатия, вялость, бездарность. Народ делается как сонный, жизнь делается как сонная. Это

было и в Риме после Горация, и в Испании после Сервантеса. Но не примеры убедительны, а существенная связь вещей.

Вот почему литературы в сущности не нужно: тут прав К. Леонтьев. «Почему, перечисляя славу века, назовут все Гете и Шиллера, а не назовут Веллингтона и Шварценберга». В самом деле, «почему»? Почему «век Николая» был «веком Пушкина, Лермонтова и Гоголя», а не веком Ермолова, Воронцова и как их еще. Даже не знаем. Мы так избалованы книгами, нет — так завалены книгами, что даже не помним полководцев. Ехидно и дальновидно поэты называли полководцев «Скалозубами» и «Бетрищевыми». Но ведь это же односторонность и вранье. Нужна вовсе не «великая литература», а великая, прекрасная и полезная жизнь. А литература может быть и «кой-какая», — «на задворках».

Поэтому нет ли провиденциальности, что здесь «все проваливается»? что — не Грибоедов, а Л. Андреев, не Гоголь, — а Бунин и Арцыбашев. Может быть. М. б, мы живем в великом окончании литературы.

* * *

Листья в движении, но никакого шума. Все обрызгано дождем сквозь солнце. И мамочка сказала:

— Посмотри.

Я глядел и думал то же. Она же думала и сказала:

— Что может быть *чище* природы...

Она не говорила, но это была ее мысль, которую я продолжал:

— И люди и жизнь их уже не так чисты, как природа...

Мамочка сказала:

— Как природа невинна. И как поэтому *благородна*...

(лет восемь назад в саду).

*

Когда я прочел это мамочке, она сказала:

— Это было года четыре назад.

Это еще было до болезни, но она забыла: тому — лет восемь. Она прибавила:

— Ты теперь несчастен, и потому вспоминаешь о том, когда мы были счастливы.

*

Прихрамывая, несет полотняные туфли, потому что сапоги я снял и по ошибке поставил торжественно перед собою на перильцах балкона («куда-нибудь»).

И все хромает.

И все помогает.

— Как было нехорошо вчера без тебя. Припадок. Даже лед на голову клала (крайне редкое средство).

* * *

Иду. Иду. Иду. Иду...

И где кончится мой путь — не знаю.

*

И не интересуюсь. Что-то стихийное и нечеловеческое. Скорее «несет», а не иду. Ноги волочатся. И срывает меня с каждого места, где стоял.

(окружной суд, об «Уединен.»).

* * *

После книгопечатания любовь стала невозможной.

*

Какая же любовь «с книгою»?

(собираясь на именины).

* * *

Сказать, что Шперка *теперь совсем нет на свете*, — невозможно. Там, м. б., в платоновском смысле «бессмертие души» — и ошибочно: но для моих друзей оно ни в каком случае не ошибочно.

И не то, чтобы «душа Шперка — бессмертна»: а его бороденка рыжая не могла умереть, «Бызов» его (такой приятель был) дожидается у ворот, и сам он на конке — направляется ко мне на Павловскую*. Все как было. А «душа» его «бессмертна» ли: и — не знаю, и — не интересуюсь.

Все бессмертно. Вечно и живо. До дырочки на сапоге, которая и не расширяется, и не «заплатывается» с тех пор, как была. Это лучше «бессмертия души», которое сухо и отвлеченно.

Я хочу «на тот свет» прийти с носовым платком. Ни чуточки меньше.

16 мая 1912 г.

* * *

Не понимаю, почему я особенно не люблю Толстого, Соловьева и Рачинского. Не люблю их мысли, не люблю их жизни, не люблю *самой души*. Пытая, кажется, нахожу главный источник по крайней мере *холодности* и какого-то безучастия к ним (странно сказать) — в «сословном разделении».

Соловьев если не был аристократ, то все равно был «в славе» (в «излишней славе»). Мне твердо известно, что тут — не зависть («мне все равно»). Но говоря с Рачинским об *одних мыслях* и будучи *одних взглядов* (на церковн. школу), — я помню, что все им говоримое было мне *чужое*; и то же — с Соловьевым, то же — с Толстым. Я мог ими всеми тремя *любоваться* (и любовался), ценить их деятельность (и ценил), но никогда их *почему-то* не мог любить, не только много, но и ни капельки. Последняя собака, раздавленная трамваем, вызвала большее движение души, чем их «философия и публицистика» (устно). Эта «раздавленная собака», пожалуй, кое-что объясняет. Во всех трех не было абсолютно никакой «раздавленности», напротив, сами они весьма и весьма «давили» (полемика, враги и пр.). Толстой ставит то «3», то «1» Гоголю: приятное самооболащивание. Все три вот и были самооболащены: и от этого не хотелось их ни любить, ни с ними «водиться» (знаться). «Ну, и успевайте, господа, — мое дело сторона». С детства мне было страшно врождено сострадание: и на этот главный пафос души во всех трех я не находил никакого объекта, никакого для себя «предмета». Как я любил и люблю Страхова, любил и люблю К. Леонтьева; не говоря о «мелочах жизни», которые люблю безмерно. Почти нашел разгадку: любить можно то или — того, о ком сердце болит. О всех трех не было никакой причины «душе болеть», и от этого я их не любил.

*

«Сословное разделение»: я это чувствовал с Рачинским. Всегда было «все равно», что бы он ни говорил; как и о себе я чувствовал, что Рачинскому было «все равно», *что у меня в душе*, и он таким же отдаленным люблением любил мои писания (он их любил, по-видимому). Тут именно сословная страшная разница; другой мир, «другая кожа», «другая шкура». Но нельзя ничего понять, если припишешь зависти (было бы слиш-

ком просто): тут именно *непонимание* в смысле невозможности усвоения. «Весь мир другой: *его*, и — *мой*». С Рцы (дворянин) мы понимали же друг друга с 1/2 слова, с намека; но он был беден, как и я, «не нужен в мире», как и я (себя чувствовал). Вот эта «ненужность», «отшвырнутость» от мира ужасно соединяет, и «страшно все сразу становится понятно»; и люди не на словах становятся братья.

* * *

История не есть ли чудовищное *другое* лицо, которое проглатывает людей *себе в пищу*, нисколько не думая о их счастье. Не интересуясь им? Не есть ли мы — «я» в «Я»?

Как все страшно и безжалостно устроено.

(в лесу).

* * *

Есть ли жалость в мире? Красота — да, смысл — да. Но жалость?

*

Звезды жалеют ли? Мать — жалеет: и да будет она выше звезд.

(в лесу).

* * *

Жалость — в маленьком. Вот почему я люблю маленькое.

(в лесу).

* * *

Писательство есть Рок. Писательство есть *fatum*. Писательство есть несчастье.

(3 мая 1912 г.).

...и, может быть, только от этого писателей нельзя судить *страшным* судом... *Строгим*-то их все-таки следует судить.

(4 мая 1912 г.).

* * *

1 р. 50 к.

— Я тебе деточка, переложу подушку к ногам. А то от горячей печи голова разболится.

— Хорошо, папа. Но поставь стул (к изголовью).

Поставил.

И улыбаясь поднялась, вынув что-то из-под подушки, бросила на решетку стула серебряный рубль.

— Я буду на него смотреть.

Я уже догадался: «рубль» мамочка дала, чтобы было «терпеливее» лежать.

Больна. 11 или 12 лет.

Варя* в саду так и старается. Метлой больше себя сметает по дорожкам и перед балконом листья, бумажки и всякий сор — чтобы бросить в яму.

— Хорошо, Варя.

Подняла голову. Вся красивая. Волосы, как лен. Огромные серые глаза, с прелестью вечного недоумения в них, подпольного проказничества и смелости. И чудный (от работы) румянец на щеках.

13 лет.

Это она зарабатывает свой полтинник. Больная мама говорит мне с кушетки:

— Ну, все-таки и моцион на воздухе.

Трем удовольствие, и всего обошлось в 1 р. 50 к.

*

Варю Таня** (старшая, с нею в одной школе) зовет «белый коняшка» или «белый конек». Она в самом деле похожа на жеребеночка. Вся большая, веселая, энергичная,— и от белых волос и белого цвета кожи ее прозвали «белым конем».

*

Это когда-то давно-давно, когда все были крошечные и в училища еще не одна не поступала,— я купил, увидя на окне кондитерской на Знаменской (была страстная неделя) зверьков из папье-маше. Купил слона, жирафу и зебру. И принес домой, вынул «секретно» из-под пальто и сказал:

— Выбирайте себе по одному, но такого зверя, чтобы он был похож на взявшего.

Они, минуту смотря, схватили:

Толстенская и добренькая Вера,* с милой улыбкой
— Слона.

Зебру — шея дугой и белесоватая щетинка на шее торчит кверху (как у нее стриженные волосы)
— Варя.

А тонкая, с желтовато-блеклыми пятнышками, вся сжатая и стройная жирафа, досталась
— Тане.

Все дети были похожи именно на этих животных,— и в кондитерской я оттого и купил их, что меня поразило сходство по типу, по духу.

*

Еще было давно: я купил мохнатую собачонку, пуделя. И не говоря ничего дома, положил под подушку Вере, во время вечернего чая. Когда она пошла спать, то я стал около лестницы, отделенной лишь дощатой стеной от их комнаты. Слышу:

— Ай!

— Ай! Ай! Ай!

— Что это такое? Что это такое?

Я прошел к себе. Не сказал ничего, ни сегодня, ни завтра. И на слова «не ты ли положил» — отвечал что-то грубо и равнодушно. Так она и не узнала, как, что и откуда.

* * *

Толстой был гениален, но не умен. А при всякой гениальности ум все-таки «не мешает».

* * *

Ум, положим,— мещанинишко, а без «третьего элемента» все-таки не проживешь.

Надо ходить в чищенных сапогах; надо чтобы кто-то сшил платье. «Илья-пророк» все-таки имел милоть **, и ее сшил какой-нибудь портной.

Самое презрение к уму (мистики), т. е. к мещанину, имеет что-то на самом конце своем — мещанское. «Я такой барин» или «пророк», что «не подаю руки этой чуйке». — Сказавший или подумавший так eo ipso *** обращается в псевдобарина и лжепророка.

Настоящее *господство над умом* должно быть совершенно глубоким, совершенно в себе запрытанным; это должно быть субъективной тайной. Пусть Спенсер чванится перед Паскалем. Паскаль должен даже время от времени называть Спенсера «вашим превосходительством», — и вообще не подавать никакого вида о настоящей мере Спенсера.

* * *

Мож. быть, я расхожусь не с человеком, а только с литературой? Разойтись с человеком страшно. С литературой — ничего особенного.

* * *

Левин * верно упрекает меня в «эгоизме». Конечно — это *есть*. И даже именно от этого я и писал (пишу) «Уед.»: писал (пишу) в глубокой тоске как-нибудь разорвать кольцо уединения. ...Это именно кольцо, надемое с рождения.

Из-за него я и кричу: вот что *здесь*, пусть — *узнают*, если уже невозможно ни увидеть, ни осязать, ни прийти на помощь.

Как утонувший, на дне глубокого колодца, кричал бы людям «там», «на земле».

* * *

Вывороченные шпалы. Шашки. Песок. Камень. Рытвины.

— Что это? — ремонт мостовой?

— Нет, это «Сочинения Розанова». И по железным рельсам несется уверенно трамвай.

(на Невском, ремонт).

* * *

Много есть прекрасного в России: 17-е октября, конституция, как спит Иван Павлыч. Но лучше всего в чистый понедельник забирать соленья у Зайцева (угол Садовой и Невск.). Рыжики, грузди, какие-то вроде яблочков, брусника — разложена на тарелках (для пробы). И испанские громадные луковицы. И образцы капусты. И нити белых грибов на косяке двери.

И над дверью большой образ Спаса, с горящею лампадой. Полное православие.

*

И лавка небольшая. Все дерево. По-русски. И покупатель — серьезный и озабоченный — в благородном подъеме к труду и воздержанию.

*

Вечером пришли секунданты на дуэль. Едва отделался*.

*

В чистый понедельник грибные и рыбные лавки — первые в торговле, первые в смысле и даже в истории. Грибная лавка в чистый понедельник равняется лучшей странице Ключевского.

(первый день Великого поста).

* * *

25-летний юбилей Корецкого **. Приглашение. Не пошел. Справили. Отчет в «Нов. Вр.».

Кто знает поэта Корецкого? Никто. Издателя-редактора? Кто у него сотрудничает?

Очевидно, гг. писатели идут «поздравлять» всюду, где поставлена семга на стол.

Бедные писатели. Я боюсь, правительство когда-нибудь догадается вместо «всех свобод» поставить густые ряды столов с «беломорскою семгою». «Большинство голосов» придет, придет «равное, тайное, всеобщее голосование». Откупают. Поблагодарят. И я не знаю, удобно ли будет после «благодарности» требовать чего-нибудь. Так, Иловайский не предвидел, что великая ставка свободы в России зависит от многих причин и еще от одной маленькой: улова семги в Белом море.

*

«Дорого да сердито...» Тут наоборот — «не дорого и не сердито».

(март, 1912 г.).

* * *

Из каждой страницы Вейнингера слышится крик: «Я люблю мужчин!» — «Ну, что же: ты — содомит». И на этом можно закрыть книгу.

Она вся сплетена из *volo* и *scio* *: его *scio* — гениально, по крайней мере где *касается обзора природы*. Женским глазом он уловил тысячи дотоле незаметных подробностей; даже заметил, что «кормление ребенка возбуждает женщину». (Отсюда собственно и происходит вечное «перекармливание» кормилицами и матерями и последующее заболевание у младенцев желудка, с которым «нет sprawy».)

«Фу, какая баба!» — «Точно ты *сам* кормил ребенка или хотел его выкормить!»

«Женщина бесконечно благодарна мужчине за совокупление, и когда в нее втекает мужское семя, то это — кульминационная точка ее существования». Это он не повторяет, а *твердит* в своей книге. Можно погрозить пальчиком: — «Не выдавай тайны, баба! Скрой тщательнее свои грезы!!» Он говорит о *всех женщинах*, как бы они были все его соперницами, — с этим же раздражением. Но женщины великодушнее. Имея каждая своего верного мужа, они нимало не претендуют на уличных самцов и оставляют на долю Вейнингера совершенно достаточно брюк.

Ревнование (мужчин) к женщинам заставило его ненавидеть «соперниц». С тем вместе он полон глубочайшей нравственной тоски: и в ней раскрыл глубокую нравственность женщин, — которую в ревности отрицает. Он перешел в христианство: как и вообще женщины (св. Ольга, св. Клотильда, св. Берта) первые приняли христианство. Напротив, евреев он ненавидит: и опять — потому, что ^{они} _{онѣ} суть его «соперницы» (бабья натура евреев — моя *idée fixe*).

* * *

Наш Иван Павлович врожденный священник, но не посвящается. Много заботы. И пока остается учителем семинарии.

Он всегда немного дремлет. И если ему дать выдрематься — он становится веселее. А если разбудить, становится раздражен. Но не очень и не долго.

У него жена — через 8 лет брака — стала «в таком положении». Он ужасно сконфузился и написал предупредительно всем знакомым, чтобы не приходили. «Жена несколько нездорова, а когда выздоровит — я извещу».

Она умерла. Он написал в письме: «Царство ей небесное. Там ей лучше».

Так кончаются наши «священные истории». Очень коротко.

(за чаем вспомнил).

* * *

Мертвая страна, мертвая страна, мертвая страна. Все недвижимо, и никакая мысль не прививается.

(24 марта 1912 г., купив 3 места на Волковом).

* * *

У Нины Р-вой (плем.) подруга: вся погружена в историю, космографию. Видна. Красива. Хороший рост. Я и спрашиваю:

— Что самое прекрасное в мужчине?

Она вдохновенно подняла голову:

— *Сила!*

(на побывке в Москве).

* * *

Никогда, никогда не порадуется священник «плоду чрева».

Никогда.

*

Никогда ex cathedra *, а разве приватно.

А между тем есть нумизмат Б. (он производит себя от Александра Бала, царя Сирии), у которого я увидел бронзовую Faustina jun., с реверсом (изображение на обратной стороне монеты) женщина держит на руках двух младенцев, а у ног ее держатся за подол тоже два — побольше — ребенка. Надпись кругом.

FECVNDITAS AVCVSTAE,

т. е.

ЧАДОРОДИЕ ЦАРИЦЫ.

Я был так поражен красотой этого смысла, что тотчас купил. «Торговая монета», орудие обмена, в руках у всех, у торговков, проституток, мясников, франтов, в Тибуре и на Капитолии: и вдруг императрица Фаустина (жена Марка Аврелия), такая видная, такая царственная (портрет на лицевой стороне монеты) точно вываливает беременный живот на руки «доброго народа Римского», говоря:

«Радуйтесь, я еще родила: теперь у меня — четверо».

Все это я выразил вслух, и старик Б., хитрый и остроумный, тотчас крикнул жену свою: вышла пышная большая дама, лет на 20 моложе Б., и я стал ей показывать монету, кажется, забыв немножко, что она «дама». Но она (гречанка, как и он) сейчас поняла и стала с сочувствием слушать, а когда я ее деликатно упрекнул, что «вот у нее небойсь — нет четверых», — она с живостью ответила:

— Нет, ровно четверо: моряк, студент и дочь...

Но она моментально вышла и ввела дочь, такую же красавицу, как сама. Этой я ничего не сказал (барышня), и она скоро вышла.

Вхожу через два года, отдать Б. долгишко (рублей 70) за монеты. Постарел старик, и жена чуть-чуть постарела. Говорю ей:

— Уговорите мужа, он совсем стар, упомянуть в духовном завещании, что он дарит мне тетрадрахму Мароней с Дионисом, держащим два тирса (трости) и кисть винограда (руб. 25) и тетрадрахму Триполиса (в Финикии, а Маронея — во Фракии) с головою Диоскуров (около ста рублей). — Б. кричит:

— Ах, вы... Я вас переживу!

— Куда, вы весь седой. Состояние у вас большое, и что вам две монеты, стоимостью в 125 р., детям же они, очевидно, не нужны, потому что это специальность. А что дочь?

— Вышла замуж!!

— Вышла замуж?!! Это добродетельно. И...

— И уже сын, — сказала счастливая бабушка.

Она была очень хороша. Пышна. И именно как Фаустина. Ни чуточки одряхления или старости, «склонения долу»; Б., хоть весь белый, жив и юрок, как сороконожка. Уверен, самое пронизательное и «нужное» лицо в своем министерстве.

Вот такого как бы «баюкания куретами младенца Диониса» (миф, — есть на монетах), свободного, без сала, но с шутками и любящего, — нет, не было, не будет возле одежд с позументами, слишком официальных и торжественных, чтобы снизойти до пеленок, кровати и спальни.

*

Отсюда такое недоумение и взрыв ярости, когда я предложил на Религиозно-философских собраниях, чтобы новобрачным первое время после венчания предостав-

лено было оставаться там, где они и повенчались: потому что я читал у Андрея Печерского *, как в прекрасной церемонии постригаемая в монашество девушка проводит в моленной (церковь старообрядческая) трое суток, и ей приносят туда еду и питье. «Что монахам — то и семейным, равная честь и равный обряд» — моя мысль. Это — о проведении в священном месте несколько суток новобрачия, суток трех, суток семи, — я повторил потом (передавая о предложении в Рел.-фил. собрании) и в «Нов. Вр.». Уединение в место молитвы, при мерцающих образах, немногих зажженных лампадах, без людей, без посторонних, без чужих глаз, без чужих ушей... какие все это может родить думы, впечатления! И как бы эти переживания протянулись длинной полосой тихого религиозного света в начинающуюся и уже начавшуюся супружескую жизнь — начавшуюся именно *здесь, в Доме молитвы*. Здесь невольно приходили бы первые «предзнаменования» — приметы, признаки, как у vates** древности. И кто еще так нуждается во всем этом, как не тревожно вступившие в самую важную и самую ценную — самую сладкую, но и самую опасную — связь. Антоний Храповицкий*** все это представил совершенно не так, как мне представлялось в тот поистине час ясновидения, когда я сказал предложенное. Мне представлялась ночь, и половина храма с открытым куполом, под *звездами*, среди которого подымаются небольшие деревца и цветы, посаженные в почву по дорожкам, откуда вынуты половицы пола и насыпана черная земля. Вот тут-то, среди цветов и дерев и под звездами, *в природе* и вместе с тем *во храме*, юные проводят неделю, две, три, четыре... Это — как бы летняя часть храма, в отличие от зимней, «теплой» (у нас на севере). Конечно, все это преимущественно осуществимо на юге: но ведь во владениях России есть и юг. Что же еще? Они остаются здесь до ясно обозначившейся беременности. Здесь — и бассейн. Ведь в ветхозаветном храме был же бассейн для погружения священников и первосвященника — «каменное море», утвержденное на спинах двенадцати изваянных быков. Почему *эту* подробность ветхозаветного культа не внести в наши церкви, где есть же ветхозаветный «занавес», где читаются «паремии», т. е. извлечения из ветхозаветных книг. И вообще со Священным Писанием Ветхого Завета у нас не разорвано. Да и в Новом Завете... Разве мы не читаем там, разве на богослужении нашем не возглашается: «Говорю вам, что *Царствие Божие подобно Чер-*

тогу Брачному...»* «Чертогу брачному»!! — конечно, это не в смысле танцующей вечеринки гостей, которая не отличается от всяких других вечеринок и к браку никакого отношения не имеет, а в смысле — комнаты двух новобрачных, в смысле их опочивальни. Ужели же то, с чем *сравнена самая суть того, о чем учил Спаситель* (Царствие Божие), — неужели это низко, грязно и недостойно того, чтобы мы часть церкви своей приспособили, — украсив деревьями, цветами и бассейном, — к этому образу в устах Спасителя?! Внести в нашу церковь *Чертог брачный* — и была моя мысль. Нет, верно указание Рцы, много раз им повторенное (а он ли не религиозен и не предан православию, взяв самый псевдоним свой от диаконского «рцы», «рцем»), что тесто *еще не возшло* (евангельская притча) и закваска (дрожжи) *не овладела всею мукою, всыпанною в сосуд*. Эта «мука, всыпанная в сосуд», — есть вся наша жизнь. *«Весь наш быт. Вот этим бытом еще не овладели вполне «дрожжи», евангельская «закваска», т. е. Слово Божие, целые Божии притчи, образы, сравнения!!!* Позвольте: да в церкви Смоленского кладбища я, хороня старшую Надю**, видел комнату с вывеской над дверью: «*Контора*», какового имени и какового смысла с *утвердительным* значением нигде нет в Евангелии. Позвольте, скажите вы, владыка Антоний, — почему же «*Контора*» выше и священнее «*Чертога брачного*», о котором, *и не раз*, Спаситель говорил любяще и уважительно. И если внесена сейчас «*Контора*» в храмы, не обезобразив и не загрязнив их, то почему это храмы наши загрязнились бы через внесение в них нареченных с любовью Спасителем Чертогов брачных? — конечно, не одного, а многих, потому что в течение 2—3-х месяцев до беременности вот этой молодой, положим, Марии, повенчается еще много следующих Лиз и Екатерин. Подобное внесение просто лишь «непривычно», мы не привыкли «видеть». Но «мы не привыкли» и «ересь» — это разница. При этом, разумеется, никаких актов (как предположил же еп. Антоний!!!) *на виду* не будет, так как после грехопадения всему этому указано быть *в тайне и сокровении* («кожаные препоясания»); и именно для воспоминания об этом потрясающем законе отдельные чертоги (в нишах стен? возле стен? позади хоров?) *должны быть завешены именно кожами, шкурами зверей*, имея открытыми лишь верх для соединения с воздухом храма. Как было не понять моей мысли: раз все здесь — религия, то, конечно, все должно быть деликатно и не оскорбительно

для взора и для ума. Все — именно так, как и привыкли в супружестве: где чистейшие семьи и благороднейшие дома, напр., дома священников, не оскверняются сами и не оскорбляют ни взора, ни ума тем, что в них оплодотворяются и множатся, а при замужестве дочери («взяли зятя в семью») оплодотворяются и множатся родители и дети. Почему же не к *такой семье*, почему именно к *одинокой квартире* ректора-архимандрита должен быть придвинут по образу, по типу и по духу наш православный храм, в котором молитвенников-семьянинов, конечно, больше, нежели холостых или вдовствующих!!!???

Непонятно — у Храповицкого.

А моя мысль — совершенно понятна.

* * *

Совершенства нет на земле...

Даже и совершенной церкви...

(ужасное по греху письмо Альбова *).

* * *

Мед и розы...

И в розе — младенец.

«Бог послал», — говорит мир.

«Нет, — говорят старцы-законники, — от лукавого».

Но мир уже перестает им верить.

(в клинике Ел. Павл. **).

* * *

В невыразимых слезах хочется передать все просто и грубо, унижая милый предмет: хотя в смысле *напора* — сравнение точно:

Рот переполнен слюной — нельзя выплюнуть. Можно попасть в старцев.

Человек ест дни, недели, месяцы: нельзя сходить «кой-куда» — нужно все держать в себе...

Пил, пьешь — и опять нельзя никуда «сходить»...

Вот — девство.

— Я задыхаюсь! Меня распирает!

«— Нельзя».

Вот монашество.

Что же такое делает оно? Как могло оно получить от земли, от страны, от законов санкцию себе не как личному и исключительному явлению, а как некоторой норме и правилу, как «образцу христианского жития», если его *суть* — просто никуда «не ходи», когда желудок, кишки, все внутренности расперты и мозг отравлен мочевиною, всасывающейся в кровь, когда желудок отравлен птоминами, когда начинается некроз тканей всего организма.

— Не могу!!!!

«— Нельзя!»

— Умираю!!!!

«— Умирай!»

Неужели, неужели это истина? Неужели это *религиозная* истина? Неужели это — Божеская правда на земле?

Девушки, девушки — стойте в вашем стоянии! Вы посланы в мир животом, а не головою: вы — охранительницы Древа Жизни, а не каменных ископаемых деревьев, находящихся в угольных копях.

Охраняйте Древо Жизни — вы его Ангел «с мечом обращающимся». И не опускайте этот меч.

(в клинике Ел. Павл.).

* * *

Семь старцев за 60 лет, у которых не поднимается голова, не поднимаются руки, вообще ничего не «поднимается», и едва шевелятся челюсти, когда они жуют, — видите ли, не «посягают на женщину» уже и предаются безбрачию.

Такое удовольствие для отечества и радость Небесам.

Все удивляются на старцев:

— Они в самом деле не посягают, ни явно, ни тайно.

И славословят их. И возвеличили их. И украсили их. «Живые боги на земле».

Старцы жуют кашку и улыбаются:

— Мы действительно не посягаем. В вечный образец дев 17-ти лет и юношей 23-х лет — которые могут нашим примером вдохновиться, как им удержаться от похоти и не впасть в блуд.

Так весело, что планета затанцует.

(в клинике Ел. Павл.).

* * *

Как же бы я мог умереть не *так* и не *там*, где наша мамочка.

И я стал опять православным.

(клиника Ел. Павл.).

* * *

Все *очерчено* и *окончено* в человеке, кроме половых органов, которые кажутся около остального каким-то многоточием или неясностью... которую встречает и с которой связывается неясность или многоточие другого организма. И тогда — оба *ясны*. Не от этой ли *неоконченности* отвратительный вид их (на который все жалуются): и — восторг в минуту, когда недоговоренное — кончается (акт в ощущении)?

*

Как бы Б. хотел сотворить *акт*: но не исполнил движение свое, а дал его *начало* в мужчине и *начало* в женщине. И уже они оканчивают это первоначальное движение. Отсюда его сладость и неодолимость.

В «s» же (*utriusque sexus homines*) * все уже *кончено*: вот отчего с «s» связано столько таланта.

* * *

Одни молоды, и им нужно веселье, другие стары, и им нужен покой, девушкам — замужество, замужним — «вторая молодость»... И все толкаются, и вечный шум.

*

Жизнь происходит от «неустойчивых равновесий». Если бы равновесия везде были устойчивы, не было бы и жизни.

Но неустойчивое равновесие — тревога, «неудобно мне», опасность.

Мир вечно тревожен, и тем живет.

*

Какая же чепуха эти «Солнечный город» и «Утопия»: суть коих *вечное счастье*. Т. е. окончательное «устойчивое равновесие». Это не «будущее», а смерть.

(проводя Верочку в Лисино, вокзал).

* * *

Социализм пройдет как дисгармония. Всякая дисгармония пройдет. А социализм — буря, дождь, ветер...

Взойдет солнышко и осушит все. И будут говорить, как о высохшей росе: «Неужели он (соц.) *был?*» «И барабанил в окна град: братство, равенство, свобода?»

— О, да! И еще скольких этот град побил!!

— Удивительно. Странное явление. Не верится. Где бы об истории его прочитать?

* * *

Что я все *надавил* на Добчинских. Разве они не рады бы были быть как Шекспир? Ведь я собственно *на это* сержусь, почему «не как Шекспир», — не на *тему* их, а на способ, фасон, стиль. Но «где же набраться Шекспиров», и неужели *от этого* другим «не жить»?..

Как много во мне умерщвляющего.

И опять — пустыня.

Всякому нужно жить, и Добчинскому. Не я ли говорил, что «есть идея и *волоса*» (по Платону), идея — «ничего», даже — *отрицательного* и порока. Бог меряет не верстами только, но и миллиметрами, и «миллиметр» ровно так же нужен, как и «верста». И все — живут. «Трясут животишками»... Ну, и пусть. Мое дело *любоваться*, а не ненавидеть.

Любовался же я в Нескучном (Мос.), глядя на пароходик. «Гуляка по садам» (кафешантанам), положив обе руки на плечи гуляки же, говорил:

— Один — и *никого!*

Потом еще бормотанье и опять выкрик:

— Вообрази: один и *никого!*

Это он рассказывал, очевидно, что «вчера пришел туда-то», и — *никого* из «своих» не встретил.

Он был так художествен, мил в своей радости, что «вот теперь с приятелем едет», что я на десятки лет запомнил. И что я его тогда *любил*, он мне *нравился* — это доброе во мне. А «литература» — от лукавого.

(за статьей о пожарах *).

* * *

Рассеянный человек и есть *сосредоточенный*. Но не на ожидаемом или желаемом, а на другом и *своем*.

* * *

Имей всегда сосредоточенное устремление, не гляди по сторонам. Это не значит — будь слеп. Глазами, пожалуй, гляди везде: но душой никогда не смотри на многое, а на *одно*.

* * *

...а все-таки тоскуешь по известности, по признанности, твердости. Есть этот червяк, как пот в ногах, сера в ушах. Все зудит. И все вонь. А ухо хорошо. И нога хороша. Нужно эту гадость твердо очертить и сказать: плюйте на нее.

Поразительно, что у Над. Ром., Ольги Ив. (жена Рцы)* и «друга» никогда не было влечения к известности хотя бы в околоте. «Все равно». И по этим качествам, т. е. что они не имели самых неизбывных качеств человека, я смотрел на них с каким-то страхом восторга.

* * *

Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно, именно когда наша «мать» пьяна, лжет и вся запуталась в грехе, — мы и не должны отходить от нее... Но и это еще не последнее: когда она наконец умрет и, обглоданная евреями, будет являть одни кости, — тот будет «русский», кто будет плакать около этого остова, никому не нужного и всеми плюнутого. Так да будет...

(за уборкой библиотеки).

*

Как зачавкали губами и «идеалист» Борух, и «такая милая» Ревекка Ю-на**, друг нашего дома», когда прочли «Темн. Лик». Тут я сказал в себе: «назад! страшись!» (мое отношение к евреям).

Они думали, что я не вижу: но я хоть и «сплю вечно», а подглядел. Ст-ъ (Борух), соскакивая с санок, как оживленно, весело, *счастливо* воскликнул, как бы передавая мне тайную мысль и заражая собою:

— Ну, а все-таки — *он лжец*.

Я даже испугался. А Ревекка проговорила у Ш-ы в комнате: «— Н-н-н... да... Я прочла „Т. Л.“». И такое счастье опять в губах. Точно она скушала что-то сладкое.

Таких *физиологических* (зрительно-осязательных) вещей надо увидеть, чтобы понять то, чему мы не хотим верить в книгах, в истории, в сказаниях. Действительно, есть какая-то *ненависть* между *Ним* и еврейством. И когда думаешь об этом — становится страшно. И понимаешь ноуменальное, а не феноменальное: «распни *Его*».

Думают ли об этом евреи? толпа? По крайней мере никогда не высказываются.

(за уборкой библиотеки).

* * *

Да... вся наша история немножечко трущоба, и вся наша жизнь немножечко трущоба. Тут и администрация и *citoyens* *.

(в вагоне).

* * *

Сколько изнурительного труда за подбором матерьяла (и «примечаний» к нему) в «Семейном вопросе». Это мои литературные «рудники», которые я прошел, чтобы помочь семье. Как и «Сумерки просвещения» — детям. И сколько в *каждой странице* любви. Самая причина сказать: «он ничего не чувствует», «ничего ему не нужно».

(вагон; думая о критиках своих).

* * *

Какой это ужас, что человек (вечный филолог) нашел слово для этого — «смерть». Разве это возможно как-нибудь назвать? Разве *оно* имеет имя? Имя — уже определение, уже «что-то знаем». Но ведь мы же об этом *ничего не знаем*. И, произнося в разговорах «смерть», мы как бы танцуем в бланманже для ужина или спрашиваем «сколько часов в миске супа». Цинизм. Бессмыслица.

* * *

Как я отношусь к молодому поколению?
Никак. Не думаю.

Думаю только изредка. Но всегда мне его жаль.
Сироты.

* * *

Любовь есть боль. Кто не болит (о другом), тот и не любит (другого).

* * *

Литература (печать) прищемила у человека *самолюбие*. Все стали *бояться* ее: все стали *ждать* от нее... «Эти мошенники, однако, раздают монтюновские премии». И вот откуда выросла ее *сила*.

Сила ее оканчивается там, где человек *смежает на нее глаза*. «Шестая держава» (Наполеон о печати) обращается вдруг в посеревшую хилую деревушку, как только, повернувшись к ней спиной, вы *смотрите на дело*, а не на ландкарту с надписью: «шестая держава».

* * *

Революция имеет два измерения — длину и ширину; но не имеет третьего — глубины. И вот по этому качеству она никогда не будет иметь *спелого, вкусного плода*; никогда не «завершится»...

Она будет все расти в *раздражение*: но никогда не настанет в ней того окончательного, когда человек говорит: «Довольно! я — счастлив! *Сегодня* так хорошо, что не надо *завтра*»... Революция всегда будет с мукою и будет надеяться только на «завтра»... И всякое «завтра» ее обманет и перейдет в «послезавтра». *Perpetuum mobile, circulus vitiosus**, и не от бесконечности, — куда! — а именно от короткости. «Собака на цепи», сплетенной из своих же гнилых чувств. «Конура», «длина цепи», «возврат в конуру», тревожный коротенький сон.

*

В революции нет радости. *И не будет.*

Радость — слишком царственное чувство и никогда не попадет в объятия этого лакея.

*

Два измерения: и она не выше человеческого, а ниже человеческого. Она механична, она матерьялистична. Но это — не случай, не простая связь с «теориями нашего времени»; это — судьба и вечность. И, в сущности, под-

спудная революция в душах обывателей, уже ранее возникшая, и толкнула всех их понести на своих плечах Конта-Спенсера и подобных.

* * *

Революция сложена из двух пластинок: нижняя и настоящая, *agheus agens** ее — горечь, злоба, нужда, зависть, отчаяние. Это — чернота, демократия. Верхняя пластинка — золотая: это — сибариты, обеспеченные и *не делающие*; гуляющие; *не служащие*. Но они чем-нибудь «на прогулках» были уязвлены, или — просто слишком добры, мягки, уступчивы, конфетны. Притом в своем кругу они — только «равные», и кой-кого даже непременно пониже. Переходя же в демократию, они тотчас становятся *primi inter pares*** . Демократия очень и очень умеет «целовать в плечико», ухаживать, льстить: хотя для «искренности и правдоподобия» обходится грубовато, спорит, нападает, *подшучивает* над аристократом и его (теперь вчерашним) аристократизмом. Вообще демократия тоже знает, «где раки зимуют». Что «Короленко первый в литераторах своего времени» (после Толстого), что Герцен — аристократ и миллионер, что граф Толстой есть именно «граф», а князь Кропоткин был «князь», и, наконец, что Сибиряков имеет золотые прииски — это она при всем «социализме» отлично помнит, учтиво в присутствии всего этого держит себя, и отлично учитывает. Учитывает не только как выгоду, но и как *честь*. Вообще в социализме лакей не устраним, но только очень старательно прикрыт. К Герцену все лезли и к Сибирякову лезли; к Шаляпину лезут даже за небольшие рубли, которые он выдает кружкам в виде «сбора с первого спектакля» (в своих турне: я слышал это от социал-демократа, *все* в этой партии знающего, и очень удивился). Кропоткин не подписывается просто «Кропоткин», «социалист Кр.», «гражданин Кр.», а «*князь* Кропоткин». Не забывают даже, что Лавров был *профессором*. Ничего, одним словом, не упускают из *честь*, из тщеславия: любят сладенькое, как и все «смертные». В то же время так презирая «эполеты» и «чины» старого строя...

Итак, две пластинки: движущая — это черная рать внизу, «нам *хочется*», и — «мы не сопротивляемся», пассивная, сверху. Верхняя пластинка — благочестивые Катилины: «Мы великодушно с<ож>жем дом, в котором сами живем и жили наши предки». Черная рать, конеч-

но, вселится в дома этих предков: но как именно это — *черная рать*, не только по бедности, но и по существу бунта и злобы (два измерения, *без третьего*), то в «новых домах» она не почувствует никакой радости: а как Никита и Акулина «в обновках» (из «Власти тьмы»):

«— Ох, гасите свет! Не хочу чаю, убирайте водку!»

Венцом революции, *если она удастся*, будет великое волю:

— Уснуть.

Самоубийства — эра самоубийств...

И тут Кропоткин с астрономией и физикой и с «дружкой Реклю» (тоже тщаславие) очень мало помогут.

* * *

Есть дар слушания голосов и дар видения лиц. Ими проникаем в душу человека.

Не всякий умеет слушать человека. Иной слушает слова, понимает их связь и связно на них отвечает. Но он не уловил «подголосков», *теней звука «под голосом»*, — а в них-то, и притом в них одних, говорила душа.

Голос нужно слушать и в чтении. Поэтому не всякий «читающий Пушкина» имеет что-нибудь общее с Пушкиным, а лишь кто вслушивается в голос *говорящего* Пушкина, угадывая интонацию, какая была у живого. Кто «живого Пушкина не слушает» в перелистываемых страницах, тот как бы все равно и не читает его, а читает кого-то взамен его, уравнительного с ним, «такого же образования и таланта, как он, и писавшего на те же темы», — но не *самого его*.

Отсюда так чужды и глухи «академические» издания Пушкина, заваленные горою «примечаний», а у Венгерова — еще аляповатых картин и всякого ученого базара *. На Пушкина точно высыпали сор из ящика: и он весь пыльный, сорный, загроможденный. Исчезла — в самом *виде и внешней форме* издания — главная черта его образа и души: изумительная *краткость во всем и простота*. И, конечно, *лучшие* издания и даже единственные, которые можно держать в руке без отвращения, — старые издания его, на толстоватой бумаге, каждое стихотворение с новой страницы (изд. Жуковского)**. Или — отдельные при жизни напечатанные стихотворения. Или — его стихи и драматические отрывки в «Северн. Цветах». У меня есть «Борис Годунов» 1831 года и 2 книжки «Северн. Цвет.» с Пушкиным; и — издание Жуковского. Лет через

30 эти издания будут цениться как золотые, а мастера будут абсолютно повторять (конечно, без цензурных современных урезок) бумагу, шрифты, расположение произведений, орфографию, формат и переплеты.

В таком издании мы можем достигнуть как бы слушания Пушкина. Недосыгание через печать *до голоса* сделало безразличие того, кто берется «издавать» и «изучать» Пушкина и составлять к нему «комментарии». Нельзя не быть удивленным, до какой степени теперь «издатели классиков» не имеют ничего связывающего с издаваемыми поэтами или прозаиками. «Им бы издавать Бонч-Бруевича, а они издают Пушкина». Универсально начитанный «товарищ», в демократической блузе, охватил Пушкина «как он есть», в шинели с бобровым воротником и французской шляпе, и понес, высоко подняв над головой (уважение) — как медведь Татьяну в известном сне.

И сколько общего у медведя с Татьяной, столько же у теперешних комментаторов с Пушкиным.

К таинственному и трудному делу «издательства» применимо архимедовское

Noli tangere meos circulos *.

* * *

Душа озябла...

Страшно, когда наступает озноб души.

* * *

Возможно ли, чтобы позитивист заплакал?

Так же странно представить себе, как что «корова поехала верхом на кирасире».

И это кончат разговоры с ним. Расстаюсь с ним вечным расставанием.

*

Позитивизм в тайне души своей или, точнее, в сердцевине своего бездушия:

И пусть *бесчувственному телу*
Равно повсюду *истлевать* **.

Позитивизм — философский мавзолей над умирающим человечеством.

Не хочу! Не хочу! Презираю, ненавижу, боюсь!!!

* * *

Как увядающие цветы люди.

*

Осень — и ничего нет. Как страшно это «нет». Как страшна осень.

(на извощике).

* * *

Тяжелым утюгом гладит человека Б.

И расправляет душевные морщины.

Вот откуда говорят: *бойся Бога и не греши.*

(на извощике ночью).

* * *

Велик горб человечества, велик горб человечества, велик горб человечества...

Идет, кряхтит, с голым черепом, с этим огромным горбом за спиною (страдания, терпение) великий древний старик; и кожа на нем почернела, и ноги изранены...

*

Что же тут молодежь танцует на горбе? «Мы — последние», все — «мы», все — *нам*».

Ну, танцуйте, господа.

(за нумизматикой).

* * *

На «том свете» мы будем немыми.
И восторг переполнит наши души.

Восторг всегда нем.

(за набивкой табаку).

* * *

Все жду, когда Григорий Спиридонович П-в напишет свою автобиографию. Ведь он замечательный человек.

*

Конечно, Короленко — более его замечательный человек: и напечатал чуть не том своего жизнеописания, — под грациозной вуалью: «История моего современника». Но отчего же не написать и Гр. Сп. П-ву? Не один Кутузов имел себе Михайловского-Данилевского: * мог бы иметь и Барклай-де-Толли. Отчего «нашим современникам» не соединить в себе полководца и жизнеописателя, — так оказать, поместить себе за пазуху «Михайловского-Данилевского» и продиктовать ему все слова.

— «Мне Тита Ливия не надо, — говорят «современные» Александры Македонские. — Я довольно хорошо пишу, и опишу сам свой поход в Индию».

* * *

Ряд поликов, кушающих севрюжину. Входит философ:

— Ну, что же, господа... т. е. отцы духовные... холодно везде в мире... Озяб... и пришел погреться к вам... Бог с вами: прощаю вашу каменность, извиняю все глупое у вас, закрываю глаза на севрюжину... Все по слабости человеческой, может быть временной. Фарисеи вы... но сидите-то *все-таки* «на *седалище Моисеевом*»: и нет еще такого седалища в мире, как у вас. Был некто, кто, обратив внимание на ваше фарисейство, столкнул вас и с вами вместе и самое «седалище»... Я наоборот: ради значения «седалища», которое нечем заменить, закрываю глаза на вас и кладу голову к подножию «седалища»...

* * *

Если Философову случится пройти по мокрому тротуару без калош, то он будет неделю кашлять: я не понимаю, какой же он друг рабочих?

Этак Антихрист назовет себя «другом Христа», иудей — христианина, папа — Антихриста, а Прудон — Ротшильда. Что же это выйдет? Мир разрушится, потеряет грани, связи; ибо потеряет *отталкивания*. Необходимые: ибо самые *связи*-то держатся через отталкивания. Но мир ничего, впрочем, не потеряет, ибо все они, от Философова до папы, именно только «назовут» себя, а де-

ло останется, как есть: папа — враг Антихриста, а Антихрист — его враг, и Философов — враг плебса, а плебс — враг Философова. А «гбворы» — как хотите.

Вот уж поистине — речи, в которых «скука и томление духа» (Экклез.) *.

*

Не язык наш — убеждения наши, а сапоги наши — убеждения наши.

Опорки, лапти, смазные, «от Вейса». Так и классифицируйте себя.

* * *

Русский «мечтатель» и существует для разговоров. Для чего же он существует. Не для дела же?

(едем в лавку).

* * *

Почти не встречается еврея, который не обладал бы каким-нибудь талантом; но не ищите среди них гения. Ведь Спиноза, которым они все хвалятся, был подражателем Декарта. А гений не подражаем и не подражает.

Одно и другое — талант и не более чем талант — вытекает из их связи с Божеством. «По связи этой» никто не лишен некоторой талантливости как отдаленного или как теснейшего отсвета Божества. Но, с другой стороны, все и принадлежит Богу. Евреи и сильны своим Богом и обессилены им. Все они точно шатаются: велик — Бог, но еврей, даже пророк, даже Моисей не являют той громады личного и свободного «я», какая присуща иногда бывает нееврею. Около Канта, Декарта и Лейбница все еврей-мыслители — какие-то «часовщики-починщики». Около сверкания Шекспира что такое еврей-писатели, от Гейне до Айзмана? В самой свободе их никогда не появится великолепия Бакунина. «Ширь» и «удаль», и — еврей: несовместимы. Они все «ходят на цепочке» перед Богом. И эта цепочка охраняет их, но и ограничивает.

* * *

О Рылеев**, который, — «какая бы ни была погода, — каждый день шел пешком утром и молился у гробницы императора Александра II», — при коем был адъютантом. Он был обыкновенный человек, — даже имел французенку из балета, с которой прожил всю жизнь. Что же его заставляло ходить? кто заставлял? А мы даже о ро-

дителях своих, о детях (у нас — Надя на Смоленском) не ходим *всю жизнь* каждый день, и даже — каждую неделю, и — увы, увы — каждый месяц! Когда я услышал этот рассказ (Маслова?) в нашей редакции, я был поражен и много лет вот не могу забыть его, все припоминаю. «Умерший падишах стоит меньше живой собаки», прочел я где-то в арабских сказках, и в смысле благополучия, выгоды умерший «освободитель» уже ничем ему (Рылееву) не мог быть полезен. Что же это за чувство и почему оно? Явно — это *привязанность, память, благодарность*. Отнесем $\frac{1}{2}$ к благородству ходившего († около 1903 г., и по поводу смерти его и говорили в редакции); но $\frac{1}{2}$ относится явно к *Государю*. Из этого вывод: явно, что Государи представляют собою не только «форму величия», существо «в мундире и тоге», но и что-то *глубоко-человеческое* и *высоко-человеческое*, но чего мы не знаем по страшной удаленности от них, — потому, что нам кроме «мундира» ничего и не показано. Все рассказы, напр., о Наполеоне III — антипатичны (т. е. он в них — антипатичен). Но он не был «урожденный», — и инстинкт выскочки уцепиться за полученную власть сорвал с него все величие, обаяние и правду. «Желал устроиться» — с императрицею и деточками. «Урожденный» не имеет этой нужды: вечно «признаваемый», совершенно не оспариваемый, он имеет то довольство и счастье, которое присуще было «тому первому счастливому», который звался Адамом. «От роду» около него растут райские яблоки, которых ему не надо даже доставать рукой. Это — психика совершенно вне нашей. Все в него влюблены; все он имеет; что пожелает — есть. Чего же ему пожелать? По естественной психологии — счастья людям, счастья всем. Когда мы «в празднике», когда нам удалась «любовь» — как мы раздаем счастье вокруг, не считая — кому, не считая — сколько. Поэтому психология «урожденного» есть естественно доброта: которая вдруг пропадает, когда он *оспаривается*. Поэтому не оспаривать Царя есть сущность царства, *regni et regis* *. Поразительно, что все жестокие наши государи были именно «в споре»: Иван Грозный — с боярами и претендентами; Анна Иоанновна — с Верховным Советом, и тоже — по неясности своих прав; Екатерина II (при случае — с Новиковым и прочее) тоже по смутности «восшествия на престол». Все это сейчас же замутняет существо и портит лицо. Поэтому «любить Царя» (просто и ясно) есть действительно существо дела в монархии

и «первый долг гражданина»: не по лести и коленопреклонению, а потому что иначе портится все дело, «кушанье не сварено», «вишню побил мороз», «ниву выколол прада». Что это всемирно и общечеловечно — показывает то, до чего люди «в оппозиции» и «ниспровергающие», т. е. в претензии «на власть», рвущиеся к власти, — мирятся со всем, но уже очень подозрительно относятся к спокойным *возражениям себе*, спору с собой: а *насмешек* совершенно не переносят. Они отменили Страхова (критика), а Незлобина-Дьяконова * проклинали таким негодованием, которое в «литературной судьбе» равно «ссылке в каторгу». «Нельзя оскорблять *величие оппозиции*, ни — *правды ее*», на этом построена (у нас) вся литературная судьба 1/2 века, и около этого развился литературный карьеризм и азарт его. «Все хватают чины и ордена просто за *верноподданнические чувства*» оппозиции и даже за грубую ей *лесть*. Такими «верноподданными», страстными и с пылом, были Писарев, Зайцев, Благооветлов; последний *в жизни* был невыразимый холуй, имел негра возле дверей кабинета, утопал в роскоши, и его близкие (рассказывают) утопали в «амурах» и деньгах, когда в его журнале писались «залихватские» семинарские статьи в духе: «все расшибем», «Пушкин — г...о». Но холуй ли, не холуй ли, а раз «сделал под козырек» и стоит «во фронте» перед оппозицией, — то ему все «прощено», забыто, получает «награды» рентами и чинами. Но что же это? Да это «придворный штат», уже готовый и сформированный для будущей и ожидаемой власти, для *les rois* ** в лохмотьях. Обертываясь, мы усматриваем *существо* дела: «не будите нас от *сновидений*», «дайте нам *сознать себя правыми*, и *вечно правыми*, во *всех случаях правыми* — и мы зальем вас счастьем»... «Скажите, признайте, полюбите в нас полубога — и мы будем даже лучше самого Бога!!» Хлыстовский элемент, элемент «живых христов» и «живых богородиц»... Вера Фигнер была явно революционной «богородицей», как и Екатерина Брешковская или Софья Перовская... «Иоанниты», все «иоанниты» около «батюшки Иоанна Кронштадтского», которым на этот раз был Желябов. Когда раз в печати я сказал, что Желябов был дурак, то даже подобострастный Струве накинулся на меня с невероятной злобой, хотя у Вергежской *** он про революционеров говорил такие вещи, каких я себе никогда не позволял. «Но про себя думай что знаешь — а на площади окажи усердие» («ура»): и Струве закричал на меня, потребо-

вал устранения меня от прессы, просто за эти слова, что Желябов — дурак. «Его величество всегда умен» — в отношении Людовика XIV, или — мечтаемого, призываемого, заранее славословимого Кромвеля. Обертывая все это и видишь: да это — *всемирная психология, всемирная потребность, всемирный фокус*, что человек *только в счастье и в самозабвении* — подлинно *благ, доброжелателен, «творит милость и правду»*. Ну, хорошо: то, чем этого ожидать *завтра*, не лучше ли поклониться *вчера*? Чем рубить топором и строгать рубанком куклу — для внешнего глаза «куклу», а для сердца верующего икону, — отчего не поставить «в передний угол» ту, которую мы нашли у себя в доме, родившись?

И особенно нам, людям нижнего яруса, которые во власти не участвуем и *не хотим участвовать*, которые любим стихи и звезды, микроскоп и нумизматику, — совершенно явно мы должны «оставить все как есть» и не становиться «в оппозицию» к *le roi á present*, в интересах *le roi future **, «Желябова № 1».

«Нам все равно»... Т. е. успокоимся и будем делать свои дела. Вот почему от «14-го декабря 1825 г. до сейчас» вся наша история есть отклонение в сторону и просто совершилась ни для чего. «Зашли не в тот переулочек» и никакого «дома не нашли». «Вертайся назад», «в гости не попали».

* * *

Да не воображайте, что вы «нравственнее» меня. Вы и не нравственны, и не безнравственны. Вы просто сделанные вещи. Магазин сделанных вещей. Вот я возьму палку и разобью эти вещи.

Нравственна или безнравственна фарфоровая чашка? Можно сказать, что она чиста, что хорошо расписана, «цветочки» и все. Но мне больше нравится Шарик в конуре. И как он ни грязен, в сору, — я, однако, пойду играть с ним. А с вами — ничего.

(получив письмо от Г-на, что Сто-р** перестал у меня бывать за мою «имморальность», — в идеях? в писаниях?).

* * *

...Показывал дачу. Проходя спальней — вижу двуспальную кровать. И говорю:

— Разве живете?

— До конца жизни! — крепко сказал поп.

У него дочь четвертый год замужем — и вышла, уже окончив курсы.

*

Он охоч был рыбу ловить (на взморье). Раз случилась буря, а он за 10 верст уехал. Матушка бегаёт по берегу и кричит:

— Поезжайте батьку опасать! Спасите отца!

Чухны не трогаются. Боятся (рыбаки).

— Десять рублей дам!!!

Те сели в огромную лодку и пустились в море. К вечеру привезли батьку. Она дала рубль и разговаривать не стала. Ругались.

Сама она была охоча до грибов. И для грибов повязывала голову платочком по-крестьянски. В 10 часов утра уже возвращается с полной корзиной белых.

Спросишь:

— Где ищете грибов?

— «Там», — махнет она неопределенно.

Никогда не скажет «места».

*

Раз на взморье шел дождь. Я торопился домой. Вечерело. И вижу, под зонтом стоит фигура. Стоит и смотрит в море. Пелена дождя. «Чего он тут смотрит? Ждет кого?»

Рассказываю батю за чаем. Он засмеялся:

— Это мой отец. Приехал погостить из Вятки. Никогда моря не видал. Ужасно любит воду. И как увидит море, не может оторваться. Тоже священник. 74 года.

*

Он и «пузыри пускал». Т. е. этот. Должно быть, помня из Иловайского, и говорит:

— Я им говорю: — «Выпишите Виклефа *. Я буду продолжать диссертацию, начатую в Духовной Академии, да тогда не кончил. А теперь свободнее и допишу». Выписали. Девять томов. Зимой начну читать.

Он был «профессором богословия» в высшем (техническом) заведении Петербурга. На лекции к нему ни один человек не приходил, и он был милостив к студентам и тоже сам не ходил. Одно жалованье, честь и квартира. Это так понравилось, что его пригласили и на курсы (женские). Он и на курсах читал, т. е. получал жалованье.

Дача у него была тысяч на десять — т. е. с «местом». Великолепный сад. Ягоды. Два дома, в одном «сам», другой сдавал. У него я в баню ходил. Баня не очень удобна. Короток полук (лежать, ложиться). Такое не приспособление.

И на что ему «Виклеф», — смеялся я в душе. Да вспомнил Юлия Кесаря: «Чем в Риме быть *вторым* — предпочитаю быть в деревне *первым*». Так и — «батя» среди ученого персонала профессоров (высшее заведение) не хотел быть иначе как тоже ученым богословом, особенно заинтересованным Реформацией в Англии.

* * *

Никакого желания спорить со Спенсером: а желание вцепиться в его аккуратные бакенбарды и выдрать из них $\frac{1}{2}$.

Поразительно, что, видев столько на сцене «старых чиновников николаевского времени» (у Островского и друг.), русские пропустили, что Спенсер похож на всех их. А его «Синтетическая философия» повторяет разграфленный аккуратно на «отделения» и «столоначальничества» департамент. И весь он был только директор департамента, с претензиями на революцию.

В VII классе гимназии, читая его «О воспитании умственном, нравственном» * и еще каком-то, я был (гимназистом!!) поражен глупостью автора, — и не глупостью отдельных мыслей его, а — тона, так сказать — самой души авторской. Он с первой же страницы как бы читает лекцию какой-то глупой, воображаемой им мамаше, хотя я убежден, что все английские леди гораздо умнее его. Эту мамашу он наделяет всеми глупыми качествами, какие вообразил себе, т. е. какие есть у него и каких во все нет у англичанок. Ей он читает наставления, подняв кверху указательный перст. Меня все время (гимназистом!) душил вопрос: — «Как он *смеет*! Как он *смеет*!» Еще ничего в то время не зная, я уголком глаза и наконец здравым смыслом (гимназиста!) видел, чувствовал, знал, что измученные и потрепанные матери все-таки страдают о своих детях, тогда как этот болван ни о чем не страдал, — и что они все-таки знают и видят самый образ ребенка, *фигуру* его, тогда как Спенсер (конечно, не женатый) видал детей только в «British Illustration» **, и что вообще он все «Умственное воспитание» сочиняет из головы, притом несколько не остроумной. Напр.: «Не надо останавливать детей, — ибо они, не остановленные,

пусть дойдут до *последствий* неверных своих мыслей и своих вредных желаний: и тогда, ощутив *ошибку* этих мыслей и *боль* от вреда,—вернутся назад, и тогда это будет *прочное воспитание*». И иллюстрирует, иллюстрирует с воображаемой глупой мамашей. «Напр., если ребенок тянется к огню — то пусть и обожжет палец»... Сложнее этого ничего не лезло в его лошадиную голову. Но вот 8-летний мальчик начинает заниматься онанизмом, случайно испытав, пожав рукой или как, его приятность: что же, «мамаша» должна ждать, когда он к 20-ти годам «разочаруется»? Спенсер ничего не слышал о пагубных привычках детей!! Конечно, дети в «Британской иллюстрации» онанизмом не занимаются: но матери это знают и мучаются с этим и не знают, как найти средств. Да мое любимое занятие от 6-ти до 8-ми лет было следующее: подойдя к догорающей лежанке, т. е. когда $\frac{1}{2}$ дров — уже уголь и она вся пылает, раскалена и красна,—я, вытащив из-за пояса рубашонку (розовая с крапинками, ситцевая) устраивал парус. Именно — поддерживая зубами верхний край, я пальцами рук крепко держал нижние углы паруса и закрывал, почти вплотную, отверстие печки. Немедленно красивой дугой она втягивалась туда. Как сейчас вижу ее: раскалена, и когда я отодвигался, и парус падая касался груди и живота,—он жег кожу. Степень раскаленности и красота дуги меня и привлекали. Мне в голову не приходило, что она может *сразу вся вспыхнуть*, что я стоял на краю смерти. Я был уверен, что зажигается *«все от огня»*, а не от жару, и что нельзя зажечь рубашку, иначе как «поднеся к ней зажженную спичку»: «такой есть один способ горения». И любил я всегда это делать, когда в комнате один бывал, в какой-то созерцательности. Однако от нетерпения уже и при мамаше начинал делать «первые шаги» паруса. Всегда усталая и не замечая нас,—она мне не объяснила опасности, *если это увеличить*. А по Спенсеру «и не надо было объяснять», пока я сгорю. Но мамаша была без «ъ», а он написал 10 томов. Ну, что с таким дураком делать, как не выдрать его за бакенбарды?!!

(после чтения утром газет).

*

«— Это просто *пошлости!*»

Так сказал Толстой, в переданном кем-то «разговоре», о «Женитьбе» Гоголя.

Вот год ношу это в душе и думаю: как гениально! Не только *верно*, но и *полно*, так что остается только поставить «точку» и не продолжать.

И *весь* Гоголь, *весь* — кроме «Тараса» и вообще мало-российских вещей, — есть *пошлость* в смысле постижения, в смысле содержания. И — *гений* по форме, по тому, «как» сказано и рассказано.

Он хотел выставить «пошлость пошлого человека». Положим. Хотя очень странна тема. Как не заняться чем-нибудь интересным. Неужели интересного ничего нет в мире? Но его заняла, и на долго лет заняла, на всю зрелую жизнь, одна пошлость.

Удивительное призвание.

Меня потряс один рассказ Репина (на ходу), который он мне передал если не из вторых рук, то из третьих рук. Положим, из *вторых* (т. е. он услышал его от человека, знавшего Гоголя и даже подвергшегося «быть гостем» у него), и тогда он, буквально почти, передал следующее:

«— Из нас, молодежи, ничего еще не сделавшей и ничем себя не заявившей, — Гоголь был в Риме не только всех старше по годам, но и всех, так сказать, почтеннее по великой славе, окружавшей его имя. Поэтому мы, маленькой колонийкой и маленьким товариществом, собирались у него однажды в неделю (положим — в праздник). Но собрания эти, дар почтительности с нашей стороны, были чрезвычайно тяжелы. Гоголь принимал нас чрезвычайно величественно и снисходительно, разливал чай и приказывал подать какую-нибудь закуску. Но ничего в горло не шло, вследствие ледяного, чопорного, подавляющего его отношения ко всем. Происходила какая-то надутая, неприятная церемония чаепития точно мелких людей у высокопоставленного начальника, причем, однако, отношение его, чванливое и молчаливое, было таково, что все мы в следующую (положим «среду») чувствовали себя обязанными опять прийти, опять выпить этот жидкий и холодный чай и, опять поклонившись этому светилу ума и слова, — удалиться».

Буквальных слов Репина не помню, — смысл этот. Когда Репин говорил (на ходу, на даче, — было ветрено) и все теснее прижимал к телу свой легкий бурнус, то я точно застыл в страхе, потому что почувствовал, точно передо мной вырастает из земли главная тайна Гоголя. Он был *весь* именно формальный, чопорный, торжественный, как «архиерей» мертвечины, служивший точно

«службу» с дикириями и трикириями: и так и этак кланявшийся и произносивший такие и этакie «словечки» своего великого, но *по содержанию пустого и бессмысленного*, мастерства. Я не решусь удержаться выговорить последнее слово: *идиот*. Он был так же неколебим и устойчив, так же не «сворачиваем в сторону», как лишенный внутри себя всякого разума и всякого смысла человек. «Пишу» и «sic». Великолепно. Но какая же мысль? Идиот таращит глаза, не понимает. «Словечки» великолепны. «Словечки» как ни у кого. И он хорошо видит, что «как ни у кого», и восхищен бессмысленным восхищением и горд тоже бессмысленной гордостью.

— Фу, дьявол! — сгинь!..

Но манекен моргает глазами... Холодными, стеклянными глазами. Он не понимает, что за словом должно быть *что-нибудь*, — между прочим, что за словом должно быть *дело*; *пожар* или *наводнение*, *ужас* или *радость*. Ему это непонятно — и он дает «последний чекан» слову и разносит последний стакан противного холодного чая своим «почитателям», которые в его глупой, пошлой голове представляются какими-то словоначалъниками, обязанными чуть не воспеть «канту» директору департамента... то бишь творцу «Мертвых душ».

— Фу, дьявол! Фу, какой ты дьявол!! Проклятая колдунья с черным пятном в душе, вся мертвая и вся ледяная, вся стеклянная и вся прозрачная... в которой вообще нет *ничего*!

Ничего!!!

Нигилизм!

— Сгинь, нечистый!

Старческим лицом он смеется из гроба:

— Да меня и нет, не было! Я только *показался*...

— Оборотень проклятый! Сгинь же ты, сгинь! сгинь! С нами крестная сила, чем оборониться от тебя?

«Верую», подсказывает сердце. В ком затеплилось зернышко «веры» — веры в душу человеческую, веры в землю свою, веры в будущее ее, — для того Гоголя *воистину* не было.

Никогда более страшного человека... *подобия* человеческого... не приходило на нашу землю.

* * *

Язычество — утро, христианство — вечер.
Каждой единичной вещи и целого мира.

*

Неужели не настанет утра, неужели это последний вечер?..

* * *

Заступ — железный. И только им можно соскребсти сорную траву.

Вот основание наказаний и темницы.

Только не любя человека, не жалея его, не защищая его — можно отвергать этот железный заступ.

Во всех религиях есть представление и ожидание рая и ада, т. е. это внутренний голос всего человечества, религиозный голос. «Хулиганства», «зарезать» и «обокрасть» — и Небо не защищает.

Защищают одни «новые христиане» и социал-демократы, пока их наказывают и пока им нечего есть. Но подождите: сядут они за стол, — и тогда потребуют отвести в темницу всякого, кто им мешает положить и ноги на стол.

(за занятиями).

* * *

С 4-мя миллионами состояния, он сидел с прорезанным горлом в глубоком кресле.

Это было так: я вошел, опросил Василья, «можно ли?», — и, получив кивок, прошел в кабинет. Нет. Подошел к столу письменному. Нет. Пересмотрел 2—3 книги, мелькнул по бумагам глазом и, повернувшись назад, медленно стал выходить...

На меня поднялись глаза: в боку от пылающего камина терялось среди ширм кресло, и на нем сидел он, так незаметный...

Если бы он сказал слово, мысль, желание — завтра это было бы услышано всею Россией. И на слово все оглянулись бы, приняли во внимание.

Но он три года не произносит уже никаких слов. 78 лет.

Я поцеловал в голову, эту седую, милую (мне милую) голову... В глазе, в движении головы — то доброе и ласковое, то талантливое (странно!), что я видел в нем 12 лет. В нем были (вероятно) недостатки: но в нем не было *неталантливости* ни в чем, даже в повороте шеи. Весь он был молод и всегда молод; и теперь, умирая, он был так же молод и естествен, как всегда.

Пододвинув блокнот, он написал каракулями:

— Я ведь только балуюсь, лечась. А я знаю, что скоро умру.

И мы все умрем. А пока «не перережут горла» — произносим слова, пишем, «стараемся».

Он был совершенно спокоен. Болей нет. Если бы были боли — кричал бы. О, тогда был бы другой вид. Но он умирает без боли, и вид его совершенно спокойный.

Взяв опять блокнот, он написал:

— Толстой на моем месте все бы писал, а я не могу.

Спросил о последних его произведениях. Я сказал, что плохи. Он написал:

— Даже Хаджи-Мурат. Против «Капитанской дочки» чего же это стоит. Г....

Это любимое его слово. Он любил крепкую русскую брань: но — в ласковые минуты, и произносил ее с обворожительной, детской улыбкой. «Национальное сокровище».

Он был весь националист: о, не в теперешнем партийном смысле. Но он не забывал своего Воронежа, откуда учителем уездного училища вышел полный талантов, веселости и надежд: в Россию, в славу, любя эту славу России, чтобы ей споспешествовать. Пора его «Незнакомства» неинтересна*: мало ли либеральных пересмешиков. Трогательное и прекрасное в нем явилось тогда, когда, как средневековый рыцарь, он завязал в узелок свою «известность» и «любимость», отнес ее в часовенку на дороге и, помолясь перед образами, — вышел вон с новым чувством. «Я должен жить не для своего имени, а для имени России». И он жил так. Я определенно помню отрывочные слова, сказанные как бы вслух про себя, но при мне, из которых совершенно явно сложился именно этот образ.

(об А. С. Суворине — в мае 1912 г.; на обложке серенького конверта. Слова о Хаджи-Мурате — по справке с подлинной записочкой С-на — не содержали «крепкого русского слова», но оставляю их в том впечатлении, как было у меня в душе и как записалось минуты через три после разговора. Но «крепкое слово», однако, было вообще любимо А. С. С-ным. — Раз он о газете сказал мне, вскипев и стукнув углами пальцев о стол: «Я люблю свою газету больше семьи своей (еще вскипев:) больше своей жены...» Так как ни денег, ни общественного положения нельзя любить крепче и ближе жены и детей, то слова эти могли значить только: «совместная с Россией работа газеты мне дороже и семьи и жены». Это, т. е. подспудное в душе около этого восклицания, я и называл «рыцарской часовенкой» журналиста).

* * *

Русские, как известно, во все умеют воплощаться. Однажды они воплотились в Дюма-fils. И поехал с чувством настоящего француза изучать Россию и странные русские нравы. Когда на границе спросили его фамилию, он ответил скромно:

— Боборыкин.

* * *

Самое важное в Боборыкине, что он ни в чем не встречает препятствия...

Боборыкина в «затруднении» я не могу себе представить.

Всем людям трудно, одному Боборыкину постоянно легко, удачно; и, я думаю, самые трудноперевариваемые вещества у него легко перевариваются.

* * *

Несу литературу как гроб мой, несу литературу как печаль мою, несу литературу как отвращение мое.

* * *

Никакой трагедии в душе... Утонули мать и сын. Можно бы с ума сойти и забыть, где чернильница. Он только написал «трагическое письмо» к Прудону *

(Герцен).

*

Прудон был все-таки для него «знатный иностранец». Как для всей несчастной России, которая без «иностранца» задыхается.

«Слишком заволокло все Русью. Дайте прорезь в небе». — В самом деле, «тоска по иностранному» не есть ли продукт чрезмерного давления огромности земли своей, и даже цивилизации, «всего» — на маленькую душу каждого.

— Тону, дай немца.

Очень естественно. «Иностранец» есть протест наш, есть вздох наш, есть «свое лицо» в каждом, которое хочется сохранить в неизмеримой Руси.

— Ради Бога — Бокля!! Поскорее!!!

Это как «дайте нашатырю понюхать» в обмороке.
(в конке).

* * *

Вся натура его — ползучая. Он ползет, как корни дерева в земле.

(о Фл-м).

*

Воздух — наиболее отдаленная от него стихия. Я думаю, он вовсе не мог бы побежать. Он запнется и упадет. Все — к земле и в землю.

(на полученном письме Уст-го).

* * *

Недаром еще в гимназии как задача «с купцами» или «с кранами» (на тройное правило) — не могу решить.

Какие-то «условия» и их как-то надо «поставить»... «Ну их к ч-черту!!» — и с негодованием закрывал книгу.

«Завтра спишу у товарища» или «товарищ подскажет». Всегда подсказывали.

Добрые гимназисты. Никогда их не забуду. Если что из «Российской Державы» я оставил бы, то — гимназистов. На них даже и «страшный суд» зубы обломает. Курят — и только, да насчет «горничных». Самые праведные дела на свете.

(с «горничными» — разное о них вранье,
и самые маленькие шалости;
«обид» же им не было).

* * *

Я только смеюсь или плачу. Размышляю ли я в собственном смысле?

— Никогда!

* * *

Вообще драть за волосы писателей очень подходящая вещь.

*

Они те же дети: только чванливые, и уже за 40 лет.

*

Попы в средние века им много вихров надрали. И поделом.

Центр — жизнь, материк ее... А писатели — золотые рыбки или — плотва, играющие около берега его. Не «передвигать» же материк в зависимости от движения хвостов золотых рыбок.

(утром после чтения газет).

* * *

Чего хотел, тем и захлебнулся. Когда наша простая Русь полюбила его простою и светлою любовью за «Войну и мир», — он сказал: «Мало. Хочу быть Буддой и Шопенгауэром». Но вместо «Будды и Шопенгауэра» получилось только 42 карточки, где он снят в $\frac{3}{4}$, $\frac{1}{2}$, en face, в профиль и, кажется, «с ног», — сидя, стоя, лежа, в рубашке, кафтане и еще в чем-то, за плугом и верхом, в шапочке, шляпе и «просто так»... Нет, дьявол умеет смеяться над тем, кто ему (славе) продает свою душу.

«Которую же карточку выбрать», — говорят две курсистки и студент. Но покупают целых три, заплатив за все 15 коп.

Sic transit gloria mundi *.

* * *

Слава — не только не величие: слава — именно начало *падения* величия...

Смотрите на церкви, на царства и царей.

(на поданной визитной карточке).

* * *

Между эсерами есть недурненькие jeunes premiers **; и тогда они очень хорошо устраиваются.

(2 случая на глазах).

* * *

Если муж плачет об умершей жене, то, наклонясь к уху лакея, вы спросите: «А не был ли он знаком с Замысловским ***?» И если лакей скажет: «Да, среди других у нас бывал и Замысловский», — вы пойдите в участок и сообщите приставу, что этот господин, сделавший у себя имитацию похорон, на самом деле собирает по ночам

оголтелых людей, с которыми составил план ограбить квартиру градоначальника. Покойница же «живет» со всею шайкою.

Не к этому ли *тону* и *духу* сводится все «честное направление» в печати. Или — все «честное, возвышенное и идеальное» у нас.

Да... *noli tangere nostros circulos.**

(по прочтении Гарриса об «Уединен.» **).

* * *

Он довольно литературен: оказывается, он произносит с надлежащей буквой «ѣ» такое трудное выражение, как «переоценка ценностей». И сотрудничества его ищут редакторы журналов и газет.

* * *

Смех не может ничего убить. Смех может только придавить.

И терпение одолеет всякий смех.

(60-е годы и потом).

* * *

Это какой-то *впечатлительный* Боборыкин стихотворчества.

Да, знает все языки, владеет всеми ритмами и, так сказать, не имеет в матерьяле сопротивлений для пера, мысли и воображения: по сим качествам он кажется *бесконечным*.

Но *душа*? Ее нет у него: это — вешалка, на которую повешены платья индийские, мексиканские, египетские, русские, испанские. Лучше бы всего — цыганские: но их нет. Весь этот торжественный парад мундиров проходит перед читателем, и он думает: «какое богатство». А на самом деле под всем этим — просто гвоздь железный, выделки кузнеца Иванова, простой, грубый и элементарный.

Его совесть? Об этом не поднимаю вопроса.

(в *окружном суде*, дожидаясь секретаря, — о поэте Б-те ***).

* * *

Техника, присоединившись к душе, дала ей всемогущество. Но она же ее и раздавила. Получилась «техническая душа», лишь с механизмом творчества, а без вдохновения творчества.

(печать и Гутенберг, в суде).

* * *

Грусть — моя вечная гостья. И как я люблю эту гостью.

Она в платье не богатом и не бедном. Худенькая. Я думаю, она похожа на мою мамашу. У нее нет речей, или мало. Только вид. Он не огорченный и не раздраженный. Но что я описываю: разве есть слова? Она бесконечна.

Грусть — это бесконечность!

*

Она приходит вечером, в сумерки, неслышно, незаметно. Она уже «тут», когда думаешь, что нет ее. Теперь она, не возражая, не оспаривая, примешивает ко всему, что вы думаете, свой налет: и этот «налет» — бесконечен.

Грусть — это упрек, жалоба и недостаточность. Я думаю, она к человеку подошла в тот вечерний час, когда Адам «вкусил» и был изгнан из рая. С этого времени она всегда недалеко от него. Всегда «где-то тут»: но показывается в вечерние часы.

(окружной суд; дожидаясь секретаря).

* * *

Вопрос «об еврее» бесконечен: о нем можно говорить и написать больше, чем об Удельно-вечевом периоде русской истории.

*

Какие «да!» и «нет!»

(окружн. суд; на поданной визит. карт.).

* * *

Суть «нашего времени» — что оно все обращает в шаблон, схему и фразу. Проговорили великие мужи. Был Шопенгауэр: и «пессимизм» стал фразой. Был Ницше: и «Антихрист» его заговорил тысячею лошадиных челю-

стей. Слава Богу, что на это время Евангелие совсем перестало быть читаемо: случилось бы то же.

Из этих оглоблей никак не выскочишь.

— Вы хотите успеха?

— Да.

— Сейчас. Мы вам изготовим шаблон.

— Да я хотел сердца. Я о душе думал.

— Извините. Ничего, кроме шаблона.

— Тогда не надо... Нет, я лучше уйду. И заберу свою бедность с собою.

(на той же визитной карточке Макаревского *).

* * *

Отчего так много чугуна в людях? Преобладающий металл.

— Отчего он не сотворен из золота?

«Золото для ангелов».

Но золотые нити прорезывают чугун. И какое им страдание. Но и какой «вслед им» восторг.

(поговорив с попом).

* * *

Истинное отношение каждого только к самому себе. Даже рассоциалист немного фальшивит в отношении к социализму, и просто потому, что социализм для него — объект. Лишь там, где субъект и объект — одно, исчезает неправда.

*

В этом отношении какой-то далекой, хотя и тусклой, звездочкой является эгоизм — «я» для «я»... *мое «я» для «меня».* Это грустно, это сухо, это страшно. Но это — истина.

* * *

Сила еврейства в чрезвычайно старой крови...

Не дряхлой: но она хорошо выстоялась и постоянно полировалась (борьба, усилия, изворотливость). Вот чего никогда нельзя услышать от еврея: «как я устал» и — «отдохнуть бы».

* * *

Отстаивай любовь свою ногтями, отстаивай любовь свою зубами. Отстаивай ее против ума, отстаивай ее против власти.

Будь крепок любви — и Бог тебя благословит.
Ибо любовь — корень жизни. А Бог есть жизнь.

(на Волково).

* * *

Русская жизнь и грязна, и слаба, но как-то *мила*.

*

Вот последнее и боишься потерять, а то бы «насмарку все». Боишься потерять нечто *единственное* и чего *не повторится*.

*

Повторится и лучшее, а не *такое*. А хочется «такого»...

(на Волково).

* * *

«Современность» режет только пустого человека. Поэтому и жалобы на современность — пусты.

* * *

Нет, не против церкви и не против Бога мой грех — не радуйтесь, попики.

*

Грех мой против человека.

*

И не о «морали» я тоскую. Все это пустяки. Мне *не* 12 лет. А не было ли от меня *боли*.

* * *

«— Я сейчас! я сейчас!..» — и с счастливым детским лицом она стала надевать пальто, опуская больную руку, как в мешок, в рукав...

Когда вошла Евг. Ив. *, она была уже в своем сером английском костюме.

Поехали к Лид. Эр. **. — Я смотрел по лестнице: первый выезд далеко (на Удельную). И, прихрамывая, она

торопилась, как на лучший бал. «Так далеко!» — обещание выздоровления...

...Увы...

*

Приехала назад вся померкшая... (изнемогла).

21 апреля 1912 г.

* * *

Все же именно *любовь* меня не обманывала. Обманулся в вере, в цивилизации, в литературе. В людях вообще. Но те два человека, которые меня любили, — я в них не обманулся никогда. И не то, чтобы *мне было хорошо* от любви их, вовсе нет: но жажда видеть *идеальное, правдивое* — вечна в человеке. В двух этих привязанных к себе людях («друге» и Юлии) я и увидел правду, на которой не было «ущерба луны», — и на светозарном лице их я вообще не подметил ни одной моральной «морщины».

Если бы я сам был таков — моя жизнь была бы полна и я был бы *совершенно счастлив*, без конституции, без литературы и без красивого лица.

*

Видеть лучшее, самое прекрасное, и знать, что оно к тебе привязано, — это участь богов. И дважды в жизни — последний раз целых 20 лет — я имел это «подобие божественной жизни».

*

Думая иногда о Фл., крещу его в спину с А. * — и с болью о себе думаю: «Вот *этот* сумеет сохранить».

* * *

Все женские учебные заведения готовят в удачном случае монахинь, в неудачном проституток.

«Жена» и «мать» в голову не приходят.

* * *

Может быть, народ наш и плох, но он — *наш* наш народ, и это решает все.

*

От «своего» куда уйти? Вне «своего» — *чужое*. Самым этим словом *решается все*. Попробуйте пожить «на чу-

жой стороне», попробуйте жить «с чужими людьми». «Лучше есть краюшку хлеба у себя дома, чем пироги — из чужих рук».

* * *

Больше любви, больше любви, дайте любви. Я задыхаюсь в холоде.

У, как везде холодно.

* * *

Моя кухонная (прих.-расх.) книжка стоит «Писем Тургенева к Виардо» *... Это — *другое*, но это такая же ось мира и в сущности такая же поэзия.

Сколько усилий! бережливости! страха не переступить «черты»! и — удовлетворения, когда «к 1-му числу» сошлись концы с концами.

* * *

Всякий раз, когда к «канонам» присоединяется в священнике *личная горячность*, — получается нечто ужасное (ханжа, Торквемада **); только когда «спустя рукава» — хорошо. Отчего это? Отчего *здесь*?

* * *

Смерти я совершенно не могу перенести.

Не странно ли прожить жизнь так, как бы ее и не существовало. Самое обыкновенное и самое постоянное. Между тем я так относился к ней, как бы никто и ничто не должен был умереть. Как бы смерти не было.

Самое обыкновенное, самое «всегда»: и этого я не видал.

Конечно, я ее *видел*: но значит, я *не смотрел* на умирающих. И не значит ли это; что я их и *не любил*.

Вот «дурной человек во мне», дурной и страшный. В этот момент как я ненавижу себя, как враждебен себе.

* * *

Собственно, *непосредственно слит с церковью* я никогда не был (в детстве, юношей, зрелым)... Я всегда был *зрителем в ней, стоятелем* — хотящим помолиться, но не и *уже* молящимся; оценщиком; во мне было много *любования* (в зрелые годы) на церковь... Но это совсем не то, что, напр., в «друге», в ее матери: «пришел» и «молюсь»,

«это — *мое*», «тут — *все мы*», «это — *наше*». Таким образом, и тут я был «иностранец», — «восхищенным Анахарсисом *», как в политике, увы, как — *во всем*.

Эта-то страшная *пустыня* и томит меня: что я нигде не «свой»; что на земле нет места, где я бы почувствовал: «мое», «мне *данное*», «врожденное».

И вся жизнь моя есть поиски: «где же *мое*». Только в «друге» мне мелькнуло «мое». Это что-то «в судьбе», «в звездах», т. е. встреча и связанность. Тут — живое; и — идеальное, которое живо, а не то чтобы «вследствие живого (которое понравилось) — идеализировалось». Связь эта — провиденциальна. Что-то Бог мне тут «указал», к чему-то «привел».

(за статьей по поводу пожарного съезда).

* * *

Напрасно я обижал Кускову **...

Как все прекрасно...

*

Она старается о том, о чем ей вложено. Разве я не стараюсь о вложенном мне?

(за истреблением комаров).

* * *

Сочетание хитрости с дикостью (наивностью) — мое удивительное свойство. И с неумелостью в подробностях, в ближайшем — сочетание дальновидности, расчета и опытности в отдаленном, в «конце».

«Трепетное дерево» я написал именно как 1-ю главу «Тем. Лица» ***. А за сколько лет до «Т. Л.» оно было напечатано, и тогда о смысле и тенденции этой статьи никто не догадывался.

А в предисловии к «Люд. лун. света» — уже все «Уедин.».

(в ват...).

* * *

Я не враждебен нравственности, а просто «не приходит на ум». Или отлипается, когда (под чьим-нибудь требованием) ставлю темою. «Правила поведения» не имеют химического сродства с моею душою: и тут ничего нельзя сделать. Далее, люди «с правилами поведения» всегда были мне противны: как деланные, как неумные,

и в которых вообще нечего рассматривать. «Он подал тебе шпаргалку: прочтя которую все о *нем* знаешь». Но вот: разве не в этом заключается и мой восторг к «другу», что когда увидишь великолепного «нравственного» человека, которому тоже его «нравственность» не приходит на ум, а он таков «от Бога», «от родителей» и вечности, который не имеет двоящейся мысли, который не имеет задней мысли, который никогда ни к кому не имел злой мысли,— то оставляешь художества, «изящное», из рук выпадает «критика чистого разума», и, потихоньку отойдя в сторону, чтобы он не видел тебя,— следишь и следишь за ним, как самым высшим, что вообще можно видеть на земле.

Прекрасный человек,— и именно в смысле вот этом: «добрый», «благодатный»,— есть лучшее на земле. И истине мир создан, чтобы увидеть его.

Да к чему рассуждения. Вот пример. Смеркалось. Все по дому измучены, как собаки. У дверей я перетирал книги, а Надя (худенькая, бледная горничная, об муже и одном ребенке) домывала окна. «Костыляет» моя В.,— мимо, к окну,— и, захватив правой рукой (здоровая) шею Нади, притянула голову и поцеловала как своего ребенка. Та, испугавшись: — «Что вы, барыня?» Заплавав, ответила: — «Это нам Бог вас послал. И здоровье у вас слабое, и дома несчастье (муж болен, лежит в деревне, без дела, а у ребенка — грыжа), а вы все работаете и не оставляете нас». И отошла. Не дождавшись ни ответа, ни впечатления.

Есть вид работы и службы, где нет барина и господина, владыки и раба: а все делают дело, *делают гармонию*, потому что она *нужна*. Ящик, гвозди и вещи: вещи пропали бы без ящика, ящик нельзя бы сколотить без гвоздей; но «гвоздь» не самое главное, потому что все — «для вещей», а с другой стороны, «ящик обнимает все» и «больше всего». Это понимал Пушкин, когда не ставил себя ни на капельку выше «капитана Миронова» (Белогорская крепость); и капитану было хорошо около Пушкина, а Пушкину было хорошо с капитаном.

Но как это непонятно *теперь*, когда все раздрает злоба.

* * *

В поле — сила, пол есть сила. И еврей — соединены с этою силою, а христиане с нею *разделены*. Вот отчего еврей одолевает христиан.

Тут борьба *в зерне*, а не на поверхности,— и в такой глубине, что голова кружится.

*

Дальнейший отказ христианства от пола будет иметь последствием увеличение триумфов еврейства. Вот отчего так «вовремя» я начал проповедовать пол. Христианство должно хотя бы отчасти стать фаллическим (дети, развод, т. е. упорядочение семьи и утолщение ее пласта, увеличение множества семей).

*

Увы: образованные евреи этого не понимают, а образованным христианам «до всего этого дела нет».

* * *

— Зачем я пойду к «хорошему воздуху», когда «хороший воздух» сам ко мне идет. На то и ветерок, чтобы человеку не беспокоиться.

(на: «*Поди гулять, хороший воздух*»).

* * *

Когда жизнь перестает быть милою, для чего же жить?

— Ты вступишь в большой грех, если умрешь *сам*.

— Дьяволы: да заглянули ли вы в *тоску мою*, чтобы учить теперь, когда все поздно. Какое дело мне до вас? Какое дело вам до меня? И *умру и не умру* — *мое дело*. И никакого *вам* дела до меня

Говорили бы *живому*. Но тогда вы молчали. А над мертвым ваших речей не нужно.

(за набивкой папирос).

* * *

Смерть есть то, после чего ничто не интересно.

*

Но она настанет для всего.

*

Неужели же сказать что — ничто не интересно?

Может быть, библиография Тургенева теперь для него интересна? Бррр...

* * *

«Религия Толстого» не есть ли «туда и сюда» тульского барина, которому хорошо жилось, которого много славили, — и *который ни о чем истинно не болел*.

Истинно и страстно и лично. В холодности Толстого — его смертная часть.

(читая Перцова о «Сборнике в его память» *).

* * *

Как я смотрю на свое «почти революционное» увлечение 190..., нет 1897—1906 гг.?

— Оно было право.

Отвратительное человека начинается с самодовольства.

И тогда самодовольны были чиновники.

Потом стали революционеры. И я возненавидел их.

* * *

Перечитал свою статью о Леонтьеве (сборник в память его) **. Не нравится. В ней есть *тайная* пошлость, заключающаяся в том, что, говоря о *другом* и притом *любимом* человеке, я должен был говорить о нем, не прибавляя «и себя». А я прибавлял. Это так молодо, мелко, — и говорит о нелюбви моей к покойному, тогда как я его любил и люблю. Но — как вдова, которая «все-таки посмотрелась в зеркало».

Боже, сохрани во мне это писательское целомудрие: не смотреться в зеркало.

Писатели значительные от ничтожных почти только этим отличаются: смотрятся в зеркало — *не* смотрятся в зеркало.

Соловьев не имел силы отстранить это зеркало, Леонтьев не видел его.

* * *

Я невестюсь перед всем миром: вот откуда постоянное волнение.

*

Авр. невестился перед Иег. ***, а я перед природой. Это и вся разница.

Я знаю все, что было открыто ему.

* * *

Писателю необходимо подавить в себе писателя («писательство», литературщину). Только достигнув этого, он становится писателем; не «делал», а «сделал».

* * *

Чем я более всего поражен в жизни? и за всю жизнь?
Неблагородством.

И — благородством.

И тем, что благородное всегда в унижении.

Свинство почти всегда торжествует Оскорбляющее
свинство.

* * *

...вообще, когда меня порицают (Левин, другие) — то это справедливо (порицательная вещь, дурная вещь). Только не в цинизме: мне не было бы трудно в этом признаться, но этого зги нет во мне. Какой же цинизм в существенно кротком? В постоянно почти грустном? Нет, другое.

Во мне нет ясности, настоящей *дейательной* доброты и открытости. Душа моя какая-то *путаница*, из которой я не умею *вытащить ногу*...

И отсюда такое глубокое бессилие. (Немножко все это, т. е. путаница, выражается в моем стиле.)

* * *

Французы неспособны к республике, как неспособны и к монархии. У них нет ни нормальных монархических чувств, ни нормальных республиканских. Они неспособны к любви, привязанности, доверию, обожанию. Какая же может быть тогда монархия? А республика... какие же республиканцы — эти карманщики, эти портмоне, около которых — каждого — поставлен счетчик и сторож, именуемый себя *citoyen*? Это и есть сторожа своих карманов.

Чем же она (Франция) держится? Всего меньше «республиканским строем». Квартал к кварталу, город к городу, департамент к департаменту. Почему же всему

этому не «держаться», если ничто их не разрушает, не раскалывает, не бьет, не валит? Сухой лес еще долго стоит.

Что за мерзость... нет, что за *ужас* их маленькие повестушки... Прошлым летом прочел одну — фельетон в «Утре России».* Она стояла у меня как кошмар в воображении. Вот сюжет: три сестры — проститутки. Отец и мать — швейцар дома. Третья, младшая сестра, влюбилась в студента, перешла на чердак к нему и (тут вся ирония автора) нанесла бесчестье отцу, матери, сестрам. Она — «погибшая».

Только дочитав рассказ и еще вторично пробежав — догадываешься, в чем дело, т. е. что проститутки. В сумерки они появлялись в шикарном сафэ и садились так, чтобы быть видными в соответствующем освещении. Одеты великолепно, и вообще считаешь их «барышнями» — пока не дочтешь. Потом только о всем догадываешься: больше из судьбы третьей сестры и общего иронического тона автора. Отец и мать, вечером и утром, в уютной своей швейцарской, потягивают душистый кофе, который заканчивают рюмкой дорогого вина. Дочери к ним почтительны, любящи, — и «зарабатывают» на кофе и вино.

Дети почитают родителей, и родители любят своих детей. Старик и старушка. И три красавицы. Нужно сказать, что я знаю (пришлось *слышать*, но слышать о тех девушках, которых я *видал*) два подобных случая в Петербурге. Именно — матери, указав на лежащую в коляске кокотку, сказали дочерям лет 16-ти: «Вот бы тебе подцепить дружка, как эта (кочотка), вот бы тебе устроиться к кому-нибудь».

Ну, и — факт. Грубость семьи, пошлость тона. Пол дочери зачеркнут мегерой, которая сама не имеет пола, и «что-то вроде пола» рассматривается, как «неразменный рубль». Впрочем, я рационализирую и придумываю. То, что *виделось*, — было просто грязная мочалка, грязная неметеная комната. Наконец, в детстве (ничего не понимая — еще до поступления в гимназию) мне пришлось видеть глазами историю хуже. Офицер от себя отпускал молодую женщину, когда извозчик постучит в окно: «Здесь Анна Ивановна? Зовут в гостиницу».

Итак, видал, слышал. Но этого подленького, *уже авторского*, уже *сitouen* — «пили кофе и любили винцо, потому что дочери хорошо получали», этого *лакея-лitterатора*, сводящего все событие, в сущности, огромного

быта и, может быть, скрытой огромной психологии к вкусно-му ощущению хорошего вина на языке,—я не встречал... Даже «хуже» здесь — в сущности, лучше. Вовсе не в получаемой «монете» здесь дело, не в «кофе» поутру, а в другом: в преувеличенной развращенности уже стариков родителей или альфонса-любовника. Вообще тут квадрат угара, а «монета» — только прикладное. И этот квадрат угара есть все-таки феномен природы, в который мы можем вдумываться, который мы можем изучать, тогда как совершенно нечего ни думать, ни изучать у этого француза, который рассмотрел здесь одну бухгалтерскую книгу и щекотание нёбных нервов. Падший здесь — литератор. О, он гораздо ниже стоит и швейцара со швейцарихой, и сестер-кокоток. У кокоток — и развитие кокоток, и начитанность кокоток, и религия кокоток, и все. Маленькое животное, имеющее маленький корм. Но литератор, но литература, унижающиеся до этого торжественно-язвительного:

Се — лев, а се — человек

— после Вольтера, Руссо, после Паскаля, Монтеня, после Гизо, Тьера, Араго *...

* * *

В «социальном строе» один везет, а девятую лодырничают...

И думается: «социальный вопрос» не есть ли вопрос о девяти дармоедах из десяти, а вовсе не в том, чтобы у *немногих* отнять и поделить между всеми. Ибо после дележа будет 14 на шею одного трудолюбца; и окончательно задавят его. «Упразднить» же себя и даже принудительно поставить на работу они никак не дадут, потому что у них «большинство голосов», да и просто кулак огромнее.

* * *

Любовь подобна жажде. Она есть жаждание души тела (т. е. души, коей проявлением служит тело). Любовь всегда — к тому, чего «особенно недостает мне», жаждущему.

*

Любовь есть томление; она *томит*; и убивает, когда не удовлетворена.

*

Поэтому-то любовь, насыщаясь, всегда *возрождает*.
Любовь есть *возрождение*.

*

Любовь есть взаимное пожирание, поглощение. Любовь — это всегда обмен — души-тела. Поэтому, когда *нечему* обмениваться, любовь погасает. И она *всегда* погасает по одной причине: истощенности матерьяла для обмена, остановке обмена, сытости взаимной, сходства-тождества когда-то *любивших и разных*.

Зубцы (разница) перетираются, сглаживаются, не зацепляют друг друга. И «вал» останавливается, «работа» остановилась: потому что исчезла *машина*, как *стройность и гармония* «противоположностей».

Эта любовь, естественно умершая, *никогда не возродится...*

Отсюда, раньше ее (полного) окончания, вспыхивают *измены*, как последняя надежда любви: ничто так не *отдаляет* (творит *разницу*) любящих, как измена которого-нибудь. Последний еще *не стершийся зубец* нарастает, и с ним зацепливается противолежащий зубчик. Движение опять возможно, есть, — сколько-нибудь. Измена есть, таким образом, самоисцеление любви, «починка» любви, «заплата» на изношенное и ветхое. Очень нередко «надтреснутая» любовь разгорается от измены еще возможным для нее пламенем и образует сносное счастье до конца жизни. Тогда как без «измены» любовники или семья равнодушно бы отпали, отвалились, развалились; *умерли окончательно*.

* * *

...право, русские напоминают собою каких-то арабов, странствующих по своей земле...

И «при свете звезд поющих песни» (литература). Дело все не в русских руках.

* * *

Почтмейстер, заглядывавший в частные письма («Ревизор»), был хорошего литературного вкуса человек.

Раз, лет 25 назад, я пошел случайно на чердак. Старый чемодан. Поднял крышку — и увидел, что он до краев

набит (в конвертах) старыми письмами. Сойдя вниз, я спросил:

— Что это?

— Это мои (ко мне старые письма), — сказала женщина-врач, знаменитая деятельница 60-х годов *.

Целый чемодан!

Читая иногда письма прислуге, я бывал поражен красками народного говора, народной души, народного мировоззрения и быта. И думал: «Да это — литература, прекраснейшая литература».

Письма писателей вообще скучны, бесцветны. Они, как скупые, «цветочки» берегут для печати, и все письма их — полинявшие, тусклые, без «говора». Их бы и печатать не стоило. Но корреспонденция частных людей истинно замечательна.

Каждый век (в частных письмах) говорит своим языком. Каждое сословие. Каждый человек.

Вместо «ерунды в повестях» выбросить бы из журналов эту новейшую беллетристику и вместо нее...

Ну — печатать *дело*: науку, рассуждения, философию.

Но иногда, а впрочем лучше в отдельных книгах, вот воспроизвести чемодан старых писем. Цветков и Гершензон много бы оттуда выудили **. Да и «зачитался бы с задумчивостью» иной читатель, немногие серьезные люди...

* * *

Приятно стоять «выше морали» и на просьбы кредиторов — по-наполеоновски размахнуться и гордо ответить: — «Не плачу». Но окаянно, когда мне не платят; а за «ближними» есть долгишки. Перебиваюсь, жду. Не знаю, как выйти из положения: в мелочной задолжал. Не обращаться же к приставу, хоть и подумываю.

(философия Ницше).

Да, я коварен, как Цезарь Борджиа: и про друзей своих черт знает что говорю. Люблю эту черную измену, в которой блещут глаза демонов. Но ужасно неприятно, что моя квартирная хозяйка распространяет по лестнице сплетню, будто я живу с горничной, — и дворники «так запанибрата» смотрят на меня, как будто я уже и не барин.

*

Я барин. И хочу, чтобы меня уважали как барина.

*

До «ницшеанской свободы» можно дойти, только «пройдя через барина». А как же я «пройду через барина», когда мне долгов не платят, по лестнице говорят гадости, и даже на улице кто-то заехал в рыло, т. е. попал мне в лицо, и, когда я хотел позвать городского, спяна закричал:

— Презренный, ты не знаешь новой морали, по которой давать ближнему в ухо не только не порочно, но даже добродетельно.

Я понимаю, что это так, если я даю. Но когда мне дают?..

(тоже философия).

* * *

Рцы точно без рук и без ног. Только голова и живот.

*

Смотрит, думает и кушает.

Ему приходится «служить». Бедный. На службе в контроле он мне показал из-под полы великолепные «пахитоски»:

— Из Испании. От друга. Контрабанда.

Потом я таких нигде не встречал.

На обеде с Шарповым и еще каким-то паровозчиком я услышал от него замечательное выражение: «вкусовая гамма» (что после чего есть).

*

Но сидя и не двигаясь, он все отлично обдумывает, и не ошибается в расчете и плане. Он есть естественный и превосходный *директор-воспитатель*, с 3—4 подручными «субиками», Лицея, Правоведения, чего угодно. А он вынужден был «проверять отчетность» в железнодорожном департаменте. Поневоле он занимался пахитосками.

От него я слышал замечательные выражения. Весь настороженный и как-то ударя пальцем по воздуху, он проникновенно сказал раз:

«Такт есть ум сердца». Как это деликатно и тонко. Еще:

«Да, он не может читать лекций. И вообще — ничего не может. У нас его и вообще таких гонят в шею. В Оксфорде его оставляют. Он копается в книгах. Он ищет, находит, нюхает. Он — *призванный ученый*, ученый по вдохновению, а не по диплому. И молодым людям из эле-

ментарной школы и почти что с улицы полезно видеть около себя эту постоянную фигуру сгорбленного над книгами человека, которая их учит больше, чем лекции молодого, блестящего говоруна».

Ведь это — канон для университетов, о котором не догадался ни один из русских министров просвещения.

* * *

Есть *несвоевременные* слова. К ним относятся Новиков и Радищев. Они говорили правду и высокую человеческую правду. Однако, если бы эта «правда» расплзлась в десятках и сотнях тысяч листов, брошюр, книжек, журналов по лицу русской земли,— доползла бы до Пензы, до Тамбова, Тулы, обняла бы Москву и Петербург, то пензенцы и туляки, смоляне и псковичи не имели бы духа отразить Наполеона.

Вероятнее, они призвали бы «способных иностранцев» завоевать Россию, как собирався позвать их Смердяков и как призывал их к этому идейно «Современник»; также и Карамзин не написал бы своей «Истории». Вот почему Радищев и Новиков хотя говорили «правду», но — не нужную, *в то время — не нужную*. И их, собственно, устарили, а словам их не дали удовлетворения. Это — не против мысли их, а против *распространения* этой мысли. Вольно же было Гутенбергу изобретать свою машинку. С тех пор и началось «стеснение свободы мысли», которая на самом деле состоит в «не хотим слушать».

* * *

Национальность для каждой нации есть *рок* ее, *судьба* ее; может быть, даже и черная. Судьба в ее *силе*.

*

«От *Судьбы* не уйдешь»: и из «оков народа» тоже не уйдешь.

* * *

- Посидите, Федор Эдуардович.
- Нельзя. Меня Бызов ждет.
- Что такое «Бызов»?
- Товарищ. Из университета. Тоже вышел.
- Ну?
- Я пошел к вам. Да зашел к нему: «Пойдемте вместе, а то мне скучно». Он теперь ждет меня у ворот.

И до сих пор «Шперка» я не могу представить «и» без «Бызова». Шперк всегда «с Бызовым». Что такое «Бызов» и какой он с виду, я никогда не видал. Но знаю наверное, что не мог бы так привязаться к Шперку, если бы он не был «с Бызовым» и вечно бы не таскал его с собой.

Еще Шперк приучился таскаться к философу... забыл фамилию. Он (под псевдонимом) издал умопомрачительную по величине и должно быть по глубине книгу — «Кристаллы человеческого духа». Радлов и Введенский, конечно, не читали ее. Забыл фамилию. Леднев (псевдоним) ... Он жил за Охтой, там у него был свой домик, с палисадником, а сам он был маклером на бирже; маклером-философом. У него была уже дочь замужняя, и вообще он был в летах.

Моя жена («друг») и этот маклер были причиной перехода Шперка в православие. Шперк удивительно к нему привязался; попросту и по-благородному — «по-собачьи». Маклер был для него самый мудрый человек в России, — «куда Введенский и Радлов»! Он был действительно прекрасный русский человек, во всех книгах начитанный и постоянно размышляющий. Он упрекал Шперка, что тот выпускает всё брошюры, т. е. «расходуется на мелочи».

Наблюдать любовь к нему Шперка было удивительно и трогательно.

Вспомнил фамилию философа — *Свечин* *.

* * *

— Барин, какой вы жестокий.

— А что, няня?..

— Да вы заснули.

«Боже! Боже! Заснул!!!»

А Шперк все тем же музыкальным, вникающим в душу голосом читал «Душа моя» (поэма его в белых стихах).

— Вы читайте, Федор Эдуардович, а я полежу, — сказал я. И в чтении его — все было понятно, как в разговорах его — все понятно. Но когда сам его читаешь по печатному — ничего не понимаешь.

Я встал. Он улыбнулся. Он никогда на меня не сердился, зная, что я никогда не захочу его обидеть. И мы пошли пить чай.

(в С.-Петербурге, на Павловской улице).

* * *

Взгляните на растение. Ну там «клеточка в клеточке», «протоплазма» и все такое. Понятно, рационально и физиологично.

«Вполне научно».

Но в растении, «как растет оно», есть еще художество. В грибе одно, в березе другое: но и в грибе художество, и в березе художество.

Разве «ель на косогоре» не художественное произведение? Разве она не картина ранее, чем ее можно было взять на картину? Откуда вот это-то?!

Боже, откуда?

Боже,— от Тебя.

* * *

Язычество, спрессованное «до невозможности», до потери всех форм, скульптур,—это юдаизм. Потом спрессовывание еще продолжилось: теперь только запах несется, материи нет, обращена в «О»: это — христианство. Таким образом, можно рассматривать все религии, как «одно развитие», без противоречий, противодвижений, как постепенное сжимание материи до плотности «металла» и до «один пар несется».

Можно ли?

* * *

После хиротонии, облекшись в «ризы нетления»,—он оглядится по сторонам и начинает соображать доходы.

(судьба русского архиерея). (Не все).

* * *

Он был самоотверженный человек и не жил с своей женой. С ней жили другие. Сперва секретарь, потом сын друга (С), потом кто попало. Он плакал *.

*

Раз едем на извозчике, куда-то или откуда-то. Он и говорит:

— Чтобы жить хорошо, не надо иметь денег.

— Как?

— Вы нуждаетесь?

— Да.

— Отлично. Мы берем вексель, я и Рцы ставим свои бланки, вы идете в банк и учитываете...

— Как «учитываете»?

— Так учитываете. Вам выдают не полную сумму, а немного вычитая. Вексель остается в банке. Разумеется, вы его выкупаете *сами*, когда деньги будут. Так что *сейчас* вовсе не надо иметь деньги, а только быть уверенным, что потом получите, и на это «потом получите» — жить.

Отличное «*сейчас*»!

— Это какая-то сказка.

— Да! И потом — тоже «переписать» вексель, еще дальше на «будущее». Так я живу, и вот сколько лет, и не нуждаюсь.

(*море житейское*).

* * *

О мое «не хочется» разбивался всякий наскок.

Я почти лишен страстей. «Хочется» мне очень редко. Но мое «не хочется» есть истинная страсть.

От этого я так мало замешан, «соучаствую» миру.

Точно откатился куда-то в сторону и закатился в канавку. И из нее смотрю — только с любопытством, но не с «хочу».

(*ночью в постели*).

* * *

То, чему я никогда бы не поверил и чему поверить невозможно, — *есть в действительности*: что все наши ошибки, грехи, злые мысли, злые отношения, с самого притом детства, в юности и проч., имеют себе *соответствие* в пожилом возрасте и особенно в старости. Что жизнь, таким образом (наша биография), есть *организм*, а вовсе не «отдельные поступки».

Жизнь (биография) органична: кто бы мог этому поверить?! Мы всегда считаем, что она «цепь отдельных поступков», которую я «поверну куда хочу» (т. е. что такова жизнь).

Как я чувствовал родных? Никак. Отца не видел и поэтому совершенно и никак его не чувствую и никогда о нем не думаю («вспоминать» естественно не могу о том, чего нет в памяти»). Но и маму я только, «когда уже все кончилось», почувствовал каким-то больным чувством, при жизни же ее не почувствовал и не любил; и мы, дети,

до того были нелепы и ничего не понимали, что раз хотели (обсуждали это, сидя «на бревнах», — был «сруб» по соседству) жаловаться на нее в полицию. Только когда все кончилось и я стал приходить в возраст, а главное — когда сам почувствовал первые боли (биография), я «вызвал тень ее из гроба» и страшно с ней связался. Темленькая, маленькая, «из дворянского рода Шишкиных» (очень гордилась) — всегда раздраженная, всегда печальная, какая-то измученная, ужасно измученная (я потом только догадался), в сущности, ужасно много работавшая, и последние года два больная. Правда, она с нами ни о чем не беседовала и не играла: *но до этого ли* ей было, во-первых; а во-вторых, она физически видела нашу от нее отчужденность и почти вражду; и естественно «бросила разговаривать» с «такими дураками». Только потом (из писем к Коле) я увидел или, лучше сказать, узнал, что она постоянно о нас думала и заботилась, а только «не разговаривала с дураками», потому что они «ничего не понимали». И мы, конечно, «ничего не понимали» со своей «полицией». И потом эта память: ее молитвы ночью (без огня) и толстый «акафистник» с буро-желтыми пятнами (деревянное пролившееся масло), и как я ей читал (лет 7-ми, 8-ми, даже 5-ти?) «Училище благочестия» и там помню историю «О Гурие, Самоне (?) и Авиве». Мне эти истории очень нравились, коротенькие и понятные. И мамаша их любила.

Но на наш «не мирный дом» как бы хорошо повеяла зажженная лампадка. Но ее не было (денег не было ни на масло, ни на самую лампадку).

И весь дом был какой-то — у!-у!-у! — темный и злой. И мы все были несчастны. Но что «были несчастны» — я понял потом. Тогда же хотелось только «на всех сердиться».

(за нунизматикой) *

* * *

До встречи с домом «бабушки» (откуда взял вторую жену) я вообще не видел в жизни гармонии, благообразия, доброты. Мир для меня был не Космос (жосреѡ — *украшаю*), а Безобразие, и, в отчаянные минуты, просто Дыра. Мне совершенно было непонятно, зачем все живут, и зачем я живу, что такое и зачем вообще жизнь? — такая проклятая, тупая и совершенно никому не нужная. Думать, думать и думать (философствовать, «О понима-

нии») — этого всегда хотелось, это «летело»: но что творится, в области действия или вообще «жизни», — хаос, мучение и проклятие.

И вдруг я встретил этот домик в 4 окошечка, подле Введения (церковь, Елец), где было все *благородно*.

В первый раз в жизни я увидел *благородных людей и благородную жизнь*.

И жизнь очень бедна, и люди очень бедны. Но никакой тоски, черни, даже жалоб не было. Было что-то «благословенное» в самом доме, в деревянных его стенах, в окошечке в сенях на «За-Сосну» (часть города). В глупой толстой Марье (прислуге), которую терпели, хотя она глупа, — и никто не обижал.

И никто вообще никого не обижал в этом благословенном доме. Тут не было совсем «сердитости», без которой я не помню ни одного русского дома. Тут тоже не было никакого завидования, «почему другой живет лучше», «почему он счастливее нас», — как это опять-таки решительно во всяком русском доме.

Я был удивлен. Моя «новая философия», уже не «понимания», а «жизни», — началась с великого удивления...

«Как могут быть синтетические суждения a-priori»: с вопроса этого началась философия Канта. Моя же новая «философия» жизни началась не с вопроса, а скорее с зренья и удивления: как может быть жизнь благородна и в зависимости от одного этого — счастлива; как люди могут во всем нуждаться, «в судаке к обеду», «в дровах к 11-му числу»: и жить благородно и счастливо, жить с тяжелыми, грустными, без конца грустными воспоминаниями: и быть счастливыми по тому одному, что они ни против кого не грешат (не завидуют) и ни против кого не виновны.

Ни внучка 7-ми лет, «Санюша», ни молодая женщина 27 лет, ее мать, ни мать ее — бабушка, лет 55.

И я все полюбил. Устал писать. Но с этого и началась моя новая жизнь.

(за нумизматикой).

* * *

Может быть, даже и нет *идеи* бессмертия души, но есть *чувство бессмертия души*, и проистекает оно из любви. Я оттого отвергал или «не интересовался» бессмертием души, что мало любил свою мамочку; жалел ее — но это другое, чем любовь, или не совсем то... Если бы я ее

свежее, горячее любил, если бы мне больнее и страшнее было, что «ее нет», то вот и «бессмертные души», «вечная жизнь», «загробное существование». Но, может быть, это «гипотеза любви»? Какая же «гипотеза», когда я «ем хлеб» и умру без «ем». Это — просто «еда», как «обращение земли около солнца» и проч. космическое. Так из великой *космологической* тоски (ибо тоска-то эта *космологическая*) при разлуке в смерти — получается, что «за гробом встретимся». Это как «вода течет», «огонь жжет» и «хлеб сытит»: так «душа *не умирает*» в смерти тела, а лишь раздирается с телом и отделяется от тела. Почему это *должно быть* так — нельзя доказать, а видим просто все, и знаем все, что — *есть*. К числу этих вечных «есть», на которых мир держится, принадлежит и вечность «я», моего «горя», моей «радости». Идея эта, или, вернее, связывающее нас всех живущих чувство, до того благородна, возвышенна, нежна, что что же такое перед нею «Госуд. Дума», или «Ленская забастовка», или лошадиное «предлагаю всем встать» (при известии о смерти)... А между тем эту идею и это чувство отвергает наш мир. Не хочет и не знает ее, смеется над нею. Не значит ли это, что «наш мир» (и его понятия) есть что-то до такой степени преходящее и зыбкое, до такой степени никому не нужное — не нужное *следующему же за нами поколению*, — что даже страшно подумать. Турнюры.

— Носили женщины турнюры.

— А? Что?

— Турнюры, говорю.

— Ну, так что же? Больше не видим.

— В том и дело, что «не видим». Так вот «не увидим» завтра всего «нашего времени», с парламентами, Дарвином и забастовками. И, может, по такой малости, что вот ему (наш. времени) не нужно было «бессмертия души».

Нежная-то идея и переживет железные идеи. Порвутся рельсы. Поломаются машины. А что человеку «плачется» при одной угрозе «вечною разлукою» — это никогда не порвется, не истощится.

Верьте, люди, в нежные идеи. Бросьте железо: оно — паутина. Истинное железо — слезы, вздохи и тоска. Истинное, что никогда не разрушится — одно *благородное*.

*

Им и живите.

(21 апреля).

* * *

Что-то такое *противное* есть в моем слогe. С *противным* — все не вечно. Значит, я временен?

Противное это в каком-то самодовольстве. Даже иногда в самоупоении. Точно у меня масляное брюхо, и я сам его намастил. Правда, от этого я точно *лечу*, — и это, конечно, качество. Но в полете нет праведного тихого шествования. Которое лучше.

Мой идеал — тихое, благородное, чистое. Как я далек от него.

Когда так сознаешь себя, думаешь: как же *трудна литература!* Поистине, тот только «писатель», кто чист душою и прожил честную жизнь. Сделаться писателем — совершенно невозможно. Нужно родиться и «удалась бы биография».

Чистый — вот Пушкин. Как устарела (через 17 лет) моя статья из «Русск. Вестн.» (вырезанная, — цензура), которою все восхищались. Она смешна, уродлива, напыжена. Я бы не издавал ее, если бы предварительно перечитал: а «уже сдал в набор», — то пошла. В «Капитанской дочке» ни одна строка не устарела: а ей 80 лет!!

В чем же тут тайна? В необыкновенной полноте пушкинского духа. У меня дух вовсе не полный.

Какой я весь судорожный и — жалкий. Какой-то весь растрепанный:

Последняя туча разорванной бури...

И *сам* себя растрепал, и «укатали *горки*».

Когда это сознаешь (т. е. ничтожество), как чувствуешь себя несчастным.

Вообще полезно заглядывать в прежние сочинения (я — никогда). Вдруг узнаешь меру себе. «Сейчас — все упоительно», и может быть это уже *fatum*. Но прошли годы, обернулся и скажешь: «ложь! ложь!»

Грустно и страшно.

(за корректурou книги «О монархии»,
вырезанной в 1896 г. из «Русск. Вестн.»**).

Вот когда почувствуешь свое бессилие в литературе, вдруг начинаешь уважать литературу: «как это *трудно!* я не могу!» Где «я не могу» — удивление и затем восхищение (что другой мог).

У меня это редкий гость, редчайший.

* * *

Есть ведь и маленькие писатели, но совершенно *чистые*.

Как они счастливы!

* * *

Настоящей серьезности человек достигает, только когда умирает.

Неужели же вся жизнь легкомыслие?
Вся.

* * *

Памятники не удаются у русских (Гоголю и т. д.), по тому что единственный нормальный памятник — *часовня*, и в ней неугасимая лампада «по рабе Божию Николаю» (Гог.).

Милая Надежда Роман (Щерб.) незадолго до кончины говорила мужу: «Поставь мне только деревянный крест». Т. е. даже не каменный. Между тем она своей маме сшила зимнее пальто на белой шелковой подкладке. Та была больная, — душевно (несколько), от семейного несчастья, — и у нее была такая придурь: театр, красивая одежда; жила же в бедности. Деньги на пальто дочь собрала из уроков рисования.

Вот *ее* несколько слов, оброненных на ходу, стоят всех наших «сочинений» по религии.

Какая она вся была милая. Она знала мое «направление» (отрицательное) и никогда меня не осудила.

(Между прочим она любила очень и античное искусство. Мужа возила «по заграницам».)

А знаете ли вы, что урожденная она — Миллер (отец ее в Учетном банке заведовал каким-то отделом). Сестра ее совсем пошла в монахини.

*

А мы, русские, бросаем веру и монастыри.

* * *

Да, этот странный *занавес*, замыкавший одно отделение от соседнего,— не стена, не решетка,— занавес *цветной и нарядный*, наконец — *со складками*, как бы *со сборками*,— и куда так страшно запрещено было входить, куда единожды в год входивший не вносил света, не мог иметь при себе свечи или факела, что было бы так естественно, чтобы не наткнуться и чтобы сделать там что нужно,— он в высшей степени напоминает просто сборчатую цветную юбку, подол, «края которого», конечно, «никто не поднимает»?

Отвечает ли этому остальное расположение всего и предметы, там поставленные?

(скиния Моисея).

* * *

Нужно, чтобы о ком-нибудь болело сердце. Как это ни странно, а без этого пуста жизнь.

(в ват...).

* * *

Отроду я никогда не любил читать Евангелия. Не влекло. Читал — учась и потом, — но ничего особенного не находил. Чудеса (все «победы» над природой) меня не поражали и даже не занимали. Слова, речи — я их не находил необыкновенными, кроме какой-то загадки лица, будущих знаний (разрушение храма и Иерусалима) и чего-то вешего. Напротив, Ветхим Заветом я не мог насытиться: все там мне казалось *правдой* и каким-то необыкновенно *теплым*, точно внутри слов и строк *струится кровь*, притом родная! Рассказ о вдове из Сарепты Сидонской мне казался «более христианским, чем все христианство».

Тут была какая-то врожденная непридрасположенность: и не невозможно, что она образовалась от ранней моей расположенности к рождению. Есть какая-то несовместимость между христианством и «разверзтыми ложеснами» (Достоев.).

(однако певчих за обедней с «Благословен Грядый во имя Господне» — я никогда не мог слушать без слез. Но это мне казалось зовом, к чему-то другому относящимся. К Будущему и вместе к Прежде Покинутому).

* * *

Что это было у меня в юности (после 26 лет), предчувствие или желание: что я хожу за больной. Полумрак, и я хожу между ее кроватью и письменным столом. И непременно — вечер.

Так и вышло.

* * *

Сравнивал портрет Д. С. Милля с Погодиным. Какое богатство лица у второго, и бедность лица у первого.

Все-таки русская литература как-то несравненно колоритна. Какие характеры, какое чудачество. Какая милая чепуха. Не вернусь ли я когда-нибудь к любви литературы? Пока ненавижу.

(за уборкой фотогр. карточек, студентом купленных).

* * *

«Чистосердечный кабак» остается все-таки кабаком. Не спорю — он не язвителен; не спорю, в нем есть что-то привлекательное, «прощаемое». Однако ведь дело-то в том, что он все-таки кабак. Поэтому русская ссылка, что у нас «все так откровенно», нисколько не свидетельствует о золотых россыпях нашего духа и жизни. Ну-ка сложим: *praesens* кабак, *perfectum* кабак, *futurum** кабак: получим все-таки один кабак, в котором задохнешься.

(при размышлении о Ц-ве, сказавшем, что наше духовенство каково есть, таковым и показывает себя,— что меня поразило и привлекло).

* * *

Чему и, собственно, враждебен в литературе?

Тому же, чему враждебен в человеке: самодовольству.

Самодовольный Герцен мне в той же мере противен, как полковник Скалозуб. Счастливым успехами — в литературе, в женитьбе, в службе — Грибоедов, в моем вкусе, опять тот же полковник Скалозуб. Скалозуб нам неприятен не тем, что он был военный (им был Рылеев), а тем, что «счастлив в себе». Но этим главным в себе он сливается с Грибоедовым и Герценом.

(идя к доктору).

* * *

Кажется, что *существо* литературы есть ложное; не то чтобы «теперь» и «эти литераторы» дурны: но *вся эта область* дурна, и притом по существу своему, от «зерна, из которого выросла».

— Дай-ка я *напишу*, а *все прочтут?*..

Почему «я» и почему «им читать»? В состав входит — «я *умнее* других», «*другие меньше меня*», — и уже это есть грех.

* * *

Совершенно не заметили, что есть нового в «У.». Сравнивали с «Испов.» Р., тогда как я прежде всего не исповедуюсь *.

Новое — *тон*, опять — манускриптов, «до Гутенберга», для себя. Ведь в средних веках не писали для публики, потому что прежде всего не издавали. И средневековая литература, во многих отношениях, была прекрасна, сильна, трогательна и глубоко плодотворна в своей невидности. Новая литература до известной степени погибла в своей излишней видности; и после изобретения книгопечатания вообще никто не умел и не был в силах преодолеть Гутенберга.

Моя почти таинственная действительная уединенность смогла это. Страхов мне говорил: «Представляйте всегда *читателя*, и пишите, чтобы ему было совершенно *ясно*». Но сколько я ни усиливался представлять читателя, никогда не мог его вообразить. Ни одно читательское лицо мне не воображалось, ни один оценивающий ум не вырисовывался. И я всегда писал *один*, в сущности — для себя. Даже когда плутовски писал, то точно кидал в пропасть «и там поднимется хохот», где-то далеко под землей, а вокруг все-таки никого нет. «Передовые» я любил писать в приемной нашей газеты: посетители, переговоры с ними членов редакции, ходня, шум — и я «По поводу последней речи в Г. Думе». Иногда — в общей зале. И раз сказал сотрудникам: «Господа, тише, я пишу черносотенную статью» (шашки, говор, смех). Смех еще усилился. И было так же глухо, как *до*.

Поразительно впечатление *уже напечатанного*: — «Немое». Поэтому никогда меня не могла унижить брань напечатанного, и я иногда смеясь говорил: «Этот дур. Р-в всегда врет». Но раз Афонька ** и Шперк, придя ко мне, попросили прочесть уже изготовленное. Я заволновался,

испугался, что станут настаивать. И рад был, что подали самовар и позвали чай пить (все добрая В.). Раз в редакции «Мир Искусства» — Мережковский, Филосовов, Дягилев, Протек., Нувель... Мережковский сказал: «Вот прочтем *Заметку о Пушкине. В. В-ча*» * (в корректуре верстаемого номера). Я опять испугался, точно в смятении, и упросил не читать этого. Когда в Рел.-ф. обществе читали мои доклады (по рукописи и *при слушателях перед глазами*), — я бывал до того подавлен, раздавлен, что ничего не слышал (от стыда).

В противность этому смятению перед рукописью (*чтением* ее), к печатному я был совершенно равнодушен, что бы там ни было сказано, хорошо, дурно, позорно, смешно; сколько бы ни ругали впечатление — «точно это не меня вовсе, а другого ругают».

Таким образом, «рукописность» души, врожденная и неодолимая, отнюдь не своевольная и не приобретенная, и дала мне *тон «У.»*, я думаю, совершенно новый за все века книгопечатания. Можно рассказать о себе очень позорные вещи — и все-таки рассказанное будет «печатным»; можно о себе выдумать «ужасы» — а будет все-таки «литература». Предстояло устранить это опубликование. И я, который наименее опубликовывался уже в печати, сделал еще шаг внутрь, спустился еще на ступень вниз против своей обычной «печати» (халат, штаны) — и очутился «как в бане нагишом», что мне не было вовсе трудно. Только мне и одному мне. Больше этого вообще не сможет никто, если не появится *такой же*. Но я думаю, не появится, потому что люди вообще индивидуальны (единичные в лице и «почерках»).

Тут не качество, не сила и не талант, а *sui generis generatio* **.

Тут, в конце концов, та тайна (граничащая с безумием), что я сам с собой говорю: настолько постоянно и внимательно и *страстно*, что вообще кроме этого ничего не слышу. «Вихрь вокруг», *дымит* из меня и около меня, и ничего не видно, никто не видит меня, «мы с миром незнакомы». В самом деле, дымящаяся головешка (часто в детстве вытаскивал из печи) — похожа на меня: ее совсем не видно, не видно щипцов, которыми ее держишь.

И Господь держит меня щипцами. «Господь надымил мною в мире».

*

Может быть.

(ночь).

* * *

Не выходите, девушки, замуж ни за писателей, ни за ученых.

И писательство, и ученость — эгоизм.

И вы не получите «друга», хотя бы он и звал себя другом.

Выходите за обыкновенного человека, чиновника, конторщика, купца, лучше бы всего за ремесленника. Нет ничего святее ремесла.

И такой будет вам другом.

* * *

Каждый в жизни переживает свою «Страстную Неделю». Это — верно.

(из письма Волжского *).

* * *

Рождаемость не есть *ли* тоже *выговариваемость* себя миру...

*

Молчаливые люди и не литературные народы и не имеют других слов к миру, как через детей.

*

Подняв новорожденного на руки, молодая мать может сказать: «Вот мой пророческий глагол».

* * *

На мне и грязь хороша, п. ч. это — я.

(пук злобных рецензий на «Уед.»).

* * *

Мамаша всегда брала меня «за пенсией»... Это было два раза в год и было единственными разами, когда она садилась на извозчика. Нельзя передать моего восторга. Сев раньше ее на пролетку, едва она усядется, я, подсакивая на сиденье, говорил:

— Едь, едь, извозчик!

— «Поезжай», — скажет мамаша.

И только тогда извозчик тронется.

*

Это были счастливые дни, когда все выкупалось от закладчиков, и мы покупали («в будущее») голову сахара. Пенсия была 150 р. (в год 300 р.). Но какая неосторож-

ность или точнее небрежность: получай бы мы ежемесячно 25 р., то, при своем домике и корове, могли бы существовать. Между тем доходило иногда до того, что мы питались одним печеным луком (свой огород) с хлебом. Обычно 150 р. «куда-то проплывут», и месяца через 3—4 сидим без ничего.

Как сейчас помню случай: в доме была копейка, и вот «все наши» говорят: «Поди, Вася, купи хлеба $\frac{1}{2}$ фунта». Мне ужасно было стыдно ходить с копеечкой, и я молчал и не шел — и наконец пошел. Вошел и сказал равнодушно мальчишке (лет 17) лавочнику: — «Хлеба на копейку». Он, кажется, ничего не сказал (мог бы посмеяться), и я был так рад.

Другая мамаша (Ал. Адр. Руднева) по пенсии дяконницы получала, кажется, 60 руб. в год, по четвертям года, но я помню, — хотя это было незаметно для меня, — с каким облегчением она всегда шла за нею. Бюджет их держался недельно в пределах 3—5—8 рублей: и это была такая помощь!

Мне кажется, в старых пенсиях, этих крошечных, было больше смысла, чем в теперешних обычно «усиленных», которые больше нормальных в 5 приблизительно раз. Человек, в сущности, должен вечно *работать*, вечно быть «полезным другим» до гроба: и пенсия нисколько не должна давать им полного обеспечения, не быть на «неделание». Пенсия — не «рента», на которую бы «беспечально жить», а — *помощь*.

Но зато эти маленькие пенсии, вот по 120 р. в год, должны быть обильно рассыпаны. 120 р. в год, или еще 300 в год — это 3000 — на 10, 30 000 — на 100, 300 000 — на 1 000, 3 000 000 — на 10 000, 30 000 000 — на 100 000. «По займам» Россия платит что-то около 300 миллионов; и если бы $\frac{1}{10}$ этих уплат выдавалась в пенсию, то в России поддерживалось бы около $\frac{1}{2}$ миллиона может может *прекраснейших существований!*

Я бы, в память чудного рассказа Библии, основал из них «Фонд вдовы Сарепты Сидонской». И поручил бы указывать лица для них, т. е. пенсионеров, $\frac{1}{2}$ — священникам, $\frac{1}{2}$ — врачам.

* * *

Перипетии отношений моих к М. * — целая «история», притом совершенно мне непонятная. Почему-то (совершенно непонятно, *почему*) он меня постоянно любил, и

когда я делал «невозможнейшие» свинства против него в печати, до последней степени *оскорбляющие* (были причины), — которые всякого бы измучили, озлобили, восстановили, которых я *никому бы не простил от себя*, он продолжал удивительным образом любить меня. Раз пришел в Р.-ф. собрание и сел (спиной к публике) за стол (по должности члена). Все уже собрались. «Вчера» была статья против него, и, конечно, ее все прочли. Вдруг входит М. с своей «Зиной». Я низко наклонился над бумагой: крайне неловко. Думал: «сделаем вид, что не замечаем друг друга». Вдруг он садится по левую от меня руку и спокойно, скромно, но и громко здоровается со мной, протягивая руку. И тут же, в каких-то перипетиях словопрений, говорит не афишированные, а простые — и в высшей степени *положительные — слова обо мне*. Я ушам не верил. То же было с Блоком: после оскорбительной статьи о нем * — он издали поклонился, потом подошел и протянул руку. Что это такое — совершенно для меня непостижимо. М. всегда Варю любил, уважал и был *внутренно, духовно* к ней внимателен (я чувствовал это). Я же всем им ужасные «свинства» устраивал (минутные раздражения, которым я всегда подчиняюсь). Потому хотя потом М. и Ф. ** пошли в «Рус. Сл.» и потребовали: «мы *или* он (Варварин) участвуем в газете», т. е. потребовали моего исключения — к счастью, это мне не повредило, потому что финансово я уже укрепился (35 000), — нужно понять это как «выдержанность стиля» (с.-д. и «общественность»), к которой не было присоединено души. Редко в жизни встретишь любовь и *действительную связанность*: и имя его, и дух, и судьба — да будут благословенны; и дай Б. здоровья (всего больше этого ему нужно) его «З» ***.

11 июля 1912.

(Мер. и Фил.).

* * *

Что́ это, неужели я буду «читаем» (успех «Уед.»)?

То только, что «со мной» будут читаемы, останутся в памяти и получают какой-то там «успех» (может быть, ненужный) Страхов, Леонтьев, Говоруха бы Отрок (не издан) ****; может быть, Фл. и Рцы.

Для «самого» — не надо, и, м. быть, не следует.

11 июня 1912 г.

* * *

Что, однако, для себя я хотел бы во влиянии?

Психологичности. Вот этой ввинченности мысли в душу человеческую, — и рассыпчатости, разрыхленности их собственной души (т. е. у читателя). На «образ мыслей» я несколько не хотел бы влиять; «на убеждения» — даже «и не подумаю». Тут мое глубокое «все равно». Я сам «убеждения» менял, как перчатки, и гораздо больше интересовался калошами (крепки ли), чем убеждениями (своими и чужими).

11 июня 1912 г.

* * *

Будет ли хорошо, если я получу влияние? Думаю — да. Неужели это иллюзия, что «понимавшие меня люди» казались мне наилучшими и наиболее интересными. Я отчетливо знаю, что это не от самолюбия. Я клал свое «да» на этих людей, любовь свою, видя, что они проникновеннее чувствуют душу человеческую, мир, коров, звезды, все (рассказы Цв-а о мучающихся птицах и больных собаках, о священнике в Сибири и о прокаже, — умер, и с попадьею, ухаживая). Вот такой человек «брат мне», «лучший, чем я». Между тем как Струве сколько ни долдонил мне о «партиях» и что «без партийности нет политики», я был как кирпич и он был для меня кирпич. Так. обр., «мое влияние» было бы в расширении души человеческой, в том, что «дышит всем» душа, что она «вбирает в себя все». Что душа была бы нежнее, чтобы у нее было больше ухо, больше ноздри. Я хочу, чтобы люди «все цветы нюхали»...

И — больше, в сущности, ничего не хочу:

И царства ею сокрушатся,
И всем мирам она грозит * —

(о смерти). Если так, то что остается человеку, что остается бедному человеку, как не нюхать цветы в поле.

*

Понюхал. Умер. И — могила.

11 июля 1912.

* * *

Конечно, я ценил ум (без него скучно): но ни на какую степень его не любовался.

С умом — интересно; это — само собою. Но почему-то не привлекает и не восхищает (совсем другая категория).

Чем же нас тянет Б.? Явно — не умом, не «премудростью». Чем же?

Любованье мое всегда было на *душу*. Вот тут я смотрел и «забывался» (как при музыке)... Душа — обворожительна (совсем другая категория). Тогда не тянет ли Б. мира «обворожительностью»? Во всяком случае. Он тянет душою, а не мудростью, Б. — *душа мира*, а — не *мировой разум* (совсем разница).

11 июля 1912.

* * *

Сколько праздношатающихся интеллигентов «болты болтают»: а в аптекарских магазинах (по 2 на каждой улице) засели прозорливые евреи, и ни один русский не пущен даже в приказчики. Сегодня я раскричался в одном таком: «Все взяли вы, евреи, в свои руки». Молоденькая еврейка у кассы мне ответила: «Пусть же русские входят с нами в компанию».

— Ведь 100 % дает эта торговля! — сказал я, со слов одного русского «с садоводством» (видел в бане).

— Нет, только 50 процентов.

*

Пятьдесят процентов барыша!!

* * *

Русский ленивец нюхает воздух, не пахнет ли где «оппозицией». И, найдя таковую, немедленно пристает к ней и тогда уже окончательно успокаивается, найдя оправдание себе в мире, найдя смысл свой, найдя, в сущности, себе «Царство Небесное». Как же в России не быть оппозиции, если она таким образом всех успокаивает и разрешает тысячи и миллионы личных проблем.

«Так» было бы неловко существовать: но «так» с *оппозицией* — есть житейское *comme il faut*.

* * *

Пришел вонючий «разночинец». Пришел со своею ненавистью, пришел со своею завистью, пришел со своею грязью. И грязь, и зависть, и ненависть имели, однако, свою силу, и это окружило его ореолом «мрачного демо-

на отрицания»; но под демоном скрывался просто лакей. Он был не черен, а грязен. И разрушил дворянскую культуру от Державина до Пушкина. Культуру и литературу...

(«разночинцы» в литературе и упоение ими
разночинца — Михайловского).

* * *

Как мог я говорить («Уед.») о своем величии, о своей значительности около больного?

Как хватило духу, как смел. Какое легкомыслие.

* * *

Нравились ли мне женщины как *тела*, телом?

Ну, кроме мистики... *in concreto*? Вот «та» и «эта» около плеча?

Да, именно — «около плеча», но и только. Всегда хотелось пощипать (никогда не щипал). С детства. Всегда любовался, щеки, шея. Более всего грудь.

Но отвернувшись, даже минуты не помнил.

Помнил всегда дух и в нем страдание (это *годы* помнил о *минутно* виденном).

*

Хищное («хищная женщина») меня даже не занимало. В самом теле я любил доброту его. Пожалуй — добротность его.

*

Волновали и притягивали, скорее же очаровывали — груди и беременный живот. Я постоянно хотел видеть весь мир беременным.

*

Мне кажется, женщины «около плеча» это чувствовали. Был соловубовский вечер, с плясавицами («12 привидений?»). Народу тьма. Я сидел в ряду 16-м и, воспользовавшись, что кто-то не сидел в ряду 3-м, к последнему действию перешел туда. Рядом дама лет 45. Так как все состояло вовсе не из «привидений», а из открытых «до-сюда» актрис, то я в антракте сказал полусоседке, а отчасти «в воздух»:

— Да, над всем этим смеются и около всего этого играют. А между тем *как все это важно для здоровья!* То есть чтобы все это *жило* — отнюдь не запиралось, не отрицалось — и чтобы все около этого совершилось вовремя, естественно и хорошо.

Соседка поняла замечание и сказала серьезно:

— О, да!

— Как расцветают молодые матери! Как вырабатывается их характер, душа! Замужество — как второе *рождение*, как *поправка к первому рождению*! Где недоделали родители, доделывает муж. Он *довершает* девушку, и просто — тем, что он — муж.

— О, да! да! да! — вдохновенно сказала она, и я услышал в голосе что-то личное.

Помолчав, она:

— У меня дочь замужем...

— И есть ребенок?..

— Да. Несколько месяцев. Но уже до родов, только став женою, она вся расцвела. Была худенькая и бледная, все на что-нибудь жаловалась. Постоянно недомогала. Замужество как рукой сняло все это. Она посвежела, расцвела.

— Вы говорите, ребенок? И сама кормит?

— О, да! да! да! Сама кормит.

Что же я ей был? «Сосед справа» в 3-м ряду кресел, где вообще чопорные. Но интерес к «животу» моментально снимает между людей перегородки, расстояния, делает «знакомыми», делает друзьями. Эта громадная связывающая, социализирующая роль живота поразительна, трогательна, благородна, возвышенна. От «живота» не меньше идет идей, чем от головы (довольно пустой), и идей самых возвышенных и горячих. Идей самых важных, *жизнетворческих*. То же было у Толстых. София Андреевна не очень была довольна, что мы приехали (без спроса у нее; она очень властолюбива). Но заговорили (по поводу ее «Открытого письма к Л. Андрееву»*), и уже через 1/2 часа знакомства она рассказывала о своих родах, числе беременностей, о кормлении грудью. Она вся была великолепна, и я любовался ею. И она рассказывала открыто, прямо и смело.

Она вся благородная и «выступающая» (героическая).

Отношение к женщинам (и девушкам) у меня и есть вот это: всегда — к Судьбе их, всегда горячее, всегда точно невидимо за руку я веду их (нить разговора) к забеременению и кормлению детей, в чем нахожу высший *идеализм их существования*.

Встретясь (тоже в театре) с поэтом С. и женой его **, которые оба неузнаваемо раздобрели и покрасивели, говорю:

— Вы прежде ходили вверх ногами (декаденты оба), а теперь пошли «по пути Розанова»...

— По какому «пути»?

— По самому обыкновенному. И скоро обоим обратитесь в Петра Петровича Петуха. Какой он прежде был весь темный в лице, да и вы — худенькая и изломанная. Теперь же у него лицо ясное, светлое, а у вас бюст вот как вырос.

Они оба сидели, немножко грузные. «Совсем обыкновенные».

Оба смеялись, и им обоим было весело.

— Вы знаете, когда прошла (в литературе) молва о вашем браке — многие высказывали тревогу. Он ведь такой жестокий и сладострастный в стихах, и у него везде черт трясется в ступе.

Не забуду ее теплого, теплого ответа. Вдохновенно:

— *Добрее* моего (имя и отчество) — нет на свете человека, нет на свете человека!! Добрее, ласковее, внимательнее! — Она вся сияла. Сзади был опыт и *знание*.

Это было поистине чудесно и чудо сделал «обыкновенный путь». Женщина, сколько-нибудь с умом, выравнивает кривизны мужа, незаметно ведет его в супружестве к идеалу, к лучшему. Ведет его в могущественных говорах и ласках ночью. «Ну! ну!» — и все «помаленьку!» к лучшему, к норме.

Пол есть гора светов: гора высокая-высокая, откуда исходят свет, лучи его, и распространяются на всю землю, всю ее обливая новым благороднейшим смыслом.

Верьте этой горе. Она просто стоит на четырех деревянных ножках (железо и вообще жесткий металл недопустимы здесь, как и «язвящие» гвозди недопустимы).

Видел. Свидетельствую. И за это буду стоять.

* * *

Пушкин и Лермонтов *кончили* собою всю великолепную Россию от Петра и до себя.

По великому мастерству слова Толстой только немного уступает Пушкину, Лермонтову и Гоголю; у него нет созданий такой чеканки, как «Песнь о купце Калашникове», — такого *разнообразия* «эха», как *весь* Пушкин, такого дьявольского могущества, как «Мертвые души»... У Пушкина даже в отрывках, мелочах и, наконец, в зачеркнутых строках — ничего плоского или глупого... У Толстого *плоских* мест — множество...

Но вот в чем он их всех превосходит: в благородстве и серьезности *цельного движения* жизни; не в «что он сделал», но в «что он хотел».

Пушкин и Лермонтов «ничего особенного не хотели». Как ни странно при таком гении, но — «не хотели». Именно — все кончали. Именно — закат и вечер целой цивилизации. Вечером вообще «не хочется», хочется «поутру».

Море русское — гладко, как стекло. Все — «отражения» и «эха». Эхо «воспоминания»... На всем великолепный «стиль Растрелли»: в дворцах, событиях, праздниках, горестях... Эрмитаж, Державин и Жуковский, Публичная библиотека и Карамзин... В «стиле Растрелли» даже оппозиция: это — декабристы.

Тихая, покойная, глубокая ночь.

Прозрачен воздух, небо блещет...

Дьявол вдруг помешал палочкой дно: и со дна пошли токи мути, болотных пузырьков... Это пришел Гоголь. За Гоголем все. Тоска. Недоумение. Злоба, много злобы. «Лишние люди». Тоскующие люди. Дурные люди.

Все врозь. «Тащи нашу монархию в разные стороны», — «Эй, Ванька: ты чего застоялся, тащи! другой минуты не будет».

Горилка. Трепак. Присядка. Да, это уж не «придворный менуэт», а «нравы Растеряевой улицы»...

Толстой из этой мглы поднял голову: «К идеалу!»

Как писатель, он ниже Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Но как человек и благородный человек, он выше их всех... Он даже не очень, пожалуй, умный человек: но никто не напряжен у нас был так в сторону благородных, великих идеалов.

В этом его первенство над всей литературой.

При этом как *натура* он не был так благороден, как Пушкин. Натура — одно, а намерения, «о чем грезится ночью» — другое. О «чем грезилось ночью» — у Толстого выче, чем у кого-нибудь.

* * *

И вся радость ее — была в радости других.

(на слова: «Шурочка, кажется, очень довольна» — на сон грядущий мне. Наша общая Мамочка).

* * *

Уважение к старому должно быть благочестиво, а не безумно.

(старообрядцам и канонистам).

* * *

— Что же именно «канонично»?

— Для уважающего Церковь и любящего ее канонично то, что сейчас клонится к благочестию Церкви, к правде ее, к красоте ее, благоустройству ее, к истине ее. К миру, здоровью и праведной жизни верующих. Но для злых, бесчестных и бессовестных, не любящих Церкви и не блюдущих ее, «канонично» то, что «сказали такие, как *мы*, в равном с нами ранге и чине состоявшие». Для них:

— Не церковь, но — *мы*.

И на нечестивых безбожников должна быть положена *узда*.

(Гермогенам и Храповицким — 26 июня 1912 г.).

* * *

Будет больше научности, больше филологии, даже добропорядочности больше будет, но *позолоты времен* не будет.

И не будет вдохновения.

Ибо могучие деревья вырастают из старых почв.

(в мыслях о русской реформации).

* * *

Голосок у нее был тоненький-тоненький, слабый-слабый: как у прищемленной птички. И выпустив несколько звуков, 1—2 строки песни, всегда рассмеется, как чему-то невозможному у себя.

(когда мама в гамаке запела песню, а я, сидя у окна за статьей,— услышал).

* * *

В мышлении моем всегда был какой-то столбняк.

*

Я никогда не догадывался, не искал, не подглядывал, не соображал. Эти обыкновеннейшие способности совершенно исключены из моего существа.

*

Но меня вдруг поражало что-нибудь. Мысль или предмет. Или «вот так бы (оттуда бы) бросить свет». «Пораженный», я выпучивал глаза: и смотрел на эту мысль, предмет, или «оттуда-то» — иногда годы, да и большей частью годы.

В отношении к предметам, мыслям и «оттуда-то» у меня была зачарованность. И не будет ошибкой сказать, что я вообще прожил жизнь в каком-то очаровании.

Она была и очень счастлива и очень грустна.

*

*

*

В сущности, я ни в чем не изменился с Костромы (лет 13). То же равнодушие к «хорошо» и «дурно». Те же поступки по мотиву «любопытно» и «хочется». Та же, пожалуй, холодность или скорей безучастие к окружающему. Та же почти постоянная грусть, откуда-то текущая печаль, которая только ищет «зацепки» или «повода», чтобы перейти в страшную внутреннюю боль, до слез... Та же нежность, только ищущая «зацепки».

Основное, пожалуй, мое отношение к миру есть нежность и грусть.

Откуда она и в чем, собственно, она состоит?

Мне печально, что все несовершенно: но отнюдь не в том смысле, что вещи не исполняют какой-то заповеди, какого-то от них ожидания (и на ум не приходит), а что самим вещам как-то нехорошо, они не удовлетворены, им больно. Что вещам «больно», это есть постоянное мое страдание за всю жизнь. Через это «больно» проходит нежность. Вещи мне кажутся какими-то обиженными, какими-то сиротами, кто-то их мало любит, кто-то их мало ценит. «Неженья» же все вещи в высшей степени заслуживают, и мне решительно ни одна вещь в мире не казалась дурною. Я бы ко всем дотрагивался, всем проводил бы «по шерстке» («против шерстки» — ни за что). Поэтому через некоторое «воспитание» (приноровление, привыкание) я мог доходить до влюбления в прямо безобразные или отвратительные вещи, если только они представлялись мне под «симпатичным уголком», с таким-то «милым уклоном». Мне иногда кажется, что я вечно бы с людьми «воровал у Бога»... не то золотые яблоки, не то счастье, вот это убавление грусти, вот это убавление боли, вот эту ужасную смертность и «окончателность людей», что все «кончается» и все не «вечно». Это мое

ворованье у Бога какой-то другой истины вещей, чем какая открывается глазу, не было, однако (отнюдь!), восстанием против Бога... Тут туманы (души и мира) колеблются, и мне все это «ворованье с людьми» представлялось чем-то находящимся под тайным покровительством Божиим, точно Бог и сам хотел бы, чтобы «мир был разворован», да только строг закон (Рок, *Αναγκη*). Вот эта борьба с Роком стояла постоянно в душе: и собственно о чем я плакал и болел — это что есть Рок и *Αναγκη*.

* * *

Разница между мамочкой и ее матерью («бабушка» А. А. Р.) была, как между ионической и дорической колонной. Я замечал, что м. вся человечнее, мягче, теплее, страстнее. Разнообразнее и проникательнее. Но баб.— тверже, спокойнее, объемистее, общественнее. Для б. была «улица», «околица», «наш приход», где она *всем* интересовалась и мысленно всем «правила вожжи». Для м. «улицы» совершенно не существовало, было только «свой дом»: дети, муж. Даже почти не было «друзей» и «знакомых». Но этот «свой дом» вспыхнул ярко и горячо. Б. могла всю жизнь прожить без личной любви, только в заботе о других: мама этого совершенно не могла, и уже в 14 лет поставила «свою веру в этого человека» как знамя, которого ничто не сломило и никто (у 14-летней!) не смог вырвать. Этого баб. не могла бы и не захотела. Для нее «улица» и авторитет улицы был значущ (для мам. совершенно не значущ).

Так и вышло: из «дорической колонны», простой, вечной — развилась волнующаяся и волнующая ионическая колонна. Верным глазом я узнал обеих (1890 г., подготовительно 1886—1890 гг.).

* * *

В рубашонке, запахивая серый (темно-серый) халат, Таня быстрым, торопящимся шагом подходит к письменному столу. Я еще не поднял головы от бумаг, как обе ее руки уже обвиты кругом шеи, и она целует в голову, прощаясь:

— Прощай, папушок... Как я люблю слушать из-за стены, как ты тут копаешься, точно мышка, в бумагах...

И смеется, и на глазах всегда блестит взволнованная слеза. Слеза всегда готова у ней показаться в ресницах, как у нашей мамы.

И душа ее, и лицо, и фигура похожи на маму, только миниатюрнее.

Я подниму голову и поцелую в смеющуюся щечку. Она всегда в улыбке. Или, точнее, между улыбкой и слезой.

Вся чиста, как Ангел небесный, и у нее вовсе нет мутной воды. Как и вовсе нет озорства. Озорства нет от того, что мы с мамой знаем, что она много потихоньку плакала, ибо много себя ограничивала, много сдерживала, много работала над собою и себя воспитывала. Никому не говоря.

Года три назад (4?5?) мы гуляли с Коноплянцевым * по высокому берегу моря. В уровень ног и чуть-чуть ниже темнел верх соснового бора, отделявшего обрыв «равнины страны» от собственно морского берега. Это около Тюрсево, за Териоками. И говорю я ему, что меня удивляет, что Белинский лишь незадолго до смерти оценил как лучшее у Пушкина стихотворение — «Когда для смертного умолкнет шумный день». Коноплянец запамтовал его, и я, порывисто и не умея, хотел сказать хотя 2-ую и 3-ью строки. Шедшая все время молча Таня сказала мне тихо:

— Я, папа, помню.

— Ты?? — обернулся я с недоумением.

— Да. Я тоже его люблю.

И тихо, чуть-чуть застенчиво, она проговорила на мои слова: «скажи! скажи!!»:

Когда для смертного умолкнет шумный день

И на немые стогны града

Полупрозрачная наляжет ночи тень

И сон, дневных трудов награда,

В то время для меня влачатся в тишине

Часы томительного бденья...—

я чувствовал, что слова, как «стогна» и «бденья» — смутны бедной девочке: и если в какой-то непонятной тревоге она затвердила довольно трудные по длине строки, то — привлекаемая тайной мукой, сокрытой в строках, кого-то жалея в этих строках, с кем-то ответно разделяясь в этих строках душой. Я весь взволновался, слушая. Коноплянец молчал. Таня продолжала. И как будто она уже не о другом жалела, а сказывала о себе:

В бездействии ночном живей горят во мне

Змеи сердечной угрызенья;

Мечты кипят...

Она остановилась, ниже наклонила голову, и слова стали тише:

в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток:

Робко, по-детски:

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Остановилась.

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, в бедности, в чужих степях
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вакха и Каприды —

так и сказала «Каприды»... Я чувствовал, многих слов она не понимала...

И сердцу вновь наносит хладный свет
Неотразимые обиды.
И нет отрады мне...

Теперь она почти шептала. Я едва уловлял слова:

— и тихо предо мной
Встают два призрака младые,
Две тени милые — два данные судьбой
Мне ангела во дни былые!

Металлическое и холоднее, как чужое:

Но оба с крыльями и с пламенным мечом.
И стерегут... и мстят мне оба.

Опять с сочувствием:

И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах вечности и гроба.

За всю семейную жизнь свою (20 лет) я не пережил волнения, как слушая от Тани, «которая тут где-то около ног суетится», стихотворение, столь для меня (много лет) разительное. Да, но — для *меня*. А для *нее*??! С ее «Катакомбами» Евгении Тур,* и — не далее? Почему же не «далее»? Оказывается, она пробежала гораздо «далее», чем нам с мамой казалось. И не сказала ни слова.

И только на случайный вопрос, сказав стих почти как «урок» (к «уроку» этого никогда не было), вдруг открыла далеко не «урочную» тайну,— о, как далеко пересыгающую все их уроки, классы, учителей.

— Хорошо, Таня. Как ты запомнила?

— Я очень люблю это стихотворение.

— С «Каприда»!?

*

Прочел маме (в корректуре).

— Как мне не нравится, что ты все это записываешь. Это должны знать *ты и я*. А чтобы рынок это знал — не хорошо. Ты уж лучше опиши, как ты ее за ухо драл.

Но это был другой случай, на Иматре. Когда-нибудь расскажу в другом месте.

* * *

Неумолчный шум в душе.

(*моя психология*).

Днем, когда проснусь ночью,— и, странно, иногда продолжается и в сон (раз 3 «разрешались» во сне недоумения, занимавшие этот день и предыдущие дни).

* * *

Не сторожит муж — не усторожит отец.

(*судьба девушек*).

* * *

«Поспешно»

— прочел я над адресом, неся Надюшкино письмо на кухню (откуда берет их почтальон). И куда это Пучок (прозвище) пишет свои письма все «поспешно». Раньше все кричала: «Папа! — мне *заказное*» (т. е. послать «заказным»). Я наконец рассердился на расходы и говорю: «Да зачем тебе *заказным?*» — «*Скорее* доходит!» — «Да, напротив, *заказное* идет *медленнее*, а только *вернее* доходит».

С тех пор не пишут «заказным», а зато надписывают «поспешно». И куда они все торопятся — 11, 12, 13-ти лет.

Важничанье письмами — необыкновенное. Избави Бог дотронуться до открытки. Глаза так и сверкают, гу-

бы трясутся, и, брызгая слюной, Пучок кричит, отцу ли, матери ли:

— Это бессовестно *читать чужие письма!*

— Милая, да *открытки* на то и пишутся, чтобы их все читали.

— Вовсе нет!!! Это письмо!!!! Ведь не к тебе оно написано!!!!

Трясется.

— Милая, да ведь и глупости там написаны. Что такое «Твоя Зоя», или еще: «Я узнала важный секрет. Но скажу тебе осенью, когда соберемся в школу». Правда, в письме есть еще: «Бабушка захворала воспалением легких», но это — в самом конце, сбоку по краю листа и с кляксой, так что очевидно «секрет» важнее.

Раз нам не пришло ни одного письма, а Наде две открытки: то она, схватив их, — выскочила в сад, пробежала огромную аллею, и уже только тогда взглянула на адрес и от кого, и даже — что с картинками. Восторг и, главное, *важность* сорвали ее как вихрь и унесли как свеженький листок в бурю...

У одной основные подруги — это «Зоя» и еще какая-то «Гузарчик», у другой — вечная «Наташа Полевая».

(12 июня 1912 г.).

* * *

Как вешний цвет проходит жизнь. Как ужасно это «проходит». Ужасна именно категория *времени*; ужасна эта связь с временем.

Человек — *временен*. Кто может перенести эту мысль...

*

У, как я хочу *вечного*. «Раб времени», тысячелетия или минуты — *все равно*. У, как я не хочу этого «раба времени».

(11 июля 1912 г.).

* * *

Только горе открывает нам *великое* и *святое*.

*

До горя — прекрасное, доброе, даже большое. Но никогда именно *великого*, именно *святого*.

(1 июля 1912 г.).

* * *

Мы рождаемся для любви.

И насколько мы не исполнили любви, мы томимся на свете.

И насколько мы не исполнили любви, мы будем наказаны на том свете.

(1-го июля 1912 г.).

* * *

Не спас я мамочку от страшной болезни. А мог бы. Побольше бы внимания к ней, чем к нумизматике, к деньгам, к литературе.

Вот одна и *вся* моя боль. Не «Христос», нисколько. «Христос» и без меня обойдется. У него — много. А у мамочки — только я.

Я был поставлен на страже ее. И не устерег. Вот моя боль.

* * *

Жизнь требует верного глаза и твердой руки. Жизнь — не слезы, не вздохи, а борьба; и страшная борьба. Слезы — «дома», «внутри». Снаружи — железо. И только тот дом крепок, который окружен железом.

Во мне было мало железа: и вот отчего мамочке было так трудно. Она везла воз и задыхалась; и защищала его. И боролась за меня.

И возникший упал. А я только оплакиваю его.

(2 июля 1912 г.).

* * *

Попы — медное войско около Христа.

*

Его слезы и страдания — ни капли в *них*. Отроду я не видал ни одного заплакавшего попа. Даже «некогда»; все «должность» и «служба».

*

Как «воины» они и защищают Христа, но в каком-то отношении и погубляют его *тайну* и *главное*.

(может быть, только «наши попы»?
притом очевидно — не все).
(Через 1/2 года после «пришла мысль»,
т. е. после записи).

* * *

Между прочим, ни в ком я не видал такого равнодушного отношения к смерти, как у попов. «Эта метафизика нам нипочем».

(ну, это — не все).

(Через $\frac{1}{2}$ года после «пришли мысль»).

*

Но, однако, при всех порицаниях как страшно остаться без попов. Они содержат вечную возможность слез: позитивизм не содержит самой возможности, обещания.

Недостаток слез у попа и есть недостаток; у позитивистов — просто нет их, и это не есть нисколько в позитивизме «недостаток». Вот в чем колоссальная разница.

(все-таки попы мне всего милее на свете).

(Приписка через $\frac{1}{2}$ года).

* * *

Режет Темное, режет Черное.

Что такое?

Никто не знает.

* * *

Всегда в мире был наблюдателем, а не участником.

*

Отсюда такое томление.

•

* * *

Есть люди, которые, как мостик, существуют только для того, чтобы по нему перебегали другие. И бегут, бегут: никто не оглянется, не взглянет под ноги. А мостик служит и этому, и другому, и третьему поколению.

*

Так была наша «бабушка», Александра Адрияновна, — в Ельце.

* * *

Тайный пафос еврея — быть элегантным. Они вечно моются и душатся. Еврей не выберет некрасивую в тан-

цы, а самую красивую, и будет танцевать с ней до упаду. Вообще они все «до упаду». Но остановимся на эlegantности: еврей силится отмыть какую-то мировую нечистоту с себя, какой-то допотопный пот. И все не может. И все испуган, что сосед потихоньку отворачивается от этого пота.

(вспомнив вечеринку в Брянске, с провизорами).

* * *

Талант у писателя невольно съедает жизнь его.
Съедает счастье, съедает все.

Талант — рок. Какой-то опьяняющий рок.

(1-го августа 1912 г.).

* * *

Иногда и «на законном основании» — а трясутся ноги; а другой раз «против всех законов» — а в душе поют птички.

* * *

С детьми и горькое — сладко. Без детей — и счастья не нужно.

Завещаю всем моим детям — сын и 4 дочери, — всем иметь детей. Судьба девушки без детей — ужасна, дымна, прогоркла.

Девушка без детей — грешница. Это «канон Розанова» для всей России.

(кроме «лунных людей» с «не хочу! не хочу!» природы).

* * *

Мы не по думанью любим, а по любви думаем.

Даже и в мысли — сердце *первое*.

(за занятиями).

* * *

Осложнить вдохновение хитростью — вот Византия.

Такова она от перепутанностей дворцовой жизни до канонов и заставок на рукописях.

(в лесу на прогулке).

* * *

...откуда эта беспредельная злоба?

И ничего во всей природе
Благословить он не хотел. *

(о Гоголе).

...демон, хватающийся боязливо за крест.

(он же перед смертью).

* * *

Говорят, дорого назначаю цену книгам («Уед»), но ведь сочинения мои замешаны не на воде и даже не на крови человеческой, а на *семени человеческом*.

* * *

Не полон ли мир ужасов, которых мы еще совершенно не знаем?

Не потому ли нет полного ведения, что его не вынес бы ум и особенно не вынесло бы сердце человека?

Бедные мы птички... от кустика до кустика и от дня до дня **.

* * *

Все воображают, что душа есть существо. Но почему она не есть музыка?

И ищут ее «свойства» («свойства предмета»). Но почему она не имеет только *строй*?

(за кофе утр.).

* * *

Я вовсе не «боролся» (Мер.), а схватил Победу.
Когда увидал смерть. И я разжал руку.

(на извоишке).

* * *

— Дети, вам вредно читать Шерлока Холмса.

И, отобрав пачку, потихоньку зачитываюсь сам.

В каждой — 48 страничек. Теперь «Сиверская — Петербург» пролетают как во сне. Но я грешу и «на сон грядущий», иногда до 4-го часу утра. Ужасные истории***.

* * *

Боль мира победила радость мира — вот христианство.

*

И мечтается вернуться к радости. Вот тревоги язычества.

* * *

Евреи *подлежат*, а не *надлежат*. Оттого они и «подлежащее» истории.

*

Евреи — *суккубы* своего божества (средневековый термин).

(на Гороховой за покупками).

* * *

Пройдет все, пройдем мы, пройдут дела наши.
Любовь?

Нет.

Хочется думать.

*

Зачем я так упираюсь тоже «пройти»?

*

И будет земляца, по которой будут проходить люди.
Боже: вся земля — великая могила.

* * *

Без веры в себя нельзя быть сильным. Но эта вера в себя развивает в человеке нескромность. Не отсюда ли то противное в том, что я иногда нахожу у себя (сочин.)?

(на Загородном).

* * *

Песни — *оттуда* же, откуда и цветы.

* * *

Умей искать уединения, умей искать уединения, умей искать уединения.

Уединение — лучший страж души. Я хочу сказать — ее Ангел Хранитель.

Из уединения — все. Из уединения — силы, из уединения — чистота.

Уединение — «собран дух», это — я опять «целен».

(за утренним кофе. 31-го июля 1912 г.).

* * *

Прочел в «Русск. Вед.» просто захлебывающуюся от радости статью по поводу натолкнувшейся на камни возле Гельсингфорса миноноски... Да что там миноноски: разве не ликовало все общество и печать, когда нас били при Цусиме, Шахэ, Мукдене? Слова Ксюнина *, года три назад: «Японский посланник, при каких-то враждебных Японии статьях (переговоры, что ли, были) левых русских газет и журналов, сказал вслух: «Тон их теперь меня удивляет: три года тому назад (во время войны) русская радикально-политическая печать говорила о моем отечестве с очень теплым чувством». — *Понимаете?* — смеясь прибавил Ксюнин. — Радикалы говорили об Японии хорошо, пока Япония, нуждавшаяся в них (т. е. в разодрании *единства духа* в воюющей с нею стране), платила им деньги». И в словах посла японского был тон хозяина этого дела. Да, русская печать и общество, не стой у них поперек горла «правительство», разорвали бы на клоки Россию и роздали бы эти клоки соседям даже и не за деньги, а просто за «рюмочку» похвалы. И вот отчего без нерешимости и колебания нужно прямо становиться на сторону «бездарного правительства», которое *все-таки* одно только все охраняет и оберегает. Которое еще одно только не подло и не пропито в России.

* * *

Злая разлучница, злая разлучница. Ведьма. Ведьма. Ведьма. И ты смеешь благословлять брак.

(о ц. англиканской; семейные истории в Шерлоке Холмсе: «Голубая татуировка» и «В подземной Вене». «Повенчанная» должна была вернуться к хулигану, который зарезал ее мужа, много лет ее кинувшего и уехавшего в Америку, и овладел его именными документами, а также и случайно разительно похож на него; этого хулигана насильно оттащили от виски, и аристократка должна была стать его женою, по закону церкви).

* * *

Будь верен человеку, и Бог ничто тебе не поставит и неверность.

Будь верен в дружбе и верен в любви: остальных заповедей можешь и не исполнять.

(13 июля).

* * *

Там — башмачки, куклы, там — Мадонна (гипсовая, из Казани), трепанные листы остатков Андерсена, один пустой корешок от «задачника» Евтушевского, больше всего картин — Васи: с какой веселостью относишь это в детскую кучу.

(за уборкой книг и всего — к переезду с дачи).

* * *

Мамочка всегда воображала, что я без рук, без ног, а главное, без головы. И вот она убирает и собирает мои листки, рукописи (никогда ничего не забудет), книги. Переехали:

— Варя, платок!

— Платок?

— Да. Скорее. Ты же спрятала грязный, а где же чистый?

Молчание.

— Ну?

— Подожди. Платок. Я их уложила на дно сундука. Потому что очень нужно.

И всегда, что «очень нужно», она — на дно сундука.

— Я сейчас! Сейчас! Подожди одну минуту (растерянно, виновно и испуганно).

И раскупоривает, бедная и бессильная, весь сундук. Эти истории каждую осень и весну.

«Платок» я взял наудачу. Именно с платками не случилось. Но, напр., ручка и перо. Или еще — фуфайка, когда холодно. Раз, жалея ей «рыться», я в жарчайшие дни сентября («бабье лето») ходил в ватном, потел, мучился, бессилел, «потому что все летнее было уже убрано» и, конечно, «на дно сундука».

(убираясь с лета в город).

* * *

Будем целовать друг друга, пока текут дни. Слишком быстротечны они — будем целовать друг друга.

И не будем укорять: даже когда прав укор — не будем укорять.

(28 июля † Наука *; объявление в «Н. Вр.»;
мамочка заплакала о нем).

* * *

...да, но ведь дело в том, что *жених* или товарищ — *друг* — внимательнее к нашим детям, чем их *родители*...

Что же мы осуждаем детей, что они «более открыты» *другу*, нежели родителям, и, в сущности, более с ним связаны.

*

Вырастание — отхождение. И именно — от родителей. Дети — сучья на стволе: но разве сук с каждым днем не отдаляется от ствола — своим «зелененьким», своим «кончиком», прикасаясь к стволу только бездумным основанием. В этом «зеленом» и в «кончике», в листочках сука — его мысль, сердце, душа. Так же и люди, дети, так — в семье. Судьба. Рок. Плачь или не плачь — а не переменишь.

* * *

Пусть объяснит духовенство, для чего растут у девушки груди?

— Чтобы кормить свое дитя.

— Ну, а... «*дальше*» для чего дано?

Сказать нечего, кроме:

— Чтобы родить дитя.

И весь аскетизм зачеркнут.

Кто же дерзает его проповедовать? Да Суздальский монастырь, вообще ни для кого не нужный, — если б кому и понадобился, то единственно Храповицкому, Гермогену и Рачинскому.

* * *

Со времени «Уед.» окончательно утвердилась мысль в печати, что я — Передонов или — Смердяков. Mercı.

(ряд отзывов).

* * *

Так мы с мамочкой и останемся вдвоем, и никого нам больше не нужно.

Она всегда придавала значение, *как* я написал (по своему чувству), но никогда я не видал ее *взволнованно* тем, что обо мне написано. И не по равнодушию: а.. прочла и стала заваривать чай. Когда же что-нибудь хорошо (по ее оценке) напишу — она радовалась день и даже иногда утро завтра.

(16 июля 1912 г.).

* * *

Вся моя жизнь, в особенности вся моя *личность*, б. гораздо грубее.

Я курю, она читает свой акафист Скорбящей Божией Матери, вот постоянное отношение.

(не встав с постели).

* * *

Достоевский, как пьяная нервная баба, вцепился в «сволочь» на Руси и стал пророком ее.

Пророком «завтрашнего» и певцом «давнопрошедшего».

*

«Сегодня» — не было вовсе у Достоевского.

* * *

Папироска после купанья, малина с молоком, мало-солёный огурец в конце июня, да чтоб сбоку прилипла ниточка укропа (не надо снимать) — вот мое «17-е октября». В этом смысле я «октябрист».

(в купальне).

* * *

...и вовсе не я был постоянно-то с Б., а *она*: а я, видя постоянно ее с Б., — тоже угвоздился к Богу.

Впрочем с университета (1-й же курс) я постоянно любил Его. С университета я уже не оставлял Б., не забывал Его.

(я и мама; 21 июля).

* * *

Не понимаю, почему меня так ненавидят в литературе. Сам себе я кажусь «очень милым человеком».

*

Люблю чай; люблю положить заплаточку на папиросу (где прорвано). Люблю жену свою, свой сад (на даче). Никогда не волнуюсь¹ и никуда не спешу.

Такого «мирного жителя» дай Бог всякому государству. Грехи? Так ведь кто же без грехов.

Не понимаю. Гнев, пыл, комья грязи, другой раз булыжник. Просто целый «водоворот» около дремлющей у затонувшего бревна рыбки.

И рыбка — ясная. И вода, и воздух. Чего им нужно?

(пук рецензий).

* * *

Необыкновенная сила Церкви зависит (между прочим) от того, что прибегают к ней люди в *самые лучшие моменты* своей души и жизни: страдальческие, горестные, страшные, патетические. «Кто-нибудь умер», «сам умираю». Тут человек *совсем другой*, чем всю жизнь. И вот этот «совсем другой» и «лучший» несет сюда свои крики, свои стоны, слезы, мольбы. Как же этому месту, «куда все снесено», не сделаться было наилучшим и наимогущественнейшим. Она захватила «острия всех сердец»: и нет иного места с таким же могуществом, как здесь.

(за утранным чаем, 23-го июля).

* * *

...все-таки есть что-то такое Темное, что одолевает и Б.

Иначе пришлось бы признать «не благого Бога». Но этого вынести уже окончательно не может душа человеческая. Всякая душа человеческая от этой мысли умрет. Не человек умрет, а душа его умрет, задохнется, погибнет.

*

И на конце всего: бедные мы люди.

(глубокой ночью).

¹ Кроме болезней в дому.

* * *

Европейская цивилизация погибнет от сострадательности.

*

Как Греция — от софистов и Рим — от «паразитов» (прихлебатели за столом оптиматов).

*

Механизм гибели европейской цивилизации будет заключаться в параличе против всякого зла, всякого негодяйства, всякого злодеяния: и в конце времен злодеи разорвут мир.

Заметьте, что уже теперь теснится, осмеивается, пренебрежительно оскорбляется все доброе, простое, спокойное, попросту добродетельное. Он зарезал 80-летнюю бабу и ее 8-летнюю внучку. Все молчат. «Не интересно». Вдруг резчика «мещанин в чуйке» («Преступление и наказание») полоснул по морде. Все вскакивают: «он оскорбил *лицо человеческое*», он «совершил некультурный акт».

Так что собственно (погибнет) не от сострадательности, а от лжесострадательности... В каком-то *изломе* этого... Цивилизации гибнут от извращения основных добродетелей, стержневых, «на роду написанных», на которых «все тесто возшло»... В Греции это был ум, *ἰωφσα*, в Риме — *volō*, «господствую», и у христиан — любовь. «Гуманность» (общества и литературы) и есть ледяная любовь...

Смотрите: ледяная сосулька играет на зимнем солнце и кажется алмазом.

Вот от этих «алмазов» и погибнет все...

* * *

Как с головной болью каждый день поутру: — «Почему не позвал Карпинского?» «Почему не позвал Карпинского?» «Почему не позвал Карпинского?» *

(все лето 1912 г.).

* * *

...а по-моему только и нужно писать «Уед.»; для чего же писать «в рот» читателю.

* * *

Души в вас нет, господа: и не выходит литературы.

(за ужином; о печати).

*

...прав старый мой вопрос Соловьеву («О свободе и вере» *): «да зачем *вам* свобода?» Свобода нужна *содержанию* (чтобы ему *развиваться*), но какая же и зачем свобода бессодержательному? А ведь русское общество бессодержательно.

Русский человек не бессодержателен — но русское общество бессодержательно.

* * *

Издали:

— Мама! Мама!

— Дура: да ты подойди к больной матери, чем ее к себе звать.

*

30 ящиков мужики выносят на лошадей.

— Ну, хорошо... Мама, зачем ты уложила мой пенал? Он мне нужен.

15 лет. Рост — с мать. Гимназистка «новой школы с лучшими методами».

*

Приехала с экскурсии. Видела Киев, т. е. вагон поезда, который шел в Киев. Все платки потеряла, и новая кофточка — никуда.

(переезд на новую квартиру).

* * *

Глубокое недоумение: как же «меня» издавать? Если «все сочинения», то выйдет «Россиада» Хераскова, и кто же будет читать? (эти чуть не 30 томов?). Автор «в 30 томах» всегда = 0. А если избранное и лучшее, тома на 3: то неудобное в том, что некоторые *острые стрелы* (завершения, пики) *всего моего мирозерцания* выразились просто в *примечании* к чужой статье, к Дернову, Фози, Сикорскому **...

Как же издавать? Полное недоумение.

Вот странный писатель non ad typ., non ad edit. ***

Во всяком случае, тот будет враг мне, кто будет «в 30 т.»: это значит все похоронить.

(за ужином на даче).

* * *

Толстой не был вовсе религиозным лицом, религиозною душою, как и Гоголь. И обоих страх перед религией — страх перед темным, неведомым, *чужим*.

(27 мая 1912 г.).

* * *

Самый смысл мой осмыслился через «друга». Все во-человечилось. Я получил речь, полет, силу. Все наполнилось «земным» и вместе каким небесным.

* * *

Собственно мы *хорошо знаем* — единственно себя. О всем прочем — догадываемся, спрашиваем. Но если единственная «открывшаяся действительность» есть «я», то очевидно и рассказывай об «я» (если сумеешь и сможешь). Очень просто произошло «Уед».

* * *

Самое *существенное* — просто *действительность*.

(за уборкою книг и в мысли, почему я издал «Уед.»),

* * *

Несут газеты. Письма. Я, взглянув:

— От Вари (из Царского, школа) письмо. Пишет...

— Нет, дай очки... Надя! (горничной), дайте очки! Я сама...

А и пишет-то всего:

«Дорогая мамочка! Целую тебя крепко, крепко, как твое здоровье. Поклон Всем. Я здорова, приеду в эту субботу. Очень хочется домой, без Тани соскучилась. Прощай,

твоя Варя Розанова».

* * *

Я не хочу истины, я хочу покоя.

(после доктора).

* * *

Совсем подбираюсь к могиле. Только одна мысль — о смерти.

Как мог я еще год назад писать о «литерат. значительности». Как противно это. Как тупо.

(после доктора;
«процесс в корковом веществе идет»).

* * *

Ошибочный диагноз Бехтерева* в 1898 году все погубил (или невнимательный? или «успокоительный?»). Но как можно было предположить невнимательность после моего длинного письма, на которое последовало разрешение «аудиенции у знаменитости».

Как мог я и мама не поверить и не успокоиться? Академик. 1-й авторитет в России по нервным и *мозговым болезням*.

Он сказал (о диагнозе Анфимова** — профессора в Харькове, который я ему изложил в письме): «Уверяю вас, что у нее этого нет!» (твердо, твердо! и — радостно). «Проф. Анфимов не применил к ней этого новейшего приема исследования коленных рефлексов, состоящего в том, чтобы далеко назад отвести локти и связать их, и уже тогда стучать молоточком по колену» (сухожильные рефлексy, определяющие *целость* или *идуций процесс разрушения* в нервной ткани).

Ничего не понимая в этом, мы из чрезмерного, смертельного испуга, при котором у обоих «ноги подкосились» (t., сег. sp., по Анфимову), перешли к неудержимой радости.

«Из смерти выскочишь», конечно, как безумным. Именно Анфимовой болезни и не было у нее, как разъяснил Карпинский, и Анфимов ошибся в диагнозе; болезнь была совершенно *лечимая* и *относительно излечимая* (но, конечно, без запаздывания).

Восторг, что Бехтерев, 1-й авторитет, отверг, был неописуем. (Анфимов и сказал в 1898 году, что, «вернувшись в Петербург» — с Кавказа — «покажите светилам тамошним, прежде всего Бехтереву, и проверьте мой диагноз».)

И потом мы уже предупреждали других врачей: «Бехтерев сказал, что — *ничего*», что «это *врожденная аномалия*, что зрачки в глазах неравномерны».

И Наук 5 лет пичкал бромом и камфарой, все «успокаивал нервы» человеку, у которого шел разрушительный медленный процесс в ткани нервной системы. «Обратите внимание на головные боли,— говорил я.— Всегда ночью, всегда боль (давление) в темени». Он пропускал молчанием, выслушав. И то, что он слышал, и то, что молчал и не расспрашивал (не вцепливался в явление), успокоило меня, заставив все отнести (к *«постоянной причине»*) к малокровию (всего тела и, след., *головы*), о коем у нее давно сказали все врачи (с 1-го ребенка, когда не могла кормить,— не было молока).

Но теперь и «не было молока» разъяснилось.

И все повернул Карпинский: «Да позвольте! Бехтерев или не Бехтерев сказал, но если исчезли *эти и те* рефлексы (зрачка и сухожилий), то, значит, разрушены мозговые центры, откуда выходят эти *движущие* (заведующие *сокращением*) нервы. Значит их — *нет!* и болезнь — *есть*; и значит надо только искать: *отчего* это произошло?»

Как по железной линейке провел пером. И диагноз Бехтерева пал, и все открылось.

«Не было бы ни раннего склероза артерий, если бы своевременно лечить, ни перерождения сердечных клапанов, ни — в зависимости от этого — удара» (Карпинский).

Все было бы спасено. Теперь все поздно.

«Проверим лечением»,— сказал Карпинский. И едва было начато специфическое лечение, как *по всем частям* началось улучшение: давление в груди (аорта) исчезло, головные боли пропали, выделения кр. стали в норму, чего не могли добиться все гинекологи (тоже мастера — не посмотрели в зрачки).

Но это уж «кое-что», что мы стали поспешно хватать. Испорчено сердце, испорчены жилы.

Зрачки же, по ясности и неколебимости как симптома, есть то же самое в медицине, что в науке географии есть «Лондон в Англии»: и этого «Лондона в Англии» не знали Мержеевский (в Аренсбурге*), Наук, Розенблюм (в Луге) и еще другие.

Когда я говорил о болезни А. А. Столыпину, он спросил:

— Кто у вас доктор (постоянный)?

— Наук.

— И держитесь *его*.

Действительно, он имел массу практики в Петер-

бурге. Эти твердые слова Столыпина так на меня повлияли.

Мой совет читателям: *проверять врача по книгам*. Потому что они «не знают часто Лондона». Эта дикая ошибка Анфимова, Бехтерева и Наука погубила на 15 лет нашу жизнь, отняв мать у детей и «столп дома» — у дома.

* * *

— Ну, что же, придет и вам старость, и так же будете одиноки.

Неинтересны и одиноки.

И издадите стон, и никто не услышит.

И постучите клюкой в чужую дверь, и дверь вам не откроется.

(*көлесо судеб; поколения*).

* * *

Да они славные. Но всё лежат.

(*вообще русские*).

* * *

Государство ломает кости тому, кто перед ним не сгибается или не встречает его с любовью, как невеста жениха.

Государство есть *сила*. Это — его главное.

Поэтому единственная порочность государства — это его слабость. «Слабое государство» — *contradictio in adjecto*. Поэтому «слабое государство» не есть уже государство, а просто *нет*.

(*прислонясь к стене дома на Надеждинской*).

* * *

До 17-ти лет она проходила Крестовые походы, потом у них разбирали в классе «Чайльд Гарольда» Байрона.

С 17-ти лет она поступила в 11-е почтовое отделение и записывает заказную корреспонденцию. Кладет печати и выдает квитанции.

(*к истории русской революции*).

* * *

В энтузиазме:

— Если бросить бомбу в русский климат, то, конечно, он станет как на южном берегу Крыма!

Городовой:

— Полноте, барышня, климат не переменится, пока не прикажет начальство.

(наша революция).

* * *

Человек живет как сор и умрет как сор.

* * *

Литературу я чувствую как штаны. Так же близко и вообще «как свое». Их бережешь, ценишь, «всегда в них» (постоянно пишу). Но что же с ними церемониться????!!!

*

Все мои «выходки» и все подробности: что я не могу представить литературу «вне себя», напр., вне «своей комнаты».

(рано утром, встав).

«Знаю» мое о ней — только физическое, касательное, и оно более поверхностно, чем глубина моего «не знаю». И от этих качаний, где чаша (небытия) перевешивает, — и происходит все.

Конечно, я знаю (вижу), что *есть* журналы, газеты и «как все устроено». Подписка и почта. Но «как в сновидении» и почти «не верю». Сюда я не прошусь и «имени своего здесь не реку». Вообще «тут» — мне все равно.

Дорогое (в литературе) — именно штаны. Вечное, теплое. Бесцеремонное.

* * *

Очень около меня много пуху и перьев летит. И от этого «вся литература моя» как-то некрасива.

Я боюсь, среди сражений
Ты утратишь навсегда
Нежность ласковых движений,
Краску неги и стыда*.

Мой идеал — Передольский и Буслаев *. Буслаев в спокойной разумности и высокой человечности.

*(на клочке бумаги, где это было записано,
Верунька — VII кл.
Стоюниной, вся в пафосе и романтизме,
приписала:)*

«Неверно, неправда, ибо ты был первый, что смог так ярко и полно выразить то, что хотел. Твоя литература есть ты, весь ты с твоей душой мятежной, страстной и усталой. Никто этого не смог сделать в такой яркой (форме?) и так полно отразить каждое свое движение».

*

Интересно, что думают ребятишки о своем «папе». Первое «Уедин.», когда лежала пачка корректур (уже «прошли»), я вдруг увидел их усеянными карандашными заметками, — и часто возражениями. Я не знал, кто. С Верой не разговаривал уже месяц (сердился): и был поражен, узнав, что это *она*. Написано было с большой любовью. Вообще она бурная, непослушливая, но способна к любви. В дому с ней никто не может справиться и «отступились» (с 14-ти лет). Но она славная, и дай Бог ей «пути»!

* * *

Тайна писательства в кончиках пальцев, а тайна оратора в его кончике языка.

*

Два эти таланта, ораторства и писательства, никогда не совмещаются. В обоих случаях ум играет очень мало роли; это — справочная библиотека, контора, бюро и проч. Но не пафос и не талант, который исключительно телесен.

*(21 ноября, в праздник Введения.
Любимый мой праздник,—
по памяти милой
Введенской церкви в Ельце).*

* * *

Только оканчивая жизнь, видишь, что вся твоя жизнь была поучением, в котором ты был невнимательным учеником.

*

Так я стою перед своим невыученным уроком. Учитель вышел. «Собирай книги и уходи». И рад был бы,

чтобы кто-нибудь «наказал», «оставил без обеда». Но никто не накажет. Ты — вообще никому не нужен. Завтра будет «урок». Но для другого. И другие будут заниматься. Тобой никогда более не займутся.

* * *

...а все-таки «мелочной лавочки» из души не вытрешь: все какие-то досады, гнев, самолюбие; и грош им цена, и минута времени; а есть, сидят, и не умеешь не допустить в душу.

(на уединенной прогулке).

* * *

Протоиерей Ш. хоронил мать. И он был старый, а она совсем древняя. Столетняя.

Провожал и староста соборный, он же и городской голова.

Они шли и говорили вполголоса. Разговор был заботливый, деловой. И говорили до самого кладбища.

Отворили ворота. Внесли. Пропели. Он проговорил заупокойное.

Опустили в землю и поехали домой.

(воспоминание).

* * *

Мамаша томилась.

— Сбегай, Вася, к отцу Александру. Причаститься и исповедаться хочу.

Я побежал. Это было на Нижней Дебре (Кострома).

Прихожу. Говорю. С неудовольствием:

— Да ведь я ж ее две недели тому исповедовал и причащал.

Стою. Перебираю ноги в дверях.

— Очень просит. Сказала, что скоро умрет.

— Так ведь две недели! — повторил он громче и с неудовольствием. — Чего ей еще?

Я надел картуз и побежал. Сказал. Мама ничего не сказала и скоро умерла.

(в 1869 или 1870 году).

* * *

«Буду в гробу лежать и все-таки буду работать». Как отчеканено.

И, едва стоя на ногах, налила верно — ни жидко, ни крепко — мне чаю.

(за завтраком).

Но это — «и в гробу работаю» — вся ее личность.

(8 ноября).

* * *

«Душа еще жива. Тело умерло».

(через 2 часа, когда брела к Тане в комнату,
на слова мои:

«Куда ты, легла бы». 8 ноября).

* * *

В один день консилиум из 4-х докторов: Карпинский, Куковенов, Шернваль, Гринберг. И — суд над «Уединенным». Нужно возиться с цензурным глубокомыслием. Надо подать на Высочайшее имя — чтобы отбросить всю эту чепуху. «У нас есть свое Habeas corpus* — право всякого русского просить защиты лично у Государя» (замечательные слова Рцы).

(10 ноября, суббота).

* * *

Иногда чувствую что-то чудовищное в себе. И это чудовищное — моя задумчивость. Тогда в круг ее очерченности ничто не входит.

Я каменный.

А камень — чудовище.

Ибо нужно любить и пламенеть.

От нее мои несчастья в жизни (былая служба), ошибка всего пути (был только «выходя из себя» внимателен к «другу» и ее болям) и «грехи».

В задумчивости я ничего не мог делать.

И, с другой стороны, все мог делать («грех»).

Потом грустил: но уже было поздно. Она съела меня и все вокруг меня.

(7 декабря 1912 г.).

* * *

Грубость и насилие приносит 2% «успеха», а ласковость и услуга 20% «успеха».

Евреи раньше всех других, еще до Р. Х., поняли это. И с тех пор всегда «в успехе», а противники их всегда в «неуспехе».

Вот и вся история, простая и сложная.

*

Еврея ругающегося, еврея, который бы колотил другого, даже еврея грубящего — я никогда не видал. Но их иголки глубоко колются. В торговле, в богатстве, в чести — вот когда они начинают все это отнимать у других.

* * *

Чиновничество оттого ничего и не задумывает, ничего не предпринимает, ничего нового не начинает, и даже все «запрещает», что оно «рассчитано на маленьких».

*

«Не рассчитывайте в человеке на большое. Рассчитывайте в нем на самое маленькое». — Система с расчетом «на маленькое» и есть *чиновничество*.

(на повестке на «Вечер Полонского»).

* * *

Заранее решено, что человек не гений. Кроме того, он естественный мерзавец. В итоге этих двух «уверенностей» получился чиновник и решение везде завести чиновничество.

* * *

Если государство «все разваливается», если Церковь «не свята», если человеку «верить нельзя», то тут, здесь и там невольно поставишь чиновника.

(на повестке на «Вечер Полонского»).

* * *

Все «казенное» только формально существует. Не беда, что Россия в «фасадах»: а что фасады-то эти — пустые.

И Россия — ряд пустот.

«Пусто» правительство — от мысли, от убеждения. Но не утешайтесь — пусты и университеты.

Пусто общество. Пустынно, воздушно.

Как старый дуб: корка, сучья; но внутри — пустоты и пустоты.

И вот в эти пустоты забираются инородцы; даже иностранцы забираются. Не в силе их натиска — дело, а в том, что нет сопротивления им.

* * *

Эгоизм партий, выросший над нуждой и страданием России,— вот Дума и журнальная политика.

* * *

Конечно, я умру *все-таки с Церковью*, конечно, Церковь мне *неизмеримо больше нужна, чем литература* (совсем не нужна), и *духовенство все-таки всех* (сословий) *милее*. Но среди их умирая, я все-таки умру с какой-то *мукой о них*.

Иван Павлович погладит по щеке, улыбнется, скажет: «Ну, ничего...» Фл. посмотрит долгим взглядом и ничего не скажет. Дроздов скажет: «Давайте я вас исповедую». Все-таки это не «лекция потом» Кусковой, не реферат обо мне Философова и не «веночек от редакции».

(*встав рано поутру 9 декабря*).

* * *

То, что *есть*, мне кажется невероятным, а чего «нет», кажется действительным.

*

Отсюда свобода, мука и ненужность (своя).

(*рано утром встав*).

* * *

Когда человек спит, то он, конечно, «не совершает греха». Но какой же от этого толк?

Этот «путь бытия» утомителен у русских.

(*на ' извощике*).

* * *

Греху и преступнику заготовлена такая казнь, какой люди не придумают.

(*на извощике; 14 мая — о тоске молодежи*).

* * *

Еврей всегда начинает с услуг и услужливости и кончает властью и господством.

*

Оттого в первой фазе он неуловим и неустраним. Что вы сделаете, когда вам просто «оказывают услугу»? А во второй фазе никто уже не может с ним справиться. «Вода затопила все».

*

И гибнут страны, народы.

(за набивкой табаку).

* * *

Умер Суворин — но кругом его — дела его, дух его, «всё» его. Так же шумит типография, и шумит газета, и вот-вот кажется «сходить бы с корректурой наверх» (в кабинет, «к самому»).

А нет его. «Нет» — и как будто «есть». Это между «нет» и «есть» колебание — какое-то страшное. Что-то страшное тут.

Даже еще увеличивает ужас смерти и отвратительное в ней. «Человек как будто с нами»: это еще гораздо ужаснее, чем «его более нет». В «его более нет» — грусть, тоска, слезы; тут — работа продолжается, и это отъемлет у смерти ее грусть, ее тоску, ее смысл, ее «всё».

«Человек как будто не умирал»: и это до того страшно и чудовищно для того, кто *ведь действительно умер* и ему только то одно и важно, что *его более нет* и он *перешел в какую-то новую действительность*, в которой «газет уж во всяком случае нет».

И оставлен *нами*, суесящимися, «совсем один» в этой страшной новой действительности.

(за нумизматикой).

* * *

«Спор выяснить истину», напр., спор Юркевича с Чернышевским.**

Спор Пуришкевича и Милюкова доводил даже до оплеух: это уже небесная истина.

(об аксиоме 60-х годов).

* * *

Это во 2-й раз в моей жизни: корабль тонет — а пушки стреляют.

1-й раз было в 1896-7-8 году: контроль, чванливо-ненавидяще надутый Т. И. Ф.*, редакции «своих изданий» (консервативных), не платящие за статьи и кладущие «подписку» на текущий счет, дети и жена и весь «юридический беспорядок» около них, в душе — какая-то темная мгла, прорезаемая блёсками гнева: и я, «заверотив пушки», начал пальбу «по своему лагерю» — всех этих скудных (не денежно) душ, всех этих ленивых душ, всех этих бездарных душ.

Пальбу вообще по «хроменьким», «убогеньким и копящим деньжонку», по вяленьким, холодненьким и равнодушным.

Кроме «друга» и ее вечной молитвы (главное), поворот «вправо» много был вызван Н. Р. Щ., Фл. и Цв.** «Эти сами всё отдали». И я с хр — вом нравственно примирился. *Нравственное*-то расхождение, за которым уже *потом* я нашел и метафизическое расхождение, и было главное.

(за занятиями).

* * *

М. б., я всю жизнь прожил «без Руси» («идейные скитания»), но хочу умереть с Русью и быть погребенным с русскими.

Кроме русских, единственно и исключительно русских, мне вообще никто не нужен, не мил и не интересен.

(прочтя в «Колоколе» об ужасном погребении Шуваловского — на еврейском кладбище по еврейскому обряду; он всю жизнь считался православным). (2 ноября 1912, в ват...).

* * *

Линяет, линяет человек. Да и весь мир в вечном полинянии. С каждым кусочком хлеба в нас входит новый кусочек тела: и мы не только едим, но и съедаем самих себя, сами себя перевариваем и «извергаем вон»... Как же нам оставаться «все тем же».

*

Самые планеты движутся, *все уклоняясь от прямой, все отступая* от вчерашнего пути. «По планете — и человек».

*

Клонимся, жмемся... пока — умрем!

И вот тогда уже станем «несгибаемы» и «без пере-
мен»...

(13 декабря 1912 г.).

* * *

Да, если семя — грязь, то, конечно, «он запачкал ее».
Грязь ли?

Семя яблока есть яблоко, семя пшеницы есть пшени-
ца: а семя человека, *по-видимому*, человек?

Так он дал ей человека? Конечно — это ребенок от
него. Так почему же говорят — «это грязь», и «он запач-
кал ее»?

Не понимаю.

(13 декабря 1912 г.).

* * *

Цивилизация не на улицах, цивилизация в сердце.
Т. е. ее корень.

* * *

«Услуги» еврейские как гвозди в руки мои, *ласко-
вость* еврейская как пламя обжигает меня.

Ибо, пользуясь этими услугами, погибнет народ мой,
ибо, обвеянный этой ласковостью, задохнется и сгинет
мой народ.

(на письме Г-а об евреях, 28 декабря).

Ибо народ наш неотесан и груб. Жёсток.

Все побегут к евреям. И через сто лет «всё будет у
евреев».

* * *

К 57 годам я достиг свободы книгопечатания. Свобо-
да печати состоит в том, если книги окупают стоимость
своего издания. До «Итал. впечатл.»* все было в убыток,
и издавать значило разоряться. Конечно, я не имел «сво-
боды пера» и «свободы духа» и вообще никакой сво-
боды.

Но теперь я свободно показываю кулак. Книжки
мои — не знаю, через *кого*, *как* — быстро раскупаются

сейчас по выходе в нескольких сотнях экземплярах и в течение 2-х лет (срок типографских счетов, по условию) окупают сполна все.

И теперь мне «читателя» не нужно и «мнения» не нужно. Я печатаю что хочу — душа моя свободна.

(за табаком).

* * *

Бог мой, Вечность моя: отчего Ты дал столько печали мне?

* * *

Отчего нумизматика пробуждает столько мыслей? Своей бездумностью. И «думки» летят, как птицы, когда глаз рассматривает и вообще около монет «копашься». Душа тогда свободна, высвобождается. «Механизм занятий» (в нумизматике) отстранил душевную боль (всегда), душа отдыхает, не страдает. И вылетев из-под боли, которая подавляет самую мысль, душа расправляется в крыльях и летит-летит.

Вот отчего я люблю нумизматику. И отдаю ей поэтичнейшие ночные часы.

(за нумизматикой).

* * *

Наш вьюн все около кого-то вьется, что-то вынюхивает и где-то даже подслушивает (удивившее сообщение. Вл. Мих. Дорошевича *). «Душа нараспашку», тон «под мужичка» или «под мастерового», — грубит, шутит, балагурит, «распахивайтесь, господа». Но под всем этим куда-то втирается и с кем-то ввязывается «в дружбу». А метод ввязываться в дружбу один: вставить комплиментик в якобы иронию и подшучивание. Так что с виду демократ всех ругает, но демократа все приглашают к завтраку. Сытно, и побыл в хорошем обществе. Ах, это «хорошее общество» и меня с ума сводит. Дома закута и свои сидят в закуте, но хлопотливый публицист ходит по хорошим паркетам, сидит на шелковой мебели и завтракает с банкиром и банкиршей или с инженером и инженершей. У них шляпы «во какие», а жена ходит в русском платочке.

(замусоренный демократ).

* * *

Без телесной приятности нет и духовной дружбы. Тело есть начало духа. Корень духа. А дух есть запах тела.

* * *

У Рцы в желудке — арии из «Фигаро», а в голове — великопостная «Аллилуйя». И эти две музыки сплетают его жизнь.

*

Единственный, кого я встретил, кто совместил в себе (без мертвого эклектизма) совершенно несовместимые контрасты жития, звуков, рисунков, штрихов, теней, идеалов, «памяток», грез. По «амплитуде размаха» маятника это самый обширный человек из мною встреченных в жизни.

А не выходит не только на улицу, но даже в палисадник при доме.

(на обороте транспаранта).

* * *

Язычество есть младенчество человечества, а детство в жизни каждого из нас — это есть его естественное язычество.

Так что мы все проходим «через древних богов» и знаем их по инстинкту.

* * *

Собственно нравственно (не в книжно-теоретическом значении, а в житейском и практическом) есть такая вещь, о которой так же не говорят, как о воздухе или кровообращении, «нужны ли они»? Можно ее отрицать, но пока дело не коснулось нас и жизни. Вот, напр., все писатели были *недобры* к К. Леонтьеву и не хотели ни писать о нем, ни упоминать: то *как* он это чувствовал?! Эту *недоброту* он проклинал, ненавидел, сплетничал о ней («дурные личные мотивы»), отталкивал ее, звал заменить ее *добротою*, чтобы «были отзывы о нем». Это — *факт*, и о нем говорит вся биография Леонтьева, плачут и кричат об этой «недоброде людей» все его письма и ко всем лицам. Как же осуждать людей, еще в ужаснейших страданиях *голода, бедности, угнетения личного и народного*, когда они тоже зовут *доброту* и *недоброту* проклинаят. Теоретически можно против этого спорить, и Леонтьев спорил, но это и показывает, до чего он был

теоретиком и Дон-Кихотом «эгоистического Я», а не был вовсе жизненным человеком, со всей суммой реальных отношений. Также он допускал «лукавство»: но представим, что из его домашних слуг, которых он так любил и их верностью был счастлив, во-первых, обои бы обманывали его на провизии, на деньгах, а во-вторых (слуги были муж и жена, и брак их устроил Л-в), муж обманывал бы жену, и «великолепно как Алкивиад» имел бы любовниц на стороне? Явно, Л-в бы взбунтовался, проклинал и был несчастен. По этим мотивам «весь Леонтьев» в сущности есть — «все одни разговоры», ну, согласимся — Великие Разговоры. Но — и только. А «хороший разговор» не стоит пасхального кулича. Жил же Леонтьев и **практически желал** всего того, что «средний европеец» и «буржуа в пиджаке».

(на визитной карточке Родановича).

* * *

По обстоятельствам климата и истории у нас есть один «гражданский мотив»:

— Служи.

*

Не до цветочков.

*

Голод. Холод. Стужа. Куда же тут республики устраивать? Родится картофель да морковь. Нет, я за самодержавие. Из теплого дворца управлять «окраинами» можно. А на морозе и со своей избой не управишься.

И республики затевают только люди «в своем тепле» (декабристы, Герцен, Огарев).

(за набивкой табаку).

* * *

Спрашивал Г о «Пути» и Морозовой *

Удивительная по уму и вкусу женщина. Оказывает-ся, не просто «бросает деньги», а одушевлена и во всем сама принимает участие. Это важнее, чем больницы, приюты, школы.

Загаженность литературы, ее оголтело-радикальный характер, ее кабак отрицания и проклятия — это в России такой ужас, не победив который нечего думать о школах, ни даже о лечении больных и кормлении голодных.

Душа погибает: что же тут тело.
И она взялась за душу.

*

Конечно, ее понесли бы на руках, покорми она из своего миллиона разных радикалистов.

Она это не сделала.

Теперь ее клянут. Но благословят в будущем.

Изданные уже теперь «Путем» книги гораздо превосходят содержательностью, интересом, ценностью «Сочинения Соловьева» (вышла деятельность из «Кружка Соловьева» *). Между тем книги эти все и не появились бы, не будь издательницы. Так. обр. простое богатство, «нищая вещь перед Богом», в умных руках сотворила как бы «второго философа и писателя в России, Соловьева».

Удивительно.

*

Нельзя не вспомнить параллельную деятельность того, скромного и умного священ. Антонова («Религиозные философы на Руси») **

*

Там поднимаются Цветков и Андреев ***

*

Со всех сторон поднимаются *положительные зори*.

Уроди нам, Боже,— хлеб
Мое богатство! ****

* * *

Несомненно, однако, что западники лучше славянофилов *шьют сапоги*. Токарничают. Плотничают.

«Сапогов» же никаким Пушкиным нельзя опровергнуть. Сапоги носил сам Александр Сергеевич, и притом любил хорошие. Западник их и сошьет ему. И возьмет, *за небольшой и честный процент*, имение в залог, и вызовет «из нужды» сего «гуляку-праздного», любившего и картишки и все.

Как *дух* — западничество ничто. Оно не имеет содержания.

Но нельзя забывать практики, практического ведения дел, всего этого «жидовства» и «американизма» в жизни, которые почти целиком нужно предоставить западникам, ибо они это *одни умеют в России*. И конститу-

ция, и сапог. Не славянофилы же будут основывать «Ссудо-сберегательную кассу» и первый «Русский банк». А он *тоже нужен*.

(13 декабря).

* * *

Во мне ужасно есть много *гниды*, копошащейся около корней волос.

Невидимое и отвратительное.

Отчасти отсюда и глубина моя (вижу корни вещей, гуманен, не осуждаю, сострадателен).

Но как тяжело таким жить. Т. е. что *такой*.

* * *

Смысл Христа не заключается ли в Гефсимании и кресте? Т. е. что Он — Собою дал образ человеческого страдания, как бы сказав или указав, или промолчав:

— Чадца Мои, избавить я вас не могу (все-таки *не могу!* о, как это ужасно): но вот, взглядывая на Меня, вспоминая Меня *здесь*, вы несколько будете утешаться, облегчаться, вам будет легче — что и — *Я страдал*.

Если так: и он пришел *утешить* в страдании, которого обойти невозможно, победить невозможно, и прежде всего в этом ужасном страдании смерти и ее приближениях...

Тогда все объясняется. Тогда Осанна...

Но *так* ли это? Не знаю.

*

Но во всяком случае понятно тогда умолчание о браке, о плоти, «не нужно обрезания».

Когда тяжелый больной в комнате, скажем ли: «обнажи уд и отодвинь («обрежь») крайнюю плоть».

В голову не придет. Вкус отвращается.

И все «ветхозаветное прошло» и «настал Новый Завет».

Но так ли это? Не знаю. Впервые забрезжило в уме.

(7 ноября 1912).

*

Если Он — Утешитель: то как хочу я утешения; и тогда Он — Бог мой.

Неужели?

Какая-то радость. Но еще не смею. Неужели мне не бояться того, чего я с таким смертельным ужасом боюсь; неужели думать — «встретимся! воскреснем! и вот Он — Бог наш! И все — объяснится».

Угрюмая душа моя впервые становится на эту точку зрения. О, как она угрюма была, моя душа, — еще с Костромы: ведь я ни в воскресенье, ни в душу, ни особенно в Него — не верил.

— Ужасно странно.

Т. е. ужасное было, а странное наступает.

Неужели сказать: умрем и ничего.

Неужели Ты велишь не бояться смерти?

Господи: неужели это Ты. Приходишь в ночи, когда душа так ужасно скорбела.

* * *

Вовсе не университеты вырастили *настоящего* русского человека, а добрые безграмотные няни.

* * *

Церковь есть не только *корень* русской культуры — это-то очевидно даже для хрестоматии Галахова *, — но она есть и *вершина* культуры. Об этом догадался Хомяков (и Киреевские), теперь говорят об этом Фл. и Цв.

Рцы — тоже.

Между тем, что такое в хрестоматии Галахова Хомяков, Киреевские, князь Одоевский? Даже не названы. Имена их гораздо меньше, чем Феофана Прокоповича и Мелетия Смотрицкого, и уж куда в сравнении с князем Антиохом Кантемиром и Ломоносовым **.

«Оттого что не писали стихотворений и сатир».

Поистине, точно «Хрестоматию Галахова» сочинял тот пижон, что выведен в «Бригадире» Фонвизина. И все наше министерство просвещения «от какого-то Вральмана» ***.

Как понятен таинственный инстинкт, заставлявший Государей наших сторониться от всего этого гимназического и университетского просвещения, обходить его, не входить, или только редко входить, в гимназии и университеты.

Это, действительно, все нигилизм, отрицание и насмешка над Россией.

*

Как хорошо, что я проспал университет. На лекциях ковырял в носу, а на экзамене отвечал «по шпаргалкам». Черт с ним.

Святые имена Буслаева и Тихонравова я чту. Но это не шаблон профессора, а «свое я».

Уважаю Герье и Стороженко, Ф. Е. Корша. Больше и вспомнить некого. Какие-то обшмыганные мундиры. Забавен был «П. Г. Виноградов»*, ходивший в черном фраке и в цилиндре, точно на бал, где центральной люстрой был он сам. «Потому что его уже приглашали в Оксфорд».

Бедная московская барышня, ангажированная иностранцем.

* * *

Выписал (через Эрмитаж) статуэтку Аписа из Египта. Подлинная. Бронза. Сей есть «телец из золота», коему поклонились евреи при Синае, и которых воздвиг в Вефиле Иеровоам**. Одна идея. Одно чувство. Именно израильтянки страстно приносили «золотые украшения» с пальцев и из ушей, чтобы сделали им это изображение.

Апис — здоровье. Сила. Огонь (мужеский).

*

А здоровье «друга» проглядел.

*

Отчего у меня всегда так глупо? Отчего вся моя жизнь «без разума» и «без закона»?

* * *

Вся помертвевшая (бессилие, сердце), с оловянными тусклыми глазами (ужасно!!):

— От кого письмо?

— От Веры Ивановны (с недоумением). На что-то пишет согласие...

— Это я ей писала. Музыка Тане. Ответь, что «хорошо», и поблагодари.

Устроила «музыку» (уроки) Тане.

Таня с ранцем бежит в классы. Кофе не пила. Торопится. Опоздала. Поворачиваясь ей вслед:

«— Таня, вот тебе музыка. Слава Богу!»

Таня спешит и не оглянулась.

*

Кто-то вас, детки, будет устраивать без матери. Са-
ми ничего не умеете.

(7 ноября).

* * *

Шатается. Из рук моих выпадает.

— У Тани печь топится?

— Нет.

— Отчего дым?

— Вечно дым. Дом так устроен, что не топят, а дым-
но в комнате откуда-то.

Совсем падает. Плетется до комнаты. Открыто окно
и ветер хлестнул.

— Да пойдем назад! Пойдем же, ветер!!

Не отвечая, тащит меня к печке. Заслонка закрыта.

— Ну, видишь, не топится.

Дотащила меня до печи. Потрогала заслонку. Печь
потрогала: горяча. Топили утром.

И, повернув назад, повалилась на кушетку.

Ждем Карпинского: день особенной слабости, полно-
го изнеможения. На ногах не стоит. Глаза потухающие.

* * *

Таня вернулась из классов.

— Веру видела?

Вере нездоровится и осталась дома.

— Как «видела»? Как же я ее увижу, когда ты зна-
ешь, что она дома.

Мне:

— Она Веру не видела и пришла без Нади.

— Ну, что же. У Нади позднее кончается, и она при-
дет потом.

— Отчего без Нади пришла? Не зашла за ней. Обе
бы и пришли вместе, старшая и маленькая.

Надя бежит тут — умыть руки (перед обедом).

— Да вот Надя. Она дома. И значит вместе пришли.
(Наде:) Вместе ли?

Вместе.

Успокоилась. И горит. И нет сил. Душа горит, а те-
ло сохнет.

(7 ноября).

От Вильборга (портрет Суворина):*

— Пришлю дополнительную смету.

Из Казани (письмо читается):

— У Николая...

— Какого «Николая»?

— Сын ее, т. е. матери моей, но от другого мужа. У Николая есть приемная дочь. И вот плату за учение ее трудно ему вносить, и, может быть, вы поможете?

Да я и «Николая» никогда не видал. Матери его не видал. Приемной же дочери невиданного сына никогда не виденной мною женщины уже совсем не видел, и не знаю, и совсем не понимаю сцепления их имен с моим...

*

Студент — длинное письмо: пишет, что тяжело обременять отца, «а уроки — Вы знаете, что такое уроки» (не знаю). «Прочел в *Уедин.*, что у вас 35 000: поэтому не дадите ли мне 2¹/₂ тысячи на окончание курса».

Почему «отцу тяжело», а «чужому человеку не тяжело»? И почему не прочел там же, в «Уед.», что у меня «11 человек кормятся около моего труда». Но студенту вообще ни до чего другого, кроме себя, нет дела.

Фамилия не русская, к счастью, 2¹/₂ т. не на взнос платы за учение, а чтобы «не обременять отца» едой, комнатой, и прочее. Наверное, и удовольствиями.

«Честная молодежь» вообще далеко идет.

(7 ноября).

* * *

Мы проходим не зоологическую фазу существования, а каменную фазу существования.

* * *

АНКЕТА

— Кто самый благородный писатель в современной русской литературе?

Выставился Оль-д-Ор** «откуда-то» и сказал:

— Я.

* * *

Русский болтун везде болтается. «Русский болтун» еще не учитанная политиками сила. Между тем она главная в родной истории.

С ней ничего не могут поделаться — и никто не может. Он начинает революции и замышляет реакцию. Он созывает рабочих, послал в первую Думу кадетов. Вдруг Россия оказалась не церковной, не царской, не крестьянской, — и не выпивочной, не ухарской: а в белых перчатках и с книжкой «Вестника Европы» под мышкой. Это необыкновенное и почти вселенское чудо совершил просто русский болтун.

Русь молчалива и застенчива, и говорить почти что не умеет: на этом просторе и разгулялся русский болтун.

* * *

В либерализме есть некоторые *удобства*, без которых трет плечо. Школ будет много и мне *будет куда отдать сына*. И в либеральной школе моего сына *не выпорют*, а научат легко и хорошо. Сам захвораю: позову *просвещенного доктора*, который болезнь сердца не смешает с заворотом кишок, как Звягинцев у Петропавловского (†) * Таким обр., «прогресс» и «либерализм» есть английский чемодан, в котором «все положено» и «все удобно», и который предпочтительно возьмет в дорогу и не либерал.

Либерал красивее издаст «Войну и мир».

Но либерал никогда *не напишет «Войны и мира»*: и здесь его граница. Либерал «к услугам», но не душа. Душа — именно не либерал, а энтузиазм, вера. Душа — безумие, огонь.

Душа — воин: а ходит пусть «он в сапогах», сшитых либералом. На либерализм мы должны оглядываться, и придерживать его надо рукою, как носовой платок. Платок, конечно, нужен: но кто же на него «Богу молится». «Не любимая» вещь — он и лежит в заднем кармане, и обладатель не смотрит на него. Так и на либерализм не надо никогда смотреть (сосредоточиваться), но столь же ошибочно («треть плечо») было бы не допускать его.

Я бы, напр., закрыл все газеты, но дал автономию высшим учебным заведениям, и даже студенчеству — самостоятельность запорожской сечи. Пусть даже республики устраивают. Русскому Царству вообще следовало бы допустить внутри себя 2—3 республики, напр., Вычегодская республика (по реке Вычегде). Рионская республика (по реке Риону, на Кавказе). И Новгород и Псков, «Великие Господа Города» — с вечем. Что за

красота «езде губернаторы». Ну их в дыру. Князей бы восстановил: Тверских, Нижегородских, с маленькими полупорфирами и полувенцами. «Русь — раздолье, всего — есть». Конечно, над всем Царь с «секим башка». И пустыни. И степи. Ледовитый океан и (дотянулись бы) Индийский океан (Персидский залив). И прекрасный княжий Совет — с $\frac{1}{2}$ -венцами и посадниками; и внизу — голытьба Максима Горького. И все прекрасно и полно, как в «Подводном Царстве» у Садко.

Но эта воля и свобода — «пожалуйста, без газет»: ибо сведется к управству редакторишек и писателишек. И все даже можно бы либерально: «каждый редактор да возит на своей спине «Вестник Европы» подписчикам». А по *государственной* почте «заплатите как за частное письмо, 7 коп. с лота». Я бы сказал демократически: «Почему же солдат, от матери получая письмо, платит 7 коп., а подписчик «Вестн. Европы», богатый человек, получает ему ненужную повестушку об аресте студента по $\frac{1}{200}$ коп. за лот?» Так что у меня закрытие периодической печати было бы либерально и филантропично. «Во имя равенства и братства» — это с одной стороны, и «Сам Господь благословил» — это с другой.

* * *

Если бы предложил в Тамбове или Пензе «выбрать излюбленного человека в законодатели», но поставили условием — выбирать только *на жаргоне* (еврейско-немецкий говор в Литве), то Пенза и выбрала бы еврея. Как? Да очень просто. Русские не смогли бы и не сумели, а наконец даже и не захотели бы «правильно *по закону*, т. е. *на жаргоне* подать голоса». А сумели бы исполнить это законное требование только 10—15 пензенских башмачников евреев. Они и выставили бы «народного трибуна в Думу».

Механизм выборов в Думу для русского то же, что *жаргон*; и «не родясь в Винавера» — не приступишь к нему. Вот отчего выбирают везде «приблизительно Винавера» и «Винавер есть представитель России» *

«Коренной ее представитель».

Но Россия даже и не знает «Винавера».

И Россия, в сущности, знать не знает своего «представительства».

Что делать. Ее метод не «бюллетени», «избирательные ящики» и «предвыборная агитация». А другой:

Жребий — «как Бог укажет».

И — потасовка: «чья сила возьмет».

Так и выбирали «на Волховом мосту». Пока Иван III не сказал:

— Будет драться.

И послал Вечевой Колокол куда-то в Тверь и вообще в «места не столь отдаленные».

Не спорю, что это печально. Но ведь вся Русь печальна. «Все русское печально», и тут только разведешь руками,— тоже по-русски.

*(выборы в 4-ую Думу;
от имеющих право выбирать
явилось не более 30%).*

* * *

Грубы люди, ужасающе грубы,— и даже по *этому* одному или главным образом по *этому* — и *боль* в жизни, *столько* боли...

(на билете в Славянское Общество; «победы»).

* * *

Болит душа о себе, болит о мире, болит о прошлом, будущее... «и не взглянул бы на него».

(там же).

* * *

У Мережковского есть замечательный афоризм: «пошло то, что пошло»... Нельзя было никогда предполагать, чтобы он оделся в этот афоризм. Но судьба сломила его. Что же такое писатель без читателей? Что такое десятки лет глумления таких господ, как Михайловский, Сабичевский, как Горнфельд (Кранифельд?), Иванов-Разумников*, и вообще литературных лаптей, сапогов и туфель. И он добровольно и сознательно стал «пошл», чтобы «пойти»...

И «пошел»... Смотрите, он уже сюсюкает и инсинуирует, что Александр I имел «вторую семью»... Такой ужас для декадента, ницшеанца и певца «белой дьяволицы». Да, «нам позволено» иметь любовниц, актрис; но, по Мережковскому, народу «с высот власти» должен быть подаваем пример семейных добродетелей. Мережковский, я думаю, и сам не понимает, выражает ли он в своих инсинуациях злость парижских эмигрантов, или он

только жалуется, что вообще Александр I допускал в своей жизни отступления от «Устава духовных консисторий». *

И это «по́шное» его — «пошл́о». Теперь он видный либеральный писатель щедринской Руси, «обличающий» даже недобродетель императоров.

*

Но Мережковский, при кротких и милых его чертах, никогда не был умен; не был практически, «под ногами», умен.

*

Все же почему-то издали и в разделении, я жму ему руку. Мало от кого я видел долгие годы непонятную (для меня) дружбу, которая, казалось даже, имела характер любви. Да простит Бог ему грехи; да простит Он мне мои (против него) грехи. А они есть. Он — из немногих людей, которых я необъяснимо почему не мог любить. В нем есть много грусти; но поразительно, что самая *грусть его — холодная*. Грусть вообще тепла *по природе своей*: но у Мер-ого она изменила *своей природе*.

Я думаю, из писателей, писавших в России (нельзя сказать «из *русских писателей*»), было мало принявших в душу столько печали.

* * *

Христианство так же выразило собою и открыло миру внутреннее содержание бессеменности, как юдаизм и Ветхий Завет раскрыли семенность.

Там — все семя, от семени начато, к семени ведет, семя собою благословляет.

Здесь все отвращает от семени, как само лишено его. «Нет более *мужеск и женск пол*», но — «человек». И несть «эллин и иудей», нет племен, наций.

Все это было бы хорошо, если бы не пришел Винавер:

— Я же говорил, что Моисей и Христос, в сущности, трудились для адвоката, который «похлопал по плечу» эти старинки, отодвинул их в сторону и начал говорить об «общечеловеческих культурных ценностях».

(на обороте транспаранта).

* * *

7 000 000 желудков и 7 000 000 трезвых голов и рук одолеют 70 000 000 желудков, на которых работает всего только тоже 7 000 000 рук и голов, а 63 000 000 переваривают пищу и еще просят «на удовольствие».

Ведь у нас решительно на 5 лодырничавших приходится только 1 труженик.

Вот еврейско-русский вопрос под углом одного из тысячи освещений.

* * *

«— *Молитесь!*» — говорил К. Леонтьев всю свою религию, своим христианством, своим постригом в монашество и связью с афонскими и оптинскими старцами. Хорошо. Понимаем. Ясно.

Но слышал ли он, однако, когда-нибудь, чтобы, взираясь на иконы православные, на Спаса-Милостивого и Богородицу-Заступницу, верующий начал молить их о каком-нибудь «алкивиадстве», об удаче любовной интрижки, об *обмане* врага, о благополучной *измене* жене своей, и прочих §§-ах леонтьево-ницшеанской философии?

Нет.

Молятся всегда о *добре*, «об Ангеле мирне душам и телесам нашим», о тихой кончине, о незлобствовании на врагов своих; о «временах *мирных* и *благорастворении* воздухов». Увы, молятся всегда «среднею буржуазною молитвою» — молитвой «европейца в *пиджаке*».

Что же такое *весь* Леонтьев?

В 35-ть лет он кажется старцем и гением, потрясшим Европу. В 57 лет он кажется мальчиком, охватившим ручонками того «кита», на котором земля держится.

Этот «кит» — просто хороший воздух и «все здорово». Да чтобы немножко деньжонок в кармане.

Кит несколько не худой и ни мало не «вор». Леонтьев захотел отрастить у него клыки и «чтобы глаза сверкали». Но кит отвечает ему: «мясного я не ем», а глаза — «какие дал Бог».

Еще: когда он молился Богородице в холере, вдруг бы Она ему ответила не исцелением, как ответила, а рассыпалась смехом русалки и наслала на него чуму. «По-алкивиадовски». Очень интересно, что сказал бы Леонтьев на возможность такого отношения.

Друг мой (Л-ву): «буржуа» — небесная истина, «буржуа» предопределен Небом. Не непременно буржуа XIX века, довольно паршивый, но это — *не его сущность*. А «буржуа» Халдеи, Назарета, «французских коммун», описанных Авг. Тьери. Они любили музыку, и, конечно, они могли бы драться на турнирах, сохраняя лавочку и продолжая торговать.

* * *

Что же такое Леонтьев?

Ничего.

Он был редко прекрасный русский человек, с чистою искреннею душою, язык коего никогда не знал лукавства: и по этому качеству был почти *unicum* в русской словесности, довольно-таки фальшивой, деланной и притворной. В лице его *добрый русский* Бог дал *доброй* русской литературе *доброе* писателя. И — только.

Но *мысли* его?

Они зачеркиваются одни другими. И все *орегатопия** его — ряд «перекрещенных» синим карандашом томов. Это прекрасное *чтение*. Но в них нечего *вдумываться*.

*

В них нет *совета* и *мудрости*.

*

Спорят (свящ. Аггеев**), был ли он христианин, или язычник. Из двух «взаимно зачеркивающих половин» его истинным и главным остается, конечно, его «натура», его «врожденное». Есть слух (и будто бы сам Л-в подсказал его), что он был рожден от высокой и героической его матери, вышедшей замуж за беспримерно тупого и плоского помещика (Л-в *так* и отзывается об отце своем) через страстный роман ее... *на стороне*. Сын всегда — *в мать*. Этот-то горячий и пылкий роман, где говорили страсть и головокружение, мечты и грезы, и вылил его *языческую природу* в такой искренности и правде, в такой красоте и силе, как, пожалуй, не рождалось ни у кого из европейцев. А «церковность» его прилепилась к этому язычеству, как прилепился нелюбимый — «канонический» муж его матери. В *насильственном* «над собою» христианстве Л-ва есть что-то противное и непереносное...

Старый муж,
Грозный муж,
Ненавижу тебя.

С этой стороны, языческой и истинной, Леонтьев интересен как редчайший в истории факт рождения человека, с которым христианство ничего не могло поделать, и внутренне он не только «Апостола Павла не принимал во внимание», но и не слушался самого Христа.

И не пугался.

Религиозно Л-в был совершенно спокойный человек, зовя битвы, мятежи и укрощения и несчастья на народы.

Гоголь все-таки пугался своего демонизма. Гоголь *между язычеством и христианством*, не попав ни в одно. Л-в родился вне всякого даже *предчувствия христианства*. Его боги совершенно ясны: «ломай спину врагу, завоевывай Индию»; «и ты, Камбиз,— пронзай Аписа» *

*

Разнообразие форм и сила каждого из расходящихся процессов (основа его теории истории и политики), конечно, суть выражение *природы как она есть*. Но есть два мира, и в этом и заключалось «пришествие Христа»: мир *природный* и мир *благодатный*. А «победа Евангелия», по крайней мере *теоретическая и словесная*, «возглашенная»,— заключалась в том, что люди, безмерно страдавшие «в порядке естественной природы», условились, во всех случаях противоречия, *отдавать преимущество миру благодатному*. «Христианство» в этом и заключается, что ищет «мира» среди условий войны, и «прощает», когда можно бы и следовало даже наказывать. Леонтьев пылко потребовал возвращения к «порядку природы», он захотел Константина-язычника и противопоставил его крещеному Константину. Но уже куда девать «битву с Лицинием» ** и «сим победиши», на Небе и в лабаруме (государственная хоругвь Константина с монограммой Христа).

Но... *природа непобедима*, а Церковь вечно усиливается ее *победить*: вот условие борьбы и нового в христианстве, богатства форм. «Героизм» не исчез и «великое» не исчезло в христианстве, но так переродилось и получило настолько новый вид, что действительно стало неузнаваемо. «Камбиз, идущий на Египет» и «Александр, завоевывающий Персию» действительно отрицаются глубочайше христианством, и если бы появились в нем, или когда подобное появлялось,— то было «сбоку припекою» в христианской истории, без всякой связи с зерном ее и сущностью. Но, позвольте: жизнь Амвросия Оптинского разве не красочнее, чем биография старого ве-

терана цезаревых войск, и жизнь пап Льва I, Григория Великого, Григория VII и Иннокентия III,— несравненно еще полнее движением, переменами, борьбою и усилиями, чем довольно беструдные и нисколько неинтересные победы Александра над Дарием и Пором. Вообще история *не потеряла интерес*, а только *переменила тон и темы*. Тон, действительно, другой. «Царство благодатное», правда, не допускает повториться Киру Великому, Александру Великому, Цезарю; Наполеон был явно исключением и инстинктивно правильно нарекался «Антихристом» (вот *его* и зовет вторично Л-в, с комическим результатом и комическим впечатлением от зова); но «царство благодатное» зовет к *великим же подвигам* в области борьбы с «демонами *собственного духа*» и с тою «бесовщиной», которой совершенно достаточно остается и *навсегда останется* в социальном строе и вообще *вне стен* «благодатного царства».

*

Но какая же, однако. *causa efficiens* * лежала для исторического появления Л-ва? Та, что «средний европеец» и «буржуа» именно в XIX веке, во весь *послереволюционный* фазис европейской истории, выродился во что-то *противное*. Не «буржуа» гадок: но поистине гадок буржуа XIX века, самодовольный в «прогрессе» своем, вонючий завистник всех исторических величий и от этого единственно стремящийся к *уравнительному состоянию* всех людей,— в одной одинаковой грязи и одном безнадежном болоте. «Ничего *глубже* и ничего *выше*,— сказал мерзопакостный приказчик, стучающий в чахоточную грудь кулаком величиной в грецкий орех.— Ни — *святых*, ни — *героев*, ни *демонов* и *богов*». Он не являет и идиллии никакой; жену он убедил произвести кастрацию, чтобы не обременяться детьми, и занимается с нею в кровати онанизмом. «Вечно пассивная» женщина подалась в сторону советов этого мошенника, *son mari* **. Так вдвоем они немножко торгуют, имеют «текущий счет» в еврейской конторе, ездят повеселиться в Монако, отдохнуть на Ривьере, покупают картинки «под Рафаэля»; и к ним присоединяется «друг семьи», так как онанизм втроем обещает *бóльшие перспективы*, чем вдвоем.

Практически против таких господ поднялась Германия, как сильный буйвол против выродившихся до собаки волченят; а теоретически «Бог послал Леонтьева».

«— А! а! а!!... Смести всех этих пакостников с лица земли! — с их братством, равенством и свободой и прочими фразами. И призвана к такому сметанию Россия или, вернее, весь *Восток*, хоть с персами, монголами, с китайцами или кем-нибудь». Вот формула Л-ва и пафос всей его жизни. Повесть Вл. Соловьева о «монгольском завоевании Европы» перед Антихристом* параллельна и, пожалуй, имитирует политические зовы Л-ва. То и другое знаменует вообще великую тоску по *идеалу*. По *идеальном существовании*, по *идеальном лице*.

*

В византизме, церковности, в христианстве его не манило то *положительное и доброе, святое и благое*, что обратило «Савла» в «Павла», чему мученики принесли свою жертву... Вообще самой «жемчужины евангельской» он вовсе не заметил, а еще правильнее — взглянул и равнодушно отворотился от нее, именно «как Кир *ничего не предчувствующий*». **Любить** в христианстве ему было нечего. Почему же $\frac{1}{2}$ его страниц «славят церковь, Афон и русскую православную политику»? Его *не тянуло* (нисколько!) к себе христианство, но он увидел здесь неистощимый арсенал стрел «против подлого буржуа XIX века», он увидел здесь склад бичей, которыми всего больше может хлестать самодовольную мещанскую науку, дубовый безмысленный позитивизм и вообще всех «фетишей» ненавидимого, и *основательно* им ненавидимого, века. В сущности, он был «Байрон больше самого Байрона»: но какой же «Байрон», если б ему еще вырасти, был, однако, христианин?!!

*

В его *греческих* повестях («Из жизни христиан в Турции»**), где он описывает довольно *красочную жизнь* его отношение к Церкви и христианству — гораздо менее пылко, чем в теории («Восток, Россия и славянство»***). Там, о бок с турками и гаремами, рассказывая о разбойниках и повстанцах, «на которых такие красивые фустанеллы»****, он забывает о «старом муже» своих теорий, похваливает мусульманство, дает теплые слова о древнеязыческой жизни, и даже раза два с пера его соскальзывает выражение: «христианство немножко уж устарело», и, особенно, это томительное его «одноженство». Буржуа, француз, европеец — далеко. Леонтьев отдыхает. Он закуривает кальян, становится в высшей сте-

пени добродушен, язык его не раздражителен, мысли успокоены. Синие фустанеллы и красные фески дали бальзам на его нервы и, поталкиваясь локтями между пашой, старым епископом и разбойником Сотири,* который переодетым пришел на праздник в деревушку, он шепчет с равным благодушием им всем о танцующих крестьянских девушках, болгарках и гречанках:

— Паша! зачем ты прячешь своих дочерей и жен? Это — единственный закон у вас, который мне не по душе. Я — широкий русский человек, и мне — чтобы все было на скатерти. Если бы турчанки тоже присоединились к гречанкам и болгаркам, нам было бы так же хорошо, как счастливым эллинским мужам VI века до Р. Хр., где-нибудь на о. Хиосе, когда они следили пляски дев и юношей под Вечным Небом Эллады...

* * *

«Марксисты», «экономическая борьба», «положение рабочих»: но садясь в карты, почему-то предпочитает vis-à-vis с генералом. И при «недохватке» все одождается «до среды» у генерала. А в среду по рассеянности забывает.

(виденное и слышанное)

* * *

Растопырив ноги и смотря нахально на учительницу, Васька (3-й класс Тенишевского) повторяет:

— Ну... ну... ну «блаженные нищие духом». Ну... ну... ну... (забыл, а глаза бессовестные).

Что ему, тайно пикирующемуся с учительницей, эти «блаженны нищие духом»...

И подумал я:

— В Тайну, в Тайну это слово... замуровать в стены, в погреб, никому не показывать до 40 лет, когда начнутся вот страдания, вот унижения, вот неудача жизни: и тогда подводить «жаждущего и алчущего» к погребу и оттуда показывать, на золотом листке, вдали:

Блаженны нищие духом!..

Боже мой: да ведь это и сказано «нищим духом», еще — никому, и никому — не понятно, для всех это «смех и глупость», и сила слова этого только и открыва-

ется в 40 лет, когда жизнь прожита. Зачем же это Васильке с растопыренными ногами, это «метание бисера перед свиньями».

* * *

Величественный шарлатан.

Шарлатаны вообще бывают величественны... Это я только под старость узнал.

И пользуются в обществе непререкаемым авторитетом.

*

Нет, уж лучше положиться на «чинушу» 20-го числа. Помусолится и все-таки что-нибудь сделает. Обругает, сгрубит, за шиворот возьмет, а не оберет.

Как нескольких литераторов безжалостно и бесстыдно обобрал издатель «Декабристов» и «Жизни Иисуса», с таким портретом Ренана, который стоил чуть не 1000 руб. *

*

Величественный шарлатан, с такой германской походкой, погубил и мамочку, объявляя себя (в «указателе») врачом по нервным болезням, 5 лет ездя к страдающей «чем-то нервным», и не понимая, что означают *неравномерно расширенные зрачки*. Видел их 5 лет и не понимал — что это? почему?

*

Да и сколько врачей видели эти зрачки. Мержеевский (в Аренсбурге), Розенблюм (в Луге), Наук, княжна Гедройц, Райвид; ** и никто не сказал: «вы видите это, это — глубокое страдание, надо лечить».

И мамочка была бы спасена.

Карпинский первый сказал, и уперся, отверг нелепый диагноз Бехтерева («уверяю вас, что ничего нет») и схватился лечить 14 лет запущенную болезнь. Дай Бог ему всего доброго. Карпинский — доброе, прекрасное имя в моей биографии, благодетель нашей семьи. Как Бехтерев — погубитель.

* * *

Удивительный рассказ Варвары Андреевны: у княгини NN были 2 дочери и сын, лицеист или кадет, не упомню. Но — не высшего учебного заведения. У не-

го бывали товарищи, и одному из этих кадетиков нравилась старшая дочь, пышная, большерослая. Но при всем росте она была спокойного характера, тогда как меньшая ее сестра, худенькая и небольшая, так и пылала. — Рассказчица не понимала, — мое же наблюдение, что вообще пыл пола или разворачивается в рост и, потратя силы свои «на произведение своего же тела», успокаивается; или же он в рост не разворачивается, и тогда весь сосредоточивается в стрелу пола, — и эта стрела сильно заострена и рвется с тетивы. — Мать, заметив чувство юноши, почти отрока, в конце зимы отозвала его в сторону и спросила: «Вам нравится моя старшая дочь?» Тот вспыхнул и замялся... «— Да...» «Ну, я вижу, что если и нравится, то не безотвязно. Вот что: женитесь на младшей. Она и по годам больше вам подходит». Тот выразил согласие. «И — теперь. Гражданского брака я не хочу. Законный брак кадетам не дозволен. Но я — княгиня, у меня есть связи, и я все устрою». Действительно, жениться ему было все равно как бы гимназисту — нельзя. Она поехала, упростила. Может быть, и сказала лишнее, напр., что дочь «в положении», и ей дали согласие на *негласную женитьбу юноши, с правом продолжать ему учение*. И вот, мать сейчас их обвенчала, и, затем, молодой муж — опять сейчас в школу, но должен был приезжать к теще и жене по воскресеньям и (почему-то) четвергам. Квартирка у них была маленькая — именье распродали отец, — и она, отделив молодым комнату, сама со старшей дочерью помещалась в другой. Сыну же кадету сказала, что он может являться днем в дом, а ночевал бы в школе. «Нет комнаты, взята под молодых». Так и было. — «А старшая?» — спросил я. — «Через два года тоже вышла замуж». Но слушайте дальше. Эта маленькая и худенькая удивительно расцвела в замужестве, пополнела, подобрела. И через год у нее был ребенок, а через два — двое детей. Первый — красота мальчик, и родился огромный. Княгиня вынесла из их спальни к гостям и, подкидывая на ладони, воскликнула: «Вот какой! Видите! А все — *мой* ум. Отец его — не истасканный, свеженький. Дочь моя вся чистая — еще с неиспорченным воображением. И принесли мне такого внука!»

Вот до этой *государственной* мудрости старой княгини не додумаются ни министерства наши, ни старые митрополиты, заседающие в Синоде и устрояющие брак в стране.

Ведь же анкета показала, что приблизительно с VI класса гимназии *все* учащиеся вступают в полосу пере-
межающегося с проституцией онанизма. Одно — или
другое. Не одно — *так* другое. Не *оба* ли, однако, ужас-
ны? Если бы в государственных учреждениях была $\frac{1}{10}$
доля ума этой княгини, то, конечно, не только *разрешен*
бы был брак гимназистам и гимназисткам, но он был бы
вообще сделан *обязательным* для 16-ти (юношам) и 14
 $\frac{1}{2}$ (чтобы не испортилось именно *воображение*) лет де-
вушкам; и чтобы соблюдение этого было предоставлено
согласованным усилиям родителей и начальств учебных
заведений, но обеими сторонами — *непрерывно* исполне-
но, без чего не дается «свидетельство об окончании кур-
са». В самом деле, «мечта» и «роман» могут поместить-
ся и внутри брака, настать «потом», в супружестве. Ведь
женится же *обязательно* все сплошь духовенство перед
посвящением. И — ничего. Не стонут. И даже «плодови-
тое духовенство» одно поддерживает честь русской рож-
даемости. Вообще «роман», конечно, важен и его не от-
рицаю: но только мне хочется, чтобы он не был воздуш-
ным, а хлебным. Поразительная история «изнасилова-
ний» и «соблазнений» почти в одно слово говорит при-
мерами, что к первому «посягнувшему» девушка чувст-
вует на всю жизнь необыкновенную привязанность, ко-
торую не погашают все последующие невольные связи,
«перехождения из рук в руки», и вся вообще ужасная
судьба. И «первый», собственно, остается мужем, а пос-
ледующие — безвпечатлительны. Этот закон до такой
степени всеобщ, что именно на нем нужно установить
норму супружества *в стране*: пробудится любовь непре-
менно к первому и сохранится на всю жизнь, если «да»
было произнесено без отвращения, искренно, хотя бы и
без пыла и «романа».

В Ельце М. А. Ж-ков (несколько дочерей краса-
виц):

— Надо выдавать дочь, пока *она еще не стала выби-
рать*.

И выходили. И жили. — Положим, здесь возможна и
трагедия, будут трагедии, — в $\frac{1}{2}\%$. Как в $\frac{1}{2}\%$ они
есть и теперь, при долголетних «выборах» и полной люб-
ви. Собственно «роман» есть пар, занимающий пустое
место при не наступившем *вовремя* супружестве. Розо-
вый пар. И его вовсе не нужно при нормальном супру-
жестве. Супружество — заповедь Божия, с молитвами.
А без «Птички Божией» можно и обойтись.

Так-то, девушки,— подумайте об этом. Подумайте, когда станете матерями.

Спасибо Варваре Андреевне за рассказ. Он поучителен. Особенно для министров и архиереев. Сама она — замужняя и добродетельная, урожденная — Г

* * *

Глупа ли моя жизнь?
Во всяком случае не очень умна.

* * *

Хочу ли я играть роль?
Ни — малейшего (жел.).

*

Человек без роли?
— Самое симпатичное существование.

* * *

У меня есть какой-то фетишизм мелочей. Мелочи суть мои «боги».

*

Все «величественное» мне было постоянно чуждо.
Я не любил и не уважал его.

* * *

Я весь в корнях, между корнями. «Верхушка дерева» — мне совершенно непонятно (непонятна эта ситуация).

*

Дует ветер. Можно упасть. Если «много видно», то я все равно не посмотрю.

Это Николай Семеныч (Мусин, учитель русского языка в Костроме,— благороднейший челов.) говорил:

— Хе,— ты дурак. Не видал, есть ли сено на базаре. А проходил (к нему в дом) базаром.

Я действительно не видал, проходя по Сенной (Павловская площадь).

У Ник. Семен. подбородок был брит, как и верхняя губа,— и волосы, полуседые, вершка в 1½ шли только около горла с лица книзу. Это было некрасиво, но какой он был весь добрый, «благодой».

У него была дочь Катя, 7 лет, и мамаша посылали «погостить к ним». Тщетно он показывал мне какой-то атлас с гербами, коронами и воинами. По-немецки. Я держался за стул и плакал.

Мне были непереносимы их крашенные полы и поринок везде. Красота. У нас было холодно, не метено. И мне хотелось домой.

Так как рев мой не прекращался, меня отправляли домой.

Дома был сор, ссоры, кулево, квас, угрюмость мамаш и вечная опасность быть высеченным.

* * *

Вообще литература, конечно, дрянь (мнение и Фл.), — но и здесь «не презирай никакого *состояния в мире*», и ты иногда усмотришь нечто прекрасное.

Прихожу в «Бюро газ. вырезок», вношу 10 р. И очень милый молодой заведующий разговорился со мною:

— Мое дело — ужасно хлопотливое. Вы говорите, чтобы я присылал, «дожидаясь пачек», и разом, сокращая марки. А сколько неприятностей по телефону: «Обо мне была утром статья — почему *не присылаете?*» Оправдываюсь: «Получите — *утром* завтра». — «Нет. Сегодня. Вы должны *два раза в день*».

Еще. Я выходя говорю:

«А ядовитое это дело «Бюро вырезок». Собственно, оно бесконечно *портит литературу*, отнимая у авторов талант и достоинство. Он прочитает о себе гадость, расстроится и, бедный, весь день не может писать. Тут не одна слава, а хлеб. Я об этом *думаю написать*. Т. е. чтобы не выписывали».

Испугался:

— Ради Бога — не пишите. В нашем Бюро 40 студентов «вырезают вырезки», и оно учреждено по мысли и под покровительством Государыни Императрицы...

Я обещал (т. е. не писать).

— Ужасно нервный народ (т. е. писатели). С утра — звонки. Входит писатель, весь расстроенный, и говорит, что он «не говорил *этого*», в чем его упрекает рецензент, а говорил «вот *то-то*», и ошибиться в смысле могло только злое намерение. И дает — *читать*: «Посудите! Взгляните!» Он улыбнулся... «Мы же ведь *не читаем* всего этого: куда! 100 газет!! А только студент-труженик бежит

не читая по строкам — до *большой буквы и фамилии* и, увидя ее,— отхватывает статью ножницами...»

И моментально мне представились эти «взволнованные писатели», и что они — вовсе не то, что «обычный журналист», который в великой силе своей уже «ни на что не обращает внимания», и разговаривает в печати не иначе как с министрами, да и тем «чихает в нос» или «хватает его за фалды», как собачонка медведя...

И я думаю, что как полное ремесло, сапожное ремесло — литература имеет в себе качества и достоинства, и вообще человеческое в ней не утратилось. Я припоминаю приемную какой-то редакции, лет 20 назад, когда и я начинал. Редактор долго не принимал, все мы были (должно быть) с рукописями, я прохаживался, а в стуле сидел довольно «благообразный» литератор, «кудри» и «этак». Спокойно и с важностью.

Я ходил по одной диагонали комнаты, а по другой диагонали ходил с длиннейшими волосами и в плохоньких очках «некто»...

Он был мал ростом. Весь заношен. Беден. И, очевидно, «с выпивкой». Время было радикальное (очень давно). И, очевидно, его оскорбляло спокойное сиденье того благообразного литератора.

Он непременно хотел ему «сказать что-то».

Он ходил нервно, наконец вынул папиросу — и...

Александр Македонский так не двигался на индийского царя Пора, как он, весь негодуя, трясаясь (смущение, страх и обида на свой страх), подошел и с мукой — и оскорбляя, игнорируя, а в то же время и боясь невежливого отказа,— сказал:

— Вы мне позволите закурить.

Тот курил. И подал папиросу. Вообще я согласен, что «тот» царь Пор был отвратительное существо: но этот наш бедный русский петух...

Я совершенно уверен, что он никогда не солгал в своей действительно «честной литературе», что он мнил «нести службу отечеству» и *действительно ее нес*. Обличал, укорял, требовал правды. Что же, господа, если мы уважаем полицейского, который мокнет на углу улиц для «упорядочения езды», как мы пройдем мимо «такого страдальца за русскую землю», который всю жизнь пишет, получает гроши, бьется с женой и ребятишками... И мучится, мучится: пылает, действительно пылает. Хворает, и «нет денег», и теперь только скорбно смотрит «на портрет Белинского».

Вот, господа. Так оставим высокоумие и протянем руку другу нашему, доброму хранителю провинции, смелому хватателю воров (казенных) etc. etc. *Настоящего литератора* закрыла от нас действительно хлестаковская мантия столичного фельетониста или самоупоенного передовика, он же приват-доцент местного университета. Но «не ими свет кончается». Есть доброе и сильное и честное в литературе; есть (нужда) бесконечно в ней страдающее. Такой литератор — народный учитель, т. е. то же, что труженик сельской или городской школы.

И поклонимся ему... Не все цинично на Руси. И не все цинично в литературе.

* * *

Толстой искал «мученичества» и просился в Шлиссельбург посидеть рядом с Морозовым.*

— Но какой же, ваше сиятельство, вы Морозов? — ответило правительство и велело его, напротив, охранять.

А между тем мученичество просилось ему в сумку: это — потрянуть «популярностью», отказаться от быстрой раскупки книг и от «отзывов печати». Но что делать. Добчинский залезает иногда даже в Сократа, а 50 коп. поп кладет в карман после того, как перед ним рыдала мученица, рассказывая долгую жизнь. И Т. положил свои 50 коп. (популярность) в карман.

* * *

Одна лошадь, да еще старая и неумная, везет телегу: а дюжина молодцов и молодых сидят в телеге и орут песни.

*

И песни то похабные, то заунывные. Что «весело на Руси», и что «Русь пропадает». И что все русских «обижают».

Когда замедляется, кричат на лошадь:

— Ну, вези, старуха.

И старуха опять вытягивает шею, и напрягаются жилы в пахах.

(мое отечество).

* * *

Теперь все дела русские, все отношения русские сложились «евреем». Нет вопроса *русской жизни*, где «запятой» не стоял бы вопрос: «как *справиться с евреем*», «*куда его девать*», «как бы он не *обиделся*».

При Николае Павловиче этого всего в помине не было. Русь может быть не растет, но еврей во всяком случае растет.

* * *

Дешевые книги — это некультурность. Книги и должны быть дороги. Это не водка.

Книга должна отвертываться от всякого, кто при виде на цену ее сморщивается. «Проходи мимо,— должна сказать ему она и, кивнув в сторону «газетчика на углу», прибавить,— бери их».

Книга вообще должна быть горда, самостоятельна и независима. Для этого она прежде всего д. быть дорога.

(за газетами утром).

* * *

Валят хлопья снега на моего друга, заваливают до плеч, головы...

И замерзает он и гибнет.

А я стою возле и ничего не могу сделать.

(*«надо показать 3-му специалисту: мы не понимаем этих явлений. Это — не наша, а другая какая-то болезнь». Крепилась. Пока не говорила, как замерзла. И за обедом молчала. А после обеда она легла на кушетку и заплакала. «Все болезни», «болезни». С этой стороны все было хорошо после лечения; и вдруг — опять худо».*

16 октября 1912 г.).

* * *

Болит ли Б. о нас? Есть ли у Б. боль по человеку? Есть ли у Б. вообще *боль*: как по свойствам бытия Б-жия (по схоластике).

(еду за деньгами).

* * *

Все глуше голоса земли...

И — не надо.

Только один слабый надтреснутый голосок всегда будет смешиваться с моими слезами.

И когда и он умолкнет для меня, я хочу быть слепым и глухим в себе самом, an und für sich.

(поздно ночью на даче и всегда).

Р. С. К стр.1-й «Опавших листьев»: по поводу мысли о печатной литературе за три последние года,— об изменении тона и отчасти тем ее.

Р. Р. С. Место и обстановка «пришедшей мысли» везде указаны (абсолютно точно) ради опровержения фундаментальной идеи сенсуализма: «*nihil est in intellectu, quod non fuerat in sensu*» *. Всю жизнь я, наоборот, наблюдал, что *in intellectu* происходящее находится в полном разрыве с *quod fuerat in sensu*. Что вообще *жизнь души* и *течение ощущений*, конечно, соприкасаются, отталкиваются, противодействуют друг другу, совпадают, текут параллельно: но лишь в *некоторой* части. На самом же деле *жизнь души* и имеет другое русло, *свое самостоятельное*, а, самое главное,— имеет другой *исток*, другой себе толчок.

Откуда же?

От Бога и рождения.

Несовпадение внутренней и внешней жизни, конечно, знает каждый в себе: но в конце концов с *очень ранних лет* (13-ти, 14-ти) у меня это несовпадение было до того разительно (и тягостно часто, а «служебно» и «работно» — глубоко вредно и разрушительно), что я бывал в постоянном удивлении этому явлению (*степени* этого явления); и пища здесь вообще все, что поражало и удивляло меня», как и что «нравится» или очень «не нравится», записал и это. Где против «природы вещей» (время и обстановка записей) нет изменения ни йоты.

Это *умственно*. Есть для этих записей обстановка и времени и моральный мотив, о котором когда-нибудь потом.

ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ

Короб второй

Чем старее дерево, тем больше падает с него листьев. Завещая по «†» моей перепечатывать все аналогичные и продолжающие «Уедин.» и «Опав. листья» книги в том непременно виде, как напечатаны они (т. е. с новой страницы каждый новый текст), я, в целях компактности и, след., ускорения печатания «павших листов», отступаю от прежней формы, с крайним удручением духа.

«Опав. листья» изд. 1913 г. представляют $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ того, что записалось за 1912 г., причем печатались они в таком состоянии духа, что я их почти не приводил в порядок хронологически. Так, все помеченное «Клиника Елены Павловны» — относится к октябрю, ноябрю и декабрю месяцам, и должно быть отнесено в конец издания за этот год. Вообще же печатающееся ныне должно быть как бы «стасовано» («тасуем карты») с изданным в 1913 году — листок за листом — и, во всяком случае, не в том порядке и виде, как было издано в 1913 г.

Во 2-м коробе листы лежат в строгом хронологическом порядке, насколько его можно было восстановить по пометкам и по памяти.

Самая почва «нашего времени» испорчена, отравлена. И всякий дурной корень она жадно хватает и произращает из него обильнейшие плоды. А добрый корень умерщвляет.

(смотря на портрет Страхова: почему из «сочинений Страхова» ничего не вышло, а из «сочинений Михайловского» вышли школьные учителя, Тверское земство и множество добросовестно работающих, а частью только болтающих, врачей).

* * *

Страшная пустота жизни. О, как она ужасна...

* * *

Теперь в новых печках повернул ручку в одну сторону — труба открыта, повернул в другую сторону — труба закрыта.

Это не благочестиво. Потому что нет разума и заботы.

Прежде, возьмешь маленькую вьюшку — и надо ее не склонить ни вправо, ни влево — и она ляжет разом и приятно. Потом большую вьюшку — и она покроет ее, как шапка.

Это правильно.

Раз я видел новое жнитво: не мужик, а рабочий сидел в чем-то, ни — телега, ни — другое что, ее тянула пара лошадей; колымага колыхалась, и мужик в ней колыхался. А справа и слева от колымаги, как клешни, вскидывались кверху не то косы, не то грабли. И делали дело, не спорю — за двенадцать девушек. Только девушки-то эти теперь сидели с молодцами за леском и финтили. И сколько им ни наработает рабочий с клешнями, они все профинтят.

Выйдут замуж — и профинтят мужнее.

Муж, видя, что жена финтит, — завел себе на стороне «азнобушку».

И повалилось хозяйство.

И повалилась деревня.

А когда деревни повалились — зачернел и город.

Потому что не стало головы, разума и Бога *

* * *

Несут письма, какие-то теософические журналы (не выписываю). Какое-то «Таро»... Куда это? зачем мне? «Прочти и загляни».

Да почему я должен во всех вас заглядывать?

* * *

То знание ценно, которое острой иголкой прочертило по душе. Вялые знания — бесценны.

(на поданной почтовой квитанции).

* * *

С выпученными глазами и облизывающийся — вот я. Некрасиво?

Что делать.

* * *

...иногда кажется, что во мне происходит разложение литературы, самого *существа* ее. И, может быть, это есть мое мировое «emploi»**. Тут и моя (особая) мораль, и имморальность. И вообще мои дефекты и качества. Иначе, нельзя понять. Я ввел в литературу самое мелочное, мимолетное, невидимые движения души, паутинки быта. Но вообразить, что это было возможно потому, что «я захотел», никак нельзя. Сущность гораздо глубже, гораздо лучше, но и гораздо страшнее (для меня): безгранично страшно и грустно. Конечно, не бывало еще примера, и повторение его немыслимо в мироздании, чтобы в тот самый миг, как слезы текут и душа разрывается — я почувствовал безошибочным ухом слушателя, что они текут литературно, музыкально, «хоть записывай»; и ведь только потому я записывал («Уединенное», — девочка на вокзале, вентилятор)***. Это так чудовищно, что Нерон бы позавидовал; и «простимо» лишь потому, что фатум. Да и простимо ли?.. Но оставим грехи; таким образом явно во мне есть какое-то завершение литературы, литературности, ее *существа*, — как потребности отразить и выразить. Больше что же еще выражать? Паутины, вздохи, *последнее уловимое*. О, фантазировать, творить еще можно, но ведь суть литературы

не в *вымысле же*, а в потребности *сказать сердце*. И вот с этой точки я кончаю и кончил. И у меня мелькает странное чувство, что я *последний* писатель, с которым литература вообще прекратится, кроме хлама, который тоже прекратится скоро. Люди станут просто *жить*, считая смешным и ненужным, и отвратительным литераторствовать. От этого, может быть, у меня и сознание какого-то «последнего несчастья», сливающегося в моем чувстве с «я». «Я» это ужасно, гадко, огромно, трагично последней трагедией: ибо в нем как-то диалектически «разломилось и исчезло» колоссальное тысячелетнее «я» литературы.

— Фу, гад! Исчезни и пропади!

Это частное мое чувство. И как тяжело с ним жить.

(дожидаясь очереди пройти исповедоваться).
(1-я гимназия).

*

Какие добрые бывают (иногда) попы. Иван Павлович взял под мышку мою голову и, дотронувшись пальцем до лба, сказал: «Да и что мы можем знать с нашей *черепушкой?*» (мозгом, разумом, черепом). Я ему сказал разные экивоки и «сомнения» за годы Рел.-фил. собраний. И так сладко было у него поцеловать руку. Исповедовал кратко. Ждут. Служба и доходы. Так «быт» мешается с небесным глаголом — и не забывай о быте, слушая глагол, а, смотря на быт, вспомни, что ты, однако, слышал и глаголы. Но Слободской — глубоко бескорыстен. Спасибо ему. Милый. Милый и умный (очень).

* * *

Есть люди, которые рождаются «ладно» и которые рождаются «не ладно».

Я рожден «не ладно»: и от этого такая странная, колючая биография, но довольно любопытная.

*

«Не ладно» рожденный человек всегда чувствует себя «не в своем месте»: вот, именно, как я всегда чувствовал себя.

Противоположность — бабушка (А. А. Руднева). И ее благородная жизнь. Вот кто родился... «ладно». И в бедности, ничтожестве положения — какой непрерывный свет от нее. И польза. От меня, я думаю, никакой «пользы». От меня — «смута».

* * *

Я мог бы наполнить багровыми клубами дыма мир...
Но не хочу.

<«Люди лунного света» (если бы настаивать);
22 марта 1912 г.>

И сгорело бы все... Но не хочу.

Пусть моя могилка будет тиха и «в сторонке».

(«Люди лун. св.», тогда же).

* * *

Работа и страдание — вот вся моя жизнь. И утешение — что я видел заботу «друга» около себя.

Нет: что я видел «друга» в самом себе. «Портретное» превосходило «рабочее». Она еще более меня страдала и еще больше работала.

Когда рука уже висела — в гневе на неподвижность (весна 1912 года), она, остановясь среди комнаты, — несколько раз взмахнула обеими руками: правая делала полный оборот, а левая поднималась только на небольшую дугу, и со слезами стала выкрикивать, как бы топая на больную руку:

— Работай! Работай! Работай! Работай!

У ней было все лицо в слезах. Я замер. И в восторге, и в жалости.

(левая рука имеет жизнь только в плече и локте *).

* * *

«Ты тронь кожу его», — искушал Сатана Господа об Иове...**

Эта «кожа» есть у всякого, у всех, но только она не одинаковая. У писателей, таких великодушных и готовых «умереть за человека» (человечество), вы попробуйте задеть их *авторство*, сказав: «Плохо пишете, господа, и скучно вас читать», — и они с вас кожу сдерут. Филантропы, кажется, очень не любят «отчета о деньгах». Что касается «духовного лица», то оно, конечно, «все в благодати»: но вы затроньте его со стороны «рубля» и наград — к празднику — «палицей»***, крестом или камилавкой: и «лицо» начнет так ругаться, как бы русские никогда не были крещены при Владимире...

(получив письмо попа Альбова).

*

Ну, а у тебя, Вас. Вас., где «кожа»?

Сейчас не приходит на ум, но, конечно,— *есть*.

*

Поразительно, что у «друга» и Устьинского нет «кожи». У «друга» — наверное, у Устьинского — кажется, наверное. Я никогда не видел «друга» оскорбившимся и в ответ разгневанным (в этом все дело, об этом Сати на и говорил). Восхитительное в нем — полная и спокойная гордость, молчаливая, и которая ни разу не сжались, и, разогнувшись пружиной, ответила бы ударом (в этом дело). Когда ее теснят — она посторонится; когда нагло смотрят на нее — она отходит в сторону, отступает. Она никогда не поспорила, «кому сойти с тротуара», кому стать «на коврик», — всегда и первая уступая каждому, до зова, до спора. Но вот прелесть: когда она отступала — она всегда была царицею, а кто «вступал на коврик» — был и казался в этот миг «так себе». Кто учил?

Врожденное.

Прелесть манер и поведения — всегда. врожденное. Этому нельзя научить и выучиться. «В моей походке — душа». К сожалению, у меня, кажется, преотвратительная походка.

* * *

Цензор только тогда начинает «понимать», когда его Краевский с Некрасовым кормят обедом. Тогда у него начинается пищеварение, и он догадывается, что «Щедрина надо пропустить».

*

Один 40-ка лет сказал мне (57 л.): «Мы понимаем все, что и вы». — Да, у них «диплом от Скабичевского» (кончил университет). Что же я скажу ему? — «Да, я тоже учился только в университете, и дальше некуда было пойти». Но печальна была бы образованность, если бы дальше нас и цензорам некуда было «ходить».

Они грубы, глупы и толстокожи. Ничего не поделаешь.

Из цензоров был *литературен* один — Мих. П. Соловьев. Но на него заорали Щедрины: «Он нас не пропускает! Он консерватор». Для всей печати «в цензора» желателен один Балалайкин, человек ловкий, обходи-

гельный и либеральный. Уж при нем-то литература процветет.

(арестовали «Уедин.»
по распоряжению петроградск. цензуры).

* * *

Почему я издал «Уедин.»?

Нужно.

Там были и побочные цели (главная и ясная — со-единение с «другом»). Но и еще, сверх этого, слепое, неодолимое.

НУЖНО

*

Точно потянуло чем-то, когда я почти автоматически начал нумеровать листочки и отправил в типографию.

* * *

Да, «эготизм»: но чего это стоило!

*

Отсюда и «Уед.» как попытка выйти из-за ужасной «занавески», из-за которой не то чтобы я не хотел, но не мог выйти...

Это не физическая стена, а духовная, — о, как страшной физической.

*

Отсюда же и привязанность или, вернее, какая-то таинственная *зависимость* моя от «друга»... В которой *одной* я сыскал что-то *нужное* мне... Тогда как суть «стены» заключается в «не нужен я» — «не нужно *мне*»... Вот это «не нужно» до того ужасно, плачевно, рыдательно, это такая метафизическая пустота, в которой невозможно жить: где, как в углекислоте, «все задыхается».

И между тем во мне есть «дыханье». «Друг» и дал мне возможность дыхания. А «Уед.» есть усилие расширить дыхание, и прорваться к людям, которых я искренне и глубоко люблю.

Люблю, а не чувствую. Ловлю — но воздух. И как будто хочу сказать слово, а пустота не отражает звука.

Ведь я никогда не умел себе представить читателя (совет Страхова). Знал — читают. И как будто не чита-

ют. И «не читают», «не читает ни один человек» — живее и действительнее, чем что читают многие.

И тороплюсь издавать. Считаю деньги. Значит, *знаю*, что «читают»: но момент, что-то перестроилось перед глазами, перед мыслью, и — «не читают» и «ничего вообще нет».

Как будто глаз мой (дух) на уровне с доской стола. И стол — тоненький лист. Дрогнуло: и мне открыто *под столом* — совсем другое, нежели *на столе*. Зрение переместилось на миллиметр. «На столе» — наша жизнь, «читаю», «хлопочу»; «под столом» — ничего вообще нет или совсем другой вид.

* * *

Любить — значит «не могу без тебя быть», «мне тяжело без тебя», «везде скучно, где не ты».

Это внешнее описание, но самое точное.

Любовь вовсе не огонь (часто определяют), любовь — воздух. Без нее — нет дыхания, а при ней «дышится легко».

Вот и все.

* * *

Печальны и запутанны наши общественные и исторические дела... Всегда передо мною гипсовая маска покойного нашего философа и критика Н. Н. Стрхова — снятая с него в гробу. И когда я взглядываю на это лицо человека, прошедшего в жизни нашей какой-то тенью, а не реальностью, — только от того одного, что он не шумел, не кричал, не агитировал, не обличал, а сидел тихо и тихо писал книги, — у меня душа мутится...

Судьба Константина Леонтьева и Говорухи-Отрока...

Да и сколько таких. Поистине, прогресс наш может быть встречен словами: «*morituri te salutant*» * — из уст философов, поэтов, одиночек-мыслителей. «Прогресс наш» совершился при «непременном требовании» — как говорится в полицейских требованиях и распоряжениях, — чтобы были убраны «с глаз долой» все люди с задумчивостью, пытливостью, с оглядкой на себя и обстоятельства.

С старой любовью к старой родине...

Боже! если бы сотысячная, пожалуй, даже миллионная толпа «читающих» теперь людей в России с таким

же вниманием, жаром, страстью прочитала и *продумала* из страницы в страницу Толстого и Достоевского, — задумалась бы над каждым их рассуждением и каждым художественным штрихом, — как это она сделала с *каждою страницей* Горького и Л. Андреева, то общество наше выросло бы *уже теперь* в страшно серьезную величину. Ибо даже без всякого *школьного учения*, без знания *географии* и *истории*, — просто «передумать» только Толстого и Достоевского значит стать как бы Сократом по уму, или Эпиктетом, или М. Аврелием — люди тоже не очень «знавшие географию» и «не кончившие курса в гимназии».

Вся Греция и Рим питались только литературою: школ, в нашем смысле, вовсе не было! И как возросли. Литература собственно есть *естественная школа* народа, и она может быть *единственною* и *достаточною* школою... Но, конечно, при условии, что весь народ читает «Войну и мир», а «Мальву» и «Трое» Горького читают только специалисты-любители.

И это *было бы*, конечно, если бы критика, печать так же «задыхались от волнения» при появлении каждой новой главы «Карениной» и «Войны и мира», как они буквально задыхались и продолжают задыхаться при появлении каждой «вещи» в 40 страничек Леонида Андреева и М. Горького.

Одно это неравенство вновь отодвинуло на сто лет назад русское духовное развитие — как бы вдруг в гимназиях были срезаны старшие классы и оставлены одни младшие, одна прогимназия.

Но откуда это? почему?

Как же: и Л. Андреев, и М. Горький были «прогрессивные писатели», а Достоевский и Толстой — русские одиночки-гении. «Гений — это так мало»...

Достоевский, видевший все это «сложение обстоятельств», желчно написал строки:

«И вот, в ХХІ столетии, при всеобщем реве ликующей толпы, блудник с сапожным ножом в руке поднимается по лестнице к чудному Лику Сикстинской Мадонны: и раздерет этот Лик во имя всеобщего равенства и братства»... «Не надо гениев: ибо это — аристократия»*. Сам Достоевский был бедняк и демократ; и в этих словах, отнесенных к будущему торжеству «равенства и братства», он сказал за век или за два «отходную» будущему торжеству этого строя.

* * *

Чего я совершенно не умею представить себе — это чтобы он запел песню или сочинил хоть в две строчки стихотворение.

В нем совершенно не было певческого, музыкального начала. Душа его была совершенно без музыки.

И в то же время он был весь шум, гам. Но без нот, без темпов и мелодии.

Базар. Целый базар в одном человеке. Вот — Герцен. Оттого так много написал: но ни над одной страницей не впадет в задумчивость читатель, не заплачет девушка. Не заплачет, не замечается и даже не вздохнет. Как это бедно. Герцен и богач, и бедняк.

* * *

«Я до времени не беспокоил ваше благородие по тому самому, что мне хотелось накрыть их тепленькими».

Этот фольклор мне нравится.

Я думаю, в воровском и в полицейском языке есть нечто художественное.

Сюда Далю не мешало бы заглянуть.

*(на процессе Бутурлина мелкий чиновник,
выслеживавший в подражание Шерлоку Холмсу
Обриена-де-Ласси и Панченко).*

* * *

Вся «цивилизация XIX-го века» есть медленное, неодолимое и, наконец, восторжествовавшее просачивание всюду кабака.

Кабак просочился в политику — это «европейские (не английский) парламенты».

Кабак прошел в книгопечатание. Ведь до XIX-го века газет почти не было (было кое-что), а была только литература. К концу XIX-го века газеты заняли господствующее положение в печати, а литература — почти исчезла.

Кабак просочился в «милое хозяйство», в «свое угодье». Это — банк, министерство финансов и социализм.

Кабак просочился в труд: это фабрика и техника.

Раз я видел работу «жатвенной машины». И подумал: тут нет Бога.

*

Бога вообще в «кабаке» нет. И сущность XIX-го века заключается в оставлении Богом человека.

* * *

Измайлов (критик) не верит, будто я «не читал Щедрина». Между тем как в круге людей нашего созерцания считалось бы невежливостью в отношении ума своего *читать* Щедрина.

За 6 лет личного знакомства со Страховым я ни разу не слышал произнесенным это имя. И не по вражде. Но — «не приходит на ум».

То же Рцы, Флоренский, Рачинский (С. А.): никогда не слыхал.

Хотя, конечно, все знали *суть* его. Но:

— Мы все-таки учились в университете.

(май 1912 г.).

* * *

Из всего «духовного» ему нравилась больше всего основательная дубовая кожаная мебель.

И чин погребения.

Входит в начале лета и говорит:

— Меня приглашают на шхуну, в Ледовитый океан. Два месяца плавания. Виды, воздух. Гостем, бесплатно.

— Какие же вопросы? Поезжайте!!

— И я так думал и дал согласие.

— Отлично.

— Да. Но я отказался.

— Отказались?!

— Как же: ведь я могу заболеть в море и умереть.

— Все мы умрем.

— Позвольте. Вы умрете на суше, и вас погребут по полному чину православного погребения. Все пропоют и все прочитают. Но на кораблях совершенно не так: там просто по доске спускают в воду зашитого в саван человека, прочитывая «напутственную молитву». Да и ее лишь на военном корабле читает священник, а на торговом судне священника нет, и молитву говорит капитан. Это что же за безобразие. Такого я не хочу.

— Но позвольте: ведь вы *уже умрете тогда*, — сказал я со страхом.

— Те-те-те... Я так не хочу!!! И отказался. Это безобразие.

Черные кудри его, по обыкновению, тряслись. Штаны хлопались, как паруса, около тоненьких ног. Штилеты были с французскими каблуками.

Мне почудилось, что через живого человека, т. е. почти живого, «все-таки», — оскалила зубы маска Вольтера.

(наш Мадмазелькин) *

* * *

Хороши делают чемоданы англичане, а у нас хороши народные пословицы.

(собираюсь в Киев). († Столыпина) **.

* * *

Только то чтение удовлетворительно, когда книга *переживается*. Читать «для удовольствия» не стоит. И даже для «пользы» едва ли стоит. Больше пользы приобретешь «на ногах» — просто живя, делая.

Я *переживал* Леонтьева (К.) и еще отчасти Талмуд***. Начал «переживать» Метерлинка: страниц 8 я читал неделю, впадая почти после каждых 8-ми строк в часовую задумчивость (читал в конке). И бросил от *труда* переживания — великолепного, но слишком утомляющего.

Зачем «читал» другое — не знаю. Ничего нового и ничего поразительного.

*

Пушкин... я его *ел*. Уже знаешь страницу, сцену: и перечтешь вновь; но это — *еда*. Вошло в меня, бежит в крови, освежает мозг, чистит душу от грехов. Его

Когда для смертного умолкнет шумный день ****.

одинаково с 50-м псалмом («Помилуй мя, Боже»). Так же, велико, оглушительно и религиозно. Такая же правда.

* * *

Слабохарактерность — главнейший источник неправды. Первая (неодолимая) неправда — из боязни обидеть другого.

И вот почему Бог не церемонится с человеком. Мы все церемонимся друг с другом, и все лжем.

(за нумизматикой).

* * *

Что я все нападаю на Венгерова и Кареева. Это даже мелочно...*

Не говоря о том, что тут никакой нет «добродетели».

*

Труды его почтенны. А что он всю жизнь работает над Пушкиным, то это даже трогательно. В личном обращении (раз) почти приятное впечатление. Но как взгляну на живот — уже пишу (мысленно) огненную статью.

* * *

Ужасно много *гнева* прошло в моей литерат. деятельности. И все это напрасно. Почему я не люблю Венгерова? Странно сказать: оттого, что толст и черен (как брюхатый таракан).

* * *

Александр Македонский с 30-тысячным войском решил покорить Монархии Персов. Это что нам, русским: Пестель и Волконский решили с двумя тысячами гвардейцев покорить Россию...

И пишут, пишут историю этой буффонады. И мемуары, и всякие павлиньи перья. И Некрасов с «русскими женщинами».

(на извощике).

* * *

Нужно разрушить политику... Нужно создать а-политичность. «Бог больше не хочет политики, залившей землю кровью»... обманом, жестокостью.

Как это сделать? Нет, как *возможно* это сделать?

Перепутать все политические идеи... Сделать «красное — желтым», «белое — зеленым» — «разбить все яйца и сделать яичницу»...

Погасить политическое пылание через то, чтобы вдруг «никто ничего не понимал», видя все «запутанным» и «смешавшимся»...

А, вам нравилось, когда я писал об «а-догматизме христианства», т. е. об отрицании *твердых*, жестких, неуступчивых костей, *линий* в нем... Аплодировали.

Но почему?

Я-то думал через это мягкое, нежное, во все стороны

подающееся христианство — указать возможность «спасти истину». Но аплодировали-то мне *не за это*, я это видел: а — что это сокрушает *догматическую церковь*... «Парное молоко потом само испарится; а пока и сейчас — сломать бы косточки, которые нам мешают и мы справиться с ними не умеем».

Меня пробрал прямо ужас ввиду всеобщих *культурно-разрушительных* тенденций нашего времени... «Все бы — нивелировать... Одна — *пустыня*»... Кому? Зачем?

А вот «нам», «политикам»... В стране, свободной от всего, от церкви, от религии, от поэзии, от философии, — Кузьмины-Караваевы и Алексинские* разгулялись бы...

Тогда пойдут иные речи... **

Но мне, ну вот, именно, *мне* (каприз истории), до последней степени тошно от этих речей. «Земля уже обернулась около оси», и «всемирная скука», указанием на которую я начал книгу о революции***, угрожает теперь с другой стороны — именно из «речей»...

Пусть они *потускнеют*...

Пусть *подсечется нерв в них*...

Савва в рассказе Максима Горького взрывает чудотворный образ, родник «народного энтузиазма» — «суеверного, ложного»****... Ну, хорошо. «Потому что христианства не нужно». Вся Россия аплодировала.

«Политики» стали пятой на горло невест, детей, вдов (случаи, на которых я остановился в печати)*****. «Кто не оставит отца и матери ради Имени Моего», — кричит политика... «И — детей, и — дома ваши»...

«Хорошо, хорошо», — слушаю я.

Теперь дайте же я полью серною кислотой в самый стержень, на коем «вертится» туда и сюда «политическая дверь»; капну кислотой в самую «сердечку», в самую «душку» их... Что такое? В — *политическое убеждение* (то же, что «догмат» в христианстве). Ну, как? «Спорят»... «партий».

— Господа, можно иметь *все убеждения*, принадлежать *ко всем партиям*... притом совершенно искренне! чистосердечно!! до истерики!!! В то же время не принадлежа и *ни к одной* и тоже «до истерики».

Я начал, но движение это пойдет: и мы, философы, религиозисты — люди уж, во всяком случае, «высшего этажа», чем в каком топчутся политики, — разрушим мыслью своею, поэзией своей, своим «другим огнем», своим жаром, — весь этот кроваво-гнойный этаж...

Ведь все партии *«доказывают друг другу»*... Но чего же мне (и «нам») *доказывать*, когда «мы» совершенно согласны»...

Согласны с *тоном* и «правых», и «левых»..., с «пафосом» их, и — согласны совершенно *патетически*.

Явно, что когда *лично* и персонально все партии сольются «в одной душе» — не для чего им и быть как *партиям* в *противолежании* и в *споре*... Партии исчезнут. А когда исчезнет их сумма — исчезнет и политика как *спор, вражда*.

Конечно, останется «управление», останется «ход дел» — но лишь в *эмпиризме* своем: «вот — *факт*», «потому что он — *нужен*»... Без всяких переходов в теорию и общую страсть.

«Нет-с, позвольте,— я *принципиально* этого не хочу»... Вот «принципиально»-то и будет вырвано из-под ног этих лошадей («политики»). — «Ты, пожалуйста, вози свой воз: а *принципы* — вовсе не дело вашего этажа». «О принципах» мы будем говорить с оракулами, первосвященниками, и у подножия той чудотворной иконы, которую взорвал ваш неумный Савва.

«Принципы»... о них будет решать «песенка Гретен», «принципы» будут решать «гуляки праздные» («Моцарт и Сальери»).

Будут решать «мудрецы» (в «Республике» Платона).

Если «политика» и «политики» так страстно восстали против религии, поэзии, философии, то ведь давно надо было догадаться, что, значит, *душа* религии, поэзии и философии в равной степени враждебна политике и пылает против нее... Что же скрывать? Политики давно «оказывают покровительство» религии, позволяют поэтам петь себе «достойные стихосложения», «гладят по головке» философов, почти со словами — «ты существо, хотя и сумасшедшее, но мирное». Вековые отношения... У «политиков» лица толстые, лоснятся... (почти все члены Г. Думы — огромного роста: замечательно!!). Лошадиная порода так и светит из существа дела, «призвания»...) Но не пора ли им сказать, что дух человеческий решительно не умещается в их кожу, что дух человеческий желает не таких больших ушей, что копыта — это мало, нужен и коготь, и крыло. «Мало, мало!» «Тесно, тесно!» Вот лозунг, вот будущее.

Но «переспорить» всех политиков решительно невозможно — такая порода.

Нужно со всеми ими — *согласиться!*

Тогда их упругие ноги (лошадиные) подкосятся; они упадут на колени, как скакун с невозможностью никуда бежать, с бесцельностью бежать. «Ты меня победил и, так сказать, пробежал все пространства, не выходя из ворот». Тогда он упадет.

* * *

«Перемена, перемена»... «изменчивость, изменчивость» — жалуются

Столпообразные руины...

— не замечая, что эта «изменчивость» входит в самый план мира... В самом деле, «по эллипсисам», — все «сбивающимся в одну сторону» от прямой линии, все «уклоняющимся и уклоняющимся» от прежнего направления, — движутся все небесные светила. И на этом основано *равновесие* вселенной. Самые «лукавые линии» приводят к вечной *устойчивости*. Не наблюдали ли вы в порядке истории, что *начала* всех вещей хороши... Прекрасно «начинались» папы **, когда в лагерь гуннов, к Атилле, они спешили, чтобы, поклонившись варвару, остановить поток полчищ перед ветхими, бессильными, но осмысленными старым смыслом городами Италии. Прекрасно волновалась Реформация... Революция в первых шагах — какой расцвет, рассвет... Да не хорошо ли начало всякой любви... И любви, и молитвы, и даже войны. Эти легионы, текущие к границам отечества, чтобы его защитить, — как они трогательны...

Но представьте-ка войну «без конца», влюбленность, затянувшуюся до 90 лет, папство без Реформации, Реформацию без отражения ее Тридентским собором ***.

И вот вещи «сгибаются на сторону» («эллипсис» вместо «прямой линии»), «лукавят», «дрожат»... Вещи — *стареют!!*. Как это страшно! Как страшна старость! Как она и, однако, радостна — ибо из «старости»-то все и юнеет, из «старости» возникает «юность» (*устойчивость* эллиптических линий)... Юная Реформация — из постаревшего католицизма, юное христианство — из постаревшего язычества, юная... новая жизнь, *vita nuova* — из беззубой политики... Так я думаю, так мне кажется. Тут (нападение на меня Струве, укоры и других) привходит мой «цинизм», «бесстыдство»****. Однако оглянитесь-ка на прошлое и вдумайтесь в корень жизни. С великих измен начинаются великие *возрождения*.

In nova fert animus *

Тот насаждает истинно новый сад, кто предает, предательствует старый, осевший, увядший сад... Глядите, глядите на удивительные вещи истории: христиане-воины *«бесстыдно»* изменяют твердыням Рима», бросая равнодушно на землю копье и щит; Лютер «ничего не чувствует при имени Папы и *нагло* отказывается повиноваться ему»... Певец ведь вечно «изменяет политике». Люди прежнего одушевления теряются, проклинают, упрекают в «аморализме», что есть в сущности «измена *нашей традиции*», «перерыв нашего *столбового (наследственного)* дворянства». Клянет язычник христианина, католик — лютеранина, и, глубже и основное всего — политик клянет поэта, философа, религиозного человека. Хватают «за полы» бесстыдных. Бессильно. Это Бог «переломил через колено» одну «прямую линию» истории и, бросив концы ее в пространство, повелел двигаться совсем иначе небесному телу, земле, луне, человеческой истории. «Мы же в руках Божиих и делаем то, что Он вложил нам»** и своею правдою, и своею неправдою, и своими качествами, и своими пороками даже, без коих «согнуться в складочку» не смог бы эллипсис, а ему это «нужно»... Великая во всем этом реальность: и «да будет благословенно Имя Господне вовек***

(размышляя о полемике со Струве).

* * *

8-ми лет. Мамаша вошла в комнату.

— Где сахар?

На сахарнице было кусков пять. Одного не доставало. Я молчал. Сахар съел я.

Она бурно схватила Сережу**** за белые волосы, больно-больно выдрала его. Сережа заплакал. Ему было лет 6. Я молчал.

Почему я молчал? Много лет (всю жизнь) я упрекал, как это было низко; и только теперь прихожу к убеждению, что низости не было. Ужасная низость, как бы клеветы на другого, получается в материи факта, и если глядеть со стороны. Но я промолчал от испуга перед гневом ее, бурностью, но *не оттого, что будет больно*, когда будет драть. Боль была пустяки. Она постоянно сердилась (сама была несчастна): а именно, как ветер сгибает лозину — гнев взрослого пригнул душонку 8-ми лет. У меня язык не шевелился.

Зато добрый поступок с Сережей. Мы бежали от грозы, а гроза как бы гналась за нами. Бывают такие внезапные, быстрые грозы. Сперва потемнело. Облако. Дом далеко, но мы думали, что успеем. Полянка с бугорками. Вдруг брызнул гром, и мы испуганно кинулись бежать.

Бежали, не останавливая шагу.

Еще бежали, бежали. Я ужасно боялся. «Ударит молния в спину». Сережа был сзади, шагах в четырех. Вдруг он стал замедлять бег.

Я оглянулся. И не сказал — «ну». Остановился. И чуть-чуть, почти идя, но «не выдавая друг друга молнии», пошли рядом.

* * *

Бодро, крепко:

— Ну, Варя. Сажусь писать.

— Бог благословит! Бог благословит!

И большим крестом клала три православных пальца на лоб, грудь и плечи.

И выходило лучше. Выходило весело (хорошо на душе).

(все годы).

*

Много лет спустя я узнал ее обычай: встав на $1\frac{1}{2}$ часа раньше меня утром, подходила к столу и прочитывала написанное за ночь. И если хорошо было (живо, правдиво, энергично — в «ход мысли» и «доказательства» она не входила), то ничего не говорила. А если было вяло, устало, безжизненно — она как-нибудь в день, между делом, замечала мне, что «не нравится», что я написал, иногда «язык заплетается». И тогда я не продолжал. Но я думал, что она как-нибудь днем прочла, и не знал этого ее *обычая*, — и узнал уже во время последней болезни, года 3 назад.

* * *

В грусти человек — естественный христианин. В счастье человек — естественный язычник.

Две эти категории, кажется, извечны и первоначальны. Они не принесены «к нам», они — «из нас». Они — *мы сами* в разных состояниях.

Левая рука выздоравливает и «просит древних богов». Правая — заболевает и ищет Христа.

Перед древними как заплакать? «Позитивные боги», с шутками и вымыслами. Но вдруг «спина болит»: тут уж не до вымыслов, а «помоги! облегчи!» Вот Юпитеру никак не скажешь: «Облегчи!» И когда по человечеству прошла великая тоска: «Облегчи», — явился Христос.

В «облегчи! избави! спаси!» — в муке человечества есть что-то более важное, черное, глубокое, м. б., и страшное, и зловещее, но, несомненно, и *более глубокое*, чем во всех радостях. Как ни велика загадка рождения, и вся сладость его, восторг: но когда я увидел бы человека в раке, а с другой стороны — «счастливую мать», кормящую ребенка, со всеми ее надеждами, — я кинулся бы к больному. Нет, иначе: старец в раке, а хуже — старуха в раке, а по другую сторону — рождающая девочка. И вдруг бы выбор: ей — *не родить*, а той — *выздоравливать*, или этой — родить, зато уж той — *умереть*; и всемирное человеческое чувство воскликнет: лучше погодить родить, лишь бы *выздоровела она*.

Вот победа христианства. Это победа именно над позитивизмом. Весь античный мир, при всей прелести, был все-таки позитивен. Но болезнь прорвала позитивизм, испорошила его: «Хочу *чуда*, Боже, дай *чуда!*» Этот прорыв и есть Христос.

Он плакал.

И только слезам Он открыт. Кто никогда не плачет — никогда не увидит Христа. А кто плачет — увидит Его непременно.

Христос — это слезы человечества, развернувшиеся в поразительный рассказ, поразительное событие.

*

А кто разгадал тайну слез? Одни *при всяческих несчастиях* не плачут. Другие плачут и при не очень больших. Женская душа вся на слезах стоит. Женская душа — другая, чем мужская («мужлань»). Что же это такое, мир слез? Женский — отчасти, и — страдания, тоже отчасти. Да, это категория вечная. И христианство — вечно.

Христианство нежнее, тоньше, углубленнее язычества. Все «Авраамы» плодущие не стоят плачущей женщины. Вот граница чередующихся в рождениях Рахилей и Лий *. Есть великолепии душевные, которое заливают все, будущее, «рождение», позитивное стояние мира. Есть то

«прекрасное» души, перед чем мы останавливаемся и говорим: «Не надо больше, не надо лучше, ибо лучшее мы имеем и больше его не будет». Это конец и точка, самое рождение прекращается.

Я знал такие экстазы восхищения: как я мог забыть их.

Я был очень счастлив (20 лет): и невольно впал в язычество. Присуще счастливому быть язычником, как солнцу — светить, растению — быть зеленым, как ребенку быть глупеньким, милым и ограниченным.

Но он вырастет. И я вырос.

Могу ли я вернуться к язычеству? Если бы совсем выздороветь, и *навсегда* — здоровым: мог бы. Не в этом ли родник, что мы умираем и болеем: т. е. не потому ли и для того ли, чтобы всем открылся Христос.

Чтобы человек не остался без Христа.

Ужасное сплетение понятий. Как мир запутан. Какой это неразглядимый колодезь.

(глубокой ночью).

* * *

Шуточки Тургенева над религией — как они жалки*.

* * *

Чего я жадничаю, что «мало обо мне пишут». Это истинно хамское чувство. Много ли пишут о Перцове**, о Философове. Как унижительно это сознание в себе хамства. Да... не отвязывайся от самого лакейского в себе. Лакей и гений. Всегдашняя и, м. б., всеобщая человеческая судьба (кроме «друга», который «лакеем» никогда, ни на минуту не был, глубоко спокойный к любви и порицаниям. Так же и бабушка, ее мать).

* * *

Только такая любовь к человеку есть настоящая, не преуменьшенная против существа любви и ее задачи, — где любящий совершенно не отделяет себя в мысли и не разделяется как бы в самой крови и нервах от любимого***.

* * *

Одна из удивительных мыслей Рцы. Я вошел к нему с Таней. Он вышел в туфлях и «бабьей кацавейке» в пе-

реднюю. Новая квартира. Оглядываюсь и здороваюсь. Он и говорит:

— Как вы молоды! Вы помолодели, и лицо у вас лучше, чем прежде,— чем я его знал много лет.

Мне 57.

— *Теперь* вы в фокусе, и это признак, что вам остается еще много жить.— Он что-то сделал пальцами вроде шелканья, но не шелканье (было бы грубо).

— Почему «фокус» лица, «фокус» жизни? — спросил я, что-то чувствуя, но еще не понимая.

Он любитель Рембранта, а в свое время наслаждался Мазини, коего слушал и знал во все возрасты его жизни.

— Как же!.. Сколько есть «автопортретов» Рембранта... сколько я видел карточек Мазини. И думал, перебирая, рассматривая: «нет, нет... это — *еще не Мазини*», или «это — *уже не Мазини*»... «Не тот, которого мы, замирая, слушали в Большом театре (Москва), и за которым бегала вся Европа»... «И наконец, найдя *одну* (он назвал, какого года), говорил: Вот!! — «*Настоящего*» Мазини существует только *одна* карточка,— хотя вообще-то их множество; и так же *настоящего* Рембранта — только *один* портрет. То же — Бисмарк: конечно, только в *один* момент, т. е. в *одну* эпоху жизни своей, из нескольких, Бисмарк *имел свое настоящее лицо*: это — лицо во власти, в могуществе, в торжестве; а не там, где он старый, обессиленный кот, на все сердитый и ничего не могущий.

Я слушал и удивлялся.

Он говорил, и я догадывался о его мысли, что *биография* человека и *лицо* его — его физика и вместе дух — имеют *фокус*, до которого все идет, расширяясь и вырастая, а *после* которого все идет, умаяясь и умирая; и что этот фокус то приходится на молодые годы — и тогда человек не долго проживет; то — лет на 40, и тогда он проживет нормально; то на позже — даже за 50: и тогда он проживет очень долго. «Жизнь» в *горку* и с *горки*. И естественно — в ней есть кульминационный пункт. Но это — не «вообще», а имеет выражение себя в серии меняющихся лиц человека, из которых только об *одном* лице можно сказать, что *тут и в эти свои годы он... «достиг себя»*.

Как удивительно! Нигде не читал, не слышал. Конечно, это магия, магическое постижение вещей.

Тут домовой, тут леший бродит,
 Русалка на ветвях сидит.
И кот *ученый*
 Свои нам сказки говорит.

Седой, некрасивый и — увы! — с давно перейденным
 «фокусом», Рцы мне показался таким мудрым «котом»
 Вот за что я его люблю.

(это было в 1911 или 1910 г.).

* * *

Переставешь верить действительности, читая Гоголя.
 Свет искусства, льющийся из него, заливают все. Те-
 ряешь осязание, зрение и веришь только *ему*.

(за вечерним чаем).

* * *

Щедрин около Гоголя — как конюх около Александ-
 ра Македонского.

Да Гоголь и есть Алекс. Мак. Так же велики и об-
 ширны завоевания. И «вновь открытые страны». Даже
 «Индия» есть.

(за вечерним чаем).

* * *

Ни один политик и ни один политический писатель в
 мире не произвел в «политике» так много, как Гоголь.

(за вечерним чаем).

* * *

Катков произнес извозчище:
 — Тпррру...

А линия журналов и газет ответила ему лошадиным
 ляганьем.

И вот весь русский консерватизм и либерализм.

Неужели же Стасюлевич, читавший Гизо, не пони-
 мал, что нельзя быть образованным человеком, не зная,
 откуда происходит слово «география», т. е. что есть
 γῆ и γράφω *. Но он 20 лет набрал воды в рот и не произ-
 нес: «Господа, все-таки *ге-о-граф*-ию-то нужно знать».

Но «обозреватели» в его журнале только пожимали
 плечами и писали: «Это — не ученье, а баллопромышлен-

ничество» и «тут не учителя, а — чехи», тогда как *вопрос шел вовсе не об этом.*

(в вагоне).

* * *

Кто не знал горя, не знает и религии.

* * *

Демократия имеет под собою одно *право...* хотя, правда, оно очень огромно..., проистекающее из *голода...* О, это такое чудовищное право: из него проистекает убийство, грабеж, вопль к небу и ко всем концам земли. Оно может и *в праве* потрясти даже религиями. «Голодного» нельзя вообще судить; голодного нельзя осудить, когда он у вас отнял кошелек.

Вот «преисподний» фундамент революции.

*

Но ни революция, ни демократия, кроме *этого*, не имеют никаких прав. Да, ты *зарезал меня*, и, как голодного, я тебя не осуждаю». «Но ты еще говоришь что-то, ты хочешь души моей и рассуждаешь о высших точках зрения: в таком случае я плюю кровью в бестыжие глаза твои, ибо ты менее голодный, чем мошенник».

*

Едва демократия начинает морализировать и философствовать, как она обращается в мошенничество.

Тут-то и положен для нее *исторический предел.*

*

Высший предел демократии, в сущности, в «*Книге Иова*». Дальше этого она не может пойти, не пошла, не пойдет.

Но есть «*Книга Товии, сына Товитова*». Есть Евангелие. Есть вообще, кроме черных туч, небо. И небо больше всякой тучи, которая «на нем» (часть) и «проходит» (время).

Хижина и богатый дом. В хижине томятся: и все то прекрасное, что сказано о вдове Сарепты Сидонской * («и спечем последний раз хлеб и умрем»), — принадлежит *этой* хижине.

Но в богатом доме также все тихо. Затворясь, хозяин пересматривает счетные книги и подводит месячный итог. Невеста-дочь, чистая и невинная, грезит о женихе.

Малыши заснули в спальне. И заботливая мысль бабушки обнимает их всех, обдумывая завтрашний день.

Тут полная чаша. Это — Иов «до несчастья».

И хорошо там, но хорошо и тут. Там благочестие, но и тут не без молитвы.

Почему эти богатые люди хуже тех бедных?

Иное дело «звон бокалов»...

Но ведь и в бедной хижине может быть лязг оттачиваемого на человека ножа.

Но *до порока* — богатство и бедность равночастны.

Но после порока проклято богатство, но проклята также и бедность.

*

И собственно вместо социал-демократии лежит старая, простая, за обыденностью пошлая истина, «ее же не преjdeши».

Живи в богатстве так просто и целомудренно, заботливо и трудолюбиво, как бы ты был беден.

* * *

Бывало:

— Варя. Опять дырявые перчатки? Ведь я же купил тебе новые?

Молчит.

— Варя. Где перчатки?

— Я Шуре отдала.

Ей было 12 лет. Она же — «дама» и «жена».

Так ходила она всегда «дамой в худых перчатках».

Теперь (2 года) все лежит, и руки сжаты в кулачок.

* * *

Забыть землю великим забвением — это хорошо.

(идя из Окруж. Суда, —
об «Уед.»; затмение солнца *).

* * *

Поразительное суждение я услышал от Флоренского (в 1911 г., зима, декабрь): «Ищут Христа *вне Церкви*», «Хотят найти Христа *вне Церкви*», но мы не знаем Хрис-

та *вне Церкви, вне Церкви* — «нет Христа». «Церковь — она именно и дала человечеству Христа».

Он сказал это немного короче, но еще выразительнее. Смысл был почти тот, как бы Церковь родила нам Христа, и (тогда) как же сметь, любя Христа, ополчаться на Церковь?

Смысл был этот, но у него — лучше.

Это меня поразило новизною. Теперь очень распространена риторика о Христе без Церкви — и сюда упирается все новое либеральное христианство.

Действительно. По мелочам познается и крупное. «Лучшую книгу — переплетаем в лучший переплет»: сколько же Церковь должна была почувствовать в Евангелии, чтобы переплести его в $1\frac{1}{2}$ -пудовые, кованные из серебра и золота, переплеты. Это — пустяки; но оно показывает важное. Все «сектанты» читают Евангелие только раз в неделю соберясь: это — в миг их прозелитизма, взрывчатого начала. А «Церковь», через 1800 лет после начала, не понимает «отслужить службы», днем ли, ночью ли, каждый день — не почитав Евангелия.

Она написала его огромными буквами. Переплет она усыпала драгоценными камнями.

Действительно: именно Церковь пронесла Христа от края и до края земли, пронесла «как Бога», без колебания, даже до истребления спорящих, сомневающихся, колеблющихся.

Таким образом, энтузиазм Церкви ко Христу б. так велик, как «не хватит порохов» у всех сектантов вместе и, конечно, у всех «либеральных христиан» тоже вместе. Действительно, Церковь может сказать: «Евангелие было бы, как Энеида Virgiliya у читателей, — книга чтимая, но не действенная — им, м. б., просто оно затерялось бы и исчезло. Ведь не читал же всю жизнь Тургенев Евангелия. Он не читал, могло бы и поколение не читать, и, наконец, пришло бы поколение, совсем его забывшее, и уже следующее за ним — просто потерявшее самую книгу. Я спасла Евангелие для человечества; как же теперь, вырывая его из моих рук, вы смеее говорить о Христе *помимо и обходя Церковь*. Я дала человечеству: ну, а нужно ли Евангелие больным, убогим, страждущим, томящимся, нужно ли оно *сегодня*, будет ли нужно *завтра* — об этом уже не вам решать».

Поразительно. Так обыкновенно и совершенно ново И, конечно, одним этим сохранением для человечества Евангелия Церковь выше не то что «наших времен», но и выше всего золотого века Возрождения, спасшего человечеству Вергилия и Гомера.

* * *

Есть люди до того робкие, что не смеют сойти со стула, на котором сел.

Таков Михайловский.

*(размышляя об удивительном заглавии статьи его—полемика со Слонимским—«Страшен сон (!!!), да милостив Бог» *).*

Михайловский был робкий человек. Это никому не приходило на ум. Таково и личное впечатление (читал лекцию о Щедрина — торопливо, и все оглядывался, точно его кто хватает).

* * *

Правительству нужно бы утилизировать благородные чувства печати, и всякий раз, когда нужно провести что-нибудь в покое и сосредоточенности (только проводит ли оно что-нибудь «сосредоточенно»?) — поднимать дело о «проворовавшемся тайном советнике N» или о том, что он «содержит актрису». Печать будет $\frac{1}{2}$ года травить его, визжать, стонать. Яблоновский «запишет», Баян «посыплет главу пеплом», «Русское Слово» будет занимать 100 000 подписчиков новыми столбцами à la «Гурко-Лидваль», «Гурко-Лидваль»...

И когда все кончится и нужное дело будет проведено, «пострадавшему (фиктивно) тайному советнику» давать «еще орден через два» («приял раны ради отечества») и объявлять, что «правительство ошиблось в излишней подозрительности».

Без этого отвлечения в сторону правительству нельзя ничего делать. Разве можно делать дело среди шума?

* * *

Поэт Майков (Ап. Н.) смиренно ездил в конке.
Я спросил Страхова.

— О, да! Конечно — в конке. Он же беден.

Был «тайный советник» (кажется), и большая должность в цензуре.

*

Это бедные студенты воображают (или, вернее, их пауськал Некрасов), что тайные советники и вообще «черт их дери, все генералы», едят все «Вальтасаровы пиры» (читал в каком-то левом стихотворении: «они едят Вальтасаровы пиры, когда народ пухнет с голода»).

* * *

В газетах, журналах интересны не «передовики» и фельетонисты. Эти, как *personae certae** и индейские петухи с другой стороны — нисколько не интересны. Но я люблю в газете зайти, где собирается «пожарная команда», т. е. сидят что-то делающие в ночи. Согнувшись, как Архимед над циркулем, одни сидят «в шашки». Другие шепчутся, как заговорщики, о лошадях (скачки, играют). Тут услышишь последнюю сплетню, сногсшибательную сенсацию. Вдруг говор, шум, поток: ругают Шварца. Папиросы и «крепкое слово».

* * *

Ге о Евг. П. Иванове**: «Вот кто *естественный* профессор университета: сколько новых мыслей, какие неожиданные, поразительные замечания, наблюдения, размышления».

Делянов*** сказал, когда у него спросили, отчего Соловьев (Влад.) не профессор:

— У него *мысли*.

Старик, сам полный мыслей и остроумия, не находил, чтобы они были нужны на кафедре. Но еще удивительнее, что самопополняющаяся коллегия профессоров тоже делает все усилия, чтобы к ним в среду не попал человек с *мыслью*, с творчеством, с воображением, с догадкой.

Ни Иванов, ни Шперк не могли даже кончить русского университета.

Профессор должен быть балаболка. Это его стиль. И дождутся, когда в обществе начнут говорить:

— Быть умным — это «не идет» профессору. Он будет черным вороном среди распутивших хвост павлинов.

* * *

Что-то было глухое, слепое, что даже без имени...

И все чувствовали — нет *дела*. И некуда приложить силу, добро, порыв.

Теперь все только ждет работы и приложения силы.

Вот «мы» до 1905—6 года и после него. Что-то провало и какой-то застой грязи, сырости, болезни безвозвратно унесло потоком.

(после разговора с Ге).

* * *

Все мы выражаем в сочинениях субъективную уверенность. Но — обобщая и повелительно. Что же делать, если Дарвин «субъективно чувствовал» происхождение свое от шимпанзе: он так и писал.

Во Франкфурте-на-Майне я впервые увидел в зоологическом саду шимпанзе. Действительно, удивительно. Она помогала своему сторожу «собирать» и «убирать» стол (завтрак), сметала крошки, стлала скатерть. Совсем человек!

Я безмолвно дивился.

Дарвину даже есть честь происходить от такой умной обезьяны. Он мог бы произойти и от более мелкой, от более *позитивной породы*.

(рано утром).

* * *

Не надо забывать, что Фонвизин бывал «при дворе» — *видал лично* Императрицу и «просветителей» около нее, — может быть, *лично с нею разговаривал*. Это чрезвычайная высокопоставленность. Он был тем, что *теперь* Арс. Арк. Кутузов * или гр. А. К. Толстой. Изобразительный талант (гений?) его несомненен: но *высокое* положение не толкнуло ли его посмотреть слишком *высоко* на окружающую его поместье дворянскую мелкоту, дворянскую обывательщину и даже губернскую вообще жизнь, быт и нравы. Поэтому яркость его «Недоросля» и «Бригадира», говоря о живописи автора, не является ли пристрастной и неверной в *тоне, в освещении, в понимании?*

«Недоросли» глубокой провинциальной России несли ранец в итальянском походе Суворова, с ним усмиряли

Польшу; а «бригадиры» командовали в этих войсках. Каковы они были?

Верить ли Суворову или Фонвизину?

* * *

Прогресс технически необходим, для души он вовсе не необходим.

Нужно «усовершенствованное ружье», рантовые сапоги, печи, чтобы не дымили.

Но душа в нем не растет. И душа скорее даже малится в нем.

Это тот «печной горшок»*, без которого неудобно жить и ради которого мы так часто малим и даже вовсе разрушаем душу.

*

И борьба между «прогрессистами» и людьми «домашнего строя» очень часто есть борьба за душу или за «обед с каперцами», в котором «каперцы», конечно, побеждают.

(умываясь утром).

* * *

Не всякую мысль можно записать, а только если она музыкальна.

И «У.» никто не повторит **

* * *

В каждом органе ощущения, кроме его «я знаю» (вижу, слышу, обоняю, осязаю), есть еще — «я хочу». Органы суть не только органы чувств, но еще и — хотения, жажды appetitов. В каждом органе есть жадность к миру, алкание мира; органами не связывается только с миром человек, но органами он *входит* (врезается) в мир, *уродняется* ему. Органами он «съедает мир», как через органы — «мир съедает человека». Съедает — ибо властно *входит* в него...

Человек входит в мир.

Но и мир входит в человека.

Эти «двери» — зрение, вкус, обоняние, осязание, слух.

(на обороте транспаранта).

* * *

Легко Ш. Х. разыскивать преступников, когда они говорят, когда он подслушивает — то самое, что ему нужно. Так-то и я бы изловил.

(Шерлок Холмс — один случай).

А когда осматривают труп, то непременно в пальцах «зажат волос убийцы».

* * *

Евреи слишком стары, слишком культурны, чтобы не понимать, что лаской возьмешь больше, чем силой. И что гений в торговле — это призвать Бога в расчет (честно рассчитаться).

Они вовремя и полным рублем рассчитываются¹ — и все предложили им кредит. Они со всеми предупредительны — и все обратились к ним за помощью.

И через век вежливости, ласки и «Бога в торговле» — они овладели всем.

А кто обманывал — сидит в тюрьме; и кто был со всеми груб, жесток, отталкивающ — сидит в рубище одиночества.

*(ночью в постели, читая письмо еврея Р-чко *).*

* * *

Мы прощались с Рцы. В прихожей стояла его семья. Тесно. Он и говорит:

— Все по чину.

— Чтó? — спрашиваю я.

— Когда Муравьев («Путешествие по Св. Местам») ** умирал, то его соборовали. Он лежал, закрыв глаза. Когда сказали «аминь» (последнее), он открыл глаза и проговорил священнику и сослужителям его:

«— Благодарю. Все по чину». Т. е. все было прочитано и спето без пропусков и малейшего отступления от формы.

Закрыв глаза и помер.

¹ Статья в законах Моисея, которую полезно бы переплести в «Правила Св. Апостол» и в «Кормчую»: «не задерживай до завтра утра плату, которую ты должен уплатить работающему вечером сегодня».

У Рцы была та ирония, что каким образом этот столь верующий человек имел столь слабое и, до известной степени, легкомысленное отношение к смерти, что перед лицом ее, перед Сею Великою Минутою, ни о чем не подумал и не вспомнил, кроме как о «наряде церковном» на главу свою. Сия смерть подобна была смерти Вольтера.

* * *

Смысл *Литературного Фонда* понятен: «фракция Чернышевского», «особый фонд Добролюбова». Все это понятно каждому, кроме «сфер». Однако из «сфер» они тоже получают тысячи. Что же это такое?

«— Я тебе готовлю нож под 4-ое ребро. А предварительно дай все-таки гривенничек на чаек». Это Федька-каторжник из «Бесов». Вот что на это ответил бы Пешехонов. Отчего об этом не напишет «обличительной статьи» Короленко. Нет, господа, о связи себя с *идеализмом* — оставьте.

(вагон).

* * *

Кто не любит человека в радости его — не любит и ни в чем.

*

Вот с этой мыслью как справится аскетизм.

Кто не любит радости человека — не любит и самого человека.

* * *

Все критики, признавая ум (уж скорее «гений», т. е. что-то «невообразимое»; а «ума» — ясного, комбинирующего, считающего — не очень много), или не упоминают, или отрицают *сердце*: но тогда как же произошел «Семейный вопрос в России» и «Сумерки просвещения», два великих отщепенца за женщин и за гимназистов.

Еще поразительнее и говорит о благородстве литературы, что о «Семейном вопросе» не было ни одной рецензии, кроме от Разинькова, Василия Лазаревича, о которой я его упросил. Все писали о «Трейхмюллере», а на *Семейный вопрос в России* ни один литератор не оглянулся*.

* * *

Видали ли вы вождя команчей в пустыне? Я тоже не видал, но читал у Майн-Рида: на диком мустанге, нагой и бронзовый, мчится он — в ноздрях у него вдеты перья, на голове павлиний хвост; татуировка осыпается с него, как штукатурка...

Но не бойтесь, сограждане, и не очень пугайтесь даже гимназисты: это мчится вовсе не Тугой Лук, а только очень похожий на него профессор канонического права, напр., Заозерский*: «правила» всевозможных греческих соборов осыпаются с него, как старая штукатурка, но он полон воинственного жара и, поводя головою, дает видеть торчащие у него из носа «добавочные постановления (novellae) императора Алексея Комнена»... Вот он, весь полный запрещений и угроз, натиска и бури... не замечает вовсе Владимира Карловича**, а тоже и Розанова, подсказывающего тому бросить под ноги мустанга решение Апостола:

«А если *через исполнение закона* (и, след., каких бы то *правил*) люди оправдываются перед Богом — то вообще Христу тогда *незачем было умирать*».

А Он умер — и *оправдал нас*.

(к вопросу о диакониссах***. 24 марта 1912 г.).

* * *

...не верьте, девушки, навеваниям вокруг вас, говорам, жестам, маскам, шумам, мифам...

Верьте, что *что́ есть — то́ есть, что́ будет — будет, что́ было — было*.

Верьте истории.

Верьте, что историю нельзя закрыть двумя ладонями, сложить ли их «в гробик», «в крестик» или «в умоление».

Будьте неумолимы.

* * *

Да, хорошо, я понимаю, что

Вставай, подымайся, рабочий народ...****

Но отчего же у вашей супруги каракулевое пальто не в 500—600 р., как обыкновенно¹, а в 750 р., и «сама подбирала шкурки»*****.

(из жизни).

¹ Было в год 1904—1905 г.

* * *

С прессой надо справиться именно так: «возите на своих спинах». Тогда «для всех направлений не обидно», и меру увидели бы не политической, а культурной.

Мысль эта занимает меня с 1893 г., когда Берг * вычеркнул большое примечание (в страницу) об этом, и я никогда от нее не отказывался. Это — спасение души. Когда-нибудь раздастся это как крик истории.

Пресса толчет души. Как душа будет жить, когда ее постоянно что-то раздробляет со стороны.

*

Если бы «плотина закрыла реченьку» — как вдруг поднялись бы воды. Образовалась бы гладь тихих вод.

И звезды, и небо заиграли бы в них.

Вся та энергийка, которую — тоже издробленную уже — суют авторы в газеты, в ненужные передовицы, в увядшие фельетоны, в шуточку, гримаску, «да хронику-то не забудь», у кого раздавило собаку (уже Алькивиад, отрубивший хвост у дорогой собаки, был первым газетчиком, пустившим «бум» в Афинах **)...

Все эти люди, такие несчастные сейчас, вернулись бы к покою, счастью и достоинству.

Число книг *сразу* удесятерилось бы...

Все отрасли знания возросли бы...

Стали бы лучше писать. Появился бы стиль.

Число научных экспедиций, вообще духовной энергии, удесятерилось бы. И словари. И энциклопедии. И великолепная библиография, «бабушка литературы».

Буди! буди!***

*

А читателю — какой выигрыш: с утра он принимается за дело, свежий, не раздраженный, не опечаленный.

Как теперь он уныло берется за дело, отдав утреннюю свежую душу на запыление, на загрязнение, на измучивание («чтение газет за чаем»), утомив глаза, внимание.

*

Да: *все* теперь мы принимаемся без внимания за дело. Одно это не подобно ли алкоголизму?

Печатная водка. Проклятая водка. Пришло сто гадов и нагадили у меня в мозгу.

* * *

«Такой книге нельзя *быть*» (Гип. об «Уед.») *. С одной стороны, это — так, и это я чувствовал, отдавая в набор. «Точно усиливаюсь проглотить и не могу» (ощущение отдачи в набор). Но с другой стороны, столь же истинно, что этой книге непременно *надо быть*, и у меня даже мелькала мысль, что собственно все книги — и должны быть такие, т. е. «не причесываясь» и «не надевая кальсон». В сущности, «в кальсонах» (аллегорически) все люди не интересны.

* * *

Да, вот когда минует трехсотлетняя давность, тогда какой-нибудь «профессор Преображенский» в Самаркандской Духовной Академии напишет «О некоторых мыслях Розанова касательно Ветхого Завета».

*

Отчего это окостенение?

*

Все богословские рассуждения напоминают мне «De civitate veterum Tarentinorum» **, которую я купил студентом у букиниста.

* * *

По-видимому (в историю? планету?) влит определенный % пошлости, который не подлежит умалению. Ну,—пройдет демократическая пошлость, и настанет аристократическая. О, как она ужасна, еще ужаснее!! И пройдет позитивная пошлость, и настанет христианская. О, как она чудовищна!!! Эти хроменькие-то, это убогонькие-то, с глазами гиен... О!О!О!О!.. «По-христиански» заплачут. Ой!Ой!Ой!Ой!..

(на ходу).

* * *

Далеко-далеко мерцает определение: — Да, он, конечно, не мог бы быть Дегаевым; но «пути его были неведомы» — и Судейкиным он очень мог бы быть *...

По крайней мере никто в литературе не представляется таким «естественным Судейкиным», с страшным честолюбием, жаждой охвата власти, блестящим талантом и «большим служебным положением».

(Н. Михайловский).

* * *

«Встань, спящий»... Я бы взял другое заглавие: «Пробудись, бессовестный».

(заглавие журнала 1905 г. Ионы Брихинчева **).

* * *

— Байрон был свободен, — неужели же не буду свободен я?! — кричит Арцыбашев.

— Ибо ведь я печатаюсь теми же свинцовыми буквами!

Да, в свинцовых буквах все и дело. Отвоевали свободу не душе, не уму, но свинцу.

Но ведь, господа, может прийти Некто, кто скажет:

— Свинцовые пули. И даже с Гуттенберговой литерой N (aroleon) ..., — как видел я это огромное N на французских пушках вокруг арсенала в Москве.

(июнь).

* * *

До тех пор, пока вы не подчинитесь школе и покорно дадите ей переделать себя в негодного никуда человека, до тех пор вас никуда не пустят, никуда не примут, не дадут никакого места и не допустят ни да какой работы.

(история русских училищ).

* * *

Нет хорошего лица, если в нем в то же время нет «чего-то некрасивого». Таков удел земли, в противоположность небесному — что «мы все с чем-то неприят-

ным». Там — веснушка, там — прыщик, тут — подпухла сальная железка. Совершенство — на небесах и в мраморе. В небесах оно безукоризненно, п. ч. *правдиво*, а в мраморе уже возбуждает сомнение, и мне, по крайней мере, не нравится. Обращаясь «сюда», замечу, что хотя заглавия, восстановленные мною «из прежнего» — хуже (некрасивее) тех, какие придал (в своих изданиях) П. П. Перцов некоторым моим статьям, но они *натуральнее в отношении того настроения духа, с каким писались* в то время. Эти *запутанные заглавия*, — плетью, — выразили то «запутенное», смутное, колеблющееся и вместе порывистое и торопливое состояние ума и души, с каким я вторично выступил в литературу в 1889 году, — после неудачи с книгой «О понимании» (1886 г.). Вообще заглавия — всегда органическая часть статьи. Это — тема, которую себе пишет автор, садясь за статью; и если читателю кажется, что это заглавие неудачно или неточно, то опять характерно, как он эту тему теряет в течение статьи. Все это — несовершенства, но которые не должны исчезнуть.

(обдумываю перцовские издания своих статей; и что ему может показаться печальным, что при втором издании я восстановил свои менее изящные, «долговязые» заглавия. Они характерны и нужны).

* * *

У нас Polizien-Revolution*; куда же тут присосались студенты.

А так бедные бегают и бегают. Как таракашки в горячем горшке.

* * *

Этот поп** на пропаганде христианских рабочих людей зарабатывал по несколько десятков тысяч рублей в год. И квартира его — всегда целый этаж (для бессемейной семьи, без домочадцев) — стоила 2—3 тысячи в год. Она вся была уставлена тропическими растениями, а стены завешаны дорогими коврами. Везде, на столах, на стенах, «собственный портрет», — en face, в $\frac{3}{4}$, в профиль... с лицом «вдохновенным» и глазами устремленными «вперед» и «ввысь»... Совсем «как Он» («Учитель» мой и наш)... Сам он, впрочем, ходил в бедной рясе, суровым, большим шагом, и не флиртовал. За это он мне

показался чуть не «Jean Chrisostome», как его вывел Алексей Толстой

К земным утехам *нет участия*
И взор в грядущее глядит... *

Можно же быть такой телятиной, чтобы «Повесть о Капитане Копейкине» счесть за «Историю Наполеона Бонапарте».

(из жизни).

* * *

Что это было бы за Государство «с историческим призванием», если бы оно не могло справиться с какой-то революциешкой; куда же бы ему «бороться с тевтонами» etc., если б оно не справлялось с шумом улиц, говором общества и нервами «высших женских курсов».

И оно превратило ее в Polizien-Revolution, «в свое явление»: положило в карман и выбросило за забор как сифилитического неудачного ребенка.

Вот и все. Вся «история» ее от Герцена до «Московского вооруженного восстания», где уже было больше полицейских, чем революционеров, и где вообще полицейские рядились в рабочие блузы, как и в свою очередь и со своей стороны революционеры рядились в полицейские мундиры (взрыв дачи Столыпина, убийство Сипягина**).

«Ряженая революция»: и она кончилась. Только с окончанием революции, чистосердечным и всеобщим с нею распрощанием,— можно подумать о прогрессе, о здоровье, о работе «вперед».

Эта «глиста» все истощила, все сожрала в кишках России. Ее и надо было убить. Просто убить.

«Верю в Царя Самодержавного»: до этого ни шагу «вперед».

(за другими занятиями).

* * *

Когда Надежда Романовна уже умирала, то все просила мужа не ставить ей другого памятника, кроме деревянного креста. Непременно — только *дерево* и только *крест*. Это — христианка.

Не только — «почти ничего» (дерево, ценность), но и — *временное* (сгниет).

И потом — ничего. Ужасное молчание. Небытие. В этом и выражается христианское — «я и никогда не жила для земли».

Христианское сердце и выражается в этом. «Я не только не хочу работать для земли, но и не хочу, *чтобы земля меня помнила*». Ужасно... Но и что-то величественное и могущественное.

Надежда Романовна вся была прекрасна. Вполне прекрасна. В ней было что-то трансцендентное¹.

* * *

— Может быть, мы сядем в трамвай: он, кажется, сейчас трогается...

— Ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха!

— Он и довезет нас до Знаменской...

— Ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха!

(опыты)*.

* * *

Да жидов оттого и колотят, что они — *бабы*: как русские мужики своих *баб*. Жиды — не *они*, а *онѣ*. Лапсердаки их суть *бабы капоты*: а на такого кулак сам лезет. Сказано — «будешь *биен*», «*язвлен* будешь». Тут — не экономика, а мистика; и жида почти притворяются, что сердятся на это.

(выпустил из коррект. «Уедин.»).

* * *

«Разврат» есть слово, которому нет соответствующего предмета. Им обозначена груда явлений, которых человечество не могло понять. В дурной час ему приснился дурной сон, будто все эти явления — на самом деле подобные грибам, водорослям и корням в природе — суть «дурные» уже как «скрываемые» (мысль младенца Соловьева в «Оправдании добра»**); и оно занесло их сюда, без дальних счетов и всякого разумения.

(Эйджунен — Берлин, вагон).

* * *

Раза три в жизни я наблюдал (издали, не вблизи) или слышал рассказ о матерях, сводничающих своих замужних дочерей. Точно они бросают стадо к... на нее

¹ Здесь приложен портрет Над. Ром. Щербовой, скончавшейся в мае 1911 г.

как с... Никогда не «прилаживают к одному», не стараются устроить «уют» хотя бы на почве измены.

Вся картина какого-то «поля» и «рысканья». Удивительно.

Еще поразительнее, что таких жен, *все зная о них*, глубоко любят их мужья. *Плачут* и любят. Любят до *обожания*. А жены, как и тещи, питают почти отвращение к несчастному мужу. Тут еще большая метафизика. Между прочим такова была знаменитая Фаустина senior, жена Антонина Благочестивого. Она сходилась даже с простолюдинами. А муж, когда она умерла, воздал ей божеские почести (divinatio) и воздвиг ее имени, чести и благочестию — храм.

На монетах лицо ее — властительное, гордое. На темени она несет маленькую жемчужную корону (клубочком). По-видимому, хороша собой, во всяком случае, «видная». Лицо Антонина Пия — нежное, «задумчивое», отчетливо женственное.

Он — родоначальник добродетелей и философии.

Я знавал двух славянофилов, испытавших эту судьбу. Комично, что один из них водил своего старшего сына (конечно, не от себя) смотреть памятник Минина и Пожарского, и все объяснял ему «русскую историю».

(на представлении переводной пьесы на эту тему;
пер. Е. А. Егорова).

* * *

Все это тянется, как резинка, и никакого индивидуального интереса. Только наблюдаешь общие законы (проститутки).

— Мы — мостовая. Каких же надписей ты на нас ищешь?

(о проституции; еду в Киев, † Столыпина).

* * *

Несмотря на важность проституции, однако, в каком-то отношении, мне не ясно, — они суть действительно «погибшие создания», как бы погаснувшие души. И суть действительно — «небытие»; «не существуют», а только кажется, что они — «есть».

(вагон). (Еду в Киев).

* * *

О девстве глубокое слово я слышал от А. С. Суворина и от А. В. Карташова *.

Первый как-то сказал:

— Нет, я замечал, что когда девушка теряет девство (без замужества), то она теряет и *все*. Она делается *дурною*.

Конечно, он ни малейше не имел в виду обычных нравственных суждений и передал наблюдение «что бывает», «что случается», «что *далее* следует».

Карташов сказал, когда — в их же присутствии — я сказал о двух барышнях типа вечных девственниц (*virgo aeterna*):

— Ведь они никогда не выйдут замуж: непонятно, почему они или почему вообще *такие* не бросят свое девство кому попало, — и, вообще все равно, кто возьмет?

У меня было философское об этом недоумение.

Он ответил:

— Они (он как бы запнулся, придумывая формулу) — *питаются от своего девства*. Да, оно не нарушено и, кажется, не нарушится. Но сказать, чтобы оно *было им и не нужно* — нельзя: оно им не только нужно, но и необходимо. Они *живут им*, и именно — *его целостью*. Это — богатство, которое не тратится, но которое их *обеспечивает*. Обеспечивает что? Их душу, их талант (они были талантливы), их покой и свежесть.

— *Есть* девство — и они трудятся, выставляют работы (художницы), дружатся, знакомятся, читают, размышляют.

— *Не будет* девства — и все разрушится. Так что хотя они и призваны к девству, и никакой мужчина им не воспользуется, но это не обозначает, что *их девственность есть ничто — есть не существующая для мира вещь*. Для «мира»-то оно не существует, хотя как их талант и для мира существует; но как телесная нетронутость и целость — оно существует *и для них самих*.

Замечательно глубоко. Несколько месяцев перед этим я спросил одну из этих девушек, что бы она сделала с мужчиною, если бы он «с голоду» взял у нее то, что у нее лишнее (как мне казалось):

— Упекла бы в Сибирь, — ответила она твердо и по-мужски.

— И не пощадили бы?

— Не пощадила бы.

— Но ведь вам *не нужно* (aeterna virgo).

Она промолчала.

Рассуждение Карташова, так сказать, наполняет речами ее молчание. Она не успела только формулировать; но поступила бы по чувству («засужу»), которое неодолимо и в котором правда.

Вот источник, по-видимому, непонятно-жестоких наказаний, присуждаемых насильвателям.

«Кроме замужества — совокупление есть гибель. Обществу оно безвредно: но оно *губит субъекта, лицо*».

Тогда, конечно, — казнь! Как за убийство или ближайшее к убийству!!! Кроме особенных случаев, о которых длинна речь: но как раз именно в нашей цивилизации и приходится принимать во внимание эти «кроме»...

*

Кроме случая aeternae virginis, который чрезвычайно редок и сам себя отстаивает, во имя чего мы могли бы потребовать у девушки и всех вообще девушек сохранения их девства?

«Мы» здесь — государство, религия, нравственность, старая семья (родители, братья, «Валентин» (Фауст)).

Девушка всегда может ответить, или, при молчании, — она будет полна речей:

— *Мотивируйте* мне мое девство: и я его сохраню.

Но единственного мотива нет — *замужества*.

Нет *замужества*, рассыпается и *девство*!

Девство только и сохраняется *для мужа*; каждая девушка обязана его хранить — если непременно *каждой девушке замужество обеспечено*. Чем? кем? Statu quo общества, законом, религией, родителями. «Мне до этого дела нет, я в это не вмешиваюсь, я не законодательница, — может ответить девушка. — *Мне подай мужа*. Вот это — я знаю, и — только это».

Девство есть *вещь*, когда есть (будет) *муж*.

А когда муж «будет или нет», «выйдет или нет», «чет-нечет» и «сколько лепестков у сирени», то и девство тоже «выйдет» или «нет», при «чете» — выйдет, а если «нечет» — то и не «выйдет»; и девушка просто выйдет за калитку и бросит его на ветер: ибо «на ветер» бросила целая цивилизация ее *замужество*.

Тут смычок и струна: струна поет ту арию, которую ведет смычок. Смычок — замужество, активная сторона, «хозяин всего дела». И если «хозяин» пьян или дурак; то пусть уж и не слезает с полатей, если у него «из-под полы» все девушки разбегутся.

Девство в наше время потенциально-свободно; и оно не сегодня-завтра станет реально-свободно. Девушки вырвутся и убегут. Убегут неодолимо, с этими криками дочерей Лота: «Никого нет, кто вошел бы к нам *по закону всей земли*: напоим отца нашего и зачнем от него детей, — я, потом — ты»*.

Это сказала старшая и благоразумнейшая младшей, которой осталось только послушаться. От дев произошли два народа — *моавитяне и аммалекитяне*. Почему сразу случилось? Бог не хотел, с одной стороны, чтобы это *повторялось*: а решительные девушки повторили бы поступок свой, если бы остались пустыми, без зарождения. С другой стороны, однако, сохранив потомство их в веки и веки, до размножения в *целый народ*, — что далеко не с каждой беременной девушкой случается, — Бог тех библейских времен, и не знавший иной награды угодному Ему человеку как *умножение его потомства*, тем самым явно показал, что таковое твердое, как у дочерей Лота, размножение, уверенное в себе размножение — гордое и смелое, не ползучее, а как бы «верхом на коне, в латах и шлеме» — Ему приятно. Да, и в самом деле, только оно обеспечивает расцвет земли и исполнение воли Божией.

(выпустил из коррект. «Уедин.»).

* * *

...«дорого назначаете цену книгам». Но это преднамеренно: книга — не дешевка, не разврат, не пойло, которое заманивает «опустившегося человека». Не дева из цирка, которая соблазняет дешевизною.

Книгу нужно уважать: и первый этого знак — готовность дорого заплатить.

*

Затем, сказать ли: мои книги — лекарство, а лекарство вообще стоит дороже водки. И приготовление — сложнее, и вещества (душа, мозг) положены более ценные.

(в лесу на прогулке).

* * *

Ученых надо *драть за уши*. И мудрые из них это одобряют, а прочие если и рассердятся, то на это нечего обращать внимания.

(на прогулке в лесу).

* * *

Удивительна все-таки непроницательность нашей критики... Я добр или по крайней мере совершенно незлобен. Даже лица, причинившие мне неисчерпаемое страдание и унижение, — Афонька и Третий *, — не возбуждают во мне собственно злобы, а только смешное и «не желаю смотреть». Но никогда не «играла мысль» о их страдании. Струве — ну, да, я хотел бы поколотить его, но добродушно, в спину. Господи, если бы мне «ударить» его, я расплакался бы и сказал: «Ударь меня вдвое». Таким образом, никогда *мечь* мне не приходила на ум. Она приходила разве в отношении учреждений, государственности, церкви. Но это — не лица, не душа.

Таким образом, самая *суть* моя есть доброта — самая обыкновенная, без «экивоков». Ничье страданье мне не рисовалось как *мое наслаждение*, — и в этом все дело, в этом суть «демонизма». Которого я совершенно лишен, — до *непредставления его и у кого-нибудь*. Мне кажется, что это все выдуманно, преимущественно дворянами, как Байрон, — и от *молодости*. «Были сказки о домовых, а потом выдумали занимательнее — демон».

Печальный и пр. и пр.

Между тем все статьи обо мне начинаются определениями: «*демонизм* в Р.». И ищут, ищут. Я читаю: просто — ничего не понимаю. «Это — не я». Впечатление до такой степени *чужое*, что даже странно, что пестрит моя фамилия. Пишут о «корове», и что она «прыгает», даже потихоньку «танцует», а главное — у нее «клыки» и «по ночам глаза светят зеленым блеском». Это ужасно странно и нелепо, и такое нелепое я выношу из всего, что обо мне писали Мережковский, Волжский, Закржевский, Куклярский ** (только у Чуковского строк 8 *индивидуально-верных* — о давлении крови, о температуре, о множестве сердец ***). С Ницше... никакого сходства! С Леонтьевым — никакого же личного (сход.). Я только люблю его. Но сходство и «люблю» — разное.

Я самый обыкновенный человек; позвольте полный

титул: «коллежский советник Василий Васильевич Розанов, пишущий сочинения».

Теперь, эти «сочинения»... Да, мне многое пришло на ум, чего раньше *никому* не приходило, в том числе и Ницше, и Леонтьеву. По сложности и количеству мыслей (точек зрения, узора мысленной ткани) я считаю себя *первым*. Мне иногда кажется, что я понял *всю историю* так, как бы «держу ее в руке», как бы историю *я сам сотворил*, — с таким же чувством уроднения и полного постижения. Но сюда я выведен был своим «положением» («друг» и история с ним), да и пришли лишь именно *мысли*, а это — не *я сам*. Я — добрый и малый (parvus): а если «мысли» действительно великие, то разве мальчик не «открывает солнца», и «звезд», всю «поднебесную», и что «яблоко падает» (открытие Ньютона), и даже труднейшее и глубочайшее — первую молитву. Вот я такой «мальчик с неутертым носом» — «все открывший». Это — мое *положение*, но не — *я*. От этого я считаю себя, что «в Боге»... У меня есть серьезная уверенность: Бог *для того-то* и подвел меня (точно взяв за руку) встретиться с другом, *чтобы* я безмерно наивным и добрым взглядом *увидел* «море зла и гибели», вообще — *сокрытое* «от премудрых земли», о чем не догадывались никогда*.

Тогда я жил оставленный, брошенный — *без моей вины*. Обошел человек и сделал вред.

Вдруг я встречаю, при умирании третьего (товарищ)**, слезы... Я удивился... «Что такое слезы?» «Я никогда не плачу». «Не понимаю, не чувствую».

Я весь задеревенел в своей злобе и оставленности и мелких «картишках».

Плач — у гроба *третьего* — был для меня что яблоко для Ньютона. «Так вот, можно жалеть, плакать»... Удивленный, пораженный (Ньютонов момент), я стал вникать, вслушиваться, смотреть***.

Раз я стоял во Введенской церкви с Таней *, которой было три года.

Службы не было, а церковь никогда не запиралась. Это — в Петербурге, на Петербургской стороне. Особенно — тихо, особенно — один. В церковь я любил заходить все с этой Таней, которая была худенькая и необыкновенно грациозна, мы же боялись у нее менингита, как у первого ребенка, и почти не считали, что «выживет». И вот, тихо-тихо... Все прекрасно... Когда вдруг в эту тишину и мир капнула какая-то капля, точно голос прошептал:

«...вы здесь — *чужие*. Зачем вы сюда пришли? К кому? Вас никто *не ждал*. И не думайте, что вы сделали что-то «так» и «что следует», придя «вдвоем» как «отец и дочка». Вы — «смутьяны», от вас «смута» **.

Когда я услышал этот голос, может быть, и свой собственный, но *впервые эту мысль сказавший*, без предвзрений и подготовки, как «внезапное», «вдруг», «откуда-то» — то я вышел из церкви, вдруг залившись сиянием и гордостью и *как победитель*. Победитель того, чего никто не побеждал, — даже того, *кого* никто не побеждал.

— Пойдем, Таня, отсюда...

— Пора домой?

— Да... домой пора ***.

* * *

«Неужели же так и кончится его деятельная жизнь, посвященная всецело на благо человечества?»

«Ему не хотелось верить, что Провидение уготовило ему столь ужасный конец».

«Он вспомнил о Гарри Тэксоне, вспомнил много случаев, когда он освобождал от ужасной смерти этого многообещающего, дорогого ему юношу...»

(«Графиня-Преступница»).

Так предсмертно рассуждал Шерлок Холмс, висая и коптильне под потолком, среди окороков (*туда его поднял на блоке, предварительно оглушив ударом резины,— разбойник*), и ожидая близкой минуты, когда будет впущен дым и он прокоптится наравне с этими окороками.

Мне кажется, Шерл. Хол. — то же, что «Страшные приключения Амадиса Гальского», которыми зачитывался, по свидетельству Сервантеса, герой Ламанчский — и которыми, без сомнения, потихоньку наслаждался и сам Сервантес. Дело в том, что неизвестный составитель книжек о Холмсе (в 48 стр. 7 к. книжка) — вероятно, исключенный за неуспешность и шалости гимназист V—VI-го класса,— найдя такое успешное приложение своих сил, серьезно раскаялся в своих гимназических пороках и написал книжки свои везде с этим пафосом к добродетели и истинным отвращением к преступлению. Книжки его везде нравственны, не циничны и решительно добропорядочнее множества якобы «литературно-политических» газет и беллетристики.

*

Есть страшно интересные и милые подробности. В одной книжке идет речь о «первом в Италии *воре*». Автор принес, очевидно, рукопись издателю: но издатель, найдя, что «король воров» не заманчиво и не интересно для сбыта, зачеркнул это заглавие и надписал свое (издательское): «*Королева воров*». Я читаю-читаю, и жду, когда же выступит *королева воров*? Оказывается, во всей книжке ее нет: рассказывается только о джентльмене-воре.

*

Есть еще трогательные места, показывающие дух книжек:

«На мгновение забыл все на свете Шерлок Холмс, ввиду такого опасного положения своего возлюбленного ученика. Он поднял Гарри и понес его на террасу, но окно, ведущее в комнаты, оказалось уже запертым.

— А кто этот раненый молодой человек?

— Это честный добрый молодой человек, на вас не похожий, милорд».

(«Только одна капля чернил»).

Еще в конце:

«— И вы действительно счастливы и довольны своим призванием?»

— Так счастлив, так доволен, как только может быть человек. *Раскрыть истину, охранять закон и права* — великое дело, великое призвание.

— Пью за ваше здоровье... Вы *утешитель несчастных, заступник обиженных*, страх и гроза преступников».

(«Одна капля чернил», конец).

Читая, я всматривался мысленно в отношения Шерлока и Гарри, с точки зрения «людей лунного света»: нельзя не заметить, что, как их представил автор, они — не замечая того сами — оба влюблены один в другого: Гарри в Холмса — как в старшего по летам своего мужа, благоговей к его уму, энергии, опытности, зрелости. Он везде бежит около Холмса, как около могучего быка молодая телушечка, с абсолютным доверием, с абсолютной влюбленностью. Холмс же смотрит на него как на возлюбленного сына — с оттенком, когда «сын-юноша» очень похож на девушку. Обоих их *нельзя представить себе женатыми*: и Гарри в сущности — урнинг, и Холмс — вполне урнинг:

К земным утехам нет участия,
И взор в грядущее глядит.

Удовольствие, вкусная еда, роскошь в одежде — им чужда. Незаметно, они суть «монахи хорошего поведения», и имеют один пафос — истребить с лица земли преступников. Это — Тезей, «очищающий дорогу между Аргосом и Афинами от разбойников» и освобождающий человечество от страха злодеев и преступлений. Замечательно, что проступки, с которыми борются Шерлок и Гарри, — исключительно отвратительны. Это не проступки нужды или положения, а проступки действительного *злодейства в душе*, совершаемые виконтами, лордами-наследниками, учеными медиками, богачами или извращенными женщинами. Везде лежит *вкус к злодейству*, с которым борется *вкус к добродетели* юноши и мужа, рыцаря и оруженосца. Когда я начал «от скуки» читать их — я был решительно взволнован. И впервые вырисовался в моем уме человеческое

CRIMEN *

Оно — *есть, есть, есть!!!..*

Есть как особое и *самостоятельное* начало мира, как первая буква особого алфавита, на котором не написаны

«наши книги»; а его, этого преступного мира, книги все написаны «вовсе не на нашем языке».

И, помню, я ходил и все думал: *crimen! crimen! crimen!*

«Никогда на ум не приходило»...

И мне представился *суд* впервые как что-то необходимое и важное. Раньше я думал, что это «рядятся» люди в цепи и прочее, и делают какие-то пустяки, не похожие на дела других людей, и что все это интересно наблюдать единственно в смысле профессий человеческих.

Нет.

Вижу, что — нужно.

Дело.

* * *

Только у человека. цветет, а завязаться плоду не дают.

(«сформировывается» девушка в 13—14 лет, а «супружество» отложено до 20-ти лет и далее).

* * *

...да Элевзинские таинства* совершаются и теперь. Только когда их совершают люди, они уже не знают теперь, что это — таинства.

* * *

...да ведь совершенно же ясно, что социал-демократия никому решительно не нужна, кроме Департамента государственной Полиции.

Без нее — у Департамента работы нет, как нет удочки и лова без «наживки». Социал-демократия как доктрина — есть «наживка» на крючке. И Департамент ловит «живность» этой приманкой.

*

С этой точки зрения — а в верности ее нельзя сомневаться, — «Отечественные Записки», «Русское Богатство», «Дело», Михайловский, Щедрин были в «неводе» правительства и служили наиболее ядовитому его департаменту. Все совершилось «обходом» и Щедрин-Михайловский со-работали III-му отделению.

Но вышло «уж чересчур». Неосторожно «наживку» до того развели, что она прорвала сеть и грозит съесть самого рыбака. «Вся Россия — социал-демократична».

*

Понятно, для чего существует «Русское Богатство». Какой же томящийся питомец учительской семинарии, как и сельский учитель «с светлой головой», не напишет «письмо души-Тряпичкина» нашему славному Пешехонову или самому великому Короленке. И чем ловить там по губерниям, следить там по губерниям — легче «прочитать на свет» письма, приходящие к 3—4—10 «левым сотрудникам известного журнала». «Весь улов» и очутится «тут».

Понятно. Математика. Но «переборщили», не заметив, что вся Россия поглупела, опошлела, когда 1/2 века III-ье отделение «оказывало могущественное покровительство» всем этим дурачкам, служившим ему при блаженной уверенности, что они служат солидарной с ними общечеловеческой социал-демократии.

Департамент сделал революцию бессильной. Но он сам обессилел, революционизировав всю Россию.

Каша и русская «неразбериха». Где «тонко» — там и «рвется».

*

Но вот объяснение, почему славянофильские журналы один за другим запрещались; запрещались журналы Достоевского. И только какая-то «невидимая могущественная рука» охраняла целый ряд антиправительственных журналов. Почему Благосветлов с «Делом» *не был* гоним, а Аксаков с «Парусом» и «Днем» — гоним *был* *.

Пожалуй, и я попал: Куприн, описывая «вовсю» публ. д.** — «прошел», а Розанов, заплакавший от страха могилы («Уед.»), — был обвинен в порнографии***

* * *

— Пора, — сказала мамаша.

И мы вышли в городской сад. На мне был черный сюртук и летнее пальто. Она в белом платье, и сверху что-то. В начале июня. Экзамены кончились, и на душе никакой заботы. Будущее светло.

Солнце было жаркое. Мы прогуливались по главной аллее и уже сделали два тура, когда в «боковушке»

Ивана Павловича * отворилось окно, и, почти закрывая «зычной фигурой» все окно, он показался в нем. Он смеялся и кивнул.

Через минуту он был с нами. Весь огромный, веселый.

— И венцы, Иван Павлович?

— Конечно!

Мы сделали тур.— «Ну, пойдемте же». И за ним мы вошли во двор. Он подошел к сторожке.— «Такой-то такой-то (имя и отчество), дайте-ка ключи от церкви».

Старичок подал огромный ключ, как «от крепости» (видал в соборах: «ключ от крепости такой-то, взятой русскими войсками»).

— Пойдемте, я вам все покажу.

Растворилась со звуком тяжелая дверь. Я «что-то стоял»... И, затворив дверь, он звучно ее запер. «Крепко». Лицо в улыбке, боязни — хоть бы тень. Повернулись оба к лестнице:

Стоит моя Варя на коленях... Как войти по лесенке — ступеней 6,— то сейчас на стене образ; увидав его, «как осененная» Варя бросилась на колени и что-то горячо, пламенно шептала.

Я «ничего». Тоже перекрестился.

Вошли **

* * *

Самолюбие и злоба — из этого смешана вся революция. Если попадают исключения, то это такая редкость (Мельшин, Анненский ***).

(на поданной почтовой квитанции).

* * *

Сила евреев в их липкости. Пальцы их — точно с клеем. «И не оторвешь».

(засыпая).

Все к ним прилипает, и они ко всему прилипают. «Нация с клеем».

(утром завтра).

* * *

...окурочки-то все-таки вытряхиваю. Не всегда, но если с $1\frac{1}{2}$ папиросы не докурено. Даже и меньше. «На-

до утилизировать», (вторично употребить остатки табаку).

А вырабатываю 12 000 в год и, конечно, не нуждаюсь в этом. Отчего?

Старая неопрятность рук (детство)... и даже, пожалуй, по сладкой памяти ребяческих лет.

Отчего я так люблю свое детство? Свое измученное и опозоренное детство.

*(перебрав в пепельнице окурки
и вытряхнув из них табак в свежий табак).
(на письме Ольги Ивановны *).*

* * *

Симпатичный шалопай — да это почти господствующий тип у русских.

* * *

Я чувствую, что *метафизически* не связан с детьми, а только с «другом».

Разве с Таней...

И, следовательно, связь через рождение еще не вхлестывает в себя метафизику.

С детьми нет какой-то «связующей тайны». Я им нужен — но это эмпирия. На них (часто) люблюсь — и это тоже эмпирия. Нет загадки и нет боли, которые есть между мною и другом. Она-то одна и образует метафизическую связь.

Если она умрет — моя душа умрет. Все будет только волочиться. Пожалуй, писать буду (для денег, «ежедневное содержание»), но это все равно: *меня* не будет.

«Букет» исчезнет из вина, и останется одна вода. Вот «моя Варя».

* * *

Мамочка никогда не умела отличить *клубов* пара от дыма и, войдя в горячее отделение бани, где я поддал себе на полок, вскрикивала со страхом: «Какой *угар!*...» Также она не умела отпереть никакого замка, если отпирание не заключалось в простом поворачивании ключа вправо. Когда я ей объяснил, что нужно же писать «*мнѣ*» и вообще в дательном падеже — *ѣ*, то она, не пытаясь вникнуть и разобраться, вообще везде предпочла писать *ѣ*. Когда я ей объяснил, что лучше везде писать

е, то она уже не стала переучиваться, и удержала старую привычку (т. е. везде *ъ*).

Вообще она не могла вникнуть ни в какие *хитрости* и ни в какие *глупости* (мелочи): слушая их ухом, она не прилежала к ним *умом*.

Но она высмотрела детям все *лучшие школы* в Петербурге. Пошла к Штембергу (для Васи). Директор ей понравился. Но, выйдя во двор, во время роспуска учеников, она стала за ними наблюдать: и придя, изложила мне, что «все хорошо, и директор, и порядок», но как-то «*вульгарен будет состав товарищей*». Пошла в школу Тенишевой — и сказала твердое: «туда». Девочкам выбрала гимназию Стоюниной, а нервной, падающей набок Тане, как и неукротимой Варваре, выбрала школу Левицкой. И, действительно, для *оттенков* детей подошли именно эти *оттенки* школ; она их не угадала, а твердо выверила.

Вообще твердость суждения и поступка — в ней постоянны. Никакой каши и мямленья, нерешительности и колебания. И никогда «сразу», «с азарту», «вдруг». Самое колебание всегда продолжалось 2—3 дня, и она ужасно в них работала умом и всей натурой.

А замка не умела отпереть: ибо это и действительно ведь *глупость*. Ибо замки ведь вообще должны *запирать*, и — *только*, т. е. все «направо»; а что сверх сего — «от лукавого». И она «от лукавого» не понимала.

Однажды мне кой-что грозило, и я между речей сказал ей, что куплю револьвер. Вдруг к вечеру с пылающим лицом она входит в мою квартиру, в доме Рогачевой. И, едва поцеловав, заговорила:

— Я сказала Тихону (брат, юрист)*... Он сказал, что это *Сибирем пахнет*.

— Сибирью...

— Сибирем, — она поправила — равнодушная к форме и выговаривая, как восприняло ухо. Она была занята *мыслью о ссылке*, а не грамматикой.

Крепко схватив, я ее осыпал поцелуями. И до сих пор эта тревога за любимого человека у меня не разъединима с «Сибирем пахнет».

Она вся пылала, торопилась и запрещала (т. е. покупать револьвер). Да я и стрелять не умел.

Она вышла из 3-го класса гимназии. Именно — она все пачкала (замуслякивала) чернилами парту, заметив, что Иван Павлович (Леонов), говоря ученикам объяснения, опирается пальцами на стол (он был огром-

ного роста и толстый). Тот все пачкался. Пожаловался. И поставили в поведении «4». Мамаша (Ал. Адр. Руднева), вообразив, что «4 в поведении *девушке*» марает ее и намекает на «VII заповедь», оскорбилась и сказала:

— Не ходи больше. Я возьму тебя из гимназии. Они не смеют порочить *девушку*.

* * *

Хорошее — и у чужого хорошо. Худое — и у своего ребенка худо.

Встала в 11-м часу. Отдых, 3 раза будили.

(начало вакации у учащихся детей) (сержусь).

* * *

У Кости Кудрявцева директор (Садоков) спросил на переэкзаменовке:

— Скажите, что вы знаете о *куме*?

Костя был толстомордый (особая лепка лица), волосы ежом, взгляд дерзкий и наглый.

А душа нежная.

Улыбнулся и отвечает:

— Ничего не знаю.

— Садитесь. Довольно.

И поставил ему единицу.

Костя мне с отчаянием говорил (я ждал у дверей):

— Подлец он этакий: скажи он мне *квум* — и я бы ответил. О *квум* три страницы у Кремера (грамматика). Он, черт этакий, выговорил — *кум!* (есть право и так выговаривать, но им не пользуются). Я подумал: «*кум!* — предлог *с*»; что же об нем отвечать, кроме того, что — «с творительным?» но это — до того «само собою разумеется», что я счел позорным отвечать для пятого класса.

И исключили. В тот час у него умер и отец. Он поступил на службу (чтобы поддерживать мать с детьми), сперва — в полицейское управление, и писал мне отчаянные письма («Вася, думали ли мы, что придется служить в проклятой полиции»), потом — на почту, и «теперь работаю в сортировочной» (сортировка писем по городам).

*

В то же время где-нибудь аккуратный и хорошенький мальчик «Сережа Муромцев» * учился отлично, директор

его гладил по голове, кончил с медалью, в университете — тоже с медалью, наконец — профессор «с небольшой оппозицией»... И, оправдывая Некрасовское

...До хорошего местечка
Доползешь ужом *,

— вышел в председателя 1-й Госуд. Думы. И произнес знаменитое *mot ***: «Государственная Дума *не может ошибаться*». Неужели мой Костя мог бы так провалиться на государственном экзамене??!!

Да, он *кум* не знал: но он был ловок, силен, умен, тактичен «во всяких делах мира». А как греб на лодке! а как — потихоньку — пил пиво и играл на бильярде! И читал запоем.

Где этот милый товарищ?! ***

*

Я сохранил его письма; вот они:

I.

Скука, братец, без тебя в классе ужасная (по крайней мере, для меня)! Неужели ты пролежишь еще неделю? Впрочем, это лучше — отдохнешь, а то тебя совсем замучили классические репетиции.

В классе у нас все по-старому, т. е. всё плохо и *все* плохо. Звезда первой величины, Ешинский, сегодня явилась в наше туманное пятно, но с меньшим блеском, чем прежде. Остафьев тоже пришел; все укорял, что не заходил к тебе во время болезни. Гуманный мальчик!.. Звезда 4-й величины.

Теперь перехожу к патентованным. Алексеевский шатается по концертам, по Покровке¹ и, кажется, преупевает в сердце м-сс Кетти². Воспылай гневом Отелло, Васька!

Поливанов... впрочем, это уж не звезда, а целая видимая планета по части глупостей и шалопайничества. Сообщи два факта. Вчера я узнал, от него самого, что триппер или бобон посетил его от неумеренных наслаждений с горничною. Далее, сегодня, в классе, во время

¹ Главная улица в Нижнем, куда к вечеру «высыпали все» и искали «встреч», — или, скромнее, — обменивались взглядами. Гулять по Покровке считалось презренным для демократической части гимназистов. Алексеевский — лучший в классе математик, и о нем «на Покровке» с удивлением и возмущением пишет Кудрявцев. Он был наш дорогой товарищ.

² Презирая грубое русское «Катя», мы именовали по-английски «мисс Кетти» горничную Катерину, служившую у покойного моего брата. Она была как бы сублинная немочка по виду — т. е. бледна и тонка; по манерам — утонченна; и это было причиною, что она нравилась мне и всем моим товарищам. Я с ней вел переговоры, что сперва ее обучу, а потом мы женимся. И учил ее читать и писать. О ней см. смешной *договор* в конце переписки.

геометрии, он курил, пуская клубы дыма из-под парты! Я тебе передаю *буквально*. Грехов¹ не заметил.

Про других учеников не стоит говорить.

Силин глупеет с каждым днем (в *моих* глазах) все более и более. Шляется, гудит на скрипке, так что беги вон, кое-что читает... Суворов достал место в конторе «Кавказ и Меркурий».

Я читаю, думаю, много сплю, уроками занимаюсь мало и проч. Посетить тебя можно, что ли? Впрочем, сегодня и завтра прийти не могу. Пиши мне что-нибудь, тебе же я написал довольно, еще, пожалуй, Бертран² спросит повторить.

Кудрявцев.
Так и есть.

1874 г. март 10.

На спинке записки адрес:

Василию Васильевичу

Розанову,

доктору медицины и философии, члену-корреспонденту
всех Академий Наук в свете, знаменитому естествоиспытателю,
минералогу, энтомологу, и проч. и проч. и проч.

От К. К.

II.

Милый Розанов!

Сто раз с разом прошу прощения за то, что вчера не пришел. Получив твое письмо, я намеревался быть у тебя в 7 часов, но... является Переплетчиков, зовет с собой. Я сперва отказывался, но не устоял против искушения — поиграть на бильярде. (Я недавно начал учиться играть на нем и полюбил бильярд больше пива). Ну, пошли, играли, пили... потом я зашел к П-ову, просидел до часу ночи. К тебе — *если можно* — я приду сегодня в 7 часов. Что ты, брат, какая тюря: все хвораешь? После этой болезни, надеюсь, последней — тебя не будут выпускать из дому... В мае и июне сидеть дома!.. До свидания.

Кудрявцев.

1874 г. 10 мая.

Ответь, пожалуйста, на эту писульку. От тебя так приятно получать записки... «Русск. Стар.» еще у вас?

К. К.

¹ Грехов — прекраснейший преподаватель математики в Нижнем. Жена его, Дарья Кирилловна, — общая любимица гимназистов и заступница за них. Петруша Поливанов, — уже в гимназии бредивший революцией, — попал впоследствии в Петропавловскую крепость; а, выпущенный из нее, почему-то покончил с собой (повесился). Ссылка на Поливанова — конечно, ложна: *весь* наш класс, очень демократический и, след., серьезный, был «без этих увлечений *девиц*», кроме разговоров и шуток. Поливанов, без сомнения, хвастался и врал на себя.

² Учитель французского языка, на уроке коего Кудрявцев мне писал эту записку. Из приписки «Так и есть» — после письма — видно, что Бертран и «поймал» Костю в невнимании.

III.

Деревушка Митинка.
28 сентября 1874 г.

Милый и дорогой мой друг Вася!

Если бы ты видел, как я читал твое письмо, как я радовался, чуть не прыгал и чуть не плакал, что ты так мало (sic. В. Р.) написал! От души, от всего сердца благодарю тебя, Вильям¹, за твою записку... Мне она показалась лучше и дороже длиннейшего письма Силина. Но к делу, к делу... Да, милый Розанов, в нынешний год я столько перенес горя, несчастий, что и сказать страшно. Ты уж знаешь, вероятно, от Силина или Переплетчикова, что я лишился отца. Что я чувствовал, что во мне происходило — сказать трудно... Но пойми только это: отец умер после того, как у нас все сгорело; дела все в расстройстве, я не знаю — куда приткнуться; и ты живо вообразишь мое положение. Видеть убитую горем мать, слышать вокруг себя от всех и каждого: «Он умер, оставив жену и 8 человек детей мал мала меньше!» — все это, Розанов, ужасно подействовало на меня. Тысячи мыслей, одна другой печальнее, приходили мне в голову... Мне нужна была сильная поддержка — ее не было. Я положительно упал духом... Но скоро я поправился; я стал думать о матери, о братьях... А о себе? Что думать... На меня находят, Вася, минуты горького раскаяния в моей безалаберной, бесшабашной жизни в Нижнем! И в самом деле: ведь я был бы теперь в 7-м классе! Пробивал бы грудью, а не лбом себе дорогу... Какой я бесхарактернейший человек, Вася! Но не суди меня ради... ради науки (sic. В. Р.), милый Вася! Что делать? А теперь... эх!.. теперь университет от меня далеко, милый Вася! От тебя близко... (Ты не поверишь, Розанов, — я плачу, когда пишу эти строки, буквально плачу...) Да, горько, грустно!

Теперь, в настоящую минуту, у меня одна цель: попасть на порядочное место и поддерживать мать, а там... что пошлет Судьба, неумолимый fatum. Но какая скука, какая безысходная тоска жить здесь! У нас есть свой домик в уездном городишке Симб. губ., Алатыре; но мать пока живет у родного брата своего, здесь. Кругом все заботы о делах; даже замучился, хлопоча об них. Сидишь, сидишь, а тоска лезет на душу... Братья хохочут, играют, крикнешь на них, поколотишь... А тоска... Ждешь, ждешь писем, особенно письма из Москвы. Ах, да, Розанов, — у меня есть протекция, и очень, кажется, сильная... У меня, твоего бедного друга! Дело в том, что некий граф Ланской может дать мне выгодное местечко, так как хорошо был знаком с отцом; за меня хлопочет соседняя помещица, Федорова, которая приходится мне крестной матерью. Она теперь в Москве. Может быть, я и попаду туда. Но я даю тебе слово, Розанов, что я буду заниматься, хотя понемногу, при каких бы то ни было обстоятельствах. Видишь ли в чем штука: мне нужно выдержать экзамен в 6-й или 7-й класс, чтобы не служить 6 лет в паршивой военщине! Я постараюсь выдержать. Как мне хочется быть

¹ Т. е. «Василий». В гимназии мы питали (Бог весть, почему) презрение ко всему русокому, вернее — ко всему «своему», «близкому», «здешнему», — и переменяли имена свои на чужие. Прочитав уже Бокля и Дрэпера, я выбрал себе английское имя «Вильям». В Симбирске был у меня товарищ, который называл себя и подписывался — «Kropotini italio» (Кропотов).

хоть вольнослушателем в университете! А ведь ужасно скверно, Розанов, быть недоучившимся, остановиться на полдороге. Видал я таких господ. Как мне хочется, Розанов, увидеть тебя, поговорить с тобой! Peut-être *, я с тобой скоро увижусь на пути в Москву, а может быть — и долго, долго... так что ты меня забудешь... Ах, Розанов, это так тяжело будет для меня! Впрочем, нет, — что за глупости! — ты пишешь: «я все такой же, как и прежде...», а я комментирую: т. е. он так же любит меня и так же дружен со мной... Не правда ли? Скажи, милый Вася!

Я здесь очень мало читаю; впрочем, перерыл все шкафы с журналами начала XIX-го века: «Вест. Евр.» М. Каченовского, даже Карамзина, «Сын Отеч.», «Библ. для Чтения», «Соврем.» и т. п. Все ужасное старье! Стараюсь доставать книг, откуда только можно. Много гуляю, много хожу с ружьем. Ужасно я полюбил эти удивительные прогулки. Идешь по проселочной дорожке, куришь порядочную сигару (я курю открыто), а сам думаешь... Погода здесь стоит весь сентябрь прелестная. Солнце садится... Тишь кругом. Изредка откуда-то долетит песня... Каркнет ворона. Длинные белые паутины носят по воздуху... Зайдешь в самую глушь полей, приляжешь к стогу... и Боже! чего, чего не передумаешь? Даже Америку вспомнишь, мою заветную думушку, и изучение английского языка... А доллары были бы теперь весьма кстати. Не правда ли? С каким томительным нетерпением ждешь в такой глуши новостей, писем, газет... Страх! «Русские Ведомости», благо их выписывает дядя, я пожираю строчку за строчкой... Что это у вас делается в Нижнем? Аресты, обыски, открытия... Поливанов кипятится, горячится... Крепко жму ему руку и всем моим хорошим товарищам, Карпову, Остафьеву и... Ешинскому. (Если он захочет пожать мне руку.)

Ну, мой милый, теперь к тебе безотлагательная просьба. А именно: пиши ко мне такие же огромные фолианты, как я тебе, а не короткие записки. Пиши ко мне все, решительно все, — все, что думаешь, что делаешь, как живешь, учишься. Пиши про товарищей так же язвительно, как про А-ского. (Видно, он тебе очень надоел.) За такие послания я тебя, при свидании, пылко, горячо, от всего сердца поблагодарю. Ну, будь здоров и прощай! Один искренний совет: не изнурай слишком ты себя и не порть своего здоровья. Пожалуйста!

Твой друг К. Кудрявцев.

Р. С. Я писал Переплетчикову с просьбой показать и тебе письмо; получил ли он его? Писал я уже давно.

Брожение умов распространяется и на нашу местность. два молодых управляющих из окрестностей арестованы. Что это такое?

Отдал ли ты Ник. Вас. книгу «Жизнь Вашингтона». Мой № 72.

Мой адрес: на Болховскую станцию Курмышского уезда Симбирской губ. чрез Кочетовское волостное правление в деревню Мининку, прямо мне.

IV.

10 января 1875 года.
Село Мурзицы.

Дорогой любезный, хороший мой Вася!

Прости меня, прости, тысячу раз прости за долгое молчание! Ты, пожалуй, думаешь, что я тебя вовсе забыл, забыл и нашу дружбу, и проч. и проч. Нет, Вася, я больше всего на свете желал бы

в настоящую минуту повидаться с тобой, наговориться досыта, отвести душу, утомленную печальями, разочарованиями и безнадежной тоской. Я несколько раз собирался тебе написать, писал даже огромные, черновые письма, — да ни одно из них не дошло по назначению. Теперь же, улучив досужную минуту, опишу тебе все перемены, происшедшие с твоим несчастным другом К-вым.

В настоящее время я живу на месте, очень плохом и скверном, но и его еле-еле добился; начальник мой и повелитель — полицейский чиновник, становой пристав Маслов. Условия — семь руб. в месяц жалованья, стол и освещение его и вдобавок маленькое отделение за ширмами для успокоения моего брэнного тела. Не правда ли, пресвосходное, замечательное место? Думал ли ты, Вася, что я когда-нибудь буду служить в полиции, так нами осмеиваемой и презираемой?

На такую должность я поступил просто потому, что надо же куда-нибудь деваться, губить где-нибудь молодые силы и горячие способности, которые, впрочем, давно уже погублены... Мне нужно привыкнуть к канцелярской деятельности, усвоить, так сказать, нравы и обычаи писцов, учиться с азбуки всем тонкостям писарской науки, так как я еще нигде не служил и ничего не знаю в практической деятельности. Вот уж скоро будет 1 1/2 месяца, как я сделался письмоводителем у станowego; привыкаю понемногу и узнаю, в чем *вся суть*. Дела, собственно, не очень много, но оно до крайности мелко и кропотливо, да притом нет определенных часов для занятий; занимайся утром, пиши вечером, в середине дня приготавливай бумаги на почту... Почта получится — нужно ее записать, потом рассортировать по книгам и проч.; и проч.; к тому же часто приходится ездить с становым по уезду: беспокойно, хлопотливо и неудобно. Одним словом — долго я здесь не прослужу, а буду ждать места, и чуть узнаю получше — прощай, полиция! Хорошо еще, что близко от родных (всего 9 верст), а то бы я умер от скуки. Обстановка самая скверная: голые стены, грязный пол, а на стеклах фантастические изображения тропических лесов, воспроизводимые русским морозом. Сам г. Маслов — человек лет 32, среднего роста, брюнет, с довольно пошлой рожей, украшенной синим носом (хотя мало пьет), вообще довольно дюжинная, невзрачная физиономия. Он не слишком сварлив, но кричать любит; самолюбив и дает это чувствовать. Жена его и дочь 7-ми лет — личности, заслуживающие только презрения, первая потому, что решительно *ничего* не делает (впрочем, сплетничает), а вторая — миньятюрный портрет матери. Ты видишь, Вася, с какими людьми приходится мне начинать мою новую жизнь, деятельность, на поддержку семьи... Что может во мне развиваться хорошего при такой обстановке? Что даст мне эта служба? В письме ведь всего не расскажешь, а многое я бы тебе передал. Что случилось с моими задушевными мыслями? Куда девалась моя веселая беззаботность, смеющийся взгляд на *черный день*? Ты меня не узнаешь, Вася, если придется когда-нибудь свидеться. Я стал задумчивее и серьезнее более, чем когда-либо. С гимназией я разделался совсем: бумаги и овидетельство получил, поведение мне выставили 4, из латинского 2, и добавили, что по службе на производство в 1-й классный чин я не имею препятствий. Черт бы их драл с их чином!..

Ничего-то, ровнехонько ничего, я хорошего полезного не читаю; как я завидую в этом отношении (и во всех прочих) тебе. Ты можешь читать все новинки, следить за литературой (в промежутках чтения гистологии), а я и газет-то порядочных здесь не вижу.

Напиши мне, дорогой Вася, про свое житье-бытье. Что ты был, и что стал, и что есть у тебя? Я так давно не получал никаких известий из Нижнего, что для меня каждая мелочная подробность интересна.

Скажи, как у тебя идет ученье? Чем занимаешься посторонним? Не забудь, если будешь писать ко мне, и тех господ, которые смотрят на меня «с полупрезрительным сожалением»... Черт их возьми; ведь я тебя люблю, ты со мной дружен — и больше нам ничего и никого не надо. Только очень и очень жаль, что судьба забросила нас в разные стороны, размыкало по обширному приволью русской земли... Ты говоришь, что «дружба дает силу, с которой...» и проч. Я с тобой согласен. Что бы я сделал, если б ты был постоянно около меня! Ты бы меня всегда научил, успокоил, развлек... А то посуди сам, Вася: вокруг меня здесь нет ни одного товарища-ровесника (не говоря уж друга), ни одного человека, с которым бы я мог поделиться своими мыслями! Так грустно, отвратительно-однообразно проходят дни, месяцы... Поневоле вспомнишь Лермонтова:

А годы проходят, все лучшие годы...

Скверно, безотраднo, тяжело думать, Вася, что мы с тобой еще долго не увидимся; я не могу сказать даже приблизительно — когда именно. Но мы, я надеюсь, будем продолжать начатую переписку еще долго, до тех пор, по крайней мере, пока не найдем новых, лучших друзей. (Не забывай тогда пословицы: «старый друг лучше новых двух».)

Если интересуешься знать положение моей семьи, вот в двух словах: мать с братьями все еще живет у дяди В. М. Потехина в деревне Митинке; один брат в 1-м классе Сергачского Уездного Училища. Двух других тоже через год нужно будет поместить в Училище; старшую сестру берет одна знакомая для обучения рукоделью и прочему бабьему делу. Всех смерть отца согнала с нагретого, теплого родного гнезда! Грустно, грустно, как раздумаешься... Бедная мамаша все прихварывает и еще не может забыть своей невозвратимой потери. Жалко мне ее, от души жалко... Что ей дала жизнь? Родилась она в суровое крепостное право, молодость провела в барской девичьей за вязаньем и шитьем; потом замужество и куча детей... Постоянно больной муж... хлопоты... в конце концов — смерть любимого человека и *нужда* в перспективе... Немного, очень немного веселых дней в ее жизни... «Разве под старость меня утешат дети», вероятно, думает она. И то, Вася, надежда плоха... Есть у меня двоюродная сестра, Люба, дочь дяди В. М.; та ее любит как родную мать, и мамаша ей не нахвалится... И я, грешный человек, люблюсь сестренкой и часто, когда я еще жил в Митинке, наш веселый смех оглашал комнаты, тот смех — беспричинный, неудержимый, — который и ты знаешь...

Праздники провел я скучнейшим образом... Ах, извини; поздравляю тебя с ними и с Новым годом, в котором желаю тебе больших успехов и всего, всего, что ты сам желаешь! А ты, мой милый, ученый *деятельный* друг, как веселился на праздниках? Исполнишь ли ты мою просьбу — выходить чаще из дому и развлекаться? Без этого ты совсем захиреешь...

Ну, Вася, пора кончить. Много еще я хотел сказать, да всего не напишешь. Будем лучше ожидать радостного свиданья, тогда поговоримся и вдоль и поперек.

Пиши мне по следующему адресу, не прибавляя и не убавляя ничего: в г. Курмыш, Симбир. губ. Его Благородию Г-ну Приставу 2-го стана, с передачей Конст. Иванов. Куд-ву.

Кланяйся всем, кто помнит веселого, шутливового товарища, покинувшего их Куд-ва; передай, если увидишь, Переплетчикову, что я сержусь за его молчание, и скажи еще, что 4 р., заимообразно взятые, в скором времени возвращу по адресу, написанному им самим.

Прощай, мой друг Вася, до следующего письма; утешь меня, отшельника, задушевным посланием, в котором дай подробный отчет о твоей жизни, и помни, что тебя любит по-прежнему

Друг твой К. Кудрявцев.

Р. С. Жми руки у Остафьева, Карпова, Поливанова, Маринина и Кнушевицкого.

V.

Митинка, 15-го апреля 1875 г.

Ты, вероятно, заждался ответа на свои письма, дорогой Вася. Но я тут решительно не виноват — письмо твое от 17-го марта я получил 9-го апреля. Ты удивляешься? Это случилось так: оно было адресовано на станowego, — а я у него вот уже три месяца не служу. Но дело не в том, когда я его получил, а хорошо, что оно получено. Легко могло пропасть. Ты сердисься, Вася, что я *не отвечаю* на твои письма, даже оскорбляешь меня подозрением в их целости, убедительно просишь ответа на письмо от 19-го октября 74 г., советуешь письма разделять на две части, хорошенько вдумываться в твои послания и проч. и проч. Делать нечего. Последую твоему мудрому совету и твоим теоретико-литературным правилам. Это было вступление, теперь следует 1-я часть.

Я сперва постараюсь представить мой разбор твоего предыдущего письма. Громадная разница между этими двумя письмами: первое — почти все наполнено желчными шутками и едкими островами, только в конце что-то вроде лирического монолога, похожего на бред больного в белой горячке. Тем не менее, он очень поэтичен и художествен, по моему крайнему разумению. (Кроме тебя, еще так мог написать Чернышевский, см. сны Веры Павл.) Второе — более спокойное и дельное; конец, впрочем, тоже очень грустный. В этот период времени (от 19 октября по 17 марта) ты, кажется, много перенес и испытал.

Состояние духа, судя по последнему письму, у тебя очень скверное, мрачное... Но к делу. В предыдущем письме ты, во-первых, спрашиваешь, «рад ли я, по смерти отца, своей свободе?» Я решительно не понимаю твоего вопроса. В свою очередь, и я могу дать тебе такой же вопрос: у тебя уже давно нет отца, но рад ли ты этому? Ни о какой радости, ни о малейшей свободе тут не может быть и речи. Напротив, во сто раз *больше зависимости* от семейства, от ясного сознания долга поддерживать его и помогать ему. Я теперь долго буду мучиться этими обязанностями; если бы еще одна мать, а то сосущие титьку братья. Нет, Вася, я теперь человек не свободный, с этим ты должен согласиться. Далее ты спрашиваешь меня — о своих способностях. Прежде чем отвечать на этот вопрос, действительно нужно подумать. Мой ответ, совершенно *беспристрастный*, следующий: что ты способен к обширной деятельности —

нет сомнения; у тебя хорошие задатки к научной деятельности, которые еще достигнут полного развития в университете; ты легко можешь оделаться отличным писателем в области критики и вообще публицистики, а может быть, и в беллетристике. Ты говоришь: «я хочу ее (деятел.) во что бы то ни стало», — весьма звучные слова, от которых у горячего человека вся кровь заиграет в жилах, но примесь *железа* в твоём *характере* нужно еще подвернуть химическому анализу. Растолкуй еще мне, Вася, как ты понимаешь слово — *общественная деятельность*? Я, по крайней мере, понимаю так и сяк. Вот мой ответ; он не полон, краток... но пополнений, вероятно, будет еще много.

«Догоню ли я тебя на пути к таинственному огоньку?» Вот что я тебе скажу *откровенно*, мой милый Вася: у меня нет таких возвышенных стремлений и идей, таких широко развитых целей и планов, как у тебя. Судьба мифического титана, Колхидского изгнанника, меня не особенно интересует.

«Все люди находятся в глубочайшем мраке»... Неужели *все и везде*? Может быть, в Нижнем только? Слушай, дорогой Вася: *показать людям истину* я не способен и не считаю себя таким гениальным и великим человеком; слагаю всю честь на тебя. Скажи мне, милый, что такое вообще *истина*? Я еще раз повторяю, что ты страдаешь болезненными припадками, и «тысячи мыслей, тысяча вопросов» (особенно таких отвлеченных и метафизических) доведут тебя, пожалуй, до того, что ум за разум зайдет, и вместо того, чтобы показать человечеству истину, — тебя самого станут показывать любопытным как сумасшедшего. Не сердись на меня, Вася, за резкие выражения. Ты действительно «мечтатель»; но, по-моему, уж лучше «искать успокоения в думах» более рациональных. Ты и прежде омеялся над преобладающей во мне страстью к долларам; совершенно верно, Вася, — у меня стремления, а особенно в последнее время, чисто материальные и успокоаются на практической, действительной почве, а не в воздушных замках. Но, Вася, миллион раз повторяю, — *не исключительно материальная*... Пойми это!

Письмо твое от 17-го марта я и не знаю, как назвать: скажу только, что оно очень меня поразило и имеет, замечу в скобках, начатки разложения нашей немноголетней дружбы. Ты пишешь в нем очень много глупого, сомневаешься во мне, в нашей дружбе, предполагаешь мое будущее «затишье»... Начну с начала твоего письма. Ты советуешь мне «не опускаться, не пьянствовать»... Ты, вероятно, помнишь во мне прежнего Кудрявцева, бесшабашного мальчишку. Я писал тебе и раньше, что я *переменился*. Смерть отца на меня сильно подействовала, и я, пожалуй, согласен, что «несчастья исправляют человека». С отъезда моего из Нижнего я не выпил ни одной рюмки вина, даю в этом *честное слово*. Успокоился ли ты теперь или не веришь? Как хочешь, для меня это решительно все равно; двадцать раз писать об одном и том же — мне ужасно надоедает. Ты просишь «ради Бога» не считать тебя наивным мальчиком. Нет, воля твоя, а я тебя еще долго буду считать этим *garçon paif*. Тебе еще только *кажется*, что — бедность и «заедающая среда» не составляет неодолимых препятствий... Вспомним хотя наших поэтов Грибоедова, Никитина, Кольцова... Ломоносовых у нас, да и везде, мало. Я вовсе не отчаиваюсь в своем положении и знаю, что я *могу* уйти дальше писаря... и *уйду*. Что же касается до моего «затишья», то я (извини) плюю на все это место твоего письма и никогда бы не поверил до сих пор, чтобы ты это мог написать, ты, мой друг! Ты, следовательно, меня *ни капли* не знаешь, если

«боишься, сильно боишься», что, чрез 1½ года, моя жизнь будет похожа на «проявление растения!» Эх. Вася, Вася! ты до глубины души *оскорбил* меня этим предположением...

Твердого характера, как ты понимаешь это слово, у тебя гораздо меньше моего; я это мог лучше увидеть в тебе «со стороны»; я вспыльчив, горяч, самонадеянно-хвастлив, но самообладание у меня есть, никогда его не «недоставало». Ты с своими философскими размышлениями зашел слишком далеко... Ты становишься чуть ли не педантом, метишь в мои менторы-покровители... Но чтобы не раздражаться более, перестану обо всем этом упоминать. Что тебе сказать о твоём плане поступления моего в университет? Одна наивность, восторженность, глубокомысленные советы, а в конце концов — мыльный пузырь. Употреблять годы на приобретение учебников, по меньшей мере, странно: в 12 рублей мать мне не откажет, особенно на такое дело; «не жалеть себя» для приобретения аттестата зрелости — глупо. Прочти программы: можно поступить вольнослушателем и выдержать экзамен во 2-й курс. И прочее — все в этом роде. Этот план мне не нравится, если хочешь — напиши другой. Удивил ты меня также своим намеком на Никол. Васил. Неужели он в самом деле *«попрекает»* тебя хлебом? Не верится что-то, Вася; насколько я знаю твоего брата, он, мне кажется, не способен на это. Сделай милость, исполни обещание, опиши тайну своего детства.

Теперь я сообщу тебе кое-что из моей жизни. Февраль месяц я прослужил в гор. Алатыре Симб. г., у тамошнего купца Попова, в качестве помощника конторщика. Жалованье было положено в 180 руб. в год. Я было обрадовался этому плохонькому местечку, во-первых, потому, что обстановка и занятия гораздо лучше, чем было у станowego пристава; во-вторых — мать весной хочет туда переехать в свой дом: нам было бы хорошо жить вместе. Но обстоятельства сделали иначе... И вот я опять сижу здесь, жду у моря погоды. Подыскиваю, расспрашиваю, узнаю места и людей, но места еще не нашел. Впрочем, золотое время даром не теряю: выписал из Москвы учебник франц. яз. и ревностно им занимаюсь, просиживаю над ним целые дни, все свободное время. «Ты всегда слишком скоро осваивался со всяким положением», — пишешь ты мне; без этого похвального качества, отвечаю я, нельзя пробыть неделю на тех местах, где я служил. Нет, Вася, нет; пойми ты, пожалуйста, что все хорошие инстинкты, все лучшие чувства и мысли нужно скрывать под холодную наружную маску в обществе тупоразвитого и малообразованного! От этого я скоро со всем и сживаюсь или, лучше сказать, привыкаю, хотя в душе и презираю весь состав их жизни, осмеиваю их чувства и их предрассудки. В своей семье меня прозвали безбожником и нигилистом (как залетело сюда это слово?), потому что я тут не стесняюсь и громко выражаю то, что чувствую. Но какая же здесь скука, мой милый, особенно в этот паршивый великий пост! Хотя я дома сижу мало — все езжу по делам матери. *Книг нет!* Ужасные слова, не правда ли? Другой раз я света не вижу от тоски и скуки, от мучительных дрызг и мелочей семейных. Возьму и засяду на целые дни за учебник Оллендорфа... Всего в письме не напишешь, а перебирать мельком отдельные случаи не стоит; а я все еще надеюсь побывать в Нижнем, на пути в Москву... Даже газет я вот уже месяца с два не видал; дядя пе-

рестал выписывать: говорит, что дорого 8 руб. за «Русск. Вед.», а дешёвенькой еще не подыскал...

Что ты ничего не напишешь о своем учении, о своих посторонних занятиях, о своем чтении? Неужто ты не в состоянии добыть себе гривенник другим путем, а не путем попрошайничества? Карпов еще в 4 кл., живя на братской квартире, секретно давал уроки и зарабатывал копейку; я секретно от отца давал уроки, квартирная хозяйка даже не знала об этом. А ты в 6 кл. и... где же твоя сила характера, твой гениальный ум? Между тем копейка необходима... хоть бы на то, чтоб поскорее ответить другу. Что Остафьев в куртке кадета? А Маринин все поглощает писаревщину и К^о? Пиши по *старому* адресу и поскорее, если хочешь, чтоб твое письмо меня застало; я живу как на бивуаках — сегодня здесь, чрез неделю в другом месте.

Прощай, мой милый Вася! Верь, что твой приятель «не затихнет», верь, что он тебя любит по-прежнему. А *propos* — поздравляю с праздником и целую: «Неужели ХРИСТОС ВОСКРЕС?»¹.

Твой друг К. Кудрявцев.

Р. С. Кнушевицкому вторичный поклон и более низкий. Что Силин, ходишь ты к нему?

VI.

Господину
Василию Васильевичу
Розанову
Отд. Д. П.

Алатырь, 23 сентября 1875 г.

Дорогой, милый и добрый Вася!

Извини меня, двадцать миллионов раз извини, что я не писал до сих пор.

Прощаешь, что ли? А?

Но даю слово, при первой возможности настроичить письмо «огромной дистанции». И в этом письме сообщу тебе все, все, все мои тревожнения и неудачи... А теперь извини, брат, положительно некогда. Пожалуйста, пиши, если хочешь утешить бедного товарища и друга.

Живу скверно и гадко!

Целую тебя и жму руку.

Твой друг
Конст. Кудрявцев.

Миленький Вася, пиши *по адресу*:

г. Алатырь, Симбир. губ.

Стрелецкий переулоч, д. Промзинкина. К. К.

VII.

Алатырь, 16 мая 76 г.

Милый и дорогой друг Вася!

Ты, чай, совсем махнул рукой на своего верного друга, Костыку Кудрявцева, и думаешь, что он или сгиб, или пропал без вести, или

¹ Вероятно — целую (эту строку в твоём письме): «Неужели» и пр. — *Прим. В. Р-ва.*

забыл Розанова... Прости меня, товарищ Вася, и верь, что, как бы далеко меня ни забросила лихоедейка судьба, как бы долго я ни писал тебе, — я всегда-всегда буду помнить о той беззаветно-искренней дружбе, о тех веселых днях и вечерах, когда мы толковали с тобой о том, о сем, почти свято веровали в нашу будущность, строили всевозможные планы... Куда это девалось? Ах, Вася, я бы расцеловал тебя так, как жених не целует любимую невесту, если бы я мог увидеться с тобой!

Итак, ты прощаешь меня? Порасскажем о себе. Я, право, не знаю — с чего начать. Скажу о самом главном: теперь я готовлюсь держать экзамен... ты думаешь куда? — в уездные учителя, мой голубчик! Мой специальный предмет — история и география. И вот чем оканчиваются мои мечты об университете! Но это, — пойми, дружок Вася, — еще лучший конец. Дурак я, что раньше не подумал об этом... Разве лучше быть каким-нибудь конторщиком или приказчиком, хотя там иногда и больше жалованье? Черт их дери, эти места. Знаю я их. Теперь же, если я выдержу экзамен, ничего не может быть лучше: в здешнем городе открывается с будущего года вакансия именно на учителя истории и географии — и я думаю попасть сюда, чтобы не разлучаться с семейством и матерью. Держать экзамен я буду в сентябре, в Казани. Экзамен довольно трудный, так как по главным предметам, т. е. истории и географии, требуется знание полного гимназического курса, а я что знал — половину забыл, остальное же, напр., новую историю, и не учил никогда. Если же выдержу на уездн. учителя, то — чем черт не шутит — впоследствии могу держать и на учителя гимназии... Так-то, мой милый Васенька, вот чем я теперь занимаюсь и о чем думаю. История и география были всегда мои любимые предметы. Что сказать еще? Я целую зиму проездил по делам матери и очень мало был дома; даже готовиться только начал с конца апреля. Брат живет конторщиком в одном из имений кн. Енгальцева. Остальные братья и сестры живут при нас с мамашей; трое из них учатся в 1-м кл. уездн. уч. Читаю я по-прежнему много; беру книги из училищной библиотеки. Остальных развлечений никаких, хотя, напр., и достал ружье, но ни разу еще не ходил.

Извини, что мало пишу: теперь, право, некогда — я только напоминаю о себе, а то и ты, пожалуй, забудешь

друга твоего К. Кудрявцева.

Адрес: Алатырь, Симбир. губ., Стрелецкая ул., собственный дом.

Кланяйся всем, кто еще помнит меня.

VIII.

Алатырь,
17 августа 76 г.

Мой милый, милый
Вася!

Сейчас, сию минуту получил твое милое письмо и карточку! Немедленно сажусь отвечать... Ах, если б ты видел меня в ту минуту, когда из конверта выпала твоя карточка!.. Я положительно был вне себя от радости, прыгал, бегал по комнате и даже (ты ведь знаешь мою глупую натуру) заплакал. Моя бедная мамаша, сидевшая в этой же комнате, положительно недоумевала — чему это я так разъезжаюсь? и, вероятно, серьезно опасалась за мои

мозги... Благодарю тебя, Васенька, бесконечно благодарю за присылку своего портрета; сам я, как только снимусь,—сейчас же вышлю тебе, мой дорогой, свою... Ты пишешь, что «рад бы увидеть меня хотя на карточке»,—теперь мне понятно твое желание по опыту, и я постараюсь как можно скорее исполнить его.

Я не знаю, от кого ты слышал подобные рассуждения об уездных учителях: они с начала до конца неверны... Дело вот в чем: о преобразовании уездных училищ возбужден был вопрос уже давно и, по проектам, действительно будут учреждены в 4-х классные городские училища. Действительно, для приготовления новых учителей основаны Учительские Институты (напр., в Казани), но чтобы уездные учителя опасались за свои места — враки. Эта реформа, как и все реформы, не может произойти так быстро, а должна вводиться постепенно. Теперешние учителя будут командированы по очереди на 1 год в эти Институты; закрыть уездные училища, понятно, нельзя, и учителя, побывавшие в Институте, останутся на прежних местах. Все это я узнал от здешнего учителя математики Стефановича, который уже лет 9 учит здесь и теперь ждет командировки. В прошлом году выдержал экзамен на учителя русского языка один здешний молодой человек и теперь служит тоже здесь. В нашем училище имеется вакансия также на учителя истории и географии, на которую мне теперь и хочется попасть. Если я выдержу экзамен, то вместо того, чтобы идти куда-нибудь на место, могу прямо поступить в Учительский Институт; но гораздо, по-моему, практичнее сперва поступить на место и, проучивши там известное время, ехать по командировке в Институт, так как в этом случае я сохраняю свое жалованье и, кроме того, получаю 150 р. каких-то подъемных. Держать экзамен я думаю, как я тебе уже, кажется, писал, в нынешнем сентябре, но в настоящее время у меня сильно болят глаза (по уверению доктора, золотушное воспаление), так что мне нельзя. да и запрещено читать,—и это письмом я пишу с большим трудом. Болезнь глаз, если скоро не пройдет, может отсрочить экзамен на неопределенное время, а это для меня весьма скверно и гадко...

Я беспрестанно отрываюсь от письма, потому что утомляю глаза (или лучше — глаз, так как другой завязан). Свои глаза я в особенности испортил в последнее время усиленным чтением; целое лето и весну я по целым дням сидел за книгами, редко выходил из дому и ничего почти, кроме учебников да газет, интересных (ты согласишься?) по настоящей борьбе славян с турками.

Теперь давай, Вася, потолкуем как следует — искренно, по-братски, как говорят друзья и как говорили мы когда-то с тобой (где они, эти золотые дни)? Конец твоего письма опять смахивает на прошлогодние письма. Что с тобой, Вася, в самом деле? В середине письма ты иронически намекаешь о настроении своего духа в прошлом году, а теперь — опять за то же... Разве quasi-вдовушка уехала из Нижнего? или твоя симпатичная amante¹ изменила тебе, что люди опять начинают казаться тебе «копошащимися» червяками и собственное твое я чуть-чуть не разлетается мыльным пузырем? Не подумай, милый Вася, что я смеюсь над тобой, но мне,

¹ Должно быть — роман с Юлей (см. «Уед.») — учительницей музыки. Но это был прекраснейший роман, ни от кого не скрытый. Я был в VII кл. гимназии. Мы чудно читали с нею Монтерские, Бенгтама и немного шалили. Она была чистойшей девушка 19 л., мне было 18.

честное слово, самому до крайности жалко тебя и горько за состояние твоего духа... Как выйти из этой беды-печали? Ты пробовал развлечься — ну, и сознайся, ведь тогда не находили на тебя такие мрачные и скверные думы, такие минуты тоски и разочарования, как теперь? Да? Так слушай же, Вася, — неужели нельзя тебе как-нибудь соединить развлечения с умной, рабочей жизнью, твое прелестное веселье с серьезными занятиями? Я говорю — прелестное веселье, потому что знакомство с умной, образованной девушкой, вечерние разговоры, беседы *tête à tête*, да еще сходство характеров, — да это просто великолепие! Твой покорный слуга, «старый товарищ», как ты пишешь, ни разу в жизни не испытал такого удовольствия... Здесь, в Алатыре, я не знаком ни с одной девушкой, не говоря уже с образованной, а просто — мало-мальски симпатичной... А мои прежние знакомства в Нижнем? Ты, чай, знаешь о них: вспомнить гадко.

О твоих развлечениях я мельком узнал из письма Силина, который сообщал со свойственной ему глупостью и идиотским педантизмом, что ты пустился во все тяжкие, никуда не ходишь, а если тебя и видят, то только, дескать, в известных домах, которые населяют презренные девы или «исчадия духа злого»... (так и написал последние слова в кавычках; откуда это он взял?). Не помню, где его письмо, а разыскивать лень, но в общих чертах я пересказываю его слова верно¹. Но я очень усомнился его сообщению, особенно последнему, и, как помнится, послал к тебе письмо с запросом. Кстати, о СиLINE: он, кажись, совсем из ума выживает, пишет корреспонденции (где и какой дурацкий журнал их помещает?), драмы (вот, чай, потеха-то!) и даже стихотворения... Одно из последних он прислал мне, как, дескать, писанное экспромтом, в минуту такую-то... и проч., и просил написать ему мое мнение... Умо-ра просто; я, пожалуй, прислал стихи.

Я очень рад за тебя, что ты вышел из обычной колеи своей жизни (как помню я ее)... Кстати, милый мой, отчего ты так мало пишешь о своих прекрасных знакомках? (даже *г-жа N* написал!). Я надеюсь, что это не секрет, тем более для меня: так как я верю, что ты меня любишь братски и друг мой *навсегда*... В следующем письме, которое ты, по моему примеру, пиши сейчас же по получении моего и которое ты сам обещаешь *длинным*, — ты, пожалуй, напиши обо всем этом подробно, а также и об общих знакомых товарищах (все как-то интересно слышать о них что-нибудь). Меня же, мой милый и хороший Вася, ты извини: это письмо я пишу положительно больной и чрез силу, — и пишу, что вздумается, нимало не заботясь о порядке и последовательности; пишу потому, что ты просишь поскорее отвечать и в благодарность за присылку карточки.

Если я выдержу экзамен и останусь учителем здесь, то не на Рождестве, так в летнюю вакацию, на будущий 77 г., *непременно* побываю у тебя, в Нижнем, собственно для того, чтобы повидаться с тобой и развлечься (как ты же) от утомительного однообразия и скучнейшего монотонного прозябания. здешней отвратительной жизни!.. Если бы ты видел глупые хари моих знакомых, если бы ты слышал их разговоры, если бы ты рассмотрел их пошленькую, мелочную — до омерзения — жизнь... да еще если бы тебе приве-

¹ В домах «с исчадиями» я ни разу гимназистом не был, и раза 2 был с товарищами-студентами («в компании»), но оставаясь в гостинной и следя за танцами.

лось, как мне, почти постоянно видеть их и жить с ними,— ты бы затосковал и замучился еще более, так как натура у тебя впечатлительнее и свежее моей!..

Кстати, Вася, если ты так желал меня видеть, как пишешь, ты бы сделал вот что: во время ваката улучил бы недельку-другую, да и махнул бы ко мне!

Суди сам: ты пишешь, что у тебя были деньги (даже *много*), а проезд от Нижнего до Васильурска на самолете стоит пустяков, а от В. Сурска, крайнего пункта у устьев р. Суры, до Алатыря ходит и до сих пор пароход, на котором ты благополучно доехал бы чуть не до моей квартиры, заплатив за это удовольствие 3 р. 50 к. Не правда ли, отлично бы?! Весь проезд тебе стоил бы много-много 10 р., зато провел бы великолепную неделю у меня... Дурак я, тысячу раз дурак, что вовремя не уведомил тебя об этом, а то, может быть, и соблазнил бы тебя. Что ты скажешь относительно этого?

Утром, 18-го.

Много я тебе, мой любезный Вася, наскрипсил, и все-таки еще много хочется поведать тебе и о себе, и о своих мыслях... Но я так думаю, что сколько ни пиши, а все найдется, что сказать, сколько ни старайся яснее и подробнее сообщать в письмах, а все при личном разговоре в 5 минут расскажешь и поймешь друг друга в миллион раз лучше, чем в наидлиннейшем письме. Не так ли?

Хотелось бы мне утешить тебя как-нибудь, развлечь чем ни на есть... но ты, чай, помнишь знаменитое изречение: «врач! исцелися сам!» Я почти все нынешнее лето находился в таком же сквернейшем настроении духа и забывался только за приговорениями к экзамену, в чайники хоть на йоту изменить свою жизнь... Одно могу сказать тебе, Вася, что «от скуки не умирают», как гласит мудрая пословица. От скуки или *сплина*, как известно, стреляются только сыны туманного Альбиона; и то, как говорят путешественники, этому способствует природа их страны...

В минуты, особенно для тебя мучительные и невыносимые, ты, мой милый друг, бери листок бумаги и пиши ко мне: все легче будет на душе, право, когда изложишь свою тоску в письме к другу; тогда половина горя и все муки как будто свалятся с плеч, если знаешь, что есть где-то человек, сочувствующий тебе и понимающий тебя... Верно ли? Если и это не поможет, неужели ты не придумаешь, как развлечься? Иди гулять, не хочется — отправляйся к товарищам, скучно — ступай хоть в театр, и это не весело — то забегай хоть к г-же N... Да мало ли чем можно забыться. Неужто ты, Вася, так пресыщен жизнью и так сильна твоя тоска?

Еще раз прошу и прошу тебя писать мне тотчас же, а я в следующий раз (глаза, может, пройдут) напишу о себе поподробнее.

Благодарю и благодарю искренно и горячо за карточку! Целую тебя и жму крепко руку.

Весь твой К. Кудрявцев.

IX.

*4 октября 76 г.
Алатырь.*

Вот когда я собрался ответить тебе, дорогой мой Вася, на твое последнее письмо, полученное мною назад тому с лишком месяца! Не брани меня, Христа ради, что долго не писал... И теперь я пишу

через силу, опять только одним глазом, — еле различаю строчки и буквы... Глаз (и опять левый) разболелся до того, что я — честное слово — сомневаюсь в благополучном исходе болезни, да и сам доктор говорит, что «плохо». Теперь, впрочем, немного лучше, т. е. краснота яблока и воспаление уменьшается, но на самом зрачке появились какие-то белые пятна... Однако я о своем глазе расписался слишком много, но ведь ты знаешь, Вася пословицу — «что у кого болит, тот про то и говорит». И ведь надо же было ему заболеть именно в то время, когда я совсем был готов подать прошение!.. В последнем письме ты, Вася, думаешь, что я поеду в Казань держать экзамен; теперь оказывается, что можно и здесь. С августа м-ца здесь открылась 4-х классная классическая прогимназия, где я и думаю держать экзамен. Если бы не заболел глаз, я уже давно бы сдавал экзамен, а теперь приходится сидеть, сидеть... И какая скука, милый Вася, сидеть! Делать ничего нельзя, выйти тоже... Да еще прескверная, преотвратительная мысль — что того и гляди окривеешь, так вот и гложет душу! В голове еще беспрестанно вертится этот экзамен... Ей-Богу, черт знает, куда бы я ни делся в эту минуту... Ну, а ты что, Вася? Пиши, пиши ко мне, пожалуйста, поскорее и побольше! Прости, что я не могу поговорить теперь с тобою толком и ответить дельно на твои последние, милые, дружеские письма... Поверь, Вася, что, право, мне нельзя много ни читать, ни писать: еще, пожалуй, и последний глаз свернется с панталыку...

Целую тебя и жму крепко твою руку.

Друг твой Кудрявцев.

Х.

Алатырь, 26 февраля 1877 г.

Милый мой и дорогой Вася!

Я — хоть убей — не знаю, с чего начать это письмо... Хотелось бы, прежде всего, броситься к тебе на шею, расцеловать тебя, крепко, крепко поцеловать! Хочется также и извиниться пред тобой, попросить прощения за мое невообразимое «окаянство», за долгое, почти полгодное молчание... Наконец, на твое последнее письмо я ровно месяц не отвечал! Черт знает, что такое! Ты имеешь полное право сердиться на меня, кричать, топтать ногами, ругать, а я, презренная, рассеянная и ленивая скотина, молча и поникнув головой, опустив долу свои карие очи, буду выслушивать эти справедливые и горькие упреки... Прости меня, мой друг Вася! А чтобы ты не сердился — я даю тебе честное слово прислать до Пасхи еще два письма, если ты даже не сочтешь нужным (чего я, впрочем, не думаю) отвечать мне...

Нужно ли говорить, что ты меня обрадовал своим письмом, дорогой Вася, хоть — не сердись, пожалуйста — больше половины его занято описанием (которое мне, впрочем, очень полезно для знакомства с домашней обстановкой этого нового мужа-хозяина и дилетанта-писателя) твоего визита к Силину. Благодарю тебя за искреннее поздравление с получением диплома учителя, благодарю и искренне верю, что ты рад за меня. Диплом-то я получил, да места мне еще покуда нигде не вышло. Видишь, в чем дело: я тебе уж, кажется, писал, что здесь есть, или была теперь, вакансия в уезд. учил. на должность учителя истор. и геогр. Мне и хотелось

занять ее, но или мое прошение опоздало, или почему-либо другому, только сюда назначен другой, а я опять сижу у моря... Назначен, да еще вдобавок с правом через год еще только держать экзамен на учителя, а я совсем выдержавший... Не подло ли и не досадно ли? Теперь если и дадут скоро место, так где-нибудь в Царевкокшайске, напр.; есть, впрочем, надежда, что этот вновь присланный учитель не выдержит экзамена — и тогда я займу его место, или, может быть, он согласится поменяться со мной... А то, право, милый Вася, ужасно надоело быть без дела и без... своих денег, хоть и маленьких. Для меня решительно все равно, положим, куда меня ни посылал, в Астрахань или Сарапул, оба Казанск. округа, да и бедная моя мать грустит, что расстанется со мной, как я ее ни уговариваю.

Ты спрашиваешь, Вася, что я подделываю? О, мой дорогой друг и приятель, лучше бы тебе и не спрашивать! Ты ужаснешься всем безобразиям, какие творил твой закадыка Кудрявцев, начиная с Рождества и кончая... черт знает, когда кончу. Ты ведь знаешь, что я почти 5 месяцев просидел дома, занятый приготовлениями к экзамену и больной глазами; а как сдал все эти разные испытания благополучно — и пошла писать! С цепи сорвался! Знакомых много, дела нет, развлечься хочется, скучно, а тут приспели бешеные святки — немудрено, как хочешь, Вася, что я свихнулся... Попойки (с разными жженками и пуншами), танцы, вечера с масками (какие у меня были костюмы! умопомрачение!), катанья на тройках, наконец — картишки вплоть до рассвета (много выиграл и много продул) и живые камелии в 30° мороза... — вот тебе яркая картина моей жизни в последние 2—3 месяца. Теперь буря стала утихать, но все я еще часто хожу по гостям и нередко ворочаюсь домой «так поздно, что — ей-Богу — очень рано!..». Рядом со всеми этими оргиями, которые тоже надоедают, я читаю Костомарова и Шлоссера, Мордовцева и Тьерри, Соловьева и проч. Прочел недавно всего Геттнера, который достал из прогимназической библиотеки. (Помнишь, вместе еще читали!) Читаю толстые журналы последних лет и пожираю газеты; только не могу достать «Нови» никак и нигде... Наверяд ли в Алатыре выписывается экземпляр с 2 «Вести. Евр.». Я горячо желаю войны с Турцией, боюсь только... ты, чай, подумал: «Ну, и он эскадронов боится!» Нет. Я боюсь того, найдутся ли у нас новые Румянцевы и Суворовы, знатно колотившие турок, и не будет ли — чем черт не шутит? — какого-нибудь своего Базена... Впрочем, анархия в Турции достигла до *pes plus ultra**, и если уж Черняев с своими добровольцами и сербскими пресловутыми войсками стоял против турок и даже поколачивал их, — так перед нашими войсками, я надеюсь, они непременно покажут пятки и растеряют туфли...

В твоём письме, милый Вася, есть странное место: ты намекаешь на мое письмо к Силину и говоришь, т. е. двумя словами его характеризуешь, что «написано очень дружелюбно, не хуже, чем мне, и не меньше...». Послушай, Вася: неужели ты до сих пор не уверен в моей дружбе, неужели ты думаешь, что я больше дружен с Силиным?! Я пишу Силину обыкновенно редко и помалу; он же часто громит меня своими объемистыми письмами, настоящими папирусами или фолиантами, и в каждом из них последняя страница занята просьбами как можно больше, больше писать... Одних восклицательных знаков у него не пересчитаешь. Действительно, последний раз я был глубоко изумлен его женитьбой и спрашивал его о ней, потом высказал свой взгляд на его занятия литературой. И только. Ты, пожалуйста, успокойся, Вася; я всегда

считал тебя не только выше Силина, но выше 20, 30 подобных ему, и с тех пор, как знаком с тобой, был твоим истинным другом.

Конст. Кудрявцев.

Пиши мне, будь так добр, пожалуйста, поскорее; как только получу письмо, *сейчас* буду тебе отвечать. Что ты ничего не черкнешь об Алексеевском, Ешинском — когда-то общих товарищах? Что поделявают г-жи Каменская и Поддубенская? Напиши.

Прощай, будь здоров.

Целую тебя.— К. К.

XI.

Алатырь, 5-го апреля 1877 г.

Милый друг Вася!

Что это за «окаянство» с твоей стороны? Неужели ты не получил моего письма перед Страстной неделей, в котором я еще обещался писать тебе почаще? Разве ты болен или слишком занят, что не найдешь времени черкнуть мне? Отвечай мне, пожалуйста; я так давно ничего от тебя не слыхал. Я даже и не буду сердиться, если вскоре получу от тебя письмо... толстое, понятно.

О себе ничего нового сказать не могу: все то же, все старое. Места мне еще не вышло, дела поэтому у меня ровно никакого... Хочу заняться математикой и — черт их дери — классиками... Буду готовиться держать испытание зрелости: чем черт не шутит, — может быть, и вывезет!

Читаю, по обыкновению и по-прежнему, много и, тоже по обыкновению, почти без разбора: все, что попадется. Отдаю, положим, преимущество историческим сочинениям и... беллетристике, по обыкновению.

На праздниках (кстати — христосуюсь и поздравляю с прошедшим), впрочем, ничего не читал, «потому, значит, гуляли»...

Из журналов читаю «От. Зап.», «Древнюю и новую Россию», «Русск. Стар» и, кроме газет, только «Нови» никак еще не могу достать.

Жаль, право, что я здесь не остался учителем: я бы непременно приехал к тебе летом. А теперь, чертовщина такая, — сидишь без гроша... и уж тут не до поездки в Нижний. Впрочем, если назначат куда-нибудь по Волге, я бы еще заехал, дал бы крюку, да навряд ли...

Извини, что мало пишу: тороплюсь, да и устал — накопилось много писем, а я, кстати, и вздумал напомнить тебе о себе. Я не буду просить тебя еще раз *писать*: полагаю — сам «восчувствуешь» эту потребность...

Здоров ли ты, в самом деле? Не посещает ли тебя по-прежнему знаменитая перемежающаяся лихорадка? Прощай. Крепко целую и жму руку.

Твой друг
К. Кудрявцев.

XII.

Милый мой друг,
Вася!

Что с тобой случилось, что ты не отвечаешь на мои письма? Вероятно, ты их или не получаешь, или тебя нет в Нижнем? Наконец, не болен ли ты, что не имеешь возможности писать??.

Я тебе послал два или три письма, а ты все молчишь и молчишь... Какая этому причина? Не мучь меня, Христа ради, и отвечай хоть двумя-тремя словами, только ответь. Я ничего не знаю о тебе — Аллах ведает, с коих пор — целую вечность, одним словом... И ты ни одним словом не известишь о себе старого друга и приятеля?!? Или, может быть, ты забыл о нем?.. Мне будет очень и очень грустно!

Я спрашивал о тебе даже Силина (впрочем, и некого больше), но тот остолоп тоже ничего не узнал или не хотел узнавать... Итак, если у тебя еще не совсем испарилась дружба ко мне и осталась хоть крошечка участия, — ты мне ответишь? Ведь да? И, пожалуйста, — как только получишь это письмо. Пожалуйста!

Если ты скоро напишешь мне, я буду отвечать более длинным и подробным письмом, теперь же извини за краткость.

Я все еще сверхштатный учитель и библиотekarь здешнего уездного училища. Вакантного места мне не вышло. Впрочем, я имею надежду остаться здесь: хочу заняться преподаванием русского языка. Придется опять держать экзамен... Подробности после.

Читаю много, жадно слежу за военными событиями, занимаюсь французским языком, купаюсь и гуляю по берегам Суры... Вот что я теперь делаю. Чтение и гулянье надоедают; «скучно и грустно» чаще, чем весело; досадно и тошно бывает иногда... Все учителя и немногие знакомые разъехались, кто в отпуск, кто в деревню, а без них мне Алатырь кажется еще томительнее и однообразнее.., особенно в такую африканскую жару, какая стоит теперь.

Крепко жму руку и целую тебя, милый Вася! Неужели ты опять мне не ответишь? Прощай!

Твой друг
К. Кудрявцев.

Алатырь,
6 июля 1877 г.

Р. S. Как сошли у тебя экзамены? Боюсь, что ты живешь с братом на даче, и это письмо долго пролежит в гимназии..., а я буду «безутешно ждать» ответа.

Есть еще письмо: немного неприличное. Я его сохранил ради «смехотворности»:

Я, Василий Розанов, должен получить от Владимира Алексеевского аммонит¹ 1 января 1874 г. Чтобы получить его, я отдаю ему право на мою горничную, мисс Кетти. Если он и не будет иметь успеха, то и в таком случае аммонит переходит в мою коллекцию.

К этому заявлению руку приложили

В. Розанов
Владимир Алексеевский.
Свидетель К. Кудрявцев.

1873 г. 13 декабря.

¹ Аммонит — ammonites — прелестный, золотистый, небольшой: предмет моего «соблазна»... В гимназии я собрал прекрасную коллек-

А может быть, ты, Костя, жив: тогда откликнись: Петроград. Коломенская, 33, кв. 21.

* * *

Русское хвастовство, прикинувшееся добродетелью, и русская лень, собравшаяся «перевернуть мир»...— вот революция.

(за занятиями).

* * *

Отвращение, отвращение от людей... от самого *состава человека*... Боже! с какой бесконечной любви к нему я начинал (гимназия, университет).

*

Отчего это? Неужели это *правда* *.

* * *

Торчит пень. А была такая чудная латания. 13 рублей.

*

Так и мы...

*

И вся история — голое поле с торчащими пнями.

(купил за 13 с кадкой и жестяным листом на Сенной; оценивали гости в 30 р.; два года прожила, утешала глаз; на 3-й стала чахнуть, и в сентябре, у швейцара на «прилавочке»,— огромная кадка и странный пень в ней).

* * *

Вполне ли искренне («Уед.»), что я так не желаю славы? ** Иногда сомневаюсь. Но когда думаю о боли людей — вполне искренне.

«Слава» и «знаменитость» какое-то бланманже на жизнь; когда сыт всем — «давай и этого». Но едва занозил палец, как кричишь: «Никакой славы не хочу».

цию «ископаемых» этот аммонит был лучшим если не по значительности и интересу, то по красоте — украшением всего собрания; также я собрал и прекрасную коллекцию минералов и руд, копаясь в Кокшарове («Кристаллография» — лекции), проф. Еремеев (литограф. курс лекций), Ляйэле и Море.

Во всяком случае, это-то уже справедливо, что к славе могут стремиться только пустые люди. И итог: *насколько* я желаю славы — я *ничто*. И, конечно, человечество может поступить тут «в пику». Т. е. плевать «во все лопатки».

* * *

«Анунциата была высока ростом и бела, как мрамор» (Гоголь) * — такие слова мог сказать только человек, не взглянувший ни на какую женщину, хоть «с каким-нибудь интересом».

*

Интересна половая загадка Гоголя. Ни в каком случае она не заключалась в он....., как все предполагают (разговоры). Но в чем? Он, бесспорно, «не знал женщины», т. е. у него не было физиологического аппетита к ней. Что же было? Поразительна яркость кисти везде, где он говорит о покойниках. «Красавица (колдунья) в гробу» — как сейчас видишь. «Мертвецы, поднимающиеся из могил», которых видят Бурульбаш с Катериною, проезжая на лодке мимо кладбища, — поразительны. То же — *утопленница* Ганна **. Везде покойник у него живет удвоенною жизнью, покойник — нигде не «мертв», тогда как живые люди удивительно мертвы. Это — куклы, схемы, аллегории пороков. Напротив, покойники — и Ганна, и колдунья — прекрасны, и *индивидуально интересны*. Это «уж не Собакевич-с». Я и думаю, что половая тайна Гоголя находилась где-то тут, в «прекрасном упокойном мире», — по слову Евангелия: «Где будет *сокровище* ваше — там и *душа ваша* ***». Поразительно, что ведь ни одного мужского покойника он не описал, точно мужчины не умирают. Но они, конечно, умирают, а только Гоголь нисколько ими не интересовался. Он вывел целый пансион покойниц, — и не старух (ни одной), а все молоденьких и хорошеньких. Бурульбаш сказал бы: «Вишь, турецкая душа, чего захотел». И перекрестился бы.

Кстати, я как-то не умею представить себе, чтобы Гоголь «перекрестился». Путешествовал в Палестину — да, был ханжою — да. Но перекреститься не мог. И просто смешно бы вышло. «Гоголь крестится» — точно медведь в менуэте.

Животных тоже он нигде не описывает, кроме быков, разбодавших поляков (под Дубно). Имя собаки, я не

знаю, попадаете ли у него. Замечательно, что нравственный идеал — Уленька — похожа на покойницу *. Бледна, прозрачна, почти не говорит, и только плачет. «Точно ее вытащили из воды», а она взяла да (для удовольствия Гоголя) и ожила, но самая жизнь проявилась в прелести капающих слез, напоминающих, как каплет вода с утопленницы, вытащенной и поставленной на ноги.

Бездонная глубина и загадка.

(когда болел живот. В саду).

* * *

Боже Вечный, стой около меня.
Никогда от меня не отходи.

(часто) (чтобы не грешить).

* * *

Какого бы влияния я хотел писательством?
Унежить душу.

— А «убеждения».
Ровно наплевать.

* * *

Благородный ли я писатель?

Конечно, я не написал бы ни одной статьи (для денег — да), т. е. не написал бы «от души», если бы не был в этом уверен.

А ложь? Разврат («поощряю»)? Нередкая злоба (больше притворная)?

Как сочетать? согласить? примирить?

Не знаю. Только этот напор в душе убеждения, что у меня это — благородно.

Почему же? Какие аргументы? — «на суде ничего не принимается без доказательств»?

Да, — а что такое неблагородное?

«Подделывался».

Но ни к кому не подделывался.

«Льстил».

Но никому не льстил.

«Писал против своего убеждения».

Никогда.

Если я писал с «хочется» (мнимый «разврат»), то ведь что же мне делать, если мне «хотелось»?

Не потащите же вы корову на виселицу за то, что ей «хотелось».

И если «лгал» (хотя определенно не помню), то просто в то время не хотел говорить правды, ну — «не хочу и не хочу».

Это — дурно.

Не очень и даже совсем не дурно. «Не хочу говорить правды». Что вы за дураки, что не умеете отличить правды от лжи; почему я для вас должен трудиться?

Да и то определенной лжи я совсем не помню.

Правда, я писал однодневно «черные» статьи с эс-эрными. И в обеих был убежден. Разве нет $1/100$ истины в революции? и $1/100$ истины в черносотенстве?

Но зачем в «правом» издании и в «левом»?

По убеждению, что правительство *и подумать не смеет* поступать по «правым» ли, по «левым» ли листкам. Мой лозунг: «если бы я был Кое-кто, то приказал бы обо всем, не исключая «Правительственного Вестника»*:

— В мой дом этих прокламаций не вносите.

Я бы уравниал «Русское Знамя» и какую-нибудь «Полярную Звезду»**

— Этих прокламаций мне не надо.

Как сметь управлять «по 100 газетам», когда *не подали голоса* 100 000 000 людей (мужики, вообще *не имущие*)? не подали бабы? чистые сердцем гимназисты?

Подали, извольте, «люди с пером».

Я бы им такое «чиханье» устроил, что не раскушались бы.

Правительство должно быть абсолютно свободно. И особенно — от гнета печати. Разумеется, в то же время оно должно быть чрезвычайно *строго к себе*.

Но — *по своему убеждению и своим принципам*.

А то:

— Баян говорит.

— Григорий Спиридоныч желает.

— Амфитеатров из-под Везувия фыркает.

Скажите, пожалуйста, какая «важность»? Как же им не фыркать, не желать и не говорить, когда есть чернильницы и их научили грамоте.

Не более я думал и о себе.

— Все это ерунда.

Это скромность. Именно, что я писал «во всех направлениях» (постоянно искренне, т. е. об $\frac{1}{1000}$ истины в каждом мнении мысли) — было в высшей степени прекрасно, как простое обозначение глубочайшего моего убеждения, что все это «вздор» и «никому не нужно»: правительству же (в душе моей) строжайше запрещено это слушать.

И еще одна хитрость или дальновидность — и, м. б., это лучше всего объяснить, что я *сам* считаю в себе притворством. Передам это шутя, как иногда люблю шутить в себе. Эта шутка, *действительно*, мелькала у меня в уме:

— Какое сходство между «Henri IV» и «Розановым»?

— Полное.

Henri IV в один день служил лютеранскую и католическую обедню и за обеими крестился и наклонял голову. Но Шлоссер, но Чернышевский, не говоря о Добчинском-Бокле, все «химики и естествоиспытатели», все великие умы новой истории — согласно и без противоречий, дали хвалу Henri IV за то, что он принес в жертву *устарелый* религиозный интерес новому *государственному* интересу, тем самым, по Дрэперу, «перейдя из века Чувства в век Разума». Ну, хорошо. Так все хвалили?

Вот и поклонитесь все «Розанову» за то, что он, так сказать, «расквасив» яйца разных курочек — гусиное, утиное, воробьиное — кадетское, черносотенное, революционное, — выпустил их «на *одну* сковородку», чтобы нельзя было больше разобрать «правого» и «левого», «черного» и «белого» — *на том фоне, который по существу своему ложен и противен...* И сделал это с восклицанием:

— Со мною Бог.

Никому бы это не удалось. Или удалось бы притворно и *неудачно*. «Удача» моя заключается в том, что я в *самом деле* не умею здесь различать «черного» и «белого», но не по глупости или наивности, а что там, «где ангелы реют» — в самом деле, не видно, «что Гималаи, что Уральский хребет», где «Каспийское» и «Черное море»...

Даль. Бесконечная даль. Я же и сказал, что «весь ушел в мечту». Пусть это — мечта, т. е. призрак, «нет». Мне все равно. Я — *вижу* партии и *не вижу* их. Знаю, что — и *ложны* они и что — истинны. «Прокламации».

«Век Разума» (мещанская добродетель) опять переходит в героический и святой «Век Порыва»; и как там на сгибе мелкий бес подsunул с насмешкой «Henri IV», который цинично, ради короны *себе*, на «золотую свою головку» — надсмеялся над верами, где страдали суровый Лютер и великий Григорий I (папа), — так послал Бог в этот другой сгиб человека, сердце которого так во всем перегорело, ум так истончился («О понимании») в анализе, что для него «все политические истины перемешались и переплелись в ткань, о которой он вполне знает, что она провиденциально должна быть сожжена».

* * *

У нас нет совсем *мечты своей родины*.

И на голом месте выросла космополитическая мечтательность.

У греков есть она. Была у римлян. У евреев есть.

У француза — «*chère France*» *, у англичан — «Старая Англия». У немцев — «наш старый Фриц».

Только у прошедшего русскую гимназию и университет — «проклятая Россия».

Как же удивляться, что всякий русский с 16-ти лет пристаёт к партии «ниспровержения государственного строя».

Щедрин смеялся над этим. «Девочка 16-ти лет задумала сокрушение государственного строя. Хи-хи-хи! Го-го-го!»

Но ведь Перовская почти 16-ти лет командовала 1-м марта **. Да и сатирик отлично все это знал. — «Почитав у вас об отечестве, десятилетний полезет на стену».

У нас слово «отечество» узнается одновременно со словом «проклятие».

Посмотрите названия журналов: «Тарантул», «Оса» ***. Целое издательство — «Скорпион» ****. Еще какое-то среднеазиатское насекомое (был журнал). «Шиповник» *****.

И все «жалят» Россию. «Как бы и куда ей запустить яда».

Дивиться ли, что она взбесилась.

*

И вот простая «История русского нигилизма»

*

Жалит ее немец. Жалит ее еврей. Жалит армянин, литовец. Разворачивая челюсти, лезет с насмешкой хохол.

И в середине всех, распоясавшись, «сам русский» ступил сапожищем на лицо бабушки-Родины.

(за шашками с детьми).

* * *

Я учился в Костромской гимназии, и в I-м классе мы учили: «Я человек, хотя и маленький, но у меня 32 зуба и 24 ребра». Потом — позвонки*.

Только доучившись до VI класса, я бы узнал, что «был Сусанин», какие-то стихи о котором мы (дома и на улице) распевали еще до поступления в гимназию:

...не видно ни зги!»

...вскричали враги **

И сердце замирало от восторга о Сусанине, умирающем среди поляков.

Но до VI-го класса (т. е. в Костроме) я не доучился. И очень многие гимназисты до IV-го класса не доходят: все они знают, что у человека «32 позвонка», и не знают, как Сусанин спас царскую семью.

Потом Симбирская гимназия (II и III классы) — и я не знал ничего о Симбирске, о Волге (только учили — «3600 верст», да и это в IV классе). Не знал, куда и как протекает прелестная местная речка, любимица горожан — Свияга.

Потом Нижегородская гимназия. Там мне ставили двойки по латыни, и я увлекался Боклем! Даже странно было бы сравнивать «Минина и Пожарского» с Боклем: Бокль был подобен «по гордости и славе» с Вавилоном, а те, свои князья, — скучные мещане «нашего закоулка».

Я до тошноты ненавидел «Минина и Пожарского» — и, собственно, за то, что они не написали никакой великой книги вроде «Истории цивилизации в Англии».

Потом университет. «У них была Реформация, а у нас нечесаный поп Аввакум». Там — римляне, у русских же — Чичиковы.

Как не взять бомбу, как не примкнуть к партии «ниспровержения существующего строя».

В основе просто:

Учась в Симбирске — ничего о Свияге, о городе, о родных (тамошних) поэтах — Аксаковых, Карамзине, Языкове; о Волге — там уже прекрасной и великой.

Учась в Костроме — не знал, что это имя — еще имя языческой богини; ничего — о Ипатьевском монастыре О чудотворном образе (местной) Феодоровской Божией Матери — ничего.

Учась в Нижнем — ничего о «Новгороде низовья земли», «о Макарии, откуда ярмарка», об Унже (река) и ее староведах.

С 10-ти лет, как какое-то Небо и Вера и Религия:

«Я человек, хотя и маленький, но у меня 24 ребра и 32 зуба», или наоборот, черт бы их брал, черт бы их драл.

Да, еще: учили, что та кость, которая *есть* берцовая, и *называется* берцовой.

*

Представьте, как если бы годовалому ребенку вместо материнской груди давали — «для скорейшего ознакомления с географией» — кокосового молока, а девочке десяти лет надевали бы французские фижмы, тоже для ознакомления с французской промышленностью и искусством. «Моим детям нет еще одиннадцати лет, но они уже знают историю и географию».

И в 15 лет эти дети — мертвые старички.

* * *

...пока еще «цветочки»: погодите, русская литературочка лет через 75 принесет и ягоды.

*

Уже теперь Фаресов, «беллетрист-народник», предложил поскорее, для утешения в горести, «принять в хорошую христианскую семью» немецкую бонну, которая, читая со свечой роман ночью, зажгла пожар, и когда горела 9-летняя Тamarочка Ауэр*, то она вытаскивала свои

платья и оставила без помощи горевшую Тamarочку. Фаресов, биограф Лескова*, написал (в «Петербургской Газете»):

«Это она, бедная, растерялась. Ее скорее надо утешить».

Я бы ему предложил пожертвовать от себя этой гувернантке 25 р. Даю честное слово, что не дал бы.

О гувернантке же двоюродная тетя Тamarочки (Васина учительница) рассказывала, что она уже поступила на место и что получила страховую премию за белье свое, которое якобы сгорело, а оно, на самом деле, было в стирке и, конечно, было благополучно ей возвращено, а она показала его сгоревшим.

Да: но она 1) немка, 2) труженица, 3) интеллигентка. А что такое Тamarочка? Она только кричала, увидев пылающую комнату: «Бедный папочка! Все сгорит, и когда он вернется (из-за границы), он ничего не найдет».

Он не нашел дочери. Вечная память. Еще: она нередко у этой бонны целовала руку, как дитя неразумное, и ее от этого отучали. Она была страшно нежна к окружающим.

Сгорела она в мае. Мать ее умерла в декабре той же зимы, т. е. месяцев за 5—6. Молодой вдовец быстро вновь женился.

* * *

Революция русская вся свернулась в тип *заговора*; но когда же заговор был силен против государства, а не против лица? Революция русская и мучит лиц, государство же русское даже не чувствует ее.

«На нашей Звенигородской улице все стоит после 1-го марта, как до 1-го марта». И ни один лавочник не чихнул.

(в саду вечером).

* * *

Когда рвалось железо и люди при Цусиме, литературочка вся хихикала, и профессора хихикали:

— Дан ранг капитана — определить высоту мачты (у К. Тимирязева — против Данилевского**).

Можно бы профессорам и ответить на это:

— Принесли и положили на стол диссертацию профессора: определить, из скольких немецких лоскутков она сшита?

* * *

Лучшее в моей литературной деятельности — что десять человек кормились около нее. Это определенное и твердое.

А мысли?..

Что же такое мысли...

Мысли бывают разные.

(вагон).

* * *

Люди, которые никуда не торопятся, — это и есть Божьи люди.

Люди, которые не задаются никакой целью, — тоже Божьи люди.

(вагон).

* * *

Правду предсказывал Горький (в очень милом, любящем письме): «Ваше Уед. — разорвут» *.

Особенно стараются какие-то жидки из Киева — Колтановский или Полтановский. Раз 6 ругался.

Но я довольно стоек. Цв. пишет — «вы затравлены». Ни малейше не чувствую, т. е. ни малейше не больно. Засяду за нумизматику, и «хоть ты тут тресни». Я сам собрал коллекцию богаче (порознь), чем в киевском и чем в московском университетах. И которые собирались сто лет.

* * *

Любящему мужу в жене сладок каждый кусочек. Любящей жене в муже сладок каждый кусочек.

(на извозчике, похороны Суворина)
(яркое солнечное утро).

* * *

Вечное детство брака — вот что мне хочётся проповедать. Супруги должны быть детьми, должны быть щенятами. Они должны почти сосать мамку с папкой. Их все должны кормить, заботиться, оберегать. Они же только быть счастливы и рождать прекрасному обществу прекрасных детей. В будущем веке первый год молодые будут жить не в домах, а в золотых корзинах.

(на извозчике, похороны Суворина)
(яркое солнечное утро).

* * *

Успех в доброте и доброта в успехе...

*

Он был всегда ясен, прост и в высшей степени натурален. Никогда не замечал в нем малейшей черты позы, рисовки, «занятости собою», — черты почти всеобщие у журналистов. Никогда — «развалившийся в креслах» (самодовольство), что для писателя почти что Царство Небесное.

Писатель вечно лакомится около своего самолюбия.

(судьба и личность старика Суворина).

* * *

да я нахожу лучше стоять полицейским на углу двух улиц — более «гражданским», более полезным, более благородным и соответствующим человеческому достоинству, — чем сидеть с вами «за интеллигентным завтраком» и обсуждать чванливо, до чего «у нас все дурно», и до чего «мы сами хороши», праведны, честны и «готовы пострадать за истину»...

Боже мой: и мог я несколько лет толкаться среди этих людей. Не задохся, и меня не вырвало.

Но, слава Богу, кой-что я за эти годы повидал (у В-ской *). Главное, как они «счастливы» и как им «жаль бедную Россию». И икра. И двухрублевый портвейн.

(читая Изгоева о Суворине, «Русская Мысль»: «Сын невежественной попадьи и николаевского солдата, битого фухтелями»).

*(Уверен, что этот Изгоев, почему-то никогда не смотрящий прямо в глаза, знает дорожку к Цепному мосту **).*

* * *

Евреи «делают успех» в литературе. И через это стали ее «шефами». Писать они не умеют: но при этом таланте «быть шефом» им и не надо уметь писать. За них напишут все русские — чего они хотят и им нужно.

* * *

Вся литература (теперь) «захватана» евреями. Им мало кошелька: они пришли «по душу русскую»...

* * *

Паук один, а десять мух у него в паутине.

А были у них крылья, полет. Он же только ползает.

И зрение у них шире, горизонт. Но они мертвы, а он жив.

Вот русские и евреи. 100 миллионов русских и 7 миллионов евреев.

(засыпая).

* * *

Погром — это конвульсия в ответ на муку.

Паук сосет муху. Муха жужжит. Крылья конвульсивно трепещут и задевают паука, рвут бессильно и в одном месте паутину. Но уже ножка мухи захвачена в петельку.

И паук это знает. Крики на погромы — риторическая фигура страдания того, кто господин положения.

*

Погром — грех, жестокость. Погром — всегда убийство и представляет собою ужас. Как убийство при самозащите есть все-таки убийство. И его нельзя делать и можно избежать — прямою физическою защитою евреев. Но сделав это — надо подрезать паутину по краям, и бросить ее, и растоптать ее. Нужно освободиться от паука и вынести из комнаты все паутины.

* * *

5-го августа узнал о болезни Шуры.

* * *

Почему я так не могу перенести смерти? перенести не вечности радостей земных.

Цари умирали. Умер Александр III. Почему же я не могу перенести?

Не знаю. Но не могу перенести. «Я умру» — это все не то, что «он умрет». С «я умру» сливается (однокачественно) только <мама> умрет; даже чудовищнее: п. ч. я грешный.

Да, вот в чем дело: для всего мира я тоже — «он умрет», и тоже — «ничего».

Каждый человек только для себя «я». Для всех он «он». Вот великое solo. Как же при этом не зареветь с отчаянием.

(вагон, 9 авг. 1912 г.).

* * *

Церковь об умершем произнесла такие удивительные слова, каких мы не умеем произнести об умершем отце, сыне, жене, подруге. Т. е. она всякого вообще умирающего, умершего человека почувствовала так близко, так «около души», как только мать может почувствовать свое умершее дитя. Как же ей не оставить за это все, что...

(помешали).

* * *

Все хотел (1899—1909 гг.) сделать бархатное платье. И все откладывал. Теперь уж поздно. Бархатные отделки были.

Как хорошо было (в Белом) светло-серое платье с серебряной отделкой (полоса вертикальная на боку — и еще немного где-то).

(у Таратина; жду за покупками для детей;
мама выбирает *).

* * *

Все писатели — рабы. Рабы своего читателя.

*

Но уж кого бы там ни было, а все-таки в нем существо *раба*.

*

Это все Мефистофель-Гутенберг устроил. Черная память.

(8 ч. утра; переезд в город).

* * *

Сестра Верочка** (умирала в чахотке 19-ти лет) всегда вынимала мякиш из булки и отдавала мне. Я не знал, почему она не ест (не было аппетита). Но эти массы мякиша (из 5-копеечной булки) я съедал моментально, и это было наслаждение. Она меня же посылала за булкой, и, когда я приносил, скажет: «Подожди, Вася».

И начинала, разломив вдоль, вынимать бока и середочку.

У нее были темные волосы (но не каштановые), и она носила их «коком», сейчас высоко надо лбом; и затем — гребешок, узкий полукругом. Была бледна, худа и стройна (в семье я *только* был некрасив). Когда, наконец, решили (не было денег) позвать Лаговского, она лежала в правой зелененькой (во 2-м этаже) комнате. Когда он вошел, она поднялась с кровати, на которой постоянно лежала. Он сказал потом при мне матери:

— Это она похрабрилась и хотела показать, что еще «ничего». Перемените комнату, зеленые обои ей очень вредны. Дело ее плохо.

Как она умерла, и ее хоронили, я ничего не помню *

*

Однажды она сказала мне: «Вася, принеси ножницы». Мне было лет едва ли 8. Я принес. Из печатного листа она выстригла узкую крошечную полоску и бережно положила к себе в книгу, бросив остальное. Напечатано было: *Самойло*. «Ты не говори никому, Вася». — Я мотнул головой.

Поступив в гимназию, я на естественной истории увидел за учительским столиком преподавателя, которого называли «Самойло». Он был умеренно высокого роста, гладко выбритый в щеках и губах, большие, слегка волнистые волосы, темно-русые, ходил всегда не иначе как в черном сюртуке (прочие — в синих фраках), и необыкновенно торжественный или, вернее, как-то пышный, величественный. Он никогда не допускал себе сходить со стула и демократически «расхаживать по классу». Вообще в нем ничего не было демократического, простого. Среди других учителей, ужасно ученых, он был, как бог учености и важности. Может быть, за год он улыбнулся раза два, при особенно нелепом ответе ученика, — т. е. губы его чуть-чуть сжимались в «мешочек», скорее морщились, но с видом снисхождения к забавному в ученике, дозволяя догадываться, что это улыбка. Говоря, т. е. пропуская из губ немногие слова, он всегда держал (рисую по бумаге «штрихи») ручку с пером как можно дальше от пальцев, и я видел благородные суживающиеся к концу пальцы с очень длинными, заостренными, без черноты под ними, ногтями, обстриженными «в тон» с пальцами (уже, уже, — ноготь: но и он обстрижен с боков конически).

Мы учили по Радонежскому или Ушинскому:

«Я человек хотя и маленький, но у меня 32 позвонка и 12 ребер» *... И еще разное, противное. В 3-м классе (брат Федор**), он (Самойло) учил ботанике. Это была толстая книга «Ботаника Григорьева»; но это уже были недоступности, на которые я не мог взирать ***

* * *

В вечной тревоге ума о каком-то неблагополучии.

(мамочкина психология).

Но теперь, как все это разъяснилось, когда она 15 лет уже ясно, ощутимо больна, и никто ее не лечил.

* * *

...главная забота, откуда бы получить денежек, через Жуковского исходатайствовать от Двора; и где бы повиднее стать,— в профессоры...

Очень хорош был как профессор. Подвязывал щеку и говорил, что зубы болят, не зная, как читать и о чем читать. Зачем ему надо-то было в профессоры.

Да: еще — кому бы прочитать рацею. Даже мамаше еще учеником уездного училища писал поучительные письма.

За всю деятельность и во всем лице ни одной благородной черты.

Все действия без порыва («благородный порыв»), какие-то медленные и тягучие. Точно гад ползет. «Будешь ходить на чреве своем» ****.

(о Гоголе).

* * *

— Горе задавило! — (заплавав): — Да!!

(мама о Шуре, 9 авг. 1912 г., на извозчике,— перебив мои о чем-то слова).

* * *

Литературная память самая холодная. На тех немногих «литературных похоронах», на которых я бывал (и никогда не любил), меня поражало, до чего идущим за гробом — никакого дела нет до лежащего умершего. Разговоры. «Свои дела». И у «выдающихся» заботливая дума, что он скажет на могиле.

Неужели эти «сказыватели» пойдут за моим гробом.
Бррр...

То ли дело у простецов: жалость, слезы, все.

*

Мне кажется, церковь и преданные ей люди ужасно ошибаются, избирая для защиты церкви способы и орудия враждебной стороны — печать. Церковь — безмолвна. Церковь не печатна или «старо-печатна». Зачем слово церкви? Слово ее — в литургии, в молитвах. Эти великие сокровища, сокровища церковного слова, уже созданы (еще до книгопечатания) и *есть* и всегда к *пользованию*. «Проповеди» едва ли нужны. Разве два-три слова и никогда больше пяти минут речи. Церковь должна быть безмолвна и *деятельна*.

Разве поцеловать больного, напутствуемого не *дело*? Это и *дело*, и *слово*. Поцелуй заменяет слово, поцелуй тем богаче слова — что, как музыка, он бесконечнее и неопределеннее слова. Провел рукой по волосам. Кающегося и изнеможенного обнял бы. Вот «слово» церкви. Зачем говорить?

Говорят пусть литераторы.

И все церковные журналы и газеты — прах и тление...

* * *

— Беспросветный мрак...

(хоть раз в неделю — годы, —
засыпая на ночь или так лежа,
и когда я подойду и спрошу:
«— Что ты?») *.

* * *

Шура на ходу:

— Когда она лечилась? Никогда она не лечилась.

В самом деле — не «лечение» же были эти тусклые визитации Наука с бромом, камфарой, *digitalis* ** и хинином.

Он её «успокаивал», когда таяло вещество мозга и стачивалась ткань сердца.

* * *

Сиж у Рцы. Жена (оч. милая, уж мало зубов) и говорит:

— Не выношу жидов, я всех бы истребила...

Смех. Она прекрасная хозяйка, семьянинка и безукоризненно честная и искренняя женщина; по плодородию и семейности — в самой есть что-то библейское.

— Когда родилась у меня последняя девочка, то соседка наша, еврейка, — в Гатчине, — вбегает и спрашивает:

— Кто?

— Девочка.

Она (еврейка) опустила. И, поднявшись, сказала:

— Если бы мальчик, то вся Гатчина закричала бы (радуясь, сочувствуя).

— Вот! вот! — сказал Рцы. — Ругайте евреев, кляните, но признайте же и у них достоинство.

Р. (талантливый еврей в Москве) *, написав мне 3-е письмо (незнакомы лично), приписал: «Моей сестре вот-вот родить».

Да. Их нельзя ни порицать, ни отрицать. Только они сами (*теперешние* выродки, интеллигенция) не знают, «за что». Но вернемся к «Гатчине».

Отчего же Гатчина бы так радовалась «мальчику»? С девочкой — такой же *дух*. Да: но *орган* — не тот. Что же, собственно, сказала еврейка, не подозревая сама того?

— Если бы вы произвели, моя русская соседка, новый *мужской орган* от себя, вдобавок к сущим в мире, — вся бы Гатчина закричала от восторга.

Но ведь это совпадает с церемонией «несение фаллов» жрицами греческими, а еще ранее — египетскими. «Нести в процессии» или «воскликнуть городом» — все одно. И кто же смеет отрицать, что в юдаизме скрыто то, что историки немо и мертво именуют «фаллическим культом», и что есть целокупное народное обожание, целокупное народное влечение «к этим... маленьким вещам»...

Религия выразила *Εἶνός* **.

* * *

При устройении брака (в стране) всегда нужно иметь в виду, что это есть вопрос (нужда) стад, вопрос тельцов — «множества», «тьмы тьмушей»... и никак нельзя мотивировать на «наше дворянское сословие», вообще на городские привилегии и исключения... Эти и сами при уме устроятся и расположатся. Но «отворяй ворота ста-

ду, стадищу, стадищам»: и, естественно, эти ворота не должны быть узки, иначе все сломается.

(за нумизматикой).

*

Обыкновенно каноны (греческой церкви о браке) имели в виду или императорскую фамилию или патрициев. И через это упустили все (стадо). Патриархи константинопольские, естественно, хотели «утереть нос» (через свое право «не разрешать») кесарям и были от этого горды и свободны в требованиях: и «едва разрешили 3-й брак». Но, споря со дворцами, они забыли «Ваську Буслаевича», который кричит — «подавай мне десятый брак», и что же ему делать (такой вышел случай из 1 000 000 людей), если у него, *без его вины*, померло девять жен, а здоровье брызжет, кровь с молоком. И он орет насмешливо: «не с подушкой же мне спать», «не на перине жениться».

И были правы патриархи (гордость церкви перед Византийским Двором), но и Васька Буслаевич тоже прав, п. ч. он — *народ* (стадо, тельцы).

*

Может ли девять жен умереть у мужа *без его вины*? Во-первых, у «жены-самарянки» умерли же, или куда-то от нее отошли, *семь мужей*, что уже не далеко от девяти*. А во-вторых, рассказ мне Бакста, задумчивый и удивленный: «Может ли *один* человек испытать *два железнодорожных крушения в сутки*?» — Я ответил: — «Конечно, нет!!! Невероятно!!!» — «Представьте,— возразил он мне,— один мой знакомый ехал из Гавра в Лион: и потерпел крушение в поезде *Гавр — Париж*. Избавился, и так рад был продолжать путь, но был убит при крушении поезда *Париж — Лион*. *Однодневное* крушение поездов на *двух* линиях, конечно, возможно и уже не кажется *невероятным*; это вообще — *бывает*, по несколько раз в год. Между тем в этом совершенно возможном случае будет происходить *невероятное несчастье*: *один и тот же пассажир* испытает *два железнодорожные крушения в один и тот же день*. Это произойдет со всеми теми пассажирами, которые, «ущелев» в одном поезде, следовали дальше в своем пути и пересели в другой поезд, *тоже крушившийся*».

Чудо. А — есть. «Невозможно», а — «случается». Ибо — стада, миллионы. Так и в народе и народном

браке, т. е. в диктовании законов о браке, церковная иерархия должна «благодатно предположить» все самые невероятные случаи. Дабы по завету Божию — «трости надломленной не переломить» и «льна курящегося не загасить» *.

Голубой глаз так и смотрит.

Но не так смотрит *черный глаз*.

* * *

Когда Церковь устраивала пол (институт брака), то ведь видно, что она устраивала «не *свое*».

Устраивала не «своих».

И «не свои» — разбежались (XIX век — да и всегда раньше; «нравы»).

* * *

Нельзя помещать коня в коровник, корову в стойло, собаку в птичник, курицу в собачью конуру.

И только.

(за нумизматикой: как устроен у нас брак;
отсутствие развода).

* * *

Все убегающее, ускользящее неодолимо влечет нас.

Так в любви и в литературе. Неужели так — в истине? Боже, неужели так и в религии, где «Бога никогда же никто виде»?!! **

(за ужином и Шерл. Холмсом, 20 авг.).

* * *

Не иллюзия ли это, что я считаю своими читателями только покупателей своих книг, т. е. 2 500 человек? В газете, правда, не отделить «вообще» (чит.) от *преданного тебе*. Но я по письмам знаю, что не читавшие ни одной моей книги — *преданы* мне. В таком случае, сразу иллюзия «нечитаемости» исчезла бы.

Не знаю. Колеблюсь в этот час. По отсутствию покупателей книг я заключил вообще, что «мало известен в России» и не имею никакого влияния.

(глубок. ночью, за Шерл. Холмсом).

* * *

Человек искренен в пороке и неискренен в добродетели.

* * *

Смотрите, злодеяния льются, как свободная песнь; а добродетельная жизнь тянется, как панихида.

Отчего это? Отчего такой ужас?

Да посмотрите, как хорош «Ад» Данте и как кисло его «Чистилище». То же между «Потерянным Раем» Мильтона и его же «Возвращенным Раем». Отчего? Отчего?!!

Одно исключение, кажется, единственное: олимпийские оды Пиндара, которым не соответствовало никакой басни, насмешки, сатиры.

Т. е. греки IV—V-го века до Р. Х.— вот они и были счастливы и чисты.

(в каб. уединения).

* * *

Порок живописен, а добродетель так тускла.

Что же все это за ужасы?!

(20 авг. 1912 г.).

* * *

Герцен напустил целую реку фраз в Россию, воображая, что это «политика» и «история»...

Именно он есть основатель политического пустозвонства в России. Оно состоит из двух вещей: 1) «я страдаю», и 2) когда это доказано — мели, какой угодно, вздор, все будет «политика».

Т. к. все гимназисты страдают у нас от лени и строгости учителей, то с Герцена началось, что после него всякий гимназист есть «политик», и гимназисты делают политику.

Это не вообще «так», но в $\frac{9}{10}$ — так.

* * *

и все-таки, при всей искренности, есть доля хитрости. Если не в сказанном, то в том, чего не сказано. Значит, и в нашем «вдруг» и в выкриках мы все обрачиваем себя шерсткой. «Холодно». «Некрасиво».

Какие же мы зябкие. Какие же мы жалкие.

(об «Уед.», за уборкой книг, осенью 1912 г.).

* * *

«Заштампованный человек», который судится и не по материалу, и не по употреблению, а — по «штампу». И кладутся на него «штампы» — один к другому, все глубже. Уже «вся грудь в орденах». И множество таких и составляют «заштампованное отечество».

Которое не хватает силы любить.

И стали класть «штамп» на любовь.

И положили «штамп» на церковь.

Вот наша история.

(выйдя покурить на лестницу).

* * *

Осени поздней цветы запоздалые...

этот стих для меня только миф. Ни осени, ни дерев осенью — не видел никогда (иначе как в младенчестве).

Только появится грибок — собирай книжки и отправляйся в город. «Начало ученья». Грибок появляется в августе, а иногда уже к концу августа: и вот этот год только 2 раза сходил с Васей за грибами и почти ничего не нашел, так, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ сковородки, всяких — и подберезовиков, и сыроежек, и лисичек даже. Белый — только один. А местность — грибная.

У детей — всех — чудная лесная память. Лет 6 назад, за Териоками, мы забрались совсем далеко и совсем в глушь, перескочив какие-то плетни и пробравшись через какие-то болотца. Вдруг — вечереет. Я испугался: мама ждет к ужину, мама будет испугана. «Дети, скорее домой, темнеет!!!» Все — тут в один момент.

Я совершенно беспамятен, и знаю в общем — куда идти, но совершенно не помню дороги — где именно проходили. А ведь можно попасть в полуболотца и не выбраться до утра. Вдруг дети кричат: «Папа — сюда, папа — туда!!!» И Васька, такой крошечный, едва 7-ми лет, шагает уверенно, как король или старый лесовик. «Вон — береза, мы проходили мимо, вон — бугорок, тогда остался влево». Так как уже темнело, то мы почти бежали, а не шли; и не прошло часа, как послышались «ау» прислуги, высланной нам навстречу.

Мама, вся обессилив от испуга, говорила:

— Что же это вы со мной делаете?..

— Ну, мама! — Дети наши, как лесовики, их можно, куда угодно, пустить, не заблудятся.

И Таня, и Вера, и Варя — все, как герои. Точно выросли, «доведа папу домой». И грибы. Корзинки. И сейчас — чистить на кухне (лучший момент удовольствия «торжество правды» и «награда за подвиг»).

*

Чего же в образовательном отношении стоит один такой вечер; и неужели его можно заменить знанием:

Много есть имен на is
Masculini generis:
Panis, piscis, crinis, finis

О, черт бы их драл!!!

Но пусть это жестокая необходимость — в ноябре, в октябре, а не когда

Роняет лес багряный свой убор **.

Да, и эта строка для меня тоже миф. Мы ничего теперь этого не видели. Мои бедные дети, такие талантливые все, но которым ученье трудно, — никогда этого не видят.

*

Не видят, действительно, этого оранжевого великолепия лесов. А что ребенок, в 7—11 лет, почувствует, увидев его, — кто исчислил? кто угадал?

Может быть, оранжевый-то лес в детстве спасет его в старости от уныния, тоски, отчаяния? Спасет от безбожия в юности? Спасет отрока от самоубийства.

Ничего не принято во внимание. Бедная наша школа. Такая самодовольная, такая счастливая в убожестве. «Уже проходим алгебру» (с сопляками, не умеющими утереть носа).

* * *

Необыкновенной глубины и тревожности замечание Тернавцева***, года 3 назад. Я говорил чуть ли не об университетах, о профессорах, может быть, о правительстве и министрах. Он меня перебил:

— Пустое! Околоточный надзиратель — вот кто важен!

Он как-то повел рукой, как бы показывая окрест, как бы проводя над крышами домов (разговор был вечером, ночью):

— Тут вот везде под крышами живут люди. *Какие* люди? *как* они живут? — никто не знает, ни министр, ни ваш профессор. Наука не знает, администрация не зна-

ет. И не интересуется никто. Между тем, *какие* люди живут и *как* они живут — это и есть узел всего; узел *важности*, узел *интереса*. Знает это один *околоточный надзиратель* — знает молча, знает анонимно, и в состав его службы входит — все знать, «на случай»; хотя отнюдь не входит в состав службы обо всем докладывать. Он знает *вора*, — он знает *проститутку*, — он знает шулера, человека сомнительных средств жизни, знает изменяющую жену, знает ходы и выезды женщины полусвета. Все, о чем гадают романы, что вывел Горький в «На дне», что выводят Арцыбашевы и другие, — вся эта тревожная и романтическая жизнь, тайная и преступная, ужасная и святая, находится, «по долгу службы», в ведении околоточного надзирателя, и еще, «по долгу службы», ни в чьем ведении ни находится.

Он почти только не договорил, или мысленно я договорил за него:

— Вот бы где служить: где подлинно — *интересно*, где подлинно — *всемогущественно!*

Я только ахнул в душе: «В самом деле — *так!* и — *никому в голову не приходило!*»

Он как-то еще ярче и глубже это сказал. Почти в этом смысле: все службы — призрачны и литературны, а действительная служба одна — это полицейская».

Сам Тернавцев — благороднейший мечтатель, à la Гамлет. И вдруг — такая мысль!

(20 августа, 12 г.).

* * *

Только русская свободушка и подышала до евреев. Которые ей сказали «цыц».

И свободушка завиляла хвостом.

* * *

Вся русская «оппозиция» есть оппозиция лакейской комнаты, т. е. какого-то заднего двора — по тону: с глубоким сознанием, что это — задний двор, с глубокой болью — что сами «позади»; с глубоким сознанием и *признанием*, что критикуемое лицо или критикуемые лица суть барин и баре. Вот это-то и мешает слиться с оппозицией, т. е. принять тоже лакейский тон. Самым независимым человеком в литературе я чувствовал Страхова, который никогда даже о «правительстве» не упоминал, и жил, мыслил и, наконец, служил на государст-

венной службе (мелкая и случайная должность члена Ученого Комитета министерства просвещения с 1000 р жалованья), имея какой-то талант или дар, такт или вдохновение, вовсе не интересоваться «правительством» То ли это, что лакей-Михайловский, «зачарованный» Плеве, или что «дворовый человек»-Короленко, который не может прожить дня, если ему не удастся укусьть исправника или земского начальника, или показать кукиш из кармана «своему полтавскому губернатору». «А то — и повыше», — думает он с трясущимися поджилками. «На хорах был пристав: и вот Анненский, сказав после какого-то предостережения, что *пусть нас слушают и там*, — показал на хоры», — пишет Любовь Гуревич *, — т. е. показал на самого пристава!!! Какая отчаянная храбрость. Страхов провалился бы сквозь землю от неуважения к себе, если бы в речи, имеющей культурное значение, он допустил себе, хоть минуту, подумать о *приставе*. Он счел бы унижением думать даже о министре внутренних дел, имея в думах лишь века и историю. Вот эта прелестная свобода *не-радикалов* к ним и манит, т. е. манит к славянофилам, к русским, которые решительно ничего о «правительстве» не думают, *ни* — «да», *ни* — «нет», «и — да» «и — нет». Когда хорошо правительство поступает — «да», когда худо, бездарно, беспомощно — «нет». Правительство есть просто орган народа и общества; и член общества, писатель, смотрит на него, как на слугу своего, т. е. слугу таких, *как он*, обывателей, граждан. Таким образом, признание «верховенства власти» есть у радикалов, и решительно его нет у «нашего брата». Вот чего не разобрано, вот о чем не догадываются. Политическая свобода и гражданское достоинство есть именно у консерваторов, а у «оппозиции» есть только лакейская озлобленность и мука «о своем ужасном положении».

* * *

Покорить брак закону любви...

казалось бы, в этом ведь христианство: все — покорять закону согласия, мира, тишины. Но именно в христианстве — не в мусульманстве, не в еврействе — две тысячи лет бьется другой принцип:

Покорить любовь закону брака.

И все в этом задыхаются.

*

Кажется, что в нашем браке — и не Евангелие, и не Библия (уж, конечно): это — римский государственный брак. Отцы Церкви были все обывателями Греко-Римской Империи, или — чисто Римской: и понятие об «основной социальной клеточке» взяли из окружающей жизни

*

Вот почему мои порывы к новой семье, хотя кажутся и суть «антиканонические», но суть подлинно евангельско-библейские стремления, и только анти-римско-языческие, неосторожно взятые в «каноны».

*

Бог сотворил любовь. Адам и Ева были в любви — и *посему*, единственно, Библия их нарекла *иш* и *иша* («соп्राженные»), *муж* и *жена*. Любовь древнее «закона брачного». И понятно, что древнейшее и основное не умеет покориться новому и прибавочному.

Не «существительное» согласуется в роде, числе и падеже с «прилагательным», а «прилагательное» согласуется с «существительным».

*

И следуйте этому, попы; или, во всяком случае, вам не будут повиноваться.

Будете убивать за это, и все-таки вам повиноваться не будут: по слову Писания — «любовь *сильнее даже и смерти*» *

* * *

Очень хорошо «расположение образования» в стране: от 8-ми до 22-х лет — прилежное учение. «Долбеж», от которого не поднимешь головы... От 22-х лет до 35-ти — корректная служба, первые чины и первые ордена. В 35 лет — статский советник. Женат (с приданым) и первые дети; ну, это — «кухня и спальня». Достигнув статского советника — карточный стол, мелок, и пока — он проигрывает начальству, а потом — ему будут проигрывать подчиненные. Тогда он будет уже действительный статский советник.

Потом умрет. И в черной кайме «жена и дети» извещают, что «после тяжелой болезни» Иван Иванович, наконец, «скончался».

* * *

Это здоровая реакция на «глупости», что гимназисты не учатся.

— Не учитесь, господа. Ну их к черту. Шалите, играйте. Собирайте цветы, влюбляйтесь. Только любите своих родителей и уважайте попов (ходите потихоньку в церковь). На экзаменах «списывайте» — в удовлетворение министерской ненасытности.

В 20 лет, когда уже будете, конечно, женаты, начинайте полегоньку читать, и читайте все больше и больше, до самой смерти.

Тогда она настанет поздно, и старость ваша будет мудрая.

* * *

...а то вас с детства делают старичками, а в старости предложат жениться. «Ибо уже так мудр, что можешь теперь воспитывать детей», которых теперь родить не можешь.

Вы им скажите, взрослым:

— Нет, папаша: я буду за книгами и бумагой, за письменным столом и делами сидеть — под старость. Ибо будет ум «вершить дела». А теперь я — глупенький побегу в поле, нарву цветов и отнесу их девочке

* * *

Из этих слов И. Христа, что «нельзя разводиться мужу и жене, токмо как по вине прелюбодеяния», духовенство извлекло больше доходов, чем из всех австралийских, и калифорнийских, и алтайских золотых россыпей

И хотя отсюда брызнули кровь и мозг человечества церковь не может их перетолковать, распространить или усложнить, потому что иначе закроются золотоносные россыпи. И на отстаивание и сохранение буквальными этих слов положено более усилий, чем на защиту всего Евангелия.

Что не отдаст человек за восстановление своего семейного счастья? В эту-то кнопку духовенство и надавило.

(посвящается памяти С. А. Рачинского).

* * *

Теряя девственность, девушка теряет свое *определение*.

Она не согрешила (закон природы), она никого не обидела. Всему миру она может сказать: «вам какое дело» Так.

*

Но когда с нею будут говорить как с девушкой, как с «барышнею», а не «барыней», не как с «дамою», ведь она не скажет:

— Я уже не девушка.

Она нечто *утаит*. И это на каждом шагу. Всякий день она вынуждена будет солгать. Она окажется в положении, как «с не своим паспортом» в дороге; с «ложным видом» в кармане.

Правдивая в девстве, искренняя в девстве, прямая в девстве — теперь (потеряв девство) она будет вынуждена каждый день согнуться, скривить, сказать «неправду» и упрекнуть себя за «недостаток мужества»

Это такая мука.

Но и еще ужаснее, что, «сгибаемая бурей», она, наконец, начнет расти криво, как-то «боком», неправдиво

Она вся потускнеет. Сожмется. И вовсе не по «греху», коего несколько не содержится в совокуплении, но по этим обстоятельствам — потеря «девственности», в самом деле, есть «падение». И эмпирически с этого времени девушка обыкновенно «падает» и «падает». «Падает» в должности. «Падает» в труде. Падает «дома»

*

Но, анафемы (общество, старшие): предупредите же это ужасное несчастье детей ваших своевременным, возможно ранним замужеством. И никогда не смейте кричать — «ты пала» (родители дочерям), когда уже 3—4 года прошло, когда она все томилась, ожидая.

(т. е. после «сформирования»); (вообще должен бы быть в законе определен срок «уплаты векселей», срок — пока девушка «обязана ждать». Пока — все обществу, и ничего — девушке. Закон должен, напр., сказать: «После 30 лет сохранение девства не обязательно, и материнство не несет никакого порицания, а ребенок — законен»).

* * *

Да, я тоже думаю, что русский прогресс, рожденный выгнанным со службы полицейским и еще клубным шулером, далеко пойдет:

Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте. Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ *

Вообще у русского народа от многочисленных «спасибо» шея ломится. Со всех сторон генералы, и где военный попросит одного поклона, литературный генерал заставит «век кланяться».

Щедрина и Некрасову кланяются уж 50 лет

* * *

Все-таки бытовая Русь мне более всего дорога, мила, интимно близка и сочувственна.

Все бы любились. Все бы женились. Все бы растили деточек.

Немного бы их учили, не утомляя, и потом тоже женили. «Внуки должны быть готовы, когда родители еще цветут» — мой канон.

Только «†» страшна.

(вернувшись со свадьбы Светозара Степановича **)

* * *

Кто же была Суламифь?

Каждая израильянка в вечер с пятницы на субботу

*

«Песнь песней» надо сближать с тем местом Иезекииля (14 или 16-ая глава), где говорит через пророка Б., как он встретил деву Израиля: «и груди (только что) поднялись у тебя»... «и волосы показались»... «Я взял кольцо и вдел тебе в ноздри, и повесил в уши запястья»... И т. д. «Но ты... всем проходящим по дороге давала жать свои сосцы... и Ассуру, и Египтянину»...

(за газетами утром).

* * *

Место это — чудно. Его каждый юноша и каждая девушка должны заучить наизусть — как *корень* жизни своей, как основание *прав* своих.

Книга пророка Иезекииля, глава XVI:

И было ко мне слово Господне: «Сын человеческий! выскажи Иерусалиму мерзости его.

И скажи: так говорит Господь Бог дочери Иерусалима: твой корень и твоя родина в земле Ханаанской; отец твой Аморец и мать твоя Хеттеянка.

При рождении твоём, в день, как ты родилась, пупа твоего не отрезали, и водою ты не была омыта для очищения, и солью не была осолена, и пеленами не повита.

Ничей глаз не сжалился над тобою, чтобы из милости к тебе оделать тебе что-нибудь из этого; но ты выброшена была на поле, по презрению к жизни твоей, в день рождения твоего.

И проходил Я мимо тебя, и увидел тебя, брошенную на поприще в кровях твоих, и сказал тебе: «в кровях твоих живи!» Так. Я сказал тебе: «в кровях твоих живи».

Умножил тебя, как полевые растения; ты выросла и стала большая, и достигла превосходной красоты: поднялись груди, и волосы у тебя выросли; но ты была нага и непокрыта.

И проходил Я мимо тебя, и увидал тебя, и вот, *это было время твое, время любви; и простер Я воскрылия риз Моих на тебя, и покрыл наготу твою; и поклялся тебе, и вступил в союз с тобою,— говорит Господь Бог; и ты стала Моею.*

Омыл Я тебя водою, и смыл с тебя кровь твою, и помазал тебя елеем.

И надел на тебя узорчатое платье, и обул тебя в сафьянные сандалии, и опоясал тебя виссоном, и покрыл тебя шелковым покрывалом.

И нарядил тебя в наряды, и положил на руки твои запястья и на шею твою ожерелье.

И дал тебе кольцо на твой нос и серьги к ушам твоим и на голову твою прекрасный венец.

И пронеслась по народам слава твоя.

И взяла нарядные твои вещи из Моего золота и из Моего серебра, которые Я дал тебе, и сделала себе мужские изображения и блудодействовала с ними.

И взяла узорчатые платья твои, и одела их ими, и ставила перед ними елей Мой и финиам Мой.

И хлеб Мой, который Я давал тебе, пшеничную муку, и елей, и мед, которыми Я питал тебя,— ты поставляла перед ними в приятное благоволение. И это — было, говорит Господь Бог».

* * *

Получил два характерных письма.

Многоуважаемый
Василий Васильевич!

Я решился обратиться к вам с просьбой, которая вам, быть может, покажется странной и даже нахальной. Я — студент 3-го курса Психо-Неврологического ин-та. Денег своих не имею. Живу помощью отца.

Эти деньги меня страшно тяготят — прямо «руки жгут».

С удовольствием отказался бы от этой поддержки. Но больше мне неоткуда ждать помощи. Зарабатывать уроками и т. п. — сами знаете, что это такое!..

Я и решил, при первой возможности, отказаться от денег отца. И вот мне пришлось в голову попросить у вас 2000 руб. Может быть мои соображения слишком наивны — но когда я узнал, что у вас

имеется 35 000 руб. (Уединенное), я решил, что вы вполне можете уделить мне 2000 руб.

На эти деньги я мог бы еще 4 года проучиться (раньше кончить не удастся), затем стал бы выплачивать самым усердным образом.

Мне будет очень обидно, если вы меня примете за афериста.

На что я решился — мною глубоко продумано. Конечно, гарантии своей честности я вам представить не могу — вы можете мне или поверить, или с омерзением бросить письмо в корзину...

Во всяком случае, для меня — моя просьба вещь серьезная, и я прошу вас поверить, что в ней нет ничего шарлатанского.

Мне бы очень хотелось получить от вас ответ.

Г Ш.

Адрес: СПб. Екатерининская ул., д. №№.

Студенту Г. И. Ш.

27 авг. 1912 г

Р. С. Мне желательно, чтоб содержание этого письма осталось между нами.

Г. Ш.

Удивительно: автор, нужду коего я должен заметить, — не заметил в том же «Уед.», что около 35 000 кормятся 11 человек, из них — 5 маленьких детей и большая зятяжно, годы, жена. *«Мне до вас — дела нет; но вам до меня — есть дело».*

— Но почему?

— Я студент, будущность России, а вы — старик и ничего.

Очень мило.

М. Г.

Частенько в газетах мне приходилось читать: такой-то утопился, такой-то застрелился, та-то отравилась, оставляя перед смертью записку: «Есть нечего», «Нечем было жить». И прочитавши про какое-либо самоубийство, я думал: «Неправда, не может быть, чтобы человеку, который имеет руки и желает работать, нечем было жить; тут не что иное, как оправдание перед кем-то в своей преждевременной кончине». Я думал, что такой человек имеет какую-то душевную драму, и, не в силах ее пережить, — он лишает себя жизни. Записка? — записка открывает лишь часть, малую часть его душевной драмы; простое совпадение обстоятельств.

И так думая, я приходил к такому выводу: человек, если он может и желает работать, всегда может отыскать для себя труд и прокормить себя, и никогда не решится, исключительно из-за этого, лишить себя жизни. И я это еще увереннее говорил про холостого человека.

Но мне, совершенно неожиданно для меня, пришлось прийти к обратному заключению. И не при помощи каких-либо умозаключений, а просто испытывая это поневоле на себе.

Познакомлю Вас с собой.

Я техник, окончил курс низшего механико-технического училища, где учился первым учеником, и не потому, что я очень зубрил, а потому, что мне очень легко давалось то, что давалось другим с

трудом. Служил на одном месте и учился дома; хотел все сдать экзамен на аттестат зрелости. Но видя, что успехи по учению у меня неважные, — репетитора же я не мог нанять, — я решил ехать в Петербург, зная, что здесь (в Петербурге) я могу довольно дешево подготовиться, отдавая для этого свободные вечера.

Приехал. Работу на первое время нашел. Начал приискивать места. Работа кончилась. А места все найти не могу. Вот уже 2 месяца, как я ищу работы или места; но его нет. Я искал его в различных отраслях труда: я мог бы быть чертежником, слесарем, работать на станках по обработке металла или дерева, мог бы ухаживать за паровой машиной, двигателем или динамо-машиной, или же быть монтером по электричеству; но где бы я ни просил, соглашаясь вперед на какое угодно жалованье, мне всегда отказывали¹. «У нас полный комплект служащих». «Все места заняты». Вот тот типичный ответ, который я получал в конторах и правлениях или же от сторожа, где не пускали не только работать, но и просить места. Все деньги, которые я привез и заработал, были или прожиты, или израсходованы на объявления; осталось от них всего 3 рубля, да не улыбающаяся перспектива помирать с голоду. Помереть с голоду! как это звучит? но нет! я до этого не дойду, и лишу себя жизни.

В России с голоду никто не умер, а я показывать пример не буду. Я пойду старой, проторенной другими, дорожкой.

Правда, есть еще другие выходы: или идти просить милостыню, или пойти служить мальчиком на посылах; но то и другое я сделать не хочу, потому что не могу.

Я хочу жить! Я хочу работать! Я могу работать! у меня свежие силы. Но что же мне делать, когда получаю такой ответ: «Все места заняты!» Что?

«Полный комплект служащих. Нам больше не надо».

Тут кипит жизнь! тут идет работа! а я? — Я лишний. Ведь не такой же я лишний, как лишний пуд для носильщика тяжестей; как лишний в шлюпке человек при кораблекрушении. Положи лишний

¹ Все работы и службы уже заняты евреями или немцами; все *практическое* — расхвачено ими. «Русского человека — просто никуда не пускают» — аксиома улиц, контор, торговли. «Иди — на Хитров рынок, иди — в хулиганы, иди — в революцию»; вот в ней *прикармливают*, и — тоже инородцы и из-за границы. Прикармливают по простейшему мотиву: — «прочь с дороги, конкуренты». Вот об этой стороне «рабочего вопроса» ни гу-гу Горнфельд, ни гу-гу Короленко, ни гу-гу Мякотин и Пешехонов. Может быть, Плеханов и кн. Кропоткин откликнулись бы? Ну, это «звездочеты»: смотрят на небо и не замечают земли. Ах, господа, скверны дела на этой земле... Печать? свобода мысли? свобода закричать? указать?

— Ха! ха! ха! ха! ха! ха!..

— Покричи, покричи. Понатужься.

Нет, уже все, очевидно, «устроилось» и «окончилось».

Ах, надежда: М. Г. Гершензон услышит: ведь он славянофил?

Друзья мои, русские: *вас никто не услышит в России*, уже все «обработано» и вообще все «кончилось»...

Ба! ба! ба! — Максим Горький, Леонид Андреев?..

Еврейский хохот вокруг:

— Ха! ха! ха! Пукнут ли они против тех, когда мы их столько лет хвалили, славили и называли гениями...

«Закруглено»... Завязано «крепким узелком»...

пуд носильщику на спину, и он упадет и другие не снесет. Посади лишнего человека в лодку, лодка потонет, и никто не спасется. Ведь не такой же я лишний? Как вы думаете?

А время летит. Придет час, и одним человеком меньше станет. Такова жизнь! Всему научили меня,— не то, так другое могу делать; а главному: как жить? как приспособиться к жизни? — и забыли научить. Фонарей в дорогу много надавали, а спичек не дали; потухли фонарики один за другим: вот и заблудился! и темно! темно!

Если прибавить к этому письму мой адрес, то я боюсь, что вы подумаете, что я хочу порисоваться,— или, что еще хуже, вы можете подумать, что я прошу помощи: и я решил послать вам это письмо без адреса и фамилии. Так будет лучше! Да!

С почтением к вам пребываю

.....ОВ.

СПБ.

Октября 11 дня
1911 г.

Какое страшное письмо. Усилия мои предупредить несчастье — письмо в газете к анониму — прийти ко мне, уже, вероятно, опоздало.

* * *

Толстой удивляет. Достоевский трогает.

*

Каждое произведение Толстого есть здание. Что бы ни писал или даже ни начинал он писать («отрывки», «начала») — он строит. Везде молот, отвес, мера, план, «задуманное и решенное». Уже от начала всякое его произведение есть, в сущности, до конца построенное.

И во всем этом нет стрелы (в сущности, нет сердца).

Достоевский — всадник в пустыне, с одним колчаном стрел. И капает кровь, куда попадает его стрела.

Достоевский дорог человеку. Вот «дорогого»-то ничего нет в Толстом. Вечно «убеждает», ну и пусть за ним следуют «убежденные». Из «убеждений» вообще ничего не выходит, кроме стоп бумаги и собирающих эту бумагу, библиотеки, магазина, газетного спора и, в полном случае, металлического памятника.

А Достоевский *живет* в нас. Его музыка никогда не умрет.

(сентябрь).

* * *

На том свете, если попадешь в рай, будут вместо воды поить арбузами.

(за арбузом).

* * *

— Какой вы хотели бы, чтобы вам поставили памятник?

— Только один: показывающим зрителю кукиш.

(в трудовом дне).
<сентябрь.>

* * *

У меня есть какой-то фетишизм мелочей. «Мелочи» суть мои «боги». И я вечно с ними играюсь в день.

А когда их нет: пустыня. И я ее боюсь.

* * *

«Пароход идет» писательства — идет при горе, несчастии, муках души... Все «идет» и «идет»... Корректуры, рукописи...

(история с рыжей лошадью из Лисино).

* * *

Крепче затворяй двери дома, чтобы не надуло. Не отворяй ее часто. И не выходи на улицу.

* * *

Не сходи с лестницы своего дома — там зло.

*

Дальше дома зло уже потому, что дальше — равнодушие.

(Лисино).

* * *

Так, один около одного болтается: Горнфельд трется о спину Короленки, Петрищев где-то между ногами бегаёт, выходит — куча; эта куча трется о такую же кучу «Современного мира»*. Выходит шум, большею частью, «взаимных симпатий» и обоюдного удивления та-

ланту. Но почему этот «шум литературы» Россия должна принимать за «свой прогресс»?

Не понимаю. Не поймет ни пахарь, ни ремесленник, и разве что согласится чиновник. «Я тоже бумажное царство,— подумает он,— и не разумею, для чего они отделяются от меня. Мы вполне гармоничны».

* * *

Ты бы, демократ, лучше не подслушивал у дверей, чем эффектно здороваться со швейцарами и кухарками за руку. От этого жизнь не украсится, а от того, решительно, жизнь воняет. Притом надо иметь слишком много самообольщения и высокомерия, чтобы думать, будто она будет осчастливлена твоим рукопожатием. У нее есть *свое достоинство*, и, как ни странно, в него входит получить гривенник за «пальто», которого ты никогда не даешь *.

(L.)

* * *

— Нет, папа, ты ошибаешься. Когда мы недели 2 там жили—помнишь, когда вернулись рано с Кавказа,—то я раз утащила на кухне морковку, а она увидела. Ну, что морковка? Я выбежала и, не доев, бросила в канавку, а с испугу сказала, что не брала. Так она мучила меня, мучила.—«Ты дурная, Таня, девочка, украла и солгала. Я маме твоей скажу». И жаловалась на меня маме, что я лгала, когда она приехала. А что морковка?

(социал-пуританка Лидия Эрастовна **)

* * *

Отвратительная гнойная муха—не на рогах, а на спине быка, везущего тяжелый воз,—вот наша публицистика, и Чернышевский, и Благосветлов: кусающие спину быку.

* * *

Россия иногда представляется огромным буйволом, съевшим на лугу травку-зелье, съевшим какую-то «гадину-козулю» с травой: и отравленный ею он завертелся в безумном верчении.

(Желябов и К-о).

* * *

Дочь курсистка. У нее подружки. Разговоры, шепоты, надежды...

Мы «будем то-то»; мы «этого ни за что не будем»... «Согласимся»... «Не согласимся»...

*

Все — перед ледяной прорубью, и никто этого им не скажет:

«Едва вы выйдете за волшебный круг Курсов, получив в руки бумажку «об окончании», — как не встретите никого, ни одной руки, ни одного лица, ни одного учреждения, службы, где бы отворилась дверь, и вам сказали: «Ты нам нужна».

И этот ледяной холод — «никому *не нужно*» — заморозит вас и, может быть, убьет многих.

Но терпите. Боритесь, терпите. Это ледяное море приходится каждому переплывать, и кто его переплывет — выползет на берег.

Без перьев, без шлейфа, кой-какой. Но вылезет.

*

Отчего вы *теперь* же, на «Курсах», не союзитесь, не обдумываете, не заготавливаете службы, работы? У евреев вот все как-то «выходит»: «родственники» и «пока подежурь в лавочке». «Поучи» бесчисленных детей. У русских — ничего. Ни лавки. Ни родных. Ни детей. Кроме отвлеченного «поступить бы на службу». На что услышит роковое: «Нет вакансий».

* * *

Две курсистки и четыре гимназиста, во имя «правды в душе своей», решили совершить переворот в России.

И не знают, бедные, что и без «переворота» им, по окончании (курса), будет глотать нечего. И будут называть «ваше превосходительство», чтобы не умереть с голоду.

И печать их подбодряет: «Идите! штурмуйте!» — Азефы *, — милые человеки. Азефы, и — не больше.

(Короленке и Пешехонке).

* * *

Все люди утруждены своим необразованием, — один Г.** находит в этом источник гордости и наслаждения.

Прежде, когда он именовал себя «социалистом-народником» (с такой-то фамилией!), он говорил в духе социалистов, что «хотя ничему не учился, однако все знает и обо всем может судить». Объяснить ему, что Португалия и Испания — это *разные* государства, нет никакой возможности, ибо он смешивает «Пиренейский полуостров» с «Испанией». Теперь, когда он стал «народником и государственнымником», он считает не согласным со своими «русскими убеждениями» знать географию Европы. Раз — без всякого повода, но со счастливым видом — он стал говорить, будто «сказал Столыпину, что его взгляды на Россию совершенно ошибочны».

— Александру Аркадьевичу Столыпину?

Как бы кушая бланманже:

— Н-е-е-е-т. Петру Аркадьевичу. Я сказал ему, что совершенно ни в чем с ним не согласен.

Tout le monde est frappé que G.* недоволен им.

Не знаю, был ли счастлив Столыпин поговорить с Г., но Г. был счастлив поговорить со Столыпиным.

И, уезжая домой, в конке, вероятно, думал:

— Что теперь Столыпин думает обо мне?

Эта занятость Столыпина Г-ом и Г-а Столыпиным мне представляется большим историческим фактом. «В груду истории должен быть положен везде свой камешек». И Г-ъ усердно положил «свой».

(на «приглашение» в Славянское Общество).

* * *

К силе — все пристаёт, с силою (в союзе с нею) — все безопасно: и вот история нигилизма или, точнее, нигилистов в России.

Стоит сравнить тусклую, загнанную, «где-то в уголку» жизнь Страхова, у которого не было иногда щепотки чая, чтобы заварить его пришедшему приятелю, — с шумной, широкой, могущественной жизнью Чернышевского и Добролюбова, которые почти «не устаивали разговором» самого Тургенева; стоит сравнить убогую жизнь Достоевского в позорном Кузнечном переулке, где стоят только извозничьи дворы и обитают по комнатушкам проститутки, — с жизнью женатого на еврейке-миллионерке Стасюлевича **, в собственном каменном доме на Галерной улице, где помещалась и «оппозиционная редакция» «Вестника Европы»; стоит сравнить жалкую по-

лу-жизнь — жизнь как несчастье и горе — Кон. Леонтьева и Гилярова-Платонова с жизнью литературного магната Благосветлова («Дело»), и, наконец, — жизнь Пантелеева *, в палатку которого собралось «Герценовское Общество» (1910—11 г.) ** с его более чем сотнею гостей-членов с жизнью «Василия Васильевича и Варвары Димитриевны», с Ге и Ивановым за чашкой чаю, — чтобы понять, что нигилисты и отрицатели России давно догадались, где «раки зимуют», и побежали к золоту, побежали к чужому сытному столу, побежали к дорогим винам, побежали везде с торопливостью *неимущего — к имущему*. Нигилизм давно *лижет пятки* у богатого — вот в чем дело; нигилизм есть *прихлебатель у знатного* — вот в чем тоже дело. К «Николаю Константиновичу» на зимнего и весеннего Николу (праздновали именины два раза в год) съезжались не только из Петербурга, но и из Москвы литераторы; из Москвы специально поздравить приезжал Максим Горький (как-то писали), и курсистки — с букетами, и студенты — должно быть, пролепетать свою «оппозицию» и «поздравление»; и он раздавал свои порицания и похвалы, как возводил в чин и низвергал из чинов. Об этом неумышлом нигилисте Благосветлове я как-то услышал у Суворина рассказ, чуть ли не его самого, что в кабинет его вела дверь из черного дерева с золотой инкрустацией, перед которою стоял слуга-негр, и вообще все «как у графов и князей»; это уж не квартирка бедного Рцы с его Ольгой Ивановной «кое-в-чем». Вот этих «мелочей» наша доверчивая и наивная провинция не знает, их узнаешь, только приехав в Петербург, и узнав — удивишься великим дивом. Гимназистом в VI—VII—VIII классах я удивлялся, как правительство, заботящееся о культуре и цивилизации, может допустить существование такого гнусно-отрицательного журнала, где стоном стояла ругань на все существующее, и мне казалось — его издают какие-то пьяные семинаристы, «не окончившие курса», которые пишут свои статьи при сальных огарках, после чего напиваются пьяны и спят на общих кроватях со своими «курсистками»: но «черные двери с негром» мне и *нам всем* в Нижнем и в голову не приходили... Тогда бы мы повернули дело иначе. «Нигилизм» нам представлялся «отчаянным студенчеством», вот пожалуй, «вповалку» с курсистками, но все — «отлично», все — «превосходно», все — «душа в душу» с народом, с простотой, с бедностью. «Грум» (негр) в голову не при-

ходил. Мы входили «в нигилизм» и в «атеизм» как в страдание и бедность, как в смертельную и мучительную борьбу против всего сытого и торжествующего, против всего сидящего за «пиршеством жизни», против всего «давящего на народ» и вот «на нас, бедных студентов»; а в самом нижнем ярусе — и нас, задавленных гимназистов. Я прямо остолбенел от удивления, когда, приехав в Петербург, вдруг увидел, что «и Третий Иванович в оппозиции», а его любимчик *, имевший 2000 «аренды» (*неотъемлемая* по смерти награда ежегодная по распоряжению Государя), выражается весьма и весьма сочувственно о взрывчатых коробочках: тут у меня ум закружился, тут встал дым и пламя в душу. «Ах, так вот где оппозиция: с орденом Александра Невского и Белого Орла, с тысячами в кармане, с семгой целыми рыбами за столом». — «Это совсем *другое дело*». Потом знакомство со Страховым, который читал «как по-русски» на 5-ти языках и как специалист и виртуоз знал биологию, математику и механику, знал философию и был утонченным критиком, и которому в журналистике *некуда было*, кроме плохо платившего «Русского Вестника», пристроить статейку... Потом пришел ушедший от Михайловского Перцов, с его великодушными (при небольших своих средствах) изданиями чужих трудов...

Я понял, что в России «быть в оппозиции» — значит любить и уважать Государя, что «быть бунтовщиком» в России — значит пойти и отстоять обедню, и, наконец, «поступить как Стенька Разин» — это дать в морду Михайловскому с его «2-мя именинами» (смеющийся рассказ Перцова). Я понял, что «Русские Ведомости» — это и есть служебный департамент, «все повышающий в чинах», что Елизавета Кускова — это и есть «чиновная дама», у которой все подходят «к ручке», так как она издавала высокопоставленный журнал «Без заглавия» **. Что «несет шлейф» вовсе не благородная, около нищих и проституток всю жизнь прожившая княжна Дондукова-Корсакова (поразительная биография — в книге Стасова о своей сестре ***), а «несут длинный трэн» эта же Елизавета Кускова да Софья Ковалевская, и перед ними шествующие «кавалерственные дамы» с Засулич и Перовской во главе, которые великодушную и *святую* Дондукову-Корсакову даже не допустили «на аудиенцию к себе» в Шлиссельбурге. Тогда-то я понял, где оппозиция; что значит быть «с униженными и оскорбленными», что значит быть с «бедными людьми». Я понял,

где корыто и где свиньи, и где — терновый венец, и гвозди, и мука.

Потом эта идиотическая цензура, как кислотой выедающая «православие, самодержавие и народность» из книг; непропуск моей статьи «О монархии» *, в параллель с покровительством социал-демократическим «Делу», «Русскому Богатству» etc. Я вдруг опомнился и понял, что идет в России «кутеж и обман», что в ней встала левая «опричнина», завладевшая всею Россиею, и плещущая купоросом в лицо каждому, кто не примкнет «к оппозиции с семгой», к «оппозиции с шампанским», к «оппозиции с Кутлером на 6-титысячной пенсии»...

И пошел в ту тихую, бессильную, может быть, в самом деле имеющую быть затоптанною оппозицию, которая состоит в:

- 1) помолиться,
- 2) встать рано и работать.

(15 сентября 1912 г.).

* * *

Где, однако, погибло русское дело, русский дух? как все это (см. выше) могло стать? сделаться? произойти?

В официальнойности, торжественности и последующей «наградке».

В той самой «вони», в которой сейчас погибает (?) нигилизм.

Все объясняется лучше всего через *случай*, о коем, где-то вычитав, передавал брат Коля (лет 17 назад).

Однажды ввечеру Государь Николай Павлович проходил по дворцу и услышал, как великие княжны-подростки, собравшись в комнату, поют «Боже, Царя храни». Постояв у отворенной в коридор двери, он, когда кончилось пение, вошел в комнату и сказал ласково и строго:

— Вы хорошо пели, и я знаю, что это из доброго побуждения. Но *удержитесь вперед*: это священный гимн, который нельзя петь при всяком случае и когда захочется, «к примеру» и почти в игре, почти пробуя голоса. Это можно *только очень редко и по очень серьезному поводу*.

Разгадка всего.

У нас в гимназиях, и особенно в тогдашней подлой Симбирской гимназии, при Вишневском и Кильдюшевском **, с их оскверняющим и оскорбляющим чинопочи-

танием, от которого душу воротило, заставляли всей гимназией перед портретом Государя петь *каждую субботу* «Боже, Царя храни», да и теперь, при поводе и без повода, везде и всякая толпа поет «Боже, Царя храни»...

Как?

— Конечно, *бездушно!*

Нельзя каждую субботу испытывать патриотические чувства, и все мы знали, что это «Кильдюшевскому с Вишневым нужно», чтобы выслужиться перед губернатором Еремеевым: а мы, гимназисты, сделаны орудиями этого низменного выслуживания.

И, конечно, мы «пели», но каждую субботу что-то улетало с зеленого дерева народного чувства в каждом гимназисте: «пели» — а в душонках, маленьких и детских, рос этот желтый, меланхолический и разъяренный нигилизм.

Я помню, что именно *Симбирск* был родиною моего нигилизма. А я был там во II и III классе; в IV-м уже переехал в Нижний.

Вот в этом официально-торжественном, в принудительном «патриотизме» — все дело. Мне иногда думается, что «чиновничество» или, вернее, всякие «службы» пусть бы и остались: но с него нужно снять позументы и нашивки, кстати, очень смешные и кургузые, *курьезные*. Как и ордена, кроме разве самых высших, лент и звезд. Все эти служебные «крестики» ни на что не похожи и давно стали посмешищем всех. «Служилый люд» должен быть одет в простой черный кафтан — и вообще тут может быть придумано нечто строгое, серьезное и простое. Также все эти «поздравления с праздниками начальства», вероятно, мешающие только ему отдыхать, веселиться, «разговориться со своими» (в семье) — вся эта поганая шушера должна быть выметена и просто-напросто «в один прекрасный день» запрещена.

Чувство Родины — должно быть строго, сдержанно в словах, не речисто, не болтливо, не «размахивая руками» и не выбегая вперед (чтобы показаться)

Чувство Родины должно быть великим горячим молчанием.

(15 сентября).

* * *

Теперь вы поищите Магнитских да Русилей*, да Аракчеева и Фаддея Венедиктовича Булгарина — в своем лагере, господа.

(радикалам).

* * *

Все «наше образование» — не русское, а и европейское нашего времени — выразилось в:

— Господа! Предлагаю усопшего почтить вставанием.

Все встают.

Кроме этого лошадиного способа относиться к ужасному, к несбыточному, к неизрекомого факту смерти, потрясающему Небо и Землю, наша цивилизация ничего не нашла, не выдумала, не выдавила из своей души.

— «Встаньте, господа!» — вот и вся любовь.

— «Встаньте, господа!» — вот и вся мудрость.

Дарвин, парламент и войны Наполеона, всем бесчисленным умершим и умирающим, говорят:

— «Мы встали». — «Когда вы умрете — мы встанем».

Это до того рыдательно в смысле наших «способностей», в смысле нашей «любви», в смысле нашего «уважения к человеку», что...

Ну и что же, мы будем «реформировать Церковь» с такими способностями?..

Да ведь ни в ком из нас, *во всей нашей цивилизации*, нет ни одной капельки той любви, нет ни одной капельки того безбрежного уважения к человеку, какие сказаны церковью при созидании этих (погребальных) обрядов, слов, песнопений, чтений, сказаний, сказаны и все это запечатлелось как *документ*. Какой у нас *документ* любви?!

«Встали! Постояли!!»

— Ослы!

Что скажем еще, кроме «ослы».

* * *

Вот эта-то «важная попытка реформации» — попытка с пустым сердцем, попытка с ничтожным умом, — она потрясает Европу... Тут «и декаденты», и «мы», «и эгофутуристы», всякие «обновленцы», и еще «Дума» и Караулов*.

Да, «постояли мы» и над Карауловым. Надо было ему с того света чихнуть нам: «Мало».

* * *

Рассказ Кускова (Пл. А.) *:

— Все жалуются, что полиция притесняет бедных обывателей и стесняет гражданскую свободу. «Задыхаемся». «Держи и не пушай». Раз я зашел в далекую улицу, панель — деревянная, и бредет мне навстречу пьяная баба. Только у нее, должно быть, тесемки ослабли, и подол спереди был до земли. Как она все «клюкала» вперед, то и наступала на подол. Он ее задерживал, и в досаде она поддегивала (его) вверх. Но юбка отделилась от кофты, и она, не замечая, дергала сорочку. Дальше — больше: и я увидел, что у нее пузо голое. Юбку совсем она «обступала» книзу, и она сползла на бедра, а рубашку вздернула кверху. От омерзения я воскликнул стоявшему тут же городовому:

— Что же ты, братец, смотришь: отведи ее домой или в участок.

Сделав под козырек действ. стат. советнику (Кус.), городской отвечал:

— Никак нет-с, ваше высокоблагородие. Нельзя-с. Она сама идет, и я не могу ее взять, потому нам приказано брать только, если пьяный *лежит*.

Кусков никогда не выезжал (до отставки) из Петербурга, и это было в столице.

Минувший год мы ездили с мамой к Романовым — на Б. Зеленину. И, проезжая небольшую площадку, кажется, у Сытного рынка (Петерб. сторона), — *в 1 час дня*, в яркий солнечный весенний день, — я вскрикнул и *отвернулся*.

Тотчас же взглянула *туда* жена.

— Молоденькая, лет 18 (сказала).

Vis-à-vis стояла толпа. Рассеянно, не нарочно. Парни, женщины.

И напротив них эта «18-ти лет» подняла над голыми ногами подол «выше чего не следует» и показала всем

Столица.

(*несколько, мелькнуло лицо — не видно было, что бы это была проститутка*).

* * *

Все что-то где-то ловит — в какой-то мутной водичке какую-то самолюбивую рыбку.

Но больше срывается, и насадка плохая, и крючок туп.

Но не унывает И опять закидывает.

*(рыбак Г * в газетах)*

* * *

Стиль есть душа вещей.

* * *

Уж хвалили их, хвалили.

Уж ласкали их, ласкали..

*(революционеры у Богучарского и Глинского **)*

* * *

дураки этакие, все мои сочинения замешаны не на воде и не на масле даже,— а на семени человеческом как же вам не платить за них дороже?

*(на извозчике)
(первое естественное восклицание —
затерявшееся,
и потом восстановленное лишь
в теме в «Оп. Лист»)*

* * *

Мамочка не выносила Гоголя и говорила своим твердым и коротким:

— Ненавижу.

Как о духовенстве, будучи сама из него, говорила

— Ненавижу попов.

— Отчего вы, Варвара Дмитриевна, «ненавидите» священников?

Не торопясь:

— Когда сходят с извозчика, то всегда, отвернув в сторону рясу, вынимают свой кошель и рассчитываются И это «отвернувшись в сторону», как будто кто у них собирается отнять деньги,— отвратительно И всегда даст извозчику вместо «5 коп.» этот... с особенным орлом старый «екатерининский» пятак, который потом не берут у извозчика больше чем за три копейки

— А Гоголя почему?

Она не повторяла и не объясняла. Но когда я пытался ей читать что-нибудь из Гоголя, которого Саша Жданова (двоюродная ее)*** так безумно любила, то, деликатно переждав (пока я читал), говорила

— Лучше что-нибудь другое.

Это меня поразило. И на все попытки оставалась деликатно (к предлагавшему) глуха.

«— Что такое??? Гоголь!!!» — Я не понимал.

Нередко она сама смеялась своим грациозным смехом, переходившим в счастливейшие минуты в игривость — небольшую и короткую. Все общее расположение души было деликатное и ласковое (тогда), без тени угрюмости (тоже тогда). Она не анализировала людей и, кажется, не позволяла себе анализировать: «Я еще молода» (26 или 28 лет). Все отношение к людям чрезвычайно ровное и благорасположенное, но без пристрастий и увлечений. В сущности она жила как-то странно: и — «не от мира сего», и — «от сего мира». Что-то среднее, промежуточное. Впереди — ничего; кругом — ничего; позади — счастливый роман первого замужества, тянувшийся года четыре.

Муж медленно погибал на ее глазах от неизвестной причины. Он со страшной медленностью слепнул, и затем, коротко и бурно помешавшись — помер. «Мне сшили тогда траурное все, но я не надела, и как была в цветном платье — шла за ним» (на кладбище; не имела сил переодеть).

Это цветное платье за гробом осталось у меня в душе.

«— Отчего она не любит Гоголя? *Не выносит*».

Со всеми приветливо-ласковая, она только не кланялась Евлампии Ивановне С-вой*, жене законоучителя и соборного священника.

— Отчего?

— Она ожидает поклона, и я делаю вид, что ее не вижу.

За исключением этих, очень гордых, которых она обходила, она со всеми была «хорошо». Очень любила родственниц, которые были очень хороши: Марью Павловну Глаголеву, Лизу Бутягину (†), подругу ее детства, дяденьку Дмитрия Адриановича**.

К прочим была спокойна и, пожалуй, равнодушна. Мать уважала, почитала, повиновалась, но ничего особенного не было. Особенное пробудилось потом — в замужестве со мною.

Отчего же она не любит Гоголя? и когда читаешь (ей) — явно «пропускает мимо ушей». «Почему? Почему?» — я спрашивал.

— Потому что это мне «не нравится».

— Да что же «не нравится»: ведь это — *верно*, Чичиков, например?

— Ну, и что же «Чичиков»?..

— Скверный такой. Подлец.

— Ну и что же, что...

Слова «подлец» она не выговаривала.

— Ну, вот Гоголь его и осмеял!

— Да зачем?

— Как «зачем», когда такие бывают?!

— Так если «бывают» — вы их не знаете. Если я увижу, тогда и... скажу «подлец». Но зачем же я буду говорить о человеке «подлец», когда я говорю *с вами*, когда мы *здесь*, когда мы что-нибудь читаем или о чем-нибудь говорим, и — слово «подлец» на ум не приходит, потому что вокруг себя я не вижу «подлеца», а вижу или обыкновенных людей, или даже приятных. Я не знаю, к чему это «подлец» относится...

Я распространяю более короткую речь и менее мотивированную. Она упорно отказывалась читать о «подлецах», не понимая или, лучше сказать, осязательно и так сказать к «гневу своему» не видя, к чему это относится и с чем это связать.

У нее не было гнева. Злой памяти — не было.

Скорей вся жизнь — вокруг, в будущем, а более всего в прошлом, — была подернута серым флером, тоскливым и остро-печальным в воспоминаниях.

Чуть ли даже она раз не выговорила:

— Я ненавижу Гоголя потому, что он *смеется*.

Т. е. что у него есть существо *смеха*.

Если она с Евлампией Ивановной не кланялась, то не прибавляла к этому никакого порицания и тем менее — анекдота, рассказа, сплетни. И «пересуживанья» кого-нибудь я от нее потом и за всю жизнь никогда не слышал, хотя были резкие отчуждения, и раза два полные «раззнакомления», но всегда вполне без слов (с Гамбургерами *).

Я понял тогда (в 1889 и 1890 г.), что существо смеха Гоголя было несовместимо с тембром души ее, — по серебристому и чистому звуку этого тембра, в коем (тембре) была совершенно исключена грязь и выкрик. Ни *со-ра* как *зрелища*, ни *выкрика* как *протест* — она не выносила.

Я это внес в оценку Гоголя («Легенда об инквизиторе» *), согласившись с нею, что *смеяться* — вообще недостойная вещь, что смех есть низшая категория человеческой души. Смех «от Калибана», а не «от Ариэля» («Буря» Шекспира).

Мамочка этого не понимала, да я ей и не говорил.

Позднее она очень не любила Мережковских — до пугливости, до «едва сижу в одной комнате», но и тогда не сказала ни одного слова порицания, никакой насмешки или еще «издевательства». Это было совершенно вне ее существования. Поздней, когда и я разошелся с М-ми, и на Дм. Серг. стал выливать «язвы»,** — думал, она будет сочувствовать, или хоть «ничего». Но и здесь, оттого, что у меня *смех* состоял в «язвах», она не читала или была глуха к моим статьям (пробежала до 1/2, не кончая), а в отношении их говорила:

— Не воображай, что ты их рассердил. Они, вероятно, только смеются над тобой. Ты сам смешон и жалок в насмешках. Ты злишься, что они тебя не признают, и впадаешь в истерику. Себе — вредишь, а им — ничего.

Так я и не мог привлечь мамочку к своей «сатире». И я думаю вообще, что «сатира» от ада и преисподней, и пока мы не пошли в него и еще живем на земле, т. е. в средних ярусах, — сатира вообще недостойна нашего существования и нашего ума.

Пусть это будет «канонем мамочки».

* * *

Смазали хвастунишку по морде — вот вся «История социализма в России».

(на прогулке в лесу).

* *

«... да потому что *ее* — это принадлежит *мне*».

«А *его* — это принадлежит *мне*», — думает девушка.

На этом основаны соблазнения и свирепые факты.

*

Так устроено. Что же тут сделать? «Всякий покоряет обетованную ему землю».

(на обороте транспаранта).

* * *

Любовь есть совершенная отдача себя другому
«Меня» уже нет, а «все — твое».
Любовь есть чудо. Нравственное чудо.

* * *

Развод — регулятор брака, тела его, души его. Кто захотел бы разрушить брак, но анонимно, тайно, скрыл «дело под сукно» — ему достаточно было бы испортить развод.

«Учение (и законы) о разводе» не есть учение только о разводе, но это-то и есть *почти все учение* о самом браке. В нем уже все содержится: мудрость, воля. К сожалению, «в нашем» о нем учении ничего не содержится, кроме глупости и злоупотреблений.

* * *

...как мелкий вор, я выходил от Буре *, спрятав коробочку с золотой цепочкой в карман (к часам L. Ademars № 10 165). У детей — ни нарядца, мама — больна: а я купил себе удовольствие, в общем на 300 р.

Вечером не сказал, а завтра перед завтраком: «Мамочка, я купил себе обновку». Все обрадовались. И мама. И дети.

L. Ademars — первые часы в свете. Сделаны еще около 1878 года (судя по медалям выставок на специальном к этим часам патентике), и таких теперь больше нигде не готовится, а в истории делания часов этот мастер не был никогда превзойден. Часы — хотя им 30 лет почти — были очень мало в употреблении (вероятно, пролежали в закладе). Оттого и купил, по случаю.

* * *

Задавило женщину и пятерых детей.

Тогда я заволновался и встал.

Темно было. И услышал в ухо: «Ты побалуйся и помолчи, а они потом (6) как знают».

Я отвернул огонь и увидел, что и о «баловстве», и об «оставлении» шептал первый авторитет на земле.

Вот моя победа и моя история. Мог ли я не воскликнуть:

— Я победил.

*

И увидел я вдали смертное ложе. И что умирают победители как побежденные, а побежденные как победители.

И что идет снег и земля пуста.

Тогда я сказал: Боже, отведи это. Боже, задержи.

И победа побледнела в моей душе. Потому — что побледнела душа. П ч где умирают, там не сражаются. Не побеждают, не бегут.

Но остаются недвижимыми костями и на них идет снег.

* * *

...я знаю, что изображаю того «гноса литературы», к которому она так присосалась, что он валит в нее всякое. Это рок и судьба.

*

У меня никакого нет стеснения в литературе, п ч литература есть просто мои штаны. Что есть «еще литераторы», и вообще что она объективно существует, — до этого мне никакого дела.

* * *

Да, верно Христово, что «не от *плоти и крови*» родиться нужно, а «от духа»: я собственно «родился вновь» и в сущности просто «родился» — уже 35-ти лет — в Ельце, около теперешней жены моей, ее матери 55-ти лет и внучки 7 лет. И собственно «Рудневы-Бутягины» (вдова — дочь) были настоящими моими «родителями», родителями *души моей*.

Помню, на камне, мы обменялись крестами: она дала мне свой золотенький помятый, я ей снял мой голубой с эмалью. И с тех пор на ней все этот мой голубой крестик, а на мне ее помятый.

И вошла в меня ее душа, мягкая нежная, отзывчивая; в нее же стала таинственно входить моя (до встречи) душа, суровая и осуждающая, критикующая и гневная.

Она все суровела, делалась строже — к порокам, недостаткам, к самым слабостям. Я же «прощал» все. Но я «прощал» тем счастьем, какое она принесла мне, а она суровела теми терниями, занозами, горечами, какие, увы, я принес ей.

Все-то целуешь у дам ручки (пример Полонского, «школа» Ф-с *). Она так и вспыхнет.

— Что ты все облизываешься около дам.

Как противно. Действительно, противно: это в сущности гнусная манера мужчин «подходить к ручке». И до женитьбы я никогда этого не делал (не знал, что «бывает»), а после женитьбы — всегда (от хорошего настроения духа).

И я не мог отстать от этой гадости. И от многих таких же гадостей и сору. А ее это мучило и раздражало. Она говорила с достоинством:

— Ты не понимаешь моих чувств. Мне больно, что *ты себя унижаешь*, свое достоинство и свои 40 лет, облизываясь, как мальчишка...

Во мне «мальчишка» так и кипел (был этот дух)...

— И что на тебя будут смотреть, *как на мальчишку*, — это мне больно.

И — все.

Мне все казались добрыми, и С-ниха, и все. Потому, что я был счастлив. И счастлив от золотого ее креста

Чего, я даже у С-ной целовал ручки, не подозревая, что это за «особа».

* * *

Весь торопясь, я натягивал сапоги, и спросил Надю: — «Не поздно ли?» — «Нет еще, половина одиннадцатого». — «Значит, опоздал! Боже мой. Ведь начинается в девять». — «Нет. В *десять*». В две минуты я надел нарядное платье (в церковь) и написав:

За упокой души старицы Александры

взял извозчика за гривенник до Александра Свирского и уже был там.

Теснота. Духота. Подаю: — «Не поздно?» — «Нет» Кладу на бумажку гривенник. «И две свечки по пяти коп.». — И прошел к «кануну».

Первый раз *за усопшего* ставлю свечку «на канун». Всегда любил его, но издали, не подходя. Теперь я увидел дырочки для свеч в мраморной доске, и вставил свою. Поклонился и иду ставить «к Спасителю» о болящей.

Продираюсь. Потно, душно. Какая-то курсистка подпевает «Господи, помилуй» певчим. — «Буду ставить Спасителю свечки», — подумал. «Поможет». А задним умом все думаю о «кануне» и что написал

«О упокоении души»...

Как о «упокоении души»? Значит, она *есть... живет... ви-*

дит меня, увы, такого дурного и грешного... да кто всему этому научил?

— Церковь.

«Она», пререкаемая, она — позоримая, о которой ругаются газеты, ругается общество, что «долги службы», что там «пахнет тулупом», и «ничего не разберешь в дьячке»...

Научила, о чем едва смел гадать Платон, и доказывал философскими извитиями мысли. Она же прямо и дивно сказала:

— Верь! Клади гривенник! «Выну частицу», и душе будет легче. И она взглянет на тебя оттуда, и ты почувствуешь ее взгляд.

«Грибенник» — так осязательно. Как что две булки за гривенник — несомненно, в обиходе и лавочке. Значит, «бессмертные души» так же несомненно, близко, осязательно, как булка в булочной.

* * *

Неужели поверить, что ее постоянная молитва имела этот смысл:

— Отчего они меня не лечат?

— Вразуми их! Укажи им.

*

В Мюнхене, в Наугейме (в Луге — и на Сиверской уже не было)... всегда это:

Пишу статью. Весь одушевлен. Строки черным бисером по белому растут и растут... Оглядываюсь. и раз и два... и три.

Она подымет глаза от акафиста и кивнет мне Я улыбнусь ей:

— Что, милая?!

И она опустит глаза на разорванные листочки «Всех скорбящих радости» — и читает.

У меня: недоумение, грусть. «Отчего она все читает один акафист?» И смутная тревога.

Кончит. И встанет. И начнет делать.

На вопрос (об акаф.):

— Меня успокаивает.

Она никогда не читала перед образом, на коленях Всегда сидя — почему-то даже не на кушетке, а на кровати. Не помню положения ног, но — не лежа. Скорей сжалась — и молится, молится «Всех скорбящих радости».

В Луге уже не могла, и я читал ей. Она лежит на кровати, я стоял на коленях на полу, но оборотившись так, что она видела — и я «еще подвернувшись» тоже мог видеть — образ и перед ним зажженную лампадку

*

А по воскресеньям и накануне праздников — так это было хорошо. На старом (без употребления) подносе стоит ряд лампадок. Во все наливается масло. Это — в столовой, и стоят они с огоньками, как свечи «на кануне» в церкви...

И вот эти огоньки уже несутся (в руках) в разные комнаты, в спальню, в детские, в кабинет...

У нее *своей* комнаты (отдельной) никогда не было, и даже в сущности не было (годами) у нас спальни: на ночь вынимался из сундука (в прихожей) матрац и устраивалась постель в моем кабинете.

(24 сентября).

* * *

Революции основаны на энтузиазме, царства — на терпении.

*

*

*

Революции исходят из молодого «я». Царства — из покорности судьбе.

*

Он был весь в цвету и красоте*, женат на младшей из многочисленных сестер, недавно кончившей гимназистке, и пока находился в гостях у ее старшей сестры. Ее муж был старый кашляющий чиновник, собравшийся умирать.

Что у него не болело: печень, почки, сердце, кости. Он был желчен и груб, но с молодым зятем (т. е. с этим мужем сестры жены) — о котором знал, что он революционер, — старался быть сдержанным и отмежевывался коротенькими:

— Не знаю-с...

— Как угодно-с...

— избегая речей и более связного разговора. Но жену свою, имея все права на нее, беспощадно ругал и был

невыносимо груб, не стесняясь гостями и их революционностью.

Она вышла за него лет 29, для детей и хозяйства и вообще «исполнения женского назначения», когда ему было за 40. Теперь ему было за 50, но он представлял труху болезней, и от непереносимости состояния собственно и ругался.

Скоро он умрет. И помня, что он все ругался, я спросил Петю (меньшого брата революционера), смиренно готовившегося стать учителем рисования. Он с недоумением выслушал мой негодующий вопрос:

— Нет, он не был худой человек. Ругался? — но оттого, что у него все болело. Последние недели перед смертью он все заботился, чтобы вдова его не осталась «ни при чем», и хотя он не дослужил до пенсии, но заблаговременно подал о ней прошение и представил свидетельства докторов. Да и имущество, правда бедное, укрепил за нею одной, чтобы не могли вмешиваться другие родственники. Нет, он был хороший человек и хороший муж. Если старый — то ведь она же пошла за старого.

Володя сидел «в Крестах»*, и жена носила ему обеды. Она была очень некрасива, как-то мужеобразна. Он же был удивительный красавец, высокого роста и стройный, с нежным лицом и юношеским голосом. Наконец, будучи сама без денег, она откуда-то раздобыла 1000 р. и совсем высвободила его под «залог» этой тысячи**

Я видел их сейчас по освобождении. Она была так полна любви, а вместе контраст его красоты и ее некрасивости был так велик, что она не могла более нескольких минут быть с ним в одной комнате. И я их не видел вместе, рядом, разговаривающими.

Она только смотрела на него откуда-то, слушала из другой комнаты его голос. Но как-то избегала, точно в застенчивости, быть «тут».

Он был ласков и хорош с нею и со всеми. Он был вообще очень добр, очень ласков, очень нежен и очень деликатен.

Он был прекрасный человек. И прекрасный с детства Любимое дитя любимых родителей.

Это от него я услышал поразительное убеждение:

— Конечно, университет принадлежит *студенчеству*, потому что их *большинство*. И порядок, и ход дела в университете в праве устанавливать *они*.

Это на мое негодование, что они бунтуют, устраивают беспорядки и проч.

Сам, кончив отлично гимназию, он был исключен с медицинского факультета Московского университета, потому что вместе с другими стучал ногами при появлении в аудитории Захарьина *. Захарьин был аристократ и лечил только богатых, а Володя был беден и демократ, и хотел, чтобы он лечил бедных.

Поэтому (стуча ногами) он стал требовать у начальства, чтобы оно выгнало Захарьина, но оно предпочло выгнать несколько студентов и оставить Захарьина, который лечил всю Россию.

Он перешел в «нелегальные», потом эмигрировал. Потом «Кресты» и, наконец,— на свободе.

Вскоре он бежал. Но еще до бегства случилась драма.

Посещая его жену, я всегда слышал ответ, что «Володя ушел». Из соседней комнатки вылезала какая-то в ватных юбках и ватной кофте революционерка, до того омерзительная, что я не мог на нее смотреть.

(устал писать). (Володя оставил свою жену, сблизился с еврейкой, которую я мысленно определил лукошком; и которая, хоть жила с ним в одной комнатухе, но его третировала, и он ужасно страдал. Рассказ его жены, как, уехав на берег моря, близ Риги, она слушала ночами рев волн — осенью — и была только с его портретом. Сравнение: революционеры живут для себя, а старые кашляющие чиновники все же живут для жен, ограничивая себя, терпя, не срывая цветочков — как этот Володя — в любви, а трудясь и заботясь о человеке, с которым связала судьба).

* * *

Год прошел,— и как многие страницы «Уед.» мне стали чужды, а отчетливо помню, что «неверного» (против состояния души) не издал ни одного звука. И «точно летел»...

Теперь — точно «перья» пролетевшей птицы. Лежат в поле одни. Пустые. Никому не нужные.

*

Не «мы мысли меняем, как перчатки», но, увы, мысли наши изнашиваются, как и перчатки. Широко. Не облегает руку. Не облегает душу.

И мы не сбрасываем, а просто перестаем носить.

Перестаем думать думами годичной старости.

* * *

Хороша малина, но лучше был окурок. Он курил свернутые сосульки, и по кромке парника лежала где-нибудь коричневая сосуля — сухая (на солнышке), т. е. — сейчас закурить.

Мы ее с Сережей не сразу брали, а указав пальцем, как коршуны над курицей, — стояли несколько времени маякая:

— Червонцы.

— Цехины.

Это было имя монет из «Тараса Бульбы» («рубля», конечно, не интересовали — не романтично): но разыскав 1—2 таких сосули, садились не видно, под смородину, и, свернув крючок (простонародная курка) — препарировали добро, пересыпали туда, и по очереди — с страшным запретом два раза сплошь не затянуться *одному* — выкуривали табак.

Сладкое одурение текло по жилам. На глазах слезы (крепость и глубина затяжки).

Он был слаще всего — ягод, сахара. Женщины мы еще не подозревали. А ведь, пожалуй, это все — наркотики, и женщины. Ибо отчего же в 7—8 лет табак нам был нужнее хлеба?

* * *

Да как же без amor utriusque sexus* обошлось бы дело? Как же бы мы могли начать относиться к своим (poster sexus**) с тою миловидностью, с тою ласковостью, с тою нежностью, с какою обычно и *по природе* относимся к противоположному полу, к alter sexus***?.. без чего нет глубины отношения, а без amor nostri sexus нет *закругленности* отношения. Universaliter debet amor mundi****. Но тогда явно ласка должна простираться туда и — сюда. Таким образом, действительно удивительная приспособленность к этому in natura regim***** — получает свое объяснение. *Организм индивидуума поразительно гармонизирует, «созвучит», организму человечества.*

(к организованности человечества
и к вопросу о всемирной гармонии).

* * *

Некоторые из написанных обо мне статей были приятны — и, конечно, я связан бесконечной благодарно-

стью с людьми, разбиравшими меня (что бы им за дело?): Грифцов *, какой-то Закржевский (в Киеве), Волжский. Но в высшей степени было неприятно одно: никакой угадки меня не было у них. То как Байрон «взлетел куда-то». То — как «сатана», черный и в пламени. Да *ничего* подобного: добрейший малый. Сколько черных тараканов повытаскивал из ванны, чтобы, случайно отвернув кран, кто-нибудь не затопил их. Ч. был единственный, кто угадал (точнее — сумел назвать) «состав костей» во мне, натуру, кровь, темперамент. Некоторые из его определений — поразительны. Темы? — да они всем видны, и, по существу, черт ли в темах. «Темы бывают всякие», — скажу я на этот раз цинично. Но он не угадал моего интимного. Это — боль; какая-то беспредметная, беспричинная и почти непрерывная. Мне кажется, это самое поразительное, по крайней мере — необъяснимое. Мне кажется, с болью я родился; первый ее приступ я помню задолго до гимназии, лет 7—8: я лежал за спинами семинаристов, которые, сидя на кровати и еще на чем-то, пели свои «семинарские песни». Я лежал без всякого впечатления, или с тем — «как хорошо», т. е. лежать и что поют. Вдруг слышу строки:

И над Гамбиею знойной,
Там, где льется Сенегал...

по смыслу выходило, что «над этими местами» пролетает сокол куда-то, к убогой подруге своей, или вообще к какой-то тоске своей. Напев был, правда, заунывный, но ведь слышал же «вообще заунывность» я и ранее. Скорее меня обняло впечатление пустынности и одностонности, пожалуй — невольной разлуки. Но едва звуки коснулись уха, как весь организм мой, весь состав жил как-то сжался во мне: и, затаивая звуки, в подушку и куда-то, я вылил буквально потоки слез; мне сделалось до того тоскливо, до того «все скучно», дом наш, поющие, мамаша, о братьях и играх — не говорю; и явился тайный порыв «быть с этим соколом», конкретнее — объяла такая тоска об этом соколе, с которым я, конечно, соединял «душу человека», «судьбу человека», что я плакал и плакал, долго плакал...

В другой раз это случилось в 4-м классе гимназии: умер Димитрий Степанович Троицкий ** нижегородский врач «для сапожников» (лечил одну бедноту), образованный человек, и странным образом — мой друг, говоривший со мною о Локке, Маколее, английской революции и проч., и вместе страдавший (форменная болезнь)

запоем. Умер и похоронили. Он был братом жены моего брата Коли. Как хоронили, как несли — ничего не помню. Но вот я стою в моей полутемной комнатке, переделанной из кухни. Тут печальная и сестра покойного, тоже очень любившая брата, и мой брат, очень его уважавший. В минуту, как я остался один, я опять — от мысли о своем *теперь* одиночестве — разразился такими рыданиями, длившимися едва ли менее $\frac{1}{2}$ часа, от которых ни я и никто не мог меня остановить. Это было что-то судорожное и проникнутое такой горечью и отчаянием, как я не помню, — состояние души было до такой степени страшное, черное — точно вот имело цвет в самом деле, — как не умею выразить. Ни его мать, ни сестра ничего подобного не плакали.

Это были *мистические слезы* — иначе не умею выразить; думаю, это определение совершенно верно. Состояние было до того тяжелое, что еще бы утяжелить — и уже нельзя жить, «состав» не выдержит.

*

Это примыкает к боли. Боль моя всегда относится к чему-то *одинокому* и чему-то *больному* и чему-то *далекому*; точнее: что я — одинок, и оттого что не со мной какая-то *даль*, и что эта даль как-то *болит*, — или я болю, что она только *даль*... Тут есть «порыв», «невозможность» и что я *сам* и *все* «не то, не то»...

* * *

Ничто так не обижало во мне «человека» в детстве, как что не позволяли ходить в погреб за квасом «самому».

— Ты не заткнешь втулку хорошо. И квас станет утекать. Вот пойдут большие — пойдешь и ты.

И я ждал. Час. Два. Жажда томит. Квас манит. И почему я «не воткну втулку крепко»? Воткнул бы.

* * *

«Кнут» Фл. как-то месяцы жжет мне душу; «ц<ерковь> бьет *кнутом*, п. ч. *иначе стало бы хуже*». Но она не только «бьет кнутом», но иногда и «очищает карманы брата своего», как случилось с 200 священниками домовых церквей в Петербурге. Не понимаю, почему *в сем-то случае* «стало бы хуже»; а по «сему случаю» заключаю,

что и в тех случаях бьет «кнутом» не по заботливости о хорошем, а по глупости, если только еще не хуже...

*

Неужели этот энтузиаст ц. станет реформатором? п. ч. лет-то через 20 он рассмотрит, что не всегда «для лучше», а иногда и «в мошну», и «в чрево», да и просто «не любим никого».

(Фл., защищающий каноническое право
и строгости церковные;
развод, епитимьи разведенным
и внебрачные дети).

* * *

Все мои пороки мокрые. Огненного ни одного.

Ни честолюбие, ни властолюбие, ни зависть не жгли мне душу.

Как же мне судить тех, кто не умеет совладать с огненными пороками (а я их сужу), когда я не умел справиться со своим мокреньким.

* * *

Книга должна быть дорога. Книга не кабак, не водка и не гуляющая девушка на улице.

Книга беседует. Книга наставляет. Книга рассказывает.

Книга должна быть дорога.

Она не должна быть навязчива, она должна быть целомудренна.

Она ни за кем не бегаёт, никому не предлагает себя. Она лежит и даже «не ожидает себе покупателя», а просто лежит.

Книгу нужно уметь находить; ее надо отыскивать; и, найдя,— беречь, хранить.

Книг не надо «давать читать». Книга, которую «давали читать»,— развратница. Она нечто потеряла от духа своего, от невинности и чистоты своей.

«Читальни» и «публичные библиотеки» (кроме императорских, на всю империю, книгохранилищ) и суть «публичные места», развращающие города, как и дома терпимости.

* * *

Всем великим людям я бы откусил голову. И для меня выше Наполеона наша горничная Надя, такая кроткая, милая и изредка улыбающаяся.

Наполеон совершенно никому не интересен. Наполеон интересен только дурным людям (базар, толпа).

(на почтовой расписке).

* * *

Больная раком, она сидела вся кокетливая у нас за чаем. Сестра ее сказала ей, будто 30 лет назад я был в нее влюблен; тогда мы не были знакомы, и теперь она заехала с сестрою к нам показаться тому, кто «когда-то был влюблен в меня».

Но это ошибка. Только проходя по Комаровской улице (Брянск), я видел маленький домик «К-ких»*, и видел в окно, как «они все пьют чай». Тогда она была худенькая, деликатная, если не красивая, то почти красивая. Она была такая скромная, что я, пожалуй, был «почти влюблен». Сестра ее была тогда гимназистка. Тогда они были «молодожены», и детей у них еще не было. Он — военный, служил в арсенале. Теперь он седой генерал.

И она сидела и смеялась. У нее отняты обе груди и «вынуто все под мышками» и «тут» (на боку) — почти до костей. Сестра — хирург, и все «снимала» и «снимала» постепенно.

Никакого несчастья я не видел на лице. «Мне еще бы прожить 6 лет, чтобы младший (12-ти лет) поднялся,— передавала ее слова сестра и приятельница (в то время) нашего дома.

Она была и теперь видная. 40 лет. Приятный белый цвет лица и что-то «неуловимо-пластическое», чем нравятся женщины.

(объявление о «†» в «Нов. Вр.» 3—4 октября 1912 г.)

Вечная память. Хоть мимолетно встретились — но вечная память ей.

(1913 г.).

* * *

Иногда кажется, что я преодолею всю литературу.

И не оттого, что силен. Но «Господь со мною». Это так. Так. Так.

(за упаковкой в дорогу).

* * *

Левые «печатники» и не догадываются, что им дают ругаться — как пьяным, или ораторствовать — как провокаторам на сходке.

(смысл русской свободы).

* * *

Объяснение особой ревности стариков:

— Je ne puis pas tout-à-fait *

И остаются вздохи, звезды, распутившиеся цветы и...

Бедный берет розу и обоняет.

Но это — как рисовали 20 лет назад старого толстяка францисканца, поднесшего к носу розу:

— Червяк!!

«Человек съел жабу» и в бешенстве убивает того, кто вложил жабу в розу.

*

Поневоле станешь подозревать, следить, запираешь на ключ. «Вечная опасность вместо вина напиться уксуса»
С ума сведет

Бедные очень страдают.

*

Но тут есть corrigenda **. Лет 20 назад мне пришлось выслушать странный рассказ, когда средних или чуть-чуть пожилых лет сватался к совсем молоденькой и, ввиду разности лет, говорил:

— Вы можете жить с кем угодно; но только выйдите за меня замуж. Я хочу быть вашим мужем и около вас, а стеснять я вас ни в чем не стану, и сам не буду вам навязываться.

Я не обратил внимания на рассказ, пока на похоронах еврейки (жена Цынамгзварова, грузина) молоденькая «проводжавшая», с которой на пролетку я сел от усталости (дождь, грязь), на мои расспросы о ней — сказала:

— Я на зубоврачебных курсах. — Нет, замужняя. — Буду зарабатывать сама хлеб. — По окончании гимназии, я поехала в Златоуст и вышла замуж за офицера. — Молодого. — Оказалось, пьет ужасно. Но не от этого я ушла, а он говорил мне: «Что ты просишь у меня все на хозяйство (денег), я же тебя оставляю глаз на глаз с товарищами, у которых есть средства, и ты всегда можешь быть при деньгах». — Ну, этого я не могла вынести И ушла

Тогда мне объяснилось и «предложение» на условиях свободы. Но просящее — *«будь моей женой, около меня»*.

Конечно, бедняк последний «рвал бы волосы на голове» при мысли об измене. И тут дело вовсе не в том, чтобы «были карманные деньги». Деньги скорее — предлог, оправдание и «введение»... «Все как будто у всех». Но тонкая *личная* струя здесь вводит в понимание архаичнейшей формы семьи — полиандрии, которая основана главным образом не на инстинкте женщин, а на странном вкусе мужей к «червяку» и «жабе».

Мне один извозчик (ехал в редакцию, к ночи) сказал о своей деревне (Новгородской губернии) — на слова, будто «деревенские девушки или женщины легко отдаются, рубля за 3» (слова мне А. С. Суворина, о поре своей молодости).

— Зачем девушки. Замужние. У нас на деревне всякая за 3 рубля (отдастся). Да хоть мою жену захочет кто взять.

Я даже испугался. Так просто. Он был красавец, с небольшими усиками, тонкий. Молодой. Лет 27-ми.

И не поперхнулся. Ни боли, ни стыда. И значит — никакой ревности.

*

Кстати, принципиальный вопрос Флоренскому, священникам и профессорам церковного права: должен ли быть расторгнут, т. е. должна ли церковь расторгнуть брак в случае «зубодерки», т. е. когда муж просит жену отдаваться, а она, чувствуя отвращение к таким отношениям и гнусность ко всему этому типу семьи, нося в сердце идеал лучшей семьи — просит церковь освободить ее от неудачно заключенного брака и дать разрешение на вступление в новый?

Есть ли это «прелюбодеяние»? Пока — нет. Т. е. церковь, «комментируемая и изъясняемая духовенством», единственным судиею сего «своего дела», — признает таковой брак расторжению не подлежащим. «Ни свидетелей», «ни жалобы мужа», «ни — измены мужа». Жена не может сказать: «муж мне изменяет», да он и не изменяет. А она? Да и она *может не изменять*. Какой же повод к разводу, формальный? И церковь сохраняет и приказывает сохранять такой чудовищный брак, около которого случайное «прелюбодеяние» мужа или жены, «прелюбодеяние» по налетевшей буре любви, кажется чем-то невинным и детским.

От кого же, господа духовные, идет развал семьи, от вас или от «непослушных жен», как вы традиционно и лениво жалуется? От вас, по-моему, по факту. И кто оскорбляет таинство брака? Ваш грязный взгляд на дело, ваши грязнящие брак законы. С «червем» и «жабою».

Да: на т. св. дадут вам покушать за отношение к семье и к семейным людям «червяка» и «жабы».

*

К разговору с извозчиком:

Толстой (такой ревнивый вообще и поощряющий ревность) гениально подметил это спокойствие крестьян к началу полиандрии:

— Дурак. Я сапогов не захватил.

Любовник прыснул от жены: и муж только жалел, зачем, «вспугнув» их с места, он не догадался предварительно взять сапоги его, тут же стоявшие.

Муж вернулся после отлучки. Узнав про любовь жены, он побил ее и все, что следует, и не лег с нею спать, а полез на печь. Жена среди ночи встала и пришла к нему. Он еще был сердит, и не хотел пускать. Но она облила его такими нежными словами. У Толстого это удивительно. Муж взял ее. И он все забыл; и она все забыла. Это и есть «полиандрия» в древности и сейчас.

*(рассказ об этом
в «Посмертных сочинениях» Толстого;
заглавие забыл *).*

* * *

Я смотрел на Леву с такою завистью к его росту, к его красивости, к его достоинству.

Он был III-го класса, и я не знал, могу ли к нему подойти поздороваться потом (когда всенощная кончится).

Я был I-го или II-го класса, карапузик. Он обыкновенно ходил с толстой палкой (самодельщина) и мог меня побить, мог всех побить.

Слушал пенье (в арке между теплой и холодной церковью). Красиво все. Рассеянность. И будто потянуло что-то.

Я обернулся.

За спиной, шага на 1¹/₂, стояла мамаша и улыбнулась мне. Это была единственная улыбка за всю ее жизнь, которую я видел.

*(в Покровской церкви, в Костроме,
1868 или 1869 год)
(прислонясь к стене на Итальянской ул.).*

* * *

Пересматриваю академическое изд. Лермонтова. Хотел отыскать комментарии к «Сашке». Не нашел (какая-то лапша издание). «Может в I т.?» Ищу и вижу на корешке IV, II, V, III. «Где же первый? Не затерялся ли?» С тревогой ищу I. Вижу только 4 книги. «Затерялся». Еще тревожнее, и вижу, что я аккуратнейше и внимательно надписал на «бумажке обертки»: «Выпуск второй», «выпуск третий», «четвертый» и «пятый» под печатным: «Том первый», «второй», «третий», «четвертый». Каким образом я, *внимательно* надписывая (радость о покупке) нумерацию томов, мог не заметить, что подписываю неверно под *тут же* (на обложке!) *напечатанными* «первый», «второй», «третий»? Значит, я *рассматривал* и *не видел*. Это сомнамбулизм, сон. И в первый раз прошло извинение о болезни мамы, которое мучило все лето: «что же мне делать, если я *ничего не вижу*», «*родился так*», «таким *уродом*». Это фатум бедной мамочки, что она пошла за Фауста, а не за колл. асессора. Это все-таки грех и несчастье, но — *роковое*.

Сколько сидя над морем, на высокой горе, я с бумажкой в руке высчитывал процентные бумаги. Было не то 16, не то 18 тыс., и обеспечения детей не выходило. Я перестраивал их так и иначе: «продать» одни и «купить» другие. Это был год, когда она была так мрачна, печальна и раздражительна. Я мучился. Зачем же я просиживал? Если бы я так же вдумался в состояние души ее, т. е. вдруг затревожился, отчего она тревожна, — я бы разыскал, так же бы стал искать, думать, так же бороться душою с чем-то неопределенно дурным, и попал бы на след, и, в конце концов, вовремя разыскал бы и позвал Карпинского. И она была бы спасена.

Тó, что я провозился с деньгами, нумизматикой и сочинениями вместо здоровья мамы, и есть причина, что пишу «Уедин.». Ошибка всей жизни.

*

Так мы каркаем бессильно, пройдя ложный путь.

* * *

Нет, чувствую я, предвижу — что, не пристав *здесь*, не пристану — и *туда*. Что же Новоселов, издав столько*, сказал ли хоть *одно слово, одну строку, одну страницу* (обобщим так, без подчеркивания) — на мои мучитель-

ные темы, на *меня мучающие темы*. Неужели же (стыдно, мучительно сказать) им нужны были строки мои, а *не нужна душа моя*, ну — душа последнего нищего, отнюдь не «писателя» (черт бы его побрал). Поверить ли, что ему, Кожевникову, Щербову *не нужна душа*. Фл-ский промолчит, чувствую, что промолчит. «Неловко», да «и зачем расстраивать согласие», — в сущности «хорошую компанию». Н-в о своей только сказал: «Царство ей небесное, ей там лучше» (в письме ко мне). А о папаше как заботился, чтобы не «там было лучше», а и «здесь хорошо». Но — женкам христианским вообще «там бы лучше», а камилавки и прочее — «нам останутся» и «износим здесь», или — «*покрасуемся* здесь»... Что же это в конце концов за ужасы, среди которых я живу, ужаснее которых не будет и светопреставление. Ибо это — друзья, близкие, *самые лучшие встреченные люди*, и если не у «которых — тепло», то где же еще-то тепло? И вот пришел, к ним пришел — и... пожалуй, «тепло», но в *эту специальную сторону — тоже холодно и у них*. А между тем особенность судьбы моей привела искать и стучаться, стучаться и искать — *тепла специально в этой области*. Что же Фл-ский написал о Н: «кнут» и «нужно промолчать». Какое же это решение?

Неужели же не только судьба, но и Бог мне говорит: «Выйди, выйди, тебе и тут места нет»? Где же «место»? Неужели я без «места» в мире? Между тем, несмотря на слабости и дурное, я чувствую — никакого «каинства» во мне, никакого «демонства», я — самый обыкновенный человек, простой человек, я чувствую — что хороший человек.

Умереть без «места», жить без «места»: нет, главное — все это *без малейшего желания борьбы*.

* * *

— Ребенок плачет. Да встань же ты. Ведь рядом и не спишь.

— Если плачет, то что же я? Он и на руках будет плакать. Пожалуй, подержу.

(отчего семьи разваливаются; первая Надя).

*

Она была так же образованна, как и другая, которая (я и не заметил, она потом при случае сказала):

— Когда я брала кормилицу (своего молока не бы-

ло — от того же, но мы и доктор не понимали) и деньги шли на то, что я бы должна выполнить, то я тогда отпускала прислугу и сама становилась к плите.

(отчего семьи крепнут; наша мама) (15 октября).

* * *

Ах, Бехтерев, Бехтерев,— все мои слезы от вас, через вас...

Если бы не ваш «диагноз» в 1896 (97?)-м году, я прожил бы счастливо еще 10 лет, ровно столько, сколько нужно, чтобы оставить детям 3 600 ежегодно на пятых — по 300 в месяц, что было бы уже достаточно, издал бы чудную свою коллекцию греческих монет, издал бы Египет (атлас с объяснениями), «Лев и Агнец» (рукопись) * и распределил и сам бы издал книгами отдельные статьи.

(начало октября).

* * *

Желание мое умереть — уйти в лес, далеко, далеко. И помолиться и умереть. Никому ничего не сказав.

А услышать? О, как хотелось бы. Но и как при жизни — будет все «с недоговорками» и «уклонениями». А те чужие, болтуны — их совсем не надо.

Значит, и услышать — ничего.

(глуб. ночью).

* * *

Холодок на сердце. Знаете ли вы его?

(в печали).

* * *

В 57 лет Бог благословил меня дружбой Цв.

(в печали) (октябрь 1912).

*

Как люблю его. Как уважаю.

* * *

Если бы Бехтерев увидел нашу мамочку, лежащую на кушетке, зажав левую больную руку в правой...

Но не увидит. Видит муж.

*

У них нет сердца. Как было не спасти, когда он *знал по науке*, что можно спасти, есть время и не *упущено* еще оно.

* * *

Знаю, физика: левая холоднее правой, и она ее постоянно греет. Но этот *вид* прижатых к груди рук — кулачок в кулачке — как он полон просьбы, мольбы и... безнадежности.

И все он передо мной, целые дни. Повернешь голову назад, пойдешь к стулу сесть, пройдешься по комнате и обратно пойдешь *сюда*: все сжатые кулачки, все сжатые кулачки. Дни, часы, каждый час, все месяцы.

(зима 1912 г.).

* * *

Нагими рождаемся, нагими сходим в землю.

Что же такое наши одежды?

Чины, знатность, положение?

Для прогулки.

*

День ясный, и все высыпали на Невский. Но есть час, когда мы все пойдем «домой». И это «домой» — в землю.

(октябрь).

* * *

Как не целовать руку у Церкви, если она и безграмотному дала способ молитвы: зажгла лампадку старуха темная, старая и сказала:

«Господи помилуй» (слыхала в церкви, да и «сама собой» скажет) и положила поклон в землю.

И «помолилась» и утешилась. Легче стало на душе у одинокой, старой.

Кто это придумает? Пифагор не «откроет», Ньютон не «вычислит».

Церковь сделала. Поняла. Сумела.

Церковь научила этому всех. Осанна Церкви — осанна как Христу — «благословенна Грядущая во имя Господне».

* * *

...да, шулер —

Ударил по *сердцам* с неведомой силой *

Интересна история нашей литературы.

(у Гершензона об Огаревой,
как ее обобрали, старуху **)

* * *

Как раковая опухоль растет и все прорывает собою, все разрушает,— и сосет силы организма, и нет силы ее остановить; так социализм. Это изнурительная мечта — неосуществимая, безнадежная, но которая вбирает все живые силы в себя, у молодежи, у гимназиста, у гимназистки. Она завораживает самое идеальное в их составе: и тащит несчастных на виселицу — в то время как они убеждены, что она им принесла счастье.

И в одном поколении, и в другом, в третьем. Сколько она уже утащила на виселицу, и все ее любят. «Мечта общего счастья посреди общего несчастья». Да: но именно *мечта* о счастье, а не работа для счастья. И она даже противоположна медленной, инженерной работе над счастьем.

— Нужно копать арык и орошить голодную степь.

— Нет, зачем: мы будем сидеть в голодной степи и мечтать о том, как дети правнуков наших полетят по воздуху на крыльях,— и тогда им будет легко летать даже на далекий водопой.

(за «Современником»).

* * *

В 1904—5 г. я хотел написать что-то вроде «гимна свободе»... Строк 8 вышло — но больше жару не хватило: почувствовал, что загнуло в риторiku... А теперь!..

...бежать бы как зарезанная корова, схватившись за голову, за волосы, и реветь, реветь, о *себе* реветь, а конечно, не о том, что «правительство плохо» (вечное *extemporatia* *** ослов).

(октябрь).

* * *

— Какое безобразие ваши сочинения.

— Да. Но все пытит в работе.

* * *

«Христианство и *не за́* пол, и *не прóтив* пола, а перенесло человека совершенно в *другую плоскость*».

(Флор.).

— Хозяин *не* против ремонта дома и *не за́* ремонт: а занимается библиографией.

Мне кажется — дом-то развалится. И хотя «библиография» не противоречит домоводству, однако, его съедает.

Вопрос о браке ведь в каждой семье, у меня, у вас (будет). Томит дни, ночи, постоянно, всякого. Как же можно сказать: «Я никому не запрещаю, а только ухажу в Публичную библиотеку заниматься рукописями».

(8 октября).

* * *

Неужели Пушкин виноват, что Писарев его «не читал». И Церковь виновата, что Бюхнер и Молешотт «ее не понимали», и христианство виновато, что болтаем «мы».

* * *

Страшно, когда наступает озноб души... Душа зябнет.

* * *

— Вася, ты уйди, я постоною.

— Стонай, Варя, при мне...

— Да я тебе мешаю.

— Деточка, кто же с тобой останется, если я уйду? Да и мне *хочется* остаться...

(Когда Шура вторично ушла, 23 октября *,
на счете по изданиям).

* * *

Все-таки я умру в полном, в полном недоумении. В религиозном недоумении.

И больше всего в этом Фл. виноват. Его умолчания. С Б. я никогда не расстанусь. Но остальное...

* * *

Ожидаемые, и желаемые, и высматриваемые качества митрополита петербургского — скромность.

Ученость — хорошо, святость — прекрасно, подвиг жизни и аскетизм — превосходно; но выше всего скромность.

Молчаливость, тихость и послушание.

Если при этом хороший рост, мелодичный голос и достоинство манер и обращения — то такому «кандидату» не страшен был бы соперником и Филарет и Златоуст, и «все три Святителя».

*(28 октября перед † митр. Антония *
за вечерним чаем думаю).*

* * *

Полу-искренность — она сопутствует теперь всем делам церковным.

Ошибается, кто говорит о неискренности. Ему сейчас укажут патетический голос, великий восторг, умиление, преданность.

Но не *допрашивайте* эту патетичность: щеки ее поблекнут, язык начнет путаться. Все пойдет в маленькую уклончивость и умолчания.

Все теперь — в «полу»..., нигде — «полного»...

(тоже, перед † митр. Антония).

* * *

Даже если будет все это место полно червями и гниением — я останусь *здесь*.

С глупыми — останусь. С плутами — останусь.

Почему?

Здесь говорят о бессмертии души. О Боге. О Вечной Жизни. О Награде и Наказаниях.

Здесь — Алтарь. Воистину алтарь, один на земле.

И куда же мы все пойдем отсюда...

*(перед кончиной митр. Антония,
28 октября, ночь).*

* * *

Может быть, другие не имеют права умереть *сами*, но я имею право умереть *сам*.

* * *

И Тиллинг, директор Евангелической больницы **, когда «она там лежала» (опасное кровотечение — на краю могилы), умер.

Роше в Мюнхене, Наук где-то за границей, теперь вот Тиллинг (такой гигант был), еще раньше виновный в кровотечении (велел массаж делать, не сняв швов), Рентельн — все †††. И если Немезида...

Грех! Грех!! Грех!!!

(28 окт. ночь).

* * *

В случае «если бы» — вот план для издания моих статей, еще не перепечатанных в книги:

1) *Около церковных стен, III*. Статьи о Церкви, об управлении ею, о духовных школах. Это все «в помощь попам», а отчасти в помощь нашему милому духовенству. Передольский хорошо его звал «Божьей родней». Оно — и есть таково: через 1000 лет пронесло и сохранило не колеблясь идею Неба, идею Правды, идею Суда... Да помолится оно о несчастных рабах Божиих «Василии и Варваре». Свящ. Устынский все время о нас молился. Спасибо ему, милому.

2) *«О писателях и писательстве»*. Тома на 4. Статьи о литературе. Есть предисловие к этой книге, очень одушевленно написанное где-то. Сюда должны войти (в рукописях) неоконченные статьи «Паскаль», «Христианство и язык», «Фауст».

3) *«Юдаизм»*. Вначале — «Замечательная еврейская песнь», потом «Жид на Мойке» (из «Нов. Пути»), «Чувство солнца и растений у древних евреев» и последним — «Юдаизм». Это — в I том. Во II том, с подзаголовком «Материалы», толстая тетрадь у меня в библиотеке, еврея Цинхенштейна; и затем бы — но этого никто не сумеет выбрать — отмеченные места из «Талмуда» и из «Ветхозав. храма».

4) *«Сумерки просвещения»* — вторым изданием, с дополнениями, а гравное — с продолжением: «В обещаниях дня»: сюда собрать статьи, напечатанные в пору ломки и смуты школы, и ее растерянности. Таким обр.: «Сумерки просвещения» — I т. «В обещаниях света» — I т. Все — целое. Это — милым гимназистам.

5) *«Семейный вопрос в России»*, том 3. Там одна статья: «В мире любви, испуганности и стыдливости». Это — добрым страдалцам.

6) *«Эмбрионы»*. Из книг, из «Торгово-промышл. газеты» («Из дневника писателя»), «Попутные заметки» (из «Нов. Вр.»), из «Гражданина». Это нужно издавать в формате «Уединенного», начиная каждый афоризм с

новой страницы. Смешивать и соединять в одну книгу с «Уединенным» никак не нужно. «Уединенное» — без читателя, «Эмбрионы» — к читателю.

7) «Германские впечатления». Наугейм, Мюнхен, etc.; сюда же, собственно, надо бы перенести из «Итальянских впечатлений» последний отдел: «По Германии». И даже «Германские впечатления» (книжку) начинать с этих статей о Берлине и Кайзер-Вильгельме.

8) «Кавказские впечатления».

9) «Русский Нил» (впечатления по Волге). Сюда внести и статьи под заглавием «Израиль» и «В современных настроениях» из «Русск. Слова» за 1907 г., №№ 194 и 200 (ибо это все «Русский Нил», и только редакция переменяла заголовки).

10) «Чиновник. Очерк русской государственности». Статьи из «Русск. Слова» и «Нов. Слова» о чиновничестве.

11) «В связи с искусством». Сюда внести статьи: «Молящая Русь» (о Нестерове). «Где же религия молодости», «Сицилианцы в Петербурге», «Из мыслей зрителя», «Гоголевские дни в Москве», «Памятник Александру III», «Отчего не удался памятник Гоголю», «Актер», «С. С. Боткин», «Памяти Комиссаржевской», «Театр и юность» и, может быть, «Танцы невинности» (о Дункан); «Зембрих».

12) «Литературные изгнанники». «Переписка с Леонтьевым» (с примечаниями) и «переписка с Рачинским» (с примечаниями). Письма ко мне милого Н. Н. Страхова (с портретом его — художавым, со сложенными руками и в саду, — снятым в Ясной Поляне после операции), письма ко мне Рцы (и портрет мой с Софой, крестницей), т. е. И. Ф. Романова, письма ко мне Шперка и портрет «Умиравший Шперк» (в Халиле, среди семьи: попросить выгравировать В. В. Матэ, адрес — в Академии художеств; гравюра обойдется рублей 200, но, я думаю, за продажу это окупится), письма ко мне П. А. Флоренского (нужно спросить дозволения; адрес: в Троице-Сергиев Посад, Духовная Академия, Павлу Александровичу Флоренскому), и Серг. Ал. Цветкова. Редактировать это издание могут П. А. Флоренский или С. А. Цветков. Адрес его: Москва, Остоженка, Молочный пер., д. 2, кв. 2.

13) «Древо жизни и идея скопчества». Статьи о поле — из «Гражданина» и «Нов. Вр.» (особенно «Пол и душа»).

14) «Черный огонь». Статьи о революции и революционерах из «Нов. Вр.», «Русск. Слова» и «Нового Слова».

15) «Во дворе язычников». «Культура и деревня», «Древнеегипетские обелиски», «О древнеегипетской красоте», «Прорицатель Валаам» еписк. Серафима (библиогр. заметка), «О поклонении зерну», Буткевича — «Неверие XIX в.» (библиогр. заметка), «Афродита-Диана», «О лекции Влад. Соловьева», «Сказочное царство», «Восток» (подп. *Орион*), «Величайшая минута истории», «Занимательный вечер», «Маленькая историческая поправка», «Серия недоразумений (?)», «Чудесное в жизни и истории», «Тема нашего времени», «Эллинизм», «Демон Лермонтова в окружении древних мифов», «Атлантида — была», «Из восточных мотивов» (то же, что «Звезды» — заглавие это не мое, а редакции «Мира искусства»), и сюда прекрасный рисунок пером Бакста.

16) «Лев и Агнец». Громадная рукопись, не оконченная, в несгораемом шкафе. Где места пропусков — просто заменить страницей многоточия. Это не нарушит смысла и связи. Редакция пусть будет Флоренского, а если ему некогда — Цветкова, а если и ему некогда — подождать. Помня: «Дело не волк — в лес не убежит»

* * *

Встретился с Философовым и Мер. в Рел.-фил. собр. Точно ничего не было. Почувствовал дружбу. А ругались (в печати), и они потребовали в «Рус. Сл.», чтобы или меня исключили, или «они выходят».

Даже «под зад» дал Фил-ву, когда он проходил мимо. Полная дружба. Как гимназисты.

Ужасно люблю гимназическую пору. И вечно хочется быть опять гимназистом. «Ну ее к черту, серьезную жизнь».

*

И когда сотрудничаю в газетах — всегда с небольшим внутренним смехом, — всегда с этой мыслью: «мы еще погимназистничаем».

*

И потому мне ровно наплевать, какие писать статьи. «направо» или «налево». Все это ерунда и не имеет никакого значения. «Шалости нижегородского гимназиста» (катались на Черном пруде).

(29 октября).

* * *

Зонт у меня Философова, перламутровый ножик (перочинный, прелестный) от Суходрева, теперь палка от Тычинкина *

— Она грязная (он).

— Тем лучше. Это в моем стиле.

*

У Фил. зонт был с дырочкой. Но такая прелестная палка, черная с рубчиками, не вертлявая (полная в теле) и необыкновенно легкая.

Эти декаденты умели выбирать необыкновенно изящные вещи. Простые и стильные.

(29 октября).

* * *

...уклончивость всех вещей от определения своего, уклончивость всех планет от «прямой»...

Что это?!!!

Ужасы, ужасы...

*

Может быть, она в том, что мир хочет быть «застегнут на все пуговицы» и не показать внутренних карманов ни репортеру, ни Ньютону.

Если так — еще можно успокоиться. «Темно. Не вижу». Это пусть и говорит косолапый Вий, ноги которого выросли в землю.

Но если иное?..

Что?

Не хочу даже сказать. Пугаюсь.

* * *

Все мои пороки были или мелким любопытством ума, или «так», «распустился», и, в сущности, беспричинны. Но мне никогда (порок) не «сосал под ложечкой» и не «кружил голову».

* * *

Поэтому «порочность мира» я знаю очень мало. И поэтому же, очень может быть, суждения мои о мире неглубоки. В огненных пороках раскрывается какая-то «та сторона луны», которая ко мне никогда не повертывалась.

* * *

План «Мертвых Душ» — в сущности, анекдот; как и «Ревизора» — анекдот же. Как один барин хотел скупить умершие ревизские души и заложить их; и как другого барина-прощелыгу приняли в городе за ревизора. И все пьесы его, «Женитьба», «Игроки», и повести, «Шинель» — просто петербургские анекдоты, которые могли быть и которых могло не быть. Они ничего собою не характеризуют и ничего в себе не содержат.

Поразительна эта простота, элементарность замысла; Гоголь не имел сил — усложнить плана, *романа* или *повести* в смысле развития или хода страсти — чувствуется, что он *и не мог бы представить*, и самых попыток к этому — в черновиках его нет.

Что же это такое? Странная *элементарность* души. Поразительно, что Гоголь *и сам не развивался*; в нем не перестраивалась душа, не менялись убеждения. Перейдя от малороссийских повестей к петербургским анекдотам, он только перенес глаз с юга на север, но глаз этот был *тот же*.

* * *

Недостаток Перцова заключается в недостаточно яркой и даже недостаточно определенной индивидуальности.

Сотворяя его, Бог как бы впал в какую-то задумчивость, резец остановился, и все лицо стало матовым. Глаза «не торчат» из мрамора, и губы никогда не закричат. Ума и далекого зрения, как и меткого слова (в письмах) у него «как Бог дай всякому», и особенно привлекательно его благородство и бескорыстие: но все эти качества заволакиваются туманом неопределенных поступков, тихо сказанных слов; какого-то «шуршания бытия», а не скакания бытия.

Но он «рыцарь честный», честный и *старый* (по чекану) в нашей низменной журналистике.

С ним в контрасте Рцы: которого *переделав*, Бог — плюнул от отвращения и отошел. И с тех пор Рцы все бегают за Богом, все томится по Боге, и говорит лучшие молитвы, какие знает мир (в себе, в душе).

Увы: литературно это почти ни в чем не выразилось. Он писал только об еде, о Россини и иногда об отцах Церкви. Теперь, бедный, умолк.

* * *

Что такое литературная душа?

Это Гамлет.

Это холод и пустота.

(укладываясь спать).

* * *

Мне не было бы так страшно, ни так печально, если бы не ужасы ясновидения. Но я живу как «в Провидении»: потому что за годы, за очень долгие годы,— все будущее было открыто ей в каких-то вещих тревогах.

Мы сидели в Кисловодском театре. Давали «Горе от ума». Ни хорошо, ни худо. И в котором-то антракте я обдумывал, нельзя ли склеить статью в «Н. Вр.» рублей на 70 (билеты — 6 руб., время — в нужде, довольно жестокой).

— Посмотри, Вася.

Я поднял голову и смотрел на спущенный занавес, изображавший наяд и героев.

— Не там, а выше.

Занавес спускался из арки, и на арке были изображены... должно быть, античные маски.

— Вон там, в углу... Такая ужасная... Когда я буду умирать, у меня будет такое лицо.

Это было искаженное ужасом и отчаянием лицо «трагической маски».

Я захолодел. Губы мои что-то бессильно шептали. И этот ее «внушающий» голос, полный убеждения, пугал меня даже потом, когда я просыпался ночью.

Несколько раз, когда я хотел и предлагал ей отдохнуть в санатории (как было бы спасительно, определили бы при приеме болезнь), она отказывалась в каком-то трепетном страхе: как забившаяся в угол птичка, боящаяся оставить этот угол.

И все подозрительность. И все испуг.— «Вы хотите остаться без меня *одни*» (для дурного, легкомысленного).— «Вы хотите *отвязаться от меня*»...

Я переставал говорить.

«— Как страшно... Мне тогда представляется, что меня везут в сумасшедший дом. И спущены занавески».

И она холодела. И я холодел. Центр ужаса находился, был в «спущенных занавесках».

А «занавески» в душе ее и в самом деле спускались. Она атомически, разрушительно отделялась от мира

Моя страдальца. И опять говорила: «— Я снова видела во сне Михаила Павловича. Так ясно. И он спрашивает: скоро ли ты, Варюнчик, придешь ко мне? Я жду тебя».

Это первый муж. С которого все и началось. И самая любовь наша началась с чудной элегии, в которой она рассказала о необъяснимой молодой гибели ее 1-го мужа. Она осталась вдовой 21-го года, с 2-х летней Саничкой и матерью.

Бог послал меня с *даром слова* и ничего другого еще не дал. Вот отчего я так несчастен.

Ничего так красиво не лежит на молодости, как бедность.

Но без лицемерных «дыр»...

Бедность чистоплотная.

Душа моя как расплетающаяся нить. Даже не льняная, а бумажная. Вся «разлезается», и ничего ею укрепить нельзя.

(ночью на извощике).

Я вышел из мерзости запустения, и так и надо определять меня: «выходец из мерзости запустения».

Какая нелюбимость.

Вражда ко всем людям.

Нас не знали даже соседи, как не знали и мы соседей. Только разве портной в углу (рядом его хибарочка). Все нас дичились, и мы дичились всех.

Мы все были в ссоре. Прекрасная Верочка умерла так рано (мне лет 8—7), и когда умерла, то все окончательно заledenело, захолодело, а главное, замусорилось. За все время я не помню ни одной заботы, и чтобы сам о чем-нибудь позаботился. Все «бродили», а не жили; и ни у кого не было сознания, что что-нибудь *должно делать*. Вообще слово «должно» было исключено из самого обихода, и никогда я его не слышал до 14 лет, когда хоть услышал — «ты *должен* выучить урок» (и сейчас возненавидел «должен»). Все проводили дни (ибо «жили» даже нельзя сказать) по «как бы *легче*» и «как бы изловчиться» Только теперь (57 лет) я думаю, что Коля

был прав, оставшись только 3 дня, и уехал молча и никогда не отвечал ни на какие письма. Он оценил глазом, образованием и опытом взрослого человека, что тут все мертво, хотя и шевелится, и дышит. И воскресить ничего нельзя, а можно только утонуть возле этого, в связи с этим, распутывая это.

*(лежа в постели ночью,
вспоминаю детство, до 13 лет).*

Что такое «писатель»?

Брошенные дети, забытая жена, и тщеславие, тщеславие...

Интересная фигура.

(засыпая).

* * *

Церковь научила всех людей молиться.

Какое же другое к ней отношение может быть у человека, как целовать руку.

Хорошо у православных, что целуют руку у попов.

Поп есть отец. Естественный отец. Ведь и натуральные отцы бывают дурные, и мы не говорим детям — ненавидьте их, презирайте их. Говорить так — значило бы развращать детей и губить их душу и будущность. Вот отчего, если бы было даже основательно осуждать духовенство — осуждать его не следует.

Мы гибнем сами, осуждая духовенство. Без духовенства — погиб народ. Духовенство блюдет его душу.

(1 ноября).

Что выше, любовь или история любви?

Ах, все «истории любви» все-таки не стоят кусочка «сейчас любви».

*

Я теперь пишу «историю», п. ч. счастье мое прошло.

У Рцы «Бог прибрал» троих детей — Ваню, еще Сережу, еще... имена забыл. Сережа умер потом и отдельно. Но один за другим выносили три детских гробика, с Павловской, № 2, Ефимова, 2-й этаж.

Это было что-то чудовищное. Как вообще у человека «кости не ломаются» в таком несчастии? Он — недвижимый, растерянный, она — вся в муке, и Гесс (докт.) гово-

рил: «Который вот день (сутки) Ольга Ивановна не закрывает глаз» (мать).

И Елена Ивановна *

И вот перенесли, что непереносимо. Что вообще нельзя перенести. Под чем кости хрустят, душа ломится. Как же они перенесли?

А как же бы они *не перенесли*? Остались жить. Бог «одних берет», других «оставляет»: и кого оставляет — «будет жить».

Хохота и прежде не было. Всегда была нужда. Теперь — часто тяжелая. Но тогда (на именинах Ольги Ивановны) бывал смех. Улыбка и теперь бывает. Не частая, но бывает. Говорят. Заботятся. Он читает все Апостола Павла. Перечитывает. Обдумывает. Вчитывается. Все его чтение — Апостол Павел и «Нов. Вр.» (обо всем, — текущий день), иногда «Богосл. Вестник».

Он лицеист (Москва). Умница. Страсть — Рембрандт и Россини. Пишет. Но что-то «не выходит». Родился до книгопечатания и «презирает жить в веке сем». У него нет *praesens*, и все *perfectum* и *plusquamperfectum*. *Futurum* ** яростно отвергает.

И живут.

Живут пассивною жизнью (после страдания), когда активная невозможна.

Вот отчего нужно уважать старость: что она бывает «после страдания».

Этого нам в гимназии в голову не приходило.

Священное слово.

Зависимость моя от мамочки — как зависимость безнравственного или слабонравственного от нравственного.

Оно все ползет куда-то, шатается, склоняется: а все назад оглядывается.

И эта всегдашняя забота обо мне — как Провидение. Оттого мне страшно остаться одному, что я останусь без Провидения¹.

Ни — *куда* пойти.

Ни — *где* отдохнуть.

Я затеряюсь, как собака на чужой улице.

¹ т. е. без некоторой тени его, осуществления его на земле, «осознательного» его.

Основание моей привязанности — нравственное. Хотя мне все нравилось в ее теле, в фигуре, в слабом коготеньком мизинчике (удивительно изящные руки), в «одной» ямке на щеках (после смерти первого мужа другая ямка исчезла), — но это было то, что только *не мешало* развиваться нравственной любви.

В христианском мире уже только возможна нравственная любовь, нравственная привязанность. *Тело как святыня* (Ветх. Зав.) действительно умерло, и телесная любовь невозможна. Телесная любовь осталась только для улицы и имеет уличные формы.

Я любил ее, как грех любит праведность, и как кривое любит прямое, и как дурное — правду.

*

Вот отчего в любви моей есть какое-то странное «разделение». Оно-то и сообщило ей жгучесть, рыдание. Оно-то и сделало ее вечным алканием, без сытости и удовлетворения. Оно исполнило ее тоски, муки и необыкновенного счастья.

*

Почти всегда, если мы бывали одни и она не бывала со мною (не разговаривала), она молилась. Это и раньше бывало, но за последние 5—6—7 лет постоянно. И за годы, когда я постоянно видел возле себя молящегося человека, — мог ли я не привыкнуть, не воспитаться, не убедиться, не почувствовать со всей силой умиления, что молитва есть лучшее, главное.

(ночью в слезах, 1-го ноября, в постели).

Я возвращаюсь к тому идеализму, с которым писал «Легенду» (знакомство с Варей) и «Сумерки просвещения» (жизнь с нею в Белом). К старому провинциальному затишью. Петербург меня только измучил и, может быть, развратил. Сперва (отталкивание от высокопоставленного либерал-просветителя и мошенника) безумный консерватизм, потом столь же необузданное революционерство, особенно религиозное, анти-церковность, анти-христианство даже. К нему я был приведен семейным положением. Но тут надо понять так: теперешнее духовенство скромно сознает себя слишком не святым: слишком немощным, и *от этого* боится пошевелиться в тех действительно святых формах жизни, «уставах», «за-

конах», какие сохранены от древности. Будь бы Павел, и он поступил бы как Павел *по правде*, осудив ту и оправдав эту. Без этого духа «святости *в себе*» (сейчас) как им пошевелиться? И они замерли. Это не консерватизм, а скромность, не черствость, а страх повредить векам, нарушив «устав», который привелось бы нарушать и в других случаях и для других (лиц), в случаях уже менее ясных, в случаях не белых, а уже серых и темных. Пришлось бы остаться, с отмененным «Уставом», только при своей совести: которая если не совесть «Павла», а совесть Антониев и Никонов и Сергиев и Владимиров и Константинов (Поб.) — то как на нее возложить тяжесть мира?» «Меня еще не подкупить, а моего преемника подкупят»: и станет мир повиноваться не «Уставу», а подкупу, не формализму, а сулящему. И зашатается мир, и погибнет мир.

Так мне и надо было понять, что, конечно, меня за <брак> никто не судит, и Церковь нисколько не осуждает <мою Варю> и нисколько не разлучает меня с <детьми>, а только она пугается это сделать вслух, громко, печатно, потому что «в последние времена уже нет Павлов, а Никандры с Иннокентиями». Потому что дар пророчества и первосвященничества редок, и он был редок и в первой церкви Ветхозаветной, и во второй Новозаветной. Аминь и мир.

* * *

Все погибло, все погибло, все погибло.
Погибла жизнь. Погиб самый смысл ее.
Не усмотрел.

(3 ноября).

Так любил ее, что никак не мог перестать курить ночью.

(Правда — пытался, но она сама говорила: «Покури» — и тогда я опять разрешал.)

* * *

Ах, господа, господа, если мы знали все, как мы бедны...

Если бы знали до чего мы убоги, жалки...

Какие мы «дарвинисты»: мы просто клячи, на которых бы возить воду.

Просто «собачонка из подворотни», чтобы беречь дом доброй хозяйки.

И она бросает нам кусок хлеба.

«Вот и Спенсер, и мы».

«И сочинения Огюста Конта, Милля и Спенсера, и женский вопрос» (читал гимназистом)

И «предисловие Цебриковой».

(5 ноября).

Родила червяшка червяшку

Червяшка поползала.

Потом умерла.

*

Вот наша жизнь.

(3-й час ночи).

...выберите молитвенника за Землю Русскую. Не ищите (выбирая) мудрого, не ищите ученого. Вовсе не нужно хитрого и лукавого. А слушайте, чья молитва горячее, — и чтобы доносил он к Богу скорби и напасти горькой земли нашей, и молился о ранах и нес тяготы ее.

(к выбору патриарха Всея Руси; толки).

Жизнь — раба мечты.

В истории истинно реальны только мечты. Они живучи. Их ни кислотой, ни огнем не возьмешь. Они распространяются, плодятся, «овладевают воздухом», вползают из головы в голову. Перед этим цепким существованием как рассыпчаты каменные стены, железные башни, хорошее вооружение. Против мечты нет ни щита, ни копья.

*

А факты — в вечном полинянии.

* * *

К Б. меня нечего было «приводить»: со 2-го (или 1-го?) курса университета не то чтобы я чувствовал Его, но *чувство присутствия около себя* Его — никогда меня не оставляло, не прерывалось хоть бы на час. Я был «полон Б.» — и это всегда.

Но к Х. нужно было «привести».

То неужели вся жизнь моя и была — с 1889-го года, — «приведением» сюда? С 1889-го и вот до этого 1912 г., и даже, определеннее, до 7 ноября, когда впервые «мелькнуло»...

Ведь до этого 7 ноября я б<ыл> совершенно «вне Его». До такой степени, как, может быть, ни у кого. Но сказано: «И оружие пройдет тебе сердце»...

Так вот что «приводит»...

(7 ноября).

*

Не смиренные смиренны, а те, которые были смиренны.

Но этой точки я не хочу: она враждебна мне. Нет — Рок.

И потом — смирение.

Томится душа. Томится страшным томлением.

Утро мое без света. Ночь моя без сна.

*

Это мамочка моя, открыв что-то, показала мне: — «Что это такое? Как верно».

Я взглянул и прочитал:

«На что дан свет человеку, которого путь закрыт и которого Бог окружил мраком».

Это из Иова (III, ст. 23). И я подумал: «Вот что я хотел бы вырезать на твоей могиле, моя бедная». Это было лет 18 назад.

Почему я ее всегда чувствовал, знал бедной. Как и у нее, у меня была безотчетная тревога, теперь объяснившаяся (давняя болезнь). Казалось, все обеспечено, все дети отданы в лучшие школы, мамочка, кажется бы, «ничего»: а мысль «бедная! бедная!» сосала душу. К этой всегдашней своей тоске, тревоге я и отношу некрасовское

Еду ли ночью по улице темной,

так как я часто езжу в редакцию (править корректуры). И всегда — тоска, точно завтра начнется светопреставление.

* * *

У меня чесотка пороков, а не влечение к ним, не сила их.

Это — грязнотца, в которой копошится вошь; огонь и пыл пороков — я его никогда не знал. Ведь весь я тихий, «смирennemудрый».

И часто за чайным столом, оглядывая своих гостей и думая, что они чисты от этих пороков, — с какой я тайной завистью, и с благодарностью (что чисты), и мукой греха смотрю на них.

И веду разговор о литературе или Рел.-фил. собр., едва сознавая, о чем говорю.

* * *

Вся жизнь моя была тяжела. Свнутри грехи. Извне несчастья. Одно утешение было в писательстве. Вот отчего я постоянно писал.

(8 ноября).

*

Теперь все кончилось. «Подгребаю угольки», как в истопившейся печке. Скоро «закрывать трубу» (†).

У меня было религиозное высокомерие. Я «оценивал» Церковь, как постороннее себе, и не чувствовал нужды ее себе, потому что был «с Богом».

Помню, в Брянске, я с высокомерием говаривал: «Он церковник», или еще: «Да, он — церковник, но это вовсе не то, что религиозный человек»... «Я не церковник, но я религиозный человек».

Но пришло время «приложиться к отцам». Уйти «в мать землю». И чувство церкви пробудилось.

Церковь — это «все мы»; церковь — «я со всеми» И «мы все с Богом».

В отличие от высокомерной «религиозности» — «церковное» чувство смиренно, просто, народно, общечеловечно.

< 8 ноября. >

Философы, да и то не все, говорили о Боге; о «бесмертии души» учил Платон. Еще некоторые. Церковь не «учила», не «говорила», а *повелевала* и верить в Бога, и питаться от бессмертия души. Она одна. Она всегда. Непременно. Без колебания.

Она несла это Имя, эту Веру, это Знамя без колебания, с времен древних, и донесла до наших времен. О сомневавшемся она говорила: «Ты — *не мой*». Нельзя представить себе простого дьячка, который сказал

бы: «Может быть, бессмертия души и — нет». Всякий дьячок имеет уверенность в том, до чего едва додумался и едва имел силы достичь Платон.

«Сумма учений Церкви» неизмерима сравнительно с Платоновой системой. И так все хлебно, так все просто. Она подойдет к роженице. Она подходит к гробу. *Это нужно*. Вот «нужного»-то и не сумел добавить к своим идеям Платон.

Что же такое наши университеты и «науки» в Духовных Академиях сравнительно с Церковью?

Трава в лесу. Нет: трава в мире (космос).

Мир — Церковь.

А нау́ки, и университеты, и студенты — только трава, цветочки: «пройдет серп и скосит их» *.

Кто догадался подойти со словом к умирающему? Кто подумал, что надо протянуть руку роженице?

Спенсеру это не пришло на ум.

Боклю — не пришло.

Даже Платону на ум не пришло, ни Пифагору в Пифагорейском Союзе. Не знаю, приходит ли ксендз, но пастор наверно не приходит. «Слишком грязно и душно» в комнате роженицы.

Православный священник приходит.

<8 ноября.>

Не *дотягивал* я многого в церкви. Редко ходил с детьми в церковь. Но это «редко» так счастливо вспоминается. Это свет.

И такой «свет» разлит по всей стране. «Приходи и бери его даром». Кто не ленив — приходи все. Какой это недостаток по селам, что там нет службы в будние дни. Это недосмотрено. Приходили бы старухи. Приходили бы дети. Ведь это поучение.

Зачем священников обременили статистикой? И всякими глупостями, кроме прямого их дела, которое не исполнено.

<8 ноября.>

У русских нет сознания своих предков и нет сознания своего потомства.

«Духовная нация»... «Во плоти чуть-чуть»...

От этого — наш нигилизм: «до нас ничего *важного* не было». И нигилизм наш постоянно радикален: «мы строим все *сначала*».

< 8 ноября. >

Скоро кончатся мои дни... О, как не нужны они мне. Не «тяжело это время», но *каждый час тяжел*.

< 8 ноября. >

Все больше и больше думаю о церкви. Чаше и чаще. *Нужна она мне стала*. Прежде любовался, восхищался, соображал. Оценивал пользу. Это совсем другое. *Нужна мне* — с этого начинается все.

До этого, в сущности, и не было ничего..

< 8 ноября. >

Церковь основывается на «**НУЖНО**». Это совсем не культурное воздействие. Не «просвещение народа». Все эти категории пройдут. «Просвещение» можно взять у нигилистов, «культурное воздействие» дадут и жиды.

МНЕ НУЖНО: вот камень, на котором утверждается церковь.

Отпустим им грех их, дабы и они отпустили нам грех наш.

(о духовенстве, 8 ноября, глубокая ночь).

*

Ведь их — сословие. И все почти — в священники, диаконы; как же не человеку, а *сословию* — быть без дурных людей, порой — ужасных людей. В иерейство идут «сплошь», без отбора зерна. И колос то пустой, то со спорыньей, и из 100 — *один полновесный*. Так естественно.

*

Простим им. Простим им. Простим им. Простим и оставим.

Все-таки «с Рюрика» они молятся за нас. Хладно, небрежно: а все-таки им велели сказывать эти слова.

Останемся при «все-таки». Мир так мал, так скорбен, положение человека так ужасно, что ограничим себя и удовольствуемся «все-таки»...

И «все-таки» Серафим Саровский и Амвросий Оптинский *был из них*. Все-таки не из «литераторов»...

У литераторов нет «все-таки».
У литераторов — бахвальство.

* * *

Воображать легче, чем работать: вот происхождение социализма (по крайней мере ленивого *русского социализма*).

(9 ноября).

Кузнецов, трудовик 2-й Думы *, пойман как глава мошенническо-воровской шайки в Петербурге. Это же ужасно.

Об этом не кричат газеты, как о «Гурко Лидваль» целый месяц по 3—4 столбца в каждом №. И впечатление от двоякого отношения газет: *администрация* — воры, от которых спасают Россию — *трудовики*.

(натолкнулся случайно в газетах, разыскивая «Дело Мартынова» **).

Завтра консилиум из 4-х докторов: «Можно ли и целесообразно ли везти за границу». Тане — материи на белое платье (25 р.). Вечеринка в гимназии, с приглашением знакомых. Можно позвать мальчиков Акимовых, очень воспитанных и милых.

Так одни цветы увядают, другие расцветают. Уже 13 л. работы в «Н. Вр.»: я рассчитывал вначале ее на 10 лет, чтобы оставить 20 000 р. детям. Теперь же можно и самому «закрыть трубу». Но нет мужества. Не составлено дух. зав., и не знаю, как писать. В банке долгу 5 000, и «на за границу» придется взять тысячи 3. Останется детям 30 000, и изданные книги, с оплаченными счетами типографиям, будут давать доходы рублей по 600.

Но один взнос платы за ученье требует 2 000 р. в год. Непонятно, откуда это возьмется, если «закрыть трубу».

*

Два года еще *должен* жить (расплатиться с типографией и долг банку).

* * *

Мой переиспуг и погубил все...

Анфимов (харьк. проф.) верно (почти) определил все (1896 г.). У меня руки повисли. А они должны были подняться и работать.

Если б я не был так испуган, я начал бы, по приезде в Петербург, лечение, не перепроверяя у Бехтерева. И все было бы спасено: не было бы ни миокардита, ни перерождения сосудов, ни удара (Карпинский).

Т. е. 3-х вещей, которые сломили нашу жизнь.

Не было бы мрака в доме, «тревог», неопределенного страха. Вся жизнь, начав с сотрудничества в «Нов. Вр.» (обеспечение), потекла бы совсем иначе, веселее, жизненнее, открытее. Связнее с людьми.

Мамочка, которая гибла, не убегала бы так от людей, с нелюдимостью, «не нужно», с «все тяжелы и никого не хочется видеть», особенно не хочется видеть — веселья и радости.

(10 ноября).

* * *

Ни Новоселов, ни Флор., ни Цвет., ни Булгаков, которые все время думают, чувствуют и говорят о церкви, о христианстве, ничего не сказали и, главное, не скажут и потом ничего о браке, семье, о поле. Вл. Соловьев написал «Смысл любви», но ведь «смысл любви» — это естественная философская тема: но и он ни одной строчки в десяти томах «Сочинений» не посвятил разводу, девственности вступающих в брак, измене, и вообще терниям и муке семьи. *Ни одною строчкой ей не помог.* Когда я издал два тома «Семейного вопроса в России», то на книгу не только не обратили никакого внимания, но во всей печати о ней не было сделано ни одной рецензии и ни одного указания или ссылки *.

«Семейного вопроса в России» и не существует. И семья насколько страшно нужна каждому порознь, настолько же вообще все, коллективным национальным умом, коллективным христианским умом, собирательным церковным сердцем — к ней равнодушны и безучастны.

Это дело полиции и консистории — дело взятки, протокола и позорного судьбища. Как ясно, что оно *именно не «тайнство»*, а грязь и мерзость во *всем ее реальном содержании* («два в плоть едину») — как об этом все они и говорят в сердце своем, в сочинениях своих, в молчании своем.

Фл. мог бы и смел бы сказать, но он более и более уходит в сухую, высокомерную, жестокую церковность. «Засыхают цветочки» Франциска Ассизского **.

(посвящается доброму священнику Н. Р. Антонову).

О леньность мою разбивался всякий наскок.

И классическая гимназия Толстого *, и десять заповедей. И «как следует держать себя».

Все увязало в моей бесформенности (как охотник в болоте).

Когда болит душа — тогда не до язычества. Скажите, кому «с болящей душой» было хотя бы какое-нибудь дело до язычества?

Я жму *руку* всем, и все жмут мою руку. Глазами смотрю на весь мир, и весь мир смотрит мне в глаза. Ободряю и фиалку, и розу, и нарцисс. *Слушаю* шум леса и прибой моря, и музыку Бетховена, и русскую заунывную песню.

Какая *проституция* во всем! Поистине я «*всем принадлежу* и все принадлежат *мне*». Кроме одного органа.

Который, если я отдаю *еще кому-нибудь*, кроме *единого*, — все поднимают на меня камни.

Какое чудо: значит, он *один* во мне целомудрен? Один «и допустить не может», чтобы его коснулись *все* или он коснулся *всех* — т. е. непроституционен «в самом себе», в «своей натуре».

Ибо, побивая, все побивают меня не за грех против них... Какой? *Им* я причинил удовольствие!

А — за грех против *натуры органа*! Тайнственное «побиение камнями» (воистину таинственное!), как мировое «осуждение за разврат», есть символ, что весь мир почитает себя стражем моего единичного органа, именно его целомудрия, именно его непроституционности.

Какое чудо!

Ведь казнят не орган, отрывая, укалывая, уродуя: ему ничего не делают, «как невинной Еве»; а казнят носившего его человека, за то, что не оберег его чистоты и невинности.

Вот «от сложения мира» вписанное в существо вещей доказательство «*cultus phalli*» **

*

Теперь объясняется строка, когда-то поразившая меня в Талмуде: что «побиение камнями» было *привилегией* иудеев и иудеенок, которого не имели право распро-

странить на согрешивших в другом племени, если они жительствова­ли в Иерусалиме или в Иудее. «Побиение» было неотделимо от «обрезания».

* * *

Гнусность печати, м. б., имеет великую и святую, *нужную* сторону: «Проходит лик мира сего» (Достоевский).— Ну, не очень еще... Но вот, что «проходит лик печати»,— это довольно явственно в распространяющемся и неустранимом гнушении ею, которое замечается всюду. Не читают. Бросают. Никто на нее не ссы­ла­ется. Никто не ставит в авторитет.

«Прекрасное обольщение кончилось».

Но это было именно «обольщение», «наваждение Гутенберга». Пока печатались Гете и Шиллер — о «конце» этого обольщения нельзя было и думать. «Пришло царство, и конца его не будет вовеки».

Нужно было, чтобы стали падать писатели. Чтобы пошла вонь, смрад. «А — это *дело*». Стал проходить «гутенбергов станок». — «Чем печатать такую ерунду, то лучше вовсе ничего не печатать». К концу XX-го века типографии будут продаваться на снос.

Их никто не покупает,
Никто даром не берет.

Люди станут опять свободны от «пишущей братии» — и, м. б., тогда выучатся танцевать, устраивать рауты, полюбят музыку, полюбят обедню, будут опять любить свято и чистосердечно. Будут счастливы и серьезны.

Ибо при «печати» — конечно, людям счастья и серьезности «как своих ушей не видать».

Будет опять возможна проповедь. Будет Саванарола. Будет возможен Ап. Павел.

Неужели будет? Неужели заиграют эти зори?

Зори прекрасного и великого.

Новое. Все новое.

*

Так идите же, идите, *гу­ще* идите, Григорий Петров, и Амфитеатров, и «Копейка» *, и Боборыкин, и все вы, сонмы Бобчинских. Идите и затопляйте все. Ваш час пришел. Располагайтесь и празднуйте.

В празднике вашем великие залоги.

Все скажут: «Как дымно. Откуда горечь воздуха. И тошнота. И позыв на низ».

Да мимо меня идет литература.
 Нет, это ошибка, что я стал литератором.
 Да мимо идет.

(17 ноября: при мысли, что ни одной статьи не прочел в «Вестн. Евр.», «Русск. М.», «Современ.» и еще в чем-то получаемом, — за весь год, да ни одной и за прежние годы... Это только в оловянную голову может влезть. Да: еще получаю «Соврем. Мир»).

Оловянная литература. Оловянные люди ее пишут. Для оловянных читателей она существует.

Sic и finis *

Конечно, Фл. ее не читает. Цв. не читает. Рцы читает только Ап. Павла и «Нов. Вр.».

Из умных никто. И я. А остальные — к черту. И даже к тем двум буквам в «Уед.», увидя которые цензура почувствовала, что она лишена невинности.

Обрезание — конечно, новобрачие. Обрезание — медовый месяц человечества. Отсюда — привет «молодой луне» (у евреев праздник) и «луна» магометан (т. е. тоже обрезанцев); и все «обрезанные» оттого, что *обрезаны*, — чувствуют себя новобрачными.

Ну, а «новобрачные» и в хибарке веселы (оптимизм евреев).

*

Все это, когда больна жена, — просто ненужно. Неинтересно. «Не хочу смотреть». Не думаю.

*

Христос и вошел в это «не думаю». Это — еще вера: в той печали, когда всякая вера темна.

Вот как *здесь* надо молиться...

Научил.

Так ли?

* * *

Дорогое, дорогое для меня письмо. Кто-то «аукается» — все, что нужно писателю:

«Читаю «Уединенное» и «Опавшие листья» с жадностью день и ночь. Местами — с внутренним трепетанием. Так все важно и значительно. Сажу давно в колодец добровольно: толчея противна. Думаешь, думаешь такие вещи и усомнишься: не от глупости ли и мераости ли моей так думаю? И вдруг голос из далекого колодца. Отрадно. И хочется сказать: спасибо.

«Люблю вашу Таню». Целую книгу про нее хочется прочитать¹. А что «друг» у вас — завидую. У меня нет. Верно, я и не заслуживаю.

И относительно пола и Бога, в нем открывающегося, — не так у меня вышло. Раньше до опыта — именно по-вашему все представлялось. Была горячая вера в это, и проповедь, и поношение со стороны «христиан». Опыт наступил во имя этой веры. И... ничего, Бог сокрыл лицо Свое. В этом не открылся². А ведь «по любви» Почему так вышло — не знаю. И осталось — тоска по «душе тела» и «душе мира» (у вас).

Не дается.

Ребенок... В этом теперь все. Но это уже другое. В нем Бог открывается, но не в радости, а в страдании, когда смерть хочет его отнять, а я цепляюсь за Бога.

Пол меня обманул. Уже, кажется, уйду из возраста пола. Не пришлось Бога увидеть.

Душу мира чую в красоте, в природе, но не входит она в меня. Я не член природы. Мысль, одиночество (метафизическое) и грусть.

А я ведь женщина.

З. Ш.

Р. S. Каждую вашу строчку читаю с жадностью и ищу в ней «Розановщины». Когда нет — когда не по-«розановски» написано, — думаю: это так написал, «так...» (?).

Будет ли «Таня» такая, как «мама»? Или она слишком усердно училась у Добиаш и по Випперу³?

Секрет «мамы» в том, что она училась дома, где, верно, есть киот и сундучки, в церкви... И так прочно этому училась, что если и попала в гимназию — не испортилась.

Р. P. S. Самое лучшее (для меня) на стр. 447—49 «Опав. лист.» — Вот так и я узнала Его. А Иегову не знаю.

Вот сидящим-то «по колодцам» мне и хочется говорить. А базару — ничего.

Революции происходят не тогда, когда народу тяжело. Тогда он молится. А когда он переходит «в облегчение»... В «облегчении» он преобразуется из человека в свинью и тогда «бьет посуду», «гадит хлев», «зажигает дом». Это революция.

Умиравшие от голоду крестьяне (где-то в Вятке) просили отслужить молебен. Но студенты на казенной стипендии естественно волнуются.

¹ Спасибо старушке (?) за Таню, целую ее морщинистую руку. Таня у меня (у нас) «слава Богу». Только уж зубрит очень, сушит родительское сердце.

² Это все анафемы-мужчины — не понимают, что они делают. Шутят, «наслаждаются». Ведь раньше чистой девушки они уж «побаловались» с проститутками или «сами» истожились в субъективных удовольствиях.

³ Профессор всеобщей истории в Моск. университете.

А всего больше «были возмущены» осыпанные золотом приближенные Павла I-го, совершившие над ним известный акт. Эти — прямо негодовали. Как и гвардейцы-богачи, высыпавшие на Исаакиевскую площадь 14-го декабря. Прямо страдальцы за русскую землю.

Какая пошлость. И какой ужасный исторический пессимизм.

*

Как объясняется роковое, черное, всемирное: «нужно несчастье».

Оно объясняется из какого-то врожденно-сущего — в «закваске» мира — неблагородства.

Страдаем — и лучше.

Счастливы — и хуже.

О, какой это *Рок*.

* * *

Вася стоял над мамой.

Сегодня ее отвезут в больницу.

Идет в классы.

Вторник.

20 ноября.

Канун Введения.

Лицо ее все сжалось, и послышался вой:

— Детей жалко... Детей жалко... Детей жалко... (несколько раз прерываясь).

— Вчера и Домны Васильевны * не было дома, а они вели себя так тихо. И ничем меня не расстроили.

Теперь она не плачет, а как-то воет. И лицо страшно сжимается...

*(посвящая это попу Альбову; от которого единственно услышала грубые укоры, им сделанные, пользуясь рясой. Услышав, только сказала: «Что я ему сделала?»)***

(20 ноября).

Тишина лечит душу.

*

Но если тишина относится к «концу всего», как сон к смерти, то неужели смерть окончательное излечение?

Что мы знаем о смерти?

О, если бы что-нибудь знали!

(20 ноября, канун «Введения», мамочка легла «для молчания», тишины и отдыха в клинику Елены Павловны).

Вселенная есть шествование.

И когда замолкнут шаги — мир кончится.

*

И теперь уже *молчание* есть вечерняя заря мира.

В конце всех вещей — Бог.

И в начале вещей Бог.

Он все.

Корень всего.

* * *

Оттуда и пошел этот тон самодовольства, самонадежности, сомнения и «всех победим», даже «завтра же». Но с миллионом в кармане и вне досягаемости для «III отделения» отчего же и не быть в сомнении. С миллионом и, кроме того, с 1000 способностей, если и не глубоких, то очень видных. За этот «гуж», однако, «по примеру» ухватились и студенты с 5-ью рублями в кармане и нищие курсистки с одною готовностью «любить» и «все отдать» (без дурного намека), и вот им пришлось очень тяжело. Да и способностей таких нет, хотя, м. б., более глубока душа. Пришлось очень тяжело. Русская революция или скорее «русский протест» взял в Герцене неверную ноту, слишком высокую ноту, — фистулой и поднявшись на цыпочки пальцев. Но уж нельзя в середине «спустить тон»: получится какофония и невозможное. Так в Герцене, собственно, не зародилась, а *погибла* русская революция, с тех пор кричащая петушком и топчущаяся на одном месте, с его франтовским лозунгом: «Ни пяди назад!» «Мы, русские, на *мёньшем* не помиримся».

И едят, бедные, селедочку, запивая водочкой, ночуя с «курсихой», и завтра надеясь проснуться в заре торжествующего социализма.

*

Общественная политика, роль *общества* в политике, его *сила* и *значительность* в политике — начнутся тогда только, когда оно почувствует мужество отречься от Герцена и прежде всего не уважать в нем *литератора* (отвратительный тон).

Сказать ли наконец истину (которую едва сознают через сто лет), что *общественная* роль в политике нач-

нется только с момента, когда общество, сняв шапку, поклонится Государю и скажет:

— Ты первенец Земли Русской, а мы — десятые и сотые. Но и сотые, и десятые имеют свой час, свой урок, свою задачу, свою судьбу, свое указание от Бога. Иди и да будут благословенны пути твои. Но и ты, оглядываясь на своих деток — благослови тоже наши шаги.

Вот путь Розанова, а не Желябова. Розанов написал книгу «О понимании», и ему можно поверить больше, чем мужичонке, все качества которого заключались в том, что в него была влюблена «генеральша (по отцу) Перовская». Но генеральши иногда и в конюхов влюбляются (Некрасова «Огородник», Фаустина — жена Антонина Пия).

(в постели ночью). (21 ноября).

Я сам прошел (в гимназии) путь ненависти к правительству... к лицам его, к принципам его... от низа и до верхушки..., — путь страстного горения сердца к «самим устроиться» и «по-молодому» (суть революции), и, след., мне можно поверить, когда в 57 лет (а в сущности, начал еще в университете) я говорю, что в России нельзя ничего сделать без Государя и без веры в него; это во-первых, и вовсе еще не главное: а самое главное, что (не говоря об эмпирических исключениях, которые «простим») Государь есть в точности лучший человек в России, т. е. наиболее о ней думающий, наиболее за нее терпевший (ряд государей, «дипломатические поражения», «конфуз» за отсталость), наиболее для нее работавший (сколько *проработал* Александр II!), и вместе — пока что — наиболее могущественный что-нибудь для нее сделать. Он есть лучший человек в России и, поистине, Первенец из всех потому, что самым положением своим и линией традиции («с молоком матери» и «врожденные предрасположения») не имеет *всецелым содержанием души* никакого другого интереса, кроме как благо России, благо народа, в условиях без-сословности и вне-провинциальности. Самая выработка такого лица, поистине, есть феномен и чудо: и, поди-ка, если б его не было, создайте другое лицо, которое бы думало «только о народе, его благоденствии и славе». Так думали герои и святые — как Перикл: и зато сколько его славят. Славят собственно не за успехи (какие особенные успехи у Перикла?), а что вот нашелся же «частный человек», который «всего себя посвятил Отечеству» и у которого вне

Отечества не было своей и особой, личной и домашней мысли. Таковы были Перикл, Кимон, и еще немногие, человек семь. Аристид. Но уже Фемистокл не был таким, и не был таким Кромвель, Цезарь, величайшие из «республиканцев». Итак, человек *семь* всего. Какой же феномен и *святое* чудо, что веками терпения и страдания, веками покорности и *молитвы за царей* (вероятно, и гипнотически, магически это действует) русский народ выработал *такое учреждение*, такую «должность» и «лицо», что как вот *новый* вступает «в него», он вдруг начинает думать и действовать, «как Аристид и Кимон», т. е. с молитвой только об одном — «как можно справедливее», как можно «лучше стране», и — «ничего мне», «ничего особого и отдельного мне». Царская власть есть чудо. Подите-ка во Франции вот *теперь* зародите ее, когда раз она исчезла. Только через 500 лет может вновь явиться — в меньший срок нельзя сделать. Но *ошибаться* и даже *вредить* могли и Аристид, и Кимон. Однако в царской власти и через ее таинственный институт побеждено чуть не главное зло мира, которого никто не умел победить и никто его не умел избежать: *злая воля, злое желание, злая, злобная страсть*. Дело не в ошибках: поправить *всякие ошибки* ничего не значит; в истории и даже в мире, в сложении его, в корнях его лежит и *всему присуща* злая, безобразная воля: Каин, Дьявол, Люцифер. Вот с чем не могли справиться народы и разбивались целые цивилизации. Это — то метафизическое зло истории и даже метафизическое зло мира побеждено выработкой, в сущности, сверх-исторического явления, явления какого-то аномального и анормального (конечно!) — царя: в котором зложелательность *pur sang** есть *contradictio in adjecto***, невозможность и небываемость. Вот почему злоумыслить что-нибудь на царя и отказать ему в повиновении, если он по болезни страстен и гневен (Грозный), или даже если бы он был лишен рассудка — *ужасная вещь в отношении всей истории*, всего будущего, тысячи лет вперед; ибо это неповиновение или это злоумышление могло бы в последующих государствах разрушить то главное, что составляет суть всего: их благость и их всецелую без остатка для себя благорасположенность ко всем и всему окружающему в стране своей. Перикл, зная, что его «изгонят» или могут изгнать, вдруг стал бы «откладывать в копилку про черный день и на случай». Из царя именно исключен «случай» и «черный день». Все дни царя суть светлы, и о

светлых днях ему молится весь народ, ибо непрерывный свет в душе царя есть тот свет, которым освещается вся страна. Вот отчего история с Павлом I-м была черна, подла, омерзительна для воспоминания, и ее анти-благой характер, «вредный последствиями», был как бы мы проиграли 12-й год; и отчего г. г. из Женевы и Парижа и должны быть не просто казнимы, а истребляемы, ибо сами они истребляют в сущности весь свет, всю радость, весь смысл, которым живет и осмысливается и онормляется весь русский народ. Вот отчего «раздражить» Государя, сделать ему «огорчение» — есть величайшее народу злодеяние. «Перикла обворовали», «Периклу дали пощечину», «За Периклом гонялись с пистолетом». — «Нет Перикла!» — Ну, а что значит «нет Перикла» для Афин — это знает Иловайский, да и не он один. Вот отчего истребление всяких врагов Государя и всякой вражды к Государю есть то же, что осушение болот, что лучшее обрабатывание земли, что «дождь для хлеба» и проч. Никакого черного дня Государю, все дни его должны быть белы — это *коренная забота народа*, на которую, как на хорошую пахоту — урожай, отвечает любовь *всемогущего* существа о народе, труд для него, забота о нем.

Теперь — о вере, Евангелии и Христе. Т. е. о Церкви, которая ничего еще и не делает и ничего еще и не имеет, кроме как хранить, говорить, учить и распространять Евангелие, Христа и Вечную Жизнь.

Едва я сказал, как все закричат: «Да ведь это цивилизация!» Это уж не Боклишко с Дарвинишком, не Спенсеришко в 20-ти томах, это не «наш Николай Григорьевич» (Чернышевский) *, все это лапти и онучи русского просвещения, а это цивилизация *в самом деле* от пришествия гуннов и Алариха до Эдуарда Исповедника, до Крестовых походов, до рыцарства, до Сервантеса, до Шекспира и самой Революции. Что же тут трясутся «в изданиях Пирожкова» Ренан и Штраус: да их выдрать за уши, дать им под зад и послать их к черту. Если запищат наши «Современники» и девица Кускова — сослать их за Кару. Что же делать с червяком, который упал с потолка вам в кушанье? Такого берут в ложку и выплескивают к черту. Вечная Жизнь и Бокль, проповедь Апостолов и 43 года «Вестника Европы», который не удостоил их хотя бы когда-нибудь назвать по имени и, верно, не знал, что их «12» (*«исторический журнал»*). Какое же рассуждение: «Вестник Европы» нужен 6 000

своих подписчиков, Евангелие было необходимо человечеству двадцать веков, *каждому* в человечестве. Кто же бережет лопух, который заглушает сад, кто бережет червя, который ест яблоко, и кто бережет разбойника, который режет на дороге? Никакого рассуждения, что все это к выбросу. Но я говорю о корнях (исторических), когда я хочу рассуждать: в Евангелии, в одной книге, и в Церкви, т. е. в одном учреждении, Европа — не русские и не немцы, а Европа — имеет *то одно*, как бы «в горсть взятое», чего не имели Греция и Рим, не имеют и Китай и Индия. Ибо там если и есть Будда и Конфуций, то это — философия, которая еще имеет соперничество в более древних лицах. Но Европа, и только *одна она*, имеет *одно рождение* из одного Лица — Христа. Нет «Европы», а есть «Христианский мир», и все знают, что «Христианский мир» обширнее, многозначительнее и вечнее «Европы», а «Христос» обширнее «Христианского мира» и есть «Вечность» и «Все».

Понимаете ли вы отсюда, что Спенсеришку надо было драть за уши, а «Николаю Григорьевичу» дать по морде, как навонявшему в комнате конюху. Что никаких с ними разговоров нельзя было водить. Что их просто следовало вывести за руку, как из-за стола выводят господ, которые вместо того, чтобы кушать, начинают вонять. Догадываетесь ли вы, наконец, что цивилизация XIX-го века, которая в значительной степени есть антихристианская, была вовсе не «цивилизация», а скандал в ней, и не «прогресс», а «наследили на полу» и надо это потереть. Пришли свиньи и изрыли мордами огород: это не значит, что огороду не надо быть и надо к осени остаться без овощей, а значит, что свиней надо прогнать или заколоть, а гряды поправить, вырытое вновь всадить в землю и по осени собирать плоды.

И вот эта «Церковь» — она уже до того превосходит Россию, она до того превосходит Европу, что Русский Царь, о котором я сказал все слова, какие сказал, — Он склоняется перед одною Церковью, как Вечным Источником жизни всех, — и так же страшится и испуган Ее огорчить, как каждый из нас страшится и испуган огорчить Его.

И эти два, в слиянии, образуют Свод над мужиком и Русью, над каждым и всеми. Какого не имели ни Рим, ни Афины.

(устал. Ночью в кровати 21 ноября).

Весь парламент есть, в сущности, бодливость безрогих коров и «критика на быка» раздувающейся лягушки. По крайней мере наш парламент и по крайней мере до сих пор.

Удался и с достоинством он только в Англии. Там он — *народен* и «с осанна». У нас он в противоречии «с *Господи помилуй*» и, вероятно, просто пройдет.

Нам нужно что-то другое. Что — не ясно.

К числу безумств нашего 5-тилетнего ребеночка относится то, что он уже оскорбил Церковь. Этого «уже» никак не сотрешь и последствий его никак не избежишь. Последствие же есть то, что церковному народу он останется навсегда чужд и враждебен, а бесцерковные частицы в народе суть хулиганские. Хулиганство он потянул к себе, а историю оттолкнул. Что же с ним делать и куда его девать? Ибо такие вещи можно «девать», а «сделать из них» — ничего нельзя. И сделал он это ради сущих пустяков.

Парламент наш даже не есть политическое явление, а просто казенный клуб на правительственном содержании. Если бы он был *политическим явлением*, он сейчас же, родясь, начал бы союзиться, искал «усилиться». А «наш 5-тилеток» сейчас же заявил:

— Я, па-па-ся, у-сех сильнее.

Пока его не ударили по носу. Тогда наш осетр нырнул в воду, а затем даже неизвестно, куда пропал: поехал в Лондон и только через год аукнулся в Париже. До того, бедный, испугался. Да и все они вообще чрезвычайно пугливы. Родичев сделал оскорбительный намек («Столыпинский галстук»), — но не только потом извинился, а захворал от проявленной храбрости («букеты» дам больному).

Между тем роль его была действительно велика и в высшей степени проста. Нужно было избавиться от того «крапивного семени», с которым войну начал еще Сумароков, — от чиновничества. Точнее — не избавиться, а серьезно подчинить себе и своему активному возбуждающему контролю. Для этого надо было именно *осоюзиться* с Царем, с духовенством, с дворянством, с купечеством, которых чиновник, в сущности всех «съел». Съел, поставя на место их свою безличность и формальность. Нужно было вернуть «лицо» всем этим угнетенным началам русской истории, — лицо, достоинство, деятельность.

Вместо этого парламент у нас явился «журналистом», тем русским журналистом, который беден и потому ругает богатых, без власти и потому ругает людей значительных, жид и некрещеный и потому ругает русских и веру. Это нелепое и чудовищное явление, вполне гадкое и в гутенберговском наборе, стало еще гаже, обсуждая «законы». Оно стало комическим явлением и ничем, кроме комических заслуг, не может отличаться.

Господи! Прости ей грех, прости ей грех, прости ей грех.

Потому что она наследница твоего богатства, которое Ты оставил миру, чтобы не заблудился мир. И которого если не будет, мир заблудится. И которого не будет, если погибнет Церковь.

Не дай погибнуть ей. Поддержи ее. Поддержи ее и укрепи.

Мучительное в положении Церкви, что она не знает среднего пути между буйством и ренегатством самой вере (Гр. Петров), и между смирением, переходящим в трусость, попустительство и лесть.

Нет кроткого мужества, нет мужественной кротости — в этом почти все.

(21 ноября).

* * *

Я нуждаюсь только в утешении, и мне нужен только Христос.

(Язычество и юдаизм и на ум не приходят.)

(за корректурой ночью в редакции 22 ноября).

* * *

Вот что значит рвануться к неудачной теме: Франция гибнет и уже почти погибла (даже население *вырождается*) в судорожных усилиях достигнуть просто глупой темы — Свободы.

Нужно достигать гармонии, счастья, добродетели, героизма, хлеба, женщин; ну, если брать отрицательное — достигать разврата.

А не *пустоты*: а свобода есть просто пустота, простор.

— Двор *пуст*, въезжай кто угодно. Он не занят, *свободен*.

— Эта квартира *пустует*, она *свободна*.

— Эта женщина *свободна*. У нее нет мужа, и можешь ухаживать.

— Этот человек *свободен*. Он без должности.

Ряд отрицательных определений, и «свобода» их все объединяет.

— Я *свободен*, не занят.

От «свободы» все бегут: работник — к занятости, человек — к *должности*, женщина — к *мужу*. Всякий — к *чему-нибудь*.

Все лучше свободы, «кой-что» лучше свободы, хуже «свободы» вообще ничего нет, и она нужна хулигану, лоботрясу и сутенеру.

К этому-то милому идеалу, «обнимая воздух», Франция и рванулась. И разбилась в пустоте.

Тогда как надо было стремиться к гармонии, порядку и работе. Тогда как можно рваться: к героизму — без Бога, к святости — в Боге.

(каб. уедин. 23 ноября).

Смерть не страшна тому, кто верит в бессмертие.

Но как ему поверить?

Христос указал верить.

Но как я поверю Христу!

Значит, главное в испуге моем — неверие в Христа

И мука моя оттого, что я далек от Христа.

Кто меня приведет ко Христу?

Церковь вела, но я не шел.

(23 ноября в редакции ночью, хлопоты о статье).

* * *

От всего ушел и никуда не пришел.

(о себе).

* * *

Из всех роскошеств мира она любила одну чистоплотность.

(детям — как завет от мамочки)

Бархатная кофточка у нее была — раз (синяя, в молодости); платья такого не было. Шелковые кофточки, конечно, были.

* * *

...Так моя жизнь, как я вижу, погибает к ужасному страданию совести. Я всегда был относительно ее беззаботен, думая, что «ее нет», что «живу как хочу». Просто — ничего о ней не думал. Тогда она была приставлена (если есть «путь», а я вижу, что он *есть*) в виде «друга», на которого я оглядывался и им любовался, но по нему не поступал.

И вот эта мука: друг гибнет на моих глазах и, в сущности, по моей вине. Мне дано видеть каждый час ее страданий, и этих часов уже три года. И когда «совесть» отойдет от меня: оставшись без «совести», я увижу всю пучину черноты, в которой жил и в которую, собственно, шел.

Это ужасно: и если, напр., остаться с этой тоской не на 3 года, а на весь «загробный мир», на всю вечную жизнь, то разве это не *ад*, краешек которого я ощущаю. Она же, «друг» мой, всю себя отдавшая другим, — перейдет в вечную радость.

* * *

Вот на остающиеся 10 лет жизни я несчастен потому, что не позвал *вовремя* Карпинского.

И в детстве: свой домик, брат 19-ти лет, сильный, умный и *даровитый*, сестра вернулась (из Кологрива), кончив училище... Да мать, — ну, в усталости. Да два малолетка. Да брат лет 16 — чуть-чуть слабоумный, «придурковатый», но тих и благородный, «плачущий» (когда его обижали «разумные»; они его обижали).

Отчего бы не жить? Огород большой. Парники. Аллеи липовые (или березовые? — за младенчеством не помню) вырубил. Т. е. земля большая.

Была своя корова (темная шатенка).

Отчего бы не жить?

Но 19-летний брат, когда его посылали в аптеку Зейгница, то приносил пузырек чего-то мутного. По «неформальной» заветке (цветные бумажки) догадывались, что это он сам наливал. Деньги же (меньше рубля) брал себе. Как-то раз сказал при мне (был один, и я с ним, — но слова слышал, не понимая смысла): «Это мне для».* «И немножко вина».

И «для.....» же уносил последнее белье из комода (матернее, сестрино, наше детское). Говорили об этом. Как с ним драться, когда он всех сильнее (старший в дому).

Мать лежала (болезнь).

Дети играли. Я (из-под палки) все на носилках носил навоз в парники (очень тяжело, руки обрывались, колена подгибались). Потом — поливал (легче, но отвратительно, что, вытаскивая ведра из прудика, всегда заливал штаны). Потом — полол. Мне было 7, 8, 9 лет (хорошо бы труд, но всегда *без улыбки и ни единого слова*, т. е. каторжный). 19-летний и 17-летняя — ничего. (Нельзя было их заставить, и даже оскорблялись на «попросить».)

И развалилось все. В проклятиях. Отчаянии. Отчего? Не было гармонии. Где? *В доме*. Так «в доме», а не — «в обществе», до которого ни нам не дотянуться, ни ему до нас не дотянуться.

Как же вы меня убедите в правоте Лассалья и Маркса?

И кто нас «притеснял»? Да мы были свободны, как галки в поле или кречеты в степи. И — проклятие, отчаяние и гибель.

А могли бы быть не только удовлетворены, но счастливы. Да: было еще пенсии 300 р. в год, по 150 р. в полугодие (получали полугодиями).

(ночью в постели вспоминаю).

* * *

Он точно кисточкой рисует свои добродетели. И так как узор красив, то он и продолжает быть добродетельным.

Но это не доброта.

Доброта болеет. Доброта делает. Доброта не оглядывается. Доброта не ищет «себя» и «своего» в поступке: она видит внутри поступка своего только лицо того, кому нужен поступок.

Доброта не творит милостыни, доброта творит братское дело. Мы все братья, и богатые, и нищие, и знатные, и простые. Ибо завтра богатый может потерять богатство и знатный очутиться в тюрьме.

* * *

В 1895—6 году я определенно помню, что у меня не было тем.

Музыка (в душе) есть, а пищи на зубы не было.

Печь пламенеет, но ничего в ней не варится.

Тут моя семейная история и вообще все отношение к «другу» и сыграло роль. Пробуждение внимания к юдаизму, интерес к язычеству, критика христианства — все выросло из одной боли, все выросло из одной точки. Литературное и личное до такой степени слилось, что для меня не было «литературы», а было «мое дело», и даже литература вовсе исчезла вне «отношения к моему делу». Личное перемилось в универсальное.

Да это так и есть на самом деле.

Отсюда моя неряшливость в литературе. Как же я не буду неряшлив в своем доме. Литературу я чувствую как «мой дом». Никакого представления, что я «должен» что-нибудь в ней, что от меня чего-то «ожидают».

* * *

На «том свете» я спрошу:

— Ну, что же, Вера, доносила старые калоши?

Потому что на этом свете она спросила.

— Барин, у вас калоши-то худые. Отдайте их мне.

И я, засыпая после обеда, сказал:

— Возьми, Вера.

Она была черная, худая и мертвенная, лет 45-ти, но очень служила мне верной службой.

Я не догадался ничем ее отдарить. Не пришло на ум (действительно). А теперь почему-то мучит и вспоминаю. Это было 23 года назад.

Она была безмолвная и безответная. Огурцы засолила. Подает в сентябре. Твердые-претвердые.

— Что это за нелепые огурцы, Вера?

— Это с острогоном. Крепче. Через 2 недели будут совсем хороши.

Котлеты. И — ягоды черные!!!

— Это что за нелепость, Вера???!!!

— Я у купцов так готовила. С черносливом.

И действительно было приятно.

(в Ельце).

* * *

У Родзевича была горничная. Очень милая. Он же был жесток (учитель математики).

Тогда я, Стройков, Запольский, Штейн (жили у Василия Максимовича, наверху) решили ему отомстить за вечные двойки.

По длинному нижнему коридору (учительскому) она несла барину суп. Обе руки заняты. «Точно нас осенило»: мы подскочили с трех сторон и стали... чего-то искать у нее в кофте. Волнуется, бранится, но ничего не может поделывать (руки заняты). И бежать не может (уронит миску). Бранится. У нас руки как таракашки по ней бегают. Но ничего особенного, и вообще скромно. IV класс гимназии... «Глупыши и не понимаем». Нам бы надругаться над Родзевичем.

Он был поляк, католик, ханжа и сослан в Нижний за «бунт». Бесцеремонно он всем полякам ставил не менее 3-х (даже Горскому, который ничего не знал и нагло манкировал); нам же, русским, почти сплошь ставил двойки.

Он был маленький, почти крошечного роста, с козлиной бородой, худой, злобный, и почему-то вокруг шеи наматывал длиннейший грязный шарф.

Голос — громовый. Сущий сатир или дьявол.

На другой день, войдя на кафедру, но не садясь, он гробовым, глухим голосом, непонятно ни для кого в классе (кроме «нас четырех»):

«— И вы-ы-ы!» Бормотанье... «Испорченные ю-ю-ю-юноши»... «Некоторые из вас... Осмеливаются... Даже своих наставников не уважать»...

Но он был до того хитер, что в этот урок никого из нас не вызвал к доске (доказывать теорему).

Только потом мучил.

(в Нижнем).

* * *

Любовь *продажная* кажется «очень удобною»: «у кого есть пять рублей, входи и *бери*». Да, но

Облетели цветы,
И угасли огни...

Что же он берет? Кусок мертвой резины. Лайковую перчатку, притом заплеванную и брошенную на пол, которую подымает и натягивает на свою офицерскую руку и свою студенческую руку. «Продажная любовь» есть поистине гнусность, которая должна быть истреблена пушками (моя гимназическая мечта), порохом и ножом. На нее нужно смотреть, как на выделку «фальшивой монеты», подрывающей «кредит государства». Ибо она, все эти «лупанары» и *переполняющие улицы* ночью шляющиеся проститутки — «подрывают кредит семьи», «опровергают семью», делают «ненужным (осязательно и пря-

мо) брак». Ну, а уж «брак» и «семья» не менее важны для нации, чем фиск, казна.

Но «проституция ничему не уступает»: свидетельство истории. И, значит, «пусть она будет», но совершенно *в ином виде* чем теперь: не в виде бродячих грязных собак, шляющихся «для всякого» по улице, не в виде «мелочной лавочки», где каждый берет «на три копейки семечек». Нужен *иной ее образ*: не оскверняющий, не развращающий.

Как-то у меня мелькнуло в уме: в часть вечера, между 7—9 (и *только*), все свободные (без мужей и не «лунного света») выходят и садятся на деревянные лавочки, каждая перед своим домом, и скромно одетые,— держа каждая цветок в руке. Глаза их должны быть скромно опущены книзу, и они не должны ничего шептать и ничего говорить. Никого — звать. Проходящий, остановясь перед той, которая ему понравилась, говорит ей привет: «Здравствуй. Я с тобой». После чего она встает и, все не взглядывая на него, входит в дом свой. И становится в этот вечер женою его. Для этого должны быть назначены определенные дни в неделе, в каждом месяце и в целом году. Пусть это будут дни «отпущенной грешницы» — в память ее *

В разряд этот войдут вообще все женщины страны — или города, большого села, — неспособные к единобрачию, неспособные к правде и высоте и крепости единобрачия. Они не должны быть ни порицаемы, ни хвалямы. Они — просто *факт*. Но они очень

должны наблюдать себя, свою телесную чистоту, свое нервное (полное) спокойствие. Они должны быть постоянно свежи: от этого изгоняется каждая, принявшая двух в один вечер (теперь сплошь и рядом), принявшая кого-нибудь в дни своего «месячного очищения», и вообще в «непозволенные дни». Через это «кабак» проституции устранился, а «душа проституции», которая *есть*, выберется из-под мусора. Разумеется, у них должны быть дети, вообще они должны быть детные. Они — семьянинки: «но — вдовствующие» с каждым утром и каждый вечер «вновь выходящие замуж» (психология, чувство самосознания, отнюдь не убитое и не умаленное).

Мне рассказывал один портной историю своего брака: он «и не видал жены своей», дочери швейцара в чрезвычайно высокопоставленном доме. Ей было всего 17 лет, и, как потом он узнал, родители говорили ей: «*Ты хоть постой за венчанием*» (т. е. «а потом — поступай, как знаешь»). Она была совершенно неудержима в «отдачах» и не могла не отдаться каждому, кто ей понравился («приглянулся»). Муж (хмурый мещанинишка, прилежный, «одна проза») был ей совершенно противен, и она, уже спускаясь с лестницы после венца, не позволила ему подать себе пальто, неглижерски отвернувшись от него. «Ко мне в дом она взяла тетку, которая с нею спала в одной комнате, в эту первую брачную ночь». Дней через 5 она переехала к родителям. Ежедневно с двоюродною сестрою мужа она уходила на холостую квартиру своего кузена, и он был ей «муж» на час. Родители уже не сдерживали: ничего нельзя было сделать. Замечательно, что на ее сторону стала и полиция (была обаятельна?) и посадила муженька «в холодную» или вообще «к себе» — и держала, «пока не даст паспорта (ей) на отдельную от себя жизнь». Он не давал, пока не пришел ко мне советоваться (тогда я писал о разводе). Я сказал, что знал, т. е. что «Св. Церковь ему развода не даст («ибо без свидетелей») и он должен претерпеть». Он, главное, был возмущен, что она мешает его работе, его укладу жизни, что он «не в спокойных мыслях», — не понимая сам, «муж или не муж». *Такую же еще раз я встретил (ее рассказ) — образованную, красивую, в высшей степени скромную* (в манерах), и об одной *такой* мне рассказывала поразительную историю Евгения Ивановича*, добавлявшая: «Я не могла ее не любить, до того она была вся *милая и приятная*». Сама Евг. Ив. абсолютно целомудренна. Вот факты.

* * *

...Как поршень действует в цилиндре насоса? — под поршнем *образуется пустота*. И природа с ее *terror vacui* * стремится наполнить ее. Выступают и поднимаются воды земли, собираются воды земли (почвы) и устремляются к уходящему поршню... И жизнь, и силы, и кровь. Вот отчего «весь организм» как бы собирается в одну точку. И, поистине, эта точка и в это *время* есть «фокус организма и жизни» — подобно как есть «фокус» в оптических стеклах.

* * *

Оплодотворение детей входит неопишуемым чувством в родителей: «Вот я прикрепился к земле», «земля уродилась мне», «теперь меня с земли (планеты) ничто не ссадит», не изгладит, не истребит.

Отсюда обряд, песни, цветы у всех народов, у нас — венчание, белое платье, венцы на головы брачующихся.

Но это — глубже, это не обряд; обряд пришел «совсем потом» и показывает не свою важность, а *важность того, к чему он прикрепился*.

Отсюда же в древности «пир происходил», когда новобрачные уже отводились в опочивальню (в Иерусалиме — в «хуппу»), и они начинали совокупляться во время самого пира; у нас, русских, до последнего времени выносилась «в пир» и показывалась гостям снятая после совокупления сорочка новобрачной, со всеми знаками *его* силы и *ее* чистоты. Но это — не «проверка»: разве психология пира такова, чтобы «рассматривать подпись на долговой расписке». Совершалось это вначале по наивной и открытой радости родителей, что крови начали уже сливаться, два рода — *его* род и *ее* род — слились в одну реку, срослись в один ствол Вечного Дерева; что «Древо Жизни» преуспело и снесло еще яблоко. У Андрея Т. Болотова, в его «Записках» описывается подробно этот вынос рубашки новобрачной** В Смоленской губернии торжество омоченной срачицы сохраняется до сих пор в благочестивом простом народе, у мещан по городам и везде в селах.

Но все это — «приложилось». В основе лежит чувство родителей, как бы вторично и *более полным образом* рождающихся в мире. Совокупление детей есть для родителей собственное их второе рождение. Едва крови — прорвав ткани — слились, как в родителей входит мета-

физическое знание, что от них отделилась нить, которая связалась в узел с нитью, вышедшей из пуповины «кого-то другого», «совсем нового», «чуждого вот *нашему* роду». Это близко к тому, как насекомое-наездник, опустив яйцевод, просверливает кожу куколки и опускает в тело куколки яйцо свое, из коего вылупится «я» этого наездника и будет питаться телом этой куколки. Только там это — жестоко и убийственно, а здесь это благо, любящее, в наслаждение «яйцекладчиков» и в Вечную Жизнь. Отсюда же древние обычаи: что финикиянки выходили на берег и отдавались приплывавшим иностранцам, т. е. — «как тело куколки», но сладко, «принимали яйцо наездника», чтобы унести себе его в дом и там родить и вырастить. Отсюда же почти везде в древности существовавшая «семейная проституция», которая на самом деле есть вовсе не это отвратительное и денежное ремесло, но тоже «приятие себе в дом яйца», как некоторой абсолютной мировой ценности, что ведь в сущности и есть так. Поэтому она никого не оскорбляла, а оскорблял, напротив, отказ иностранца, путника или гостя дать яйцо. «Как курица — побыла сутки в доме, но ничего не оставила». Это обижало, это отталкивало, это разделяло, это вводило людей в тоску и слезы. Напротив, «приняв яйцо», радовались и гоготали, как курица после яйценесения. Курица-то почему кричит? Да что она «принесла пользу миру»; более «не *чужая миру*»; она кричит: «Мир — *мой*», а «я — *мировая*», т. е. мировая вещь, *мировое лицо*; я теперь «мировое существо» — в «середочках», а не «с краешку» (конец мира).

Если курица чувствует, насколько ярче и сильнее чувствует человек!

Дети — не верьте родителям: они скрываются.

Проклятое уныние склонило чело их долу. Но это — тоска времени, и она пройдет.

Поднимите глаза: солнце восходит.

Солнце жизни...

Солнце улыбок...

(открытие Розанова).

* * *

Совокупление — каждое единичное, и брак как нить и цепь их — всегда имеет определенный возраст. Год, месяц и день. Этот возраст равен половине суммы годов обоих совокупляющихся. Если *ему* 24 и *ей* 16, то совокупление *двадцатилетнее* ($\frac{24 + 16}{2} = \frac{40}{2} = 20$).

Следовательно, совокуплению лет —
25, когда *ему* 34 и *ей* 16

25	{	»	»	32	»	»	18
		»	»	30	»	»	20
		»	»	28	»	»	22
		»	»	26	»	»	24
		»	»	24	»	»	26
		»	»	22	»	»	28
		»	»	20	»	»	30
		»	»	18	»	»	32
		»	»	16	»	»	34
		»	»	14	»	»	36

Или

30, если сочетающимся 16 и 44 лет

35 » » 16 и 54 »

40 » » 16 и 64 »

И т. д.

Отсюда объясняются странные браки, даже странные любви, как и дерзкие посягновения: напр.,

45 и 16 дают возраст брака — 30 л., но:

45 и 14 » » » — 29 »

45 и 12 » » » — 28 »

И т. д. Отсюда объясняется факт, напр., об избитом (кажется, Тагиевым) инженере. Я читал тогда: у старика Тагиева был сын, и женат он был на такой-то. Вдруг младшая, маленькая сестрица ее говорит этой своей замужней сестре:

— Знаешь, Зельма, — я *буду скоро твоей матерью*.

Та удивилась и не поверила: но скоро оказалась правда. Оказалось, старик Тагиев (миллионер татарин в Баку — нефтяник) сделал предложение и действительно женился на младшей сестре жены своего сына. Т. е. *в отношении себя он взял как бы внуку*. И был строгим и любящим мужем. Нельзя отрицать, что и она его любила, по общему инстинкту подростков: «Быть — скорее большой», «скорее — вырасти». Мне приходилось наблюдать (у немцев) любящую пару, где *ей* было 24 (хороший рост, полное здоровье, красива), а *ему* не менее 66 лет (след., брак был 45 лет). Она мне (т. е. обществу при мне) передавала, как они вдвоем при зимней луне катаются на лыжах; и постоянно была около мужа, не ища другого общества. Через год у них родился ребенок.

(в клинике Ел. П.).

* * *

...уже дотрагивание доставляет удовольствие, даже одна мысль. Дотрагивание *кого* бы то ни было, мысль о *ком* бы то ни было. Как же избежать «греха»?

Человек окружен как морем им.

И почему это «грех»? Какие доводы? Где доказательства?

От неясности доказательств море еще мутнее, человек еще угрожаемое.

Не говоря о мужчине, которому за тайной «все дозволено», но как вы убедите девушку, что ей «не дозволено», и она не может иметь детей, не «дождавшись» мужа, когда она «его ждала» до 25, до 30, до 35 лет: и, наконец, до каких же пор «дождаться» — до прекращения месячных, когда рождение уже невозможно???

До *каких лет* дожидаться — это должно быть оговорено и в светских законах и в церковных правилах. Ведь совершенно явно, что она должна еще до прекращения месячных «исполнить закон земли» (Бытие, кажется, 17-ая глава, — слова друг другу одиноких, за разрушением города, дочерей Лота, не имевших ни женихов, ни надежды на них) *.

Эй, не дразните собаку на цепи. И собака — срывается. А человек повалит и конуру, да еще и искушает сторожа.

(в клинике Ел. П.).

* * *

Без веры в себя нельзя быть сильным. Но вера в себя разливается в человеке нескромностью.

Уладить это противоречие — одна из труднейших задач жизни и личности.

* * *

Полевые и лесные частицы в человеке едва ли когда-нибудь могут вовсе исчезнуть, и даже едва ли желательно, чтобы они вовсе изгладились.

Все будут в смокинге, как Скальковский**, — нет! нет!

(одеваюсь в клинику).

* * *

Мало солнышка — вот все объяснение русской истории.

Да долгие ноченьки. Вот объяснение русской психологичности (литература).

*

*

*

Мы не зажжем инквизиции. Зато тюремное ведомство — целое министерство.

(в клинике Ел. П.; курю, выйдя).

* * *

У социал-демократа одна тоска: кому бы угвоздиться на содержание. Старая барыня, широко популярный писатель, «нуждающийся в поддержке молодежи», певец — все годится.

Не знаю, какую угрозу правительству составляют эти господа.

(клиника Ел. П.; курю, выйдя).

* * *

Сердце и идеал было во мне моногамично, но любопытство и воображение было полигамично.

И отсюда один из тягостных разрывов личности и биографии.

Я был и всешатаем и непоколебим.

(еду в клинику).

* * *

Женщина — исподнее существо.

Договаривают: «И — *преисподнее*».

— Нет, она небесное существо.

(еду в клинику).

* * *

Cul. ph.* непонятен и невозможен вне *родства*, в родстве же он понятен и неизбежен, как средоточие этого родства, его источник и возбудитель, тайная его поэзия и, наконец, религия.

«Cul. phal.» был продиктован кем-то очень старым, «ветхим деньми». Молодому он и на ум не может прийти, в молодом он возбудил бы только «смех или забавное отношение».

Он смешон для братьев и сыновей, но не смешон — для родителей; смешон для дочерей, для сестер — но не

смешон «для свекра и свекрови, для тестя с тещей». Он совершенно понятен для всякого деда и бабушки. «Кто дал его» (первому человечеству) — был непременно «с развешивающимися по ветру седыми волосами», был око (зрение, всевидение).

* * *

Всякий оплодотворяющий девушку сотворяет то, что нужно.

(канон Розанова, 28 ноября).

* * *

Последний момент — смятение души, смятение стихий.

Так и сказано, что он «в буре».

* * *

Супружество — как замок и дужка: если чуть-чуть не подходят, то можно только бросить. «Отпереть нельзя», «запереть нельзя», «сохранить имущество нельзя». Только бросить (расторжение брака, развод).

Но русские ужасно как любят сберегать имущество замками, к которым «дужка» только приставлена. «Вор не догадается и не тронет». И блаженствуют.

(ноябрь) (в клинике Ел. П.).

* * *

Ученичество — тонкая музыка, и учительство — тонкая музыка.

И вовсе не на всяком инструменте ее можно играть.

Мы имеем только схемы учебных заведений. Умножение и печатание шаблонов их. Но лишь кое-где тут происходит просвещение. Просвещаются 2—3 из 500 учеников, и просвещает разве только один из 15-ти учителей.

Остальное — шаблонная выделка шаблонных интеллигентов, и даже скорее это минус просвещения, чем его плюс.

(в клинике Ел. П.).

* * *

...да Писарев и «Современник» и есть Нат-Пинкертон. Так же просто, плоско, такая же «новая цивилиза-

ция» и приложение «последних данных науки». И все — так же решительно и смело. Непонятно, чему Чуковский стал удивляться.

(клиника Ел. П.; Чуковский год назад читал об этом лекцию: «Откуда увлекаются Нат-Пинкертоном?» *).

* * *

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять **.

Кто-то где-то услышав, заплакал.

Писарев поднялся:

— **НЕ-ПО-НИ-МА-Ю.**

Неописуемый восторг разлился по обществу. Профессора, курсистки — все завизжали, захлопотали, загоготали:

— **ГЛУ-ПО.**

*

Какое оправдание «Поэта и черни». Писарев все защищал мужиков от Пушкина, тогда как Пушкин никогда мужиков не разумел. «Чернь» ходит в лакированных сапогах и непрерывно читает просветительные лекции.

«Чернь» — это Григорий Петров, Б. и Академия Наук с почетным членом Анатолием Федоровичем ***

(в клинике Ел. П.).

* * *

Неужели все, что идут по улицам, тоже умрут?
Какой ужас.

(переходя площадь перед цирком Чиниз., в страхе).

* * *

И она меня пожалела как сироту.

И я пожалел ее как сироту (тогдашняя история). Оба мы были поруганы, унижены.

Вот вся наша любовь.

*

Церковь сказала «нет». Я ей показал кукиш с маслом.

Вот вся моя литература.

(сидя над кроватью мамы; клиника Ел. П.).

* * *

Редко-редко у меня мелькает мысль, что напором своей психологичности я одолею литературу. Т. е. что «потом» будут психологичны — как я и «наши» (Рцы, Фл., Шперк, еще несколько, немного).

Какое бы счастье. Прошли бы эти «болваны». Ведь суть не в «левости», а в что болваны.

* * *

Кроме воровской (сейчас) и нет никакой печати. Не знаю, что делать с этой «6-ой державой» (Наполеон).

* * *

Главный лозунг печати: проклинай, ненавидь и клевети.

(вспоминаю статьи по † Суворина).

* * *

Достоевский, который терся плечом о плечо с революционерами (Петрашевский), — имел мужество сказать о ней: «мошенничество». «Русская революция сделана мошенниками» (Нечаев, «Бесы»).

Около этого приходится поставить великое

SIC.

* * *

Человека достойный памятник только один — земляная могила и деревянный крест.

Золотой же памятник можно поставить только над собакою.

* * *

Звездочка тусклая, звездочка бледная,
Все ты горишь предо мною одна.
Ты и больная, ты и дрожащая,
Вот-вот померкнешь совсем...

(в клинике Е. П., ходя, где курят).

* * *

Чтобы пронизал душу Христос, ему надо преодолеть теперь не какой-то опыт «рыбаков» и впечатления моря, с их ни «да», ни «нет» в отношении Христа, а надо прон-

зить всю толщу впечатлений «современного человека», весь этот и мусор, и добро, преодолеть гимназию, преодолеть университет, преодолеть казенную службу, ответственность перед начальством, кой-какие танцишки, кой-какой флиртишко, знакомых, друзей, книги, Бюхнера, Лермонтова..., и — вернуть к простоте рыбного промысла для снискания хлеба. Возможно ли это? Как «мусорного человека» превратить в «естественное явление»? Христос имел дело с «естественными явлениями», а христианству (церкви) приходится иметь дело с мусорными явлениями, с ломаными явлениями, с извращенными явлениями, — иметь дело с продуктами разложения, вывиха, изуродования. И вот отчего церковь (между прочим) так мало успевает, когда так успевал Христос.

Христианству гораздо труднее, чем Христу. Церкви теперь труднее, чем было Апостолам.

(в клинике Ел. П.) (30 ноября 1912 г.).

* * *

Старые, милые бабушки — берегите правду русскую. Берегите; ее некому больше беречь.

* * *

Черви изгрызли все — и мрамор, когда-то белый, желт теперь, как вынутая из могилы кость. И тернии, и сор, и плевелы везде.

— Что это, Парфенон?

...нет, это Церковь.

...это наш старый запивающий батюшка. И оловянное блюдо с копеечками...

*

*

*

...прибить заплатку — уродливо, не поновлять — все рассыпется... ненавижу, люблю...

...всего надеюсь...

....все безнадежно...

*

*

...но здесь, други, только здесь живет бессмертие души.

(ночью на извознике из ред.)

* * *

Церковь есть душа общества и народа.

Можно ли же поднимать руку на душу? Хотя бы она и была порочная.

*

Нужно мирянам «на сон грядущий» произносить молитву: «Господи, не отними от нас Святую Церковь. И устрой ее в правде и непорочности, как Невесту Свою».

Вот и все. А не говорить ей грубости, воплей и цинизма.

(ноябрь).

* * *

Что значил бы Христос без

МИЛОСЕРДИЯ?

Ничего.

Есть ли милосердие в Церкви?

О, если бы!

(в редакции, ночь)

(Оторвавшись от «передовой»).

Утешения! Утешения! Утешения!

— Где Утешитель?

(ночью в ред.) (в сл.).

* * *

«Умер! Он умер!» — воет зверь-человек.

Церковь подошла и тихо сказала:

— Нет, он *скончался*.

И провела рукой по лицу зверя, и стал зверь человек.

*

Все человечество отступилось от церкви.

И нарекло ее дурным именем.

И прокляло ее.

В ночи подошел к запертой двери старик и постучал клюкой. И дверь отворилась. И вот это «старик в церкви» есть сияющая церковь, полная церковь.

А то «человечество» — ничто.

(вернувшись домой, в постели).

* * *

И всегда она волновалась волнением другого, и всегда было трудно ей, когда было трудно кому-нибудь.

*(о мамочке — в театре,
когда она лежит в клинике).*

* * *

Поношенные, хищные, с оголенными спинами, на которые по ошибке можно сесть вместо дивана...

*(11 часов; мамочка, верно,
спит в Еленинской клинике; театр).*

* * *

Представить бы, что «Главное управление заготовки пороха для армии» уничтожало везде, где ни встретит: 1) серу, «п. ч. она дурно пахнет», 2) уголь — «потому что он черен», и 3) селитру, «п. ч. она ничего не значит»; так именно поступает Церковь ли, «мать брака», или духовенство: 1) ненавидя совокупление, потому что «оно имеет не такой вид, как нужно», 2) любовь — потому что «она розовая», и 3) наряды мира, потому что они «вообще суета».

Брак должен быть не наряден, безлюбовен и даже бесплотен; но только очень доходен.

(в театре с детьми) (на афише).

* * *

«Любите врагов ваших. Благословляйте клянущих вас»...

— Не могу. Флюс болит.

(в подъезде театра, выходя).

* * *

— «Ты уж теперь не испытываешь счастья. Так вспоминаешь прошлое».

*(мама, прочтя в «Смертном»
отрывок об Иване Павловиче и
«всем деле» в Ельце *).*

* * *

Мамочка — нравственный гений, вот в чем дело.

И от этого так привязался и такая зависимость.

*(после ее рассказа о своем рассказе докторам,
отчего сердцебиение и приведший их
в растерянность внезапный упадок сил).*

— Так ли ты им рассказала, как мне? — спросил я, пораженный ясностью и отчетливостью.

— Так!

«Доктор (проф.) встал и, радостно хлопая по плечу, сказал:

— Смотрите, она живет, а не рассказывает: и всякое слово вынимает у нее силы».

Оттого Сиротинин, пять лет назад, и определил болезнь:

— Усталое сердце.

Так меня поразил этот термин. Никогда не слышал. И не предполагал болезни (бытия таких болезней).

«Усталое» же сердце потому, что 19 лет на моих глазах, а в сущности, с 14-ти лет (первая ее любовь), она уже «влагала все сердце» (в людей, в свои поступки, в отношения свои к людям).

* * *

Допиваю 1—1½ стакана кофе. Отшвыриваю газеты — и энергично:

— В церковь!

— В церковь, Василий Васильевич, опоздали. Двенадцатый час.— (Домна Васильевна).— «Двенадцатый час!!! Все равно — Александр Свирский (Николаевская) под боком». Подымаюсь. Там звучит «Верую».

Не слушаю. «Ну ее, византийское богословие». И вдруг слух поражается:

«Чаю воскресения мертвых»... Обернулся к ящику со свечами:

— Дайте 2 свечки на канун. И одну — к празднику (именины).

(4 декабря 1912 г.).

* * *

Никогда не видал старушку. Пишет 4-го декабря, в день Великомученицы Варвары:

...«В такой дорогой для вас день хочется мне поздравить вас, пожелать всего самого лучшего вашей дорогой Имениннице-«Другу» и всей вашей семье.

Вовсе не хочу беспокоить вас перепиской, но не могу не сказать, какое огромное удовольствие доставили мне «Киреевские» и маленькая заметка о Виллари! * *On en mangerait avec délice!* ** Гиметский мед. Будьте здоровы, всего вам хорошего, уважающая вас С. Щ-на***.

Р. С. Дочь моя, с месяц тому назад, была в Киеве и вынимала за вас всех просфору в Михайловском монастыре!»

В Михайловском монастыре лежат мощи Великому-ченицы Варвары: где и я молился, и горячо молился, и там же молилась — памятно и многозначительно — Александра Адриановна Руднева, 49 лет тому назад.

Вот для таких старушек, как эта «С. Щ-на», я и пишу свою литературу. А юных читателей мне совсем не нужно. Я сам старик (57 л.) и хочу быть со стариками.

* * *

Средний возраст человека, от 30 (даже от 24-х) лет до 45-ти, я называю *физическим*.

Тут все понятно, рационально. Идет работа. Идет служба. «День за днем», «оглянуться некогда».

Механика. В которой не вспоминают и не предчувствуют.

Никогда не имел интереса к этому возрасту и не любил людей этого возраста.

Но я имел безумную влюбленность в стариков и детей.

Это — *метафизический возраст*. Он полон интереса и значительности. Тут чувствуется «Аид» и «Небо». Чувствуются «мойры».

(6 декабря 1912 г.).

* * *

Штунда — это мечта, «переработавшись в немца», стать если не «святою» — таковая мечта потеряна, — то по крайней мере хорошо выметенною Русью, без вшей, без обмана и без матерщины дома и на улице.

— Несите вон иконы...

— Подавайте метлу!

С «метлой» и «без икон» Русь — это и есть штунда. Явление это огромно, неуловимо и повсеместно.

* * *

Штунда — не одно евангелическо-церковное явление. Штунда — это все, что делал Петр Великий, к чему он усиливался, что он работал и что ему виделось во сне; штунда — это Винавер и Милюков, это Струве и его «Освобождение»*. Если бы Петр Великий знал тогда, что она *есть* или *возможна*, знал ее образ и имя, он воскликнул бы: — «Вот! вот!! Это!! Я — только не умел назвать! Это *делайте* и *так верьте*, это самое!!»

Это — вычищенные до «блеска золота» дверные руч-

ки в клинике Елены Павловны перед обходом профессора Явейна, «просветительные и культурные усилия» гимназии Стоюниной, весь Толстой с его «пожалуйста, все читайте Евангелие, и постоянно», и мчащийся по Сибири с эстафетами о дне прибытия и чтения лекции ех-священник Петров. Это — все «Вехи».

(на конверте «приглашение на выставку»).

* * *

Да, есть политический цинизм. П. ч. политика есть вообще цинизм. И если вложить еще трагическое сюда — слишком много чести.

(7 декабря)

(на извозчике в клинику) (о себе).

Я не думаю о царствах. П. ч. душа моя больше царства.

Она вечна и божественна. А царства «так себе».

(Царства — базар.)

(в клинику, заворотив на Кирочную).

Через 1900 лет после Христа из проповедников слова его (священники) все же на десять — один порядочный, и на сто — один *очень* порядочный. Все же через 1900 лет попадают изумительные. Тогда как через 50 лет после Герцена, который был тщеславен, честолюбив и вообще с недостатками, нет ни одной *такой же* (как Герцен), т. е. довольно несовершенной, фигуры.

Это — Революция, то — Церковь.

Как же не сказать, что она вечнее, устойчивее, а след., и *внутренне ценнее* Революции. Что из двух врагов, стоящих друг против друга, — Церкви и Революции — Церковь идеальнее и возвышеннее.

Что будет с Герценом через 1900 лет? — с Вольтером и Руссо, родителями Революции? Ужаснется *тысяче девятисот годам* самый пламенный последователь их и воскликнет:

— Еще бы какой вы срок взяли!!! — через 1900 лет, может быть, и Франции не будет, может быть, и Европа превратится в то, чем была «Атлантида», и вообще *на такой срок — нечего загадывать...* «Все переменится» — и самое имя «революция» станет смешно, едва припоминаемо, и припоминаемо как «плытие Приама в Лациум» от царицы Дидоны (положим).

Между тем священник, поднимая Евангелие над народом, *истово говорит возгласы*, с чувством необыкновенной реальности, «как бы живое еще». А диакон громкогласно речет: «Вонмем». Диакон «речет» с такой силой, что стекла в окнах дрожат: как Вольтер — в Фернее, а вовсе не как Вольтер в 1840-м году, когда его уже ели мыши. И приходит мысль о всей Революции, о «всех их», что они суть снесь мышей.

Лет на 300 хватит, но не больше — пара, пыла, смысла.

*

Отчего же дьякон так речет, а Вольтер так угас?

И при жизни Вольтера, в его живых устах, слово не было особенно ценным. Скажите сразу, не думав, что сказал Вольтер дорогого человеку на все дни жизни и истории его? Не придумаете, не бросится на ум. А Христос: «Блаженны изгнанные правды ради». Не просто «они хорошо делают» или «нужно любить правду», «нужно за правду и потерпеть», — а *иначе*:

«БЛАЖЕННЫ ИЗГНАННЫЕ ЗА ПРАВДУ, ИБО ИХ ЕСТЬ ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ».

Как изваяно. И стоит 1900 лет. И простоит еще 1900 лет, и это скажет тот самый последователь Вольтера, который сказал:

— Еще бы вы *какие сроки* загадываете!..

*

Евангелие бессрочно. А все другое срочно — вот в чем дело.

*

И орет дьякон. И я, пыльный писатель, с пылью и мелочью в душе и на душе, стоя в уголку церкви и улыбаясь и утирая слезы, скажу и весело и грустно:

— Ори, батюшка, сколько утробушки хватит. И «без сумления» кушай, придя домой, устав, гречневую кашу и щи, и все что полагается, со своей матушкой-дьяконницей, и с детушками, и с внуками. Вы на прочном месте стоите и строите в жизни вечную правду.

(7 декабря 1912 г.).

Автономия университетов, за которую когда-то я так (в душе) стоял, теперь мне представляется совершенно невозможной и ненужной, и позорной для русского госу-

дарства (которое, как хотите, господа — *есть*: признаемся в этом, хоть и «со стыдом за Россию»). Она вовсе не знаменует свободу университетского преподавания, независимость профессорской корпорации и вообще отмену «цензуры на науку». Во все нет. Эти наивности можно было думать, т. е. даже это *было бы истиною*, если бы профессора *in cogroge* * (кроме редчайших исключений, вроде черных лебедей) не обнаружили позорного нравственного ничтожества, полной робости перед студентами, страха перед учащимися и полной от них зависимости.

Ни своего «сredo», ни своего «ато» **

При таком положении «автономия университетов» была бы собственно автономиею студенчества.

Мне Володя (эс-дек «в странствиях») и говорит: «Конечно, университет принадлежит студенчеству, ибо их больше, чем профессоров, да и он существует для студенчества».

Действительно: *causa materialis* и *causa finalis* (цель и материя учреждения). И вообще это так же аксиоматично для русских, как — «земля Божия». «Университет — студенческая собственность, студенческое подвластие», и «земля — Божия» и, значит, — «ничья». Аксиома да песенка — неодолимы. Тут поздно рассуждать.

Итак, «автономия университетов» значила бы «автономия студенчества», и прекращение действия каких-либо гражданских и общих законов «в их ученых учреждениях». «Потому что там наука». Причем «наука» или «я — наука», об этом судит не третий кто-либо, а собственник, т. е. студенчество же. «Сюда не показывай носу» — в этом суть *всеми представимой* автономии.

«Мы экстерриториальны», как папа в Ватикане.

В целях науки и свободы научного преподавания это, однако, можно было допустить по абсолютной, так сказать, безвредности и бескровности науки. Но если «наука» безбойна, то учащиеся могут быть и не безбойны. Как когда. Явно, однако (и так-то, именно, я и думал), что если бы профессора у нас были с «ато» и «сredo», то все-таки и среди «бойных» студентов автономию бы можно допустить: ибо произошла бы борьба между профессурой и наукой, и — студенчеством и политикой. Жажда этой борьбы — бесконечная! От нее в значительной степени зависит счастье России, возможный «смысл» ее.

Но профессора вдруг побежали, даже, кажется, еще не битые. Побежали за «хлопанец». Вообще профессора все и всех продали, предали и убежали или соответственное даже картине — улизнули. «Вот и Иван Иванович» и прозекторша «Катерина Семеновна». И в тот момент, как они «улизнули», — опустилась, и навеки опустилась, занавесь над «автономией университетов».

Единственный ее мотив — воспитанье неучившихся и невоспитанных, вообще незрелых, через воздействие и борьбу (вековую) зрелых, воспитанных и ученых людей — этот ее мотив пропал.

Но и студенчество, в свою очередь, несамостоятельно: оно дергается нитками евреев и заграничных эмигрантов. Нитками «моего Володеньки», которого тоже «дергают». Сейчас по всей России «автономия университетов» перевелась бы «на русские события» — как возникновение во всяком городе, где есть высшее заведение, «непрístupных цитаделей» для борьбы с «невозможным старым порядком», который, т. е. этот «порядок», туда не может *по статуту* вступить. «Невступаемая крепость», как Ватикан, естественно, непобедима, как Ватикана не может взять вся Италия. У нас же было бы (все учебные высшие заведения) около сорока «Ватиканов», с правом вылазки и вообще войны.

Ибо «стены»-то университета непрístupны, а студенчество — вовсе не в стенах университета, университет — вовсе не пансион, как Ватикан для папы: а оно бродит, странствует. Бродит по всей Москве, по всему Петербургу, ездит «на уроки» по всей России. Их «младшие» — это уже гимназисты, их «старые» — это общество. Словом, университет — клубок, а нити его протягиваются во всю Россию.

«Автономия университетов» поэтому вовсе не обещала бы и не обещала «свободу научного преподавания», а совсем новое и поразительное: отведение сорока непрístupных ни для кого мест, «не воюемых мест» (и это — главное), — людям, объявившим «войну современному обществу и современному строю».

Вот из-за чего велась война, идет борьба. Все прочее — соусы. «Сдай нам крепости, враг!» Во-первых, странно выпрашивать у «врага» — ссылаясь на «просвещение» и «дружбу» и всеобщую «симпатичность молодежи». Дело тут было не только военное, но в высшей степени вероломное. На русскую государственность, «кой-какую», шли Батый, фельдфебель и Талейран.

Фельдфебель — воин, «именуемый враг».

Батый — наша первобытная дикость.

Талейран — это лукавство всяких Бурцевых и Бакаев.

Фельдфебель не страшен России; но в высшей степени могли повредить Батый и Талейран. Да еще которых «нельзя достать» и вытащить из самого «сердца России»: ибо их оберегают «священные стены научного здания».

...как какие-то храмы-обсерватории Вавилона и древних Фив, — с Тимирязевым и Милюковым, один в смокинге и другой в сюртуке, но в париках седых «верховных жрецов» и «с жезлами».

Тень Герцена меня усыновила
И в революцию торжественно ввела.
Вокруг меня рабочих возмутила
И все мне троны в жертву обрекла.

Пуф, опера и обман. «Ложно-классическая трагедия Княжниина» не удалась. Запахло водочкой, девочкой, пришел полицейский и всех побил. «Так кончаются русские истории».

* * *

И денег суешь, и просишь, и все-таки русская свинья сделает тебе свинство.

(какая-то «Катюша» или «Марфуша» сорвала с изголовья чудотворный образок у мамы, «меняя белье на кровати», и разбила. Клинический институт).*

О чем она думала? О любовнике или о съеденном пироге?

«И уж извините, барыня. Ах, какая беда. Совсем не заметила».

Когда Он прямо так и смотрит даже на входящего в комнату.

(8 декабря 1912 г.).

* * *

Больше всего приходит мыслей в конке. Конку трясет, меня трясет, мозг трясется, и из мозга вытрясаются мысли.

(в конке).

* * *

Революционеры берут тем, что они откровенны. «Хочу стрелять в брюхо»,— и стреляет.

До этого ни у кого духа не хватает. И они побеждают.

Но если бы «черносотенник» (положим, генер. М., бывший на разбирательстве Гершуни*) прострелил на самом суде голову Гершуни, не дожидаясь «вынесения приговора» суда,— если бы публика на разбирательстве первомайцев, перескочив через барьер, перестреляла хвастунишек от Желябова до Кибальчича («такой ученый»), то революционеры, конечно, все до одного и давно были бы просто истреблены.

Карпович выстрелил в горло Боголепову** — «ничтоже сумняся», не спросив себя, нет ли у него детей, жены. «В Шлиссельбург он явился такой радостный и нас всех оживил»,— пишет в воспоминаниях Фигнер. Но если бы этой Фигнер тамошняя стража «откровенно и физиологически радостно» сказала, что вы теперь, барышня, как человек — уже кончены, но остаетесь еще как женщина, а наши солдаты в этом нуждаются, ну и т. д., со всеми последствиями,— то, во-первых, что сказала бы об этом вся печать, радовавшаяся выстрелу Карповича? во-вторых, как бы почувствовала себя в революционной роли Фигнер, да и вообще продолжали ли бы революционеры быть так же храбры, как теперь, встретя такую «откровенность» в ответ на «откровенность».

Едва ли.

И победа революционеров, или их 50-летний успех, основывается на том, что они — бесчеловечны, а «старый строй», которого, «мерзавца», они истребляют, помнит «крест на себе» и не решается совлечь с себя образ человеческий.

Они — голые. Старый строй — в одежде. И они настолько и «дышат», насколько старый строй не допускает себя тоже «разоблачиться».

(9 декабря, день).

* * *

Фонвизин пытался быть западником в «Недоросле» и славянофилом в «Бригадире». Но не вышло ни того, ни другого. Побывав в Париже и «само собою русский дворянин»,— он не был очень образован. Дитя екатерининских времен, еще очень грубых. Без утончения.

Комедии его, конечно, остроумны и, для своего времени, гениальны. Погодин верно сказал, что «Недорос-

ля» надо целиком перепечатывать в курсы русской истории XVIII-го века.* Без «Недоросля» она непонятна, не красочна. Безымянна. Но в глубине вещей весь вообще Фонвизин поверхностен, груб и, в сущности, не понимает ни того, что любит, ни того, что отрицает. Влияние его было разительно, прекрасно для современников, и губительно потом. Поверхностные умы схватились за его формулы, славянофилы за «Вральмана», западники и очень скоро нигилисты за «Часослов», и под сим благовидным предлогом русская лень не хотела западных наук и пересмеяла свою церковь (богослужение, молитвы). От «— Ну, почитаем из Часослова, Митрофанушка!» (Кутейкин) и идет дикое «жезаны» и «жеможаху» Щедрина, и все лакейское оголтение русского духа, который побороть был бессилён образованнейший Рачинский (С. А.), Одоевский, Киреевские.

(10 декабря; за статьей Цветкова).

* * *

Едва ли он знает географию в пределе второго класса гимназии; но подает в печати государственные советы, как управлять Россией. Удивительно талантлива русская натура.

Но может всяческих Невтонов
И скорых разумом Платонов
Российская земля рождать.**

И прочее. Можно бы в этом усомниться, но вот есть же Гофштетер.

(10 ноября).

* * *

Как Ерусланова мертвая голова, Хрущев*** разевал губы и шлепал в воздух:

— Педагогические методы, педагогические методы. Мне тогда хотелось ему всунуть кол в рот.

(харьковский попечитель у Берга в 1894—5 гг.)
(10 декабря 1912 г.,
читая статью Цветкова о школах).

* * *

Когда говорят о «демоническом» и «бесовском» начале в мире, то мне это так же, как черные тараканы у нас в ванне (всегда бывает и их люблю): ни страха, ни заботы. «Есть» — и Господь с ними, «нет» — и дела нет.

Это не моя сторона, не мое дело, не моя душа, не мой интерес.

Посему я думаю, что сродства с «демонизмом» (если он *есть*) у меня вовсе нет. «Бла-а-ду-шнейший человек». Петр Петрович Петух «в отхожих промыслах».

И так как *в то же время* у меня есть бесспорный *фаллизм*, и я люблю «все это» не только в идеях, но и в натуре, то отсюда я заключаю, что в фаллизме ничего демонического и бесовского не содержится; и выражения «Темная сила», «Нечистая сила» (по самым эпитетам, явно относимые к фаллической области) суть мнение апокрифов, а не Священного Писания.

Ей-ей, запах роз не отдает козлом, в каковом виде изображают бесов. Запах роз отдает розами, и им умащают Св. Плащаницу.

И аромат розового масла наполняет храмы, а в *светских* дворцах он показался бы странным.

Будем, господа, обонять розы.

* * *

Кое-что важное о девушках «без судьбы» в письме ко мне одной много лет болеющей, прекрасной собою и жизнью своею, девушки (лет 32):

«Очень, очень благодарна вам за присланную мне вашу книгу *Опавшие листья*. Простите, что несколько запоздала я с благодарностью, но мне хотелось написать вам после того, как я ее прочту. Прочитала я ее с большим интересом, и, конечно, критиковать я не могу, но мне хочется сказать вам, что в одном только месте у меня «горело сердце», а именно — где говорится об «Утешителе». Я знаю сердцем, что вы Его хоть почти всегда гоните, но все-таки любите, — любите, может быть, даже больше тех, кто не гонит Его. Зная, как вам бывает иногда тяжело, я всей душой желаю вам как можно чаще чувствовать Его так, как тогда ночью, и Иго Его будет для вас тогда Благо и бремя легко, и смерть не так страшна. Вот нынче, дорогой Василий Васильевич, вы выразили надежду, что в другой половине моей жизни меня ждет что-то светлое. Только Его света я и желаю, и думается мне, что осталась меньшая половина жизни.

Еще одно слово скажу вам: за что вы, такой добрый, а так обижаете бедных девушек, не имеющих детей, или вообще незамужних? Разве многие из них виноваты в этом?

Вы ведь не знаете их души: ни одна из них не откроет вам по целомудрию своей души до конца, а как часто их жизнь бывает сплошным самопожертвованием, никем не оцененным. По-моему, не-пременное выдавание замуж очень молоденьких девушек, которые даже себя не сознают, — это убивание в них Бога. Мне всегда бывает тяжело, когда я у вас читаю об этом, и потому я даже стараюсь пропускать эти места, они мешают мне любить вас как чело-

века, а я этого не хочу¹. Простите, глубокоуважаемый Василий Васильевич, если сказала что-нибудь неприятное вам, но что делать,— в этом главные вопросы моей жизни. Прошу передать сердечный привет и наилучшие пожелания В. Д., А. М. и всей вашей семье. Уважающая вас и душевно преданная ваша М. П. И-ва»*.

* * *

Ну, что же делать, если женщина «под», а *chevalier* «над»: всякое иное положение неудобно, неловко и заменяется опять нормальным. И женщины, поволновавшись с Аспазией** и Цебриковой, возвращаются опять в «подчиненное положение».

*

Но как не признать в «том» величайшей метафизики, если уже такие пустяки, как *situatio in actu****, продиктовало план всемирной истории—точнее, эту основную в нем линию, что «римлянки были верны мужу», «гречанки тупо родили детей» им в логове, и христианки не могут войти в алтарь, а я читал в гимназии (книжку): «Конт, Милль (и еще кто-то) о подчиненности женщин»****.

(на извоишке в дождь).

* * *

Растяжимая материя объемлет нерастяжимый предмет, как бы он ни казался огромнее. Она — всегда «больше»...

Удав толщиной в руку, ну самое большее в ногу у колена, поглощает козленка.

На этом основаны многие странные явления. И аппетит удавов и козы.

— Да, немного больно, тесно, но — обошлось...

Невероятно надеть на руку лайковую перчатку, как она лежит такая узенькая и «невинная» в коробке магазина. А одевается и образует крепкий обхват.

Есть метафизическое тяготение мира к «крепкому обхвату».

В «крепком обхвате» держит Бог мир...

И все стремится не только к свободе и «хлябанью», но есть и совершенно противоположный аппетит — войти в «узкий путь», сжимающий путь.

(в трамвае).

¹ Как все глубоко и важно. Как все прекрасно. Тысячи девушек поглагодят благородную их «сестру» за эту исповедь-защиту.— В. Р.

* * *

Крепкое, именно крепкое ищет узкого пути. А «хлябанье» — у старух, стариков и в старческом возрасте планеты.

*

Мир женился на старухе: вот французская революция и все ее три принципа.

* * *

Церковь поет: «Святой Боже! Святой крепкий...»

Что-то брезжится в уме, что это тайно пели уже, погребая фараонов в пирамидах.

Да и другие имена как *однотонны*: «Сильный», «Господин», «Отец всего», «Податель жизни» («Жизнодавче»)...

Какая древность.

* * *

Мне представляется история русского общества за XIX в. сплошным безумием.

(18 декабря — Корнилов о Бакуниных, судьба Вареньки Бакуниной-Дьяковой *.

История ее брака — в матерьял о «Людах лунного света»).

* * *

Одели мундир **.

Этот мундир — черная блуза, ремешок-пояс и стальная цепочка для часов, толщиной почти в собачью («на цепи» собака).

Так одетый сидел он за чаем. Он был стар, слаб, сед. При бездетном — в доме хозяйничала племянница с несвежими зубами, тоже радикалка, но носившая золотое пенсне. В передней долго-долго стоит, поправляя свои немощи.

Он долго служил в департаменте либерального министерства и, прослужив 35 лет, получил пенсию в 2000 рублей.

Он говорил, и слова его были ясны, отчетливы и убежденны:

— Чем же я могу выразить свое отвращение к правительству? Я бессилён к реальному протесту, который

оказал бы, если б был моложе... если б был сильнее. Между тем как гражданин, и честный гражданин, я бы был виновен, если бы допустил думать, что спокоен, что доволен, что у меня не кипит негодование. И сделал, что было в моих силах: перешел в протестантскую церковь. Я пошел к их пастору, сказал все. Он дал мне катехизис, по которому я мог бы ознакомиться с принимаемым вероисповеданием. И,— я вам скажу,— этот катехизис при чтении показался мне очень замечательным и разумным... Все ясно, здраво — и многое здравомысленнее, чем в нашем... Ну, когда это кончилось, я и перешел.

Помолчал. И мы все молчали.

— Этим я совершил разрыв с правительством, которого я не могу нравственно и всячески уважать.

Отчетливо, мотивированную речь. Он сам себя слушал и, видно, любовался собою,— умом и справедливою общественной ситуацией.

Мы все молчали, потупив глаза.

«А пенсия?» Но можно ли было это сказать в глаза.

(на скамье подсудимых, 21 декабря, об «Уед.» (люди с цепями, не читав книги и не понимая вообще существа книги, присудили вырезать страницы и меня к аресту на 2 недели).

* * *

Я ничего так не ценю у духовенства, как хорошие...

(прийдя из суда).

* * *

Плодите священное семя, а то весь народ задичал.

(к многоплодию у духовенства).

Матушкам же я дал бы «на адрес писем» титул: «её высокоблагословению»; по мужу — как и вообще у нас жены титулуются по мужьям.

Надо матушек высоко поставить, они много хранят веры.

(прийдя из суда).

* * *

Вот то-то и оно-то, Дмитрий Сергеевич, что вас никогда, никогда, никогда не поймут те, с кем вы...

Слово «царь» — вы почувствовали, они — не чувствуют... Но оставим жгущийся в обе стороны жупел...

Вы когда-то любили Пушкина; ну — и довольно.

И никогда, никогда, никогда вы не обнимете свинное, тупое рыло революции... Иначе чем ради сложностей «тактики», в которой я не понимаю.

Друг мой: обнимите и поцелуйте Владимира Набокова*? Тошнит? — Ну, Григория Петрова? Нельзя? Ну, а ведь — это конкретно, осязательно, это не обманывающий термометр кожного ощущения. «Идейно» там вы можете говорить что угодно, а как вас положить в одну постель с «курсистой» — вы пхнете ее ногой. Все этим и решается. А с «попадьею» если так же, то вы вцепитесь ей в косу и станете с ней кричать о своих любимых темах и, прокричав до 4-х утра, все-таки в конце концов совокупитесь с нею в 4 часа, если только вообще можете совокупляться (в чем я сомневаюсь).

В этом все и дело, мой милый, — «с кем можешь совокупляться». А разговоры — просто глупости, «туда», «сюда», «и то, и се»...

Вы образованный, просвещенный человек, и не внешним, а внутренним просвещением. Пусть — дурной, холодный (как и я); пусть любите деньги (как и я); пусть мы оба в вони, в грязи, в грехе, в смраде.

Но у нас есть вздох.

А у тех, которые тоже «выучены в университете» и «сочиняют книжки» и, по-видимому, похожи на нас, ибо даже нас чище, бескорыстны, без любовниц, «платят долги вовремя», «не должны в лавочке», и прочие, и прочие добродетели...

У них нет вздоха.

И только: но — небеса разверзлись и разделилась земля, и на одном краю бездны они, и на другом краю бездны — мы.

Мы — святые.

Они — ничто.

Воры и святые, блудники и святые, мошенники и святые. Они «совершенно корректные люди» и ничто.

Струве спит только с женою, а я — со всеми (положим): и между тем он даже не муж жены своей, и не мужчина даже, а — транспарант, напр., «по которому хорошо писать», или гиря на весах, «по которой можно хорошо свесить». А я — все-таки муж, и «при всех» — вернейший одной.

Он «никому не должен», я только и думаю, чтобы «утянуть» (положим): и завтра-послезавтра я могу открыть всемирный банк с безукоризненными счетами.

Все это лежит во «вздохе»... В «дуновении», «душе». «Корректные люди» суть просто неодушевленные существа,— «линейка» и «транспарант», «редактор» и «контора»: и из этого не выведешь ни Царства Небесного, ни даже Всемирного банка или сколько-нибудь сносного мужа.

Но в моем вздохе все лежит. «Вздох» богаче царства, богаче Ротшильда *даже деньгами*: из «вздоха» потекут золотые реки, и трон, и царство, и все.

Вздох — всемирная история, начало ее. А «корректный человек» и есть корректный человек, которым все кончится, и сам он есть уже Смерть и Гроб.

«Земля есть и в землю отыдеси»...

«Вздох» же — Вечная Жизнь. Неугасающая.

К «вздоху» Бог придет: но скажите, пожалуйста, неужели же Бог придет к корректному человеку? Его можно только послать к тем двум буквам, за которые запретили «Уединенное», и поэтому я не вправе их напечатать; но вообще послать «по-непечатному».

Ну, Бог с вами — прощайте. Да вы это и понимаете. Сами уже вздыхаете в душе, я знаю.

(прочел о реферате Философова
и полемике со Струве, 22 декабря).

* * *

Океан — женщина. Материк — мужчина.

И бури и тишина, и влага и опасность.

И крепость и первобытность и потопление...

(24 декабря)
(еду в клинику).

Жена входит запахом в мужа и всего его делает пахучим собою; как и весь дом.

*

И Бисмарк, сказавший, что «тевтоны — муж, а славяне — жена» (и якобы «удобрение для германской культуры»), ничего другого не сказал, как что некогда Германия zalъется русской вонью, русским болотом, русской мутью, русским кабаком. И пойдут везде «русские женщины» и «русские студенты», с анархией, «коллективными» кроватями и кулаками.

И отлично.

Розанов с удовольствием поставит калоши на трон Гогенцоллернов, и, сплюнув на сторону горностаеву мантию, все покроет своим халатом.

*

Видел одного германца, из Саксонии, очень ученого, женатого на «русской (приблизительно) курсихе» (курсистке). Каким он цыпленочком ходил по комнатам, и едва она, встав, сказала:

— Фриц! пора домой! —

как он, прервав ученые разговоры по химии, пошел в переднюю и одел ей калоши. Она очень хорошо ему «держала ножку» (подставила для одевания).

Она была, пожалуй, нехороша, но что-то дразнящее. И как он побежал за этим «дразнящим»...

Потом я слышал, что она пудрится и румянится. Вообще — полное свинство. Приняла его иностранное (по мужу) подданство: но он сам остался в России и даже переехал в Москву.

*

Еще я знал 2-х немцев, с большим положением, женатых на русских: они — с достоинством, деятельностью, деньгами. Русские — ничего не делали (очень «талантливы»): и опять какая глубокая покорность немцев русским бабам!

*

А все запах.

*

Как Шперк любил свою Анну Лавровну. Какая покорность. Она бывало ни слова не скажет, все что-то шьет или вяжет чулок. Худенькая в лице, высокая, очень большой бюст.

«Ничего особенного».

Он стал славянофилом. Переменил веру. Восхищался, когда какой-то мужик сшиб шляпу и сломал зонтик у барыни на Невском, при проезде Царя, выкрикнув: «Ты мне застишь Царя».

О жене он говорил:

«Аня — незаметная и милая».

Она кончила 4 класса гимназии. И, кажется, не очень запомнила «курс».

Все шила. И «пришила» к себе тело мужа, душу его, биографию его, «все» его.

«Нет Шперка, а есть Анна Лавровна».

Я безумно его любил за это («отречение от себя», «от эгоизма», от гордости и самолюбия).

* * *

Стиль есть то, куда поцеловал Бог вещь.

(25 декабря)

(день Рождества. У мамы в клинике).

Какими-то затуманенными глазами гляжу я на мир. И ничего не вижу.

И параллельно внутри вечная игра. Огни. Блестки. Говоры.

Шум народов. Шум бала.

И как росинки откуда-то падают слезы.

Это душа моя плачет о себе.

(у постели больной мамы).

Стильные вещи суть оконченные вещи.

И посему они уже мертвы. И посему они уже вечны.

Потому что они не станут изменяться. Но всегда останутся.

С тем вместе стиль есть нечто внешнее. Это наружность вещей. Кожа вещей. Но ведь у человека мы целуем же священные уста, и никто не вздумает поцеловать столь важное и нужное ему сердце.

(в Клиническ. институте. У мамы).

<25 декабря, вечер.>

* * *

Струве осторожно, шажками в вершок,— и я думаю в осторожности этой неискренне,— подходит к тезису, который надвигается как туча ли, как день ли, на всех нас: **нужно признать правительство.**

Заботы о юге, о балканских народностях, «интересы на Черном море»... В конце концов — возрожденная Россия, т. е., *in concreto* *, **русским правительством**, жизнь народностей Балканского полуострова: скажите, пожалуйста, какую роль во всем этом играли «Письма Белинского» «Michel» (Бакунин), Герцен и его «Natalie», Чернышевский, писавший с прописной буквы «Ты» своей супруге, и вся эта чехарда, и вся эта поистине житейская

пошлость, вся эта мелочь до того дробная, что ее в микроскоп не рассмотришь,— вся эта наша литературная «обывательщина», не выступающая из рамок — «как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Даже зычные речи Ив. Аксакова и Славянские комитеты* — чехарда и чехарда, исчезающая в малости пред фактом: «этот батальон, наконец, отлично стреляет».

«Этот батальон отлично стреляет» — вот дело, вот гиря на мировых весах, перед которой «письма Белинского к Герцену» не важнее «писем к тетеньке его Шпоники» (у Гоголя). Но посмотрите, в какой позе стоит Белинский с его «письмами» перед этим батальоном, да и не один Белинский, а и благоразумный (теперь) Струве с его статьями, и все «мы», «мы» — впрочем, «они», «они», — так как я решительно к этим знаменитым «письмам» не принадлежу.

Мне давно становится глубоко противною эта хвастливая и подлая поза, в которой общество корежится перед «низким» правительством, «низость» коего заключается в том одном, что оно одно было занято делом, и делом таких размеров, на какие свиное общество решительно не в силах было поднять свой хрюкающий «пятячок» (конец морды). Общество наше именно имело не *лицо*, а морду, и в нем была не душа, а свиной хрящик, и ни в чем это так не выразилось, как в подлейшем, в подлом из подлых, отношений к **своему правительству**, которое оно било целый век по лицу за то, что оно не читало «писем Белинского» и не забросило батальоны ради «писем Белинского».

Но с «**письмами Белинского**» и супругой Чернышевского, если бы подобно нам и правительство сыропилося в них, повторяя

Ах, супруга ты супруга,
Ах, Небесная моя,—

то Балканы и остались бы, конечно, Балканами, Сербия была бы деревенькой у ног Австрии, болгарские девушки шли бы в гаремы турок, болгарские мужчины утирали бы слезы, и т. д. и т. д., и прочее и прочее. Но сам Струве, **САМ** целует пятки и коленки подлому Желябову, считает его «политическим гением», а не хвастунишкой-мужичонком, которого бы по субботам следовало пороть в гимназии, а при неисправлении просто повесить, как чумную крысу с корабля... Что же это такое, что же это за помесь **Безумия** и **Подлости**, что когда убили Александра II, который положил же свой **Труд** и **Пот** за

Балканы, тот же Струве не выдавит из себя ни одной слезинки за Государя, ни одного доброго слова на его могилу, а льстиво и лакейски присюсюкивает у Желябова, снимает с него носки и чешет ему пятки, как крепостная девчонка растопыренному барину...

Да, с декабристов и даже с Радищева еще начиная, наше **Общество** ничего решительно не делало, как писало «письма Шпоньки к своей тетушке», и все эти «Герцены и Белинские» упражнялись в чистописании, гораздо бесполезнейшем и глупейшем, чем Акакий Акакиевич...

Сею рукопись писал
И содержание оной не одобрил
Петр Зудотешин.
Петр Зудотешин.
Петр Зудотешин.

Вот и все «полные собрания сочинений» Герцена, Белинского и «шестидесятников».

Батальон и Элеватор.

Но кто его строил? Александр II и Клейнмихель*. Да, этот колбасник, которого пришлось взять царям в черный час истории — потому что собственное общество, потому что **сами-то** русские все скрылись в «письмо тетеньки к Шпоньке», в обаятельную Natalie, и во весь литературный онанизм. Онанисты — вот настоящее имя для этого общества и этой литературы; онанисты под ватным уездным одеялом, из «угольничков» сшитом, которые потеют и занимаются своими гнусностями, предаваясь фантазиям над раздетой попадьею.

О, какие уездные чухломские чумички они, эти наши **социал-демократы**, все эти знаменитые **Марксисты**, все эти «**Письма Бакунина**» и вечно топырящийся **ГЕРЦЕН**. Чухлома, Ветлуга, пошлая попадья — и не более, не далее. Никому они не нужны. Просто, они — **ничего**.

Эта потная Чухлома проглядела перед своим носом **Александра II** и **Клейнмихеля**, которые создали **эрмитаж**, создали **Публичную Библиотеку**, создали **Академию Художеств**, создали как-никак **8 университетов**, которые если г...инные, то уж никак не по вине Клейнмихеля, и Александра II, которые виновны лишь в том, что не пороли на съезжей профессорешек, как следовало бы.

— **Во фронт, потное отродье**, — следовало бы им **скомандовать**.

— Вылезайте из-под одеяла, окачивайтесь студеной водой и пошлите делать с **НАМИ** историческое дело и освобождения славян и постройки элеваторов.

Тут объясняется и какая-то жестокая расправа с славянофилами:

— Эх, все это — БОЛТОВНЯ, все это — «Птичка Божия не знает», когда у нас

Ничего нет.

Элеваторов нет.

Хлеб гниет на корню.

Когда немец или японец завтра нас сотрет с лица земли.

— В солдаты профессоров!

Да, вот команда, которую, хоть ретроспективно, ждешь как манны небесной...

Боже мой: целый век тунеядства и такого хвастливого.

В «Былом» о чумных крысах рассказано «20 томов», сколько не было о *всей* борьбе России с Наполеоном, сколько, конечно, нет о «всех элеваторах» на Руси, ни о Сусанине, ни о всех Иоаннах, которые строили Русь и освободили ее от татар.

Поистине, цари наши XIX века повторяли работу московских первый царей — в невозможных условиях хоть построить что-нибудь, хоть сохранить и сберечь что-нибудь. В «невозможных условиях»: т. к. когда общество ничего не делает и находит в том свою гордость.

Безумие, безумие и безумие; безумное общество.

Как объясняется и Аракчеев; как объясняются вспышки лютости в нашем правительстве:

— **Да что же вы ничего не делаете?**

Об Аракчееве только и кричат, что он откусил кому-то нос. Ну, положим, откусил, но ведь не осталась от этого «безносой» Россия. Подлецы: да шляясь по публичным домам, вы не один «нос» потеряли, а 100 носов, 1000 носов, говорят даже у самого «финансиста» не достает носа, и если бы вовремя **Зверь-Аракчеев** послал к черту эти бар..., то он-**Зверь** — сохранил бы 1000 носов, и за 1000 носов можно обменять один откушенный. Нужно.

ЖЕЛЕЗО.

Этим железом и был «Сила Андреевич»*, к которому придираются еще за «Наталию», хотя сам придирающийся профессор лезет к ночи к своей «Парасковье» на кухне тоже под ватное одеяло. И вообще это (любовницы) мировое и общее, а не «свойство Аракчеева».

Да **ОДИН** Аракчеев есть гораздо более значащая и более **ТВОРЧЕСКАЯ**, а следовательно, даже и более **ЛИБЕРАЛЬНАЯ** («движение **ВПЕРЕД**») личность, чем все ничтожества из 20-ти томов «Былого», с Михайло-

вым — «дворником» и Тригони и всеми романами и сказками «взрыва в Зимнем дворце». «Колокол» Гауптмана — в него звонит Аракчеев, а не Тригони; Шиллер и Шекспир — писали об Аракчееве, а вовсе не о Желябове. Поэзия-то, философия-то русской истории, ее святое место — и находится под ногами..

...страшно и слезно сказать, но как не выговорить, взирая на целый Балканский полуостров, на **ВОЗРОЖДЕНИЕ** 18-ти миллионов народа, что

...эта святая земля нашей России — под ногами, скажем ужасное слово, просто

КЛЕЙНМИХЕЛЯ.

Да. Лютеранина и немца. Чиновника, чинодрала. Узкой душонки, которая умела только повиноваться.

Но она повиновалась, безропотно и идиотично, безропотно, как летящий в небесах ангел —

ЦАРЮ,

который один и сделал все. Вот вам ответ на «Историю русской литературы».

(за статьей Струве о Балканах, декабрь *).

* * *

Благодари каждый миг бытия и каждый миг бытия увековечивай.

(почему пишу «Уедин.»).

Смысл — не в Вечном; смысл — в Мгновениях.

Мгновения-то и вечны, а Вечное — только «обстановка» для них. Квартира для жильца. Мгновение — жилец, мгновение — «я», Солнце.

* * *

Мир живет великими заворожениями.

Мир вообще есть ворожба.

И «круги» истории, и эпициклы планет.

* * *

Бог охоч к миру. А мир охоч к Богу.

Вот религия и молитвы. Мир «причесывается» перед Богом, а Бог говорит («Бытие», 1) «как это хорошо». И каждая вещь, и каждый день.

Немного и мир «ворожит» Бога: и отдал Сына своего Единородного за мир.

Вот тайна.

Ах, не холодеет, не холодеет еще мир. Это — только кажется. Горячность — сущность его, любовь есть сущность его.

И смуглый цвет. И пышущие щеки. И перси мира. И тайны лона его.

И маленький Розанов, где-то закутавшийся в его персях. И вечно сосущий из них молоко. И люблю я этот сосок мира, смуглый и благовонный, с чуть-чуть волосами вокруг. И держат мои ладони упругие груди, и далеким знанием знает Главизна мира обо мне и бережет меня.

И дает мне молоко и в нем мудрость и огонь.

Потому-то я люблю Бога.

(24-го декабря 1912 г., у мамы в клинике).

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящий том сочинений В. В. Розанова вошли наиболее известные его работы 10-х годов — вторая часть книги «В темных религиозных лучах» (в отдельном издании получившая заглавие «Люди лунного света» — СПб., 1911; 2-е изд. 1912 г.) и философско-религиозная автобиографическая трилогия — «Уединенное» (СПб., 1912; 2-е изд. 1916 г.) с двумя коробами (томами) «Опавших листьев» (СПб., 1913; Пг., 1915). Конечно, слово «трилогия» в отношении этих книг Розанова весьма условно: ведь и «законченность» и «сюжетная преемственность», как и наличие «трех самостоятельных произведений», — все эти классические признаки трилогии при строгом продумывании оказываются крайне условными, размытыми, проблематичными. В самом деле, верно ли называть трилогию, например, три книги дневников? три тома афоризмов? три сборника стихов? Что является здесь сюжетом: судьба, стиль? И как провести ясную черту между длящейся, переходящей из тома в том единой «книгой жизни» и «тремя самостоятельными произведениями», эту единую книгу манифестирующими?

С различными попытками ответить на эти вопросы любознательный читатель может познакомиться в следующих исследованиях: Шкловский Виктор. Розанов. Из книги «Сюжет как явление стиля» (Пг., 1921); Синявский А. «Опавшие листья» В. В. Розанова. (Париж, 1982); Crone Anna Lisa. Rozanov and the End of Literature. Polyphony and the Dissolution of Genre in Solitaria and Fallen Leaves. Würzburg, 1978; Stämmler Heinrich A. Vasilij Vasil'evič Rozanov als Philosoph. Gießen, 1984.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- БВ — «Биржевые ведомости», газета. СПб., 1861—1917
К — «Колокол», газета. СПб., 1905—1917.
НВ — «Новое время», газета. СПб., 1868—1917.
НП — «Новый путь», журнал. СПб., 1903—1904.
РО ГБЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.
РО ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
РС — «Русское слово», газета. М., 1895—1917.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.

ЛЮДИ ЛУННОГО СВЕТА

Книга является второй частью запрещенного цензурой исследования Розанова «В темных религиозных лучах» (1909). Первое

издание «Людей лунного света» (СПб., 1911) вышло тиражом 1500 экз.; в 1912 г. Розанов выпустил второе, дополненное издание книги тиражом в 2400 экз. Настоящий текст печатается по второму изданию.

Книга «Люди лунного света» вызвала многочисленные отзывы в печати. Откликнулись главным образом литературные критики и богословы; представители русской религиозной философии оставили ее без внимания. Несколько отрывков из рецензий, думается, дадут современному читателю представление о восприятии книги Розанова его современниками.

«Исключительна по интересу книга Розанова,— утверждал А. Измайлов.— Тон страстного убеждения проникает ее всю. К скользким, непривычным темам он подходит с тем чувством, которое близко к религиозному. Да так оно для него и есть. О Божьей тайне он говорит, благоговей перед нею» (Измайлов А. Люди лунного света.— БВ. 1911. 25 мая). В другой газете тот же критик писал: «„Люди лунного света“ В. Розанова — как бы купол того здания, которое давно и взволнованно строил этот писатель на фундаменте философии пола. По определенности выводов, это — последнее слово, последний парадокс его. «Душа есть функция пола». Брачность выше девства. Если бы можно было переменить пол, переменялась бы в человеке душа. В высшей степени интересны в книге патологические примеры таких как бы перерождений, выисканные Розановым в медицинских книгах. С ортодоксальной точки зрения, научной и религиозной, Розанов здесь типичный еретик, со всею психологией еретиков первых веков христианства. Книга исключительна по своему интересу и по необычности касания той темы, какую обычно художники, философы и богословы всецело уступали медикам» (Измайлов А. Новые книги.— РС. 1911. 31 мая). «Мрачная книга, и написана она как бы в экстазе,— заключал критик петербургской «Недели».— Временами автор увлекателен. Я не говорю о бесшабашном кое-где тоне («Вот, дурак!» — по адресу одного из противников; «пошлые медики — болваны» и т. п.), не говорю о наивном и несколько смешном цинизме советов касательно техники полового сближения. Это — терпимо, даже, пожалуй, идет к стилю книги. А этот стиль — настоящий бред полумистический, полупедантический, экстатический и схоластический. Но масса тонких психофизиологических замечаний,— и даже цитатами из Библии, Евангелия, Апокалипсиса и комментариев к ним Розанов злоупотребляет здесь менее, чем в других своих подобных творениях. И все-таки хочется видеть его в рясе,— до того он мистичен и теологичен, несмотря на все его язвительные выпады против монахов и пастырей духовных! Впрочем, если отбросить мистическую шелуху его идей, останутся в них зерна истины. Основательна его критика современного брака как канонического института. Можно почерпнуть у него веские аргументы в пользу свободы развода <...> Книгою «Люди лунного света» Розанов мог бы подвести итог своей деятельности: она в некотором роде — его апофеоз» (Голиков В. Люди лунного света и сольный Розанов.— Неделя. 1912. 8 июля).

«Г. Розанов в высшей степени оригинален и своеобразен, и вам никогда не догадаться, что люди лунного света — это аскеты, иноки, которые, по его мнению, составляют всю метафизику в христианстве. <...> Конечно, все это понимание христианства парадоксально, как парадоксальны и рассуждения г. Розанова о половом вопросе, о бесконечной градации полов, о третьем поле и пр. К тому же автор слишком откровенен и отнюдь не стыдлив, а тех, кто видит в поло-

вом акте нечто постыдное или позорное, чего надо стыдиться, он, нисколько не стесняясь, называет дураками, дубинами, болванами, попиками, содомитами. Его похвалы удостоился только пресловутый архим. Михаил, ныне старообрядческий епископ, который находит, что в соитии все до дна чисто. Нынче мода выдавать порнографические книжки за научные трактаты, что выгодно для их авторов, хотя и гадко с нравственной и общественной точки зрения» (М. К. <Кудряшов М. И.>. — Россия. 1911. 13 июля).

«Оригинальная книга. Она для людей, уже познавших жизнь. В ней много творческой мысли, много спорного, но еще более ярко, выхваченного из религии жизни (Эль-Эс <Слово в Л. З.>. — НВ. 1911. 26 октября). «Слаба доводами теория Розанова, — подводит итог своим размышлениям над книгой критик «Минского слова». — Наиболее внушительный из них — ряд злостных ругательств по адресу духовенства, которыми пестрят страницы книги. Что ж? Быть может, этот последний довод смягчит несколько слабость общей аргументации автора книги» (М. Н. — Минское слово. 1911. 6 ноября).

Разошлись в своих оценках и богословы: «Никогда еще Розанов не высказывался о «метафизике христианства» с такой определенной ненавистью. Книга замечательная. Здесь однобокость и ложь доведены до последних пределов. Но, несмотря на эту однобокость и ложь, одно из самых больных мест в официальной церкви (не в христианстве) вскрыто с поразительной глубиной. Я разумею половой вопрос, двойственное учение о браке, отсутствие в современном христианстве твердого и правильного отношения к физической любви, к половому акту. <...> Правильно чувствуя святость половых отношений, Розанов доводит это чувство до лжи, своей чудовищной односторонностью предлагая, чтобы вся половая сила уходила в деторождение, в многоженство, в «физику». И, благодаря этой лжи, мерзость нашего современного двойственного отношения к браку заменяется мерзостью еще большей, мерзостью Розановской, кошунственной» (Свенцицкий В. Христианство и «половой вопрос». (По поводу книги В. Розанова «Люди лунного света».) — Новая земля. 1911. № 3—4).

М. М. Тареев, один из наиболее ярких русских богословов XX в., увидел в книге Розанова редкую возможность прояснения сущности христианства и смысла христианской свободы: «Каждая теория должна строго соответствовать кругу объясняемых фактов, должна быть ни шире, ни уже этого круга. С этой стороны нужно сказать, что теория г. Розанова уже того круга фактов, на объяснение которых претендует. Г. Розанов хочет объяснить своей теорией все христианство, но его теория обнимает лишь аскетизм. Он предполагает тождество между христианством и аскетизмом, но это предположение висит в воздухе. Христианство есть религия любви, аскетизм есть религия ненависти к жизни: между ними нет тождества, — и это тем более, что аскетическая ненависть к жизни известна и вне христианства (Платон, Филон, Плотин) и в язычестве достигает силы, не уступающей христианскому аскетизму (буддизм). Как это ни странно, но сам г. Розанов, свидетельствуя против себя, высказывается против отождествления христианства и аскетизма. В одном месте он пишет: «ουραγ'ιζм, для которого монашество есть ранняя фаза, зародышевое состояние, это — земля, почва России или Эллады, и тут ни «любовь к ближнему», ни Христос не играют никакой роли». И в другом месте: «В сложение христианства и судьбу его вошли с могущественным влиянием такие факторы, о каких даже упомина-

ния Христос не делал». Уже из учебников известно, что монашеским христианство стало лишь с течением времени, что таким оно не было в свой «утренний час». И априорно легко понять, что христианством должны были воспользоваться «по-своему» все люди с вывихнутой душой, выбитые из нормы, все эти грешники, убийцы, содомиты. Пришли и воспользовались, облекли аскетическим покровом все христианство, затуманили весь христианский воздух, овладели всеми душами, сделались господствующею силою, просто церковною властью. Все это так, но ведь пришли же они к тому, что не ими создано, овладели чужим, окарикатурили бывшее до них, — и это до того верно, что в минуты откровенности они уже громко вопиют «Что все любовь да любовь! Не в любви дело, а в святом эгоизме», — показывают коготки из мягких лапок. Прямо сказать: монахи не любят Христа и не любят евангелия. На место Христа они поставили монашескую церковь, свою власть, евангелие заменили «аскетическою письменностью». <...> Но иначе нужно оценить труд г. Розанова с другой стороны, как теорию тех фактов, которым она соответствует, как теорию аскетического мистицизма. С этой стороны теорию г. Розанова нужно признать ценным приобретением науки. Всякий мистицизм нужно считать всецело объясненным лишь в том случае, если под него подводится патологический фундамент. Физиология есть метафизика мистицизма: это тезис, твердо установленный в современной науке. Эту задачу по отношению к аскетическому мистицизму и выполнил, блестяще выполнил г. Розанов. Почему мистицизм есть то, что он есть, почему он должен быть этим и не может быть ничем иным, откуда его песнопения, идеалы, идеи, мировоззрение, все это теперь ясно. Речи о совершенстве, которого человек достигает силою воли, постоянным упражнением во имя известных идей, — о таком совершенстве, что в нем погасает всякая похоть, что он становится ангелом во плоти, — все эти речи — пустая болтовня. Дело иначе обстоит. Это совершенство истинного монаха — не результат его подвигов, а исходный пункт всей его психики: оно коренится в его организации, которая не позволяет ему иначе думать, иначе чувствовать. Если же аскетизм не имеет такой физиологической основы, если он оказывается головным идеалом, то вся жизнь такого монаха является, с одной стороны, сплошным мучением, насилием над собою, а с другой стороны — непрерывным и неизбежным лицемерием. Проповедь аскетических идеалов есть не что иное, как навязывание слушателям в качестве идеала — того, что в проповеднике есть лишь естественное свойство: в виде долга на одних налагается то, что естественно и иначе быть не может в других. Уродство немногих служит идеалом для всех. Ужаснейшая фантазматическая. <...> Свобода земной жизни и особенно брачных отношений от аскетического руководства и законодательства — таков практический вывод из книг г. Розанова, вывод необычайной важности. Книгам В. В. Розанова нужно пожелать самого широкого распространения. Их должен прочитать простой обыватель — мужчина и женщина, их должны прочитать наши законодатели, они должны быть настольными книгами у всех интересующихся религиозным вопросом, но особенно желательно слышать отзыв о них со стороны ученого монашества и присяжных богословов» (В-ский <Тарев М. М.>. — Исторический вестник. 1911. № 11).

Из других откликов следует назвать: А. С-н <Столыпин А. А.> Заметки. — НВ. 1911. 25 мая; Аноним. Гроза и публикации. — Киевские отклики. 1911. 28 мая; Петропавловский С. Совлеченные покровы. — Одесский листок. 1911. 18 июня; Лопатин Н. Че-

ловека душевного мрака.— Утро России. 1911. 21 авг.; Лаврский Н. Во власти пола.— Приазовский край. 1911. 6 сент.; Св ящ. И. Филевский. О борьбе с порнографией.— Церковный вестник. 1912. 26 апр.; Е. К.— Жатва. Журнал литературы. 1912. № 1; Сэр Пич Бренди <Трозинер Ф. В.>. Из пестрых впечатлений.— Петербургская газета. 1913. 3 февр.; Хмурый. Хвостов и Парменыч.— БВ. 1913. 5 февр.; Сергей Глаголь <Голоушев С. С.>. Вечные споры.— Утро России. 1914. 21 июня.

С. 8. **Солея* — возвышенное место перед иконостасом в православном храме; часть солен перед царскими вратами называется амвоном.

С. 10 **Сикорский Иван Алексеевич* (1892—1919) — профессор-психиатр, педагог; см. прим. к с. 585 I тома настоящего издания.

** *В. Микулич* (наст. фамилия Веселитская Лидия Ивановна, 1857—1935) — писательница, друг семьи Розанова.

*** *Небесный* (лат.)

**** *Лепсиус Рихард* (1810—1884) — профессор Берлинского университета, основатель школы египтологии; его атлас (1849—1860) содержал 650 таблиц рисунков.

С. 11 **Жрец Кибелы* (лат.)

С. 12 **Моверс Франс-Карл* (1806—1856) — немецкий богослов и востоковед, католический священник; речь идет о его книге «О религии финикиян» (1841—1856).

** *Филарет* (Дроздов Василий Михайлович, 1783—1867) — московский митрополит, церковный писатель и проповедник.

*** См. 3 Цар. 1:1—4; в данном тексте речь идет об одной девушке.

С. 13 **Маймонид* (Моисей бен Маймон, 1135—1204) — знаменитый философ, врач и вероучитель иудаизма.

** Ты прочтешь, что в магической книге предписано: мужу облачаться в женские одежды, когда пред глазами стоит Венера, и точно так же жене облачаться в кольчугу, когда восходит Марс (лат.).

С. 14 **Санхуниатон* — финикиец, переводчик на греческий язык с восточных языков.

С. 15 *Розанов приводит с сокращениями и незначительной стилистической правкой — Введение. I. Христианские подвижники до святых Павла и Антония (с. XI—IV) из книги: Жизнь пустынных отцов. Творение пресвитера Руфина. Перевод с латинского с объяснительными примечаниями инспектора классов Московского епархиального филаретовского женского училища священника М. И. Хитрово. Издание Свято-Троицкой Сергиевой лавры. 1898 г.

Руфин Аквилейский (345—410) — монах, долго живший в египетской пустыне, пресвитер в Аквилее, латинский писатель, переводчик произведений Василия Великого, Григория Назианзина и др., благодаря Руфину сохранились многие сочинения Оригена, в том числе и его труд «О началах».

Хитрово Михаил Иванович (ум. 1895) — священник, автор назидательных брошюр, переводчик «Луга духовного» И. Мосха (Серг. Посад, 1896) и др.

С. 17 *См. Ос. 1:2 и след.

С. 18 *О преп. Пиаммоне см. гл. 32 книги Руфина и прим. к ней М. И. Хитрово.

**Комментарий М. И. Хитрово: Василий Великий. Подвижнические уставы. Гл. 18 и 22.

*** *Климент св. Римский* — четвертый епископ в Риме с 92 по 101 г.; автор «Первого послания к коринфянам» (ок. 96); ему не принадлежат приписываемые два послания «К девственницам», сохранившиеся в сирийском переводе (рус. пер. «Посланий к девственницам» — Труды Киевской духовной академии, 1869).

С. 23 *Одиссея. IX, 2—11. Пер. В. А. Жуковского.

С. 24 *М. Ю. Лермонтов. Сон (1841).

С. 25 *Предисловие свящ. М. И. Хитрово под заглавием «Благочестивому читателю» (Ук. соч., С. III—X) приводится Розановым со значительными сокращениями и стилистической правкой.

С. 28 *До бесконечности (лат.).

С. 29 *В возможности (лат.).

С. 30 *Тареев Михаил Михайлович (1866—1934) — философ и богослов, проф. Московской духовной академии (1902—1918); его IV т. «Основ христианства» (Христианская свобода. Серг. Посад, 1908) содержит также очерк о В. В. Розанове.

С. 35 *Речь идет о русском переводе книги немецкого психиатра Ричарда Крафт-Эбинга (1840—1902) «Psychopatia sexualis», имевшей множество переизданий.

С. 36 *Пирогов Николай Иванович (1810—1881) — анатом, хирург, педагог, общественный деятель; имеется в виду его книга: Вопросы жизни. Дневник старого врача. СПб., 1885. С. 302.

С. 38 *Святая всегда проститутка (лат.).

**Русский пер.: Масперо Г. Древняя история народов Востока. М., 1895; 2-е изд. — М., 1903.

С. 39 *Бругш Г. К. История фараонов. СПб., 1830; Ленорман Ф. Руководство к древней истории Востока до персидских войн. Т. 1—2. Киев, 1876—1879.

**М. Ю. Лермонтов. Выхожу один я на дорогу... (1841).

*** В положении возбуждения (лат.).

С. 43 *Фишер Куно (1824—1907) — немецкий историк философии; его фундаментальный труд «История новой философии» был переведен на русский язык (Т. 1—8. СПб., 1901—1909).

С. 48 *Похоть (лат.).

С. 61. *С кафедры (лат.).

С. 66 *Олесницкий Аким Алексеевич (1842—1907) — проф. Киевской духовной академии по кафедре еврейского языка и библейской археологии; на его исследование «Ветхозаветный храм в Иерусалиме» (СПб., 1889) Розанов опирается во многих своих книгах.

С. 68 *Супруга всего народа, священная супруга священного народа (лат.).

С. 83 *Фоз и О. Брак и нравственная личность. Философский этюд. Харьков, 1908.

С. 95 *Киреевский Петр Васильевич (1808—1856) — фольклорист, составитель сборника «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. 1—10. М., 1860—1874; Рыбников Павел Николаевич (1831—1885) — этнограф и фольклорист. Один из основоположников изучения устного поэтического творчества в России («Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». 4 ч. М., 1861—1867); Шейн Павел Васильевич (1826—1900) — фольклорист и этнограф, педагог; автор книги «Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.» (СПб., 1909).

** Имеется в виду письмо Екатерины Николаевны Дантес-Геккерн (урожд. Гончаровой; 1809—1843) мужу <от 20 марта 1837 г.>. Впервые опубликовано П. Е. Щеголевым: Дуэль Пушкина с Дантесом. Новые материалы. Гл. II. — Исторический вестник. 1905. № 4.

С. 208—210. Ср.: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. М., 1987. С. 284—285.

С. 100 *В массе, в целом (фр.).

С. 101 *Почтенные граждане и матроны (лат.).

**Фактически... Изобразительно (лат.).

***Изображения супружества... изображения разврата (лат.).

С. 104 *См. у Вл. С. Соловьева: «Чувство стыда не есть только отличительный признак, выделяющий человека (для внешнего наблюдения) из прочего животного мира: здесь сам человек действительно выделяет себя из всей материальной природы и не только внешней, но и своей собственной. Стыдясь своих природных влечений и функций собственного организма, человек тем самым показывает, что он не есть только это природное материальное существо, а еще нечто другое и высшее. То, что стыдятся, в самом психическом акте стыда отделяет себя от того, чего стыдятся; но материальная природа не может быть другою или внешнею для себя,— следовательно, если я стыжусь своей материальной природы, то этим самым на деле показываю, что я не то же самое, что она» (Собрание соч. В. С. Соловьева. Т. 8. Оправдание добра. Пг., б. г. изд. С. 53).

С. 105 *Тенеромо (Исаак Борисович Фейнерман, 1865—1925) — журналист, автор многих книг о Л. Н. Толстом: «Живые речи Л. Н. Толстого» (1885—1908). Одесса, 1908; «Л. Н. Толстой о евреях». СПб., 1908 и др.

**Положение обязывает (фр.).

С. 109 *Помешательство не индивида, но рода человеческого (лат.).

С. 113 *По происхождению (лат.).

** Страшно вымолвить (лат.).

С. 114 *Следуя привычным ощущениям, я с удовольствием лег под девицу и предпочел бы поменяться с нею детородными органами (лат.).

С. 115 *Экстракт конопли для введения (лат.).

С. 116 *Настоящее состояние больного (лат.).

С. 117 *Большие губы (лат.).

С. 118 *Зрительного нерва (лат.).

С. 121 *Если бедра мои расставлены, как у женщины, совокупляющейся с мужчиной (лат.).

С. 128 *Андрей Критский (ум. ок. 726), святой, архиепископ, проповедник и гимнолог; его «Великий покаянный канон», содержащий около 250 тропарей, издан А. П. Мальцевым на нем. и церк.-слав. яз.; читается во время Великого поста; «Требник» — название богослужебной книги, содержащей молитвы и священнодействия для разных случаев.

С. 129 *Мужчины с бродячей нуждой... женщины с проституционным инстинктом (лат.).

С. 133 *Соловьев Михаил Петрович (1842—1901) — начальник Главного управления по делам печати.

С. 135 *Селиванов Кондратий Иванович (ум. 1832) — крестьянин Орловской губ., основатель секты скопцов; общины скопцов назывались «кораблями».

С. 136 *См. прим. к С. 187 I т. настоящего издания.

С. 140 *Пашковцы — секта евангелических христиан в России, которую в последней четверти 19 века возглавил полковник в отставке В. А. Пашков; пашковцы предприняли неудачную попытку объединения своей группы с штундистами (см. о них прим. к С. 397 I т. настоящего издания).

С. 145 *Мужчин (лат.).

** Сопитие с животным (лат.).

С. 146 *К мужчинам... к женщинам (лат.).

С. 149 *Дьяченко Григорий Михайлович (1850—1903) — протоперей, религиозный писатель, автор многих книг: «Слова, поучения, беседы и речи» (М., 1898); «Полный годичный круг кратких поучений» (М., 1901), «Духовный мир» (М., 1901) и др.

**Грех (лат.).

С. 154 *Безобразова Мария Владимировна (1857—1914), дочь В. П. и Е. Д. Безобразовых (см. ниже), писательница, философ. В 1891 г. получила степень доктора философии в Берне, инициатор создания Философского общества при Петербургском университете (1897); автор книг: Философские этюды. М., 1892; Мысли, афоризмы и негативы. СПб., 1903; Розовое и черное из моей жизни. СПб., 1910; О безнравственности. СПб., 1911.

Безобразова Елизавета Дмитриевна (1834—1881) — писательница и публицистка, писавшая большей частью на иностранных языках для заграничных изданий.

Безобразов Владимир Павлович (1828—1889) — экономист, академик; в 1873—1880 гг. издавал «Сборник государственных знаний» (т. I—VIII), где были помещены статьи и монографии профессоров Андреевского, Горчакова, Градовского и др., включая самого издателя.

С. 157 *Домохозяйкам ...матерями (нем.).

С. 158 *— Что вы смотрите на меня? — Я изучаю ваш характер (фр.).

С. 159 *Имеется в виду видение Иезекииля (Иез. 1).

С. 160 *Целый свет (фр.).

С. 171 *Розанов В. Брак и христианство. (Моя переписка с православным священником). — Русский труд. 1898. № 47—52 и в кн.: Розанов В. В мире неясного и нерешенного. СПб., 1904. С. 97—136.

С. 176 *Обожание, поклонение (лат.).

С. 178 *В арварин В. <Розанов В.>. — Природа и церковь. — РС. 1911. № 196. 26 авг.

**М и р я н и н. О В. В. Розанове и его «религии» брака (Письмо к редактору). — Русский труд. 1899. № 25. 19 июня; № 26. 26 июня.

С. 179. *В арварин В. <Розанов В.>. — Церковный и вместе космологический вопрос. — РС. 1911. № 195. 25 августа.

С. 182 *Речь идет о свящ. П. А. Флоренском, поправки и дополнения которого Розанов напечатал за подписью «Аноним».

С. 183 *Вейнинггер Отто (1880—1903) — австрийский философ, автор книг «Пол и характер» и «Последние слова» (посмертное издание); покончил жизнь самоубийством вскоре после выхода книги «Пол и характер».

С. 184 *И именно тем самым (лат.).

**Природа вещей (лат.).

С. 185 *Знак (лат.).

С. 186 *Муретов Митрофан Дмитриевич (1851—1917) — богослов, библист, специалист по Новому Завету. Епископ Антоний (Михаил Флоренсов, 1847—1918); с 1898 г. жил на покое в московском Донском монастыре; см. о нем: Иеродиакон Андроник. Епископ Антоний (Флоренсов) — духовник священника П. Флоренского. — Журнал московской патриархии. 1981. № 9—10.

**Мать богов... Великая мать (лат.).

С. 191 *Сами по себе (лат.).

УЕДИНЕННОЕ

Текст печатается по второму изданию: Розанов В. Уединенное. Почти на праве рукописи. Пг., 1916 (первое издание — СПб., 1912). Виньетки, разделяющие афоризмы в прижизненных изданиях «Уединенного», в настоящем томе заменены звездочками.

Первое издание «Уединенного» первоначально было конфисковано комитетом по делам печати, а Розанов обвинен в порнографии по 1001 статье уложения о наказаниях. Окружной суд признал Розанова виновным и приговорил его к десяти дням ареста, постановив книгу уничтожить. С.-Петербургская судебная палата, однако, от наказания автора освободила по указу об амнистии, а книгу — от конфискации по изъятии из нее отдельных мест.

Встреча с «Уединенным» Розанова для многих читателей и критиков оказалась событием, разрушившим привычную соотнесенность писателя и читателя, радикально изменившим представления о роли книги, о «назначении писателя», его «позиции» и его «деле», о сущности самой литературы и о способе философствования. «„Уединенное“ — совсем оригинальная книга, такая, подобным которой в нашей литературе не бывало» (Глинский Б. — Исторический вестник. 1912. № 5); «„Уединенное“ — именно симфония. Философско-лирически-поэтический дневник, совершенно интимный, откровенный, наивный» (Измайлов А. — БВ. 1912. 12 мая); «Розанов в этом отношении удивительный человек, что у него нет ни одной чужой, заимствованной мысли. Он как из рога изобилия высыпает перед вами на стол целый ворох мыслей» (Столпын А. — НВ. 1912. 16 мая); «Не знаю, хороша ли, дурна ли его книга, одно только знаю, что другой такой книги никогда никто не писал» (Б. П. — Волянь. 1912. 15 июля); «Он взял на себя необыкновенную смелость исповедоваться перед нами, признаться в пороках своих, обнажить тайные помыслы, душевные муки и язвы» (Казанцев М. — Приамурская жизнь. 1912. 12 авг.); см. также и другие отзывы: Левин Д. Наброски. — Речь. 1912. 19 мая; Аноним. — Бюллетени литературы и жизни. 1912. № 19. 29 июня; Поселянский Е. <Погожев Е. Н.>. — НВ. 1912. 7 ноября; Захаржевский А. — Огни. 1912. № 29; В. Л. Р. <Рогачевский В. Л.>. — Современный мир. 1912. № 9; Мокиевский П. Обнаженный нововременец. (В. Розанов. Уединенное. Опавшие листья.) — Русские записки. 1915. № 9; Волинский <Флексер А. Л.>. «Фетишизм мелочей». — БВ. 1916. 26 и 27 января; В. Полонский <Гусин В. П.>. Исповедь одного современника. — Летопись 1916. № 2; Аноним. — Странник. 1916. № 2—3; Германов В. Религия быта. (В. Розанов. Уединенное. Опавшие листья.) — Христианская мысль. 1916. № 10.

Неожиданностью «Уединенное» оказалось и для самого Розанова. Написанные в том же жанре последующие сочинения — «Опавшие листья», «Сахарна», «Мимолетное» — были не только продолжением «Уединенного», но и настойчивой попыткой понять смысл своего литературно-философского открытия, вызвавшего к жизни *особую книгу*, в которой интимное должно победить «формализм души».

Очевидно: новизна «особой книги» обусловлена прежде всего уникальностью литературного пространства, созданного «Уединенным», — пространства, в котором одновременно в непосредственном соседстве друг с другом либо радикально разрушены, либо смещены, либо — вопреки всем канонам! — сведены в обновленном единстве

доселе обособленные элементы традиционной литературы: дневниковая запись, афоризм, частное письмо, литературоведческий разбор, теологический комментарий, полемическая реплика, мемуарный рассказ, лирический фрагмент, бытовой факт семейной жизни. Но сами по себе «Уединенное» и «Опавшие листья» вовсе не исповедь, не дневник, не мемуары, не семейная хроника, не литературоведческая эссеистика, не богословский трактат, не собрание философских сентенций. Если, вслед за Розановым, его записи в «Опавших листьях» и можно назвать «афоризмами», то опять-таки с существенной оговоркой: это не дидактические наставления, не логически выверенные формулы и не этические правила, а нечто решительно им противостоящее: настойчивое, несомненно парадоксальное для писателя стремление выйти за пределы того, что до сих пор именовалось «литературой»; причем выйти не декларативно, а средствами самой литературы — на путях «частного», подчеркнуто приватного проговаривания, интимного признания, почти медиумического фиксирования случайных мыслей и мимолетных душевных движений.

На первой же странице «Уединенного» Розанов, разрушая общепринятую дистанцию между читателем и писателем, исповедуется: «Шумит ветер в полночь и несет листы... Так и жизнь в быстротечном времени срывает с души нашей восклицания, вздохи, полумысли, полочувства... Которые, будучи звуковыми обрывками, имеют ту значительность, что «сошли» прямо с души, без переработки, без цели, без преднамеренья, — без всего постороннего...»

Из этих *вздохов, полумыслей и полочувств*, записанных Розановым в ночные часы занятий нумизматикой, во время сочинения или корректуры газетных статей, на прогулке, в вагоне конки, в постели — записанных тут же, на клочках бумаги, на обороте транспаранта, на письмах друзей, — и началась его борьба с «литературным рынком»: осознанное противопоставление рукописного печатному, превращение книги в догутенберговскую словесность «без читателя». Именно таковы «Уединенное» и «Опавшие листья»: книги «на правах рукописи», изданные для каких-то неведомых друзей...

Эта парадоксальность литературного пространства «Опавших листьев» — разом: «к читателю» и «без читателя» — усилена мерцающей стилистикой Розанова: чересполосицей исповедального тона и мальчишеской задиристости, доверительной искренности и лукавой имитации откровенности, музыкальной лиричности и бесцеремонности домашних разговоров, пафоса библейских пророков и мстительного ехидства, взволнованной мечтательности и граничащего с розыгрышем юродства. И что особенно важно: этой разрушительной стилистике подчинены *все* темы «Опавших листьев»: семья, собственная судьба, литература, метафизика, религия, пол, космогония, ежедневные мелочи, слабость, забота, заброшенность, одиночество, смерть.

Из несовпадения стиля и темы, предмета и тона повествования — магическая притягательность прозы Розанова; отсюда же — возникновение новой литературы за пределами «техники», новой книги — за пределами «печати», развращенной рынком «гутенберговской державы».

Сам Розанов много раз пытался определить истоки этой неожиданной для него самой новизны. Об этом немало записей в «Опавших листьях». Но, быть может, одна из наиболее ярких догадок высказана им в рукописном отрывке, помеченном 5 июня 1914 г.:

«...между многими мотивами, *почему* я пишу «Уединенное» (и последующее), есть этот:

Великое спасибо миру.

Нет,— личное, ближе и горячее: не оставить не рассказанным, не выраженным, не «поцелованным» сверх внутреннего тайного поцелуя и явно — то самое прекрасное, самое милое, на чем я рос и воспитался, что мне в жизни помогало, что меня в жизни благословляло. Мне было бы страшно умереть, я не считал бы себя благородным, если бы все это осталось глухо, где-то в тени. О, я хорошо знаю, слишком хорошо, что «замеченные существования» суть самые счастливые и благородные: и чистые; но «все-таки»... может быть *наша внешняя жизнь*, каковою невольно не может не быть жизнь всякого писателя, согреется и надушится благородными «лесными маргаритками», если мы не будем так очень отделяться от частной жизни... Что все, *обыкновенно*, так наглухо заперто от книги...

Я решил немного улучшить книгу, *вообще книгу*, притворив шелку двери. Мне все-таки страшно жалко книг, вообще книг, хотя я с ними и враждую. Но эта вражда поистине «сквозь кровь и слезы».

И книгу я решил переложить «маргаритками»... (ЦГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 223).

«Последующее», о котором говорит Розанов,— это два короба «Опавших листьев»: ведь и «Уединенное» и «Опавшие листья» были для него *одной книгой*. Однако читатели — и прежде всего друзья и поклонники «Уединенного» — восприняли второй короб «Опавших листьев» как совсем иную книгу, в которой Розанов изменил себе: «Вы нарушили тот новый род «уединенной» литературы, который сами же создали» (П. Флоренский); «Короб второй не нравится как всякий повторенный фокус» (П. Перцов); «Ваша книжка все-таки обманывает жизненностью... Это явственно не то» (А. Глинка); «Должен признаться, что в «коробе» меня коробило получавшееся впечатление некоей самопереоценки, приписывания уже не субъективной, а объективной важности некоторым интимным чертам характера и переживаниям личным» (В. Кожневиков). Другие упрекали еще резче: «В этом коробе, кроме листьев, нападала высохшая грязь улицы, разный мусор...», «Со страниц исчезла интимность, общечеловечность...», «Вы ударились в политику, таким размахнулись Меньшиковым, что за Вас больно и стыдно. И жирным шрифтом «Правительство» и еще жирнее «Царь». К чему это, что за лакейство... Куда девались острые мысли и яркие образы первых двух томов?»

Как отнесся к этой критике Розанов? что он сам думал о втором коробе? Ответ на этот вопрос — в его письме к литературоведу А. С. Глинке (Волжскому) от 16 февраля 1916 г.:

«Я не очень расстроился, дорогой Ал. Серг., историей с «Уединенным». Правда, я сперва был *убит*: «как я мог это сделать?» «Как мог продолжать, *по существу не продолжаемое?*» Этим я затер, смел смысл «Уединенного», и мне стало печально и страшно, что погубил любимейшее, что (Вы правду пишете Варе) по существу вышло «случайно», «вырвалось ненароком».

Конечно, я печатать больше при жизни ничего не буду.

Но (спрошу): перечтите 1-ую страницу «Уединенного»: «Шумит ветер в полночь». Там я пишу, что эти «листки» у меня всегда писались в душе, но — не записывались, или записывались очень редко: и — *не печатались* (главное).

Это («листки») есть в сущности всеобщая и вечная литература «всех нас» Но никому не приходит на ум печатать. Собственно — новизна — в напечатании.

Теперь: почему я стал продолжать (печатать)? Из «случайного» вышло «не случайное». Все изобретения происходят случайно: но ими пользуются и их разрабатывают. Из 5—6—10 писем я узнал, что впечатление «Уединенного» было огромное и именно таково, какого мне безумно хотелось от литературы, и чужой, и моей: унежить, растрогать, углубить душу, снять с нее «сюртук» (формальность, внешность).

Я почувствовал, что у *этих* (3—4 женщин, 5—6 мужчин; и 2 «совсем не моего лагеря», позитивисты и политики, «вольтерьянцы») души *прильнули к моей, слились с моею*. Это было не «почитание писателя», а — родное. Ну, вот смысл: «я всегда теперь молюсь о вас и о всех ваших». Это собственно *resumé* и итог: я вошел или вернее меня позвали в дом, в детскую, в спальню, в молельню. «Это совсем другое дело». И — решил продолжать.

У *друзей* — всех — получилось неблагоприятное, нехорошее, некрасивое впечатление (от 2-го короба): но Вы один вполне ясно сказали, отчего: «Вы — осуетились, отравили сами себя своим «Уединенным». Флоренский написал: «Вы наполнили шумом свое «Уединенное», публицистикой. Получилось рациональное и обыкновенное, чего много на рынке и что вообще никому не нужно». Перцов еще жестче: «Это похоже на какой-то повторенный фокус». Это же ужасно.

Самое же «обнажение»: хорошо, если оно «мелькнет», и «нечаянно»: но «*принципиально* ходить голым» — гадко.

Вдруг я почувствовал, что сделал что-то гадкое. — И — около больного! с больным! Меня взял ужас.

И нельзя не сказать, что я прожил с месяц в душевном ужасе.

Душа плакала. Горько. Долго. Погубить то, что я так любил. Что в сущности единственно любил, глубоко и полно, в своих писаниях.

Но увлекла меня правильная мысль, действительно «способная обмануть автора»: уничтожить деланность, деревянность, формализм души. Сделать, чтобы в мире *интимное души* — победило *внешнее души* человеческой.

В этом смысле мне казалось, что именно 3-й том (короб 2) — сильнее и «Уединенного» и т. I «Опавших листьев».

Но...

Смиримся и исповедуем:

«Человек предполагает, а Бог располагает».

Пусть Господь Сам унежит души человеческие...» (ЦГАЛИ. Ф. 142. Оп. I. Ед. хр. 274).

Смирился ли Розанов? Нет, его «уединенное» не закончилось вторым коробом «Опавших листьев». В рукописи остались последующие книги: «Мимолетное», «Сахарна», «Последние листья»... В голодные революционные годы он даже предпринял отчаянную попытку издать что-нибудь из скопившихся «листьев». Тогда это ни к чему не привело...

Множество сокращений имен, названий, понятий, с которыми встречается читатель «Уединенного» и «Опавших листьев», вовсе не шифры; для Розанова — это неотъемлемая часть «домашнего»: рукописного, бытового, интимного. «Друг», «бабушка», «Ш.», «У.» — все это как бы продолжение бытовых записочек, домашних названий, с первого взгляда понятных своим. Такими «своими», «домашними» и намерен видеть Розанов любящих читателей.

«Улицы нет. Дверь крепко заперта. Горит старая русская свечка... Сам я в туфлях и гости мои в туфлях. Тут — «мы»...» (Розанов В. В. Литературные изгнанники. Т. 1. СПб., 1913. С. IX—X).

И здесь читатель, не заглядывая более в комментарий, «помнит», «знает»:

В., В-ря, моя Варя, «друг», «мамочка» — Варвара Дмитриевна Бутягина (урожденная Руднева, 1864—1923), вторая жена Розанова; *Ал. Ад-а, А. А. Р., «бабушка»* — Александра Адриановна Руднева (урожденная Жданова, 1826—1911), мать Варвары Дмитриевны;

«Ш.», «Санюша», «А. М.», «Аля», «наша Аля», «Алюся» — Александра Михайловна Бутягина (1883—1920), дочь Варвары Дмитриевны, падчерица Василия Васильевича;

«У.», «Уед.», «Уедин.» — «Уединенное».

С. 196 *Я римский гражданин (лат.).

Я российский гражданин (лат.).

С. 197 *Неточная цитата стихотворения М. Ю. Лермонтова «Сон» (1841).

**А. С. Пушкин. Евгений Онегин (гл. 8. XLVII).

****Панина Варвара Васильевна* (1872—1911) — певица, исполнительница русских народных песен и цыганских романсов; *Аннушка* — балерина Анна Павловна Павлова (1881—1931).

****Гутенберг Иоганн* (между 1394—99 (или в 1406) — 1468) — немецкий изобретатель книгопечатания; первый европейский типограф.

С. 198 **Турниор* — модная в 80-х гг. XIX в. принадлежность женского платья в виде подушечки, подкладывавшейся под платье сзади ниже талии для придания фигуре пышности.

**Решение о введении всеобщего начального образования с 1912 г. было принято Государственной думой и Всероссийским общеземским съездом в 1911 г.

***«Голос Правды» — петербургская политическая, общественная и литературная газета (1905—1910).

*****Скворцов Василий Михайлович* (1859—1932) — чиновник Синода, редактор журнала «Миссионерское обозрение», издатель ежедневной церковно-политической газеты «Колокол» (1906—1917), в которой Розанов сотрудничал и под своим именем, и под псевдонимом «В. Ветлугин» в 1916 г.

******Штафирка* — презрительное название невоенного человека.

С. 199 *Под «русской реформацией» Розанов имеет в виду деятельность Религиозно-философских собраний (1901—1903), намекая, в частности, на В. А. Тернавцева; собственные занятия нумизматикой и Д. С. Мережковского.

С. 200 *О своем гимназическом увлечении Некрасовым Розанов рассказал в статьях: «Некрасов в пору ученичества» (РС. 1908. 10 янв.) и «Некрасов в годы нашего ученичества» (РС. 1908. 15 янв.). См. также: Розанов В. 25-летие кончины Некрасова. — НВ. 1902. 24 дек.; его же. О благодущии Некрасова. — Мир искусства. 1903. № 4. С. 52—64; В. Ветлугин <Розанов В.>. Из подробностей о Некрасове. — К. 1916. 19 марта; Розанов В. По поводу новой книги о Некрасове. — НВ. 1916. 8 янв.

С. 201 **Розанов Николай Васильевич* (1847—1894) — старший брат В. В. Розанова, после смерти матери взявший на содержание и воспитание двух своих братьев (Василия и Сергея).

С 1870 г. был преподавателем в Симбирске, с 1872 г. — в Нижнем Новгороде; с 1879 г. — инспектор, а затем и директор гимназии в Белом и Вязьме. См. о нем *** <Розанов В. >. Русские педагоги. Несколько замечаний к характеристике Н. В. Розанова. — Педагогический еженедельник (Ревель) 1894. 14 ноября.

*Глумов, Балалайкин — персонажи сатирических произведений Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия», «Круглый год», «В среде умеренности и аккуратности», «Письма к тетеньке», «За рубежом», «Сказки».

***М. Е. Салтыков-Щедрин был вице-губернатором в Рязани, а затем в Твери в 1858—1862 гг.

****Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825—1888) — граф, генерал-адъютант, государственный деятель, с 1880 г. — министр внутренних дел.

С. 202 *Устьинский Александр Петрович (1854—1922) — новгородский священник, протоиерей Дмитровской церкви, друг и многолетний корреспондент Розанова, неумоимо поддерживавший его религиозно-философские поиски на путях оправдания «святости семьи». На обороте фотографии Устьинского сохранилась запись рукой Розанова: «Вот мой милый, вот мой дорогой священник — больше ничего не умею сказать. Люблю, чту, брат мой, наставник мой. Хочу, чтобы письма и портрет его — были изданы после моей «†». Кто-нибудь, любящий меня, сделает. Он был весь — русский. Твердый. Ясный. Скромный... Ах: потом мы с ним вместе уродились в Костроме» (РО ГБЛ. Ф. 249. Ед. хр. 4209).

С. 203 *«Еду ли ночью по улице темной...» (1847).

**Начальная строка стихотворения «Дядюшка Яков» (1867).

***См.: Достоевский Ф. М. Поли. собр. соч. Т. 26. С. 416—417.

****Катилина Луций Сергий (108—62 до н. э.) — древнеримск. полит. деятель; бежал из Рима, собрал войско после неудавшегося покушения на жизнь Цицерона, но был побежден в бою.

*****Об Иловайском см. прим.**** к т. I. С. 581.

С. 204 *Победоносцев Константин Петрович (1827—1907) — обер-прокурор Св. Синода, юрист, издатель книг по вопросам педагогики и религиозной жизни. Победоносцеву Розанов посвятил более десяти газетных статей, порой решительно расходясь в его оценке с господствовавшими мнениями.

**Петров Григорий Спиридонович (1868—1925) — священник, проповедник, либеральный публицист, автор нравоучительных брошюр для народа. В 1907 г. Г. Петров был лишен сана. Первоначально Розанов поддерживал «писателя-целителя» газетными статьями (см., напр., рецензию — НВ. 1901. 17 окт., — перепечатанную Розановым в его книге «Около церковных стен»: Т. I. С. 275—277; З р и т е л ь <Розанов В. В. >. Чтение о Григория Петрова в зале Офицерского собрания 5 декабря. — Слово. 1904, 9 дек.; В. В а р в а р и н <Розанов В. >. В темном и несчастном сословии. — РС. 1907. 18 янв.; его же. Проводили. — Там же. 17 фев.; его же. Как мы встретили свящ. Г. С. Петрова. — Там же. 18 мая; Письмо в редакцию. — Товарищ. 1907. 16 фев.). Впоследствии отношение Розанова к Г. С. Петрову резко изменилось — см. прим. к С. 273.

С. 205 *Момизен Теодор (1817—1903) — немецкий историк-античник, автор многотомной «Истории Рима» (т. 1—5, 1854—1885).

**Проституирующие грешники (лат.).

Стихотворение А. С. Пушкина «К» (1825).

****Вознесенский Константин Васильевич* — товарищ Розанова по Московскому университету.

С. 206 *Имеются в виду русский живописец *Репин Илья Ефимович* (1844—1930) и его вторая жена — писательница *Нордман-Северова Наталья Борисовна* (1863—1914). В 1913 г. Розанов написал о ней едкий фельетон «Женщина-пылесос и ее лекция в зале Тенишевского училища». — НВ. 1913. 8 декабря. В РО ГБЛ сохранились краткие характеристики Розанова, предваряющие письма Репина и его жены: «Репин И. Еф. производил на душу мою прямо какой-то ужас с форнариной своей. Давит, давит, — плоско, глупо, страшно. Задыхаюсь, «пустите вон». А — гений? Какое чудо. И — страх» (Ф. 249. Ед. хр., 4216). «Северова-Нордман — форнарина Репина, почему-то рисуемая им со спины «за литературными занятиями». Спина у нее действительно похожа на (ее) лицо, и одна — выразительна» (Там же).

С. 207 *Имеется в виду публикация в журнале «Современник» за 1860—61 гг. труда Дж. С. Милля «Основания политической экономии с некоторыми из их применений к общественной философии», переведенного и прокомментированного Н. Г. Чернышевским.

***Аксаков Сергей Тимофеевич* (1791—1859) — русский писатель, отец К. и И. Аксаковых. См. о нем: Розанов В. Литературные типы. — НВ. 1911. 15 янв. *Аксаков Константин Сергеевич* (1817—1860) — историк и литератор, представитель раннего славянофильства. См. о нем: Розанов В. Один из «стаи славной». — НВ. 1915. 27 фев.; *Аксаков Иван Сергеевич* (1823—1886) — публицист и общественный деятель, идеолог славянофильства.

Самарин Юрий Федорович (1819—1876) — историк и публицист, славянофил. См. о нем: В. Р-в <Розанов В.>. Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. 4. М., 1911. — НВ. 1911. 30 сент.; его же. Книжные новинки к Новому году. Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. 12. Письма. М., 1911. — НВ. 1912. 3 января.

Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — русский религиозный философ, писатель, поэт, публицист, один из основоположников славянофильства. Розанов посвятил ему статьи: Памяти А. С. Хомякова (1 мая 1804—1 мая 1904). — НП. 1904. № 6; Алексей Степанович Хомяков. К 50-летию со дня кончины его. — РС. 1910. 23 сент.; <О переводе А. С. Хомякова и Литургии Иоанна Златоуста на испанский язык.> — НВ. 1912. 30 сент.; П. А. Флоренский об А. С. Хомякове. — К. 1916. 14 и 22 окт.; Важные труды о Хомякове. — НВ. 1916. 12 окт.

Мордвинов Николай Семенович (1754—1845) — видный государственный деятель в эпоху Александра I; Рылеев воспел его в ст. «Гражданское мужество».

С. 208 **Цебрикова Мария Константиновна* (1835—1917) — литературный критик, писательница, деятельница народнического движения.

**Речь идет о работе Чернышевского «Лессинг, его время, его жизнь и деятельность» (1857).

***Розанов, очевидно, имеет в виду книгу: Чернышевский в С и б и р и. Переписка с родными. СПб., 1912.

С. 209 *Имеется в виду *Пешехонов Алексей Васильевич* (1867—1933) — публицист, экономист, общественный деятель, один из редакторов журнала «Русское богатство»; в 1910 г., вслед за П. Б. Струве, выступил с резкими обвинениями Розанова (их полемику см.: Пешехонов А. Бесстыжее светило, или Изобличенный даурушник. — Русские ведомости. 1910. 2 дек.; Розанов В. Откры-

тое письмо Пешехонову и вообще нашим «социал-сутенерам». — НВ. 1910. 15 дек.; Пешехонов А. Вместо ответа г. Розанову. — Русские ведомости. 1910. 17 дек.).

****Мякотин Венедикт Александрович** (1867—1937) — публицист, историк, политический деятель; **Петрищев Афанасий Борисович** (1872—1938) — публицист, писатель; **Короленко Владимир Галактионович** (1853—1921) — писатель; все они — сотрудники журнала «Русское богатство».

*****Зубатов Сергей Владимирович** (1864—1917) — начальник Московского охранного отделения (1896—1902).

******Иванчин-Писарев Александр Иванович** (1849—1916) — журналист, революционер-народник, один из редакторов журнала «Русское богатство».

*******Горнфельд Аркадий Георгиевич** (1867—1941) — литературовед, критик, сотрудник журнала «Русское богатство».

С. 210 ***Башкирцева Мария Константиновна** (1860—1884) — русская художница, жившая и умершая в Париже; автор знаменитого «Дневника», написанного на франц. языке и частично изданного в 1887 г. (Т. 1—2, Париж; русский пер. — 1887 (отрывки), полностью — 1892).

****Каблуков Сергей Платонович** (1881—1919) — преподаватель математики в женской гимназии А. П. Никифоровой, секретарь петербургского Религиозно-философского общества (1909—1913); после нескольких лет дружбы Розанов был в ссоре с Каблуковым.

*****Стечкин Николай Яковлевич** (1854—1906) — журналист, критик, сотрудник журнала «Русский вестник», где в 1903—1904 гг. выступал с грубыми нападка на Розанова.

С. 211 ***Формальная причина** (лат.).

С. 213 ***Писатель и литературный критик Борис Александрович Садовской** (1881—1952), близко знавший Розанова, так прокомментировал эту запись: «В «Уединенном» есть отрывок «Голубая любовь», где упоминается о бывшей невесте Константина Леонтьева, З. Я. Остафьевой, важной даме, начальнице Нижегородского Мариинского института. Из двух ее дочерей одна и была голубою любовью «рыжего Васеньки», как звали Розанова одноклассники» (Садовской Б. А. Заметки. — Новый журнал (Нью-Йорк) 1978. Кн. 133. С. 142—143).

****Морозов Николай Александрович** (1854—1946) — революционер-народник, писатель, ученый, провел в тюрьме 1881—1905, 1912—1913 годы. Его «Письма из Шлиссельбургской крепости» были впервые напечатаны в журнале «Вестник Европы» (1909. №№ 1—3, 5—7); в заключении им же было написано и псевдонаучное исследование «Откровение в грозе и буре. История возникновения Апокалипсиса» (СПб., 1907), посвященное астрономическому толкованию Нового Завета. Розанов написал о нем статью «Новый Робинзон» (НВ. 1910. 13 апреля).

*****Гельфман Геся Мироновна** (1852—1882) — член партии «Народная воля», хозяйка конспиративной квартиры, где хранился динамит, использовавшийся при покушении на Александра II в 1881 г. Умерла в тюрьме после рождения ребенка.

Фрумкина Фрума Мордуховна (ум. 1907) — террористка, член московской организации социал-революционеров; была приговорена к смертной казни.

С. 214 ***Бердягин Максим** (ум. 1907) — член московской организации с. р., террорист; покончил с собой в заключении.

***А. С. Пушкин. «Евгений Онегин». Гл. LI.**

С. 215 *М. Е. Салтыков-Щедрин. Пестрые письма. Письмо I. (1884).

**Неточная цитата из «богатырской сказки» Н. М. Карамзина «Илья Муромец» (1794)

С. 216 *На даче в Луге семья Розанова провела лето 1911 г.

С. 217 *Виленин Николай Максимович (1855—1937) — поэт, писатель, философ, выступавший под псевдонимом «Минский». В заметке «Забвенная душа. (Ответ В. В. Розанову)» Минский вынес суровый приговор розановской философии: «Заветная мечта Розанова — заменить культ Мадонны не культом Изида или Венеры, а любезным сердцу Карамазова культом Лизаветы Смердящей <...>. В известном смысле Розанов, быть может, победил, ибо он, а никто другой, должен быть признан духовным отцом русского идейного хулиганства <...>. Я в Розанове чувствую напряженность и силу. Но все его переживания запечатлены психологией человека низшей расы» (Минский Н. На общественные темы. СПб., 1909. С. 245).

С. 218 *Имеется в виду шумный уголовный процесс 1910 г. об отравлении чиновника Министерства внутренних дел В. Д. Бутурлина графом П. П. О'Бриен де-Ласси, которого соучастники преступления между собой называли «Бранделяс». Этому процессу Розанов посвятил фельетон: В. В а р в а р и н. Де-Ласси и Панченко. — РС. 1910. 27 мая. См. также: Кошк о А. Ф. Очерки уголовного мира царской России. Париж, 1929.

**Ревекка Юльевна Эфрос. В одной из неопубликованных заметок Розанова сохранилась следующая запись: «Ревекка Юльевна Эфрос. «Миква» в «Уедин.» вызвана разговором с нею. Бог с нею — в конце она возненавидела меня. Прошла какая-то тусклая тень (разговор Шуры с Вальман), что она как будто любит меня, или «что-то вроде этого». И слова Шуры, почти об этом говорившие, прервались» (ЦГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 725). На письме Р. Ю. Эфрос, возмущенной статьей Розанова «Иудейская тайнопись» (НВ. 1911. 11 дек.), приписка Розанова: «Ну, Господь с тобой, возмущенная душа. Конечно, ты хорошая девушка. Я думаю — лучше Столпнера и уж гораздо лучше Гершензона». Устройству и роли «миквы» (слово, употреблявшееся в просторечии русскими евреями) посвящен специальный «Трактат Микваот» в Талмуде; см.: Талмуд. Мишна и Тосефа. Пер. Н. Переферковича. СПб., 1904. Т. 6. С. 480—521.

С. 220 *Тайная мистерия (лат.).

**Возможно, Розанов имеет в виду статью В. Покровского «„Discipline arcahe“ в древней христианской церкви» (Вера и разум, 1895); статья К. Сильченкова, напечатанная в том же журнале за 1901 г., называлась «„Тайноводственное учение“ и приготовление верующих к принятию в св. церковь в первые века христианства».

С. 223 *Полет, желание (лат.).

**Каток (англ.).

***Противоречие в определении (лат.).

С. 224 *Шперк Федор Эдуардович (1872—1897) — философ, поэт и критик, автор брошюр «Философия индивидуальности» (1895), «Книга о духе моем» (1896), «Диалектика бытия» (1897) и др.

**О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. С аналитическими таблицами, раскрывающими содержание идеи понимания и указывающими соотношение между ветвями науки как цельного знания (М., 1886. 737 с.) — первая книга В. В. Розанова.

****Метерлинк Морис* (1862—1949) — бельгийский поэт и драматург, в начале века был одним из наиболее чтимых авторов в кругу символистов. Небольшое эссе о нем Розанова можно найти в книге: *Метерлинк Морис. Сочинения в трех томах.* СПб. (Б. г. <1909>). Т. 1. С. 345—350.

С. 225 *Конец — делу венец (лат.).

***Родицев Федор Измайлович* (1856—1933) — публицист, член I Государственной думы, деятель кадетской партии.

С. 226 *Имеется в виду публикация Ветринского Ч. <Чехизин Василий Евграфович>: Молодость Глеба Успенского. Биографические заметки. — *Русская Мысль*. 1911. № 6, 7.

С. 230 *Речь идет о *Струве Петре Бернгардовиче* (1870—1944) — экономисте, общественном деятеле и публицисте, редакторе журнала «Русская мысль» (1907—1918), на страницах которого он напечатал статью: «В. В. Розанов — большой писатель с органическим пороком» (1910. № 11), вызвавшую ответные выступления Розанова (Литературные и политические афоризмы. — НВ. 1910. 25 и 28 ноября, 9 декабря) и бурную реакцию почти всей русскоязычной прессы того времени. Многие современники восприняли статью Струве как начало систематической травли Розанова со стороны либеральных кругов.

С. 231 **Нурри-бей Осман* — коллекционер античных монет, знакомый Розанова.

**Имеется в виду герой романтической поэмы Байрона «Манфред» (1817). Под «сологубовским зудом» Розанов имеет в виду творчество Ф. Сологуба (Федора Кузьмича Тетерникова, 1863—1927) — русского поэта и писателя-символиста, некоторые произведения которого (напр., «Мелкий бес» или «Навыи чары») пронизаны мотивами садо-мазохистской эротки.

***Статья П. П. Перцова «Между старым и новым» (НВ. 1911 23 июля) была посвящена книге Б. Грифцова «Три мыслителя. В. Розанов. Д. Мережковский. Л. Шестов» (М., 1911).

С. 233 *Имеется в виду *Юлия Алексеевна Каминская* — подруга В. Розанова по Нижнему Новгороду.

С. 234 *От имени жены — Варвары Дмитриевны Бутягиной — Розанов взял псевдоним *В. Варварин*, которым подписывал свои статьи в РС за 1906—1911 гг.

С. 235 *См.: Исх. 24 : 17.

***Соколов Николай Дмитриевич* (1870—1928) — присяжный поверенный.

****Афанасьев Николай Иванович* (1864—?) — журналист, секретарь НВ; автор очерка о В. Розанове в кн.: *Афанасьев Н. И. Современники. Альбом биографий.* СПб., 1909. Т. 1.

С. 236 **Гапон Георгий Аполлонович* (1870—1906) — священник, казненный эсерами как провокатор; *Витте Сергей Юльевич* (1849—1915) — министр финансов и глава кабинета министров.

***Столыпин Александр Аркадьевич* (1863—1925) — публицист, сотрудник НВ, брат премьер-министра Петра Аркадьевича Столыпина.

С. 239 *Розанов путешествовал по Германии летом 1910 г.; свои впечатления он изложил в серии статей под заглавием «Дневник туриста» (НВ. 1910. Июль — август); *Эйджунен* — Берлин — начало путешествия по Германии.

***Михайловский Николай Константинович* (1842—1904) — теоретик народничества, литературный критик, публицист, автор ряда язвительных статей, направленных против Розанова: *Письма о разных разностях.* — *Русские ведомости*. 1891. 25 июля; О г. Розанове. —

Русское богатство. 1899. № 12. С. 150—168; О г. Розанове и о том, почему он отказывается от наследства.— В кн.: Михайловский Н. Литературные воспоминания и современная смута. СПб., 1905. С. 378—417; О г. Розанове, его великих открытиях, его маханальности и философической порнографии.— В кн.: Михайловский Н. К. Последние сочинения. СПб., 1905. Т. II. С. 226—252. Выпады Михайловского вызвали, в свою очередь, и полемические отклики Розанова: Может ли быть мозаична историческая культура? — Московские ведомости. 1892. 20 июля; Еще о мозаичности и эклектизме в истории.— Там же. 17 октября; Писатель семидесятых годов. Н. К. Михайловский.— НВ. 1900. 16 июня; Счастливый обладатель своих способностей.— Мир искусства. 1902. № 9—10; Критика г. Михайловского.— НВ. 1902. 1 сентября; ср. Февральские потери <О смерти Н. К. Михайловского>.— НВ. 1904. 3 марта.

***Сопоставление Розанова с Ницше — сквозная тема в толковании розановских идей Д. С. Мережковским: «Почему же Ницше не узнал Христа? Откуда этот ужас, откуда эта ненависть ко Христу, которая заставила Ницше объявить себя «антихристом»? <...> Помогло бы ответить на этот вопрос явление антихристианства более страшное, чем Ницше. Это явление — В. Розанов. <...> Христороборство Розанова есть нечто небывалое, не имеющее себе подобного во всем историческом христианстве. <...> Отступление Розанова — не только неизбежный вывод прошлого, но и необходимая предпосылка будущего. Если бы не отступил он, или, вернее, не отступился на великом рубеже, отделяющем христианство от Апокалипсиса, то не было бы и тех, кто соединит их последним соединением» (Мережковский Д. С. Революция и религия.— Русская мысль. 1907. № 2, 3, и в кн.: Полн. собр. соч. Д. С. Мережковского. М., 1914. Т. 13. С. 71—81). Религиозную задачу «последнего соединения» и пытался решить сам Мережковский.

С. 242 *Изгоев (Ланде Александр (Аарон) Соломонович; 1872—1935) — публицист; его статья «На перевале. Университетские дела» была опубликована в № 8 журнала «Русская мысль» за 1911 г.

**Кассо Лев Аристидович (1865—1914) — министр народного образования в 1910—1914 гг. В 1911 г. по его указанию из Московского университета было исключено несколько тысяч студентов и уволено более ста преподавателей.

***Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. А. С. Изгоев опубликовал в «Вехах» статью «Об интеллигентной молодежи»; Гершензон Михаил Осипович (1869—1925) — историк литературы, публицист (статья «Творческое самосознание»); Булгаков Сергей Николаевич (1871—1944) — философ, экономист, священник, богослов. В сборнике «Вехи» опубликовал статью «Геронизм и подвижничество».

С. 243 *Боборыкин Петр Дмитриевич (1836—1921) — русский писатель и драматург, близкий к натурализму; автор социально-бытовых романов. Розанов относился к нему с неизменной иронией. Статья А. Измайлова «За 75 лет» появилась в РС (1911. 14 авг.).

**Альбова Александра Александровна — жена петербургского священника И. Ф. Альбова, знакомая Розанова.

С. 247 *Польский пианист и композитор Иосиф Казимеж Гофман (1876—1957) в 1895—1913 гг. выступал с концертами в Петербурге.

С. 249 *См. прим.* к С. 201.

С. 250 *Н. А. Некрасов. Рыцарь на час (1862).

****Корней Иванович Чуковский** (псевдоним Корнейчукова Николая Васильевича, 1882—1969) — литературный критик, литературовед, переводчик, детский писатель. О Розанове Чуковский писал неоднократно: см., например: Прохожий и революция (газ. «Свобода и жизнь». 1906. 16 октября); Открытое письмо В. В. Розанову. — Речь. 1910. 24 окт.; Андреев в русской критике по статьям Розанова <...> — В его кн.: Леонид Андреев большой и маленький. СПб., 1908. Полемически заостренную характеристику Чуковского — литературного критика Розанов дал в статье «Богатый и убогий» — НВ. 1911. 22 марта: «Странно. Пишет превосходно, а впечатлений нет. Уж много лет пишет, а никак не скажешь: «вот какую мысль проводит этот писатель». Очень странно для писателя: не проводит никакой мысли. Что же он пишет? — «А так, пишет. И превосходно пишет». В каком роде? для чего? — «Он, собственно, клюется. Ключул одного. Ключул другого». — «Да для чего?!» — «А так, чтобы вышло осязательное впечатление. Больше ни для чего»... Странно... Не столько писатель, сколько воробей: потому что, если Чуковского самого спросить, на кого он походит, на орла или воробья, то он, залившись краской стыда, смущенно и невнятно пробормочет: «Конечно, на воробья, орлиного во мне ничего нет. И я клюю все маленькое, маленьким клювом и маленькие зернышки». В самом деле, страсть его разбирать все мелочи, писать о мелочах в писателе, и, по возможности, о мелочах в самом мелком писателе, которого и не читает никто, которого даже почти никто и не знает, — изумительна! Поистине, это критик о Вербицкой. Послушайте: он ни за что в свете и никогда не напишет статьи о Толстом и Достоевском. Самая талантливая его статья-лекция была... о Нате Пинкертоне в русской литературе и о кинематографе как отделе литературы!» О репинском портрете Чуковского: «Руки с искривленными пальцами — когтями хищной птицы. Этот господин что-то вечно делает руками, — и он должен быть или притеснитель, или фокусник, или... хуже: когти говорят о «хуже»... Фигура откинулась назад, к спинке кресла, — предовольная собою <...> «Этот господин преуспевает; несчастья с ним не может быть». И действительно, — лицо полно улыбки и каждой черточкой говорит: Как я талантлив! Боже мой, как я талантлив!»

С. 251 *Имеется в виду философ Иммануил Кант.

****Равенство (фр.).**

*****Данилевский Николай Яковлевич** (1822—1885) — публицист, естествоиспытатель, философ, автор книг: Дарвинизм (Т. 1—2. СПб., 1885—1889), Россия и Европа (СПб., 1869). Розанов посвятил ему несколько статей: Вопрос о происхождении организмов. «Дарвинизм». Критическое исследование Н. Я. Данилевского. — РВ. 1889. № 5; Рассеянное недоразумение. Н. Н. Страхов. Взгляды Г. Рюккерта и Н. Я. Данилевского. — НВ. 1894. 9 ноября; Поздние фазы славянофильства. Н. Я. Данилевский. «Россия и Европа». — НВ. 1895. 14 февраля.

С. 253 *Лаццарони (ит.) — нищий, босьяк, бездельник.

****Филолог и историк Буслаев Федор Иванович** (1818—1897), историк литературы, академик Тихонравов Николай Саввич (1832—1893), историк Ключевский Василий Осипович (1841—1911), историк Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879) — профессора историко-филологического факультета Московского университета, где учился Розанов. О каждом из них Розанов написал либо статьи, либо библиографические заметки.

С. 256 **Кутлер Николай Николаевич* (1859—1924) — политический деятель кадетской партии, член II и III Государственной Думы от Петербурга.

***Шарапов Сергей Федорович* (1855—1911) — публицист. Розанов сотрудничал в его еженедельнике «Русский труд» (1897—1899).

****Гарнак Адольф фон* (1851—1930) — известный немецкий богослов-протестант, уроженец Прибалтийского края.

****Семь писем М. Горького к Розанову (1905—1912) и его пометы на книгах Розанова были опубликованы в сб.: Контекст 1978. Литературно-теоретические исследования. М., 1978; письма Розанова к Горькому (1905—1912) впервые появились в берлинском журнале «Беседа» (1923. № 2), а затем в журнале «Вопросы литературы» (Бочарова И. О «безвидной дружбе». — 1989. № 10) и в кн.: Розанов В. В. Мысли о литературе. М., 1989.

С. 257 *Речь идет об издателях-публицистах консервативного направления: *Грингмут Владимир Андреевич* (1851—1907) — редактор газеты «Московские ведомости»; *Катков Михаил Никифорович* (1818—1887) — редактор журнала «Русский вестник»; *Мещерский Владимир Петрович* (1839—1914) — редактор жур.-газ. «Гражданин». Сам Розанов многократно печатался во всех этих изданиях.

***Рцы* (*Романов Иван Федорович*, 1861—1913) — публицист, писатель, издатель журнала «Летописец» (1904), автор книг «Листопад» (1892), «Червоточина истории» (1906), друг Розанова. См. отклики и статьи Розанова: Заметки на статью Рцы «Бесмертные вопросы». — В сб.: Сущность брака. М., 1901; его же, Замечательная статья (Рцы. «Нагота рая — эстетическая теорема»). — НП. 1903. № 5; В. Варварин <Розанов В.>. Среди людей «чисто русского направления». — РС. 1906. 24 ноября; его же. Иван Федорович Романов («Рцы»). — НВ. 1913. 22 мая. Письма И. Ф. Романова к В. В. Розанову были опубликованы в «Новом журнале» (1985. № 159, 160). *Флоренский Павел Александрович* (1882—1937) — священник, религиозный философ, богослов, ученый. Розанов чрезвычайно высоко ценил о. П. Флоренского и выделял его из кружка «московских славянофилов» (См.: Розанов В. Густая книга. — НВ. 1914. 12 и 22 февр.; П. А. Флоренский об А. С. Хомякове. — К. 1916. 14 и 22 окт.; Важные труды о Хомякове. — НВ. 1916. 12 окт.).

В одной из неопубликованных заметок 1914 г. Розанов так сформулировал свое отношение к Флоренскому: «Павел Флоренский — особенный человек и м. б. это ему свойственно. Я его не совсем понимаю. Понимаю на $\frac{1}{2}$; на $\frac{3}{4}$, но на $\frac{1}{4}$ во всяком случае не понимаю. Наиболее для меня привлекательное в нем: тонкое ощущение другого человека, великая снисходительность к людям, — и ко всему, к людям и вещам, великий вкус. По этому превосходству ума и художества всей натуры он единственный. Потом привлекательно, что он постоянно болит о семье своей. Вообще — он не solo, не «я», а «мы». Это при уме и кажется отдаленных замыслах — превосходно, редко и для меня по крайней мере есть главный мотив связанности. Вообще мы связываемся не на «веселом», а на «грустном», и это — есть. Во многих отношениях мы противоположны с ним, но обширную натурой и умом он умеет и любит вникать и трудиться с «противоположным». Недостатком его природы я нахожу чрезвычайную правильность. Он — правильный. Богатый и вместе правильный. В нем нет «воющих ветров», шакал не поет в нем «заунывную песню». Но ведь по существу — то, что в «ветре», что в «шакале». — «Ах, искушали меня эти шакалы». В нем есть кавказская твердость, — от тамошних

гор, и нет этой прекрасной, но и лукавой «землицы» русских, в которой «все возможно» и «все невозможно». Господь да благословит его в путях его» (ЦГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 225).

Высоко ценил талант Розанова и Флоренский; их многолетняя переписка неизвестна современным исследователям: после смерти Розанова Флоренский, с согласия родственников писателя, взял свои письма назад. Идеи и литературные взаимоотношения Розанова и Флоренского нуждаются в обстоятельном анализе (первые подступы к теме см.: И в а с к Ю р и й. Розанов и о. Павел Флоренский. — Вестник РСХД (Париж). 1956. № 42. С. 22—26; П а л и е в с к и й П. Розанов и Флоренский. — Литературная учеба. 1989. № 1. С. 111—115; см. также письмо П. А. Флоренского от 5—6 сентября 1918 г к М. И. Лутохину с характеристикой Розанова. — Литературная учеба. 1990. № 1. С. 88).

***Тентетников — персонаж из второго тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.

****Страхов Николай Николаевич (1828—1896) — философ, литературный критик и публицист. Розанов называл Страхова «своим крестным отцом в литературе» (Р о з а н о в В. Литературные изгнанники. Т. 1. С. X) и действительно в раннем периоде своего творчества испытал заметное влияние Страхова. «За ним «никто не шел», да и трудно было за ним идти, ибо он сам никуда не шел, — вспоминал Розанов. — Что же он делал?! Он стоял около «вечных истин», немногих в религии, немногих в философии, немногих в искусстве, даже в публицистике — немногих; не у него (Страхова) — немногих, а в деле *самом* — немногих; и не отходил отсюда, и умолял других не отходить. Здесь, таким образом, в смертной для успеха части его существа — лежала и бессмертная часть этого же существа <...> Тайна Страхова вся — в мудрой жизни и мудрости созерцания. Сюда-то он и звал, сюда-то он и *сам пришел*, — и недалеко, всего «на Торговую улицу»; и вместе очень далеко — ибо это была вечность» (Ук. соч.. С. X—XI; в этой же книге опубликованы письма Страхова к Розанову с его примечаниями и статьи Розанова о Страхове). См. также: Р о з а н о в В. Смена мировоззрений. Н. Страхов. Философские очерки. СПб., 1895. — Русское обозрение. 1895. № 7. С. 193—207 и в кн.: Р о з а н о в В. Природа и история. СПб., 1900. С. 149—160; его же. К литературной деятельности Н. Н. Страхова. — НВ. 1902. 22 авг.; его же. Идеи споры Л. Н. Толстого и Н. Н. Страхова. — НВ. 1913. 24, 28 ноября и 4 декабря; его же. Наброски. — НВ. 1914. 21 июня.

*****Тигранов Фаддей Яковлевич — автор книги «Кольцо Нибелунгов. Критический очерк». СПб., 1910. В письме к Б. А. Грифцову от 5 апреля 1912 г. Розанов так прокомментировал это место «Уединенного»: «Тигранов — совсем мальчик, лет 23—26, и нет 30. 1/2 перс, 1/2 русский; матовое, смуглое лицо. Весь «полон решпектов», но на самом деле *железно* тверд в себе, спокоен. Не ищет казаться умным (почти главный признак ума). Жестоко отрицает национализм — персидский, русский, всякий. Все мелочи? Но у меня на исключительный ум есть какой-то «глаз», и я помню, что когда он у меня был, не только я его не «вел в поводу», а скорее он меня, без усилия, «вел в поводу»: а — мальчик. Что-то достойное, серьезное и смеющееся. Черт знает. Неуловимый талант: так мне показалось. Это было вскоре после удара жены, и я еле-еле смотрел на него и слушал.

Поразительно, однако, глубоко Флоренский, Рцы и † Шперк: я не умел ничего о них выразить. Черта: все не искали казаться умными, начитанными, etc., и все, входя с Вами в общение, — ничего не навязывали.

вали: но жадно ловили всякий листочек, всякую ниточку из реального мира, из Ваших наблюдений или мыслей о реальном, что помогало бы уяснить реальное же. Пафос *цели* — реальный мир, даже реальные «мелочи»; метод пусть опять, пожалуй, в подробностях реальный, но в целом — в высокой степени идеальный и даже мистический. Не умею объяснить. Нужно видеть <...>» (Наше наследие. 1989. № 6. С. 61).

******Столлнер Борис Григорьевич* (1871—1967) — философ и переводчик философских трудов, в том числе сочинений Гегеля, сотрудник «Еврейской Энциклопедии» (1908—1913).

«Ссора наша и расхождения начались из-за того, что он решительно ненавидел Достоевского, — писал Розанов в одной из неопубликованных заметок, — ненавидел такую ненавистью, как я ни у кого не встречал, «за его двуличное отношение к еврейскому вопросу» <...> Я почувствовал, что Столлнер не любит русского народа» (ЦГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 725). Свое отношение к Столлнеру Розанов публично высказал в статье «На лекции о Достоевском». — НВ. 1909. 4 июля.

С. 258 **Грубер Иоганн Готфрид* (1774—1851) — немецкий историк науки и литературы.

С. 259 **Слабоумное (фр.)*.

**Речь идет о Вл. С. Соловьеве. См. его стихотворение «Das Ewig-weißliche. Слово увещательное к морским чертям» (1898); ср. также его рассказ, относящийся к 1898 году, записанный Н. Макшеевой: «Ехал я на пароходе; вдруг почувствовал, как что-то сдвинуло мне плечи; я увидел белое туманное пятно и услышал голос: «А попался, длинный, попался!» — Я произнес самое сильное заклинание, какое существует: «Именем Христа Распятого!» Дьявол исчез, но весь день я чувствовал себя разбитым» (Макшеева Н. Воспоминания о В. С. Соловьеве. — Вестник Европы. 1910. № 8. Розанов пересказывает этот эпизод в своей статье «Французский труд о Влад. Соловьеве» (Новое слово. 1911. № 7).

****Монтионовские премии* — «Премии за добродетель» и «Премии за полезнейшее для французского общества сочинение», учрежденные при французской академии филантропом Антуаном-Оже, бароном де-Монтионом (1733—1820).

С. 260 *А. С. Пушкин. Воспоминание (1828).

С. 261 **Сесострис* — греческое прочтение имени Сенусерт, которое носили три древнеегипетских фараона XII династии (эпоха Среднего Царства).

****Рентельн Карл Владимирович* — петербургский врач.

С. 263 **Шернваль Леонид Робертович* — врач, лечивший жену Розанова.

С. 266 **Филевский Иоанн Иоаннович* (1865—?) — священник, профессор Харьковского университета, корреспондент Розанова и его оппонент в вопросах семьи и брака; о М. П. Соловьеве и К. П. Победоносцеве см. прим. * к С. 133, прим. * к С. 204, а также Розанов В. М. П. Соловьев и К. П. Победоносцев о бюрократии. — Новое слово. 1910. № 1. С. 18—22. *Дроздов Николай Георгиевич* — протонерей, сотрудник газ. «Колокол», часто полемизировавший с Розановым; *Глубовский* — розановская ошибка в написании: речь идет о петербургском профессоре богословия Глубоковском Николае Николаевиче (1863—1937), многолетнем корреспонденте Розанова; *Щербова Надежда Романовна* (1872—1911) — писательница, сотрудница журнала «Русский паломник»; ее памяти Розанов посвятил статью «Невидимые хранители церкви». — НВ. 1911. 17 мая (ее

муж — *Иван Павлович Щербов* («вечно спит») упоминается Розановым на С. 290.

С. 267 **Гермоген* (*Долганов Григорий Ефремович*, 1858—1919) — епископ Саратовский; в 1911 г. выступил на Казанском миссионерском съезде с инициативой анафематствования Розанова. В 1912 г. за выступление против Распутина еп. Гермоген был уволен из Синода и переведен из Саратова в Мирвицкий монастырь. Розанов выступил в НВ в защиту еп. Гермогена (см.: *Розанов В.* Может быть тревожный час истории. — НВ. 1912. 19 янв.; его же. Посещение преосвященного Гермогена. — НВ. 1912. 22 янв.).

***Сергий* (*Страгородский Иван Николаевич*, 1861—1944) — епископ Финляндский, председатель Религиозно-философских собраний, ректор Петербургской духовной академии.

Федоров Михаил Михайлович — редактор «Литературного приложения к Торгово-Промышленной газете», где сотрудничал и Розанов.

Антоний (*Вадковский Александр Васильевич*, 1846—1912) — митрополит Петербургский.

***Целиком, полностью (*фр.*).

***Имеется в виду священник Дмитрий Адрианович Жданов, крестный Варвары Дмитриевны, брат ее матери.

С. 268 *Речь идет об ударе, постигшем В. Д. Бутягину, жену Розанова. Дочь Розанова, Надежда Васильевна, так описала этот роковой день в своих неопубликованных «Воспоминаниях» (рукопись): «Наступило 26 августа. И с этого дня весь дом повалился на бок. Мама сидела за столом, — в белом матинэ, довольная и цветущая, — и разливала кофе. Потом папа и все дети разошлись по комнатам, а я осталась с Васей, мамой и Домной Васильевной за столом. Мама мыла чайную посуду, а я передавала чашки. Вдруг она, держа полотенце, подняла руку и, указывая Домне Васильевне на оставшуюся недомытой чашку, начала: «Передайте, пожалуйста...» и, оборвав фразу, зашевелила губами, ее рука упала, и всем телом мама стала клониться набок и тяжело повалилась на пол... Мы кинулись к ней, запрыгали. Сбежались все. Папа, растерянный, с трясущимися губами, стал трясти маму за спину, думая, что она чем-то подавилась. Мама задыхалась и делала какие-то гримасы. Ее понесли на бакон, — мама все так же мучительно задыхалась, а вместо слов из рта ее вырывалось какое-то мычание.

Мы, дети, сбились в кучку, дрожа от страха и ничего не понимая, что случилось. Помню, как маму унесли в спальню, вызвали врача. Врач констатировал паралич...

Когда я приоткрыла дверь в одну из комнат, — то увидела папу. Он лежал ниц перед иконой и рыдал. Казалось, что кто-то подрубил ему ноги, и он всем телом рухнул на пол» (Частн. архив).

С. 269 *Имеется в виду рецензия на книгу Розанова «Около церковных стен», включенная в сборник Д. В. Филоsofova «Слова и жизнь. Литературные споры новейшего времени (1901—1908 гг.)». СПб., 1909. «Как бы ни относиться к идеям Розанова, — писал Филоsoфов, — нельзя не поддаться обаянию его стиля. Тут — Розанов истинный творец новых ценностей. Трисотэны всех толков, конечно, найдут много «ошибок» и неловкостей в стиле Розанова. Читатель, привыкший к чтению наших интеллигентско-газетных статей, теряется, читая Розанова. Так цветист, ярко-индивидуален его стиль. При нашей тенденции к «обобществлению» не только орудий производства, но и орудий мысли — слова, — резкая индивидуальность языка запугивает и мешает оценить значение Розанова в истории русской

речи. После Пушкина, Тургенева, Достоевского, когда казалось, русский язык достиг предела своей яркости и богатства, Розанов нашел новые его красоты, сделал его совсем иным, — и притом без всякого усилия, без всякой заботы о «стиле». Флобер иногда целыми днями бился над одной фразой. Так же упорно работали над языком Тургенев, Мопассан; Розанов его творит бессознательно, по вдохновению, как по наитию он творит и свои самые драгоценные идеи. Иногда он с поразительной непринужденностью выступает в публику, «не причесавшись», не смущаясь теми условными законами «приличия», которыми связаны даже самые радикальные представители русского общества. За это он не раз — и довольно заслуженно — встречал упреки в цинизме, в «юродстве», в «неграмотности». Но Розанова не переделаешь. Заставить его переделать свою статью — нельзя никакими силами. Он написал ее как написало, и никакие ее исправления, даже технически, невозможны» (С. 149).

****Блюнчли Иоганн Каспар** (1808—1881) — швейцарский ученый-юрист, автор многочисленных трудов по государственному и международному праву. На русский перевод его книги «История общего государственного права и политики от XVII века до настоящего времени» (СПб., 1874) Розанов ссылается в статье «Поздние фазы славянофильства». — НВ. 1895. 14 февраля.

*****Шопенгауэра** в переводе Страхова не существует. Розанов, вероятно, имеет в виду его предисловие к кн.: Артур Шопенгауэр. Мир как воля и представление. Перевод А. А. Фета. СПб., 1881. С. V—VIII.

С. 272 **Передольский Владимир Васильевич* (р. 1869) — петербургский учитель, собравший коллекцию «русской старины»; *Титов Андрей Александрович* (1844—1911) — палеограф, собиратель и издатель древних рукописных памятников; *Максимов Сергей Васильевич* (1831—1901) — писатель-этнограф, автор книг, посвященных русской народной жизни, в том числе сборника очерков «Куль хлеба и его похождения» (1873).

С. 273 *Речь идет о священнике — Григории Спиридоновиче Петрове, авторе популярной книги «Евангелие как основа жизни», выдержавшей несколько изданий. В РО ГБЛ вместе с письмами Петрова к Розанову сохранилась и розановская характеристика знаменитого священника-либерала: «Григорий Петров. Одна из самых отвратительных фигур, мною встреченных за жизнь».

Но: какова слабость человеческой природы: постоянной лъстивостью и «вниманием во все мои идеи» он подкупил на много лет меня. Ужасен и таинственно-прекрасен его портрет Репина: Репин и поместил его *сзади портретов, в плохо освещенном углу* (вот гений Репина!!): надув рот, как раздувшийся кот, готовый броситься на жертву, мышь, птичку, курицу, — он схватился за крест, как за нож. Раз видел в прихожей, как он снял наперсный крест: как каторжник сбрасывает цепи. Не — индифферентизм, а вражда и пренебрежение.

Раз он проговорился мне: «Я (в сочинениях) — балаболка». Я промолчал, но был поражен: неужели он видит?! Тайна его успеха лежала в чарующем *тембре голоса*, одновременно властительного, великолепного и что-то *шепчущего вот лично Вам*, я думаю, таков был Авессалом. Не все знают, что своим поднятием, службою и первыми успехами он был обязан Победоносцеву и митрополиту Антонию, и оба они его холили, ласкали. И как он им отомстил. Жил он (жена?), как кокотка, кушеточка, диванчики, тубареточки, шелк, бархат, цветы-камлины, альбомы из серебра etc. и всегда даст курсисточке 10 р.

«на родителей», чем очаровывал бедняжек. Но — целомудрен и лично одевался скромно.

Такого честолюбия я ни в ком не видел: Александр Македонский со средствами Мазини» (РО ГБЛ. Ф. 249. Ед. хр. 3874).

С. 274 *В конце первого издания «Уединенного» под заголовком «Поправки» напечатаны три розановских постскриптума:

«Р. С. «За нумизматикой»: определение, классификация и описание античных монет требует чрезвычайного внимания *глаза, рассматривания* (в лупу) и — работы *памяти, припоминания* (аналогичные монеты и изображения). Но — *оставляет свободным* воображение, мысль, также гнев или нежность. Тогда, положив монету и лупу, — «записывалось» то, что протекло в душе, «вот этот миг», эти «двадцать минут»...

Р. Р. С. «На обороте транспаранта»: т. е. когда писалась одна статья, но во время уже писания являлась совсем другая, к писанию не относящаяся мысль, и тогда, быстро, быстро вынув транспарант, на обороте его записывалась эта «другая мысль».

Р. Р. Р. С. «Слава», «знаменитость» и подобные термины — в смысле «общерусская *распространенность*», «общерусская *известность*», присходящая от участия в *общераспространенной газете* (в Пятигорске хозяин лермонтовского домика, оказывается, преспокойно уже «узнал меня»: а он был старенький, полуумирающий чиновничек в отставке. Жив ли?)»

Среди черновиков Розанова сохранилась небольшая заметка, задуманная, очевидно, как набросок Предисловия к афоризмам, которая может служить еще одним авторским пояснением к истории возникновения «листьев»:

«Часы между 1 ч. и 4 ч. ночи, изредка даже между 10 ночи и 4, и совсем редко между 8 вечера и 8 утра я посвящаю последние 10 лет нумизматике: т. е. определению, классификации и описанию собранных мною преимущественно греческих монет. Эти часы были особенно счастливы тем, что в них я «не мог же писать очередной статьи куда-нибудь», и чувствовать себя не только извне не занятым, но и внутренне, «без долга»; чувствовать себя *беззаботным по праву*. Т. к. в то же время это было абсолютная бесшумность кругом и уединение, — то счастье мое еще увеличивалось... Кроме бывающих «тоски» и «тревоги», от которых некуда уйти и которые присущи всякому смертному. Но во всяком случае в эти часы душа раскрывалась особенно сладостно и легко: и мысли о тех же, конечно, темах, какие трепетно бьются и в «сочинениях», по форме и внешности принужденных, — текли особенно спокойно и ясно и «окончательно». Когда эти мысли достигали большого нетерпения «выразиться», то поверх билетиков для монет, куда вносились мною ученые заметки о них, я клал бумагу и наносил сюда мысли. Таково происхождение большинства этих «мыслей», которые можно было бы озаглавить «за нумизматикой».

Другая их часть произошла за писанием статей: именно во время писания — каким-то образом у меня параллельно двигался другой ход мысли, ни по теме, ни по тону не имеющий ничего общего с «пишущейся статьей». Когда опять эта вторая мысль достигала сильного, нетерпеливого напряжения: то быстро выхватив из листа («статья») транспарант и перевернув его и на обороте его я записывал эту вторую мысль. Так что эта рубрика могла бы быть озаглавлена «За сочинениями» или «на транспаранте».

Наконец, я не понимаю почему, — может быть, от молекулярного сотрясения тела (и след., мозга, головы, лица) — всякое *движение*,

сопряженное с *недвижностью* (сидишь в конке, вагоне, на извознике) вызывает почему-то у меня яснейшее движение мысли, и тоже очень счастливое... Эта часть, естественно незаписанная, — конечно, огромнейшая... Замечательно, что я никогда не могу *запомнить и восстано-вить* свою мысль, хоть *тему* ее и помню смутно. Но зная, что раз я «поеду на конке» — эти мысли будут, я клал в карман карандаш и бумагу — и $\frac{1}{1000}$ их дома записал. Это — «мысли в движении». Иногда это мысли — на ходу, «при входе домой», и проч.

Четвертая часть — думы на прогулках. Эти более обширны, но кажется они все потеряны. Сохранилось кое-что» (ЦГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 219).

Среди бумаг Розанова сохранилась также следующая запись: «Выпущено из «Уединенного» в корректуре (маме попало на глаза и она сказала: «Не нужно») (или сам выпустил для единства духа книги).

1. О девстве глубокое слово я слышал от А. С. Суворина и от А. В. Карташова (мама, прочитав случайно в корректуре, сказала: «Не нужно», т. е. «не нужно в книге, где обо *мне* упоминаешь»).

2. «...Может быть, мы сядем в трамвай, — он, кажется, сейчас трогается». — «Ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха!» — «Он и довезет нас до Знаменской». — «Ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха!» (*опыты*).

3. Да жидов оттого и колотят, что они — *бабы*; как русские мужики своих баб. Жиды — не *они*, а *оне*... Тут не экономика, а мистика.

4. «Разврат» есть слово, которому нет соответствующего предмета.

5. Во-о-от!! Истина не только *правильна*, она непременно и *вла-дычественна* (из старых мыслей, 1897—1900).

6. Христос *рационализировал* любовь, мотивировал ее: «любите того, кто *несчастен*»... Между тем — в натуре любитесь «*почему-то*» и в сущности «Бог знает, почему» (из старых мыслей).

7. И вот идут они с красными носами и глубокими карманами (попы) (из старых мыслей).

8. Раза три в жизни я наблюдал или слышал о матерях, сводничающих своих замужних дочерей.

9. Все это тянется как резинка (о проституции).

10. Хороши делают чемоданы англичане.

11. Несмотря на важность проституции... они суть действительно «погибшие создания».

12. Ученых надо драть за уши» (ЦГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 231).

Все афоризмы, кроме 5, 6, 7 вошли во второй короб «Опавших листьев».

ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ

Короб первый.

Текст печатается по книге: Розанов В. Опавшие листья. Короб первый. СПб., 1913 <тираж книги — 2400 экз.>. В прижизненном издании первого короба каждый новый афоризм начинался с новой страницы и отделялся виньетками. В настоящем томе тексты печатаются подряд (как это было в прижизненном издании второго короба) и разделяются звездочками. Не воспроизводятся и 4 семейные фотографии, напечатанные в первом издании «Опавших листьев».

Из откликов на книгу: Арзубьев П. <Губер П. К.>. Беседа с В. В. Розановым.—Русская молва. 1913. 13 апр.=с сокращениями: Столичная молва. 1913. 16 апр.; Киевская мысль. 1913. 18 апр.; Бакинец. 1913. 22 апр.; Черноморская газета. Новороссийск. 1913. 23 апр.; П. П.-в. <Перцов П.>.—НВ. 1913. 24 апр.; Дроздов Н., прот. Всего понемногу.—К. 1913. 26 апр. и 27 апр.; Кн.—Киевская мысль. 1913. 27 апр.; Яблоновский Александр. Голые люди.—Речь 1913. 12 мая.=Современное слово. 1913. 12 мая.; Whist. <Ф. Ф. Трбзинер>. Странная литература.—Петербургская газета. 1913. 14 мая.; Ферт. Из обывательских разговоров.—Харьковские ведомости. 1913. 15 мая.; Без подписи. Обнаженность под звериною шкурою.—Бессарабская жизнь. Кишинев. 1913. 16 мая.; Утопист. Философ, завязавший ногой в своей душе.—Петербургская газета. 1913. 19 мая.; Саддукей. <Кара-Мурза С. Г.>. Циник.—Московская газета. 1913. 3 июня; В. Л.—Голос Москвы. 1913. 7 июня; Дий Одинокый <Туркин Н. В.>. Из записной книжки.—Московский листок. 1913. 9 июня и 18 июня; Без подписи. Новая интимная книга В. В. Розанова.—Бюллетени литературы и жизни. 1913. № 19, июнь; Без подписи. Библиография. Итоги.—Волжское слово. 1913. 28 июня; Вальман Н.—Исторический вестник. 1913. № 7; Торе Гам. Отблески дня.—Русская Ривьера. Ялта, 1913. 10 ноября; Без подписи.—Сатирикон. 1913. № 20.

С. 277 *Розанов с семьей с июня 1912 по август 1916 г. жил в Петербурге по адресу: Коломенская, д. 33, кв. 21.

С. 279 *Неточная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Журналист, читатель, писатель» (1840).

****Стаха Гольдовский и Александра Петровна Попова** — знакомые Розанова по Брянску. «История с Гольдовским», по убеждению Розанова, была причиной ухода от него первой жены — А. П. Сусловой. В письме к А. С. Глинке-Волжскому, написанному в 1916 г. Розанов так рассказывает об этом событии: «<А. П. Суслова> кончила же тем, что уже лет 43-х влюбилась в студента Гольдовского (прелестный юноша), жид, гостившего у нас летом. Влюбилась безумно «последней любовью». А он любил другую (Ал. П. Попову, прелестную поповну). Его одно неосторожное письмо ко мне с бранью на Александра III она переслала жандармскому полковнику в Москве и его «посадили», да и меня стали жандармы «тягать на допросы». Мачеху его, своего друга Анну Осиповну Гольдовскую (урожд. Гаркави) обвинила перед мужем в связи с этим студентом Гольдовским (ее «предмет»), и потребовала, чтобы я ему, своему другу — ученику — писал ругательские письма. Я отказался. «Что ты, безумная». Она бросила меня» (ЦГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 274).

***На том свете.

С. 280 *Общность, общество (греч.).

****Дрэпер Джон Уильям (1811—1882)** — американский историк и ученый. Речь идет о его книге «История умственного развития Европы» (1862), в которой проводится мысль, что развитие народа, как и развитие индивидуума, управляется одними и теми же законами.

С. 281 *Цитируется поэма А. С. Пушкина «Медный всадник».

С. 283 *Розанов с семьей жил на Павловской ул. (Петербургская сторона) с апреля 1893 г. по июль 1899 г.

С. 286 **Варвара Васильевна Розанова* (1898—1943) — дочь Розанова В. В.

***Татьяна Васильевна Розанова* — дочь Розанова В. В.; см. прим. к С. 465.

С. 287 **Вера Васильевна Розанова* (1896—1919) — дочь Розанова.

С. 287 ***Овчина* (греч.).

****Тем самым, в силу этого* (лат.).

С. 288 **Левин Давид Абрамович* (1863—?) — журналист, сотрудник газ. «Речь».

С. 289 *Речь идет о несостоявшейся дуэли между Розановым и публицистом *Иосифом Иосифовичем Колышко* (1862—1920), писавшим под псевдонимом Баян и Рославлев. Поводом для вызова Розанова на дуэль послужила его заметка, подписанная *Вох*: «Особенная чепуха за день» (НВ. 1912. 4 февр.). Этот окололитературный инцидент был предметом насмешек со стороны многих газет. Подробнее см.: Письма в редакцию В. Розанова. — НВ. 1912. 7, 15 и 17 февраля.

***Корецкий Николай Владимирович* (1869—?) — поэт и драматург; о его книге: «Песни ночи. Избранные стихотворения. XXV. Юбилейное издание по случаю 25-летия литературной деятельности Н. В. Корецкого» (СПб., 1912) Розанов написал рецензию в НВ (1912. 7 февраля).

С. 290 **Знаю* (лат.).

С. 291 **С кафедры* (лат.).

С. 293 **Андрей Печерский* — псевдоним Мельникова Павла Ивановича (1818—1883), писателя, автора книг о жизни заволжских старообрядцев «В лесах» и «На горах» (1871—1881 гг.); речь идет о ч. II, гл. 9 романа «На горах».

***Пророки* (лат.).

****Антоний (Храповицкий Алексей Павлович, 1863—1936)* — архиепископ Волынский, Житомирский и Харьковский, выступал с обличениями лжи «нового религиозного сознания» и, в частности, религиозно-философских идей Розанова.

С. 294 *В Новом Завете таких слов нет; ср.: Мф. 9:15; Мр. 2:19; Лк. 5:34 или притчу о брачном пире: Мф. 22:1—14; Лк. 14:15—24.

***Надя Розанова* — первая дочь Розанова В. В., умерла 25 сентября 1893 г. десяти месяцев и была похоронена на Смоленском кладбище.

С. 295 **Альбов Иоанн Федорович* — священник, с которым Розанов полемизировал по вопросам семьи и брака.

***Елена Павловна* (1806—1873) — великая княгиня, известная своей лечебно-благотворительной деятельностью; Клинический институт ее имени был открыт в Петербурге в 1885 г.

С. 297 **Обоих полов* (лат.).

С. 298 **Розанов В.* Наша прислуга, пожары и деревенская школа. — НВ. 1912. 28 мая.

С. 299 **Ольга Ивановна Романова* — жена писателя И. Ф. Романова (Рцы) Надежда Романовна Щербова (см. прим. к С. 266).

**Имеются в виду Б. Г. Столпнер и Р. Ю. Эфрос.

С. 300 **Граждане* (фр.).

С. 301 **Вечное движение, порочный круг* (лат.).

С. 302 **Действующее первоначало* (лат.).

***Первым среди равных* (лат.).

С. 303 *Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920) — историк литературы, библиофил. В 1907—1915 гг. под его редакцией выходила «Библиотека великих писателей» (СПб., изд. Брокгауза и Ефрона), богато иллюстрированная и комментированная; пушкинский том вышел шестым.

**Сочинения Александра Пушкина. СПб., 1838—1841. Т. 1—11. В подготовке издания принял участие В. А. Жуковский, разбиравший после смерти Пушкина его рукописи, которые составили последние 3 тома издания.

С. 304 *Не прикасайся к моим кругам (лат.), т. е. не испорти их.

**А. С. Пушкин. Брожу ли я вдоль улиц шумных... (1829).

С. 306 *Речь идет об адъютанте М. И. Кутузова, военном историке Михайловском-Данилевском Александре Ивановиче (1790—1848), авторе мемуаров об Отечественной войне 1812 г.

С. 307 *«Все — суета и томление духа». — Ек. 1:14; 4:4; слово «скука» вообще отсутствует в Библии.

**Рылеев Александр Михайлович (ум. 1907) — генерал-адъютант Александра II.

С. 308 *Царства и царя (лат.).

С. 309 *Незлобин-Дьяков — псевдоним Александра Александровича Дьякова (1845—1895), писателя и журналиста, сотрудника НВ и «Русского вестника».

**Короли (фр.).

***Вергежская (А. Вергежский) — псевдоним Тырковой Ариадны Владимировны (1869—1962), писательницы и журналистки, принадлежавшей к конституционно-демократической партии.

С. 310 *Государь нынешний... государь будущий (фр.).

**Возможно, речь идет о М. О. Гершензоне и Б. Г. Столпнере.

С. 311 *Виклеф (Уиклиф) Джон (1320—1384) — английский религиозный реформатор.

С. 312 *Спенсер Герберт. Воспитание умственное, нравственное и физическое. СПб., 1877.

**«Британская иллюстрация» (англ.).

С. 317 *Под псевдонимом «Незнакомец» А. С. Суворин писал в газетах «С.-Петербургские ведомости» (1863—1874) и «Московские ведомости» (1872—1874); под тем же псевдонимом вышла его книга «Очерки и картинки». СПб., 1875.

С. 318 *По-видимому, речь идет о письме Прудону от 26 (14) декабря 1851 г. См.: Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1961. Т. 24. С. 216—222.

С. 320. *Так проходит земная слава (лат.).

**Герои-любовники (фр.).

***Замысловский Георгий Егорович (1872—?) — юрист, политический деятель консервативной ориентации; депутат III и IV Гос. думы; был обвинителем по делу Бейлиса (1913), доказывая существование ритуальных убийств у евреев.

С. 321 *Не прикасайся к нашим кругам (лат.).

**Гаррис — псевдоним Марии Александровны Каллаш (1886—1954), журналистки, автора статей по церковным вопросам; упоминается ее статья в «Утре России» (1912. 15 марта).

*** Речь идет об известном поэте, Бальмонте Константине Дмитриевиче (1867—1942).

С. 323 *Макаревский Михаил Иванович — сотрудник «Книжной летописи».

С. 324 *Апостолопуло Евгения Ивановна (урожд. Богдан; 1857—1915; см.: Розанов В. Памяти Е. И. Апостолопуло. — Русский

библиофил. 1915. № 8. С. 96—99) — хозяйка имения «Сахарна» в Бессарабии, где семья Розановых отдыхала летом 1913 г.

****Гофштеттер Лидия Эрастовна** — жена И. А. Гофштеттера, сотрудника НВ.

С. 325 ***Анна Михайловна Флоренская** (урожд. Гиацинтова; 1889—1973) — жена священника П. А. Флоренского.

С. 326 ***Виардо-Гарсиа Полина** (1821—1910) — французская певица, педагог, композитор, подруга И. С. Тургенева. Под псевдонимом *В. Варварин* Розанов напечатал две статьи: Виардо и Тургенев. — РС. 1910. 20 мая, и Загадочная любовь (Виардо и Тургенев). — РС. 1911. 8 сентября. В 1900 г. в Москве письма Тургенева к Виардо были изданы дважды: Письма Ивана Сергеевича Тургенева к Паулине Виардо и Письма Ивана Сергеевича Тургенева к г-же Полине Виардо и его французским друзьям <...>.

****Торквемада Томас** (ок. 1420—1498) — глава испанской инквизиции с 1483 г., доминиканский монах. Осудил на сожжение несколько тысяч еретиков; добился изгнания из Испании евреев.

С. 327 ***Анахарсис** (VI в. до н. э.) — скиф из царского рода, изучал греческие обычаи, уклад жизни и культуру. Греки называли его «Мудрым».

****Кускова Елизавета** (Екатерина Дмитриевна Прокопович, 1869—1958) — публицистка либеральной направленности. В начале 1912 г. Розанов начал полемику с Е. Кусковой по поводу ее статей в газ. «Русские ведомости». См.: Розанов В. «Раненая» молодежь. — НВ. 1912. 4 и 7 января.

*****См.: Розанов В.** Религия и культура. Т. 1 настоящего издания. С. 376—417.

С. 330 ***О Толстом.** Международный толстовский альманах, составленный П. Сергиенко. М., 1909; в этот сборник вошла и статья Розанова «Поездка в Ясную Поляну».

****Розанов В.** Незнанный феномен. — В кн.: Памяти Константина Николаевича Леонтьева. 1891. Литературный сборник. СПб., 1911. С. 163—184.

*****Т. е.: Авраам** невестился перед Иеговой.

С. 332 ***Имеется** в виду рассказ французского писателя Ф. О. М. *Вилье де Лиль-Адама*. (1838—1889) «Девуцы Бьенфи-латр». — Утро России. 1911. 17 июля.

С. 333. ***Гизо Франсуа Пьер Гийом** (1787—1874) — знаменитый французский историк и политический деятель; *Тьерри Жак Никола Огюстен* (1795—1856) — французский историк; *Араго Доминик Франсуа* (1786—1853) — знаменитый французский физик.

С. 335 ***Речь** идет о *Сусловой Надежде Прокофьевне* (1843—1918) — сестре А. П. Сусловой; первой из русских женщин, получившей диплом доктора медицины в 1869 г.

****Цветков Сергей Алексеевич** (1888—1964) — историк литературы, друг и почитатель таланта Розанова. В послереволюционные годы собиратель библиографических материалов о Розанове. Об изданных Цветковым «Русских ночах» В. Ф. Одоевского (М., 1913) Розанов написал статью «Чаадаев и кн. Одоевский» (НВ. 1913. 10 апреля).

Историк русской литературы и общественной мысли М. О. Гершензон был известен современникам как знаток и собиратель архивных материалов; см., напр., его восторженный рассказ о посещении Акшено — имения Н. А. Огаревой-Тучковой: «Увожу несколько сот писем 40-х и 50-х годов — одного Огарева фунта два, затем Грановского, Герцена, Некрасова, Кавелина, Чаадаева, Варнгагена фон

Энзе и пр.— все из Акшена, где провел двое суток, разбирая тысячи писем» (Гершензон М. О. Письма к брату. М., 1927. С. 13).

С. 338 *П. Леднев (Свечин Иван Васильевич, 1848—1903) — философ, экономист, сотрудник газ. «Биржевые ведомости». Его книги: «Кристаллы духа и отношения духа и материи» (1896), «Основы человеческой деятельности» (1887), «Опыт изложения общечеловеческой философии».

С. 339 *Речь идет о семейной истории Шарапова.

С. 341 *В хронологическом перечне заметок Розанов так обозначил тему записи: «Биография каждого есть организм гармоничных частей».

С. 344 *Неточная цитата из стихотворения Пушкина «Туча» (1835).

**Статья Розанова, о которой идет речь, была издана им отдельной брошюрой: Розанов В. О подразумеваемом смысле нашей монархии. СПб., 1912. В предисловии, помеченном 25 августа 1912 г., Розанов писал: «Статья перепечатана с вырезанной цензурой в 1895 г. статьи без всяких поправок и сокращений, — копировально. И издается для «сохранения памяти» в очень ограниченном числе экземпляров. Линейки сбоку — пометки доброй памяти К. П. Победоносцева. Должен заметить, что статья вызвала большое сочувствие в покойном моем друге и покровителе Н. Н. Стракове. Вызвала сочувствие и других, но дорого было сочувствие только Н. Н. Страхова. Он ее и корректировал, ничего не изменив».

С. 347 *Настоящее... прошедшее... будущее (лат.).

С. 348 *Речь идет об отзыве Владимира Александровича Коженикова (1852—1917), философа, который 14 апреля 1912 г. писал Розанову: «Каяться нам, грешным, все-таки надо, тайно ли, явно ли! Но если уж исповедовать себя не только «Госповеди», но и людям (ибо и они ведь — Божьи!), то, конечно, так, как ставший христианином язычник Августин или как оставшийся язычником католик Монтень, а не как напудренный жеманный Руссо, ни даже как любующийся собою олимпиец Гёте, у которого в «Wahrheit und Dichtung» сама Wahrheit претворяется в Dichtung» (ЦГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 499).

**Афанасий Васильевич Васильев (1851—1917) — публицист, поэт, издатель, генерал-контролер Государственного контроля; был непосредственным начальником Розанова, который с 1893 по 1899 год служил в департаменте по железнодорожной отчетности.

С. 349 *Дягилев Сергей Павлович (1872—1929) — основатель общества «Мир искусства» и журнала «Мир искусства», театральный деятель; Протейкинский Виктор Петрович (ум. 1914/1915) — математик, участник общества «Мир искусства»; Нувель Вальтер Федорович (1871—1949) — один из членов-учредителей общества и журнала «Мир искусства», чиновник особых поручений по императорским театрам канцелярии Министерства двора.

*Заметка о Пушкине Розанова (Мир искусства. 1899. Т. 2. № 13—14. С. 1—10) вызвала полемический отклик Вл. С. Соловьева (Особое чествование Пушкина. Письмо в редакцию «Вестника Европы». — Вестник Европы. 1899. № 7 = Собр. соч. В. С. Соловьева. СПб., 1913. Т. 9); см. также отклик: Без подписи. — Русская мысль. 1899. Кн. 9.

**Своеобразие рождения (лат.).

С. 350 *Волжский (Глинка Алексей Сергеевич, 1878—1940) — критик и историк литературы.

С. 351 *Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866—1941) — поэт, писатель, литературный критик, проповедник «нового религиозного сознания». В конце 90-х — начале 900-х годов был близок с Розановым, называл его «русским Ницше» и сочувственно относился к его религиозно-философской интерпретации проблем пола. Сближение Мережковского с социалистами-революционерами в середине 900-х годов привело в конце концов к общественному и личному противостоянию двух писателей. В 1914 г. Мережковский был инициатором исключения Розанова из Религиозно-философского общества.

С. 352 *Речь идет о статьях Розанова: Автор «Балаганчика» о петербургских религиозно-философских собраниях. — РС, 1908. 25 янв.; Литературные симулянты. — НВ. 1909. 11 янв.; Попы, жандармы и Блок. — НВ. 1909. 16 февр.; подробнее см.: Беляев С. А., Флейшман Л. С. Из блоковской переписки. — В кн.: Блоковский сборник. II. Тарту, 1972. С. 398—406.

**Мережковский и Философов Дмитрий Владимирович (1872—1940) — литературный критик и публицист. С Философовым Розанов познакомился в 1898 г. в редакции журнала «Мир искусства», после революции 1905 г. Философов — сотрудник многих либеральных периодических изданий, прежде всего — газ. «Речь», со страниц которой вел полемику с Розановым.

***Зинаида Николаевна Гиппиус (1869—1945), жена Мережковского; поэтесса, литературный критик, прозаик.

****Говоруха-Отрок Юрий Николаевич (псевд. Николаев Ю., 1851—1896) — писатель и критик; его письма вошли в книгу: Розанов В. В. Литературные изгнанники. Т. I (Н. Н. Страхов и Ю. Н. Говоруха-Отрок).

С. 353 *Неточная цитата из стихотворения Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского» (1779).

С. 356 *Речь идет о «Письме в редакцию» С. А. Толстой (НВ. 1903. 7 февр.), в котором она возмущалась порнографическим характером рассказов Л. Андреева. Розанов ответил на это полемической заметкой «О письме гр. С. А. Толстой» (НВ. 1903. 11 февр.), в которой писал: «Рассказы Андреева имеют своим потребителем огромный, необозримый теперь контингент бесхозяйного люда, который фактически не испытал чистого отношения к чистому роднику жизни; который несчастною своею жизнью уже подготовлен к ожиданию всяческой здесь грязи, и немножко возбужден в сторону этих отношений».

**Речь идет о Ф. К. Сологубе и Анастасии Николаевне Чеботаревской (1870—1921), писательнице, поэтессе, переводчице.

С. 358 *А. С. Пушкин. Полтава (1829).

С. 362 *Коноплякин Алексей Михайлович — ученик Розанова по Елецкой гимназии, биограф К. Н. Леонтьева.

С. 363 *Повесть «Катакомбы» (1866) Евгении Тур (настоящее имя Елизаветы Васильевны Салиас-де-Турнемир, 1815—1892) посвящена событиям раннехристианской истории.

С. 369 *А. С. Пушкин. Демон (1823).

**В архивных записях Розанова дописано: (раздеваясь спать, авг. 25—12 г.).

***Об увлечении Розанова бульварными брошюрами о Шерлоке Холмсе рассказывает в своих неизданных воспоминаниях Н. В. Розанова: «У папы приблизительно с 1912 года под тюфяком кровати всегда лежала кипа дешевеньких брошюр Шерлок Холмса (15—20), какие продавались у газетчиков, с самыми занимательными названиями: «Еще воры», «В тисках преступления», «Похищение драгоцен-

ностей», «В лапах...». Мама гнала нас из-под кровати, куда мы забирались, томимые любопытством, и втихомолку шуршали страницами. «Вася, ты портишь детей!» — говорила мама с досадой. Папа тоже сердился и гнал нас, но после обеда всегда укладывался спать с одной из таких книжонок.

Однажды папа вздумал прогуляться по парку с Варей, Васей и мной и, отойдя немного от дому, вынул из своей крылатки (плаща) брошюрку, на обложке которой была изображена женщина, летящая со скалы с распущенными волосами и искаженным от ужаса лицом. Наверху стояли два злодея, оскалив зубы.

— Только не говорите маме, — сказал папа, и мы уселись в кружок. Неизвестно, кто из нас больше волновался — 11—12—13-летние или он — 55-ти.

Папа тряс головой: «У... у... у». А мы придвигались ближе. Давно был слышен звонок на обед, к которому опаздывать не разрешалось, но мы не могли оторваться от книги.

Перед домом папа еще раз велел нам хранить тайну, и мы вернулись, как четверо набедокуривших школьников, из которых папа был главным зачинщиком. Папа и после нас гнал, когда мы подбирались к его куче книг, боясь недовольства мамы, но главным образом оберегая свой клад, боясь его расхищения. Но мы все же умудрялись таскать.

В дальнейшем, идя из гимназии к подругам, я всегда останавливалась около газетчиков, проверяя, все ли книжонки у папы имеются, а подруги говорили: «Чего ты все смотришь? Ведь такую литературу читают одни уличные мальчишки да подонки общества!» — «А мой папа читает!» — всегда хотелось огрызнуться мне, но я молчала, так как давно поняла, что дом наш «особенный», и тут никто ничего не поймет. Придя домой и застав папу с книгой, небрежно цедила: «Опять своего Шерлока!» — но потихоньку таскала и читала у себя под подушкой» (Частный архив).

С. 371 *Ксюнин Алексей Иванович (1880—?) — журналист, сотрудник НВ.

С. 373 *Наук Август Августович — семейный врач Розановых.

С. 376 *Карпинский Александр Иванович — врач, член Русского общества нормальной и патологической психологии.

С. 377 *Речь идет о статье В. Розанова «Свобода и вера» (РВ. 1894. № 1), послужившей началом полемики с В. С. Соловьевым; см.: Соловьев В. Л. Порфирий Головлев о свободе и вере. — Вестник Европы. 1894. № 2; Розанов В. Ответ г. Владимиру Соловьеву. — РВ. 1894. № 4.

**Имеются в виду примечания к текстам А. А. Дернова (Розанов В. Семейный вопрос в России. Т. 1—2. СПб., 1903), О. Фози (см. «Люди лунного света» в настоящем издании), И. А. Сикорского (см. Темный лик. — В кн.: Розанов В. В. Религия и культура. 1 том настоящего издания).

***Не для печати, не издаваемый (лат.).

С. 379 *Бехтерев Владимир Михайлович (1857—1927) — невропатолог, психиатр, физиолог.

**Анфимов Яков Афанасьевич (1852—?) — харьковский профессор, врач-невропатолог; летом 1898 года (а не 1897-го, как ошибочно указывает Розанов) он первый сообщил о разрушительной болезни, угрожавшей Варваре Дмитриевне. В одном из писем П. П. Перцову Розанов писал: «Узнав в Пятигорске о неисцелимой болезни Вари — я был сломан, костей не осталось (совершенно не предвиденное

открытие, мы поехали — веселиться). Тут я пережил минуту Иова». Ошибка авторитетного Бехтерева, отменившего диагноз Анфимова в том же году, привела к прогрессированию болезни у Варвары Дмитриевны.

С. 380 **Мержеевский Иван Павлович* (1838—1908) — психиатр, профессор Военно-медицинской академии, знакомый Розанова, лечивший Варвару Дмитриевну; см. о нем: Розанов В. Памяти И. П. Мержеевского. — НВ. 1908. 8 марта.

С. 382 *Неточное цитирование стихотворения А. С. Пушкина «Не пленяйся бранной славой» («Из Гафиза»). 1829.

С. 383 *См. прим. к С. 272 и ** к С. 253.

С. 385 *Название закона о свободе личности, принятого английским парламентом в 1679 г. (по первым словам текста).

С. 388 *А. С. Суворин умер 11 августа 1912 г.; Розанов откликнулся на его смерть статьями: А. С. Суворин. — НВ. 1912. 12 авг.; Памяти А. С. Суворина (нечто личное). — НВ. 1912. 14 авг.; Из припоминаний и мыслей об А. С. Суворине. — НВ. 1912. 18 авг.; см. также книгу: Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову. СПб., 1913.

**Речь идет о критике работы Н. Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии» (1860) философом, профессором Московского университета Памфилом Даниловичем Юркевичем (1826—1874).

С. 389 *Т. И. Филиппов. Подробнее о нем см. прим. * к С. 463.

**Имеются в виду Н. Р. Щербова, П. А. Флоренский, С. А. Цветков.

С. 390 *Книга В. Розанова «Итальянские впечатления. С рисунками Л. С. Бакста и тремя видами Пестума» вышла в свет в 1909 г. тиражом 2400 экз. и имела большой успех.

С. 391 *Дорошевич Влас Михайлович (1864—1921) — журналист, ведущий сотрудник РС.

С. 393 *Речь идет о М. О. Гершензоне. *Маргарита Кирилловна Морозова* (1873—1958) — жена фабриканта М. А. Морозова, учредительница московского религиозно-философского книгоиздательства «Путь», печатавшего книги Н. Бердяева, С. Булгакова, Е. Трубецкого, свящ. П. Флоренского, В. Эрна; в этом издательстве Гершензон выпустил собрания сочинений И. В. Киреевского (М., 1911) и П. Я. Чаадаева (М., 1913—1914).

С. 394 *Из кружка «Памяти Вл. Соловьева» возникло московское Религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьева, в которое входили и авторы, издававшиеся книгоиздательством «Путь».

***Антонов Николай Родионович* — священник, автор книги «Русские светские богословы и их религиозно-общественное мирозерцание». СПб., 1912 (см. рецензию на нее Розанова — НВ. 1912. 29 окт.). В своей характеристике Антонова Розанов, как обычно, сделал упор на интимной стороне его жизни: «Сам по себе он «не прыток», но вот качество: от него ушла жена, Алекс. Ник., красивая, видная баба, вообразившая, что она может «петь»: и он с 5-ю детьми имел службу и законодательство, управлялся — обратился в няньку и «домашнего учителя» (РО ГБЛ. Ф. 249. Ед. хр. 4212).

****Андреев Федор Константинович* (1888—1929) — профессор Московской духовной академии по систематической философии и логике с 1914 г., исследователь славянофильства, с 1924 г. — священник.

****А. В. Кольцов. *Песня пахаря* (1831).

С. 396 *Галахов Алексей Дмитриевич (1807—1892) — историк литературы и педагог — составил «Полную русскую хрестоматию, или

Образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей» (Ч. 1—2. СПб., 1842).

****Киреевский Иван Васильевич** (1806—1856) — публицист и философ, ранний славянофил; см. о нем: Розанов В. И. В. Киреевский и Герцен. К выходу 2-го издания «Полного собрания сочинений» И. В. Киреевского в редакции М. Гершензона.— НВ. 1911. 12 февраля.

Киреевский Петр Васильевич см. о нем прим. * к С. 95, а также Розанов В. Историко-литературный род Киреевских.— НВ. 1912. 27 сент., 9 и 18 октября.

М. В. Ломоносову Розанов посвятил три статьи: Ломоносовские издания, современные его жизни.— НВ. 1911. 8 ноября; Ломоносов. Его личность и судьба.— НВ. 1915. 4 апр.; Труды М. В. Ломоносова.— Там же.

*****Вральман**, персонаж из комедии Фонвизина «Недоросль» (1782); комедия «Бригадир» (1770).

С. 397 *Герье Владимир Иванович (1837—1919) — историк, профессор Московского университета; см. Розанов В. Проф. Вл. Ив. Герье и его «Философия истории от Августина до Гегеля». — НВ. 1915. 13 июня.

Стороженко Николай Ильич (1836—1906) — филолог, историк западноевропейской литературы; см.: Розанов В. Под знаменем науки. Юбилейный сборник в честь Н. И. Стороженко, изданный его учениками и почитателями. М., 1902.— НВ. 1902. 6 ноября; его же. Памяти Н. И. Стороженко.— НВ. 1906. 18 января.

Корш Федор Евгеньевич (1843—1915) — филолог, славист, востоковед, профессор классической филологии Московского университета; см.: Розанов В. Памяти Федора Евгеньевича Корша.— НВ. 1915. 21 февраля.

Виноградов Павел Гаврилович (1854—1925) — историк, профессор Московского университета.

****Исх. 32 : 1 и след.; 3 Цар. 12 : 26 и след.; 4 Цар. 17 : 21.**

С. 399 *Вильборг Артур Иванович — один из учредителей Школы печатного дела Русского технического общества.

****Оль-д-Ор** (точнее, О. Л. д-Ор) — псевдоним журналиста Осипа Львовича Оршера (1879—?).

С. 400 *О смерти И. Ф. Петропавловского В. Розанов подробно рассказал в кн. «Литературные изгнанники» (Т. 1. С. 165—166); см. также прим. ** к С. 464.

С. 401 *Винавер Максим Моисеевич (1862—1926) — политический и общественный деятель, юрист, писатель. При выборах в I Государственную думу его кандидатура была выдвинута в Вильне, но выбран он был в числе 6 кандидатов от Петербурга.

С. 402 *Скабичевский Александр Михайлович (1838—1910) — критик и историк литературы; **Иванов-Разумник** (наст. имя Разумник Васильевич Иванов, 1878—1946) — критик, публицист, историк литературы и общественной мысли; см. о нем полемические статьи Розанова: И шутя и серьезно.— НВ. 1911. 31 марта; Бляха № 101.— НВ. 1911. 17 декабря.

С. 403 *Имеется в виду роман Мережковского «Александр I» (Т. 1—2. СПб., М., 1913), печатавшийся в журнале «Русская мысль» в 1911—1912 гг.

С. 405 *Полное собрание сочинений (лат.).

***Аггеев Константин Маркович** (1868—1919) — священник, богослов, автор книги «Христианство и его отношение к благоденствию

земной жизни. Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К. Н. Леонтьевым понимания христианства» (Киев, 1909).

***А. С. Пушкин. Цыганы (1824).

С. 406 *Имеется в виду рассказ Геродота (История. III, 27—29) о посещении *Камбисом II*, царем персов с 529 по 522 до н. э. египетского города Мемфиса, где он ударил кинжалом священного быка — Аписа.

***Валерий Лициниан Лициний* (ок. 265—325), римский император, некоторое время был союзником Константина I, затем в войне за власть с ним потерпел поражение в битве под Адрианополем.

С. 407 *Действующая причина, движущая сила (лат.).

**Ее мужа (фр.).

С. 408 *Речь идет о книге Вл. С. Соловьева «Три разговора» (1899—1900); см.: Собрание соч. В. С. Соловьева. Т. 10. СПб., <б. г. изд.> С. 83—221.

**Леонтьев К. Н. Из жизни христиан в Турции. Повести и рассказы. Т. 1—3. М., 1876.

***Восток, Россия и славянство (Т. 1—2. М., 1885—1886) — основной труд К. Н. Леонтьева, сборник религиозно-философских статей.

*****Фустанеллы* — широкие юбки — часть греческого мужского национального костюма.

С. 409 *См.: Леонтьев К. Н. Разбойник Сотир. — Нива. 1884. № 19—21 = Русский вестник. 1891. № 11.

С. 410 *Имеется в виду *Михаил Васильевич Пирожков* (1867—1927), петербургский книготорговец, владелец (1902—1908) издательства книжного склада «Литературная книжная лавка». В конце 1908 г. коммерческий суд признал Пирожкова несостоятельным должником; тогда же выявился и грубый обман издателем своих авторов (Пирожков печатал книги значительно большими тиражами, чем было предусмотрено договорами), среди которых был и В. Розанов. См. об этом: Розанов В. К истории одного книгопродавческого разорения. — НВ. 1909. 22 июля. См. также: Эльзен М. Д. Книгоиздательство М. В. Пирожкова. — Книга. Исследования и материалы. Вып. 54. М., 1987.

***Розенблум Аркадий Ефимович* — врач.

Гедройц Вера Игнатьевна (1876—1932) происходила из литовского княжеского рода. Врач, до 1900 г. практиковала за границей. Вернувшись в Россию, выпустила несколько стихотворных сборников. В недатированном письме редактору газ. «Русское слово» Ф. И. Благову Розанов писал о Гедройц: «Дорогой Федор Иванович! Редко я о чем Вас просил: а на этот раз горячо прошу. Посылаю статью — «Наши молодые поэты». Пожалуйста, поместите ее в «Русском слове», даже если бы Вы и не нашли, что приведенные стихотворения не очень отвечают Вашему вкусу. Это — первые книги молодых поэтов, — впрочем, «молодых» относительно, между 35—39 годами. Обоим — личные мои друзья, а «С. Гедройц (псевдоним — «Сергей» — имя брата-друга) — княжна Вера Игнатьевна Гедройц, наша орловская уроженка и моя любимая ученица в Брянской прогимназии, кончившая потом курс в Лозаннском университете.

Не знаю, сыграет ли это роль «+» или «—» в Ваших глазах: но эта милая княжна, такая деятельная и образованная, через деятельность в Манджурии стала известна и, как есть основания думать — дружна с Вел. кн. Елизаветою Феодоровною, и этой тоже очень милой княгине будет приятно прочесть в «Русском слове» о стихах своего (почти) друга. Но это — и так и эдак: а мне ужасно

хочется ободрить эту чудной души девушку, которую стали бы уважать и Вы, если бы узнали. Столько в ней деятельного добра, а по временам, и в своей сфере — и глубокомыслия! Пожалуйста, Федор Иванович, очень, очень прошу. Понудьте себя на этот раз. Ваш искренний В. Розанов» (РО ГБЛ. Ф. 20. Ед. хр. 58).

Райвид Вольф Берович — петербургский врач.

С. 416 *Ср., например: «Затем я и пишу это и буду всеми силами распространять то, что пишу и в России, и вне ее, чтобы одно из двух: или кончились эти нечеловеческие дела, или уничтожилась моя связь с этими делами, чтобы или посадили меня в тюрьму, где бы я ясно сознавал, что не для меня уже делаются все эти ужасы, или бы, что было бы лучше всего (так хорошо, что я и не смею мечтать о таком счастье), надели на меня так же, как на тех двадцать или двенадцать крестьян, саван-колпак, и так же столкнули со скамейки, чтобы я своей тяжестью затынул на своем старом горле намыленную веревку» (Толстой Л. Н. Не могу молчать.— В кн.: Толстой Л. Н. 1. Письмо к Александру III. 2. Письмо к Николаю II. 3. Не могу молчать. 4. Пора понять. Paris, 1911).

С. 418 *Нет ничего в уме, чего бы не было раньше в ощущениях (лат.).

ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ

Короб второй

Текст печатается по книге: Розанов В. Опавшие листья. Короб второй и последний. Пг., 1915, 516 с., 2 л. илл. (тир. 2450 экз.) Принцип публикации текста — тот же, что и для первого короба; в примечаниях приводятся дополнения к тексту по книге: Розанов В. Смертное. Домашнее в 60 экземплярах издание. СПб., 1913 (перездание текста — Наше наследие. 1989. № 6) и по черновым рукописям (ЦГАЛИ).

Из откликов на книгу: Ал. Ожигов <Ашешов Н. П.>. Литературные отражения. В. В. Розанов — Большой Икс русской литературы.— Павианство.— Всеобщее презрение и всероссийский кукиш.— Разложение литературы.— Объективная точка зрения.— Киевская мысль. 1915. 6 авг.; Сер-в. Национальное призвание России.— Русская речь. 1915. 8 авг.; Лукиан <Любошиц С. Б.>. «Бобок».— БВ. 1915. 16 авг.; Ник. Ашешов. «Позорная глубина».— Речь. 1915. 16 авг.— Современное слово. 1915. 16 авг.; Тиун <Боцяновский В. Ф.>. Голый Розанов.— БВ. 1915. 16 авг.; Айхенвальд Ю. Неоприятность.— Утро России. 1915. 22 авг.; Игнатов И. Муки самопрезрения.— Русские ведомости. 1915. 22 авг.; Сонин Ев. Заметки читателя.— Приазовский край. Ростов-на-Дону. 1915. 31 авг. Петроковский А. Литературные наброски.— Кавказ. Тифлис. 1915. 10 сент.; Ветринский Ч. <Чешихин В. Е.>. Книга отчаяния.— Русская иллюстрация. 1915. 13 сент.; Мокриевский П. Обнаженный нововременец.— Русские записки. 1915. № 9; Тиняков Александр. «Наименее рожденный».— Петроградский курьер. 1915. 1 окт.; Анатолий Доброхотов.— Северное утро. Архангельск. 1915. 1 окт.— Оренбургская жизнь. 1915. 11 окт.; А. Ренников <Селитренников А. М.>.— НВ. 1915. 10 окт.— Вешние воды. 1915. Т. XI—XII. Кн. II—III; Лукиан <Любошиц С. Б.>. Очереди.— БВ. 1915. 12 окт.; З-кая Н. «Опавшие

листья» В. Розанова.— Женская жизнь. М., 1915. 7 сент.; П. П.-в. <Перцов П.>. Литературные заметки. «Опавшие листья».— НВ. 1915. 31 окт.; М.-е <Маркузе И. К.>. Правдивая душа.— НВ. 1915. 21 дек.; Л. Фортунатов <Василевский И. М.>. Гнилая душа. Новая книга В. В. Розанова.— Журнал журналов. 1915. № 15; Глебов Н. Около проблемы пола. Новая книга В. Розанова.— Журнал журналов. 1915. № 15; Н. В. Т. Общественность и царская власть. По «Опавшим листьям» В. Розанова.— Московские ведомости. 1916. 12 янв.; Коложский И. «Опавшие листья» Розанова и польский вопрос.— К. 1916. 9 февр.; Вяч. Полонский <Гусин В. П.>. Исповедь одного современника.— Летопись. 1916. № 2.

С. 423 *В рукописи есть еще фраза: «Община повалилась не от «злого правительства», а от того, что крестьян 60 лет никто не учил разуму, тихости и Богу».

**Занятие, призвание (фр.).

***См. Уединенное. С. 254, 266.

С. 425 *В «Смертном» далее: *но уже в кисть нервный импульс не доходит.*

**Обычный для Розанова перифраз, заменявший у него точное цитирование; в данном случае речь идет о второй главе библейской Книги Иова.

***В «Смертном»: «<...> «палицей», «набедренником» и какие еще им там полагаются «прибавки в благодати» и в сущности в «благодатном расположении начальства»: и «лицо» <...>»

С. 428 *Идущие на смерть тебя приветствуют (лат.).

С. 429 *Розанов пересказывает письмо Достоевского к Страхову от 18 (30) мая 1871 г. Речь идет о Парижской коммуне См.: Достоевский Ф. М. Поли. собр. соч.: В 30 т. Л., 1986. Т. 29. Кн. 1. С. 214—215.

С. 432 *Речь идет о С. П. Каблукове, которому Розанов подарил свой «кожаный дубовый кабинет».

**Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911) — министр внутренних дел и председатель Совета министров, был убит в Киеве Дм. Богровым. В сентябре 1911 г. Розанов ездил в Киев на похороны П. А. Столыпина; его корреспонденции из Киева были напечатаны в НВ от 10, 11 и 17 сентября.

***Леонтьев Константин Николаевич (1831—1891) — писатель, философ, литературный критик. Историю знакомства и дружбы с К. Леонтьевым Розанов изложил в предисловии и комментариях к леонтьевским письмам, опубликованным в «Русском вестнике» (1903, апрель, май, июнь): «К. Н. Леонтьева я знал всего лишь неполный год, последний, предсмертный его. Но отношения между нами, поддерживавшиеся только через переписку, сразу поднялись таким высоким пламенем, что, не успевши свидеться, мы с ним сделали горячими, вполне доверчивыми друзьями... Строй тогдашних мыслей Леонтьева до такой степени совпадал с моим, что нам не надо было сговариваться, договаривать до конца своих мыслей: все было с полуслова и до конца, до глубины понятно друг в друге...» (Константин Леонтьев. Письма к Василию Розанову. London, 1981. С. 23). Первая большая статья Розанова о Леонтьеве («Эстетическое понимание истории». — Русский вестник. 1892. № 1—3) вызвала оживленный интерес к «провинциальному философу» со стороны таких консервативных писателей, как А. Александров, Ф. Романов (Рцы), Т. Филиппов. На протяжении всей своей жизни Розанов неоднократно

но возвращался к идеям и личности Леонтьева, с энтузиазмом откликаясь на любые попытки возвращения забытого мыслителя из «литературного изгнания».

Талмуд (в буквальном переводе с древнееврейского — учение, изучение) — свод устного учения, сложившегося в иудаизме в последние века до нашей эры и первые века нашей эры. Помимо религиозных и правовых предписаний, Талмуд содержит также множество исторических, теологических и естественнонаучных материалов. Розанов читал Талмуд в русском переводе Н. Переферковича (Талмуд. Мишна и Тосефта. Т. 1—6. СПб., 1899—1904; Талмуд Вавилонский. СПб., 1909). Рецензия Розанова на I том этого перевода появилась в «Литературном приложении к „Торгово-промышленной газете“» (1899. 24 окт.).

****А. С. Пушкин. Воспоминание (1828).

С. 433 *О Венгерове см. прим. * к С. 303.

Кареев Николай Иванович (1850—1931) — историк и социолог; особенно резко Розанов полемизировал с ним в статье «Погребатели России» (НВ. 1909. 19 ноября). В другом месте Розанов писал о Венгерове и Карееве: «„Симпатичное лицо“ могло увлечь меня в революцию, могло увлечь и в Церковь,—и я в сущности шел всегда к людям и за людьми, а не к «системе и не за системой убеждений». Вся, напр., моя (многолетняя и язвительная) полемика против Венгерова и Кареева вытекла из того, что оба — толстые, а толстых писателей я терпеть не могу. Но «труды» их были мне несколько не враждебны — (или «все равно»)» (Розанов В. В. Литературные изгнанники. Т. I. С. 257).

С. 434 *Кузьмин-Каравез Владимир Дмитриевич (1859—?) — писатель и политический деятель, профессор уголовного права (1909—1913) на Высших женских курсах, сотрудник журн. «Вестник Европы».

Алексинский Григорий Алексеевич (1879—1967) — член социал-демократической фракции II Государственной думы.

**Парафраз строки из басни Крылова «Квартет» (1811).

***Розанов В. Когда начальство ушло... 1905—1906 гг. СПб., 1910. Первая статья этой книги называется «Всемирная скука».

****Имеется в виду драма Л. Андреева «Савва» (1906).

*****Статьи о безнравственности политики должны были составить сборник «Черный огонь», посвященный революции и политике.

С. 436 *М. Ю. Лермонтов. Демон. Ч. I. 4. В современных изданиях строчка читается иначе («Столпообразные раины»).

**С V века римские епископы закрепили за собой название «пап».

***Вселенские соборы католической церкви происходили в 1545—1547, 1551—1552, 1562—1563 гг. в г. Тренто и в 1547—1549 гг. — в Болонье. Собор, ставший ответом католической церкви на успехи Реформации, утвердил догматы о первородном грехе, о чистилище и о приоритете папской власти; в решениях собора были перечислены и преданы анафеме главные положения протестантизма.

****В «Литературных и политических афоризмах» (НВ. 1910. 25 и 28 ноября, 9 декабря и сохранившихся в архиве неопубликованных гранках) — полемическом ответе К. И. Чуковскому и П. Б. Струве Розанов развивал сходную аргументацию:

«— Сколько можно иметь мнений, мыслей о предмете?

— Сколько угодно... Сколько есть «мыслей» в самом предмете: ибо нет предмета без мысли, и иногда — без множества в себе мыслей.

— Итак, по-вашему, можно иметь сколько угодно нравственных «взглядов на предмет», «убеждений» о нем?

— По-моему и вообще по-умному — сколько угодно.
 — Ну, а на каком же расстоянии времени?
 — На расстоянии одного дня и даже одного часа. При одушевлении — на расстоянии нескольких минут.
 — Что же, у вас сто голов на плечах и сто сердец в груди?
 — Одна голова и одно сердце, но непрерывно «тук, тук, тук». И это особенно тогда, когда вы «спите», вам «лень» и ни до чего «дела нет».

Критика подобрала эти ваши словечки, разбросанные там и здесь в статьях (К. И. Чуковский), — и спрашивает у вас ответа.

— Критика напрасно занимается не тем, до чего у нее есть дело. Но раз затронута моя «дремота», то я отвечу, что именно в те блаженные минуты, когда я «кнаружи» засыпаю, — и наступают те «несколько минут», когда вдруг «сто убеждений» сложатся об одном предмете:

И я люблю — люблю мечты моей созданье.

Но как я не поэт, а немножко философ, то не «люблю», а «убежден», и не «мечту», а «мысль»...

— Страшно и как-то безнадежно для читателя... Где же тогда истина?

— В полноте всех мыслей. Разом. Со страхом выбрать одну. В колебании.

— Неужели же колебание — принцип?

— Первый в жизни. Единственный, который тверд. Тот, которым цветет все, и все — живет. Наступи-ка *устойчивость* — и мир закаменел бы, заледенел. Колебание «дня» и «ночи» ввел в природу Бог; и с такими оттенками: «заря», «рассвет». Именно «сто мнений», как я говорю: у Бога было тоже «сто мнений», как сделать «один день», и Он каждый его час и даже каждые десять минут сделал не похожими на другие. Там — солнышко, здесь — облачко, посрее, посуше — все!!! Но оставим творение природы и обратимся к творениям человека: и они все в «колебаниях», «переменах», в тенях и рассветах — до полной невозможности что-нибудь ухватить... Глупый растеривается их видя; но умный и умное время на них воспитывается, вооружается не содержанием их, а их методом, и сам получает способность рождать мысли...

В литературе теперь — говоря стихом Лермонтова о ветхой Грузии — все...

...столпообразные руины.

Но это оттого, что она есть «бывшая литература», в том страшном смысле, как Горький вывел «бывших людей». Она вся застыла в торжественных позах, с важными жестами. Вся увита «старыми письменами»... Это — Помпея. Красивая, прочная и без жизни. В которую направляются «паломники»...

— Оставьте космогонию, которою вы запутываете ум. Мне нет дела до вашего «творения дня и ночи», так как религия для меня не существует. Я политик, скажите ваше мнение о нашей революции... ну, «бывшей революции». Вы написали о ней книгу — «Когда начальство ушло...» Но с вашими теперешними мыслями, теперешними статьями — она не вяжется. Что же прикажете думать и чему следовать?

— Статьям и книге. Статьям — непременно! Но и книге — непременно!

— Но ведь они исключают друг друга?

— Исключают. А вот вы в *своей живой душе* — и соедините. Поработайте. Попотейте. А то — что «брать готовенькое»... Ослиное дело. Я же и статьи пишу, и книгу написал с надеждой, что работаю не на конюшне, а в литературе. Ваш вопрос похож на вопрос Струве: он написал в ноябрьской книжке «Русской мысли», что-то вроде «литературного портрета» моего, с прониканием в «глубину психологии»... А исходною точкою взял сопоставление, на нескольких страницах, мыслей о революции *теперь* и мыслей *тогда*, и видя эти чередующиеся «да» и «нет» — растерялся, как Бурданаев осел. Это — пример из логики, и потому не обидный. Бурданаев осел между чашкой воды и вязанкой сена и думал: «Я хочу есть, как же я повернусь к воде?» И глядя на сено: «Я хочу пить, как же я повернусь к сему?» И умер, бедный, и не напившись и не наевшись. Струве следовало в живой душе примирить мое «да» и «нет»: но живой души в нем не нашлось и он написал... не буду повторять, что он написал.

Одно и то же предложение «дождь идет» может быть истинно и не-истинно: оно истинно, когда *действительно* дождь идет, а когда солнце светит — уже не истинно. А как по-видимому просто и что, казалось бы, грамматичнее и логичнее «идущего дождя». «Так просто и ясно...» Но уже Гераклит сказал, что «вещи текут», «утекают из-под рук» и «под мыслью»; и даже более удивительное сказал: «*Не может один и тот же человек войти в реку и выйти из нее*». Действительно — выйдя, он уже на *пять минут состарился*, химия его организма чуть-чуть переменялась, мелькнули у него совсем другие *мысли*, и он действительно «не тот человек, который за пять минут назад вошел в воду!» Действительно — «вышел из воды *другой человек!*»

Я влюблюсь... Да чем страстнее я любил или люблю революцию, чем внимательнее я в нее (в *лица* ее) всматривался, чем я в ней более понял, тем мнения мои о ней дальше разойдутся... И, вероятно, из ближайших друзей моих многие знают, что о всех «ближайших сердцу вещах» я говорю сплошь и рядом в «пятницу» совсем другие слова, *совсем в другом тоне*, чем какие говорил в «четверг»... Ибо в «четверг» и «пятницу» я различное *держал в уме* (часто не называя этого, что «держу в уме»), — иных лиц, иные факты, иные мотивы. От глубочайшего негодования — до восхищения.

Кажется прост вопрос: «Был ли *реалист* Гоголь?» «Такой *натуральный писатель*», — твердили со времен Чернышевского. А на гоголевском празднике в Москве вдруг выступил яростный тезис, подержанный почти школою (множеством голосов): «Гоголь был *фантаст*, не знавший действительности, даже ею не *интересовавшийся*». Во всяком случае два мнения. О таком ясном предмете. Спорили «до зубов».

— Кто я? Говорю о себе самом, «таком ясном предмете». — Не знаю. Уж если чего я решительно не знаю, то это — кто я: и именно оттого, что слишком глубоко себя знаю. Чист? Не чист? Дик? Благоустроен? Умен? Подслеповат? Пошл? Великодушен? Как-то я услышал, и подряд два раза, сказанные слова — о «хитрости». Никогда не приходило на ум, но стал вдумываться: и когда я стал думать об этой, казалось бы в своем роде «прямой линии», но в *сложном существе живого человека*, то к удивлению нашел, что как одно направление («хитрость»), так и другое («простодушие») уходят ре-

шительно в бесконечность: 1) т. е. что и простодушью, детскости, наивности я сам не нашел предела, окончания; но с другой стороны и 2) сложности, преднамеренности, обдуманности, «хитрости», наконец, даже «лукавству» и «скрытности», тоже нет границ и предела. Каким образом? Ведь «несовместимо»? Быть «ребенку в старике» и «старiku в ребенке»? Оказывается — все совместимо.

Я сам себя не знаю.

И ни об одном предмете не имею одного мнения.

Но сумма моих мнений, однако, есть более полная истина, чем порознь «имеемое» (кем-либо мнение).

Я жив: и кто хочет «учиться» у меня (читатели) — слушайте же всего меня, ни на чем не останавливаясь, даже (особенно талантливые читатели) не останавливаясь и на «сумме», а от меня «боком» заражаясь тем волнением и жизнью, какой я горю вот много лет и не уставая: и ты проживешь жизнь (над другими темами) так же счастливо и грустно, плодотворно и опять грустно — до отчаяния, до могилы, «как бы до смерти», и опять переходя в озарения, до «не хочу более, довольно»!..

Вот и все. Истина? Не истина? Можно ли построить формулу: «жизнь есть истина»? Не смею: жизнь есть «данное», «обреченное», «роковое», «благодатное»... И опять — определения бесконечны...

С этой точки зрения жизнь и грустна, и велика. Где ее концы? «Где моя душа?» У Бога, в аду?

Я стою печальный, только в надежде, что она «у Бога».

Ветер ли тут ходит? Тишина ли?..

Да что я люблю: тишину? бурю?

И опять — бесконечности; бесконечные ответы... Нигде «да» и нигде «нет»...

А вы приступаете с вопросом:

— Ваше *определенное мнение о революции?*.. И если вы его не дадите — вы относитесь не *честно к вещам*...

Если я не знаю, «где моя душа», и если вместе с тем я глубоко знаю, вижу, что «она — *везде*», то этот вопрос просто истончается по своей жесткости, по своей грубости, по своей короткости. Вы с сапогами и «кадетами» залезли в область, куда вам никогда не следовало входить и где нельзя на вас смотреть иначе, как на «иностранца», «чужака»... Здесь вам не принадлежит ни о чем судить и никого судить.

А вы судите...»

См. также о Струве прим. * к С. 230.

С. 437 *К новому влечет душа (лат.) (Начало «Метаморфоз», I.1, Овидия).

**Иов. 27 : 11.

***Там же. I : 21.

*Сергей Васильевич Розанов (1858—?) — брат писателя.

С. 439 *Рахиль — дочь Лавана, жена Иакова, мать Иосифа и Вениамина; Лия — старшая дочь Лавана, первая жена Иакова. См. Быт. 29 и сл.

С. 440 *Скорее всего имеется в виду тургеневское стихотворение в прозе «Молитва» (1881).

**Перцов Петр Петрович (1868—1947) — литературный критик, публицист, издатель книг Розанова: Литературные очерки (СПб., 1899), Религия и культура (СПб., 1899), Сумерки просвещения (СПб., 1899). «Приход Перцова, и вскоре предложение им издать сборники моих статей, — было собственно началом «выхода к свету». У меня не было до этого самых знакомств, самого видения лица человека, —

который бы мне помог куда-нибудь выбраться» (Розанов В. В. Литературные изгнанники. С. 386). Впоследствии Перцов печатал свои статьи в тех же изданиях, что и Розанов,— в журн. НП, в газ. НВ.

***В «Смертном» далее: «Вот эту-то любовь к человеку я и встретил в своем «друге», и в матери ее, Ал. Адр-е: почему они две и сделались моими воспитательницами и «путеводными звездочками». И любовь моя к В. началась, когда я увидел ее лицо полное слез (именно лицо плакало, не глаза) при «†» моего товарища, Ивана Феоктистовича Петропавловского (Елец), их постояльца, платившего за 2 комнаты и стол 29 руб. (приготов. класс). Я увидел такое горе «по чужом человеке» (неожиданная, но не скоропостижная смерть), что остановился как вкопанный: и это решило мой выбор, судьбу и будущее.

И я не ошибся. Так и потом она любила всякого человека, в котором была нравственно уверена.

В-ря есть самый нравственный человек, которого встретил в жизни и о каком читал. Она бы скорее умерла, нежели бы произнесла неправду, даже в мелочи. Она просто этого не могла бы, не сумела. За 20 лет я не видел ее хотя двинувшуюся в сторону лжи, даже самой пустой; ей никогда в голову не приходит возможность сказать не то, что она определенно думает.

Удивительно и натурально.

(19 декабря 1911 г.)

Но точь в точь такова и ее мать. В-ря («следующее поколение») только несколько одухотвореннее, поэтичнее и нервнее ее.

«Верность» В-ри замечательна: ее не могли поколебать ни родители, ни епископ Ионафан (Ярославль), когда ей было 14 1/2 лет и она полюбила Мих. Павл. Бутягина, которому была верна и по смерти, бродя на могилу его (на Чернослободском кладбище, Елец)... И опять — я влюбился в эту любовь ее и в память к человеку, очень несчастному (болезнь, слепота), и с которым (бедность и болезнь) очень страдала.

Ее рассказ «о их прошлом», когда мы гуляли ввечеру около Введенской церкви, в Ельце,— тоже решил мою «судьбу».

Моя В-ря одна в мире.

(20 лет).»

С. 442 *Неточная цитата из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» (1820).

**Земля, писать (греч.).

С. 443 *3 Цар. 17: 9—24.

С. 444 *Затмение солнца в Петербурге было 17 апреля 1912 г.

С. 446 *Речь идет о статье Н. К. Михайловского «Страшен сон, да милостив Бог» (Несколько слов Л. Слонимскому).— Русская мысль. 1899. № 3, 5, 6, = Полное собрание сочинений Михайловского. СПб., 1913. Т. 10.

С. 447 *Известные лица (лат.).

**Ге Николай Петрович (1884—1920) — публицист, искусствовед, внук художника Н. Н. Ге («Редкий умница», — по словам Розанова); Иванов Евгений Павлович (1879—1942) — литератор, ближайший друг А. Блока. См. о нем вступительную статью Д. Е. Максимова к публикации «Воспоминания и записи Евгения Иванова об Александре Блоке» (Блоковский сборник. Вып. I. Тарту, 1964).

***Делянов Иван Давыдович (1818—1897), граф — государственный деятель, с 1882 г. — министр народного просвещения.

С. 448 *Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1818—1913), граф — поэт.

С. 449 *А. С. Пушкин. Поэт и толпа (1828) («Печной горшок тебе дороже: ты пищу в нем себе варишь»).

**В рукописи вместо последней фразы: «Вот отчего «У.» никто не повторит. Ничего не выйдет. Если не повторится м. б. личность. Но лица (кажется) не повторяются. Выйдет каша (за набивкой табаку).»

С. 450 *Рочко Григорий Викторович, служащий банка в Москве.

**Муравьев Андрей Николаевич (1806—1874) — русский религиозный писатель; его книга «Путешествие по святым местам в 1830 году» (СПб., 1832) выдержала 8 изданий.

С. 451 *Тейхмюллер Густав (1832—1888) — немецкий философ; его книги: «Дарвинизм и философия» (1894) и «Бессмертие души. Философское исследование» (1895).

Розанов не точен; из откликов на его книгу «Семейный вопрос в России» (Т. 1—2. СПб., 1903) нам известны: С к р и б а <Соловьев Е.А.>. О В. В. Розанове. — Одесские новости. 1903. 3 мая, N. Свое и чужое. — Петербургский листок. 1903. 13 апр.; В. Л а з е в <Разиньков В. Л.>. Книга о семье. — НВ. 1903. 28 ноября; Ш е с т а к о в Д. Печальный и мужественный автор. — Мир искусства. 1903. № 9; И в а н о в Е в г. — НП. 1904. № 7.

С. 452 *Заозерский Николай Александрович (1851—1919) — профессор Московской духовной академии по кафедре церковного права, полемизировавший с Розановым по вопросам семьи и брака (см. например: З а о з е р с к и й Н. Странный ревнитель святости семейного очага. — Богословский вестник. 1902. № 11; е г о ж е. К тревожному вопросу о браке и девстве. — Душеполезное чтение. 1904. № 2, 3).

**Имеется в виду Владимир Карлович Саблер (1847—1930) — обер-прокурор святейшего синода (1911—1915).

***Диакониссы — особое служение женщин в древней церкви. В обязанности диаконисс входила помощь больным женщинам, приготовление женщин к крещению, надзор за назначенными для женщин входами в богослужebное собрание и т. п. В 1911 г. предполагалось введение института диаконисс в Русской церкви, однако резкий протест со стороны консервативно настроенных иерархов, и в частности епископа Гермогена, погасил это начинание. Вопрос о диакониссах широко обсуждался в периодической печати того времени.

****Строка из «Марсельезы», которую в 1792 г. написал французский поэт и композитор Руже де Лиль (русский пер. П. Л. Лаврова).

*****Речь идет о жене Г. С. Петрова. См. также С. 456.

С. 453 *Берг Федор Николаевич (1840—1909) — редактор журнала «Русский вестник». В 1893 г. в его журнале (№№ 1, 2, 3, 6) Розанов печатал статьи под общим заглавием «Сумерки просвещения».

**П л у т а р х. Сравнительные жизнеописания. М., 1961. С. 277.

***Мф. 24:34. «Буди! Буди!» — название главы в «Братях Карамазовых» Достоевского.

С. 454 *Речь идет о рецензии: А. Крайний <Гиппиус З. Н.>. — Русская мысль. 1912. № 3; «Нельзя! Нельзя! не должно этой книги быть!» — утверждала Гиппиус.

*Lorens R. De civitate veterum Tarentinorum <«О древней культуре тарентийцев»> Lipsiae, 1833.

С. 455 *Сергей Петрович Дегаев (1857—1920), член организации Народная воля, в 1882 г. был завербован инспектором петербургской

секретной полиции *Георгием Порфирьевичем Судейкиным* (1850—1882) и выдал большую группу революционеров. В декабре 1883 г. участвовал в убийстве Судейкина.

****Свящ. Брхничев Иона Пантелеймонович** (1879—1968) в апр.—июле 1906 г. издавал еженедельную газету в Тифлисе под названием «Встань, спящий.»

С. 456 **Полицейская революция (нем.).*

****Речь идет о свящ. Г. С. Петрове.**

С. 457 **Иоанн Златоуст* (344/354—407) — византийский церковный деятель, проповедник. В приведенной цитате из поэмы А. К. Толстого «Грешница» (1858) речь идет об одном из апостолов, Иоанне Богослове.

****Имеется в виду подготовленное эсерами неудачное покушение на П. А. Столыпина** (1862—1911): 12 августа 1906 г. ими был устроен взрыв министерской дачи на Аптекарском острове, в результате которого погибло 27 и ранено 32 человека (в том числе дочь и малолетний сын Столыпина). *Сипягин Дмитрий Сергеевич* (1853—1902) — министр внутренних дел, убит эсером С. В. Балмашевым. Розанов откликнулся на это событие заметкой (без подписи): Похороны Д. С. Сипягина. — НВ. 1902. 5 апреля.

С. 458 **В рукописи: (о проституции).*

****В. С. Соловьев. Оправдание добра** (1897). Собр. соч. Пг. <б. г. изд.>. Т. 8.

С. 460 **Карташов Антон Владимирович* (1875—1960) — историк церкви, профессор Духовной академии, один из руководителей Религиозно-философского общества в Петербурге.

С. 462 **Быт. 19:31—32.*

С. 463 **Об Афанасии Васильевиче Васильеве* см. прим. ** к С. 348.

Филиппов Третий Иванович (1825—1899) — государственный контролер; славянофил, писатель по церковным вопросам; друг и покровитель К. Н. Леонтьева. Розановская статья «Эстетическое понимание истории» послужила началом переписки Филиппова с Розановым, завершившейся предложением учителю гимназии переехать в Петербург для работы в Контроле. Последующие взаимоотношения Розанова с сановником-славянофилом оставались крайне напряженными. «Служу я,— писал Розанов А. П. Устынскому в 1898 г.— чиновником особых поручений при Государственном Контролере, откомандированным в Департамент железнодорожной отчетности, где состою исполняющим обязанности младшего ревизора и получаю 150 р. В силу нерасположения ко мне Государственного Контролера, Филиппова (по-видимому, он желал и надеялся, что я стану поддерживать его церковные тенденции и вообще разные литературные махинации), положение мое в Контроле весьма шатко и неудобно. Ум у Филиппова светлый, но это — темный человек, и у него нет шага без расчета, как и нет слова — от сердца» (РО ГБЛ. Ф. 249. Ед. хр. 4229; ср.: Розанов В. Литературные изгнанники. С. 383—385).

****Наиболее ярко тезис о «демонизме Розанова» был сформулирован литературным критиком «православной ориентации» А. С. Глинкой (Волжским)** в его статье «Мистический пантеизм В. В. Розанова», первоначально напечатанной в журналах НП. (1904. Декабрь) и «Вопросы жизни» (1905. Янв.—март): «На пути розановского устремления, в его попытках теитизировать пол, в ужасе разверзаются зияющие своей беспросветной темной глубиной бездны, раскрываются страшные, бездонные пропасти, из которых несетя страшно-щекочущий сатанинский хохот, бегут странно дрожащие черные тени, загораются зловещие, дразнящие красные огни демо-

низма. В глубине глубин пантеистической мистики Розанова страшно темная точка ее, черное жерло жизни, в ее провалах и углублениях к потустовнему, ноуменальному, вдруг загорается огненно-красным дьявольским светом» (Волжский А. С. Из мира литературных исканий. Сборник статей. СПб., 1906. С. 351).

Закржевский Александр Карлович (1886—1916) — киевский литератор и критик, с 1909 г. — корреспондент Розанова, автор книг: *Карамазовщина. Психологические параллели*. Киев, 1912; *Религия. Психологические параллели*. Киев, 1913, — в которых есть главы, посвященные творчеству Розанова. В книге «Карамазовщина» читаем о Розанове: «Вот философ, который весь вышел из Карамазовщины, из адского кипения жизни, из неотравленного коловца таких глубин, о которых нам, современникам, может быть, и не снилось еще!.. Несомненно, он от Федора Павловича, плоть от плоти, кость от костей его, это может быть возмужавший и созревший монашек Алеша, может быть перешедший границу тридцатилетнего возраста Иван, может быть углубившийся и побывавший около очагов культуры — Дмитрий! <...> Творчество Розанова, его душа до того усложнены, до того уклончивы и многообразны, что в одной статье невозможно дать определенной характеристики, нельзя охватить всего Розанова. Много у него различных ликов, и маски его бесчисленны. До сущности же докопаться трудно, а если и постигнешь ее, — то она сейчас же станет новой маской, и снова таинственно засмеется и снова исчезнет во тьме. И вот это-то и есть то, что я особенно ценю в этом художнике» (с. 73; 76).

Куклярский Федор Федорович — философ, автор книг, в которых анализируется также проблематика и творчество Розанова: *Философия индивидуализма*. СПб., 1910; *Осужденный мир. Философия человекоборческой природы*. СПб., 1912. В последней он пишет: «Розанов — типичный аналитик христианства, причем анализ его с годами все более углубляется, принимает все более и более интимный характер и, вместе с тем, все более сосредотачивается на ненормальных и темных чертах христианского откровения. В этом последнем отношении Розанов является прямым продолжателем Константина Леонтьева, с той, однако, разницей, что Леонтьев сатанизировал христианство во имя отрицания человека, тогда как Розанов сатанизирует его путем апелляции к натуральным родовым инстинктам человека» (С. 207). В одном из писем Куклярский писал Розанову: «Можу без обиняков сказать, что я — ярый противник христианства и, пожалуй, Христа, но не знаю, насколько моя платформа близка к Вашей. Кроме Л. Шестова и Вас я не вижу вокруг себя никого, кто мог бы сказать мне несколько утешительных слов» (РО ГБЛ. Ф. 249. Ед. хр. 3876). Письма предваряет розановская характеристика: «Куклярский Фед. Фед. (совершенно — оказалось — невозможный господин) лет 26—28—24? Очень красив, изящен: но «Дай денег»» (Там же).

См. также прим.* к С. 351.

***К. И. Чуковский в «Открытом письме В. В. Розанову» (Речь. 1910. 24 окт.: то же в его кн.: *Книга о современных писателях*. СПб., 1914. С. 168—180) писал: «Я читал Ваши прежние книги. В них как будто не одно, а тысяча сердец, и каждое полно каким-то горячим вином, в каждом — этот изумительный «зеленый шум, весенний шум»... Есть у Вас такие страницы, к которым, кажется, если приложишь руку, то почувствуешь теплоту и биение крови. См. также прим. ** к С. 250.

С. 464. *В «Смертном» вместо пунктировки «...никогда деревянные попы, да и «святые» их категории,— не догадывался никто, считая все за «эмпирию», «случай» и «бывающее», тогда как это суть, душа и от самого источника. Слушайте, человеки: что для нас самое убедительное? Нечто, что мы сами увидели, узнали, ущупали, унюхали. Ну, словом: *знаю* — и баста. Так для жулика — самое ясное, что он может отпереть всякий замок отверткой; для финансиста — что не ошибется в бирже: для Маркса — что рабочим надо дать могущество; и прочее. Всякий человек живет немногими знаниями, которые суть плод его жизни, именно *его*; опыта, страдания, нюха и зренья. Для меня (ведь *внутренность* же свою я знаю) было ясно в Ельце, 1886—1891 гг., что я — погибал, что я — не нужен, что я наконец — озлоблен (вот тогда «демонизм» был), что я весь гибну, может быть, в разврате, в картах, вернее же в какой-то жалкой уездной пыли, написав лишь свое «О понимании», над которым все смеялись...»

**Речь идет о Петропавловском Иване Феоктистовиче (ум. в 1889 г.) — учителе пригготовительного класса в г. Ельце; товарище Розанова; Розанов и позже считал его «первым умницей в городе», звал «Датским принцем»; «первым в Дании» (ЦГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 21).

***В «Смертном» вместо пунктировки: «Та же судьба, та же оставленность. Но реагирующая на зло *плачем в себе*, без осуждения, без недоумения, без всякой злобы, без догадки, что есть в мире злоба, вот «демонизм», вот «бесовщина».

Я подал руку,— долго не принимаемую, по неуверенности. Ведь я ходил в резиновых глубоких галошах в июне месяце, и вообще был «чучело». Да и «невозможно» было (администрация и проч.). Но колебания быстро прошли: случилось (от нервности) несчастие (оказавшееся через несколько месяцев мнимым), — которое так сказать «резиновые калоши» простирало до преисподней и делало меня «совершенно невозможным». Но «слезы по третьем» решили все: именно когда казалось все «разрушенным и погибшим», и до скончания веков, когда *подойти ко мне* значило *погибнуть самому* (особенная личная тайна), и я обо всем этом честно рассказал,— рука протянулась со словами «колебания кончились». Дальше, больше, годы, вдруг бороды лопатой говорят:

— Стоп!

Не обращаю внимания, но за ними и высокопросвещенные люди, как С. А. Рачинский, говорят:

— Нельзя.

«Что такое»?! Будь я «в панталонах мальчик», я ничего особенного бы не понял, не постигнул. Нужно было бесконечно наивной природе (я) столкнуться с фактом, чтобы понять... что «ведь это искусственное дело падать вниз яблоку, оторвавшемуся от ветки: натурально оно должно бы оставаться в воздухе; а уж если лететь, то почему же не вверх, а вниз: значит — *земля притягивает*». Я понял (и первый я), что не в «лопатах» дело, которым «все равно», и не в Рачинском, который благочестив, ко мне добр, а в другом, от *чего Рачинский не хотел отстать*, а «лопаты» приставлены «к этому забору». Кому-то далекому-далекому, чему-то великому-великому, нужно...

— Что нужно?

«— Играйте вы по-прежнему в преферанс,— ну, и погибнете, но мало ли же вообще людей гибнет. И этот «друг» ваш (с скрытною уже тогда болезнью)... тоже погибнет... Но ведь что же?.. Ведь это вообще есть, бывает; — бывает смерть и болезнь, и разврат и пу-

стота жизни или лица... Ну, и что же особенного тут, чему же волноваться...»

— Да нет, не в *этом* дело, а что я был *злобен*, остервенен, за-был Бога, *людей* мне было не нужно. ...А теперь я совсем *ваш* же, с образами, лампадкой, христианством, Христом, с Церковью... Я — *ваш*.

«— Именно — не *«наш»*, и такого нам вовсе не нужно, поскольку вы *вдвоем*, *соединены*. И будете *«наши»* — лишь *разъединясь*.

— «Разъединясь»?.. Значит — опять в злобу, в атеизм, вред людям...

«— Это уже наше дело, мы все берем на себя. О злобе вашей помолимся, и атеизм — замолим, и вообще все обойдется, потихоньку и не колко. Ну, *кто* не вредит людям, и разве все так особенно «веруют». А обходится. Будет сохранен порядок: а если вы погибнете в разделении, то ведь людей вообще всяких и постоянно очень много гибнет. Ничего нового и даже, извините, ничего интересного».

Конечно, при «упрямстве» можно было бы «преломить», и вышла бы грубость, но никакого открытия. Но я был именно кроток, — как и наивность или «натуральность» (дикий человек) простирались до того, что я *годы* ничего не замечал... Как *годы* же потом шло мое «Ньютоновское открытие», что «яблоко очень просто падает на землю» от *того-то*.

С. 465 *Татьяна Васильевна Розанова (1895—1975) — вторая дочь Розанова; была крещена в С.-Петербургской Введенской (что на Петербургской стороне) церкви при восприемниках Николае Николаевиче Страхове и Ольге Ивановне Романовой. После крещения дочь Розанова была официально записана как Татьяна Николаевна Николаева, — так, по имени крестного отца, обычно регистрировались все «незаконнорожденные».

** В «Смертном» вместо пунктировки: «именно оттого, что вы «отец и дочка» и вот так распоясались и «смело вдвоем».

И вдруг образа как будто стали темнеть и сморщились, сморщились нанесенною им обидою... Зажались от нас... Ушли в свое «правильное», когда мы были «неправильные». Ушли, отчуждились... и как будто указали или сказали: «Здесь — не *ваше место*, а — других и настоящих, вы же подите в *другое место*, а где его адрес — нам все равно».

Но, повторяем, жулик знает; чем «отвертывать замки», а «кто молится» и счастлив — тоже знает, что он — *молится* именно, и — именно счастлив; что у него «хорошо на душе»; и вообще что *в это время*, вот, может быть, *на одну эту минуту в жизни* — он сам хорош.

Опять настаиваю, что дело в кротости, что я был именно и всегда кроткий, тихий, послушный, миролюбивый человек. «Как все»»

***В «Смертном» отрывок имеет продолжение: «И вышли. Тут все дело в «отмычке», которая *отпирает* и — в кротости, *которую* я *знал*».

Я как бы вынес *кротость с собою*, и мою «к Богу молитву» — с собою же, и Таню — с собою: и что-то (земля и небо) так повернулись около меня, что я почувствовал:

«— Кротость-то у меня, а у вас — стены. И у меня — молитва, а у вас опять же — стены. И Бог со мною. И религия во мне. И в судьбе. Вся судьба и «свелась» для этого мгновения. Чтобы тайное и существовавшее всегда наконец-то сделалось явным, осязательным, очевидным, обояемым».

...«Вы именно жестоки и горды («отмычка» у меня)... Именно — холодно... Бога в вас нет, и у вас нет, ничего нет, кроме слов... обещаний, надежд, пустоты и звона. Все вы и вся полнота ваших средств и орудий, ваших богатств и библиотек, учености и мудрости, и самых, как вы говорите, «благодатных таинств», не могут сотворить капельку добра, живого, наличного, реального, если оно *ново в веках, не по шаблону и прежде бывавшим примерам*: и тут не то, чтобы вы «не можете», — все вы, бороды лопатой, или добры сами по себе, или вам «все равно», а что-то вас задерживает, и *новое зло* вы легко сотворяете, вот как приходскому духовенству в Петербурге обобрать не приходское, да и вообще много *нового* злого: а вот на «доброе», тоже новое, — связаны ваши руки какою-то страшною, вам самим неведомою силою, которая так же «далека», «неосязаема» и «повсеместна»... как Ньютоново тяготение. Которое *вы открыли* и с него начнется новая эра *миропостижения*, все — новое, хоть начиная считать «первый год», «второй год». Это, должно быть, было в 1896 или 1897 году.

(на обороте счета).»

С. 467 *Преступление, грех (лат.).

С. 468 *Элевсинские таинства — (элевсинские мистерии) в Древней Греции ежегодные религиозные празднества в честь богини земледелия Деметры и ее дочери Персефоны.

С. 469 *Журнал «Дело» (1866—1880), редактировавшийся Г. Е. Благосветловым (1824—1880), печатался с предварительной цензурой, которая, вопреки утверждению Розанова, запрещала многие статьи. Славянофильская газета «Парус» под редакцией И. С. Аксакова выходила в Москве с января 1859 г., была запрещена после второго номера. Славянофильская газета И. С. Аксакова «День» выходила в Москве в 1861—1865 гг. За отказ назвать автора корреспонденции о беспорядках в Остзейском крае (№ 31) в июле 1862 г. Аксаков был отстранен от редактирования и выпуск газеты приостановлен на два месяца.

**Имеется в виду повесть А. И. Куприна «Яма» (1909—1915, ч. 1—2). Об этом Розанов написал статью: Куприн. — НВ. 1909. 26 нояб.

***См. С. 270 настоящего издания.

С. 470 *Иван Павлович Бутягин — священник, тайно обвенчавший Розанова с Варварой Дмитриевной 5 июня 1891 года в домовый церкви Колабанского детского приюта в г. Ельце; брат первого мужа Варвары Дмитриевны. Как явствует из неопубликованного письма Розанова митрополиту Антонию, именно этот «молодой, резкий, грубоватый священник» и был инициатором венчания: «в присутствии нынешней моей жены он завел со старым протоиереем следующий разговор: «я могу В. Д. повенчать с В. В. (со мной)». — «Что ты, с ума сошел — с женатым человеком». — «Нет, отец протоиерей: скажите мне, что требуется венчающему священнику?» Тот исчисляет. — «Нет, я вас спрашиваю о канонах, а не правилах: ничего я не должен знать, кроме согласия жениха и невесты». «По канонам — конечно, но...» Но тот ему закрыл речь: «Я так же каноны хорошо знаю, как вы, и вы меня не оспорите, что как иерей — я решительно ничего не должен знать, кроме сводного согласия венчающихся». — «Конечно». Как старик сказал «конечно» (а он был чрезвычайно уважаемый, глубоко осторожный священник, до известной степени глубокий политик), — невеста моя возлюбленная выбежала, прибежала ко мне и рассказала как бы о пожаре Москвы. До того это и

мне и ей было удивительно. Теперь я знаю по каноническому праву, что — так (одно согласие нужно), но тогда понятия не имел.

А священник этот, решительный и смелый, пришел ко мне и сказал тоже, конечно — венчание без записей, без свидетелей, чисто тайное и только для совести, в приютской церкви (где он священствовал). Старушка моя (мать невесты) плакала две недели, колеблясь, исповедалась (духовный отец — священник у Введения) и по духу отец духовный ей сказал (он меня слегка знал, их же всех — отроду знал): «Ну, что же делать, хуже — будут так после твоей смерти жить» (что и верно случилось бы). Так все и произошло. Мы вошли в церковь, в воскресенье в час дня, под предлогом осмотреть ее — он запер ее на ключ, — и без всякой робости, с венцами (потом пожертвовал в другую церковь), истово — нас повенчал, и повенчав сказал мне трогательное слово, что я должен жену мою (2-ю) усиленно беречь, п. ч. она только отдается в мою совесть и нет у нее другого обеспечения... И вышли мы. Как нас старушка встретила! (еще как она молилась, нас отправляя в церковь): никогда такой горячей, порывистой, минутной молитвы не видал. И воистину, все слава Богу. Вся их семья, весь их большой род замер в страхе; теперь уже нас принимают, но старик священник (политик) затворился, и все заперлись — в неведении. Только неразлучно с нами была старушка мать, ответом, фактом, делом, безграничной к нам обоим любовью. По условию с венчавшим священником, мы должны были (для предупреждения пересудов) немедленно выехать из Ельца. Так и сделали: я выпросил себе перевод в Белый (Смоленской губернии)...» (ЦГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 256).

****В «Смертном» вместо пунктировки:** «А вот и «красное сукно» перед боковым образом. Иван Павлович раньше рассказывал. «Нет прихожан. Одни приютянки. Думал-думал: этот образ всех виднее. И на ступеньках к нему положил красное сукно, а от нижней каймы образа до площадки тоже затянул красным сукном. Народ и повалил. А то очень монотонно было служить. Никого. Теперь и свеч будет много — все к этому образу и прикладываться — толпы толпами».

— «Все будет как следует». И он отозвал меня в алтарь. *Silentium*.

И все было хорошо. Тихо. Он все громко произносил, за священника, за диакона, и за певчих (читал). По требнику — который мне подарил, в темно-зеленом переплете (с ним я хотел сняться, когда рисовал портрет Бакст). А самое лучшее — конец.

Он все серьезно делал; а тут еще сделался *очень* серьезен. Когда мы испили теплоты, он сказал: «Подождите». Мы остановились. И он сказал:

— Помните, Василий Васильевич, что она не имеет, моя дорогая невестка (вдова его покойного брата), никакой другой опоры в жизни, кроме как в вас, в вашей чести, любви к ней и сбережении. И ваш долг перед Богом всегда беречь ее. Других защищает закон, люди. Она — одна, и у нее в мире только один вы. Поцелуйтесь».

Никогда этих слов я ему милому не забуду. С этих пор он стал мне дорог и как бы родным. Он уже умер (поел редиски после тифа). Царство ему Небесное.

Вышли. И он также запер дверь. И спокойно передал ключ сторожу, показавшемуся в дверях. Совершенно никого не было. Ни во дворе, ни в доме. «Приютянки» куда-то делись (на дачу?). И сама

Калабина — на даче. Она-то ему и прислала, через 2—3 года, «первых редисок». Любила и почитала его за светлый нрав.

— Ну, Бог с вами. Прощайте.

Мы сели (извощ.) и вернулись домой.

И наш домик (против Введения) был пуст. Санюшу отослали в Казаки (к дяде). Мамаша:

— Все кончилось?

— Да.

Она поцеловала обоих нас. Не помню, тогда (т. е. после церкви) или перед отправлением, она, став на колени перед образами, горячо-горячо молилась за свою Варю, и все поднимала руки: тут-то я заметил, что в горячей молитве руки обращаются *ладонями к образам* («В мире неясного и нерешенного»). Она именно так делала... И молитва ее была прекрасна, и вся она, милая старушка (тогда только пожилая женщина, лет 55-ти) была прекрасна, вдохновенна и мудра.

У нее был духовником отец Иван (Вуколов), «высокий, седой священник» (в конце «Легенды об Инквизиторе»). И она все ему сказала, и раньше советовалась, и потом досказала.

Он качал головой.

— Зачем только д...?

Она была мудрая. И ответила:

— Все-таки же ободряет. Ведь дело страшное.

И как будто вывела его из мучительного затруднения. Он проговорил:

— Да, да! Конечно! Что делать.

Иван Павлович был и ему родственник. Дальний.

Побыли.

— Ну, что же. Надо обедать. Второй час. И побежала вниз в кухню.

Пообедали.

— Ну, я пойду в кухню, уберу посуду. А вы устали, и вам отдохнуть надо. Василий же Васильевич всегда спит после обеда. И она меня поцеловала.

Мы легли.

Проснулись.

— Да мамаша! давайте чаю.

Напились.

— Ну, теперь пойдите гулять.

Пошли.

И весь город веселый, славный. И я нарядился, и Варя нарядная.

Поехали в монастырь мужской, — первый раз. Чуть-чуть за городом. Вошли в аллею огромного сада: смотрим — Иван Павлыч гуляет. Поговорили, пошутили. Игуменом был... не помню отец Иосиф, но скорее — отец Давид (если возможно). Только имя было — патриархальное. Моррисон же (учитель) рассказывал, что они «всегда туда отправляются, когда при деньгах». И «уединенно» и «можно все».

Иван Павлыч был очень весел. Мы радостны. Поговорили. Пошутили. Поехали домой.

Сейчас я припоминаю, что значит экзамены еще не кончились: потому что раз утром из-за двери услышал встревоженный голос мамыши:

— Девятый час!!! Что же это я!!! Ему в гимназию.

И — через пять минут самовар. Но «до конца экзаменов» было

не больше недели. Потому что столько мы прожили втроем: я, Варя и мамаша. Санюшу задержали в Казаках.

Мамаша была трепетна. Как ее милую я люблю до сих пор (и каждый день вспоминаю). Отворив дверь, вся в милом смехе, тихом и изящном, она обратилась ко мне:

— нравится ли вам Варя?

— ... н-н-нравится...

— Ну, что — старушка (27 лет). Нужно бы помоложе.

И смех. И смех.

— А нравитесь ли *вы-то* ей?..

Какая-то застенчивость в душе (у меня).

И всегда, и теперь, и потом, она все около нас. Она ужасно любила свою Варю. Как-то до брака, она говорила:

— Варя никогда не была веселая. Бывало в девушках — все шумят, возятся. Она ондит где-нибудь отдельно, в уголку.

А Варя рассказывала:

— До 13 лет, уже большая, я все играла «в Академию»: мы чертили на дворе квадрат, потом — поперек, потом — еще поперек. И надо было на одной ножке перескакивать из отделения в отделение. Я уже тогда любила Михаила Павловича.

Мамаша о ней:

— У меня все «не выходило». И дала я обещание Варваре Великомученице; что как еще забеременю — поеду поклониться ее мощам в Киев. И вот забеременела. Меня до этого лечил молодой врач-еврей и очень мной занимался. Он мне предлагал одну меру: «будете здоровы», — но я сказала, что это «против Бога — и я меру не могу принять», и уж «лучше буду больная». Я совсем не могла выходить из дома, и когда надо было на платье купить, то Дмитрий Наумич всегда на выбор приносил материй на дом. Забеременев, на половине беременности я поехала в Киев: и усердно молилась, чтобы доносить. И доносила. И назвала «Варварой», потому что мне Варвара Великомученица помогла.

Когда я был в Киеве (а Варя уже болела), я горячо молился перед теми же мощами о выздоровлении «рабы Божией Варвары» и о «здравии старицы Александры».

Там был очень хороший монах. Я дал 3 рубля — «молиться о больной». А он мне дал, для больной, святой воды.

Так у нас все «вышло». И страшно, а хорошо.

(глубокой ночью).»

*** Мельшин (Якубович Петр Филиппович, 1860—1911) — революционер-народоволец, поэт, прозаик, журналист; Анненский Николай Федорович (1843—1912) — публицист народнической направленности.

С. 471 *Романова Ольга Ивановна.

С. 472 *Тихон Дмитриевич Руднев, брат Варвары Дмитриевны был прокурором в Полтавском суде. О его дочери — Нине Дмитриевне Рудневой — Розанов пишет на С. 202 настоящего издания.

С. 473 *Сергей Андреевич Муромцев (1850—1910) — один из основателей и лидеров конституционно-демократической партии, в 1884 году был лишен кафедры Московского университета за «политическую неблагонадежность». В 1906 году — председатель I Государственной Думы и совещания ее членов в Выборге после роспуска Думы.

С. 474 *Н. А. Некрасов. Колыбельная песня (1845).

**Словцо, остроумное выражение, находчивая реплика (фр.).

***Об исключении К. Кудрявцева из гимназии Розанов писал еще в 90-е годы в одной из статей, вошедших в книгу «Сумерки про-

свещения»: «Я до сих пор сохраняю у себя пачку писем одного школьного товарища, исключенного из нашей средней школы по так называемому «§ 34» (за неспособность), написанных непосредственно вслед за исключением, когда он принял на себя содержание осиротелой семьи своей,—свидетельствующих о такой высокой мере именно умственных способностей, о таком брызжащем искрами даровании, что ни в гимназии, ни позднее в университете я столь ярких способностей в своих товарищах не встречал. Позднее, став учителем, я наблюдал, как по тому же «параграфу», в идеи определяющему ученика, как ленивого и неспособного, удалялись именно такие воспитанники, редкая любознательность которых (но всегда в одной группе между собою связанных предметов) была известна всем исключавшим» (с. 95).

С. 477 *Может быть (фр.).

С. 489 *Крайнего предела (лат.).

С. 492 *В рукописи приписка: (глубокой ночью).

**См. С. 217 настоящего издания.

С. 493 *Речь идет о героине повести Гоголя «Рим».

***Бурульбаш*, *Катерина* — персонажи повести Гоголя «Страшная месть»; *Ганна* — персонаж повести «Майская ночь, или Утопленница».

***Мф. 6:21; Лк. 12:34.

С. 494 **Уленька* — дочь генерала Бетрищева, персонаж поэмы Гоголя «Мертвые души», т. 2, гл. 2.

С. 495 *«*Правительственный вестник*» — ежедневная газета, выходившая в Петербурге в 1869—1917 гг. и печатавшая правительственные распоряжения, отчеты и сообщения.

**«*Русское знамя*» — черносотенная газета, орган «Союза русского народа», выходила в Петербурге с 1905 по 1917 г.

«*Полярная звезда*» — политический и философский журнал. Выходил в Петербурге с декабря 1905 по март 1906 г. под редакцией П. Б. Струве.

- С. 497 *Милая Франция (фр.).

***Перовская Софья Львовна* (1853—1881) шестнадцати лет начала революционную деятельность; была казнена за участие в покушении 1 марта 1881 г. на Александра II.

***«*Тарантул*» — юмор-сатирический журнал, еженедельно выходивший в Симферополе в 1914—1916 гг.

«*Оса*» — под таким названием выходило несколько журналов в различных городах: Петербурге, Москве, Николаеве, Вильне и др.

****«*Скорпион*» — московское книгоиздательство 1900—1916 гг. Выпускало журнал «Весы» (1904—1909), книги русских символистов, современных западноевропейских писателей, альманахи «Северные цветы» (1904—1911).

*****«*Шиповник*» — петербургское книгоиздательство (1906—1918) выпускало литературно-художественные альманахи под тем же названием (1907—1917).

С. 498 *Ср. С. 506 настоящего издания.

**К. Ф. Рылеев. Иван Сусанин (1822).

С. 499 *Об этой истории Розанов написал статью «Не будем равнодушны». — НВ. 1912. 5 июня.

С. 500 **Фаресов Анатолий Иванович* (1852—1918) — писатель, публицист. Упоминается его книга «Против течения. Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем». СПб., 1904.

**Статьи К. А. Тимирязева «Странный обрaccio научной критики». — Русская мысль. 1889. № 3; «Бессильная злоба антидарви-

ниста». — Там же. № 5—7 = В кн.: Тимирязев К. А. «Чарльз Дарвин и его учение».

С. 501 *В письме от 10 (23) апреля 1912 г. Горький писал Розанову: «Нашел на столе «Уединенное», схватил, прочитал раз и два, насытила меня Ваша книга, Василий Васильевич, глубочайшей тоскою и болью за русского человека, и расплакался я, — не стыжусь признаться, горчайше расплакался. Господи помилуй, как мучительно трудно быть русским! Ибо ни один народ не чувствует столь глубоко тяги земной и нет на земле больших *рабов божьих*, чем мы, Русь. <...> Читая Вашу книгу — Вам кричал это, не зло кричал, а с великой болью за Вас и, право, с любовью к Вам. Какой у Вас огромный талант, какая жадная, живая, цепкая мысль. Рано Вы родились или поздно, но Вы удивительно не своевременный человек. Представляю, как не понравится, как озлит эта книга всех, — и радуюсь, ибо все, что не нравится людям, должно быть побеждено ими, и — будет побеждено. <...>» (Контекст 1978. Литературно-теоретические исследования. М., 1978. С. 306).

С. 502 *Очевидно, речь идет о Вергежской А. В.; см. прим.*** к С. 309.

**Некролог А. С. Изгоева о Суворине был напечатан в журн. «Русская мысль» (1912. № 9).

Цепной мост — обычное название Третьего отделения Собственной его императорского величества канцелярии, органа политического сыска и следствия в Петербурге.

С. 504 *Таратин Василий Андреевич — купец 1-й гильдии (магазин дамского платья в Гостином дворе).

**Вера Васильевна Розанова (1848—1867) — сестра В. В. Розанова, была вторым ребенком в семье В. Ф. Розанова.

С. 505 *В сохранившемся черновике далее следует фраза: «Нет самого воспоминания (зрительного): гроб, несут, смерть».

С. 506 *Здесь, так же как и в книге «Смертное», где помещен этот же отрывок, пропущено слово «пар», т. е. должно быть: 12 пар ребер.

**Федор Васильевич Розанов (1850—?) — брат В. В. Розанова, третий ребенок в семье В. Ф. Розанова. Впоследствии стал «странником».

***В книге «Смертное» этот отрывок продолжен следующим текстом: «Мечта моя, года три назад и теперь, — следующая. Может быть, кто-нибудь любящий — исполнит (Флоренский? Цветков?). Нужно отобрать из моей коллекции римских монет — экземпляров 100 или 200, консульских денариев и из денариев Траяна, Адриана и Антонина Пия (особенно многочисленны). Поместить каждую монету в коробочку (у меня их громадный запас), надписать сверху *определение монеты* («Римская республиканская. Патрицианский род Манлиев», «Юлиев» и т. д.). Донышки коробок обмазать гуммиарабиком, и прилепить ко дну небольшого ящика под стеклом, — сперва республиканские по порядку алфавита, и, затем, императорские по хронологии. Закрыть и запереть ящик (ящики есть у меня). И пожертвовать, т. е. попросить принять его в дар, — начальнику Григоровского училища (теперь пансион? гимназия?) в Костроме — для этого училища. Позвав слесаря, можно там или поместить это в коридоре учениц старшего класса, или — если бы встретились препятствия — в старшем классе, прибив на петлях и крюках верхнюю створку, а снизу сделав «отстранение» (от стены; такие «отстранения» у меня есть при ящиках). Таким образом ящик будет в *покатом положении*. Над ящиком укрепить небольшой серебряный венок, на что

из оставленных мною денег выдать рублей 150—200, с пластинкою-надписью по середине его:

Григоровскому училищу
от воспитанницы
1860—1867 годов
Веры Розановой.

Верочка была вся благородная и деликатная. Она была похожа только на старшего брата Колю (достоинство), на нас прочих не была похожа».

**** Быт. 3:14.

С. 507 *В сохранившемся черновике этой записи: «Мамочкино частое слово».

**Наперстянка (лекарственное растение) (лат.).

С. 508 *Рочко Григорий Викторович.

**Народ (греч.).

С. 509 *Иоанн 7:38.

С. 510 *Ис. 42:3; Мф. 12:20.

**Иоанн 1:18.

С. 512 *А. Н. Апухтин. Ночи безумные, ночи бессонные... (1876)
Неточная цитата.

С. 513 *Мужского рода: хлеб, рыба, волосы, конец (лат.).

**А. С. Пушкин. 19 октября. (1825).

***Тернавцев Валентин Александрович (1866—1940) — писатель-богослов, чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода (с 1907 г.), член Религиозно-философского общества.

С. 515 *Гуревич Любовь Яковлевна (1866—1940) — писательница и критик.

С. 516 *Песнь Песней 8:6.

С. 519 *Н. А. Некрасов. Сиятелям. (1876).

**Светозар Степанович Радованович — друг семьи Розанова.

С. 524 *«Современный мир» — петербургский журнал, выходивший с 1906 по 1918 г., где печатались Горький, Ленин, Плеханов, Вересаев, Арцыбашев.

С. 525 *В сохранившемся черновике этой записи есть приписка: Гофштеттер <Ипполит Андреевич, 1860—1951>.

**В сохранившемся черновике этой записи приписка: Лидия Эрастовна Гофштеттер и Таня.

С. 526 *Азеф Евно Фишелевич (1869—1918) — один из лидеров партии эсеров и секретный сотрудник полиции. Разоблачен в 1908 г. как провокатор.

**Гофштеттер И. А.

С. 527 *Все удивлены, что Г. (фр.).

**Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911) — историк, журналист, публицист, редактор журнала «Вестник Европы» (1866—1908), был женат на Любови Иосифовне Утиной.

С. 528 *Пантелеев Лонгин Федорович (1840—1919) — деятель народофильского движения, участник общества «Земля и воля».

**Об «Обществе в память Герцена» Розанов написал в статье «И. В. Киреевский и Герцен». — НВ. 1911. 12 февраля.

С. 529 *Имеются в виду Т. И. Филиппов и А. В. Васильев. См. прим. * к С. 463.

**«Без заглавия» — еженедельный политический журнал, издававшийся в Петербурге с января по май 1906 г. В. Я. Богучарским, Е. Д. Кусковой, С. Н. Прокопьевым.

*** Речь идет о книге: Стасов В. Л. Надежда Васильевна Стасова: Воспоминания и очерки. СПб., 1899. См. также статью Розанова в т. 1 настоящего издания: Женское образовательное движение 60-х годов. С. 129—140.

С. 530 *См. прим. ** к С. 344.

** Вишневский Иван Васильевич — директор Симбирской гимназии; Кильдюшевский Петр Иванович — преподаватель Симбирской гимназии.

С. 531 *Магницкий Михаил Леонтьевич (1778—1855) — государственный деятель, литератор; Русиль (Рассел) Джон (1792—1878) — английский премьер-министр и министр иностранных дел.

С. 532 *Караулов Василий Андреевич (1854—1910) — общественный и политический деятель.

С. 533 *Кусков Платон Александрович (1834—1909) — поэт, писатель, философ. Его книге (Кусков Пл. Наши идеалы. М., 1904) Розанов посвятил рецензию в НВ (1904. 11 ноября); см. также: Розанов В. П. А. Кусков (Некролог). — НВ. 1909. 22 августа.

С. 534 *Гофштеттер И. А.

** Богучарский (наст. фамилия: Яковлев Василий Яковлевич, 1861—1915) — публицист демократической направленности, участник революционного движения. Имеются в виду книги: Богучарский В. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьба и гибель. СПб., 1912; Розанов посвятил ему статью: В русских потемках. — НВ. 1910. 2 окт.; Глинский Борис Борисович (1860—1917) — публицист, редактор журнала «Исторический вестник». Глинский Б. Б. Революционный период русской истории (1861—1881 гг.): Исторические очерки. СПб., 1913.

*** Жданова Александра Дмитриевна, в замужестве Звягинцева — двоюродная сестра Варвары Дмитриевны.

С. 535 *Селикова Евлампия Ивановна.

** Глаголева Марья Павловна (урожд. Бутягина) — сестра первого мужа Варвары Дмитриевны; Глаголева Елизавета — дочь М. П. Глаголевой.

С. 536 *Семья В. Н. Розанова (см. прим. к С. 542), женатого на Элеоноре Германовне Гамбургер.

С. 537 *Речь идет о фельетонах В. Розанова: Трагическое остроумие. — НВ. 1909. 9 февр.; Мережковский против «Вех». — НВ. 1909. 27 апр.; Погребатели России. — НВ. 1909. 19 ноября.

** Речь идет о книге: Розанов В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария. — Русский вестник. 1891. № 1—4. Отд. изд.: СПб., 1894; 2-е изд.: СПб., 1902; 3-е изд.: СПб., 1906.

С. 538 *Буре Павел — фабрикант часов.

С. 539 *Речь идет о писательнице Ольге Александровне Фрибес (1861—1922), близкой знакомой В. Розанова, постоянной посетительнице вечеров Я. П. Полонского (см. о ней на С. 613 1 т. настоящего издания).

С. 542 *Речь идет о племяннике В. В. Розанова — Володе, Владимире Николаевиче Розанове, сыне Н. В. Розанова, брата писателя.

С. 543 *«Кресты» — так называлась петербургская тюрьма, построенная в 1892 г. в форме креста. Володя должен был быть приговорен к лишению всех прав и к ссылке на вечное поселение.

** Залог дал В. В. Розанов; жена Володи — Элеонора Гамбургер обещала выплатить Розанову залог, который позднее был конфискован.

С. 544 *Захарьин Григорий Антонович (1829—1897) — известный терапевт, один из выдающихся клиницистов-практиков, профессор по кафедре диагностики.

С. 545 *Любовь обоих полов (лат.).

**Наш пол (лат.).

***Другому полу (лат.).

****Вселенная обязана всемирной любви (лат.).

*****В природе вещей (лат.).

С. 546 *Грифцов Борис Александрович (1885—1950) — писатель, литературовед, искусствовед. Письма Розанова к Грифцову см.: Наше наследие. 1989. № 6. С. 57—61.

**Троицкий Дмитрий Степанович (ум. 1873) — брат жены Н. В. Розанова.

С. 549 *В сохранившемся черновике этой записи есть пометка: «Карсницкая, из Брянска, сестра В. И. Гедройц».

С. 550 *Я совсем не могу (фр.).

**Опечатка, поправка (лат.).

С. 552 *Толстой Л. Н. Идиллия. Не играй с огнем — обожжешься.— В кн.: Посмертные художественные произведения Льва Николаевича Толстого. Под редакцией В. Черткова. СПб., 1912. Т II. С. 149—171.

С. 553 *Новоселов Михаил Александрович (1864—1940) — духовный писатель, публицист, издатель «Популярной религиозно-философской библиотеки».

С. 555 *Местонахождение рукописи «Лев и Агнец» неизвестно; собственноручные копии с памятников древнеегипетского искусства Розанов начал издавать в своей книге «Из восточных мотивов» (Вып. I—III. Пг., 1916; издание осталось незаконченным).

С. 557 *А. С. Пушкин. Ответ анониму (1830).

**Гершензон М. О. Н. А. Огарева (1829—1913).— Русская мысль. 1914. № 4.

***Учебное упражнение (лат.).

С. 558 *Александра Михайловна Бутягина, Шура первый раз ушла из дома на квартиру в 1907 г. по религиозным причинам — под влиянием свящ. Сильвестра Медведева, находившегося в дружбе с Григорием Распутиным. Подробный рассказ Розанова об этом см. в его книге «Апокалиптическая секта» (СПб., 1914). Второй уход из дома был обусловлен дружбой Шуры с курсисткой Натальей Аркадьевной Вальман, которую Розанов и Варвара Дмитриевна не любили.

С. 559 *Митрополит петербургский Антоний умер 2 ноября 1912 г. На его смерть Розанов откликнулся статьей: К кончине Высоко-преосвященного митрополита Антония.— НВ. 1912. 3 ноября = Христианин. 1912. № 11. С. 683—686.

**Тиллинг Густав Фердинандович — профессор-хирург.

С. 563 *Суходрев Всеволод Михайлович — сотрудник газеты НВ. Тычинкин Константин Семенович — заведующий типографией газ. НВ.

С. 568 *Свояченица И. Ф. Романова, жившая в его семье.

** Настоящее, прошедшее, давнопрошедшее. Будущее (лат.).

С. 574 *Имеется в виду тема Откр. 14:14—19.

С. 576 *Кузнецов Алексей Федорович (р. 1878) — крестьянин, депутат II Государственной думы от Тверской губернии.

**По делу освобожденного от наказания за отцеубийство Мартьянова Розанов написал статью «К делу Мартьянова».— НВ. 1912. 12 ноября.

С. 577 *См. прим. * к С. 451.

****Франциск Ассизский (1181/1182—1226)** — святой, итальянский проповедник, основатель ордена францисканцев, автор религиозных поэтических произведений; «Цветочки» — русский перевод народных повествований о св. Франциске печатался в журнале «Новый мир» в 1904 г.

С. 578 *Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889), с 1866 г. министр народного просвещения, утвердивший новый устав гимназий (1871), где классическая система образования оказалась преобладающей.

****Фаллический культ (лат.).**

С. 579 *Речь идет об ежедневной бульварной «Газете-Копейке», издававшейся в Петербурге с 1903 по 1918 г. М. Городецким и В. Анзиминовым.

С. 580 *Так... конец (лат.).

С. 582 *Домна Васильевна Алешинцева — бонна, воспитывавшая младших детей в семье Розанова и ухаживавшая за Варварой Дмитриевной во время болезни.

****Вариант в рукописи: «И лицо страшно сжимается в кулачок. (Посвящаю это священнику г. Альбову, который за 20 лет один из всех людей выругал ее, и через 4 недели, как исповедал. Узнав, она только сказала: «Что я сделала ему». Но не огорчилась и не рассердилась.)»**

С. 585 *Чистокровность (фр.).

****Противоречие в определении (лат.).**

С. 586 *Ошибка в написании отчества Чернышевского не поддается объяснению; см. письмо З. И. Барсуковой к Розанову:

«Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Чернышевского звали Николай Гаврилович, а не Григорьевич. Я так и исправила в гранках, но Вы перечеркнули и поставили Григорьевич. Сегодня я нарочно сделала справку, которая подтвердила, что его звали Гаврилович. Если еще не напечатали, необходимо исправить.

Искренно Вас уважающая

З. Барсукова».

С. 591 *Здесь и в следующем абзаце в рукописи: «для девочек». Среди записок Розанова сохранился другой вариант этого отрывка:

«Как-то раз сказал при мне (сидели вдвоем) — «это я для девочек». И немножко вина. И «для девочек» же уносил последнее белье из комода, как с ним драться, когда он всех сильнее (старший в доме). Брат вдали учился, в Университете (кажется, не приезжал или редко).

«Кончившая же курс» курила «сигарки» и из окна, перевесившись, болтала с кем придется. Редко-редко свяжет салфетку нитчатую на продажу.

Мать лежала (болезнь).

Дети играли. Я (из-под палки) все на носилках носил навоз в парники. Потом — поливал. Потом — полыл. Мне было 7, 8, 9 лет. 19-летьи и 18-летья — ничего.

И развалилось все» (ЦГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 225).

С. 594 *С. Я. Надсон. Умерла моя муза! (1885). Неточная цитата.

С. 595 *Далее в рукописи следующий текст: «И как одна грешница «принесла миро и помазала ноги Его», и «об этом будут всегда вспоминать, где будет проповедано Евангелие», так эти свободные

женщины должны иметь свой час и свое участие и свой культ, себе особые молитвы и обряды — в церкви. Как это выразить и сделать — не моим силам придумать: они должны что-то свое особое сделать в Церкви: как свое особое имела и сделала Мария Магдалина. Им должно, я думаю, тоже приносить мир в Церковь, или вот смотреть за наполнением лампад, за возжжением свечей. Вообще им должна быть дана особая роль в Страстную Седмичу».

С. 596 *Речь идет об Апостоле Пуло Евгении Ивановне. См. прим. ** к С. 324.

С. 597 *Страх пустоты (лат.).

**См.: Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. СПб., 1871. Т. 2. С. 542 (письмо 116. Моя свадьба).

С. 600 *Быт. 19:30—38; приведенных Розановым слов в библейском повествовании нет.

**Скальковский Константин Аполлонович (1843—1906) — публицист.

С. 601 *Т. е. культ фаллоса.

С. 603 *Речь идет о лекции Чуковского: «Нат-Пинкертон и современная литература» (1908). Отчет о лекции — «Голос Москвы», 30 октября. См. также отклик В. Розанова «К. И. Чуковский о русской жизни и литературе». — Журнал театра художественно-литературного общества 1908—1909. № 9.

**А. С. Пушкин. Брожу ли я вдоль улиц шумных... (1829).

***Кони Анатолий Федорович (1844—1927) — юрист и общественный деятель, писатель. Розанов посвятил ему статьи: А. Ф. Кони как писатель и юрист. — НВ. 1912. 19 и 22 марта; Анатолий Федорович Кони. (К 50-летию его общественной и государственной деятельности.) — НВ. 1915. 1 октября.

С. 607 *См. прим. * к С. 470.

С. 608 *Имеется в виду статья Розанова «Историко-литературный род Киреевских». — НВ. 1912. 27 сент., 9 и 18 октября; и рецензия Розанова на кн.: «Пасквале Виллари. Джилорамо Савонаролла и его время» — НВ. 1912. 21 ноября.

**Ее смакуешь с удовольствием (фр.).

***С. Щеколдина.

С. 609 *«Освобождение» — двухнедельный журнал, издававшийся П. Б. Струве с 1902 по 1905 г. в Штутгарте, а затем в Париже; вокруг журнала сложился союз «Освобождение», из которого в 1905 г. образовалась кадетская партия.

С. 612 *В полном составе (лат.).

**Верую ...люблю (лат.).

С. 614 *В рукописи сохранилась запись к этому отрывку: («Образок с ниточкой из мантии Серафима Саровского — подарок Флоренского, сбросила, переменяя белье на кровати, баба. Стекло вылетело, ниточка выпала и затерялась»).

С. 615 *Имеются в виду генерал А. А. Макаров и Григорий Андреевич Гершуни (1870—1908) — один из главных основателей партии социалистов-революционеров и ее боевой организации; в 1904 г. был приговорен к смертной казни, замененной бессрочными каторжными работами.

**Боголепов Николай Павлович (1847—1901) — юрист, государственный деятель, с 1898 г. — министр народного просвещения, инициатор введения репрессивных мер в высших учебных заведениях. 14 февраля 1901 г. студент московского и юрьевского университетов П. В. Карпович, уволенный за участие в студенческих волне-

ниях, выстрелом из револьвера смертельно ранил Боголепова в шею. На смерть Боголепова Розанов откликнулся заметкой (без подписи): Кончина министра народного просвещения Н. П. Боголепова.— НВ. 1901. 3 марта.

С. 616 *См. запись в Дневнике М. П. Погодина 25 марта 1823 г.: «О Фон-Визине. Недоросль должен быть помещен оригиналом в нашу Историю» (Барсуков в Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина *СПб., 1888. Т. 1. С. 211).

** М. В. Ломоносов. Ода на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года.

***Хрущев (Хрущов) Иван Петрович (1841—1904) — педагог, журналист, издатель.

С. 618 *Иванова Мария Павловна (1874—1941), сестра Е. П. Иванова, см. прим. ** к С. 447.

**Аспазия (из Милета), вторая жена Перикла, брак с которым не признавался законным, т. к. у нее не было афинского гражданства.

***Положение в действии (лат.).

****См.: Милль Дж. Подчиненность женщины. Предисл. Н. Михайловского и прил. писем О. Конта к Д. С. Миллю по женскому вопросу. СПб., 1869.

С. 619 *Корнилов Александр Александрович (1862—1925), писатель, журналист. Его статьи «Семейство Бакуниных» печатались в «Русской мысли» за 1909 г. в № 5, 6 и 8 и в 1911 г.; книга «Молодые годы Михаила Бакунина. Из истории русского романтизма». М., 1914. Варвара Александровна Бакунина (по мужу Дьякова), 1812—1866.

**В рукописи приписка: «(Лихачев Владимир Сергеевич и его Маня)».

С. 621 *Владимир Дмитриевич Набоков (1870—1922) — политический деятель, один из лидеров кадетской партии, сотрудник журнала «Освобождение».

С. 624 *В действительности, в определенном случае (лат.).

С. 625 *Имеется в виду патетическая речь И. С. Аксакова, которую он произнес в Московском славянском комитете 22 июня 1878 г. Аксаков резко осудил уступки русской дипломатии на Берлинском конгрессе, завершившемся «позорным миром»: «Ты ли это, Русь-победительница, сама добровольно разжаловавшая себя в побежденную? Ты ли на скамье подсудимых, как преступница, каешься в святых, подъятых тобою трудах, молишь простить твои победы?.. Едва сдерживая веселый смех, с презрительной иронией похвалия твою политическую мудрость, западные державы, с Германией впереди, нагло срывают с тебя победный венец, преподносят тебе взамен шутовскую с гремушками шапку, а ты послушно, чуть ли не с выражением чувствительнейшей признательности, подклоняешь под нее свою многострадальную голову!...» За эту речь Аксаков был выслан из Москвы, а московский комитет — закрыт.

С. 626. *Клейнмихель Петр Андреевич (1793—1869) — военный чиновник; в 1837—1839 гг. заведовал возобновлением сгоревшего Зимнего дворца, за что возведен в графское достоинство.

С. 627 *Т. е. Алексей Андреевич Аракчеев.

С. 628 *См. Струве П. Б. Балканский кризис и исторические задачи России.— Русская мысль. 1912. № 12.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аввакум — II, 499
 Август — II, 24
 Августин Аврелий — I, 29, 91, 92, 492, 542, 564; II, 661, 665
 Аверроэс — I, 26
 Аврелий Марк — I, 288, 289, 611; II, 44, 291, 429
 Аггеев К. М. — II, 405, 665
 Адрианов С. А. — I, 634
 Азеф Е. Ф. — II, 526, 685
 Айзман Д. Я. — II, 307
 Айхенвальд Ю. И. — I, 586; II, 667
 Акимов — II, 266
 Аксаков И. С. — I, 112, 118; II, 207, 469, 625, 644, 679, 690
 Аксаков К. С. — I, 112; II, 207, 644
 Аксаков С. Т. — I, 231; II, 75, 207, 644
 Аксаковы — I, 97; II, 499
 Аларих — I, 91; II, 586
 Александр I Павлович — II, 402—403, 664, 665
 Александр II Николаевич — I, 103; II, 584, 625—626, 645, 659, 683
 Александр III Александрович — I, 166; II, 201, 503, 561, 657, 667
 Александр Бал — II, 291
 Александр Македонский — I, 119, 285, 288, 304, 409; II, 306, 406—407, 415, 433, 442, 655
 Александр Невский — II, 254
 Александров А. А. — II, 668
 Алексеев А. И. — I, 427, 429
 Алексей Михайлович — I, 100, 433, 527, 529, 532, 590
 Алексей, св. — I, 51, 53
 Алексей Божий человек — I, 52
 Алексинский Г. А. — II, 434, 669
 Алексис II — I, 179, 180
 Алешинцева Д. В. — II, 582, 608, 653, 688
 Альбов И. Ф. — II, 295, 425, 648, 658, 688
 Альбова А. А. — II, 243—244, 266, 267, 648
 Альмансун — I, 25
 Альф-Араби — I, 26
 Амвросий Оптинский — I, 219, 292, 303, 364, 411, 415, 611; II, 406, 575
 Амшель Г. — I, 288, 289, 611; II, 44
 Амфитеатров А. В. — II, 579
 Анакреонт — I, 155
 Анатолий — I, 402, 403
 Анахарсис — II, 327, 660
 Андерсен Г. X. — II, 372
 Андреев Л. Н. — II, 356, 429, 434, 522, 649, 662, 669
 Андреев Н. А. — II, 561
 Андреев Ф. К. — II, 394, 664
 Андреевский С. А. — II, 637
 Андрей Критский — II, 128, 174, 636

В указатель вошли имена из 1-го и 2-го томов Розанова. В него не включались мифологические и библейские, а также неустанавливаемые — и в розановском контексте эпизодические — персонажи. — *Ред.*

- Андроник (Трубачев А. С.) — II, 637
 Анзельм (Ансельм) Кентерберийский — I, 171.
 Анзимиров В. А. — II, 688
 Анна Ивановна — I, 308
 Анненков П. В. — I, 113, 114
 Анненский Н. Ф. — I, 470, 515, 682
 Аннибал — I, 360, 361, 366
 Аноним — II, 633, 638
 Антокольский М. М. — I, 430
 Антоний (Вадковский А. В.) — II, 267, 559, 653, 654, 679, 687
 Антоний Волынский — II, 377
 Антоний Печерский — I, 428, 626
 Антоний Поссевин — I, 81, 591
 Антоний (Флоренсов М.) — II, 186, 637
 Антоний (Храповицкий А. П.) — II, 293—295, 359, 373, 658
 Антоний (Грановский А. А.) — I, 544, 631
 Антонин Пий — II, 584
 Антонов Н. Р. — II, 394, 577, 664
 Антонский А. А. — I, 110
 Анфимов Я. А. — II, 379, 381, 576, 663
 Апостолопуло Е. И. — II, 324, 596, 659—660, 689
 Апухтин А. Н. — II, 512, 685
 Араго Д. Ф. — II, 333, 660
 Аракчеев А. А. — I, 67, 385; II, 208, 531, 627—628, 690
 Аристид — II, 585
 Аристокитон — I, 304
 Аристотель — I, 12, 24, 26, 41, 43, 221, 239, 244, 586; II, 211
 Арно С. — I, 177
 Архимед — II, 447
 Арцыбашев М. П. — II, 282, 455, 514, 685
 Аскольдов С. А. — I, 633
 Аспазия — II, 618, 690
 Атилла — II, 270, 436
 Ауэр Т. — II, 499, 500
 Афанасьев Н. И. — II, 235—236, 647
 Ашешов Н. П. — II, 667
 Б. В. — I, 618
 Б. П. — II, 638
 Бабенко А. Д. — I, 432
 Байрон Д. Г. — I, 106, 146, 173, 221, 288, 400, 525, 599; II, 139, 223, 381, 408, 455, 463, 546, 647
 Бакай — II, 614
 Бакст Л. С. — II, 509, 562, 664, 680
 Бакунин М. А. — I, 153; II, 208, 214, 307, 624, 626, 690
 Бакунина В. А. — II, 619, 690
 Балмашев С. В. — II, 675
 Бальзак О. де — I, 171
 Бальмонт К. Д. — II, 321, 659
 Баратынский Е. А. — I, 495, 629
 Барклай де Толли М. Б. — II, 306
 Бар-Кохба С. — I, 545, 631
 Барсуков Н. П. — I, 96—120, 592; II, 689—690
 Барсукова З. И. — II, 688
 Басмановы — I, 310
 Баттистини М. — I, 395, 626
 Батюшков К. Н. — I, 99
 Батый — II, 613—614
 Башкирцева М. К. — II, 210, 645
 Баян — см. *Колышко И. И.*
 Безобразов В. П. — II, 154, 163—164, 165, 637
 Безобразова Е. Д. — II, 155, 163—164, 637
 Безобразова М. В. — II, 154—171, 637
 Бейлис М. — II, 659
 Бекетов А. Н. — I, 134; II, 165
 Белинский В. Г. — I, 4, 49, 100,

- 112, 120, 125; II, 214, 226,
243, 362, 415, 624—626
- Белый А.— II, 224
- Бельгард — I, 622
- Беляев С. А.— II, 662
- Бенеке — II, 167
- Бентам И.— II, 485
- Берг Ф. Н.— II, 453, 616, 674
- Бердягин М.— II, 214, 645
- Бердяев Н. А.— II, 664
- Беркли Д.— I, 262
- Бернард Клервосский — I, 171
- Берта, св.— I, 471, 629
- Берто Г.— I, 177—179, 185
- Бетховен Л.— I, 316; II, 578
- Бехтерев В. М.— II, 379—381,
557, 576, 663
- Бильрот Т.— I, 520, 630
- Бисмарк О.— I, 146; II, 208, 441,
622
- Благов Ф. И.— II, 666, 667
- Благосветлов Г. Е.— I, 149; II,
469, 525, 528, 679
- Блок А. А.— II, 352, 662, 673
- Блюнчли И. К.— II, 269, 654
- Боборыкин П. Д.— II, 243, 321,
579, 648
- Богданов-Бельский Н. П.— I, 221
- Богданович А. И.— I, 586, 596
- Боголепов Н. П.— II, 615, 689
- Богров Д.— II, 668
- Богучарский (Яковлев) В. Я.— II,
534, 683, 685, 686
- Божков Д.— I, 588
- Боккаччо Д.— II, 39
- Бокль Г. Т.— I, 4, 119, 120, 630;
II, 243, 319, 476, 498, 574, 586
- Болотов А. Т.— II, 597, 689
- Бюнч-Бруевич В. Д.— II, 304
- Борджа Ц.— II, 335
- Борис Федорович (Годунов) —
I, 89
- Боткин В. П.— I, 114, 116, 117
- Бюткин С. С.— II, 561
- Боцяновский В. Ф.— II, 667
- Бочарова И.— II, 650
- Бранд А. Ф.— II, 192
- Брешко-Брешковская Е. К.— II,
309
- Брихничев И. П.— II, 455, 675
- Бронзов А.— I, 619
- Бругш Г. К.— II, 39, 635
- Брюсов В. Я.— I, 8, 165, 595;
II, 210, 224
- Будда — I, 347, 353; II, 320, 587
- Буклей Э.— I, 319
- Булгаков С. Н.— II, 242, 577,
648, 664
- Булгарин Ф. В.— I, 111; II, 531
- Бунин И. А.— II, 282
- Буре П.— II, 538, 686
- Буренин В. П.— I, 188, 634
- Бурцев В. Л.— II, 614
- Буслаев Ф. И.— I, 4, 47, 126—
128, 286, 444; II, 253, 254,
383, 397, 649
- Буткевич — II, 562
- Бутлер — I, 136
- Бутурлин В. Д.— II, 218, 430,
646
- Бутягин И. П.— II, 470, 607,
679—681
- Бутягин М. П.— II, 535, 566, 568,
673, 679, 680, 682, 686
- Бутягина А. М.— II, 299, 342, 358,
444, 503, 506, 507, 539, 558,
566, 618, 642, 646, 680, 681,
687
- Бутягина В. Д.— I, 5, 6, 11, 21;
II, 7—8, 215, 228, 233—234,
246, 262—268, 272, 274, 279,
282—283, 286, 299, 324—328,
338, 341, 352, 358, 359, 361,
364, 366, 372—375, 378—381,
384—385, 389, 397, 398, 417,
425—427, 438, 440, 444, 464,
469—473, 505, 512, 513, 533—
542, 553—556, 558—560, 565—

- 566, 568—570, 572, 576—577,
582, 590—591, 603, 607—608,
614, 618, 629, 640, 642, 647,
651, 653, 656, 662—663, 664,
673, 677, 679—682, 685—688
- Бушери — II, 51
- Быков А. А. — I, 323
- Бекон Веруламский — I, 25, 172,
220
- Бюхнер Л. — II, 35, 605
- В. Л. — II, 657
- Вагнер Р. — I, 217; II, 257
- Вайсберг — I, 622
- Валентин — I, 187, 597
- Валетон И. II. — I, 319.
- Вальман Н. А. — II, 646, 657, 687
- Варфоломей — I, 222, 223, 225,
226
- Василевский И. М. — II, 668
- Василий Влаженный — II, 41
- Василий Великий — II, 18, 634
- Василий Кесарийский — I, 434
- Васильев А. В. — II, 348, 463, 529,
661, 675, 685
- Васнецов В. М. — I, 149, 151
- Введенский А. И. — II, 338
- Вейнинггер О. — II, 182—183, 185,
289—290, 637
- Веласкес Д. — I, 172
- Веллингтон А. У. — II, 282
- Вейс — II, 307
- Венгеров С. А. — II, 303, 433, 659,
669
- Вербицкая А. А. — II, 649
- Вергешская (А. Вергешский) —
II, 309, 502, 659, 684
- Вергилий М. П. — I, 171; II, 445—
446
- Вересаев В. В. — II, 685
- Веселитская (Микулич) Л. И. —
II, 10, 634
- Веспасиан — I, 557
- Ветринский Ч. — см. Чешихин В. Е.
- Виардо-Гарсиа П. — II, 326, 660
- Виленин Н. М. — II, 217, 646
- Виллари П. — II, 608, 689
- Вильборг А. И. — II, 399, 665
- Вильгельм II — II, 561
- Вильде — II, 95
- Вилье де Лиль-Адан Ф. О. — II,
332—333, 660
- Винавер М. М. — II, 401, 403, 609,
665
- Винкельман И. — II, 124
- Виноградов П. Г. — II, 397, 665
- Виппер — II, 581
- Виталия — I, 433, 465—469, 471—
474, 476—483, 486—488, 491,
494, 495, 497, 498, 500, 502—
505, 508, 510—516, 519—521,
523—526, 528, 531, 533, 539,
540
- Витте С. Ю. — II, 236, 255, 647
- Вишневский И. В. — II, 530, 531,
685
- Владимир I — I, 129, 329, 428;
II, 425
- Вудсворт У. — I, 599
- Вознесенский К. В. — II, 205, 644
- Волжский (Глинка) А. С. — II, 79,
350, 463, 546, 640, 657, 661,
675—676
- Волконский С. Г. — II, 433
- Вольтер (Аруэ М. Ф.) — I, 46,
295, 612; II, 333, 431, 451,
610—611
- Воронцов М. С. — II, 282
- Воротынские — I, 100
- Вриенний — I, 307
- Вуколов И. — II, 681
- Вяземский П. А. — I, 105, 198
- Гааз Ф. П. — I, 223—227
- Гагарин — I, 559

- Галахов А. Д.— II, 396, 664
 Гален — I, 25, 520, 630
 Галилей Г.— I, 172, 524
 Гамбетта Л.— I, 212
 Гамбургер Э. Г.— II, 536, 542, 543, 544, 686
 Гапон Г. А.— II, 236, 647
 Гарвей У.— I, 109
 Гармодий — I, 304
 Гарнак А. фон — II, 256, 650
 Гаррис — см. *Каллаш М. А.*
 Гверчино Ф.— I, 191
 Ге Н. Н.— I, 444, 445, 628; II, 673
 Ге Н. П.— II, 447, 528, 673
 Гегель Г. В. Ф.— I, 146, 288; II, 652, 663
 Гедройц В. И.— II, 410, 666, 687
 Гейм — I, 108
 Гейне Г.— I, 296; II, 307
 Геккель Э.— I, 211
 Геккери — см. *Дантес Ж. Ш.*
 Гельмгольц Г. Л. Ф.— I, 394
 Гельфман Г. М.— II, 213, 645
 Генрих IV — II, 497
 Гераклит — II, 671
 Германов В.— II, 638
 Гермоген (Долганов Г. Е.) — II, 267, 359, 373, 653, 674
 Геродот — I, 239, 259—262, 265—270, 275, 276, 280, 284, 602, 609; II, 100, 139, 666
 Герострат — II, 225
 Герцен А. И.— I, 100, 112, 114, 119, 149; 331; II, 196, 198, 208, 214, 226, 254, 302, 318, 347, 393, 430, 457, 511, 583, 610, 614, 624—627, 659, 660, 665, 685
 Гершензон М. О.— II, 242, 310, 335, 393, 522, 557, 646, 648, 659, 660—661, 664, 665, 687
 Гершуни Г. А.— II, 615, 689
 Герье В. И.— II, 397, 665
 Гесиод — I, 37
 Гесс — II, 567
 Гете И. В.— I, 173, 208, 324, 392, 447, 600; II, 183, 282, 579, 661
 Гетнер А.— II, 489
 Гизо Ф. П. Г.— II, 139, 333, 442, 660
 Гиляров-Платонов Н. П.— I, 311
 Гиппиус З. Н.— II, 352, 454, 537, 562, 662, 674
 Гиппократ — I, 25, 109, 520, 630
 Глаголева Е.— II, 535, 686
 Глаголева М. П.— II, 535, 686
 Гладстон У. Ю.— I, 146
 Глебов Н.— II, 668
 Глинка А.— см. *Волжский А. С.*
 Глинка М. И.— I, 568
 Глинский Б. В.— II, 534, 638, 686
 Глубоковский Н. Н.— II, 266, 652
 Говоруха-Отрок Ю. Н.— II, 352, 428, 662
 Гогенцоллерны — II, 623
 Гоголь Н. В.— I, 97, 100, 101, 106, 225, 226, 313, 390, 468, 473, 501, 513, 560—564, 567, 569, 570, 576, 630; II, 45, 46, 158, 282, 284, 314—315, 345, 357—358, 369, 378, 406, 442, 493—494, 506, 534—537, 545, 561, 564, 625, 651, 671, 683
 Голинищев-Кузутов А. А.— II, 448, 673
 Голиков В. Г.— II, 631
 Голицын А. Н.— I, 67
 Голицын — I, 134
 Голицына — I, 99
 Голоушев С. С.— II, 634
 Гольдовская А. О.— II, 657
 Гольдовский С.— II, 279, 657
 Гольдсмит О.— I, 154, 594
 Гомер — I, 27, 37, 119, 201, 285, 597; II, 23, 634
 Гончаров И. А.— I, 140
 Гораций — II, 282

- Горнфельд А. Г.— II, 209, 402, 522, 524, 645
- Городецкий М.— II, 688
- Горчаков М. И.— II, 637
- Горький М.— II, 256, 257, 401, 429, 434, 501, 514, 522, 528, 650, 670, 683—684, 685
- Гофман И. К.— II, 247, 648
- Гофштеттер И. А.— II, 526, 527, 534, 616, 660, 685, 686
- Гофштеттер Л. Э.— II, 324, 525, 660, 685
- Градовский А. Д.— II, 637
- Грахи — I, 356
- Грановский Т. Н.— I, 4, 49, 112, 114, 125, 126, 149; II, 660
- Грау — I, 29, 588, 589
- Греви Ж.— I, 160
- Грей Т.— I, 599
- Грибовский В.— I, 586
- Грибоедов А. С.— II, 347, 481
- Григорий I — II, 497
- Григорий VII — I, 306, 314, 315; II, 407
- Григорий Великий — II, 407
- Грипорий Назианзин — II, 634
- Григорий св.— I, 434
- Григорьев — II, 506
- Гринберг — II, 385
- Грингмут В. А.— II, 257, 650
- Грифцов Б. А.— II, 546, 647, 651, 686
- Грот Н. Я.— I, 357
- Грубер И. Г.— II, 258, 652
- Губер П. К.— II, 657
- Губернатис А. де — II, 155, 164
- Гульковский — I, 98
- Гуревич Л. Я.— II, 515, 685
- Гурко-Лидваль — II, 446, 576
- Гус Я.— I, 401, 526, 535
- Гусев А. Ф.— I, 312
- Гутеми М. Т.— I, 319
- Гутенберг И.— II, 197, 227, 322, 337, 348, 504, 579, 642
- Гуттен У. фон — I, 162
- Давыдов Д. В.— I, 102, 106
- Даль В. И.— II, 430
- Данилевский Н. Я.— I, 4, 121, 599; II, 251, 306, 500, 649
- Данилов И. А.— I, 19, 315—319, 615
- Данте — I, 26, 306, 434; II, 511
- Дантес Ж. Ш.— I, 196—198; II, 95, 635
- Дантес-Геккерн (Гончарова) Е. Н.— II, 95, 635
- Дантон Ж.— I, 217
- Дарвин Ч.— I, 211, 222, 394, 435, 599; II, 251, 343, 448, 532, 586, 683
- Дарий — II, 407
- Даргомыжский А. С.— I, 129
- Даров В.— I, 163
- Дашкова Е. Р.— I, 388
- Дегаев С. П.— II, 455, 674
- Декарт Р.— I, 220, 222, 238, 259, 262, 603; II, 166, 307
- Делянов И. Д.— II, 447, 673
- Демосфен — II, 139
- Денисовы А., С.— I, 51, 590
- Державин Г. Р.— I, 98, 99; II, 353, 355, 358, 662
- Дернов А. А.— II, 377, 663
- Дизраэли Б.— II, 208
- Диккенс Ч.— I, 518
- Димитрий Ростовский — I, 55, 590
- Диодор Сицилийский — I, 261
- Диоклетян — I, 493
- Дионисий I — I, 155
- Дионисий Галикарнаский — I, 54, 590
- Дмитриев И. И.— I, 99, 101, 105
- Дмитриев-Мамонов Н. А.— I, 105
- Дмитрий Донской — I, 100
- Добнаш — II, 581
- Добровский Я.— I, 101, 592
- Добролюбов А. М.— I, 165, 595
- Добролюбов Н. А.— I, 4, 115—

- 117, 119, 139, 140, 391; II, 208, 451, 527
- Добротворский И. М.— I, 389, 625
- Доброхотов А.— II, 667
- Дондукова-Корсакова — II, 529
- Дорошевич В. М.— II, 391, 664
- Досифей — I, 67
- Достоевский Ф. М.— I, 4, 8, 11, 117, 197, 200, 213—215, 220, 225, 245, 300, 364, 375, 390, 391, 450, 454, 473, 534, 598, 608, 612, 624, 627; II, 45, 53, 92, 103, 139, 203, 214, 249, 346, 373, 429, 469, 523, 527, 579, 604, 643, 649, 652, 654, 668, 674, 686
- Дроздов Н. Г.— II, 177, 266, 387, 652, 657
- Дрэпер Д. У.— II, 280, 476, 657
- Дубнов С. М.— I, 588
- Дьяков А. А.— II, 309, 659
- Дьяченко Г. М.— II, 149, 637
- Дюкрок — I, 177—179, 185
- Дюма А. (сын) — II, 318
- Дягилев С. П.— II, 349, 661
- Е. К.— II, 633
- Евгемер — I, 553, 632
- Евтушевский — II, 372
- Егоров Е. А.— II, 459
- Екатерина II — I, 79, 388; II, 166, 308
- Елена Павловна — I, 133; II, 658
- Елизавета Петровна — I, 156, II, 690
- Елизавета Тюрингенская — I, 91, 95
- Елизавета Федоровна — II, 666
- Емельянов-Коханский А. Н.— I, 164, 595
- Еремеев — II, 492
- Еремеев Д. П.— II, 531
- Ермолов А. П.— II, 282
- Жаков К. Ф.— I, 634
- Жанна д'Арк — I, 219, 220, 222, 225; II, 32
- Жданов Д. А.— II, 267, 535, 653
- Жданова А. Д.— II, 534, 686
- Желябов А. И.— II, 309—310, 525, 584, 615, 625—626, 628
- Жуковский В. А.— I, 99, 106, 596; II, 41, 303, 358, 506, 635, 659
- Зайцев — II, 288
- Зайцев В. А.— II, 309
- З-кая Н.— II, 667
- Закржевский А. К.— II, 463, 546, 638, 676
- Замысловский Г. Е.— II, 320—321, 659
- Заозерский Н. А.— II, 452, 674
- Засулич В. И.— II, 529
- Захарьин Г. А.— I, 434, 436, 441, 443; II, 544, 686
- Звягинцев — II, 400
- Золя Э.— I, 167, 171, 179
- Зосима Соловецкий — I, 411, 626
- Зубатов С. В.— I, 209, 645
- Иван I Данилович — I, 100, 200
- Иван III Васильевич — I, 100, 574; II, 404
- Иван IV Васильевич — I, 100, 160, 423, 574, 591; II, 308, 585
- Иван V Алексеевич — I, 527, 532
- Иванов Е. П.— II, 447, 528, 673, 674, 690
- Иванов Разумник Р. В.— II, 402, 665
- Иванова М. П.— II, 618, 690
- Иванчин-Писарев А. И.— II, 209, 645
- Иваск Ю.— II, 651
- Игнатов И.— II, 667
- Иеванос, св.— I, 434

- Иеремияс Ф.— I, 319
 Иероним Пражский — I, 401
 Иероним Блаженный — I, 472
 Изгоев (Ланде) А. С.— II, 242, 502, 648, 684
 Измайлов А. А.— II, 431, 631, 638, 648
 Иловайский Д. И.— I, 581, 635; II, 43, 200, 203, 218, 270, 289, 311, 586, 643
 Иннокентий — I, 316, 398
 Иннокентий II — II, 407
 Иоанн Богослов — I, 42, 427, 430; II, 457, 675
 Иоанн Златоуст — II, 457, 559, 675
 Иоанн Кронштадский (Сергеев И. И.) — I, 292, 364, 611, 612; II, 309
 Иоанн Смоленский — I, 310, 538
 Иоанн Сучавский — I, 72
 Иоаннов А.— I, 529, 535
 Иосиф Аримафейский — I, 333, 350
 Ионафан — II, 671
 Ишимова А. О.— I, 113

 Каблуков С. П.— II, 210, 431—432, 645, 668
 Каброль — I, 177
 Кавелин К. Д.— I, 112; II, 660
 Кавур К. Б.— I, 140, 593
 Казанцев М.— I, 619; II, 638
 Калабина — II, 678
 Калита — см. *Иван I*
 Каллаш М. А.— II, 321, 659
 Калойдович — I, 98
 Кальвин Ж.— I, 443, 444
 Камбис II — I, 285; II, 406, 666
 Каминская Ю. А.— II, 233, 325, 485, 490, 647
 Кампанелла Т.— I, 153, 155, 156, 492, 594
 Кант И.— I, 213; II, 101, 159, 174, 239, 251, 307, 342, 649
 Кантемир А. Д.— II, 200, 214, 396
 Кара-Мурза С. Г.— II, 657
 Каракалла — I, 392, 625
 Карамзин Н. М.— I, 47, 99, 100, 101, 105, 106, 108; II, 215, 337, 358, 477, 499, 646
 Караулов В. А.— II, 532, 686
 Кареев Н. И.— II, 433, 669
 Карл Великий — I, 569
 Карпинский А. И.— II, 376, 379—380, 385, 398, 553, 576, 591, 663
 Карпович П. В.— II, 615, 689
 Карташов А. В.— II, 460—461, 656, 675
 Кассо Л. А.— II, 242, 648
 Катилина — I, 356, 552; II, 203, 225, 302, 643
 Катков М. Н.— I, 117; II, 257, 442, 650
 Катон — I, 356
 Кауер — I, 190
 Каченовский М. Т.— II, 477
 Кельсиев В. И.— I, 54, 69—73; 79, 81
 Керн А. П.— I, 197
 Кесслер К. Ф.— I, 134
 Кибальчич Н. И.— II, 615
 Кильдюшевский П. И.— II, 530, 531, 685
 Кимон — II, 585
 Кир Великий — II, 407, 408
 Киреев А.— I, 19, 312—315, 614
 Киреевский И. В.— I, 112; II, 396, 664, 665
 Киреевский П. В.— I, 112; II, 95, 396, 635, 665

- Киреевские — I, 97; 599; II, 608, 616, 689
 Кирилл Александрийский — I, 546, 631
 Кирхнер Ф. — I, 19, 323—325, 616
 Клейнмихель П. А. — I, 385; II, 626, 628, 690
 Климент Александрийский — I, 307, 425
 Климент св. Римский — II, 18, 635
 Клопшток Ф. Г. — I, 101, 592
 Клотильда св. — I, 471, 629
 Ключевский В. О. — I, 82—95, 574, 591; II, 253, 289, 649
 Кн. — II, 657
 Книжник И. — I, 623
 Княжнин Я. Б. — II, 614
 Ковалев Ф. — I, 433, 460, 461, 465, 468, 469, 472, 474, 476, 479, 480, 482, 483, 486—488, 490, 491, 495—500, 502—510, 513, 526, 528, 529, 537, 539
 Ковалева — I, 462, 466, 468, 470, 474, 504—507, 509, 517
 Ковалевская С. В. — II, 529
 Кожевников В. А. — II, 348, 554, 640, 661
 Кокшаров — II, 492
 Коложский — II, 668
 Колумб Х. — I, 306, 329, 368
 Колышко И. И. — II, 289, 658
 Кольридж С. Т. — I, 599
 Кольцов А. В. — I, 276, 608; II, 41, 394, 481, 664
 Коммод — II, 21
 Кондаков Н. П. — I, 402, 433
 Кондорсе Ж. — I, 162
 Кони А. Ф. — II, 603, 689
 Кони Ф. А. — I, 223
 Коноплянцев А. М. — II, 362, 662
 Константин I — II, 406, 666
 Константин Николаевич — I, 80
 Конт О. — I, 358; II, 228, 302, 571, 618, 690
 Конфуций — I, 353
 Коперник Н. — I, 43, 44, 46, 472
 Корецкий Н. В. — II, 289, 658
 Корнилов А. А. — II, 619, 690
 Короленко В. Г. — II, 209—210, 302, 306, 451, 469, 515, 522, 524, 526, 645
 Корреджо А. — I, 444, 445
 Корш Ф. Е. — II, 397, 665
 Костомаров Н. И. — I, 592; II, 489
 Кюфейлон Ж. — II, 51
 Кох Р. — I, 146
 Кочубей В. П. — I, 67
 Кошко А. Ф. — II, 646
 Краевский А. А. — I, 112; II, 426
 Красовский — I, 178
 Крафт-Эбинг Р. — II, 35, 77, 78, 81, 83, 108, 122, 125, 128, 145, 156, 159, 635
 Кремер — II, 473
 Кречетович И. — I, 619
 Кромвель О. — II, 310, 585
 Кропоткин П. А. — II, 302—303, 522
 Крылов И. А. — II, 434, 669
 Ксантипа — II, 75
 Ксенофан Колофонский — I, 38, 589
 Ксенофонт — I, 155
 Ксюнин А. И. — II, 371, 663
 Кудрявцев К. — II, 473—492, 682
 Кудрявцев П. Н. — I, 114, 116, 119
 Кудряшов М. И. — II, 631—632
 Кузнецов А. Ф. — II, 576, 687
 Кузьмин-Караваев В. Д. — II, 434, 669
 Куклярский Ф. Ф. — II, 463, 676
 Куковенов — II, 385
 Кулиш П. А. — I, 113, 115, 116
 Куприн А. И. — II, 469, 679
 Курбатовы — I, 399
 Куртин Г. — I, 457—459
 Куртин М. — I, 457—459, 465

- Кусков П. А.— II, 533, 686
 Кускова Е.— II, 327, 387, 529, 586, 660, 685
 Кутлер Н. Н.— II, 256, 530, 650
 Кутузов М. И.— II, 216, 306, 659
- Лавров П. Л.— II, 302, 674
 Лавровская Е. А.— I, 136
 Лаврский Н.— II, 634
 Лайель Ч.— I, 299; 612; II, 492
 Ламартин А.— I, 400
 Ланге Г. О.— I, 319
 Лао-цзы — I, 353
 Лассаль Ф.— II, 592
 Лаура — II, 96
 Лафатер И. К.— I, 191, 597
 Лафон — I, 190
 Лев I — II, 407
 Левин Д. А.— II, 331, 288, 638, 658
 Леднев И. В.— II, 338, 661
 Лейбниц Г. В.— I, 146, 376; II, 28, 159, 161, 307
 Леманн Э.— I, 319
 Ленин В. И.— II, 685
 Ленорман Ф.— II, 39, 635
 Леопарди Д.— I, 146
 Леонардо да Винчи — I, 444; II, 227
 Леонов И. П.— II, 472—473
 Леонтьев К. Н.— I, 6, 16, 456, 459, 534, 624, 630; II, 258, 282, 284, 330, 352, 392—393, 404—409, 428, 432, 463—464, 527, 528, 561, 645, 660, 662, 665, 666, 668, 675, 676
 Лепсиус Р.— II, 10, 634
 Лермонтов М. Ю.— I, 20, 151, 200, 207, 221, 253, 268, 288, 390, 407, 471, 593, 594, 598, 600, 603, 604, 626, 629; II, 24, 39, 40, 97, 101, 279, 282, 357—358, 436, 463, 479, 553, 562, 605, 635, 642, 657, 669, 670
- Леруа-Болье А.— II, 163—164
 Лесков Н. С.— I, 188, 191—193, 197; II, 500, 683
 Лессинг Г. Э.— II, 208, 644
 Ливий Т.— II, 306
 Линд В. Н.— I, 319
 Липранди — I, 47, 72
 Липсиус Ю.— I, 154, 594
 Литвин С.— I, 19, 258, 321—323, 615
 Литке Ф. П.— I, 133, 134
 Лихачев В. С.— II, 619, 690
 Лициний В.— II, 406, 665
 Лодер — I, 98, 109
 Лойола И.— I, 551, 634
 Локк Д.— II, 161, 546
 Ломоносов М. В.— I, 98, 99, 107, 510; II, 214, 396, 481, 616, 665, 690
 Лопатин Н. П.— II, 633—634
 Люран — I, 101
 Лорис-Меликов М. Т.— II, 201, 643
 Лутохин М. И.— II, 651
 Лухманова Н. А.— I, 228—246, 600
 Любошиц С. Б.— II, 667
 Людовик XIV — I, 144; II, 310
 Людовик XV — I, 145, 594
 Лютер М.— I, 48, 162, 401, 423, 443—445, 447, 548; II, 56, 66, 437, 497
- М. Н.— II, 632
 Магницкий М. Л.— II, 531, 686
 Магомет — I, 353
 Мазини А.— I, 394, 626; II, 441, 655
 Майков А. Н.— I, 592; II, 62, 446—447
 Маймонид — II, 13, 634
 Майоров И.— I, 410
 Макаревский М. И.— II, 323, 659
 Макарий Египетский — I, 411, 626

- Макаров А. А.— II, 615, 689
 Маколей Т. Б.— II, 546
 Максимов Д. Е.— II, 673
 Максимов С. В.— II, 272, 654
 Макшеева Н. А.— II, 652
 Малекранш Н.— I, 262; II, 41
 Мальпики М.— I, 109
 Мальцев А. П.— II, 636
 Мамонтов А. Н.— I, 592
 Мария, игуменья — I, 411, 415
 Марков А.— I, 323
 Марков Е. Л.— I, 208
 Маркс К.— I, 155; II, 43, 592, 677
 Маркузе И. К.— II, 667
 Мартынов — И, 576, 687
 Масперо Г.— II, 38—39, 40, 41, 635
 Матвей Ржевский — I, 313, 501, 560, 562, 564, 630
 Мегэ В. В.— II, 561
 Медведев С.— II, 687
 Меланхтон Ф.— I, 162
 Мельников П. И.— I, 80; II, 293, 658
 Мельшин (Якубович П. Ф.) — II, 470, 682
 Менделеев Д. И.— II, 75, 95, 165
 Меньшиков М. О.— I, 199—203, 205, 207, 216—218, 223; II, 640
 Мережковский Д. С.— I, 8, 188, 542, 560, 561, 563, 565—568, 595; II, 199, 239—240, 254, 257, 349, 351, 369, 402—403, 463, 537, 563, 620—622, 642, 647, 648, 661—662, 665, 686
 Мержеевский И. П.— II, 380, 410, 664
 Мерзляков А. Ф.— I, 98, 111
 Метерлинк М.— I, 164, 595; II, 224, 243, 432, 647
 Метсу Г.— I, 190
 Меттерних К.— I, 400
 Мещерский В. П.— И, 164, 257, 650
 Микельанджело — I, 295, 296, 427; II, 227
 Микулич — см. *Веселитская Л. И.*
 Милль Д. С.— I, 4, 134, 136, 230; II, 207, 347, 571, 618, 644, 690
 Милорадович М. А.— I, 67
 Мильтон Д.— I, 599; II, 178, 511
 Милюков П. Н.— II, 388, 609, 614
 Милютин Н. А.— I, 133
 Минин К. З.— I, 423; II, 459, 498
 Мирянин — II, 171—178, 180, 637
 Мисаил — I, 345
 Митрофания (Розен П. Г.) — I, 398, 626
 Михаил, архим. (Семенов П. В.) — II, 105, 632
 Михаил — I, 67
 Михайлов — II, 627—628
 Михайловский Н. К.— I, 7, 8, 115, 120; II, 214, 226, 239—240, 306, 355, 402, 422, 446, 455, 468, 515, 528, 529, 647—648, 673, 690
 Михайловский-Данилевский А. И.— II, 306, 659
 Мишле — II, 139
 Моверс Ф. К.— II, 11—12, 634
 Моисей Угрин — I, 371; II, 126—136, 188—190
 Мокиевский П. В.— II, 638, 667
 Молешотт Я.— I, 468; II, 35
 Молинари — II, 163
 Моммзен Т.— I, 154, 594; II, 205, 269, 643
 Монтень М.— II, 335, 661
 Монтескье Ш. Л.— II, 485
 Монтефиоре — I, 349
 Монтион А. О. де — II, 652
 Мопассан Г. де — I, 167, 171, 175, 203, 347, 595, 598; II, 654
 Мур Т.— I, 153—156
 Мордвинов Н. С.— II, 207, 644
 Мордовцев — II, 489
 Море — II, 492

- Морозов М. А.— II, 664
 Морозов Н. А.— II, 213, 416, 645
 Морозова М. К.— II, 393—394, 664
 Моррисон — II, 679
 Мосх И.— I, 187, 596; II, 136—137, 140, 634
 Моцарт В. А.— I, 198, 221, 222
 Мудров М. Я.— I, 109
 Муравьев А. Н.— II, 450, 674
 Муретов М. Д.— II, 186, 637
 Муромцев С. А.— II, 473—474, 682
 Мурильо Б. Э.— I, 172, 305, 444
 Мусин Н. С.— II, 413—414
 Мусин-Пушкин — I, 113
 Мышецкий — I, 528
 Муханов М. — I, 616
 Мякотин В. А.— II, 209, 522, 645

 Н. В. Т.— II, 668
 Набоков В. Д.— II, 621, 690
 Надеждин — I, 68, 69, 73
 Назаров — II, 162
 Надсон С. Я.— II, 594, 688
 Наполеон I — I, 162, 288, 601, 602; II, 204, 234, 259, 299, 337, 407, 532, 548, 549, 604, 627
 Наполеон III — II, 308
 Наранович — I, 134
 Наталия Нарышкина — I, 100
 Наук А. А.— II, 373, 379—381, 410, 507, 560, 663
 Неандер А.— I, 53, 54, 590
 Незлобин-Дьяков — см. Дьяков А. А.
 Некрасов Н. А.— I, 112, 115, 117, 118; II, 200, 203—204, 226, 249—250, 426, 433, 447, 474, 519, 572, 584, 642, 643, 648, 660, 682, 685
 Нерон — I, 302, 479, 480; II, 423
 Нестеров М. В.— II, 561
 Нестор — I, 103; II, 12
 Нечаев С. Г.— II, 604
 Нибур Б. Г.— I, 54, 124, 590
 Никанор — I, 252, 253, 308—312, 357, 535, 538, 614
 Никитин И. Н.— II, 480
 Никифорова А. П.— II, 644
 Николай I Павлович — I, 144; II, 282, 417, 530
 Николай II Александрович — I, 558; II, 236, 667
 Николай V — I, 255
 Никольский В. В.— II, 166
 Никон — I, 342, 343
 Нил Сорский — I, 411, 626
 Ницше Ф.— I, 146, 175, 596; II, 231, 239, 322, 335, 453—464, 648, 662
 Новиков Н. И.— II, 200, 308, 337
 Новоселов М. А.— 553, 577, 687
 Нордман-Северова Н. Б.— II, 206, 644
 Нувель В. Ф.— II, 349, 661
 Нурри-бей — II, 231, 647
 Ньютон И.— I, 146, 220, 288, 297, 376; II, 28, 464, 556, 562

 Оболенский — I, 98
 О'Бриен ле Ласси — II, 430, 646
 Овидий — II, 437, 672
 Огарев Н. П.— II, 214, 393, 660
 Огарева-Тучкова Н. А.— II, 557, 624, 626, 660, 687
 Одоевский В. Ф.— II, 396, 616, 660
 Олесницкий А. А.— II, 66, 635
 Оллендорф — II, 482
 Ольга св.— I, 471, 629
 Ольденбургский П. Г.— II, 169
 Оль-д-Ор — см. Оршер О. Л.
 Ольхины — I, 134
 Ориген — II, 634
 Орлов А. Г.— I, 79

- Оршер О. Л.— II, 399, 665
 Осинин — II, 167, 169
 Осорьина У. У.— I, 87—90, 95
 Остафьева З. Я.— II, 645
 Островский А. Н.— II, 312
 Остогорский В. П.— II, 168, 169
 Оффенбах Ж.— I, 306
 Павел I Петрович — I, 343; II, 582, 586
 Павзаний — I, 261
 Павлов М. Г.— I, 98
 Павлова А. П.— II, 197, 642
 Палиевский П. В.— II, 651
 Панина В. В.— II, 197, 642
 Пантелеев Л. Ф.— II, 528, 685
 Панченко В. К.— II, 430, 646
 Парацельс — I, 146
 Парменид — I, 38
 Парменион — I, 304
 Паскаль Л.— II, 288, 333
 Пастер Л.— I, 520, 630; II, 73
 Пахомий Великий — I, 411, 626
 Пашков В. А.— II, 636
 Пеликан — II, 113, 120
 Первов П. Д.— I, 586—587
 Передольский В. В.— II, 272, 383, 560, 654
 Переферкович Н. А.— I, 257, 281, 283, 284, 603; II, 646, 669
 Перикл — I, 78, 304, 360; II, 584—586, 690
 Перовская С. Л.— II, 309, 497, 529, 584, 683
 Перцов П. П.— I, 586, 593, 594, 595; II, 231, 330, 440, 456; 529, 564, 640, 641, 647, 657, 663, 667, 672—673
 Пестель П. И.— II, 208, 216, 433
 Петр I — I, 49, 76, 81, 99, 100, 107, 288, 289, 310, 330, 342, 343, 384, 410, 527, 528, 532; II, 187, 207, 609
 Петр св.— I, 51, 53
 Петрарка Ф.— I, 172; II, 95
 Петрашевский М. В.— II, 604
 Петрищев А.— II, 209, 524, 645
 Петров Г. С.— I, 435, 438, 440, 447, 452, 628; II, 204, 273, 306, 579, 589, 603, 610, 621, 643, 654—655, 674, 675
 Петроковский А.— II, 667
 Петропавловский И. Ф.— II, 400, 464, 665, 673, 677
 Петропавловский С. Н.— II, 633
 Печерский А. — см. *Мельников П. И.*
 Пешехонов А. В.— II, 209, 451, 469, 522, 526, 644—645
 Пиаммон — II, 17, 634
 Пилат Понтий — I, 350, 445, 552
 Пиндар — II, 511
 Пирогов Н. И.— I, 109, 125, 128, 312; II, 36—37, 635
 Пирожков М. В.— II, 410, 586, 666
 Писарев Д. И.— I, 4, 115—117, 119, 120, 139, 140, 188, 394; II, 243, 309, 558, 602—603
 Писемский А. Ф.— I, 140
 Пифагор — II, 198, 556, 574
 Платон — I, 26, 39—42, 153—156, 171, 172, 190, 201, 204, 217, 221, 226, 227, 262, 266, 285, 288, 304, 314, 353, 392, 492, 525, 597, 598, 613; II, 11, 12, 75, 91, 128, 174, 181, 183, 190, 298, 434, 541, 572, 574, 632
 Платон, митр.— I, 80
 Плеве В. К.— II, 515
 Плетнев П. А.— I, 112
 Плеханов Г. В.— II, 522, 685
 Плотин — I, 236; II, 632
 Плутарх — II, 674
 Победоносцев К. П.— I, 343, 615; II, 187, 204, 257, 259, 266, 570, 643, 652, 654, 661
 Погодин М. П.— I, 96, 99, 100, 101, 103, 105—111, 592; II, 347, 615—616, 689—690

- Погодина Е. В.— I, 96
 Погожев Е. Н.— II, 638
 Поджио — I, 173 ♦
 Пожарский М. М.— II, 459, 498
 Покровский В.— II, 646
 Полежаев А. И.— I, 277, 608
 Полонский Вяч. (Гусин В. П.) — II, 638, 668
 Полонский Я. П.— II, 386, 539, 686
 Помпадур Ж. А.— I, 594
 Помяловский Н. Г.— II, 169
 Попов К. Д.— I, 307
 Попов Л. К.— II, 192
 Попова А. П.— II, 279, 657
 Пор — II, 407, 415
 Порфирий — I, 413—415
 Потемкин Г. А.— I, 79, 80
 Прокопович Ф.— I, 472; II, 396
 Прокопович С. Н.— II, 685
 Протейкинский В. П.— II, 196, 349, 661
 Протопопов — I, 120, 586
 Прудон П. Ж.— II, 306, 318, 659
 Пуришкевич В. М.— II, 388
 Пушкин А. С.— I, 8, 99, 101, 106, 186, 188, 196, 198, 213, 223, 252, 253, 264, 357, 390, 391, 400, 446, 471, 515, 564, 579, 580, 597, 600, 604, 620, 628, 629, 634, 635; II, 101, 191, 200, 203, 205, 209, 214, 250, 261, 281, 282, 303—304, 309, 328, 344, 355, 357—358, 362—364, 369, 382, 394, 405, 432, 433, 442, 558, 603, 621, 635—636, 642, 643, 645, 652, 654, 657, 659, 661, 662, 664, 665, 669, 673, 674, 685, 687, 689
 Пыпин А. Н.— I, 530
 Радаманович С. С.— II, 519, 685
 Раден Э.— I, 133, 135
 Радищев А. Н.— II, 260, 337, 626
 Радлов — II, 338
 Радонежский — II, 506
 Разин С. Т.— II, 529
 Разиньков В. Л.— II, 451, 674
 Райвид В. Б.— II, 410, 667
 Распутин Г. Е.— II, 653, 687
 Рассел Д.— II, 531, 686
 Растрелли К. К.— II, 358
 Рафаэль С.— I, 221, 222, 255, 256, 260, 264, 268, 288, 404, 444, 445; II, 113, 407
 Рачинский С. А.— I, 6, 224, 435, 444, 450, 599, 600; II, 128, 133, 257, 259, 266, 284, 373, 431, 517, 561, 616, 677
 Рашевский И. Ф.— II, 166, 168
 Реклю Ж. Ж. Э.— II, 303
 Рембрандт — II, 441, 568
 Ренан Ж. Э.— I, 191, 562, 586, 587, 617; II, 410, 586
 Рентельн К. В.— II, 261, 560, 652
 Репин И. Е.— I, 129; II, 216, 250, 314, 644, 649, 653
 Реутский Н. В.— I, 389, 625
 Рикардо Д.— I, 26
 Рише Ш.— I, 19, 325—326
 Робеспьер М.— I, 217, 219; II, 14
 Рогачевский В. Л.— II, 638
 Роданович — II, 393
 Родичев Ф. И.— II, 225, 647
 Рождествин А.— I, 588, 595
 Розанов В. В. (сын) — I, 21; II, 280—281, 372, 409—410, 512, 582, 653, 663
 Розанов В. Н.— II, 200, 536, 542, 543, 544, 612—613, 686
 Розанов В. Ф.— I, 3, 21; II, 340, 684
 Розанов Н. В.— II, 201, 249, 341, 477, 482, 530, 547, 566, 567, 642, 643, 685—688
 Розанов П. Н.— II, 543
 Розанов С. В.— II, 437—438, 545, 642, 672, 686

- Розанов Ф. В.— II, 506, 591—592, 684, 688
- Розанова Варв. В.— I, 21; II, 286, 287, 378, 472, 513, 658, 663
- Розанова Вера В. (сестра) — II, 504, 505, 566, 591—592, 684—685, 688
- Розанова Вера В. (дочь) — I, 21; II, 287, 297, 383, 398, 513, 658
- Розанова Н.— I, 21; II, 294, 308, 554, 658
- Розанова Н. В.— II, 364—365, 398, 653, 662—663
- Розанова Н. И.— I, 3, 21; II, 211, 264, 266, 340—343, 350—351, 384, 437, 552, 591—592, 642, 688
- Розанова Т. В.— I, 21; II, 286, 287, 361—364, 385, 397—398, 440, 465, 471, 513, 576, 583, 658, 678, 685
- Розенблум А. Е.— II, 380, 410, 666
- Роллендер — II, 48, 58
- Романова О. И.— II, 299, 471, 507, 508, 528, 533, 567—568, 658, 678, 682
- Ростовский Д.— I, 590
- Ростовцев М.— I, 134
- Ростовцев Н.— I, 134
- Ротшильд — II, 306, 622
- Россини Д.— II, 564, 568
- Роше — II, 560
- Рошер В. Г. Ф.— II, 163
- Рочко Г. В.— II, 450, 508, 674, 685
- Рубинштейн А. Г.— I, 200, 597; II, 158
- Рудаков А. П.— I, 581, 635
- Руднев Д. Н.— II, 680
- Руднев Т. Д.— II, 472, 682
- Руднева А. А.— II, 261, 265—266, 267, 278—279, 326, 341—342, 351, 361, 367, 424, 440, 469, 473, 535, 539, 566, 609, 642, 653, 673, 679—682
- Руднева Н. Д.— II, 202, 291, 682
- Руже де Лиль К. Ж.— I, 144; II, 674
- Румянцев — II, 489
- Руссо Ж. Ж.— I, 98, 162; II, 14, 139, 333, 348, 610, 661
- Руфин Аквилейский — II, 22, 25, 634
- Рыбников П. Н.— II, 95, 635
- Рылеев А. М.— II, 307—308, 659
- Рылеев К. Ф.— II, 347, 498, 644, 683
- Рцы (Романов) И. Ф.— II, 172—173, 257, 258, 267, 273, 285, 294, 336, 352, 385, 392, 396, 431, 440—442, 450—451, 507, 508, 528, 533, 561, 564, 567, 568, 580, 604, 650, 651—652, 658, 668, 687
- Рюккарт Г.— II, 649
- Рюрик — II, 575
- Саблер В. К.— II, 452, 674
- Савонаролла Д.— I, 444, 560; II, 579, 689
- Савватий — I, 411, 626
- Сад А. Д. Ф., де — I, 166
- Садовской Б. А.— II, 645
- Садоков — II, 473
- Салтыков-Щедрин М. Е.— I, 115, 117; II, 191, 200—201, 214, 230, 251, 426, 431, 442, 446, 468, 497, 519, 616, 643, 646
- Сальвиан — I, 284
- Сальери А.— I, 101
- Самарин Ю. Ф.— I, 111, 112, 135, 145, 599; II, 207, 644
- Сандунов — I, 110
- Санхуниатон — II, 14, 634
- Сапожников Д. И.— I, 529, 530, 535
- Сафо — I, 201

- Саяпин М. С.— I, 623
 Свенцицкий В. П.— II, 632
 Светлов — I, 377
 Селиванов К. И.— I, 59—61, 67, 68; II, 135, 636
 Селикова Е. И.— II, 535, 536, 686
 Селитренников А. М.— II, 667
 Семенов П. В.— I, 634
 Сенусерт (Сесострис) — II, 261, 652
 Сер-в — II, 667
 Серафим — II, 562
 Серафим Саровский — I, 382, 386, 398, 401—403, 405, 408—413, 415, 525, 540, 625; II, 575, 689
 Сервантес М.— II, 282, 466, 586
 Сервет М.— I, 560
 Сергеенко П.— II, 660
 Сергей св.— I, 51
 Сергей (Страгородский) — II, 653
 Сергей (Финляндский) — II, 267
 Сибириков — И, 302
 Сикорский И. А.— I, 464, 469, 475, 480, 497, 500, 502, 503, 507, 509, 514, 516, 517, 520, 522, 524, 525, 527—529, 535, 537, 541, 585; II, 10, 377, 634, 663
 Силий — I, 216
 Сильченков К.— II, 220, 646
 Симон Маг — I, 187, 597
 Синицин — I, 72, 73, 76
 Сипягин Д. С.— II, 457, 675
 Сиротинин — II, 608
 Скабичевский А. М.— I, 115, 120; II, 402, 426, 665
 Скалдин А.— I, 622
 Скальковский К. А.— II, 600, 689
 Скачкова П.— I, 468, 469, 476—478, 480—483, 494, 497, 513, 540
 Скворцов В. М.— II, 198—199, 642
 Скублинская — I, 273; II, 105
 Скуратов-Вельский Г. Л. (Малюта Скуратов) — I, 310
 Славянский — I, 188
 Слободской — II, 424
 Слонимский Л.— II, 446, 673
 Смайлс — I, 324
 Смирнов К. А.— I, 623
 Смит А.— II, 163
 Смотрицкий М.— II, 396
 Соболевский В. И.— I, 132
 Соколов Н. Д.— II, 235, 647
 Сократ — I, 38, 39, 40, 155, 211, 221, 353, 392, 475, 598; II, 40, 44, 75, 118, 174, 183, 238, 416, 429
 Соллертинский С. А.— I, 633
 Соловьев В. С.— I, 186, 192, 194, 196, 197, 207, 208, 588, 596, 598; II, 81—83, 104—105, 128, 156, 257, 259, 284, 330, 377, 394, 408, 447, 458, 577, 636, 652, 663, 664, 666, 675
 Соловьев Е. А.— II, 674
 Соловьев Л. З.— II, 632
 Соловьев М. П.— II, 133, 266, 426, 636, 652
 Соловьев С. М.— I, 47, 49, 101, 531, 590; II, 214, 253, 489, 649
 Сологуб Ф. К.— II, 231, 356—357, 647, 662
 Солодовников — I, 67
 Солодовникова — I, 132, 136, 137
 Сонин Е.— II, 667
 Софроний св.— I, 187, 188, 596
 Софья Алексеевна — I, 53, 590
 Спасович В. Д.— I, 188
 Спенсер Г.— II, 243, 288, 302, 312—313, 571, 574, 586—587, 659
 Сперанский М. М.— I, 47, 67, 77—79; II, 208
 Спиноза Б.— I, 26; II, 40, 41, 44, 238, 307
 Спиридон Тримифунский св.— I, 315, 614

- Станкевич Н. В.— I, 125
 Стасов В. В.— I, 129—132, 139; II, 529, 685
 Стасова Н. В.— I, 132—136, 139, 140, 593; II, 529, 685
 Стасюлевич (Утина) Л. И.— II, 527, 683
 Стасюлевич М. М.— II, 442, 527, 685
 Стенбок — I, 73, 81
 Степанов — I, 622
 Степняк-Кравчинский С. М.— II, 79
 Стечкин Н. Я.— II, 210, 645
 Столпнер Б. Г.— II, 257, 299, 310, 646, 652, 658, 659
 Столыпин А. А.— II, 236, 380, 527, 633, 638, 647
 Столыпин П. А.— II, 432, 457, 459, 527, 647, 668, 675
 Стороженко Н. И.— I, 4, 91; II, 397, 665
 Страбон — I, 261
 Страхов Н. Н.— I, 588, 599; II, 257, 269, 284, 309, 348, 352, 422, 427—428, 446, 515, 527, 529, 561, 649, 651, 654, 661, 662, 668, 678
 Струве П. Б.— I, 8, 328, 633; II, 230, 309—310, 353, 609, 621—622, 624—626, 628, 644, 647, 669, 671, 672, 683, 689, 690
 Суворин А. С.— II, 316, 317, 388, 399, 460, 501, 502, 528, 551, 604, 656, 659, 664, 684
 Суворов А. В.— I, 79; II, 448—449
 Судейкин Г. П.— II, 455, 674—675
 Сулла — I, 392
 Сумароков А. П.— II, 214
 Сусанин И.— II, 498, 627
 Сулова А. П.— II, 657, 660
 Сулова Н. П.— II, 335, 660
 Суходрев В. М.— II, 563, 687
 Сципион — I, 360
 Тагиев — II, 599
 Талейран Ш. М.— II, 613—614
 Таратин В. А.— II, 504, 684
 Тареев М. М.— II, 30, 632—633, 635
 Тасс — I, 99, 101, 592
 Тацит К.— I, 216, 434, 436, 598
 Тейхмюллер Г.— II, 451, 674
 Тенеромо — см. *Фейнрман И. Б.*
 Тернавцев В. А.— II, 513, 514, 642, 685
 Тертуллиан К. С. Ф.— I, 392, 625
 Тестов И.— I, 619
 Тигранов Ф. Я.— II, 257, 651—652
 Тиллинг Г. Ф.— II, 559, 687
 Тимашев А. Е.— I, 133
 Тимирязев К. А.— II, 86, 500, 614, 683
 Тиняков А.— II, 667
 Тит — I, 285, 392, 555, 557, 631
 Титов А. А.— II, 272, 654
 Тихомиров Л.— I, 153—162
 Тихонравов Н. С.— I, 47, 126, 127; II, 253, 397, 649
 Тициан — I, 189.
 Токвиль А.— I, 145
 Толстая С. А.— I, 357, 620; II, 356, 662
 Толстой А. К.— II, 448, 457, 467, 675
 Толстой Д. А.— I, 133; II, 576, 687—688
 Толстой И. И.— I, 433
 Толстой Л. Н.— I, 6, 137, 154, 196, 208, 209, 212, 214, 218, 219, 225, 226, 255, 288, 324, 347, 355—368, 390, 534, 611, 619—621; II, 58, 77—80, 105, 128, 139, 156, 178, 199, 203, 214, 215—216, 224, 225, 231, 238, 253, 257, 258—259, 284, 287, 302, 314, 317, 320, 330, 357—358, 378, 416, 429, 523, 552, 610, 629, 636, 649, 651, 660, 667, 687

- Толстой П. А.— I, 67
 Торе Гам — II, 657
 Торквемада Т.— II, 326, 660
 Тр. М.— I, 586
 Тригопи — II, 628
 Трозинер Ф. Ф.— II, 634, 657
 Троицкий Д. С.— II, 546, 547, 686
 Трубецкие — I, 97, 98, 100, 102, 105
 Трубецкой Е.— II, 664
 Трубецкой П.— II, 561
 Трубникова М. В.— I, 132, 134, 136
 Трэла — II, 49
 Тур Е.— I, 438—440, 628; II, 363, 662
 Тургенев И. С.— I, 8, 49, 140, 291, 331, 574; II, 45, 158, 164, 199, 240, 326, 329, 440, 445, 527, 654, 660, 672
 Туркин Н. В.— II, 657
 Тьерри О.— II, 333, 405, 489, 660
 Тычинкин К. С.— II, 563, 687
 Тэн И.— I, 145
 Тютчев Ф. И.— I, 599
 Тютчевы — I, 97
 Уайльд О.— II, 183
 Уиклиф Д.— II, 311—312, 659
 Успенский Г. И.— II, 214—215, 226, 647
 Устьянский А. П.— I, 586; II, 171, 175, 201—202, 266, 267, 319, 426, 560, 643, 675
 Утина Л. И.— II, 527, 685
 Утопист — II, 657
 Фаресов А. И.— II, 499, 500, 683
 Фарнгаген фон Энзе К. А.— II, 660—661
 Фаустина — II, 291—292, 459, 584
 Федор Алексеевич — I, 532
 Федоров М. М.— II, 267, 653
 Федоров Н. П.— I, 134
 Федр — I, 304
 Фейербах Л.— I, 468, 617
 Фейнерман И. Б.— II, 105, 636
 Фемистокл — II, 585
 Фенелон Ф.— I, 120, 592
 Феодосий Печарский — I, 99, 335, 411, 429, 626
 Феодосий Углицкий — I, 536, 538, 539, 540
 Ферапонт — I, 451, 452
 Ферг — II, 657
 Фет А. А.— I, 211, 224, 598; II, 654
 Фигнер В. Н.— II, 309, 615
 Филарет (Дроздов В. М.) — I, 78, 100, 225, 226, 248, 341, 357, 446, 451, 525, 601, 628; II, 12, 559, 634
 Филевский И. И.— II, 128, 177, 266, 634, 652
 Филельфо Ф.— I, 173
 Филиппов Т. И.— II, 389, 463, 529, 664, 668, 675, 685
 Филон Александрийский — I, 249, 601; II, 632
 Философов Д. В.— II, 269, 306—307, 349, 352, 387, 440, 562—563, 622, 653—654, 662
 Филосопова А. П.— I, 133, 134, 136
 Фицино М.— I, 172
 Фишер К.— II, 43, 635
 Флейшман Л. С.— II, 662
 Флексер А. Л.— II, 638
 Флери — II, 158, 167—168
 Флобер Г.— I, 171; II, 654
 Флоренская А. М.— II, 325, 660
 Флоренский П. А.— II, 177, 182—192, 257, 267, 319, 325, 352, 387, 389, 396, 431, 444—445,

- 547, 548, 551, 554, 558, 561—
562, 577, 604, 637, 640—641,
644, 650—652, 660, 664, 684, 689
Фози О.— II, 83—107, 125, 128,
134, 135, 138, 175, 176, 377,
635, 663
Фонвизин Д. И.— I, 99; II, 200,
214, 225, 396, 448—449, 615,
616, 665, 689
Фор Ф.— I, 196
Фотий — I, 330
Фохт К.— I, 4, 119; II, 35
Франклин Б.— II, 159
Франциск Асизский — I, 223; II,
577, 688
Фребель Ф.— I, 123, 593
Фрибес О. А.— I, 615; II, 539, 686
Фрумкина Ф. М.— II, 213, 645
Фукидид — I, 304.; II, 139
Фурье Ш.— I, 155; II, 35
- Херасков М. М.— II, 101, 377
Хитрово М. И.— II, 25, 634, 635
Хмурый — II, 634
Холмские — I, 100
Хомяков А. С.— I, 599; II, 182,
207, 396, 644, 650
Хрисанф — I, 425; II, 13, 39
Хрущев И. П.— II, 616, 690
- Цветков С. А.— II, 335, 347, 353,
389, 394, 396, 501, 555, 561,
562, 577, 580, 616, 660, 664, 684
Цебрикова М. К.— I, 229; II, 208,
571, 618, 644
Цезарь (Кесарь) Гай Юлий — I,
78, 288, 356, 574; II, 24, 312,
407, 585
Целиков — II, 266.
Цельнер И. К. Ф.— I, 278, 281
Цинхенштейн — II, 560
Цицерон М. Т.— I, 139; II, 643
Цынамгзваров — II, 550
- Чаадаев П. Я.— II, 660, 664
Чеботаревская А. Н.— II, 356, 357,
662
Челано Ф.— I, 594
Чернышевская О. С.— II, 208, 624,
625
Чернышевский Н. Г.— I, 115, 116,
119, 120, 149, 287, II, 113, 114,
123, 207—208, 388, 451, 480,
525, 527, 586, 587, 624, 644,
664, 671, 688
Чешихин В. Е.— II, 226, 647, 667
Чинизелян — II, 271, 603
Чичерин Б. Н.— I, 208, 598
Чуковский К. И.— II, 250, 463,
546, 603, 649, 669, 670, 676, 689
- Шаляпин Ф. И.— II, 302
Шантени де ла Соссей Д. П.— I,
319
Шарапов С. Ф.— II, 178, 180, 256,
336, 339, 340, 650, 661
Шарко — I, 520, 630; II, 73
Шатобриан Ф. Р. де — I, 107, 295,
311, 612, 614
Шашков С. С.— I, 117
Шварц А. Н.— II, 449
Шварценберг — II, 282
Шевченко Т. Г.— I, 113, 115
Шевырев С. П.— I, 106
Шейн П. В.— II, 95, 635
Шекспир У.— I, 145, 150, 222, 255,
368, 520, 567, 598, 599; II, 101,
298, 307, 537, 588, 628
Шелгунов Н. В.— I, 115, 117, 139,
140
Шелли П. Б.— I, 599
Шеллинг Ф. В.— I, 99, 108, 224;
II, 23
Шенк — I, 146
Шернваль Л. Р.— II, 263, 385, 652
Шестаков Д. П.— I, 586; II, 674
Шестов Л. И.— II, 647, 676

- Шиллер Ф.— I, 97, 210, 261, 392, 625; II, 282, 579, 628
 Шилов А. И.— I, 68
 Шлейден М. Я.— I, 435
 Шлецер А. Л.— I, 103, 108
 Шлоссер Ф. К.— II, 489
 Шопенгауэр А.— I, 146, 347, 436, 525; II, 108, 144, 222, 269, 320, 322, 654
 Шперк А. Л.— II, 623
 Шперк Ф. Э.— II, 224, 240, 257, 258, 283, 337, 338, 348, 447, 561, 604, 623, 624, 646, 651—652
 Штакеншнейдер Е. А.— I, 136
 Штейн Л.— II, 163
 Шуваловский — II, 389
 Штраус — II, 586
 Шуман Р.— I, 316
 Щеголев П. Е.— II, 635—636
 Щеколдина С.— II, 608, 689
 Щербов И. П.— II, 288, 457, 554, 653
 Щербова Н. Р.— II, 266, 267, 299, 345, 389, 457, 458, 652—653, 658, 664
 Щукин С.— I, 634
 Эдисон Т. А.— I, 146
 Эккерман И. П.— I, 447
 Энгельгардт Б. М.— I, 188
 Эльзен М. Д.— II, 666
 Эпиктет — II, 429
 Эпикур — I, 392
 Эразм Роттердамский — I, 162
 Эрн В.— II, 664
 Эфрос Р. Ю.— II, 218—220, 222, 299, 646, 658
 Ювенал — I, 434, 436
 Юркевич П. Д.— II, 388, 664
 Юстин — I, 217
 Яблоновский А.— II, 446, 657
 Явейн Г. Ю.— I, 610
 Языков Н. М.— II, 499
 Яковлев — I, 177
 Яковлев Л. Г.— I, 200
 Ярослав Мудрый — I, 434, 604
 Lorens R.— II, 674
 Müller — II, 24
 N.— II, 674
 Limont-Sant-Jean N.— I, 618
 Roche D.— I, 618

СОДЕРЖАНИЕ

Люди лунного света	7
Уединенное	195
Опавшие листья. Короб первый	277
Опавшие листья. Короб второй	421
Примечания (Е. В. Барабанов)	630
Указатель имен	691

Розанов Василий Васильевич

Редактор
Е. В. Харитонова

Оформление художника
С. Н. Оксмана

Художественный редактор
В. В. Масленников

Технический редактор
К. И. Заботина

Сдано в набор 11.06.90. Подписано к печати 05.04.91.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.

Гарнитура «Литературная». Печать высокая.

Усл. печ. л. 37,91. Усл. кр.-отт. 37,96. Уч.-изд. л. 40,46.

Тираж 60 000 экз. Заказ № 181. Цена 2 р. 50 к.

Набрано в ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции типографии издательства
ЦК КПСС «Правда» имени В. И. Ленина. 125865 ГСП. Москва
А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии изд-ва «Уральский рабочий»,
620151, г. Свердловск, проспект Ленина, 49.

**В 1991 году
в серии
«ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ»
планируется издать
следующие тома:**

ЭРН В. Ф.

БОРЬБА ЗА ЛОГОС. ОПЫТЫ ФИЛОСОФСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРАГМАТИЗМЕ

БЕРКЛИ КАК РОДОНАЧАЛЬНИК СОВРЕМЕННОГО ИММАНЕНТИЗМА

ПРИРОДА ФИЛОСОФСКОГО СОМНЕНИЯ

**НЕЧТО О ЛОГОСЕ, РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ
И НАУЧНОСТИ**

КУЛЬТУРНОЕ НЕПОНИМАНИЕ

ИСХОДНЫЙ ПУНКТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

СОЦИАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ

ИДЕЯ КАТАСТРОФИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

ФИЛОЛОГИЗИРУЮЩИИ АСТРОНОМ

**МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
И КНИГА ГАРНАКА «СУЩНОСТЬ
ХРИСТИАНСТВА»**

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ»

РАЗГОВОР О ЛОГИКЕ С СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОМ

НА ПУТИ К ЛОГИЗМУ

ВЕРХОВНОЕ ПОСТИЖЕНИЕ ПЛАТОНА

**ГНОСЕОЛОГИЯ Вл. СОЛОВЬЕВА
СМЫСЛ ОНТОЛОГИЗМА ДЖОБЕРТИ
СПОР О ПСИХОЛОГИЗМЕ В ИТАЛЬЯНСКОЙ
ФИЛОСОФИИ
ПИСЬМА О ХРИСТИАНСКОМ РИМЕ**

ЛОССКИЙ Н. О.

**ОБОСНОВАНИЕ ИНТУИТИВИЗМА
МИР КАК ОРГАНИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ
СВОБОДА ВОЛИ**

ШЕСТОВ Л. И.

Сочинения в 2 томах

Т. 1

**POTESTAS TCLAVIUM. ВЛАСТЬ КЛЮЧЕЙ
АФИНЫ И ИЕРУСАЛИМ**

Т. 2

НА ВЕСАХ ИОВА

БУЛГАКОВ С. Н.

Избранные сочинения в 2 томах

Т. 1

**ПРИРОДА В ФИЛОСОФИИ Вл. СОЛОВЬЕВА
ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА**

ТРАГЕДИЯ ФИЛОСОФИИ

**НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ РЕЛИГИОЗНОГО МИ-
РОВОЗЗРЕНИЯ Л. И. ШЕСТОВА**

СВЯЩЕННИК о. ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ

Т. 2

ИВАН КАРАМАЗОВ КАК ФИЛОСОФСКИЙ
ТИП

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРО-
ГРЕССА

ДУШЕВНАЯ ДРАМА ГЕРЦЕНА

ЧЕХОВ КАК МЫСЛИТЕЛЬ

РЕЛИГИЯ ЧЕЛОВЕКОБОЖИЯ У Л. ФЕЙЕР-
БАХА

ВЕНЕЦ ТЕРНОВЫЙ

КАРЛ МАРКС КАК РЕЛИГИОЗНЫЙ ТИП

ПОД ЗНАМЕНЕМ УНИВЕРСИТЕТА

ЗАГАДОЧНЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ

ГЕРОИЗМ И ПОДВИЖНИЧЕСТВО

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО И РЕЛИГИОЗНАЯ
ЛИЧНОСТЬ

АПОКАЛИПТИКА И СОЦИАЛИЗМ

ЧЕЛОВЕКОБОГ И ЧЕЛОВЕКОЗВЕРЬ

РУССКАЯ ТРАГЕДИЯ

ТРУП КРАСОТЫ. ПО ПОВОДУ КАРТИН ПИ-
КАССО

ПОБЕДИТЕЛЬ — ПОБЕЖДЕННЫЙ (СУДЬБА
К. Н. ЛЕОНТЬЕВА)

НА ПИРУ БОГОВ

ДВЕ ВСТРЕЧИ

ДОГМАТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ КУЛЬ-
ТУРЫ

НАЦИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

ВЫШЕСЛАВЦЕВ Б. П.

БОГ И ЧЕЛОВЕК

ОБРАЗ БОЖИЙ В СУЩЕСТВЕ ЧЕЛОВЕКА

ОБРАЗ БОЖИЙ В ГРЕХОПАДЕНИИ

МИФ О ГРЕХОПАДЕНИИ

ТРАГИЧЕСКАЯ ТЕОДИЦЕЯ

БОГООСТАВЛЕННОСТЬ

**ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «ОТКРОВЕН-
НЫЕ РАССКАЗЫ СТРАННИКА ОТЦУ
СВОЕМУ ДУХОВНОМУ»**

ЭТИКА ПРЕОБРАЖЕННОГО ЭРОСА

**ТРАГИЗМ ВОЗВЫШЕННОГО И СПЕКУ-
ЛЯЦИЯ НА ПОНИЖЕНИЕ**

ВНУШЕНИЕ И РЕЛИГИЯ

**КРИШНАМУРТИ (ЗАВЕРШЕНИЕ ТЕОСО-
ФИИ)**

**СЕРДЦЕ В ХРИСТИАНСКОЙ И ИНДИЙ-
СКОЙ МИСТИКЕ**

**БЕССМЕРТИЕ, ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ И
ВОСКРЕСЕНИЕ**

ДВА ПУТИ СПАСЕНИЯ

**НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МИРОСОЗЕРЦАНИИ
ЧИЧЕРИНА**

ОБОСНОВАНИЕ СОЦИАЛИЗМА У ФИХТЕ

ПАРАДОКСЫ КОММУНИЗМА

**ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ И ЕЕ РЕЛИГИОЗ-
НЫЙ СМЫСЛ**

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Г. ГУРВИЧА
«ИДЕЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРАВА»**

**МНОГООБРАЗИЕ СВОБОДЫ В ПОЭЗИИ
ПУШКИНА**

**ВОЛЬНОСТЬ ПУШКИНА (ИНДИВИДУ-
АЛЬНАЯ СВОБОДА)**

РУССКАЯ СТИХИЯ У ДОСТОЕВСКОГО

ПАСКАЛЬ

ДЕКАРТ И СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ

НОВГОРОДЦЕВ П. И.

I. ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ИДЕАЛЕ

II. ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ

Идея права в философии Вл. С. Соловьева

Демократия на распутьи

Последнее восстановление святынь

ВЕХИ ИЗ ГЛУБИНЫ

ИВАНОВ В. И.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

Из книги «По звездам»

СИМВОЛИКА ЭСТЕТИЧЕСКИХ НАЧАЛ

НОВЫЕ МАСКИ

КРИЗИС ИНДИВИДУАЛИЗМА

ИДЕЯ НЕПРИЯТИЯ МИРА

ПРЕДЧУВСТВИЯ И ПРЕДВЕСТИЯ

ДВЕ СТИХИИ В СОВРЕМЕННОМ СИМВО-
ЛИЗМЕ

Экскурс I: О Верлэне и Геисмансе

Экскурс II: Эстетика и исповедание

О РУССКОЙ ИДЕЕ

ТЫ ЕСИ

<САМОУБИЙСТВА. ОТВЕТ НА АНКЕТУ
ГАЗЕТЫ «БИРЖЕВЫЕ ВЕДОМОСТИ»>

Из книги «Борозды и межи»

I. ГЕРОИЧЕСКИЕ ТРИЗНЫ

ДОСТОЕВСКИЙ И РОМАН-ТРАГЕДИЯ

Экскурс: Основной миф в романе «Бесы»

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И КУЛЬТУРА

РЕЛИГИОЗНОЕ ДЕЛО ВЛАДИМИРА СОЛ-
ВЬЕВА

И. ИСКУССТВО И СИМВОЛИЗМ

ЗАВЕТЫ СИМВОЛИЗМА

МЫСЛИ О СИМВОЛИЗМЕ

Экскурс: О секте и догмате

МАНЕРА, ЛИЦО И СТИЛЬ

О ГРАНИЦАХ ИСКУССТВА

О НОВАЛИСЕ

«Родное и вселенское»

ВСЕЛЕНСКОЕ ДЕЛО

СЛАВЯНСКАЯ МИРОВЩИНА

РОССИЯ, АНГЛИЯ И АЗИЯ

БАЙРОНИЗМ КАК СОБЫТИЕ В ЖИЗНИ
РУССКОГО ДУХА

ЛЕГИОН И СОВОРНОСТЬ

ЖИВОЕ ПРЕДАНИЕ

ПОЛЬСКИЙ МЕССИАНИЗМ КАК ЖИВАЯ
СИЛА

ДВА ЛАДА РУССКОЙ ДУШИ

МИМО ЖИЗНИ

К ИДЕОЛОГИИ ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА

ВДОХНОВЕНИЕ УЖАСА

ШЕКСПИР И СЕРВАНТЕС

СТАРАЯ ИЛИ НОВАЯ ВЕРА?

ЛИК И ЛИЧИНЫ РОССИИ

РЕВОЛЮЦИЯ И НАРОДНОЕ САМООПРЕ-
ДЕЛЕНИЕ

СОЦИАЛ-МАКИАВЕЛЛИЗМ И КУЛЬТУР-
МАЗОХИЗМ

СКРЯБИН И ДУХ РЕВОЛЮЦИИ

ДУХОВНЫЙ ЛИК СЛАВЯНСТВА

НАШ ЯЗЫК

КРУЧИ. КРИЗИС ГУМАНИЗМА

ПЕРЕПИСКА ИЗ ДВУХ УГЛОВ

ПИСЬМО К ДЮ БОСУ

ПИСЬМО К А. ПЕЛЛЕГРИНИ

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ УСТАНОВКАХ СО-
ВРЕМЕННОГО ДУХА

ЭХО

ФОРМА ЗИЖДУЩАЯ И ФОРМА СОЗИЖ-
ДЕННАЯ

***В 1992 году
предполагаются
к изданию***

**ФЛОРЕНСКИЙ П. А.
ТРУБЕЦКОЙ Е. Н.
АКСАКОВ К. С.
ХОМЯКОВ А. С. в 2 томах
ФЛОРОВСКИЙ Г. В.
СТРУВЕ П. Б. в 2 томах
ИЛЬИН И. А. в 2 томах**